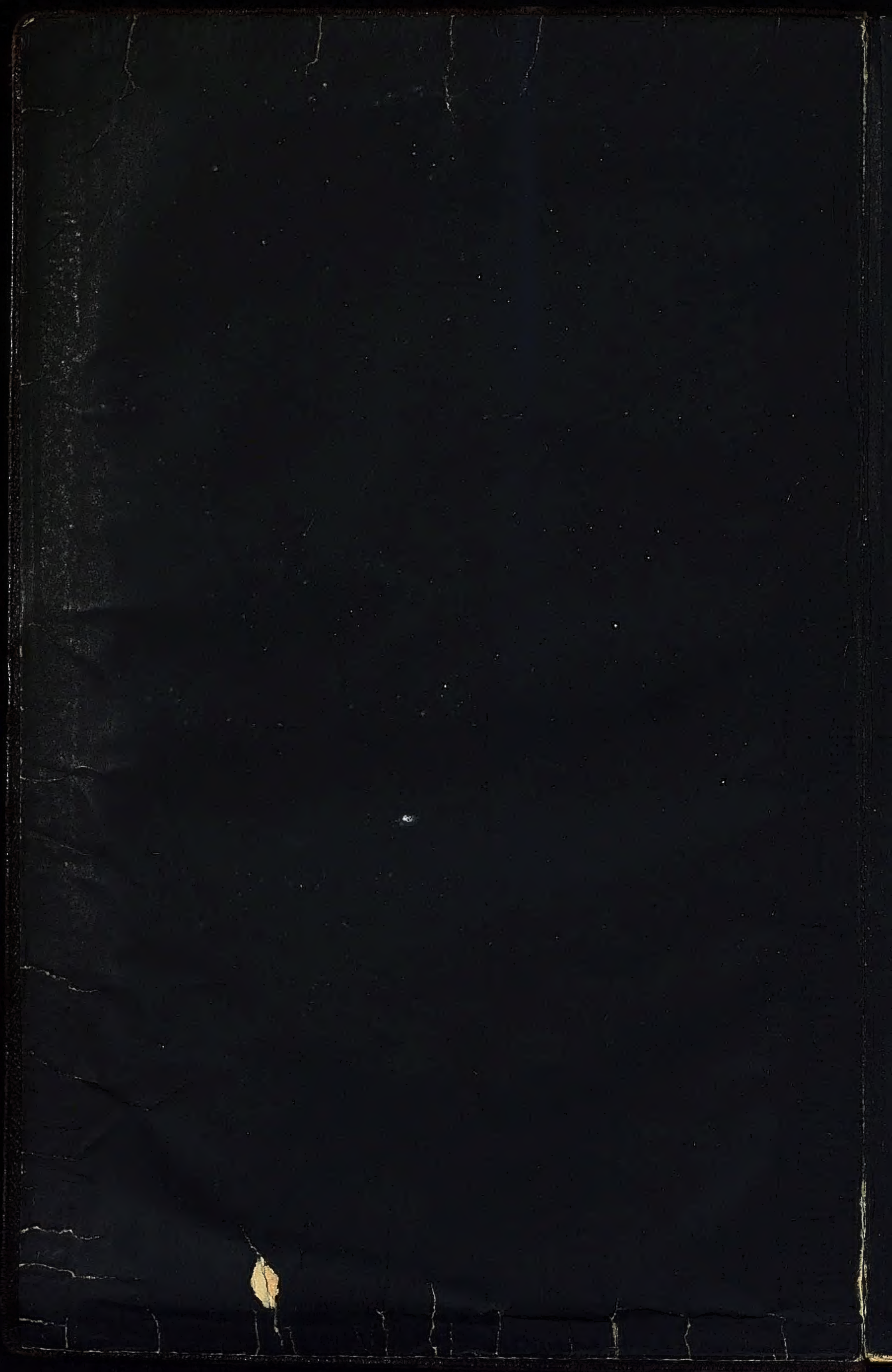
К. Арнольдъ.

Исторія Пьесоводства

Изд. А. Ф. Маркса С.П.Б.

Гарриэ-Бурдет
Роберта-Саксонии

ИСТОРІЯ
ЛѢСОВОДСТВА

въ Россіи, Франціи и Германіи.

СОСТАВИЛЪ

Ѳ. К. Арнольдъ.

Изданіе А. Ф. Маркса.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1895.

Типографія А. Ф. Маркса, Средняя Подъяческая № 1.

ИСТОРІЯ ЛѢСОВОДСТВА.

Предисловіе.

Исторія лѣсовъ и лѣсного хозяйства тѣсно связана съ исторіей всего рода человѣческаго.

Постепенное размноженіе и разселеніе людей на земномъ шарѣ, развитіе ихъ промышленности и образованности; измѣнившіяся потребности; изобрѣтенія и открытія — все это не могло оставаться безъ сильнаго вліянія на состояніе лѣсовъ и на хозяйство въ нихъ.

Стоитъ только бросить взглядъ на рядъ открытій и изобрѣтеній, совершившихся въ минувшіе вѣка, и вспомнить, что каждое усовершенствованіе въ одной отрасли промышленности, въ общемъ ихъ взаимодѣйствіи подвигало и всѣ прочія, увеличивало и разнообразило средства къ жизни человѣка, дѣлало жизнь все болѣе и болѣе удобною, но въ то же время вызывало и привычку къ роскоши и размножало потребности, полное удовлетвореніе которыхъ безъ лѣса было бы невозможнымъ, то легко поймемъ, какъ быстро усиливались притязанія людей къ лѣсамъ, сохраненіе и улучшеніе которыхъ, поэтому, съ каждымъ вѣкомъ становилось необходимѣе и дѣлалось болѣе и болѣе труднымъ,—поймемъ, что лѣсное хозяйство не могло остановиться на первыхъ его попыткахъ къ сбереженію лѣсного богатства, а вынуждено было слѣдовать—шагъ за шагомъ—за другими промыслами, должно было совершенствоваться и переходить постепенно отъ простого эмпирическаго искусства къ обоснованію своихъ добытыхъ опытомъ правилъ научными выводами.

Всякое искусство, какъ бы просто оно ни было, должно—рано или поздно—прибѣгнуть къ помощи науки, а причину такой необходимости едва-ли можно объяснить лучше, чѣмъ это сдѣлалъ Бокль, въ одномъ изъ своихъ образцовыхъ сочиненій «Вліяніе женщинъ на успѣхи знанія».

Бокль говоритъ: «непосредственная цѣль всякаго искусства — либо удовольствіе, либо польза, а непосредственная цѣль всякой науки—только истина. Такъ какъ у науки и искусства—различныя цѣли, то и свойства ихъ неодинаковы. Свойство искусства — измѣнять событія; свойство науки — предвидѣть ихъ. Искусство управляетъ явленіями, съ которыми ему приходится имѣть дѣло; наука—ихъ предсказываетъ. Чѣмъ совершеннѣе наука, тѣмъ сильнѣе ея способность предсказывать, а чѣмъ совершеннѣе искусство, тѣмъ сильнѣе ея способность управлять событіями. Такъ напр. астрономію называютъ царицей наукъ потому, что она наиболѣе подвинулась впередъ; астрономъ, отказываясь отъ всякой надежды измѣнять явленія, часто знаетъ за много лѣтъ впередъ, какія явленія дѣйствительно произойдутъ. Точно такъ, въ механикѣ-наукѣ, мы предсказываемъ, что при существованіи извѣстныхъ условій, должны послѣдовать извѣстные результаты, но на этомъ наука-механика и останавливается, а далѣе въ механикѣ начинается дѣятельность нашего искусства, и съ этого момента выступаетъ на сцену полезная цѣль и способность управлять явленіями, такъ что въ механикѣ-искусствѣ мы видоизмѣняемъ то, что предвидѣли въ механикѣ-наукѣ.

«Движущаяся впередъ цивилизація обнаруживаетъ замѣтное стремленіе дать научную опору способности управленія событіями, и чрезъ то еще болѣе возвышаетъ значеніе и самое желаніе пріобрѣсти способность предсказанія.

«Въ обществѣ, стоящемъ на низкихъ ступеняхъ развитія, бываетъ часто уже много искусства и почти вовсе нѣтъ науки. Нѣсколько позже—появляется наука, и всякій послѣдующій шагъ цивилизаціи обозначается усиленнымъ стремленіемъ подчинить искусство наукѣ». Замѣчательный тому примѣръ представляетъ собою исторія сельскаго хозяйства и лѣсоводства: онѣ въ теченіе многихъ столѣтій, тысячелѣтій, оставались простымъ искусствомъ, опиравшимся на традиціонныя правила опытности. Теперь же, особенно въ теченіе настоящаго столѣтія, химія, ботаника, минералогія, физика, механика, политическая экономія, постепенно вносили свои вклады въ научную основу сельскаго и лѣсного хозяйствъ, такъ что прежнее, эмпирическимъ путемъ сложившееся искусство выращивать нужныя намъ растенія и направлять вообще силы природы къ воспроизведенію возможно бо́льшаго количества и выгоднѣйшаго продукта, съ правильною разработкою и распредѣленіемъ его, подчиняется

нынѣ законамъ естественныхъ, математическихъ и политико-экономическихъ наукъ. Съ тѣхъ поръ, прежнее простое знаніе искусства сельскаго и лѣсного хозяйствъ все болѣе и болѣе стало развиваться на научномъ фундаментѣ,—искусство сплотилось съ наукой.

Лѣсъ—безъ сомнѣнія—есть одно изъ вещественныхъ богатствъ, необходимыхъ человѣку, а потому лѣса̀ всегда составляли, да и теперь еще составляютъ предметъ хозяйства не только каждаго частнаго собственника, но и предметъ заботливости каждаго правительства, каждаго государства. При разсмотрѣніи же народнаго хозяйства нельзя ограничиваться однимъ наблюденіемъ нынѣ существующихъ хозяйственныхъ условій, но должно изслѣдовать каждое условіе и явленіе въ постепенномъ ихъ развитіи, потому что съ перемѣною поколѣній, съ теченіемъ времени, измѣняются нужды народа и у него высказываются потребности въ новыхъ учрежденіяхъ.

Причины и побужденія къ развитію, какъ вообще народнаго хозяйства во всемъ его объемѣ, такъ и каждой отдѣльной отрасли его въ частности, слѣдовательно и лѣсного хозяйства, — до настоящаго состоянія въ извѣстный моментъ времени, — мы должны отыскивать въ исторіи, ибо существовавшія, въ отношеніи пользованія лѣсами, правила и мнѣнія, выразившіяся въ обычаяхъ и въ законодательствѣ каждаго народа, основывались всегда, съ одной стороны, на болѣе или менѣе вѣрной оцѣнкѣ промышленнаго и гражданскаго состоянія и потребностей народа, съ другой стороны, на болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣніяхъ о натурѣ лѣсовъ. Когда въ первомъ отношеніи недоставало осмотрительности и прозорливости, то обычаи упорно удерживались, а недостаточно согласованные съ ними лѣсные законы либо оставались мертвою буквою, либо нарушались со вредомъ нравственности и благосостоянія народа; если же во второмъ отношеніи недоставало опытности, то обычаи и лѣсныя узаконенія вели къ разоренію лѣсовъ.

Поэтому полагаю, что изученіе историческаго хода развитія лѣсохозяйственной практики и теоріи составляетъ предметъ не только любопытный, но и полезный для всякаго интеллигентнаго человѣка вообще, а тѣмъ болѣе для занимающагося спеціально лѣснымъ дѣломъ.

Введеніе.

Съ появленіемъ перваго человѣка на землѣ, въ немъ явились и потребности: ему нужно было утолить голодъ и жажду, прикрыть свою наготу, укрыться отъ непогоды. На удовлетвореніе всего этого щедрая природа разсыпала предъ человѣкомъ свои богатые дары; они были подъ рукою, ихъ стоило только собрать, а земной рай изобиловалъ всякими произведеніями.

Отъ Адама и Евы исходило одно поколѣніе за другимъ. Людей стало болѣе, — имъ сдѣлалось тѣсно на первомъ мѣстѣ, гдѣ они народились. Понятно, что на клочкѣ земли, гдѣ продовольствія было въ изобиліи для одного, для десяти, быть-можетъ и для тысячи человѣкъ, не могло быть такое же изобиліе для еще бо̀льшаго числа людей. Необходимость заставила часть людей удалиться отъ перваго ихъ жилья, передвинуться съ мѣста на мѣсто, пока и на новомъ кочевьѣ сдѣлалось тѣсно.

Гдѣ природою припасено было бо̀льшее обиліе даровъ и гдѣ представлялось бо̀льше благопріятныхъ для жизни человѣка условій, туда, по всей вѣроятности, люди прежде всего забирались и тамъ могли тѣснѣе располагаться. Но и изъ этихъ мѣстъ часть народонаселенія, вслѣдствіе его размноженія, вынуждена была выходить все дальше и дальше, пока разбрелась группами во всѣ стороны и засѣла, гдѣ излюбовала себѣ мѣсто. Суровость климата, повидимому, не устрашала переселенцевъ.

Когда это совершалось и въ какое именно время появлялись отдѣльныя племена народовъ въ разныхъ частяхъ земли и усаживались тамъ, — мы не знаемъ; достовѣрно только то, что еще въ глубокой древности даже Сѣверъ Европы былъ заселенъ.

Во всякомъ случаѣ, народъ, въ первобытномъ своемъ состояніи, получая все свое довольствіе отъ земли, привыкаетъ смотрѣть на нее, если и не какъ на единственный предметъ обладанія, то, по крайней мѣрѣ, какъ на предметъ, достойный быть во владѣніи каждаго лица: земля необходима и земледѣльцу, и пастуху, и звѣролову. Поэтому человѣкъ издавна стремился пріобрѣсти себѣ какъ можно болѣе земли, чтобы ею обезпечить свое состояніе. Сдѣлать

же это, при первоначальной обширности никѣмъ еще не занятыхъ земель, было очень легко: мирнымъ путемъ захватъ и водвореніе были достаточны для усвоенія лицомъ правъ на землю. Конечно, что съ увеличеніемъ народонаселенія страны и съ умноженіемъ потребностей ея жителей, пріобрѣтеніе земли становилось все труднѣе и труднѣе, земель незанятыхъ оставалось меньше—и тѣ худшаго качества, либо по плодородію, либо по положенію, въ сравненіи съ ранѣе занятыми. Весьма вѣроятно, что даже въ одноплеменномъ союзѣ людей, на первыхъ порахъ, приходилось силою отстаивать другъ передъ другомъ свои права на земли, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока еще не сложилось обычное право на владѣніе, соблюдаемое впослѣдствіи свято всѣми единоплеменными союзниками, а позже съ упроченіемъ въ народахъ государственнаго строя, обычное право выразилось въ законодательныхъ постановленіяхъ верховной власти. Кромѣ мирнаго захвата разноплеменные народы пріобрѣтали землю завоеваніемъ и дѣлили ее между побѣдителями.

Безъ сомнѣнія, что лѣса, находясь въ предѣлахъ завоеванной земли, входили въ составъ поземельнаго владѣнія; но когда люди водворялись въ лѣсистыхъ странахъ, то, находя тамъ древесину въ значительномъ избыткѣ, имъ не было и повода заботиться о сбереженіи древеснаго матеріала и запрещать рубку его постороннимъ, не причастнымъ къ владѣнію лицамъ; напротивъ, часто присутствіе на землѣ деревъ составляло помѣху къ расширенію хлѣбопашества, требуя усилій на расчистку, такъ что нерѣдко собственникъ земли, для привлеченія въ свои владѣнія рабочихъ рукъ, поощрялъ разными льготами расчистку лѣсовъ всякому пожелавшему поселиться на новомъ мѣстѣ. При такихъ обстоятельствахъ весьма долгое время землевладѣльцы не препятствовали въ своихъ лѣсахъ вырубку деревъ каждому, кто въ нихъ нуждался,—рубка лѣса производилась свободно.

Такое явленіе повторялось въ исторіи всѣхъ народовъ: вездѣ только съ истощеніемъ лѣсовъ, съ ощущеніемъ недостатка въ древесинѣ, владѣльцы лѣсовъ начинали въ нихъ запрещать свободную рубку и только съ наступленіемъ этого момента выступаетъ законодательная власть на защиту правъ собственниковъ лѣса, въ отношеніи рубки его; ранѣе не было и надобности защищать права, которыми никто не пользовался.

Во времена сѣдой старины, имѣли въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ

гораздо болѣе важное, чѣмъ древесина, значеніе—охота, бортничество, пастьба скота и другія побочныя пользованія.

Для новыхъ поселенцевъ въ лѣсахъ охота была необходимостью для защиты отъ дикихъ звѣрей и для дневного пропитанія; самое занятіе охотою представляло такъ много увлекательныхъ сторонъ, что обращалось въ страсть, а смѣлые, ловкіе охотники издавна пользовались великимъ почетомъ. Самыя древнія преданія подтверждаютъ это.

Добыча дикихъ животныхъ требовала нѣкотораго труда и искусства со стороны человѣка, точно такъ и занятіе по добыванію меда и воска, — въ которыхъ также весьма рано стали ощущать необходимость,—требовали заботъ и ухода отъ людей,—поэтому на защиту правъ охотника и пчеловода выступила законодательная власть гораздо ранѣе, чѣмъ на защиту древесины, выраставшей безъ всякаго труда людей.

Въ разныхъ странахъ, вслѣдствіе несходныхъ мѣстныхъ условій, какъ самое образованіе землевладѣнія, такъ и прекращеніе въ лѣсахъ свободной для всѣхъ рубки, и дальнѣйшее направленіе лѣсного хозяйства, представляютъ нѣкоторыя особенности, вызвавшія законодательныя мѣры въ разное время и въ различномъ видѣ.

Въ западно-европейскихъ государствахъ гораздо ранѣе, чѣмъ у насъ въ Россіи, наступила необходимость бережливаго пользованія лѣсами, а потому тамъ и гораздо ранѣе замѣтны слѣды заботливости людей о сохраненіи лѣсовъ и о хозяйственномъ уходѣ за ними. Когда въ Россіи стали оскудѣвать лѣса, то на западѣ Европы уже были готовые для лѣсной части образцы, которые намъ оставалось только приладить къ своимъ народнымъ обычаямъ и потребностямъ.

Мы представимъ исторію постепеннаго развитія лѣсного хозяйства и лѣсной науки отдѣльно въ Германіи, Франціи и Россіи. Начнемъ мы разсмотрѣніе съ Германіи, какъ той страны, гдѣ и искусство, и наука лѣсоводства получили свое начало, и тамъ войдемъ въ бо̀льшія подробности, чѣмъ относительно Франціи, полагая тутъ достаточнымъ ограничиться общимъ очеркомъ важнѣйшихъ событій. Развитіе же лѣсоводства въ нашемъ отечествѣ, конечно, разсмотримъ возможно подробнѣе, чтобы передать достаточно полную картину общаго хода развитія у насъ этой отрасли хозяйства.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Германія.

Глава I.

Лѣса и лѣсное хозяйство въ Германіи до XIV столѣтія.

Извѣстно, что въ Германіи и Галліи засѣли различные народы, и, быть можетъ, что вначалѣ они никому не принадлежавшія земли заняли мирнымъ путемъ, такъ что единокровныя племена водворялись на излюбленныхъ ими участкахъ. Но впослѣдствіи эти племена стали дѣлать набѣги въ сосѣднія страны. Такъ въ исторіи упоминается, что за 115 лѣтъ до Рождества Христова полчища Цимбровъ и Тевтоновъ вторглись въ Римскія границы и навели страхъ на Римъ, а нѣсколько позже, именно 58 лѣтъ до Р. Хр., римскія войска, высланныя для покоренія Галловъ, встрѣтились тамъ съ нѣмецкимъ племенемъ Франковъ, дѣлавшимъ набѣги на Галлію.

Въ то время Римлянамъ извѣстно было, что нынѣшнюю Германію населяютъ различные народы, и что тамъ племена, близкія по крови, образуютъ особые союзы, изъ которыхъ каждый имѣетъ своихъ предводителей, герцоговъ или королей. Такіе отдѣльные союзы образовали: *Алеманы*, засѣвшіе между рѣками Майномъ и Неккеромъ и захватившіе земли на югъ до Дуная, а къ сѣверо-западу до рѣки Ланы, и совершавшіе частые набѣги въ Галлію. Союзъ *Франковъ* обиталъ на сѣверо-западѣ Германіи, начиная отъ р. Ланы до устьевъ Рейна, а съ 287 года послѣ Р. Хр. они завладѣли и лѣвымъ берегомъ Рейна и положили основаніе государству

Франковъ, въ составъ котораго впослѣдствіи вошла вся Германія. Франки, оставшіеся на правомъ берегу Рейна—позже назывались Рипуарцами. Союзъ *Саксонцевъ* жилъ на востокъ отъ Франковъ, въ среднихъ частяхъ Германіи, а поселенцы разноплеменные на востокъ отъ рѣки Эльбы имѣли общее названіе Готовъ, и только позже, съ IV столѣтія, начали различать Вестготовъ отъ Остготовъ.

Со вторженіемъ Гунновъ въ Европу, въ 375 г. послѣ Р. Хр., началось переселеніе народовъ; по крайней мѣрѣ значительная часть коренныхъ жителей Германіи была или вытѣснена, или сдвинута изъ прежней осѣдлости, а когда, послѣ послѣдовавшей смерти Атиллы (453 по Р. Хр.), Гунны исчезли изъ Германіи, то тамъ выступили многіе новые народы: Остготы заняли пространство между Тейсомъ и Дунаемъ; рядомъ съ ними Геноды отъ Карпатскихъ горъ до Дуная. Саксонцы подвинулись нѣсколько сѣвернѣе и захватили земли до Балтійскаго моря; отъ нихъ южнѣе и западнѣе засѣли Баварцы и Тюрингенцы. Въ промежуткѣ, между Баварцами и Генодами явились Лонгобарды. За Франками остались прежнія ихъ земли и прибавились захваты въ Галліи, гдѣ ихъ вассаломъ сдѣлалась даже Бургундія. Вдоль берега Сѣвернаго моря засѣли Фризы. На прежнихъ мѣстахъ остались Алеманы. Лонгобарды вскорѣ перекочевали въ Сѣверную Италію и основали тамъ въ 568 году особое государство. Вестготы, въ 408—409 гг. по Р. Хр., вторглись сперва въ Италію, а послѣ смерти ихъ предводителя Алариха, наслѣдникъ его Атаульфъ повелъ свои полчища въ южную Галлію, гдѣ и основалъ Вестготское государство, захватившее и значительную часть Испаніи. Не ранѣе какъ со средины VI столѣтія заселенныя народами пространства стали болѣе постоянною ихъ осѣдлостью. Но властолюбіе предводителей не прекратилось. Они мечемъ, огнемъ и хитростью старались пріобрѣсти главенство одинъ надъ другимъ. Наконецъ королю Франковъ Хлодвигу, захватившему подъ свою власть значительную часть Галліи, удалось привести въ вассальное къ себѣ положеніе Алемановъ, Баварцевъ, Тюрингенцевъ и даже Саксонцевъ. Послѣ же смерти Хлодвига, какъ извѣстно, имперія его раздѣлилась между его четырьмя сыновьями, позже опять соединилась въ однѣхъ рукахъ Карла Великаго, а уже позднѣе, послѣ длиннаго ряда междоусобныхъ войнъ, съ возведеніемъ въ 987 году на французскій королевскій тронъ Гуго Капета, окончательно отдѣлилась Франція отъ Германіи.

Но и послѣ признанія королемъ Гуго Капета, сильные вассалы, непризнававшіе надъ собою королевскую власть и стремившіеся захватить въ свои руки французскую корону, продолжали междоусобную войну, такъ что прошли еще сотни лѣтъ, пока съ восшествіемъ на престолъ въ 1108 году Людовика VI власть французскаго короля окрѣпла.

Понятно, что во время постоянныхъ битвъ народовъ, завоеванныя страны переходили изъ однѣхъ рукъ въ другія, каждый участ-

никъ долженъ былъ получать свою долю добычи; глава государства долженъ былъ раздавать своимъ вассаламъ земли, а со времени Хлодвига, принявшаго христіанство, надо было, раздачею земель монастырямъ и церквамъ, расположить къ себѣ еще и римско-католическое духовенство, имѣвшее въ то время огромное вліяніе на народъ. Такимъ образомъ, при сильно развитомъ въ Германіи и Франціи ленномъ началѣ, образовались поземельныя владѣнія чрезъ пожалованіе ихъ герцогамъ и другимъ знатнымъ людямъ и монастырямъ. Въ предѣлы такихъ пожалованныхъ владѣній входили часто и многія селенія, которыя въ свою очередь становились въ вассальное отношеніе къ землевладѣльцу. Но, независимо отъ такихъ владѣній, оставались еще и такіе земельные участки, которые находились въ пользованіи коренныхъ жителей отдѣльныхъ селеній или группъ деревень, на правѣ общинномъ. Такихъ общинъ было не мало; ихъ въ Германіи называли марками, но и онѣ состояли въ вассальныхъ отношеніяхъ къ тѣмъ сюверенньмъ государямъ, въ предѣлахъ владѣній которыхъ находились, хотя ближайшее управленіе въ тѣхъ маркахъ предоставлялось выборнымъ людямъ отъ общинъ. Отъ первыхъ же пріобрѣтателей земли переходили къ другимъ либо по наслѣдству, либо продажею и куплею, при чемъ дробились на части. Остававшіяся же земли, никому не отданныя, составляли принадлежность сюверенняго государя.

При такихъ условіяхъ образовалась въ Германіи и Франціи поземельная собственность общинъ, монастырей, графовъ, герцоговъ, королей, императоровъ и разныхъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Гораздо позже пріобрѣтались, покупкою или же разными услугами, земли городами.

Въ границахъ земельнаго владѣнія находились, конечно, и лѣса, но въ нихъ рубку могъ производить свободно всякій, гдѣ угодно и сколько угодно. Это свидѣтельствуютъ намъ, напримѣръ, законы Рипуарцевъ (511—534 г.), гдѣ только за похищеніе срубленнаго другимъ лѣса полагалось наказаніе, а ничего не упоминается о наказаніяхъ за вырубку лѣса безъ дозволенія на чужой землѣ, тогда какъ за нарушеніе другихъ правъ собственности перечислены наказанія весьма обстоятельно. Доказательствомъ служитъ также одно повелѣніе Людовика Кроткаго, по слѣдующему поводу: многіе владѣльцы, въ видахъ интересовъ охоты, пытались собственною властью удерживать постороннихъ лицъ отъ производства охоты, а чтобы не пугать звѣря, запрещали даже рубить тамъ лѣсъ. Должно быть такихъ запрещеній было много, потому что въ 819 г. по Р. Хр. Людовикъ Кроткій, желая, какъ сказано въ повелѣніи, положить конецъ подобному стѣсненію жителей, приказалъ, чтобы лица, не допускающія въ своихъ лѣсахъ рубку, отмѣнили такое распоряженіе, если не могутъ доказать, что запретъ послѣдовалъ съ соизволенія его, Людовика, или отца его, Карла Великаго.

Да и понятно, что въ то время, когда лѣсовъ было въ чрезвы-

чайномъ обиліи, когда древесина не имѣла мѣновой цѣнности, а мѣстная на нее потребность была мала,—всякое запрещеніе рубки лѣса должно было казаться напраснымъ притѣсненіемъ; самое понятіе объ исключительномъ правѣ землевладѣльца на рубку деревъ не могло укладываться въ умѣ людей тогдашняго времени,—право рубки лѣса должно было представляться настолько же правомъ общаго свободнаго для всѣхъ пользованія, какъ право пользованія для всякаго водою изъ рѣки, протекающей по землевладѣнію собственника. Интересы землевладѣльца не страдали отъ вырубки сравнительно ничтожнаго количества лѣса, который и выросталъ безъ затраты на то трудовъ со стороны собственника.

Всякое же другое, кромѣ древесины, пользованіе изъ лѣсовъ, затрогивающее признаваемые въ то время интересы собственника, считалось запрещеннымъ и на защиту ихъ выступало законодательство.

Въ числѣ такихъ побочныхъ пользованій изъ лѣсовъ, выдвигалась на первый планъ охота на дикаго звѣря. Въ Западной Европѣ очень древне дѣленіе на высокую и низкую охоту, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на высокую, среднюю и низкую охоту.

Въ законахъ Баварскихъ уже въ VI столѣтіи—медвѣдь и зубръ причислены къ высокой и черной дичи. Въ законахъ Алемановъ въ VII столѣтіи сдѣлано раздѣленіе на красную и черную дичь. Въ другихъ законахъ германскихъ народовъ находимъ, что къ высокой охотѣ относены, кромѣ медвѣдя и зубра, также красный олень, кабанъ и глухарь.

Въ Бургундскомъ законѣ требовалось уже, чтобы тотъ, кто положитъ самострѣлы или устроитъ волчьи ямы, объявлялъ о томъ сосѣдямъ, чтобы не было вреда людямъ и домашнему скоту.

Такое же постановленіе находимъ въ законахъ Саксонцевъ, Готовъ и другихъ.

Собаки были въ большомъ почетѣ, за покражу и убіеніе ихъ назначалось сильное наказаніе; собака вообще оцѣнивалась выше быка, а гончая собака—и выше лошади.

Охотились также соколами и обученными оленями. За ихъ покражу и убіеніе находимъ въ законахъ также сильныя наказанія, а за рубку лѣса безъ разрѣшенія нигдѣ штрафовъ нѣтъ.

Охотѣ предавались всѣ высшія сословія людей до того страстно, что ради нея исполняли небрежно свои служебныя обязанности, и Карлъ Великій въ 789 году былъ вынужденъ повелѣть, чтобы графы отнюдь не смѣли ходить на охоту въ тѣ дни, когда собирался судъ. Духовенству, по той же причинѣ, Карлъ Великій сперва вовсе запретилъ охотиться, но позже, въ 774 и 789 годахъ, опять разрѣшилъ охоту на оленей и дикихъ козъ, потому, какъ сказано, что шкуры тѣхъ звѣрей нужны для переплета священныхъ книгъ, а мясо—для подкрѣпленія больной братіи.

Заповѣдныхъ или заказныхъ рощъ, въ которыхъ запрещалась

охота, въ видахъ сбереженія дичи на потѣху государей, было уже до Карла Великаго много.

Частныя лица, въ своихъ владѣніяхъ, также пытались удерживать постороннихъ лицъ отъ охоты, но какъ это имъ не удавалось достигнуть своею личною властью, то многія знатныя лица испрашивали себѣ на это повелѣнія отъ сюверенов. Напримѣръ, въ 943 году императоръ Оттонъ I заказалъ въ пользу утрехтскаго бишова Бальдриха принадлежащіе послѣднему лѣса. Въ 944 году пожаловано бишову гальберштадтскому право охоты въ 6 лѣсахъ, для сей цѣли заповѣданныхъ. Гейнрихъ III, въ 1048 году, пожаловалъ такое же право графу Зальцбургскому. Въ 1275 г. предоставлено въ одномъ лѣсу исключительное право охоты графу фонъ-Бейхлингену Фридриху младшему, и подобныхъ примѣровъ очень много.

Пчеловодство столь же давно, какъ и охота, обратило на себя вниманіе законодательной власти.

Гораздо ранѣе Карла Великаго извѣстны уже были два вида пчеловодства: бортное и пасѣчное.

Бортныя деревья обозначались мѣтками, особо каждымъ пчеловодомъ. Изъ мѣченной борти чужой не смѣлъ брать ни роя, ни меда. По закону короля Ротариса (среди VII вѣка) тотъ, кто изъ мѣченной борти унесетъ рой пчелъ, платитъ штрафу 6 шиллинговъ.

Во многихъ мѣстахъ дѣлили для пчеловодовъ лѣса на участки, на бортныя ухожья. Владѣлецъ одного ухода не смѣлъ себѣ присваивать борти въ другомъ уходѣ.

Если гдѣ-либо, внѣ предѣловъ разверстанныхъ бортныхъ уходій, отыскивался рой пчелъ, то для присвоенія тамъ борти въ собственность, должно было, по закону Вестготовъ, сдѣлать на деревѣ три мѣтки. Кто уничтожитъ мѣтку другого и отъ того послѣдуетъ владѣльцу убытокъ, долженъ возвратить его вдвойнѣ, а кромѣ того подвергается 20 ударамъ.

Саксонское право назначало смертную казнь за похищеніе улья, поставленнаго въ огороженномъ мѣстѣ.

Медомъ и воскомъ давно собирали подати.

Важное значеніе для землевладѣльца имѣть въ лѣсахъ выгоны для домашней скотины и откармливанія ея тамъ травою и плодами деревъ, также давно было признано, а потому, безъ разрѣшенія собственника земли, никто не имѣлъ права гнать свой скотъ въ чужія владѣнія. Не трудно было замѣтить, что на площади, гдѣ имѣется вдоволь корму для сотни скотины, тамъ для двойного количества такихъ же животныхъ можетъ недоставать корма, и скотина тогда пасется впроголодь. Поэтому уже очень давно установился обычай загонять въ лѣса скотину только въ опредѣленномъ числѣ головъ и если, сверхъ достаточнаго пропитанія собственнаго скота землевладѣльца, представлялась возможность впускать въ лѣсъ еще и скотъ сосѣдей, то за разрѣшеніе такого выгона стали взимать нѣкоторую незначительную плату.

Такимъ образомъ, если и не представлялось надобности охранять древесину отъ вырубокъ, то все-таки оказывалось нужнымъ приставить къ лѣсамъ особыхъ людей, которые бы присмотрѣли, чтобы скотина не загонялась въ лѣса въ чрезмѣрномъ количествѣ, чтобы пастьба скота, принадлежащаго постороннимъ лицамъ, оплачивалась, чтобы и сѣнокошеніе не производилось чужими людьми, чтобы соблюдались правила бортничества, и чтобы не нарушались права охоты, а кромѣ того и для лучшаго устройства охотъ, — въ то время чрезвычайно пышно обставляемыхъ,—нужны были служилые люди.

И точно, уже въ Capitularia de villis Карла Великаго, мы находимъ, что въ императорскихъ его лѣсахъ были лѣсники (forestarii) и лѣсные стражники (custodes nemoris). Этихъ служащихъ нельзя, конечно, сравнивать съ лѣсничими по нынѣшнимъ понятіямъ, они были простыми лѣсными сторожами, потому что опредѣлялись не только изъ людей свободнаго состоянія, но и изъ людей несвободнаго состоянія, изъ чернорабочихъ, и подчинялись управляющимъ отдѣльныхъ хуторовъ и исправникамъ или амтманамъ, Vicarius, завѣдывавшимъ болѣе обширными имѣніями. Устройство охотъ не относилось къ обязанностямъ этихъ нижнихъ лѣсныхъ чиновъ; охотою вѣдали особые чины (venatores), которые не принадлежали къ числу служащихъ при управленіи имѣніями, а принадлежали къ придворному штату, въ которомъ названы егермейстера и сокольничьи. Высшихъ же лѣсныхъ чиновъ не было въ числѣ сановниковъ императора.

Точно такъ и въ нѣкоторыхъ, дошедшихъ до настоящаго времени, актахъ упоминается о ферстерахъ, состоящихъ при лѣсахъ. Напримѣръ, въ 1026 году, императоръ Конрадъ I утверждаетъ за монастыремъ Вормсъ пожалованный ему Гейнрихомъ II лѣсъ Форегаги, вмѣстѣ съ ферстерами и съ правомъ заказа.

Мы выше уже упомянули о такъ называемыхъ маркахъ, т. е. о такихъ сельскихъ обществахъ, которыя владѣли землею на правѣ общинномъ. Въ этихъ общинахъ также уже давно состояли при лѣсахъ нижніе лѣсные чины, подъ именованіями чрезвычайно различными: ихъ иногда называли ферстерами—Förster, иногда Wildbote, Wildhübner, Holzmeister, Holzwarte, Holzwärter или Mahlleute. Чины эти назначались на должности по выбору изъ среды общества.

Позже извѣстно, что въ имперскихъ заказныхъ рощахъ и также въ большихъ лѣсахъ марокъ, когда общники уже были стѣснены въ нѣкоторыхъ своихъ правахъ совершенно свободнаго распоряженія въ принадлежащихъ имъ владѣніяхъ,—находились намѣстники императоровъ, оберъ-форстмейстера, которые имѣли помощниковъ: форстмейстеровъ и ферстеровъ. Многіе знатные дворянскіе роды въ Германіи происходили отъ древнихъ оберъ-форстмейстеровъ—большая часть всѣхъ вильдъ-графовъ, рейнграфовъ, рауграфовъ и т. п.

Сильно развитая въ высшемъ обществѣ страсть къ охотѣ, вслѣд-

ствіе которой знать, съ соизволенія императоровъ, заповѣдывала свои лѣса и пріобрѣтала въ нихъ исключительное право на высшую охоту, послужила и первымъ поводомъ добиваться запрещенія свободной рубки деревъ, чтобы звѣрь не запугивался и не разбѣгался. Но независимо отъ того, постепенно выступали и болѣе уважительныя обстоятельства къ тому, чтобы прекратить свободную для всѣхъ рубку и водворить въ лѣсахъ полное право собственности.

Съ увеличивавшимся народонаселеніемъ огромныя площади лѣсовъ расчищались подъ поля и покосы. Знатныя лица и духовенство, получившіе въ собственность обширныя незаселенныя или малонаселенныя земли, сперва начали обработывать свои владѣнія съ помощью рабовъ, но личный интересъ побуждалъ собственниковъ привлечь въ свои владѣнія возможно болѣе людей, предоставивъ новымъ переселенцамъ различныя льготы и освобождая на нѣсколько лѣтъ отъ части податей. Водвореніе такихъ переселенцевъ оказывалось чрезвычайно выгоднымъ. Такъ, напримѣръ, сохранилось извѣстіе, что въ 1121 году, эрцъ-бишовъ Адельбертъ въ Майнцѣ дозволилъ, въ принадлежащемъ ему лѣсу, расчистить такое огромное пространство, съ уплатою ему изъ урожаевъ десятаго зерна, что на вырученныя деньги построилъ три церкви.

Во всей Германіи и Франціи занялись дѣятельно расчисткою лѣсовъ, и стали поощрять водвореніе желающихъ на новыя мѣста. Такъ, напримѣръ, дѣло это началось въ Падерсборнѣ и Вюрцбургѣ съ 1017 года, въ Рюдесгеймѣ и Эльбингенѣ съ 1074 года, въ Гохштаденѣ, въ Эрцштифтѣ Кельнѣ съ 1275 года. Впослѣдствіи же, когда оголеніе земли отъ лѣсовъ достигло громадныхъ размѣровъ, начали уже не поощрять, а запрещать расчистку лѣсовъ, въ однихъ мѣстахъ ранѣе, въ другихъ позднѣе. Такъ, напримѣръ, Рудольфъ Габсбургскій повелѣлъ уже въ 1291 году, чтобы въ Мерлеръ-маркѣ лѣсъ не былъ расчищаемъ; въ другихъ подобныя же запрещенія появились гораздо позже,—въ Геннебергѣ въ 1350 году, въ Брауншвейгъ-Люнебургѣ не ранѣе 1543 года. Кромѣ того, съ возрастающимъ народонаселеніемъ, лѣса стали значительно рѣдѣть отъ свободно производимой рубки и усиленной пастьбы скота, такъ что во многихъ мѣстностяхъ Германіи сдѣлался ощутительнымъ недостатокъ въ лѣсномъ матеріалѣ, особенно въ крупныхъ сортахъ его. Въ то же время, кромѣ уменьшенія древесныхъ запасовъ, требованія на древесину значительно усилились, вслѣдствіе подъема промышленной дѣятельности и торговыхъ центровъ въ городахъ. Все это наталкивало на сознаніе необходимости прекратить свободную для всѣхъ вырубку лѣсовъ и къ водворенію въ нихъ правъ полной собственности, поставивъ лѣсъ въ одинаковое положеніе со всякимъ другимъ поземельнымъ владѣніемъ.

Въ горнозаводскихъ округахъ прежде всего возникло опасеніе за возможность недостатка въ топливѣ и строевомъ матеріалѣ, когда свободная рубка лѣса, всякимъ постороннимъ лицомъ, будетъ про-

должаться. Поэтому на Гарцѣ, близъ Гослара, было уже въ 968 г. объявлено, что право рубки лѣса тамъ предоставляется исключительно только горнымъ заводамъ. Но, вѣроятно, что въ то время еще было лѣсу въ тѣхъ мѣстахъ много, а на частныя надобности довольно рѣдкаго населенія употреблялось лѣсного матеріала мало, почему и ограничились однимъ только объявленіемъ запрещенія, не принявъ никакихъ мѣръ къ преслѣдованію самовольныхъ порубщиковъ, ибо гораздо позже, только лишь въ 1274 году, Альбрехтъ Велекій издалъ для Гарца горный уставъ, въ которомъ установилъ порядокъ преслѣдованія самовольныхъ рубщиковъ и учредилъ надъ ними лѣсной судъ. Точно такъ и во владѣніяхъ Зальцбургскихъ, гдѣ издавна устроены были солеварни и горные заводы, уже въ 1237 году явилось запрещеніе пасти скотину на площадяхъ срубленнаго лѣса, при чемъ въ самомъ актѣ пояснено, «дабы на мѣстахъ порубокъ могъ вновь вырасти лѣсъ».

Впрочемъ, вредъ лѣсу отъ потравы скотомъ былъ давно замѣченъ, такъ что уже въ 1158 году императоръ Фридрихъ совершенно запретилъ впускъ овецъ въ лѣса, а относительно пастьбы, вообще, всякаго рода скота, въ XII столѣтіи въ весьма многихъ мѣстахъ Германіи запрещалось гнать скотину въ молодняки лѣса.

Въ дошедшихъ до нашего времени офиціальныхъ документахъ, относящихся къ 1258 году, упоминается объ учрежденіи въ Германіи лѣсныхъ заставъ. Это наводитъ на мысль, что въ то уже время, должно быть, во многихъ мѣстностяхъ Германіи существовало запрещеніе на вырубку лѣса, безъ разрѣшенія владѣльцевъ, потому что если бы не было подобнаго запрещенія, то не къ чему было бы и учреждать заставъ для провѣрки того, не вырубленъ-ли самовольно провозимый лѣсъ. Несомнѣнно, что въ Германіи воспрещеніе свободной рубки въ лѣсахъ всякимъ постороннимъ лицамъ, безъ предварительнаго разрѣшенія землевладѣльца, послѣдовало въ разныхъ мѣстностяхъ разновременно, начиная съ XIII вѣка, но къ концу XIV, а во многихъ мѣстахъ до половины XV столѣтія уже повсемѣстно во всей Германіи никто не имѣлъ права производить въ чужомъ лѣсу вырубку безъ предварительнаго согласія землевладѣльца.

Въ продолженіе того еще времени, когда свободная въ лѣсахъ Германіи рубка не была повсемѣстно отмѣнена, выработались уже тамъ нѣкоторыя правила для пользованія лѣсами,—правила, имѣвшія вначалѣ лишь силу обычая въ извѣстныхъ только мѣстностяхъ, а позже утвержденныя законодательною властію. Раньше всего подобныя правила сложились на общинныхъ земляхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ марокъ. На порядкахъ управленія ими отражался патріархальный типъ: обычай руководилъ тамъ всѣми дѣйствіями; обычай жилъ и переходилъ неписанный отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Само общество выбирало изъ своей среды старшинъ, судей и прочихъ общественныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ лѣсныхъ сторожей,

которые всѣ за свой трудъ получали или бо́льшую долю въ пользованіи землями, или имѣли нѣкоторыя привилегіи, или же въ пользу ихъ установлены были извѣстные сборы. Впослѣдствіи разнообразные обычаи, существовавшіе въ различныхъ сельскихъ и городскихъ обществахъ, были въ теченіе XIV и до XVI столѣтія собраны и записаны, и дошли до нашихъ временъ, подъ общимъ названіемъ «Weissthümer»,—названіе, которое взято изъ того, что въ нихъ *«указано»* мѣстными старожилами-знатоками существовавшее мѣстное обычное право, а слово «указано» по-нѣмецки «geweiset». Но Вейстумъ есть только коллективное названіе для большого ряда существовавшихъ мѣстныхъ обычаевъ, имѣвшихъ въ каждомъ обществѣ еще и свое мѣстное названіе: Hofrodel, Oefnung, Rechtung, Herrschaftsrecht, Meiergeding, Landgerichtsweisung, Märkending, Forstordnung и т. д.

Эти вейстумы — составляютъ богатый матеріалъ для исторіи лѣсоводства, хотя въ нихъ иногда и встрѣчаются чрезвычайно странныя, вовсе непонятныя постановленія; напримѣръ, въ одномъ вейстумѣ сказано: «дрова должно класть на возъ до того не плотно, чтобы между полѣньями могла пролетѣть птица». Изъ вейстюмовъ видно:

1. Во многихъ мѣстностяхъ весьма рано замѣтили быстрое исчезновеніе изъ лѣсовъ нѣкоторыхъ древесныхъ породъ, а потому и явилось отъ общества запрещеніе рубки такихъ породъ. Напримѣръ, въ Люнебургскихъ владѣніяхъ запрещено было рубить: дубъ, букъ и сосну; въ Лаузицѣ—дубъ и липу; въ Маркъ-Бранденбургѣ—ясень и вязъ.

2. Въ лѣсахъ марокъ давно уже запрещалось вгонять скотину въ молодняки.

3. Въ границахъ общественной земли марокъ дозволялось рубить лѣсъ только членамъ общества и только для собственной ихъ надобности. Порядокъ же пользованія правомъ рубки лѣса былъ въ разныхъ мѣстахъ неодинаковый. На отопленіе во многихъ маркахъ дозволялось заготовлять дрова только изъ валежника и сухоподстоя, а не изъ сырорастущаго лѣса; въ другихъ маркахъ дозволялось рубить дрова и изъ свѣжаго лѣса, иногда съ оговоркою, чтобы не рубить дубъ и букъ. Въ нѣкоторыхъ обществахъ, но не вездѣ, разрѣшалось рубить дрова только въ опредѣленные сроки года, чаще всего въ два срока: осенью заготовлять запасъ дровъ на зиму, а весною на лѣто. Приступая къ рубкѣ дровяного матеріала въ своей общественной дачѣ, въ первыя времена, большею частью, не требовалось даже и заявлять о томъ начальству марки; позже достаточно было одного заявленія, не ожидая особаго разрѣшенія. Но для вырубки строевыхъ деревъ непремѣнно требовалось, по крайней мѣрѣ, заявленія о томъ лѣсничему, который за каждое дерево получалъ небольшую попенщину; напримѣръ, одного заявленія было достаточно въ 1237 году въ Вильдмаркѣ Рейхгольцгеймъ, близъ Верт-

гейма, въ 1303 г. въ маркѣ Варденгордъ, въ Вестфаліи. Въ одномъ постановленіи 1539 г. (Weissthum von Mengerschild im Hundsrück) сказано: «если кому нужно строевое дерево, то онъ обязанъ просить о томъ начальство, которое не должно отказать въ такой просьбѣ, а тотъ, кто получаетъ строевой лѣсъ, даетъ начальнику мѣру вина, лѣсничему же — назначенную попенщину». Есть даже такого рода постановленія: «если порубщикъ не застанетъ дома лѣсничаго, то передъ вырубкою строевого дерева долженъ въ лѣсу громко звать лѣчничаго и когда тотъ не явится, то можно срубать дерево и на оставшійся пень положить 3 пфеннига, а затѣмъ свободно вывозить стволъ». Такое постановленіе существовало въ вейстумахъ Мерингеръ, Бюдингеръ, Мергеншейтеръ, Гаухенредеръ. Но въ большинствѣ сельскихъ обществъ не довольствовались однимъ только заявленіемъ о рубкѣ строевого дерева, а надо было ожидать разрѣшенія, при чемъ часто такое разрѣшеніе обусловливалось требованіемъ, чтобы сельское начальство предварительно удостовѣрилось въ дѣйствительной необходимости просимаго количества строевыхъ деревъ для починки или новаго возведенія зданія. Во многихъ маркахъ требовалось, чтобы разрѣшаемыя къ срубкѣ строевыя деревья были лѣсничимъ указаны рубщику и были заклеймены.

4. Во многихъ маркахъ былъ установленъ контроль за бережливымъ употребленіемъ строевого лѣса, и для этого, отъ времени до времени, начальство марки обязано было производить ревизію всѣхъ строеній, а тѣ, которые не будутъ содержать свои дома въ исправномъ видѣ, наказываются судомъ. Въ нѣкоторыхъ маркахъ даже требовалось, чтобы для сбереженія лѣса каждый домъ строился на каменномъ фундаментѣ или на каменныхъ столбахъ.

5. Нѣкоторые общественные лѣса были раздѣлены на посемейные участки или паи, и въ каждомъ такомъ семейномъ участкѣ имѣло право рубить только то семейство, которому пай, по разверсткѣ, достался, зато и охраненіе возлагалось на то же семейство и если обнаруживалась тамъ самовольная порубка, а домохозяинъ не могъ указать порубщика, то отвѣтствовалъ лично.

6. Расчистка лѣсовъ подъ поля и луга, вначалѣ, могла быть производима безъ спроса всякимъ членомъ общества и даже поощрялась освобожденіемъ на нѣкоторое число лѣтъ отъ платежа за новую чищобу поземельныхъ денегъ. Впослѣдствіи, какъ только замѣчали недостатокъ въ лѣсѣ, стали запрещать расчистку лѣсовъ; такъ, запретъ на расчистку послѣдовалъ въ Мерлеръ-маркѣ 1291 г., въ Геннебергѣ 1350 г., въ Брауншвейгъ-Люнебургѣ 1534 г.

7. Для разныхъ подѣлокъ изъ дерева дозволялось ремесленникамъ, изъ числа членовъ общества, брать лѣсъ, съ обязательствомъ за такое право давать лѣсничему каждый годъ извѣстное количество издѣлій; напримѣръ, точильщики деревянныхъ блюдъ и чашекъ въ Бюдингемскомъ лѣсу, гдѣ разрѣшено было 12-ти мастерамъ заниматься этимъ ремесломъ, должны были давать лѣсничему 150 блюдъ,

а въ маркѣ Тальфалгъ, каждый, кто точитъ чашки и тарелки, обязанъ былъ въ годъ давать лѣсничему по 12 штукъ своего издѣлія. Особеннымъ поощреніемъ пользовалось экипажное мастерство; на повозки можно было получать лѣсъ почти во всѣхъ маркахъ даромъ, но мастера обязаны были работать исключительно для членовъ своего общества; продажа же экипажей въ чужое общество, почти вездѣ, считалась преступленіемъ. Лѣсъ, нужный на земледѣльческія орудія, всякій могъ брать, по мѣрѣ надобности, безъ всякой платы. Жженіе угля дозволялось, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только изъ валежника и сухостоя, напримѣръ, въ вейстумѣ Оберъ-Урсель 1401 г. Въ иныхъ мѣстахъ было опредѣлено не болѣе какого числа углежоговъ можетъ работать въ лѣсу; напримѣръ, городъ Нидеке въ 1342 г. имѣлъ право въ лѣсу, близъ Ахена, держать только двухъ углежоговъ. Нерѣдко встрѣчаются постановленія о томъ, что за право жечь уголь, углежогъ обязанъ извѣстною податью; напримѣръ, въ Мёрингенскомъ лѣсу, на Эйфелѣ, каждый углежогъ долженъ былъ за право жечь уголь, въ теченіе года, дать центнеръ желѣза.

8. Нарушители постановленій, касающихся лѣсовъ, подвергались суду. Судъ составляли люди выборные отъ общества. Судили подъ открытымъ небомъ, публично, призывая къ отвѣту виновныхъ.

9. Наказанія за лѣсныя преступленія были чрезвычайно различны въ разныхъ маркахъ и за различныя дѣянія. За менѣе важныя нарушенія обычныхъ правъ, весьма обыкновеннымъ штрафомъ являлось требованіе, чтобы виновный выставилъ бочку пива, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Бюдингенскомъ лѣсу, доходило до требованія воза вина. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, напримѣръ, въ Альбергеръ-маркѣ, за маловажныя нарушенія обыкновенный штрафъ состоялъ въ обязательствѣ посадить опредѣленное число молодыхъ дубковъ. Опять въ иныхъ маркахъ, напримѣръ, въ Фальцѣ, нарушителю не важныхъ лѣсныхъ постановленій запрещалось пользоваться впредь лѣсомъ или на опредѣленный срокъ времени, или навсегда. Болѣе же важныя нарушенія лѣсныхъ постановленій подвергались наказаніямъ строгимъ и жестокимъ. Въ Редеръ-маркѣ за тайный вывозъ лѣса за предѣлы марки опредѣлено было на первый разъ тѣлесное наказаніе; за второй разъ—работа въ крѣпостяхъ, и, наконецъ, за третій разъ — вѣчное исключеніе изъ общества. За рубку лѣса въ запрещенныхъ, заказанныхъ мѣстахъ, назначалось отрубить руку, напримѣръ, въ Ротгеймеръ-маркѣ. Нерѣдко опредѣлялась за самовольную порубку смертная казнь; такъ, напримѣръ, въ Гаренбергеръ-маркѣ велѣно было отрубить голову тому, кто срубитъ на межѣ граничное дерево; въ Бебереръ-маркѣ—кто срубитъ дубъ; въ Гюммеръ-Гольцъ-маркѣ — кто отсѣчетъ вершину у дуба или другого дерева. Кто у растущаго дерева облупитъ кору, тому—въ Эйхельбергеръ-маркѣ—велѣно было выдернуть пупъ изъ живота и, пригвоздивъ его къ тому же облупленному дереву, водить вокругъ онаго виновнаго до тѣхъ поръ, пока всѣ кишки выйдутъ изъ

живота. Такое же наказаніе встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Эльберъ-маркѣ, въ Альтенъ-Гослауеръ-маркѣ, въ Оберъ-Урзеллеръ-маркѣ, во всей Саксоніи. За умышленный поджогъ лѣса опредѣлено было бросить виновнаго въ огонь, связавъ предварительно руки и ноги. Предоставлялась, впрочемъ, нѣкоторая лазейка, чтобы избавиться отъ жестокаго наказанія: отъ тѣлесныхъ наказаній и отъ смертной казни виновные могли откупаться, а судъ въ правѣ былъ помиловать. Порубка, произведенная ночью, вездѣ наказывалась строже.

10. Въ нѣкоторыхъ маркахъ дозволялось членамъ общества, за удовлетвореніемъ собственной надобности, изъ отпущеннаго имъ лѣсного матеріала избытокъ продавать за предѣлы марки. Напримѣръ, въ Баваріи, въ Яхенау, близъ Бенедиктбейернъ; тамъ каждый участникъ общества получалъ изъ лѣса пай — около 240 деревъ— и изъ этого количества могъ продавать то, что ему не нужно. Существовали еще и разные обычаи, на основаніи которыхъ, по особымъ случаямъ, давали лѣсъ съ дозволеніемъ продажи его; напримѣръ, въ вейстумѣ Бюдингера лѣса 1380 г. опредѣлено: по случаю родовъ отпускать родильницѣ опредѣленное количество дровъ, при чемъ большее количество, когда родился сынъ, а меньшее—когда родилась дочь. Тамъ пояснено: «при рожденіи дочери, давать одинъ возъ дровъ, для продажи, въ субботу, а при рожденіи сына—давать два воза для продажи, одного во вторникъ, а другого въ субботу. На вырученныя деньги отецъ долженъ купить родильницѣ, за ея страданія, вино и хорошій хлѣбъ». При свадьбахъ также давали жениху и невѣстѣ возъ дровъ для продажи.

11. Въ числѣ обычаевъ существовало также правило, чтобы, при рожденіи сына, отецъ непремѣнно посадилъ опредѣленное число деревъ. Въ нѣкоторыхъ маркахъ обязанъ былъ и женихъ до свадьбы также посадить извѣстное число деревъ.

Не буду перечислять еще и прочія, весьма многочисленныя, но мелочныя правила. Они касаются порядка употребленія срубленнаго лѣсного матеріала, вышины оставляемыхъ пней, производства рубки лѣса при извѣстныхъ фазисахъ луны и т. п. Сказаннымъ выше уже достаточно выясняется картина обычаевъ.

Обычаи, существовавшіе въ маркахъ, послужили позднѣе образцами для установленія подобныхъ же порядковъ и въ лѣсахъ, принадлежащихъ сюверенным князьямъ.

Глава II.

Лѣса и лѣсное хозяйство въ Германіи съ XIV до половины XVII столѣтія.

Съ конца XIII столѣтія, послѣ смерти императора Рудольфа Габсбургскаго, въ Германіи императорская власть стала все болѣе и болѣе слабѣть и теряла свое прежнее значеніе. Множество мелкихъ князьковъ пріобрѣли сюверенныя права. Единство интересовъ цѣлаго народа разбилось на множество территоріальныхъ интересовъ, въ которыхъ затерялась общность дѣйствій и стремленій. Ссоры владѣтелей, нападенія сосѣда на сосѣда, грабежи по дорогамъ не прекращались, пока существовало кулачное право. Не могли при такихъ условіяхъ широко развиваться торговля и промышленная дѣятельность. Въ это время и сельское хозяйство, и лѣсоводство почти что не двинулись впередъ.

Въ лѣсахъ продолжалась выборочная рубка, брали дерево, гдѣ находили пригодное для надобности, и въ количествахъ, сколько требовалось, а о томъ, не препятствуетъ-ли подобная вырубка возобновленію лѣса и не истощаетъ-ли она древеснаго запаса,—не задумывались.

Самоуправленіе въ общинныхъ лѣсахъ марокъ постепенно стѣснялось, — для завѣдыванія лѣсами и охотою въ нихъ стали назначаться отъ сюверена особые чины; пользованіе же общинниками изъ ихъ лѣсовъ древесиною, выгономъ скота, сѣнокошеніемъ и сгребаніемъ подстилки для скота не прекратилось, но оно обратилось въ сервитутное право. Точно такъ и во всѣхъ частныхъ имѣніяхъ постепенно прекращалось свободное для всѣхъ пользованіе древесиною; но рубка лѣса, безъ разрѣшенія владѣльца, воспрещалась только для лицъ, живущихъ за границами имѣнія, а селенія, водворенныя въ предѣлахъ имѣнія и составлявшія рабочую его силу, сохранили право на рубку лѣса на земляхъ владѣльца и продолжали пользоваться и побочными произведеніями лѣсовъ, какъ было прежде. Изъ такого, въ теченіе многихъ столѣтій продолжавшагося

порядка, зародились и въ частныхъ имѣніяхъ лѣсные сервитуты, столь сильно стѣснявшіе впослѣдствіи правильное веденіе лѣсного хозяйства.

О порядкахъ лѣсной администраціи, существовавшихъ въ Германіи съ XIV до средины XVII столѣтія, — намъ мало извѣстно; памятниковъ, касающихся подробностей этого дѣла, не много дошло до насъ. Извѣстно только, что въ крупныхъ имѣніяхъ частныхъ лицъ и государей, лѣсное управленіе не было отдѣлено отъ земледѣлія, и что завѣдываніе такими имѣніями въ полномъ составѣ поручалось управляющимъ, фохтамъ и амтманамъ, которымъ подчинялись и лѣса. Въ то время лѣса еще не были отграничены межевыми знаками отъ пахотныхъ и луговыхъ угодій, тѣ и другія находились въ одной общей межѣ имѣнія, а съемкою не было приведено въ извѣстность, сколько тамъ однихъ и сколько другихъ угодій.

Главное вниманіе амтмановъ и управляющихъ крупными имѣніями обращено было на полеводство и скотоводство,—этимъ лицамъ было вдоволь работъ на пашняхъ и скотныхъ дворахъ, такъ что о лѣсахъ мало и заботились, да лѣса и составляли сравнительно малодоходную статью, напримѣръ въ инвентарной книгѣ императора Карла IV (Landbuch), составленной въ XIV столѣтіи для Маркъ-Бранденбурга, показаны доходы:

Отъ	городовъ.	10,281	талеровъ.
»	внутреннихъ таможенъ . .	29,820	»
»	мельницъ и примола. . .	4,466	»
»	еврейской подати	5,145	»
»	монетной регаліи	2,058	»
»	правъ на воды.	731	»
»	лѣсовъ	134	»

Большая часть отпусковъ лѣса были безденежные,—по сервитутамъ, или служащимъ, дворцамъ и т. п. Лѣса служили только подспорьемъ для земледѣлія, изъ нихъ брали подстилку и кормъ скоту, вгоняли на подножный кормъ скотину, производили всѣ стройки, обращали изъ-подъ лѣсовъ площади подъ пашню и покосъ. Понятно, поэтому, что лѣса ввѣрялись, совмѣстно съ прочими земельными угодьями, управляющимъ имѣніями, фохтамъ и амтманамъ. Подъ ихъ начальствомъ находились, для охраненія лѣсовъ отъ вторженія въ нихъ постороннихъ лицъ,—сторожа разныхъ именованій (Forstknecht, Holzknecht, Haideknecht, Böscher и т. п.), которыхъ часто называли общею кличкою ферстерами, лѣсничими.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ, младшіе лѣсные чины хотя и подчинены были вообще управляющимъ имѣніями, но въ то же время главное наблюденіе за лѣсами нѣсколькихъ имѣній поручаемо было и особымъ форстмейстерамъ или оберъ-форстмейстерамъ; но какъ обязанности и права форстмейстеровъ и управляющихъ имѣніями не были точно опредѣлены и разграничены, то

весьма часто бывали между этими инстанціями столкновенія и препирательства. Въ западной части Германіи вездѣ были въ казенныхъ лѣсахъ лѣсничіе (ферстеры), которые подчинены были въ однихъ мѣстахъ управляющимъ имѣніями (Amtshauptleute), въ другихъ непосредственно форстмейстерамъ. Охота была совершенно отдѣлена отъ лѣсной администраціи, егеря имѣли свои самостоятельныя обязанности, и вначалѣ совсѣмъ не привлекались къ надзору за лѣсами.

Лѣсничіе до средины XVII столѣтія получали содержаніе предоставленіемъ имъ правъ на разныя акциденціи и пошлины,—за отправленіе разнаго рода обязанностей, а постояннаго денежнаго жалованья или вовсе не получали, или весьма ничтожное. Такъ, напримѣръ, въ Тюрингенѣ, въ 1507 году, лѣсные сторожа получали землю для своего хозяйства; отъ амтмановъ имъ отпускалось опредѣленное количество хлѣба; крестьяне обязаны были давать лѣснымъ чинамъ овесъ; за клейменіе назначаемыхъ къ срубкѣ деревъ пріобрѣтатели сихъ деревъ платили сторожамъ опредѣленную пошлину (Holzanweisegeld). Сторожу предоставлялось пользоваться изъ лѣса сухими сучьями, вѣтроломомъ и валежникомъ. Жалованья же деньгами сторожа въ Тюрингенѣ вовсе не получали.

Въ то время даже форстмейстеръ въ Тюрингенѣ получалъ въ годъ жалованья деньгами 21 талеръ, и натурою 12 шеффелей ржи *), 30 шеффелей овса, 20 клафтеровъ дровъ, и за каждое отпущенное строевое дерево пошлину.

Въ княжествѣ Саксонскомъ существовало чрезвычайное разнообразіе въ сборахъ, которыми пользоваться предоставлялось право лѣснымъ чинамъ, взамѣнъ жалованья. Хотя офиціальный списокъ всѣхъ подобныхъ сборовъ извѣстенъ намъ лишь позднѣйшаго времени, именно изданный въ 1733 году, но въ немъ только повторены давно существовавшіе порядки. Въ этомъ Generale des Kammercollegiums an die Oberjäger-Oberforst und Wildmeister, перечислены: право на полученіе изъ магазиновъ опредѣленнаго количества ржи и овса, право стрѣлять дичь, ловить рыбу, получать суточныя деньги при командировкахъ;—для жилья полагается домъ, для обработки отводится земля, можно въ лѣсу пасти свой скотъ, получать нужный лѣсъ на ремонтъ и отопленіе дома, получать пошлину за отводъ мѣстъ и деревъ для рубки и за записку въ книгу, выдается доля штрафныхъ денегъ и пошлина за гонку смолы и сидку дегтя.

Изъ сохранившагося описанія Тарантскаго лѣса, въ Саксоніи, видно, что въ 1557 году, изъ служившихъ тамъ 3-хъ лѣсныхъ объѣзчиковъ (Prittender Knecht), получалъ самое большое годовое содержаніе нѣкто Яковъ Фришъ, въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Деньгами 7 шоккъ (около 16 рублей).
Ржи . . . . 20 шеффелей

*) Шеффель равнялся 1/2 четверти.

Овса. . . . . 52 шеффеля.
Лѣсу. . . . . 3 шрагена
На солому 42 гроша деньгами.
Одну откормленную свинью.
На форменную одежду $6^1/_2$ локтей сукна
и $5^1/_2$ » тархейту

Одинъ возъ сѣна, съ вновь расчищенныхъ покосовъ.

Кромѣ того, за поимку самовольныхъ рубщиковъ получалъ награжденіе:

За каждую вещь, отобранную:
въ улику днемъ . . . . по 2 гроша
отобранную ночью . . . . » 5 »

Какъ уже выше упомянуто, съ прекращеніемъ свободной во всѣхъ лѣсахъ рубки, все-таки продолжалась, хотя и съ разрѣшенія землевладѣльца, но прежняя безрасчетная выборочная рубка. Въ немногихъ только мѣстностяхъ явилось опасеніе возможности недостатка лѣсовъ и тогда для предупрежденія такого бѣдствія принимались мѣры, казавшіяся наиболѣе соотвѣтственными. Такъ въ срединѣ XIV столѣтія произведено первое, сколько намъ извѣстно, старѣйшее въ Германіи дѣленіе лѣса на лѣсосѣки, именно въ Эрфуртскомъ городскомъ лѣсу. Онъ былъ раздѣленъ на 7 лѣсосѣкъ, по площади неравныхъ.

Въ 1368 году въ Нюрнбергскомъ имперскомъ лѣсу начали прогалины засѣвать древесными сѣменами. Хроника упоминаетъ, что тамъ первый занялся посѣвомъ лѣса нѣкто Петръ Стромаеръ (Peter Stromair). Полвѣка спустя, въ 1423 году, вздумали произвести посѣвъ сосны также во Франкфуртскомъ городскомъ лѣсу, но подобное предпріятіе было еще до того малоизвѣстнымъ, что пришлось изъ Нюрнберга выписывать для Франкфурта сѣмена и вызвать оттуда же сѣяльщиковъ.

Въ 1428 году послѣдовало приказаніе, чтобы въ лѣсахъ Гослара, для обезпеченія возможности появленія молодого подроста, на всякомъ мѣстѣ, гдѣ сжигался угольный курень, оставлять на корнѣ несрубленными по 10 деревъ. Тогда же опредѣлена также толщина и длина, начиная съ которой разрѣшается срубать хвойныя деревья, а возить лѣсъ приказано по существующимъ дорогамъ.

Явилось нѣсколько законодательныхъ постановленій, имѣвшихъ мѣстное значеніе. Старѣйшее изъ нихъ—это лѣсной наказъ для лѣсовъ монастыря Мауермюнстера 1144 года (Forst-Ordnung des Klosters Mauermünster). Въ Нассаускихъ уставахъ земскаго благочинія (Landesordnungen) отъ 1465 и 1472 годовъ также заключаются весьма старыя постановленія, касающіяся лѣсовъ *).

---

*) Изданы въ Дилленбургѣ въ 1796 году, подъ заглавіемъ: «Corpus constitutionum Nassov».

Въ 1483 году вышелъ наказъ, данный лѣсничимъ въ Баденскомъ лѣсу, называемомъ Гардъ (Die Ordnung für die Waldförster auf der Hardt. 1483).

Въ 1487 году—лѣсной уставъ для Рейнгауа.

Въ 1527 году—лѣсной наказъ курфюрста Іоанна Саксонскаго (Holzordnung des Kurfürsten Johann von Sachsen. 1527).

Содержаніе этихъ старыхъ наказовъ и уставовъ заимствовано большею частью изъ вейстумовъ.

Послѣ того, когда Максимиліанъ I, въ концѣ XV вѣка, возстановилъ земскій миръ (Landfrieden), народонаселеніе въ Германіи сильно возросло и земледѣліе начало процвѣтать. Торговля ганзейскихъ и имперскихъ городовъ южной Германіи приняла широкіе размѣры, промышленная дѣятельность оживилась, народъ сталъ богатѣть. Скопившіеся капиталы нашли выгодное помѣщеніе и внутри страны въ разныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ и въ закупкѣ земель. Растущій на послѣднихъ лѣсъ стали усердно расчищать и закипѣла земледѣльческая работа, на продукты которой явился сильный спросъ не только на внутреннихъ рынкахъ, но и за границей, гдѣ Голландія, Англія, Франція, Испанія и Португалія снаряжали большія морскія экспедиціи.

При такихъ условіяхъ сильно увеличилась потребность на лѣсные матеріалы, площадь же лѣсовъ сильно уменьшилась. Въ виду быстро оголяемыхъ отъ лѣса земель и изрѣживанія остающихся еще лѣсонасажденій, весьма естественно, что въ народѣ возникъ страхъ предстоящаго не въ далекомъ будущемъ исчезновенія всѣхъ лѣсовъ. Къ этому времени и относится извѣстное пророческое предсказаніе Лютера и Меланхтона, что вскорѣ будетъ недостатокъ въ трехъ вещахъ: въ друзьяхъ, въ хорошей монетѣ и въ дико-растущемъ лѣсѣ. Эти слова были, конечно, только выраженіемъ общественнаго мнѣнія.

Со стороны правительствъ, въ то время, послѣдовало изданіе новыхъ законодательныхъ мѣръ, изъ коихъ важнѣйшія слѣдующія:

Уже въ 1524 году явилась инструкція для лѣсовъ Зальцбургской епархіи (Waldordnung für das Erzbisthum Salzburg).

Въ 1531 году—лѣсной наказъ для Бранденбургскаго маркграфства (Markgräflich-Brandenburgische Forstordnung).

Въ 1547 году—Брауншвейгъ-Люнебургскій уставъ (Die Braunschweig-Lüneburgische Holzordnung) и лѣсной уставъ для Гарца герцога Гейнриха младшаго.

Въ 1551 году—Вюртембергскій лѣсной уставъ.

Въ 1560 году—лѣсной уставъ для Саксоніи курфюрста Августа (Forst und Holz-Ordnung von 8 Sept. 1560).

Въ 1568 году—Баварскій уставъ (Die Bairische Forstordnung).

Въ 1577—1587 гг.—лѣсные уставы для маркграфства Баденъ-Баденъ.

Въ 1585 году—лѣсной уставъ для графства Мансфельдъ.

Во всѣхъ этихъ постановленіяхъ уже проглядываетъ стремленіе, чтобы цѣлость лѣсовъ охранять не только однѣми полицейскими мѣрами надзора и привлеченія къ отвѣтственности правонарушителей, но и установленіемъ порядка въ хозяйствѣ. Курфюрстъ Августъ Саксонскій, издавая 8 сентября 1560 г. лѣсной уставъ, говоритъ:

Прежде изданныя правила оставались безъ исполненія, отъ чего лѣса пришли въ истощеніе и надобно бояться, что въ будущемъ потребности горныхъ заводовъ и народа могутъ быть неудовлетворены. Въ этихъ видахъ курфюрстъ предписываетъ, какъ слѣдуетъ вести администрацію и хозяйство.

1. Продажу лѣса производить два раза въ году—осенью и весной, въ присутствіи сборщиковъ податей; въ другое время—только по особымъ распоряженіямъ.

2. Поврежденный лѣсъ вырубать ранѣе здороваго.

3. Лѣсъ годный на подѣлки тщательно отдѣлять.

4. Отдаленные участки рубить вмѣстѣ съ участками близъ лежащими.

5. Вывозку производить въ мѣсячный срокъ.

6. Дровяной лѣсъ складывать въ клафтеры.

7. Оставлять хорошіе стволы для обсѣмененія (на 1 десятинѣ по 150 деревъ).

8. Безъ разрѣшенія воспрещается собирать мелкій валежникъ и не должно при этомъ употреблять желѣзныя орудія.

9. Запрещено расчищать лѣсъ подъ сѣнокосы и портить границы.

10. Деревянныя постройки замѣнять каменными.

11. Пустопорожнія мѣста въ лѣсахъ засѣвать березовыми, еловыми и пихтовыми сѣменами.

12. Далѣе повелѣно, чтобы положительно было опредѣлено, какое количество лѣсного матеріала можетъ быть ежегодно назначаемо къ отпуску. Для этой цѣли велѣно въ каждомъ лѣсничествѣ, въ концѣ августа, собраться лѣсничему съ сельскимъ старшиной и двумя понятыми, и сообразить: сколько площади, въ какомъ мѣстѣ, какой древесной породы, и какого возраста, можетъ быть срублено; сколько и какого лѣсу нужно для разныхъ мѣстныхъ надобностей, и затѣмъ сколько можетъ быть назначено въ продажу на сторону. На основаніи такихъ собранныхъ данныхъ, составить смѣту отпускамъ лѣса, которую представить на утвержденіе въ казначейство.

Не менѣе опредѣленно выражены требованія въ лѣсномъ уставѣ герцога Гейнриха младшаго для Гарца. Тамъ повелѣно:

1. Рубить свѣжерастущій лѣсъ не иначе, какъ въ то время, когда не будетъ болѣе въ лѣсу сушняка и перестойныхъ деревъ.

2. Строевыя деревья рубить съ вѣдома и по указанію амтмановъ и лѣсничихъ.

3. Рубить только съ осени до весны.

4. Лѣса раздѣлить на части и назначать къ рубкѣ по одной.

5. На мѣстахъ рубокъ оставлять непремѣнно нѣкоторое число деревъ.

6. Послѣ срубки лѣсосѣки должно оберегать нѣсколько лѣтъ отъ потравы скотомъ.

7. Овецъ и козъ отнюдь не пускать въ лѣсъ.

Въ лѣсномъ уставѣ для графства Мансфельдъ предписано:

1. Всѣ лѣса раздѣлить на 12 лѣсосѣкъ.

2. При рубкѣ оставлять на каждомъ акрѣ (около $^1/_2$ дес.) по 16 выборныхъ деревъ.

3. Всѣ прямыя, пригодныя на постройки деревья, запрещено пережигать въ уголь, а заготовлять уголь только изъ кривыхъ деревъ.

4. Всѣ лѣса обмежевать и составить имъ опись.

5. Назначить порядокъ рубки лѣсосѣкъ.

6. Маяки на лѣсосѣкахъ не срубать разомъ всѣ, а съ расчетомъ, чтобы ихъ оставалось всегда достаточное число.

Въ Германіи обратили особое вниманіе на бережливое употребленіе лѣсного матеріала и начали выдавать привилегіи за изобрѣтенія разнаго рода приспособленій, сберегающихъ и замѣняющихъ лѣсъ. Такъ въ 1557 году выданы были привилегіи въ Страсбургѣ Фридриху Фрёнеру, Ульриху Рундману и Конраду Цвикману, а въ Аугсбургѣ Еримею Неннеру, за печи, сберегающія дрова. Въ это время также часто встрѣчаются правительственныя распоряженія, чтобы деревянные дома строить на каменномъ фундаментѣ или, по крайней мѣрѣ, на кирпичныхъ столбахъ; чтобы хлѣбъ не пекли дома въ квартирахъ, а брали его у хлѣбопековъ и булочниковъ; чтобы устраивали печи, потребляющія менѣе топлива; запрещали вблизи лѣсовъ строить стеклянные, желѣзодѣлательные, вообще огнедѣйствующіе заводы. Въ нѣкоторыхъ уставахъ постановленія доходили до мелочей. Напр. весьма интересное постановленіе встрѣчаемъ въ Брауншвейгъ-Люнебургскомъ лѣсномъ уставѣ 1618 г. Тамъ предписано: «чтобы домосѣды канцелярскіе (Stubenhocker in den Canzeleien) не жгли напрасно лѣсъ, съ цѣлью воспользоваться золою, то подобные люди должны быть лишены права собирать золу».

Гораздо ранѣе XII столѣтія, вѣроятно съ началомъ заселенія Германіи, утвердилось, на основаніи обычнаго права, понятіе, что всѣ земли, не поступившія въ частное владѣніе отдѣльныхъ лицъ, составляютъ собственность государства, надъ которыми имѣетъ право повелѣвать государь, облеченный сюверенными правами. Отъ воли его зависитъ допускать поселеніе, какъ единичныхъ семействъ, такъ и сельскихъ обществъ. Занятыя же этими поселенцами земли, состоя въ ихъ пользованіи, не составляютъ ихъ полной собственности. Въ этомъ случаѣ только отдѣлено право пользованія отъ права владѣнія. Послѣднее право сохраняется за сювереннымъ государемъ, который властенъ, по его усмотрѣнію, запрещать, заповѣдовать на нѣкоторыхъ площадяхъ,— дальнѣйшее пользованіе.

Согласно съ такимъ понятіемъ образовались заказные или запо-

вѣдные лѣса, не только изъ числа пустопорожнихъ, никѣмъ не занятыхъ, но и изъ числа занятыхъ сельскими обществами, марками.

Вначалѣ, государи, заказывая подобные лѣса, все-таки брали мірскіе приговоры на согласіе обществъ,— напр. *въ 804 году,* когда Карлъ Великій заповѣдовалъ лѣса въ Оснабрюкѣ; также *въ 991* и *1029 гг.*, когда Отто III и Конрадъ II предоставили заповѣдный лѣсъ монастырю Минденъ; и въ *1004 г.*, когда Гейнрихъ II подарилъ собору въ Страсбургѣ заказный лѣсъ въ Эльзасѣ, взяты были приговоры. Но позже, съ 1200 г. уже не спрашивались болѣе общества при заказахъ лѣсовъ, состоявшихъ въ ихъ пользованіи.

Понятіе о правѣ заповѣдывать — вначалѣ относившееся лишь къ пустопорожнимъ, никѣмъ незанятымъ землямъ и къ землямъ сельскихъ обществъ,— поселившихся съ дозволенія государя и имѣвшихъ лишь право пользованія землею, но не право владѣнія, — постепенно видоизмѣнялось, и дошло къ тому, что изъ сюверенныхъ правъ государя выводили, что онъ, повелѣвая надъ всею поверхностью земли, въ предѣлахъ государства, имѣетъ верховныя права надъ всею землею, а потому и можетъ повелѣвать какъ распоряжаться ею для общаго блага подданныхъ.

Этотъ взглядъ создалъ понятіе *о лѣсномъ правительствѣ* Forstliche Obrigkeit или какъ иначе называли «о верховной власти надъ лѣсами» (Forsthoheit). Понятіе это явилось уже въ XV столѣтіи, но систематическая разработка этого понятія началась послѣ 1550 г. Въ многихъ повелѣніяхъ, утверждавшихъ лѣсные уставы, мы находимъ ссылку на принадлежащую правительству верховную власть надъ лѣсами, въ силу которой уставъ распространяется на всѣ лѣса, безъ различія правъ владѣнія. Напримѣръ, при обнародованіи Виртембергскаго лѣсного устава 1551 г., въ указѣ сказано: «Мы.... въ силу принадлежащей намъ верховной власти, строго повелѣваемъ, чтобы наши правила и статуты исполнялись не только въ нашихъ, но и во всѣхъ другихъ лѣсахъ и перелѣскахъ, принадлежащихъ нашимъ городамъ, селамъ, мѣстечкамъ, церквамъ, обществамъ или отдѣльнымъ лицамъ.»

Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ понятіе о лѣсномъ правительствѣ окончательно утвердилось.

Но гораздо ранѣе,—уже въ XVI вѣкѣ,—понятіе *о лѣсномъ правительствѣ* (Forstliche Obrigkeit—jus foresti) раздѣлялось на двѣ части: *право запрещенія охоты* (Wildbann,—bannum ferinum) и *верховное право надъ лѣсами* (Forstrecht, Forsthoheit).

Слѣдовательно, *верховное право запрещенія охоты* было только *частью* въ понятіи о лѣсномъ правительствѣ.

Въ одномъ судебномъ рѣшеніи 1578 года сдѣлана ссылка на существованіе подобнаго дѣленія. Тамъ сказано: что bannum ferinum не заключаетъ въ себѣ jus foresti, но въ jus foresti включено уже bannum ferinum.

Юристы прошлыхъ вѣковъ опредѣляли право лѣсного правитель-

ства въ слѣдующихъ выраженіяхъ: (у Beck'a) (tractatus, s. 6—7). (Beust, tractatus s. 37).

«Лѣсное правительство есть общественная сила и власть, имѣющая право повелѣвать и запрещать что-либо касающееся *охоты, рощъ* (Forsten) и лѣсовъ (Wälder),—рѣшать споры о лѣсахъ и охотѣ,—наказывать правонарушителей и извлекать всякую пользу изъ лѣсовъ».

Бекъ дѣлаетъ два различія въ лѣсномъ правительствѣ:

1.—immediata,—т.-е., государь пользуется имъ какъ на собственной, такъ и на чужой территоріи,—но въ послѣднемъ случаѣ на основаніи titulus specialis, а не въ силу своихъ сюверенныхъ правъ.

2.—mediata—это есть осуществленіе лѣсного правительства чиновниками его.

По мнѣнію старинныхъ юристовъ—право лѣсного правительства могло быть передаваемо отъ сюверевнаго государя другимъ лицамъ и корпораціямъ въ видѣ привилегій и особыхъ титуловъ,—и это объясняетъ, почему явилось такое множество лѣсныхъ уставовъ, изданныхъ не только сюверенными государями, но и привилегированными городами, корпораціями и вельможами.

Положеніе о верховномъ правѣ надъ лѣсами—постепенно расширяло предѣлы власти и достигло своей крайности въ XVIII столѣтіи.

У Стиссера, въ его «Forst u. Jagdhistorie», мы находимъ самое полное перечисленіе всѣхъ предметовъ, на которые распространяется верховное право надъ лѣсами.

Такихъ предметовъ насчитано 77 статей, начиная отъ права назначать старшихъ и младшихъ чиновъ для управленія лѣсами, строить для нихъ дома, разрѣшать и запрещать охоту, назначать мѣста къ вырубкѣ, воспрещать расчистку лѣсовъ, требовать разведенія лѣса, и т. д. до мелочей, какъ напр. разрѣшать сгребаніе лѣсного тука и рѣзку шпицрутеновъ.

Словомъ—собственнику лѣса нельзя было дѣлать ни малѣйшаго распоряженія въ своемъ имуществѣ, безъ полученія на то разрѣшенія верховной власти.

Развитіе понятія о верховномъ лѣсномъ правѣ до такихъ широкихъ предѣловъ было въ совершенномъ согласіи съ общими взглядами тогдашняго времени.

Сами народы, во всѣхъ постигавшихъ ихъ бѣдствіяхъ, ждали всегда помощи отъ правительства и отъ него требовали иниціативу къ улучшенію своего быта. При такихъ условіяхъ и сами правительства должны были считать себя нравственно отвѣтственными за всѣ могущія стрястись надъ народами *бѣдствія* вслѣдствіе *бездѣйствія* или непринятія заблаговременно *предупредительныхъ мѣръ*.

Такимъ образомъ, въ виду *быстраго* исчезновенія лѣсовъ, въ виду все болѣе и болѣе возраставшаго въ общественномъ мнѣніи *страха* за возможный скорый *недостатокъ въ лѣсахъ*, въ виду необходимости

лѣсного матеріала для промышленной дѣятельности народовъ и насущныхъ потребностей его, правительства, силою обстоятельствъ и господствовавшихъ воззрѣній въ тѣ времена, должны были совершенно логично *взять лѣса подъ свою опеку*, и законодательнымъ порядкомъ установить довольно *строгія*, часто весьма стѣснительныя *правила* для пользованія лѣсами, не только составлявшими государственныя имущества, но и частныхъ владѣльцевъ и корпорацій.

Въ самыхъ лѣсахъ замѣтно въ XVI столѣтіи, что во многихъ мѣстахъ старались выборочную рубку замѣнять другою формою хозяйства. Въ лиственныхъ лѣсахъ, когда не требовались крупные размѣры деревъ, все болѣе и болѣе распространялась вырубка сплошными площадями, съ раздѣленіемъ дачъ на годовыя лѣсосѣки, а гдѣ спросъ былъ и на крупный, и на мелкій матеріалъ, тамъ въ лиственныхъ лѣсахъ, также раздѣляемыхъ на лѣсосѣки, стали вырубать не всѣ крупныя деревья, а только часть ихъ, изъ мелкихъ же деревъ срубали почти всѣ, оставляя на корнѣ только нѣсколько выборныхъ лучшихъ стволовъ. Такимъ образомъ явилось въ зачаткѣ такъ называемое позже среднее хозяйство, конечно, еще въ самой грубой формѣ. Въ хвойныхъ лѣсахъ продолжалась выборочная рубка, но уже установилось правило срубать, прежде всего, поврежденныя, болѣзненныя и сухія деревья, а затѣмъ изъ здоровыхъ брать только нѣкоторое число и не тонѣе опредѣленной толщины, при чемъ норма для толщины назначалась различная въ разныхъ мѣстахъ. Всѣ эти пріемы ремесла добывались и разрабатывались опытомъ. О пользѣ прорѣживанія молодыхъ насажденій, особенно хвойныхъ, хотя и знали, и это даже предписывалось въ нѣкоторыхъ уставахъ, напр. въ Вюртембергскомъ лѣсномъ уставѣ 1551 г., но это знаніе оставалось книжнымъ, а въ практику не вошло.

Пока земледѣліе и лѣсоводство еще не находили для своихъ произведеній широкаго сбыта, ихъ хозяйство велось на основаніи тѣхъ эмпирическихъ правилъ, какія добыты были опытомъ праотцевъ. Когда же съ начала XVI вѣка продукты сельскаго, а вскорѣ и лѣсного хозяйствъ, пріобрѣли важное значеніе на рынкахъ, то явилась потребность ознакомиться, какіе же пріемы хозяйства примѣнялись у другихъ, болѣе образованныхъ, народовъ. Тутъ совершенно естественно было обратиться къ римскимъ писателямъ, такъ какъ вся цивилизація Германіи шла изъ Рима.

У римскихъ писателей можно было найти по части лѣсоводства полезныя указанія только касающіяся древоводства, т.-е. какъ устроить питомникъ, какъ въ немъ сѣять сѣмена, какъ воспитывать тамъ деревца, какъ ихъ пересаживать,—преимущественно садовые пріемы. Въ этомъ отношеніи находились наставленія у Варо, Като, Колумелла, Палладіуса (которыя, однако, на нѣмецкій языкъ переведены не ранѣе конца XVIII вѣка). Кромѣ того болонскій сенаторъ Petrus de Crescentis написалъ около 1300 г. по Р. Х. «Ruralium commodorum», въ 12 книгахъ, заимствованныя изъ римскихъ писа-

телей. Это сочиненіе, въ нѣмецкомъ переводѣ, издано въ 1486, 1518, 1531, 1548 и 1583 годахъ, а самый фактъ пяти изданій доказываетъ, что сочиненіемъ пользовались.

По изданію 1531 года, мы находимъ содержаніе: въ VII книгѣ— о лугахъ и лѣсахъ, а въ VIII книгѣ — о зеленыхъ и увеселительныхъ садахъ, о деревьяхъ, кустахъ и ихъ плодахъ.

Затѣмъ, въ 1588 году, въ Страсбургѣ вышло сочиненіе Себиціуса, подъ заглавіемъ: «Von dem Feldbau und recht vollkommener Wohlbestellung eines bekämlichen Landsitzes». Сборникъ этотъ былъ начатъ въ 1559 году французскимъ врачемъ Etienne,—продолжалъ его Libaltus и окончилъ лейбъ-медикъ Пфальцскаго курфюрста Dr. Marius. Сочиненіе это есть компиляція изъ римскихъ писателей. Но тамъ, между прочимъ, описывается разведеніе деревъ, проходныя рубки и измѣреніе лѣсной площади, съ указаніемъ угломѣрныхъ инструментовъ.

Лучшимъ литературнымъ трудомъ, на нѣмецкомъ языкѣ, въ XVI столѣтіи, по части сельскаго хозяйства, признаютъ вышедшее въ Виттенбергѣ сочиненіе Магнуса Колеруса. Сперва на нѣмецкомъ языкѣ явилось въ 1593 году его Calendarium perpetuum, а съ 1593 по 1607 г. Oeconomia ruralis et domestica, das Hausbuch, домоводство, въ 6 книгахъ.

Это сочиненіе, послѣ перваго его появленія, вышло еще въ 8-ми изданіяхъ (1623, 1632, 1645, 1656, 1665, 1672, 1680 и послѣ смерти автора еще въ 1692 годахъ. Колерусъ умеръ 23 октября 1689 года, въ Мекленбургѣ). Колерусъ не былъ лѣсничимъ,— онъ былъ теологъ, пасторъ въ Бранденбургѣ. Онъ даже съ естественною исторіей деревъ былъ мало знакомъ, напр. говоритъ, что у ели шишки остаются на деревѣ, послѣ опаденія сѣмянъ, и въ этихъ шишкахъ образуются каждый годъ новыя сѣмена, пока шишки совсѣмъ состарѣются и снесутся вѣтромъ. Конечно, самъ Колерусъ въ лѣсномъ дѣлѣ опытовъ имѣть не могъ; онъ разспрашивалъ лѣсныхъ сторожей, дровосѣковъ и т. п. людей, и писалъ со словъ ихъ,— даже и суевѣрія, напр. о самовозгораніи лѣсовъ, о важности рубки лѣса при извѣстныхъ фазисахъ луны и т. п. Но за всѣмъ тѣмъ, въ особой главѣ «о разведеніи и употребленіи лѣса», его ученіе о садкѣ деревъ, посѣвѣ, сборѣ сѣмянъ, раздѣленіи лѣсовъ на лѣсосѣки и проч., довольно обстоятельно. Одну, весьма важную, мысль высказываетъ Колерусъ: правила лѣсоводства должны быть заимствованы изъ непосредственныхъ наблюденій въ лѣсу, изъ опытовъ.

Во всякомъ случаѣ, съ конца XV вѣка лѣса обратили на себя особенное вниманіе и въ теченіе всего XVI вѣка замѣчается сильный подъемъ въ лѣсномъ хозяйствѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріискиваніе, какъ бы ощупью, цѣлесообразнѣйшихъ средствъ къ улучшенію состоянія лѣсовъ.

Съ начавшимся XVII столѣтіемъ, движеніе лѣсного хозяйства впередъ—остановилось.

Реформація,— этотъ по своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ великій рычагъ для цивилизаціи человѣчества, имѣла въ ближайшемъ къ ней времени, для Германіи, разрушающее вліяніе. При отсутствіи въ Германіи единой общей верховной власти, мелкіе государи, дѣйствовавшіе врозь, не имѣли достаточнаго вліянія и силы, чтобы сдерживать крупныхъ землевладѣльцевъ отъ чрезмѣрнаго со стороны ихъ давленія на сельское населеніе. Такой гнетъ сверху вызвалъ неудовольствія и сопротивленія снизу. Народъ уже въ XVI столѣтіи началъ волноваться. Волненія вспыхивали то въ одной, то въ другой мѣстности, иногда выражались даже вооруженнымъ сопротивленіемъ, а въ XVII столѣтіи усилились подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма. Различіе же въ религіозныхъ воззрѣніяхъ составило новый мотивъ для герцоговъ и курфюрстовъ высвободиться окончательно изъ-подъ императорской власти. И точно, власть и значеніе императора были окончательно расшатаны. Германія, не только въ въ силу разногласія религіознаго, но и политическаго, распалась на два враждебныхъ лагеря. Злобно относились другъ къ другу протестанты и католики; страсти, и безъ того въ сильной степени возбужденныя, еще болѣе распалялись проповѣдниками съ той и съ другой стороны. Долго длилась борьба однимъ острымъ орудіемъ слова, но нужна была только одна искра, чтобы разлить по всей Германіи яркое пламя убійственной войны. Такая искра въ 1618 году заронилась въ Богеміи. Война воспылала и 30 лѣтъ, безъ перерыва, опустошала поля, уничтожила половину народонаселенія Германіи и откинула на цѣлое столѣтіе назадъ нѣмецкую культуру. Франція пріобрѣла громадное вліяніе на Германію. Нѣмецкіе князья, повелители множества мелкихъ государствъ, высвободились почти совершенно изъ-подъ прежней сильной императорской власти и въ придворные кружки этихъ князей проникли заманчивые, пріятные французскіе обычаи, съ ихъ безумною роскошью. Денегъ потребовалось много и много, а правительственныя кассы,—которыя въ то время еще не строго различались отъ кассъ сюверена,— были пусты. Нужда заставила искать источники для пополненія кассъ.

Глава III.

Лѣса и лѣсное хозяйство въ Германіи съ половины XVII и до конца XVIII вѣка.

Послѣ 30-ти-лѣтней войны ремесла и горные заводы сократили свое производство,—выжженныя села не возобновились, поля запустѣли и на нихъ выросли лѣса; потребность въ лѣсномъ матеріалѣ значительно уменьшилась, а площадь лѣсовъ, напротивъ, увеличилась. Имѣнія, въ которыхъ прежде земледѣліе и скотоводство составляли важнѣйшую отрасль хозяйства, обратились въ имущество почти сплошь состоящее изъ лѣса. Скопились опять огромные запасы лѣса, а цѣна на нихъ понизилась.

Въ поискахъ за средствами для пополненія кассъ представилась однимъ изъ источниковъ для этого продажа какъ государственныхъ, такъ и принадлежащихъ въ личную собственность сювереновъ земельныхъ имуществъ. Этимъ источникомъ и начали пользоваться. Но въ продажу пустили безлѣсныя земли, пахоти и покосы, тогда какъ отъ продажи лѣсовъ воздержались, отчасти, вѣроятно, вслѣдствіе малоцѣнности ихъ въ тотъ моментъ, а главнымъ образомъ, можетъ быть, потому, что вся знать, какъ и сами сюверены, страстно любили охоту и не желали отчуждать отъ своихъ имуществъ притоны дичи. За продажею же пашень и луговъ, оставались въ собственности государей и князей почти исключительно отрѣзанные лѣса. Слѣдовательно, прежній порядокъ администраціи, соединявшій въ рукахъ амтмановъ, фохтовъ и управляющихъ сельскимъ хозяйствомъ полный составъ имѣнія, т.-е. поля, покосы и лѣса, не могъ уже продолжаться, а потребовались чины для завѣдыванія исключительно лѣсами, и такихъ чиновъ, лѣсничихъ, потребовалось много, такъ какъ во время войны хотя существовавшіе ранѣе лѣса сильно изрѣдились, но къ прежней площади ихъ прибавились громадныя пространства заброшенныхъ полей, поросшихъ во время войны лѣсомъ.

Спеціалистовъ лѣсничихъ взять было не откуда. Кромѣ небольшого числа форстмейстеровъ, всѣ прежніе ферстера были простые

лѣсники, едва грамотные. Лицъ, знакомыхъ съ мѣстностью лѣсовъ, не было другихъ кромѣ егерей, которые прежде завѣдывали одною лишь охотою. Егеря, по ихъ общему образованію, стояли все-таки выше лѣсниковъ, — вотъ и пришлось, по необходимости, поручить завѣдываніе лѣсами егерямъ, тѣмъ болѣе, что отъ соединенія въ одномъ лицѣ должности лѣсничаго съ должностью распорядителя охотъ достигалось и сокращеніе въ расходахъ. Въ прежнихъ егеряхъ, конечно, было много хорошихъ и важныхъ для лѣсного дѣла задатковъ. Къ дисциплинѣ егеря, по самому строю ихъ цеха, были пріучены; способность наблюдать за природою, — въ нихъ также, по характеру прежняго ремесла, была развита. Эмпирическія правила егерскаго искусства были уже приведены въ нѣкоторую систему, такъ что систематизированіе должно было быть также понятіемъ, не чуждымъ егерямъ. Но въ егеряхъ отсутствовало одно важное качество: пониманіе, что главнѣйшая задача лѣсничаго заключается въ производительной его дѣятельности, — что простая окупація, захватъ, не есть еще хозяйство, — что хозяйство должно направлять силы природы къ производству возможно бо́льшаго и возможно цѣннаго количества древесины. Такого пониманія не было и не могло быть въ егеряхъ. Охота, почти исключительно, ограничивается простымъ захватомъ находимаго; въ ней почти отсутствуютъ элементы хозяйственнаго производства. Неудивительно, поэтому, что егеря, воспитанные на началахъ егерскаго искусства, смотрѣли и на лѣсъ лишь какъ на предметъ окупаціи, а не какъ на предметъ хозяйства. Кромѣ того, егеря долгое время не могли отрѣшиться отъ взгляда, что интересы охоты важнѣе интересовъ лѣса, а потому въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ польза охоты сталкивалась съ противуположною пользою лѣса,—интересы послѣдняго приносились въ жертву интересамъ первой. Въ этихъ взглядахъ, какъ бы привитыхъ къ егерямъ ихъ воспитаніемъ, надо искать объясненіе тому, что потребовалась сотня и болѣе лѣтъ, пока егеря пришли къ сознанію, что лѣсъ не есть предметъ для одного только изъ него захвата находимаго, а долженъ быть предметомъ хозяйства. Понятно, что послѣ того, когда егеря со временемъ пришли къ сознанію прежней своей ошибки, они, — какъ цеховые мастера, — начали развивать и въ лѣсоводствѣ ремесленную его сторону, такъ какъ въ самихъ егеряхъ не было научныхъ данныхъ для выхода изъ рамокъ ремесла. И въ самомъ дѣлѣ, изъ документовъ, сохранившихся въ административныхъ нѣмецкихъ присутственныхъ мѣстахъ, видно, что не только до конца XVII-го, но еще и долго въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ лѣсахъ Германіи интересы охоты выступали на первый планъ, а лѣсное хозяйство подчинялось интересамъ охоты. Самый строй тогдашней администраціи служитъ къ тому иллюстраціей. Вездѣ во главѣ лѣсного управленія стояли оберъ-егермейстера или егермейстера.

Въ Бранденбургѣ уже съ 1622 года все лѣсное управленіе со-

средоточено было въ рукахъ одного оберъ-егермейстера, подъ начальствомъ котораго состояли, для мѣстнаго завѣдыванія лѣсами, сначала оберъ-ферстеры, а съ 1677 года и оберъ-форстмейстеры, и форстмейстеры. Оберъ-ферстеры, ферстеры и лѣсные сторожа замѣщались егерями, а съ 1700 года часто и отставными солдатами. Точно такъ и въ Баваріи, Тюрингенѣ, въ Баденѣ главное управленіе лѣсами находилось въ рукахъ егермейстеровъ, и только въ XVIII столѣтіи образовались такія центральныя присутственныя мѣста, главную задачу коихъ составило попеченіе о лѣсномъ хозяйствѣ, но въ нѣкоторыхъ государствахъ такія учрежденія открыты довольно поздно, такъ напр., въ Баденѣ не ранѣе 1757 года образовалось центральное присутственное мѣсто оберъ-форстамтъ, которое, впрочемъ, и затѣмъ еще оставалось въ подчиненіи оберъ-егермейстеру. Въ Пруссіи, въ XVII вѣкѣ, лѣса разбивались просѣками на загоны (Jagen), не для цѣлей лѣсного хозяйства, а для удобнѣйшаго устройства облавъ на дикаго звѣря, посредствомъ загонщиковъ и гончихъ собакъ. Бывали и случаи, что старый лѣсъ, съ густымъ подлѣскомъ, предназначавшійся къ срубкѣ, приказано было оставлять на корнѣ, чтобы не пугать звѣря, охотно тамъ укрывающагося, и взамѣнъ того рубить въ другомъ мѣстѣ, хотя и не совсѣмъ приспѣвшемъ. Отъ чиновъ лѣсного вѣдомства, вначалѣ, никакой технической подготовки къ лѣсной службѣ не требовалось. На высшія должности егермейстеровъ и форстмейстеровъ назначались исключительно люди изъ дворянъ, преимущественно изъ знати, а низшія лѣсныя должности, начиная съ оберъ-ферстеровъ, замѣщались большею частью изъ прежнихъ охотничьихъ командъ, а за недостаткомъ ихъ и всякимъ желающимъ, часто изъ прислуги вліятельныхъ сановныхъ лицъ. Понятно, что и изъ егерей, попавшихъ на должность лѣсничихъ, были нѣкоторые усердствовавшіе не только по части охоты, но и по улучшенію лѣсовъ. Эти люди, составлявшіе однако меньшинство, по мѣрѣ умѣнія пытались усовершенствовать ремесленную часть пріемовъ естественнаго возобновленія и искусственнаго разведенія лѣсовъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что уже на исходѣ XVII вѣка кое-гдѣ пытались достигать самосѣва не только оставленіемъ на лѣсосѣкахъ нѣсколькихъ сѣмянокъ, но и постепеннымъ прорѣживаніемъ насажденія, въ родѣ того, какъ позже устраивались сѣменныя лѣсосѣки. Извѣстно также, что на небольшихъ площадяхъ производился посѣвъ и посадка лѣса, но не на срубаемыхъ лѣсосѣкахъ, а на прогалинахъ среди лѣса, на которыхъ прекращали пахать и косить, чаще же всего для устройства по дорогамъ аллей, обсадки усадебъ, огораживанія полей и т. п. Фридрихъ III, впослѣдствіи первый король Прусскій, въ особомъ эдиктѣ, отъ 19 марта 1691 года, приказалъ даже при каждой свадьбѣ высаживать дубки (ихъ называли жениховы дубки, Bräutigamseichen), а при домахъ амтмановъ заводить дубовые питомники. Позже, по повелѣнію отъ 19 мая 1729 года, приказано на соотвѣтственныхъ мѣстахъ выса-

живать ивы, плодовыя деревья, вязъ, ясень и т. п., и вмѣстѣ съ тѣмъ приказано установить ревизію, точно-ли это повелѣніе исполняется.

Послѣ 30-лѣтней войны, когда вмѣсто прежняго грозившаго недостатка лѣсовъ, оказался излишекъ въ нихъ, побочныя пользованія изъ лѣсовъ опять, во многихъ лѣсахъ, представили болѣе выгодную статью доходовъ, чѣмъ отпускъ древесины, и на побочныя произведенія стали обращать особое вниманіе. Кромѣ сѣнокошенія и выгона вообще скота, есть указанія, что въ то время съ особою заботливостью слѣдили за откормомъ свиней въ дубовыхъ и буковыхъ лѣсахъ. Свиней впускали въ лѣса (Einfehmen durch Schweine). Для обсужденія, сколько штукъ ихъ могутъ быть откормлены въ лѣсу, производили осенью оцѣнку, приглашая для этого пастуховъ и другихъ экспертовъ (mastverständige Männer), которые приводились къ присягѣ.

Ко времени спаденія желудей производился пріемъ свиней, предназначенныхъ ко впуску въ лѣсъ.

Владѣльцы свиней пригоняли ихъ къ ближайшему къ лѣсу постоялому двору и тамъ ихъ принимали счетомъ чины лѣсного управленія, вносили въ списки и часто выжигали на лопаткѣ клеймо. Свиньи оставались въ лѣсу 9, иногда 10 недѣль, къ нимъ ставили пастуховъ, нанимаемыхъ лѣснымъ вѣдомствомъ. Плата за откормъ назначалась по уговору, обыкновенно $4^1/_2$ до 5 грошей (12—15 копѣекъ) за каждую недѣлю и свинью.

Землевладѣльцы обращали большое вниманіе на эту доходную статью и при неправильныхъ дѣйствіяхъ тотчасъ вступались. Такъ, напримѣръ, сохранилось распоряженіе герцога Рудольфа Августа Брауншвейгскаго отъ 25 августа 1681 года, на имя завѣдывавшаго лѣснымъ округомъ. Герцогъ пишетъ, что до него дошелъ слухъ, что въ лѣсъ впускаютъ свиней въ большемъ числѣ, чѣмъ сколько можетъ быть вдоволь накормлено. Находя это неправильнымъ, ибо владѣльцы свиней могутъ, по невыгодности для себя, вмѣсто выгона въ лѣсъ, откармливать свиней дома. А потому предписывается впредь не пускать въ лѣсъ свиней болѣе, чѣмъ сколько могутъ найти вдоволь кормъ, дабы плательщики напрасно не платили за голодающихъ свиней. Неисполненіе сего повлечетъ немилость герцога на виновнаго.

Пока продолжалась внутренняя война, не издано ни одного сочиненія, касавшагося лѣсоводства, такъ что послѣ Колеруса первой книгой, упоминающей о мѣрахъ лѣсного хозяйства, является въ 1666 году плохенькое сочиненіе Бёклера «Haus und Feldschule». Самъ Бёклеръ былъ архитекторомъ, а книга его представляетъ винегретъ всякой всячины. Тамъ говорится и объ устройствѣ хуторовъ, о строительныхъ матеріалахъ, о возведеніи зданій, о рытіи колодцевъ, о прислугѣ, объ астрономіи и астрологіи, о погодѣ, о

календаряхъ, объ обработкѣ пашни и луга, о разведеніи лѣса, о садоводствѣ, о разведеніи скота, о печеніи хлѣба, о варкѣ варенья, объ искусствѣ дистиллировать, о домашнихъ лекарствахъ, о геометріи, о солнечныхъ часахъ, о тканіи суконъ, о толкованіи сновъ и т. д.

Въ концѣ столѣтія вышло еще въ 1676 году сочиненіе Фритча, не касавшееся хотя хозяйственныхъ мѣръ въ лѣсахъ, но заслуживающее вниманія по затронутымъ въ немъ юридическимъ вопросамъ: Corpus juris Venatorio-forestalis tripartium opus tam in aulis principum. Книга въ 3-хъ частяхъ: въ 1-й части говорится о законахъ по предмету охоты и о верховной власти надъ лѣсами; во 2-й части помѣщено 30 судебныхъ рѣшеній по спорнымъ вопросамъ лѣсной части и охоты; въ 3-й части помѣщено много лѣсныхъ уставовъ, мандатовъ, указовъ по части лѣсовъ и охоты, преимущественно изъ Саксоніи, Тюрингена, Баваріи. Въ концѣ есть прибавленіе, содержащее теологическое разсужденіе о томъ, есть-ли охота занятіе законное или незаконное, нравственное или безнравственное (recht oder unrecht).

Въ началѣ XVIII вѣка вышло сочиненіе по лѣсной части наиболѣе, изъ всѣхъ старинныхъ, прославившееся и пріобрѣвшее извѣстность. Это сочиненіе Карловича (Hans, Carl v. Carlowitz) подъ заглавіемъ «Sylvicultura oeconomica oder Hauswirthschaftliche Nachricht und naturgemässe Anleitung zur wilden Baumzucht», въ 1713 году (это изданіе весьма рѣдкое). Второе изданіе въ 1732 году.

Карловичъ не былъ лѣсничимъ, а былъ начальникомъ горной части въ Саксоніи, но очевидно хорошо знакомъ съ пріемами искусственнаго разведенія лѣсовъ. Авторъ начинаетъ свою книгу тѣмъ, что оправдывается, что онъ излагаетъ въ ней пріемы разведенія лѣса. Предпославъ длинный перечень доказательствъ, что лѣсъ и деревья искони пользовались высокимъ уваженіемъ между народами, и поименовавъ множество бывшихъ святыхъ рощъ и деревъ, извѣстныхъ въ древности, Карловичъ говоритъ, что даже мудрый Соломонъ, въ своихъ 3000 книгахъ, къ сожалѣнію сожженныхъ, вѣроятно, бесѣдовалъ и о лѣсоводствѣ. Какъ бы то ни было, но Карловичъ, въ своей книгѣ, излагаетъ довольно удовлетворительно пріемы искусственнаго разведенія лѣса, и притомъ пріемы посадки лучше посѣва. Во всякомъ случаѣ, книгу Карловича надо признать первымъ, исключительно лѣсоводственнымъ сочиненіемъ, составленнымъ по личнымъ наблюденіямъ автора,—она представляетъ обстоятельное описаніе ремесла работы.

Вслѣдъ за Карловичемъ, является въ 1719 г. сочиненіе Флемминга «der vollkommene deutsche Jäger», котораго второе изданіе вышло въ 1740 г.

Не совсѣмъ понятно, почему Пфейль отводитъ Флеммингу почетное мѣсто въ числѣ писателей по лѣсной части; развѣ только потому, что сочиненіе Флемминга какъ бы дополняетъ собою сочи-

ненiе Карловича. Послѣднiй говоритъ только о разведенiи лѣса, но не касается ни устройства, ни администрацiи лѣсовъ, тогда какъ Флеммингъ не касается способовъ разведенiя, пишетъ только о лучшемъ употребленiи лѣса, объ обработкѣ древесины и объ обезпеченiи постояннаго пользованiя лѣсами. Флеммингъ требуетъ, чтобы лѣсничiй умѣлъ снять на планъ свой лѣсъ и чтобы егеря были и лѣсничими. Въ этомъ требованiи заключается quint essencia книги, а въ остальномъ она конгломератъ изъ всевозможныхъ рецептовъ, собранныхъ авторомъ скуки ради, для своего развлеченiя. Флеммингъ, дослуживъ въ военной службѣ до чина подполковника, долженъ былъ по болѣзни выйти въ отставку и поселился въ своей деревнѣ, гдѣ, занявшись хозяйствомъ, въ свободное время, отъ нечего дѣлать, окружилъ себя фолiантами всякихъ попавшихся подъ руку книгъ, усерднѣйшимъ образомъ выписывалъ изъ нихъ, безъ разбора, все, что, ему казалось, мало-мальски соприкасается съ охотой и лѣсомъ.

Такимъ образомъ въ книгѣ его перемѣшаны выдержки изъ минералогiи, геологiи, ботаники, химiи, зоологiи, кое-что изъ лѣсоводственныхъ знанiй, изъ охотничьяго искусства, потомъ опять почвопознанiе, метеорологiя,—о влiянiи планетъ, объ образованiи облаковъ, даже о пѣтушьемъ пѣнiи и о небесной росѣ, о солнечныхъ и объ ударныхъ часахъ,—о волшебной палочкѣ (Wünschelruthe), о горнозаводскомъ дѣлѣ, о пробирномъ искусствѣ, о магнитѣ, о цѣлебныхъ водахъ, а послѣ о древности лѣсовъ, о храмѣ Дiаны, о ревущемъ морѣ, о разбойничьихъ замкахъ, о цыганахъ, о кладахъ и о способахъ продажи лѣса. Впрочемъ, надо знать, что вообще Флеммингъ, послѣ отставки, обнаружилъ много странностей, заставляющихъ задуматься о душевномъ его состоянiи. Вотъ что о немъ говоритъ преданiе: онъ своимъ 5 лакеямъ и 30 мужикамъ сшилъ мундиры и нанялъ отставного поручика въ командиры своей гвардiи. Каждый день лично производилъ смотръ и парадъ этимъ войскамъ, а однажды, когда егерь герцогини Саксенъ-Вейсенфельсъ увлекся въ погонѣ за оленемъ и зашелъ во владѣнiя Флемминга, гдѣ и убилъ оленя, Флеммингъ объявилъ герцогинѣ войну, вступилъ со своимъ войскомъ, при двухъ пушкахъ, на землю герцогини, взялъ тамъ военноплѣннымъ амтмана и торжественно отвелъ къ себѣ. Выкинутая Флеммингомъ штука обошлась бы ему дорого, если бы его не выручилъ двоюродный братъ его, извѣстный саксонскiй фельдмаршалъ Флеммингъ.

Нельзя здѣсь не упомянуть еще объ одномъ курьезномъ сочиненiи, въ которомъ говорится и о лѣсѣ. Это сочиненiе Агрикола, напечатанное въ 1716 году.

(Agricola, neu und nieerhörter, doch in der Natur und Vernunft wohl begründeter Versuch einer Universalvermehrung aller Bäume, Stauden, Blumen und Gewächse, das erste Mal theoretice und praktice experimentirt und mit unterschiedenen raren Kupfern ausge-

ziert. *Regensburg 1716* und Leipzig in Boutique zum Contoir-Calender im Durchgange des Rathhauses, bei Theodoro Bactio).

Агрикола былъ врачемъ въ Регенсбургѣ, и излагаетъ въ первый разъ въ своемъ сочиненіи, какимъ способомъ, съ помощью искусственныхъ средствъ, возможно ускорить ростъ деревьевъ и слѣдовательно возрастить въ кратчайшій срокъ пригодныя къ употребленію деревья и чрезъ то извлекать изъ лѣсовъ большее количество древесины.

Сочиненіе Агриколы писано во времена господства Алхиміи, когда полагали, что въ природѣ есть тайныя, невѣдомыя силы,—и если ихъ открыть и ими пользоваться,—то съ помощью этихъ силъ возможно измѣнить природу вещей и создать такія произведенія, которыя обыкновеннымъ, естественнымъ порядкомъ, не являются.

Агрикола также воображалъ, что онъ владѣетъ такимъ бальзамомъ,—называемымъ имъ Мумія,—съ помощью котораго можно сдѣлать древесину.

Мумія Агриколы,—была въ родѣ какой-то древесной смазки или садоваго воска, составъ которой былъ тайною изобрѣтателя, и которую можно было покупать порціями у Агриколы, за особое, хорошее вознагражденіе.

Универсальное средство Агриколы, изложенное въ его сочиненіи, составляло замѣчательную смѣсь съ одной стороны *необыкновеннаго* для того времени знанія законовъ растительной жизни и воспроизводительной силы дерева,—съ другой же стороны—нелѣпѣйшихъ предразсудковъ.

Агрикола хорошо знакомъ съ процессомъ прорастанія сѣмянъ, съ ходомъ развитія молодого древеснаго растенія, съ образованіемъ древесныхъ слоевъ и почекъ,—и даетъ весьма дѣльныя наставленія для прививки и окулировки деревъ, но въ то же время безусловно вѣритъ во всевозможныя чародѣйства и нечистыя силы—признавая полезнымъ для человѣка пользоваться однѣми добрыми тайными силами природы.

Во второй секціи своей книги авторъ переходитъ къ изложенію своихъ универсальныхъ средствъ, къ размноженію растеній.

Но какъ въ то время невозможно было писать книгу, безъ теологическихъ разсужденій,—то, конечно, и въ сочиненіи Агриколы встрѣчается весьма много теологическихъ сужденій. Такъ, напримѣръ, Агрикола пускается въ длинное обсужденіе вопроса, въ *какомъ именно мѣсяцѣ* Богъ сотворилъ свѣтъ со *всѣми деревьями*,—и приходитъ къ результату, что это было въ *сентябрѣ мѣсяцѣ*, потому что въ этомъ мѣсяцѣ на большей части деревьевъ *созрѣваютъ плоды*,—а если бы *міръ* былъ сотворенъ *ранѣе*,—хоть бы въ апрѣлѣ,—какъ доказывали другіе теологи, основываясь *на книгахъ Моисея*,—то вѣдь Адаму пришлось бы голодать.

Чтобы возможно нагляднѣе представить *горе*, когда *нѣтъ лѣсу*,—въ книгѣ выводится еще разъ Адамъ со своею женою Евою.

Они только что изгнаны изъ рая. Ева — въ послѣднихъ потугахъ предъ родами, и требуетъ отъ Адама теплую дѣтскую комнату, и вотъ—о горе,—Адамъ нигдѣ не находитъ лѣсу. Тутъ-то Адаму приходитъ свѣтлая мысль,—и когда его дорогая Эва родила сына,—онъ назвалъ послѣдняго Agricola, т. е. пахаремъ, земледѣльцемъ,—и обучалъ его земледѣлію и садоводству.

Послѣ того, Ной, Авраамъ и всѣ патріархи постоянно разводили деревья и занимались садоводствомъ.

Вотъ въ какомъ духѣ писались сочиненія въ началѣ XVIII вѣка.

Настоящее ядро сочиненія — составляетъ 3 секція. Тутъ объясняется, какъ дѣлать *отводки,* сажать деревья, прививать и окулировать, и для успѣха рекомендуется употребленіе муміи.

Продавая мумію особо, Агрикола напередъ себя ограждаетъ отъ упрековъ въ случаѣ неудачи. — Онъ предваряетъ, что мумія оказываетъ успѣхъ только тогда, когда ее будутъ употреблять при надлежащей температурѣ, согрѣвая на огнѣ, а если чуть температура не надлежащая, то успѣховъ не будетъ.

А для измѣренія температуры—еще не были въ ходу термометры.

Едва-ли было бы справедливымъ упрекнуть Агриколу за то, что онъ, въ началѣ XVIII вѣка, восхвалялъ свой arkanum,—когда уже много лѣтъ спустя все еще вѣрили въ подобныя универсальныя снадобья.

Напримѣръ, въ 1773 году—берлинская академія наукъ назначила премію за лучшее разрѣшеніе слѣдующаго вопроса:

«Какое средство наиболѣе достовѣрно и удобопримѣнимо для содѣйствія и ускоренія роста деревъ въ лѣсахъ, и чтобы притомъ отъ примѣненія того средства не только не уменьшалась, но напротивъ увеличивалась прочность и крѣпость древесины».

Изъ множества поступившихъ отвѣтовъ, — *премія* была *присуждена* имперскому почтмейстеру *Гильдебранту* въ Гомбургѣ, который совѣтовалъ всѣ деревья въ лѣсу *удобрять* особымъ составомъ, именно изъ смѣси негашеной *извести, золы, крови* и *мочи.*

Академія не только не обратила вниманія *на* невозможность примѣненія такого средства въ обширныхъ лѣсахъ Пруссіи, но даже не сдѣлала никакихъ замѣчаній на совершенную несообразность увѣреній, какія Гильдебрантъ помѣстилъ въ своемъ отвѣтѣ—перечисляя дѣйствія своего средства на ростъ дерева.

Вторая премія, въ 40 фридрихсдоровъ, присуждена совѣтнику провинціальнаго правленія въ Бланкенбургѣ, Брокке, который скорѣе заслуживалъ первую премію.

Брокке совѣтовалъ правильное прорѣживаніе насажденій и основательно изложилъ теорію проходныхъ рубокъ.

Колерусъ и Карловичъ—были не спеціалисты въ лѣсной администраціи, Флеммингъ былъ любитель-охотникъ, Агрикола—шарлатанъ-промышленникъ, но первое сочиненіе, вызванное нуждами лѣсной администраціи, явилось ранѣе Карловича, но почему-то на

него нѣмецкою литературою не указывается. Это, вышедшее въ 1710 году сочиненіе, свидѣтельствуетъ, что въ самой лѣсной администраціи чувствовалась необходимость дать низшимъ лѣснымъ чинамъ *руководство,* какъ бы инструкцію, для управленія лѣсами.

Книга эта написана оберъ-ландегермейстеромъ, въ Веймарѣ, *Германомъ фонъ-Гейхгаузеномъ.*

(Hermann *Fridrich von Göchhausen*) и озаглавлена:

Notabilia venatoris oder Jagd und Waldwerks-Anmerkungen, wie es seithero bei der Löbl. Jägerei gehalten, welche Dinge practicabel oder unpracticabel geachtet u. was vor Gebräuche u. Gewohnheiten theils Orthen eingeführt u. gewiesen worden, auch wie vielerlei Arthen derer Gehölze hin u. wieder in Waldungen sich finden, wie dieselben nützbarlich abzuholzen u. zu gebrauchen, auch anderen unterschiedlich, einem Forstbedienten zu wissen nöthige Sachen, nicht weniger aller bekannten Vögel Eigenschaften, so viel man aus der Erfahrung wahrgenommen hat, aufgezeichnet von einem die Jägerei liebenden Weidmann, welcher gerne in Wäldern hörete früh der Vögel Gesänge. Nordhausen 1710. Folio.

Второе изданіе 1732 года, съ именемъ автора. Написано безъ всякой системы. Но хорошо изложены способы обработки лѣса. Неправильную рубку на пріискъ авторъ осуждаетъ, однако, не указывая, какъ избѣгнуть невыгоды.

О проходныхъ рубкахъ ничего не говоритъ.

Также объ искусственныхъ способахъ разведенія умалчиваетъ. Егерское искусство—преобладаетъ. Для нашего времени книга эта тѣмъ хороша, что обрисовываетъ, полнѣе другихъ, состояніе лѣсного хозяйства въ началѣ XVIII вѣка.

Въ теченіе первой трети XVIII столѣтія мы не находимъ ни одного изъ занятыхъ въ лѣсахъ егерей, который бы публично сообщалъ о собранныхъ имъ по своему ремеслу опытахъ. Егеря были слишкомъ мало образованы, недостаточно владѣли перомъ и не рѣшались выступить на литературномъ полѣ. Но уже многіе сознавали недостатокъ своего обученія и необходимость лучшей подготовки.

Когда же между многими егерями было уже замѣтнымъ болѣе внимательное отношеніе къ хозяйственнымъ нуждамъ лѣсовъ, у другихъ егерей, и притомъ у большинства, не хватало нравственныхъ силъ, чтобы вырвать глубоко засѣвшіе корни тѣхъ взглядовъ старыхъ служакъ, которые вслѣдствіе практиковавшихся вѣками привычекъ, вошедшихъ въ обычай, теряли способность различать дозволенное отъ недозволеннаго въ распоряженіяхъ чужимъ имуществомъ, а потому такіе егеря крѣпко отстаивали стародавніе порядки. При подобныхъ условіяхъ общее состояніе лѣсовъ не улучшалось и слухи объ истребленіи лѣсовъ и возможной опасности скораго ихъ недостатка для сильно возросшаго народонаселенія опять возникли въ концѣ XVII вѣка. Однимъ изъ первыхъ послѣдствій такого страха

было то, что въ Германіи почти всѣ правительства распорядились въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія посылкою особыхъ довѣренныхъ лицъ и даже цѣлыхъ комиссій для осмотра и обревизованія лѣсовъ. Работа эта шла чрезвычайно медленно, несмотря на множество подтвержденій объ ускореніи. Такъ, напримѣръ, въ Саксоніи особая комиссія, на которую возложено было описаніе лѣсовъ и обревизованіе ихъ, продолжала работу свою 40 лѣтъ и наконецъ, все-таки, въ 1730 году потребовалось дать ей новую подробную инструкцію. На основаніи новой инструкціи, на комиссію возлагалось: 1) Озаботиться улучшеніемъ лѣсного хозяйства и изысканіемъ средствъ къ бережливому употребленію лѣса. 2) Содѣйствовать возобновленію лѣсовъ. 3) Указать мѣры къ прекращенію злоупотребленій. 4) Составить проектъ лѣсного устава.

Существованіе лѣсной комиссіи въ Саксоніи прекратилось въ 1733 году, но, несмотря на долговременныя изысканія и значительныя на то издержки, результаты комиссіи выразились только въ томъ, что открыто было много злоупотребленій (въ томъ числѣ одно очень крупное—одинъ оберъ-форстмейстеръ выстроилъ изъ казеннаго лѣса 40 домовъ) и найдено огромное количество валежника и сухоподстоя въ лѣсахъ. Но какъ измѣнить нежелательный безпорядокъ въ лѣсахъ и улучшить лѣсное хозяйство, этотъ важнѣйшій вопросъ остался невыясненнымъ. Съ подобными же послѣдствіями окончилось описаніе и ревизія лѣсовъ во всей Германіи.

Во всякомъ случаѣ, германскія правительства, большихъ и малыхъ государствъ, получили убѣжденіе, что лѣса въ плохомъ состояніи, что настоящаго хозяйства въ нихъ не ведется, что охраненіе лѣса недостаточное, а злоупотребленій не мало.

Во всей Германіи, въ теченіе XVIII вѣка, начались преобразованія въ казенной лѣсной администраціи.

Устройство администраціи послѣдовало не во всѣхъ германскихъ государствахъ одинаковое, въ частностяхъ явилось много различій, но общимъ повсюду было то, что образовались три главныя инстанціи:

1. Высшая инстанція—центральная для всего государства лѣсная администрація,—направлявшая все лѣсное дѣло въ государствѣ. Эта инстанція въ болѣе крупныхъ государствахъ составляла особую часть въ министерствѣ финансовъ, а въ мелкихъ землицахъ чаще всего присоединялась къ кабинету государя. Впрочемъ, и въ Пруссіи сначала всѣ распоряженія по лѣсной части исходили изъ кабинета, состоящаго при особѣ короля; при кабинетѣ была генеральная дирекція лѣсовъ, которая одно время была переименована въ лѣсной департаментъ, а уже гораздо позже, въ 1811 году, центральное лѣсное управленіе вошло въ составъ министерства финансовъ.

2. Средняя инстанція—наблюдающая и контролирующая въ извѣстномъ округѣ или провинціи за точнымъ исполненіемъ законныхъ постановленій и распоряженій высшей инстанціи.

3. Низшая инстанція — на которую возлагалось ближайшее на мѣстѣ завѣдываніе лѣсами и приведеніе въ исполненіе по лѣсничествамъ предписаній начальства. Въ помощь чинамъ третьей инстанціи (оберъ-ферстерамъ и ферстерамъ, то, что у насъ лѣсничіе), назначались помощники и сторожа, для охраненія лѣсовъ и присмотра за производившимися тамъ работами.

Во многихъ германскихъ государствахъ привлеченъ былъ къ лѣсной службѣ военный элементъ. Этимъ надѣялись водворить въ лѣсной администраціи болѣе строгую субординацію и точность въ отправленіяхъ служебныхъ. Идея эта возникла въ Пруссіи. Тамъ Фридрихъ II учредилъ въ 1740 году отдѣленіе пѣшихъ егерей, въ которые поступали сыновья лѣсничихъ и егерей. Скоро изъ нихъ образовался полкъ въ 1560 человѣкъ, раздѣленный на 10 ротъ. Отслужившіе тамъ срокъ военной службы егеря получали право на опредѣленіе ихъ на мѣста унтерферстеровъ или же лѣсныхъ сторожей (Hegemeister). Въ томъ же 1740 году учреждено также отдѣленіе конныхъ егерей (конный фельдъегерскій корпусъ), который комплектовался также сыновьями лѣсныхъ чиновъ и—какъ сказано въ повелѣніи короля—«честными людьми со здравымъ смысломъ» (Treue Leute mit gutem Verstand).

Въ мирное время фельдъегеря должны были изучать лѣсное дѣло практически у хорошихъ ферстеровъ; по окончаніи же срока военной службы, этихъ фельдъегерей назначали на службу по лѣсной администраціи.

Съ подобною же цѣлью и на сходныхъ основаніяхъ, позже были учреждены въ Вюртембергіи въ 1783 году егерская гвардія (Jäger-garde), существовавшая до 1793 года и замѣненная затѣмъ эскадрономъ фельдъегерей; въ Килѣ образованъ былъ въ 1785 году датскій егерскій корпусъ (голстинскіе егеря). Гораздо позже основаны фельдъегерскіе корпуса въ Гановерѣ и въ Гессенѣ.

Лучшіе изъ лѣсничихъ-егерей, занявшись усердно хозяйствомъ въ завѣдываемыхъ ими лѣсахъ, собрали богатый запасъ опыта въ ремеслѣ своихъ занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуя недостатокъ своего начальнаго школьнаго образованія, для пополненія его, занялись самообученіемъ, пока нѣкоторые изъ нихъ сознали въ себѣ настолько силъ, что рѣшились выступить сообщеніемъ своихъ мнѣній въ печати. И вотъ, изъ круга лѣсничихъ-егерей, выступаетъ въ 1739 году первымъ, на литературномъ поприщѣ, Шармеръ (Christian Carl Scharmer). Сочиненіе его подъ заглавіемъ: «In der Erfahrung gegründete Gedanken über die Conservation der alten und Anlegung neuer Holzungen». Книжечка вышла въ формѣ діалога, въ вопросахъ и отвѣтахъ (2-е изданіе напечатано въ 1748 году).

Шармеръ велъ хозяйство въ Голстиніи и знакомъ съ выборочною рубкою, но весьма порядочно объясняетъ, какъ должно сѣять дубовые и буковые жолуди въ питомникахъ, какъ подрѣзать саженцы, какъ ихъ выкапывать и усаживать.

За нимъ выступаетъ въ лѣсоводственной литературѣ въ 1746 г. другой аудидактъ, лѣсничій-егерь Дёбель (Heinrich Wilhelm Döbel). Его сочиненіе: «Eröfnete Jägerpractica», съ предисловіемъ канцлера университета въ Галле барона Вольфа, обратило на себя въ то время большое вниманіе, чему, вѣроятно, много способствовало и предисловіе знаменитаго философа.

Дёбель, научившись грамотѣ въ элементарной школѣ, поступилъ для практическаго ученія къ лѣсничему и получилъ патентъ на обученнаго егеря въ 1717 году; послѣ того, служилъ въ Брауншвейгѣ, въ Дессауэ и, наконецъ, въ Губертусбургѣ, въ Саксоніи, гдѣ и издалъ въ 1746 году названное выше сочиненіе, а въ 1747 году «geschickter Hausvater und fleissige Hausmuter».

Во время 7-ми-лѣтней войны Дебель безслѣдно исчезъ.

Въ своемъ сочиненіи Дебель высказалъ много практическаго знанія; въ изложеніи хотя нѣтъ систематичности, но вездѣ проглядываетъ, что то̀, что имъ написано, онъ самъ видѣлъ и дѣлалъ.

Дебелю знакомы были только выборочная рубка и насажденія въ состояніи средняго хозяйства, притомъ въ лиственныхъ лѣсахъ. Съ хвойными лѣсами онъ незнакомъ; этимъ объясняется, что онъ возстаетъ противъ проходныхъ порубокъ и противъ садки хвойныхъ деревъ. Но нашъ авторъ хорошо излагаетъ раздѣленіе лѣсовъ на лѣсосѣки, съемку лѣсовъ, оцѣнку и обмѣръ деревъ. Важенъ Дебель уже тѣмъ, что успѣхъ его книги поощрилъ и другихъ егерей сообщать свои наблюденія, такъ что со временъ Дебеля начинаетъ скопляться опытъ практиковъ.

Изъ числа самоучекъ лѣсничихъ-егерей особенно выдается *Готлибъ Бекманъ*.

Бекманъ внесъ въ лѣсоводство тогдашняго времени двѣ новыя идеи:

1. Это—сплошная рубка, съ правильнымъ присоединеніемъ подъ-рядъ одной лѣсосѣки къ другой, и съ разведеніемъ на нихъ лѣса искусственно.

2. Понятіе о такомъ лѣсоустройствѣ, въ которомъ къ наличному древесному запасу прикладывается весь ожидаемый до времени срубки приростъ, такъ что весь опредѣленный наличный древесный запасъ плюсъ прироста распредѣляется равными на каждый годъ частями на весь срокъ оборота рубки.

Не получивъ научной подготовки, не зная ни естественныхъ наукъ, ни элементарныхъ даже правилъ математики, Бекманъ,— какъ эмпирикъ, выводитъ иногда изъ частнаго случая какого-либо мѣстнаго наблюденія общія правила, генерализируетъ иногда то, что было совершенно случайнымъ явленіемъ; отвергаетъ все, чего самъ не видалъ и не испыталъ. Напримѣръ, не испытавъ самъ садку хвойныхъ деревъ и проходныя рубки, онъ ихъ безусловно отвергаетъ, какъ мѣры негодныя. Его описаніе древесныхъ породъ, въ особенности цвѣтовъ, доказываетъ совершенное незнаніе бота-

ники. Вопросъ, какъ является въ деревѣ короѣдъ, Бекманъ объясняетъ такъ: какъ скоро дерево засыхаетъ, въ немъ сокъ превращается въ кислоту, а въ кислотѣ вырастаетъ короѣдъ.

Въ дѣлѣ организаціи лѣсного хозяйства надо признать наибольшую заслугу Бекмана.

До него только и знали при сплошной рубкѣ разбивать лѣсную дачу на равныя по площади части и каждую изъ нихъ, поочередно, срубать, пока въ теченіе оборота обойдутъ рубкою по всѣмъ частямъ дачи и возвратятся къ первой.

Но такъ какъ прежняя выборочная рубка создала чрезвычайно разновозрастныя насажденія, съ весьма различнымъ въ нихъ количествомъ древесной массы, то на равныхъ площадяхъ получались неравные запасы древесины, такъ что при каждогодной срубкѣ лѣсосѣкъ одинаковой площади, въ иной годъ находили болѣе, въ другой годъ менѣе древесной массы, между тѣмъ, потребности мѣстнаго населенія въ древесинѣ были въ каждомъ году одинаковыя и ихъ надо было удовлетворять. Поэтому Бекманъ возсталъ противъ отвода къ срубкѣ на каждый годъ равныхъ площадей, а требовалъ, чтобы на каждый годъ назначалось къ срубкѣ равное количество древесной массы. Съ этою цѣлью Бекманъ предложилъ:

1. Опредѣлить весь наличный древесный запасъ въ дачѣ.
2. Къ нему прибавить приростъ, ожидаемый на наличный запасъ до конца срубки всей дачи (т.-е., на оборотъ рубки).
3. Величина древесной массы, при годовой рубкѣ, должна быть затѣмъ такая, чтобы въ теченіе оборота срубленъ былъ весь нынѣшній наличный древесный запасъ плюсъ ожидаемаго прироста.

Чтобы выполнить такое предложеніе, надо было достаточно точно опредѣлить наличный древесный запасъ,—указать, какъ великъ приростъ и, наконецъ, найти способъ для вычисленія величины древеснаго запаса, который слѣдуетъ ежегодно вырубать.

Прежде, до Бекмана, въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было оцѣнивать наличный древесный запасъ въ дачѣ или части ея, то одинъ или нѣсколько лѣсничихъ проходили по участку и глазомѣрно, огуломъ, опредѣляли древесный запасъ или же число деревъ. Это признано Бекманомъ недостаточно точнымъ, и онъ поступалъ слѣдующимъ образомъ: обводилъ участокъ лѣса бичевкой, затѣмъ, изготовивъ напередъ разноцвѣтные деревянные гвоздики, избиралъ для каждаго класса толщины дерева особый цвѣтъ и соотвѣтствующаго цвѣта гвоздики втыкалъ въ кору каждаго дерева. Тогда по числу гвоздиковъ каждаго цвѣта становилось извѣстнымъ, сколько находится деревъ каждой толщины.

Объемъ одного дерева каждаго класса толщины опредѣлялся глазомѣрно. Затѣмъ, черезъ умноженіе объема одного дерева на число деревъ той же толщины получался итогъ древесной массы для каждой толщины, а сумма ихъ составляла древесный запасъ всего участка.

Что касается до ежегоднаго прироста, то Бекманъ, по своимъ наблюденіямъ, назначалъ приростъ противу наличнаго запаса на хорошей почвѣ $2^1/_2\%$, на почвѣ средняго качества 2%, а на дурной почвѣ $1^1/_2\%$.

Самый процессъ вычисленія величины ежегодной рубки у Бекмана былъ неуклюжій, по незнанію имъ математики; онъ наугадъ беретъ какую-либо величину годовой массы,—вѣроятно, онъ начиналъ съ величины мѣстной потребности. Эту гадательную величину годовой рубки Бекманъ вычиталъ изъ наличной въ дачѣ массы древесины, къ остатку прибавлялъ годовой приростъ, и этимъ способомъ проводилъ счетъ до послѣдняго года оборота рубки. Если въ концѣ концовъ въ дачѣ окажется избытокъ древеснаго запаса, то значитъ можно къ срубкѣ отводить больше древесины, чѣмъ первоначально предполагалось; если же окажется, что весь наличный запасъ съ прибавленнымъ приростомъ не хватаетъ на всѣ года оборота рубки, то значитъ, надо къ рубкѣ отводить менѣе. Напримѣръ, пусть во всей дачѣ опредѣленъ былъ древесный запасъ 100,000 куб. саж., приростъ принятъ по 2%, оборотъ рубки 100 лѣтъ. Нынѣ мѣстная годовая потребность составляетъ 1,800 куб. саж. Тогда Бекманъ продѣлалъ бы слѣдующую манипуляцію:

Наличный запасъ . . .	100,000	куб.	саж.
Въ первый годъ вырубаютъ	—1,800	»	»
Остается . .	98,200	»	»
2% прирастетъ	+ 1,964	»	»
Запасъ образуется .	100,164	»	»
Во второй годъ вырубаютъ	— 1,800	»	»
Остается . .	98,364	»	»
2% прирастетъ	+ 1,967, 28	»	
Запасъ образуется .	100,331, 28		

и т. д., въ концѣ концовъ окажется, что по истеченіи 100 лѣтъ оборота рубки еще останутся не срубленными 10,100 куб. саж. Слѣдовательно, можно въ каждомъ году рубить болѣе 1,800 куб. саж. Продѣлываютъ счетъ съ другимъ числомъ, пока найдутъ, что можно каждый годъ рубить по 2,010 куб. саж.

Понятно, что такой неуклюжій счетъ Бекмана былъ тотчасъ его современниками исправленъ, именно, пасторъ Фиренкле обратилъ вниманіе на то, что въ математикѣ извѣстна формула для вычисленія суммы прогрессивно уменьшающагося прироста. Слѣдовательно, если наличный запасъ въ 100,000 куб. саж. съ 2% прироста должно вырубить въ 100 лѣтъ, то приростъ

въ первый годъ = 2,000 куб. саж.
въ сотый » = 20 » »

Если сумму прироста перваго и послѣдняго года = 2,020 помножить на половину числа лѣтъ оборота, то получается сумма прироста во всѣ 100 лѣтъ = 2,020 × 50 = 101,000 куб. саж.
наличный запасъ = 100,000 » »

итого . . . 201,000 куб. саж.

Эти 201,000 куб. саж. должны быть вырублены въ 100 лѣтъ, т.-е. каждый годъ по 2,010 куб. саж.

Съ такимъ упрощеніемъ счета, несомнѣнно, что Бекманъ указалъ на новый принципъ для составленія смѣты годовой рубки, основываясь на количествѣ древесной массы, а не на площади лѣса.

Бекманъ былъ противникомъ отвода на каждый годъ къ срубкѣ равныхъ площадей, потому, — какъ мы уже сказали, — что тогда получаются неравныя количества древесныхъ массъ. Быть можетъ, онъ предпочелъ бы своему способу другой для опредѣленія смѣты годовыхъ рубокъ, именно дѣленіе площади дачи на пропорціональныя лѣсосѣки, каковой пріемъ уже практиковался съ 1741 г. въ Геттингенскомъ городскомъ лѣсу ферстеромъ Якоби, — но Бекманъ объ этомъ способѣ не зналъ, такъ какъ въ печати этотъ способъ былъ описанъ только что въ 1788 году (въ Forst- u. Jagdbibliothek. Stuttgart 1788, Stück 2, S. 246).

Бекманомъ было издано четыре сочиненія, и каждое въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Одно изъ сочиненій, именно Календарь, явился въ русскомъ переводѣ Краузольда въ 1773 году, подъ заглавіемъ «Лѣсной временникъ или расписаніе, касающееся до должности ферстера, т. е. лѣсного надзирателя, о производимыхъ имъ въ каждомъ мѣсяцѣ въ цѣлый годъ лѣсныхъ исправленіяхъ, изданный Бекманомъ, а съ нѣмецкаго перевелъ Краузольдъ». Вскорѣ послѣ Бекмана, обратилъ на себя вниманіе одинъ изъ родственниковъ его и такой же какъ онъ самоучка-егерь *Карлъ Христофоръ Эттельдтъ*. Его въ 1761 г. офиціально называютъ «Лѣснымъ геометромъ, по ремеслу егерь». Послѣ онъ былъ лѣсничимъ въ Гейдѣ, близь Ильменау, но въ то же время занимался съемкою и устройствомъ лѣсовъ въ Саксенъ-Гота и въ герцогствѣ Веймарскомъ.

Эттельдтъ въ 1765 г. издалъ сочиненіе «Practischer Beweis, dass die Mathesis bei dem Forstwesen unnentberliche Dienste thut». Вторая же часть вышла въ 1768 г. подъ заглавіемъ «Die Abschilderung eines redlichen und geschickten Försters».

Эттельдтъ послѣ своей смерти, около 1800 г., оставилъ Ильменаускіе лѣса (еловые и пихтовые) въ превосходномъ состояніи. Тамъ большой пустырь, до 1100 моргеновъ (около 300 дес.), обращенъ имъ посадкою деревцевъ въ паркообразный видъ. Вообще Эттельдтъ обладалъ въ совершенствѣ умѣньемъ сѣять и садить. Другихъ, кромѣ поименованныхъ литературныхъ трудовъ, у Эттельдта не было, но практическая его дѣятельность вліяла благотворно не только въ завѣдываемомъ лѣсу, но и въ устроенныхъ имъ дачахъ.

Эттельдта методъ организаціи хозяйства стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ. Онъ высказалъ вѣрную идею, что совмѣстно со съемкою и таксаціею лѣсной дачи, должна быть произведена организація хозяйства (Betriebseinrichtung), т. е. то, что впослѣдствіи Котта назвалъ Forsteinrichtung—лѣсоустройство.

Всѣ лѣсные участки Эттельдтъ дѣлитъ двояко: на классы возраста и на классы добротности насажденій.

Классы возраста у него содержатъ не по равному числу лѣтъ, а образованы по внѣшнему виду, какой большею частью представляютъ насажденія. Обыкновенно такое дѣленіе называютъ дѣленіемъ на естественные классы возраста.

Эттельдтъ образовалъ слѣдующіе естественные классы возраста:

I	классъ	спѣлый лѣсъ	старѣе 75 лѣтъ.
II	»	средній возрастъ . .	отъ 55 до 75 »
III	»	очистившійся лѣсъ . .	» 40 » 55 »
IV	»	жерднякъ » . . .	» 24 » 40 »
V	»	чаща » . . .	» 12 » 24 »
VI	»	молоднякъ » . . .	младше 12 »
VIIа	»	лѣсосѣки, гдѣ имѣется подростъ.	
VIIб	»	прогалины.	

Добротность насажденій различаетъ тремя классами: хорошія, среднія и дурныя насажденія.

При нормальномъ распредѣленіи возрастовъ и полныхъ насажденіяхъ, годовая вырубка выражается площадью всей дачи, раздѣленной на число лѣтъ оборота рубки $\left(\frac{q}{n}\right)$. На этой площади годовой рубки, количество древесной массы опредѣляется на основаніи средняго прироста старшаго возраста (конечно, на единицѣ площади, принятой для счета, т. е. акръ, десятина и т. д.), умноженнаго на лѣта спѣлости и на площадь годовой лѣсосѣки. Эттельдтъ принялъ, что приростъ на готскомъ аккерѣ ($^1/_3$ дес.) равенъ $1^1/_2$ клафтера, изъ коихъ 1 клафтеръ получается при окончательной, главной рубкѣ, а $^1/_2$ клафтера отъ всѣхъ проходныхъ рубокъ.

При ненормальномъ распредѣленіи возрастовъ дѣйствовалъ такъ: онъ сравниваетъ наличныя площади распредѣленія классовъ возраста съ нормальными, и сообразно съ тѣмъ увеличиваетъ или уменьшаетъ годовую рубку, но во всякомъ случаѣ назначаетъ къ срубкѣ только спѣлый лѣсъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, сколько нужно, чтобы средній возрастъ достигъ до лѣтъ спѣлаго возраста. Напр., въ данной дачѣ оборотъ рубки 100-лѣтній, а вся дача заключаетъ 1,000 десятинъ, то при нормальномъ состояніи ежегодно можно рубить $\frac{1,000}{100} = 10$ десятинъ, а спѣлаго лѣса отъ 75 до 100 л. должно быть 250 дес. Если же спѣлаго лѣса будетъ только 150 дес., то ежегодно можно рубить только $150 : 25 = 6$ дес.

Въ спѣломъ классѣ возраста Эттельдтъ отдѣлялъ въ натурѣ по до-

бротности насажденія: хорошія, среднія и дурныя, и для каждой добротности принималъ соотвѣтствующій приростъ. Если бы, напр., въ хорошей добротности приростъ $1^1/_3$ клафт., а въ средней добротности 1 клафтеръ, и на лицо во всѣхъ спѣлыхъ отъ 75 до 100 лѣтнихъ участкихъ 150 акр., изъ коихъ 100 лучшей хорошей, а 50 акр. средней добротности, то въ теченіе 25 лѣтъ поступитъ къ вырубкѣ $= (100 \times 1^1/_3) + (50 \times 1) = 183^1/_3$ клафт., а ежегодно по $7^1/_3$ клафт., слѣдовательно можно срубать въ годъ по $7^1/_3$ акровъ средней добротности или около $5^1/_2$ акк. хорошей добротности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Эттельдтъ въ своемъ сочиненіи весьма хорошо объясняетъ, какъ установить порядокъ вырубки для предупрежденія вѣтроваловъ и вѣтроломовъ.

Въ лиственныхъ лѣсахъ Эттельдтъ имѣетъ въ виду среднее хозяйство, съ оборотами рубки для подлѣска:

Орѣшника и вообще кустарника . .	12 до 15 лѣтъ.
Березы и осины	24 » 30 »
Дуба и бука	36 » 40 »

Въ лиственныхъ лѣсахъ, при среднемъ хозяйствѣ, Эттельдтъ рекомендуетъ при выборѣ годовыхъ лѣсосѣкъ напередъ срубать тѣ участки, которые еще не лишились побѣгопроизводительной способности, а старѣйшіе участки, уже неспособные давать поросль, срубать послѣ или же когда нѣтъ другихъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ, волей-неволей, обновленіе должно быть произведено искусственно.

Въ основаніе организаціи хозяйства, какъ видно, легла идея пропорціональныхъ лѣсосѣкъ, а методъ Эттельдта представляется зачаткомъ органическихъ или лѣсоустроительныхъ методовъ таксаціи.

Еще и другой современникъ Бекмана, принадлежащій также къ школѣ егерей, и такой же самоучка, какъ Бекманъ, былъ *Мелхіоръ Христіанъ Кёплеръ* (Käpler).

Кёплеръ издалъ нѣсколько дѣльныхъ сочиненій и первый—наперекоръ общему мнѣнію тогдашняго времени—высказалъ убѣжденіе, что лиственный лѣсъ на дрова надо рубить въ полносочіи,—съ средины марта до конца апрѣля.

Это положеніе вызвало цѣлый рядъ возраженій, и послужило началомъ къ продолжительному—и до половины текущаго столѣтія непрекращавшемуся спору,—когда рубить низкоствольный лѣсъ: въ соку или зимою. *Кеплеръ* расходился въ мнѣніяхъ съ Бекманомъ въ дѣлѣ организаціи лѣсного хозяйства; былъ противникомъ принципа обезпеченія постоянной годовой вырубки на исключительномъ основаніи вычисленія и распредѣленія древесныхъ массъ, и защищалъ принципъ *дѣленія площади* и обезпеченія ею годовыхъ вырубокъ. Кёплеръ требуетъ съемки лѣса на планъ, бонитировку почвы тремя классами, вычисленія пробныхъ площадей въ каждомъ классѣ добротности почвы, и опредѣленія по результатамъ пробныхъ площадей общей величины древесной массы годовой рубки, на отводи-

мыхъ равныхъ площадяхъ. Жаль, что эту свою идею Кёплеръ не довелъ до конца, съ полною ясностью, но, по намекамъ его, онъ близокъ къ принципу органическаго метода лѣсоустройства по площади.

Въ это время,—во второй половинѣ XVIII столѣтія,—начался между эмпириками-егерями—долго и упорно продолжавшійся споръ относительно многихъ вопросовъ лѣсного хозяйства. Каждый поддерживалъ свое мнѣніе, основанное на личномъ наблюденіи и опытѣ.

Особенно дѣятельное участіе въ полемикѣ принимали Бекманъ, Дебель, Кеплеръ, Бюхтингъ, Брокке.

Изъ нихъ Бюхтингъ обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что онъ былъ первый изъ егерей, который послѣ ремесленнаго обученія въ лѣсу и полученія патента на егеря, ранѣе чѣмъ перейти на высшія должности по лѣсной администраціи, сперва поступилъ въ университетъ въ Галле и тамъ изучалъ есстетвенныя науки, металлургію и математику.

По сочиненіямъ Бюхтинга, вышедшимъ съ 1752 по 1798 года, видно, что сущность его взглядовъ состоитъ въ слѣдующемъ: прежде всего надо лѣсную дачу снять на планъ; рубить должно столько, сколько приростаетъ, а для этого раздѣлить дачу на столько лѣсосѣкъ, сколько нужно лѣтъ, чтобы первая лѣсосѣка вновь достигла спѣлости; надо предпочесть рубку сплошными лѣсосѣками, съ оставленіемъ лишь въ лиственныхъ лѣсахъ нѣкотораго числа деревъ, отъ 15 до 20 на акрѣ (30—40 деревъ на десятинѣ), въ хвойныхъ же лѣсахъ сѣменныхъ деревъ не должно оставлять, а слѣдуетъ лѣсосѣку изъ руки засѣвать сѣменами, или же можно получить самосѣвъ отъ возлѣ растущаго лѣса. Садку хвойныхъ деревъ признаетъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ удобопримѣнимой.

Съ Бюхтингомъ какъ бы замыкается фаланга егерей-лѣсничихъ, занимавшихъ видное мѣсто въ лѣсохозяйственной литературѣ. Конечно, оставалось еще много егерей, продолжавшихъ исполнять обязанности лѣсничихъ, но въ большинствѣ изъ нихъ уже укрѣпилось сознаніе, что уровень образованія лѣсничаго долженъ быть возвышенъ, чтобы удовлетворять всѣмъ современнымъ требованіямъ, а потому сами же егеря начали посылать своихъ сыновей въ болѣе соотвѣтствующія учебныя заведенія, не ограничиваясь одною практическою подготовкою къ ремеслу. Сознаніе этого тѣмъ болѣе распространялось въ кругу егерей, что на глазахъ ихъ происходила перемѣна въ общемъ составѣ административнаго персонала во всѣхъ отрасляхъ правительственнаго управленія, въ томъ числѣ и лѣсного. Въ центральное управленіе болѣе и болѣе проникали камералисты, общая научная подготовка которыхъ была неизмѣримо выше ихъ предшественниковъ. Камералисты, стоя близко къ дѣлу, всматривались въ работу мѣстныхъ лѣсничихъ, собирали отъ нихъ свѣдѣнія о томъ, что и какъ производится, а затѣмъ и направляли болѣе разумно хозяйство и при ревизіяхъ были требовательнѣе. Камера-

листы, по своей научной подготовкѣ, имѣли возможность приводить въ нѣкоторую систему всѣ разнообразныя работы лѣсничихъ,—они, поэтому, совершенно естественно, явились и первыми систематиками теоретической стороны лѣсоводства. Мы и находимъ, что уже въ камералистической библіотекѣ Цинка, изданной въ 1751—1752 гг., говорится объ ученіи лѣсохозяйственномъ, какъ о части камеральныхъ знаній. Также и въ государственномъ хозяйствѣ, изданномъ Юсти, упоминается о лѣсномъ хозяйствѣ. Но первое систематическое, исключительно лѣсоводственное сочиненіе издано въ 1757 году, въ видѣ энциклопедіи всѣхъ знаній нужныхъ лѣсничему, подъ заглавіемъ «Grundsätze der Forstöconomie», двѣ части, сочиненіе Вильгельма Готфрида фонъ-Мозера (Основаніе лѣсной экономіи).

Вильгельмъ Готфридъ фонъ-Мозеръ происходилъ изъ семьи знаменитыхъ въ Германіи камералистовъ.

Отецъ его былъ извѣстный ученый по части государственнаго хозяйства и статистики. Братъ его былъ дармштадтскимъ министромъ.

Самъ же онъ, Вильгельмъ Мозеръ, кончилъ университетскій курсъ въ Галле и Тюбингинѣ. Послѣ того продѣлалъ практическое лѣсоводственное ученіе у извѣстнаго въ то время форстмейстера фонъ-Лангенъ. Позже онъ былъ лѣснымъ совѣтникомъ, затѣмъ оберъ-форстмейстеромъ Дармштадтскимъ и, наконецъ, тайнымъ совѣтникомъ и егермейстеромъ, президентомъ Палаты и посломъ въ Ульмѣ, гдѣ онъ и умеръ 31 января 1793 г.

Мозеръ не обладалъ такими обширными практическими знаніями лѣсного дѣла, какъ многіе изъ современныхъ ему егерей-самоучекъ, но его, по тогдашнему времени, основательное научное образованіе, широкое знаніе юридическихъ и политическихъ наукъ, доставляло ему возможность систематизировать всякій научный матеріалъ; поэтому его энциклопедія имѣетъ такія научныя достоинства, которыхъ не находимъ ни въ сочиненіяхъ Дебеля, ни Бекмана, ни другихъ егерей.

Мозеръ первый изложилъ систематически лѣсоводство, хотя и далеко не удовлетворительно по нынѣшнимъ понятіямъ.

Въ 1-й части описаніе древесныхъ породъ и болѣзней и пороковъ деревъ. (Довольно плохо). Потомъ дѣленіе лѣсовъ на лѣсничества, дачи и лѣсосѣки. Далѣе, жатва и употребленіе лѣсныхъ продуктовъ, ученіе объ образованіи насажденія.

Во 2-й части—лѣсоохраненіе, егерское искусство, ученіе о лѣсныхъ побочныхъ произведеніяхъ,—о верховной власти надъ лѣсами частными и общественными; о содержаніи въ порядкѣ границъ владѣнія и объ описаніи лѣса. Наконецъ, объ управленіи лѣсами.

Кромѣ того, онъ издалъ нѣсколько мелкихъ сочиненій, и былъ редакторомъ журнала «Лѣсной Архивъ» (Forstarchiv).

Дальнѣйшимъ поводомъ къ систематизированію лѣсоводственныхъ знаній было то, что съ 1770 г. введено было въ университетахъ преподаваніе лѣсоводства на камеральныхъ факультетахъ.

Тамъ имѣли цѣлью подготовлять чиновниковъ для государственной службы съ разнообразными знаніями по финансовому управленію, а такъ какъ въ университетахъ вовсе не предназначалось образовать спеціалистовъ-лѣсничихъ, то и самое преподаваніе не было къ тому приноровлено. Камералистовъ надо было главнѣйшимъ образомъ знакомить съ финансовымъ значеніемъ какъ лѣсовъ, такъ и производящихся тамъ работъ, и съ юридическою стороною лѣсного дѣла. Изученіе же техническихъ лѣсоводственныхъ пріемовъ предоставлялось изучать всякому практически, либо ранѣе, либо позже университета. Но разъ являлась надобность преподавать теорію лѣсоводства систематически, — надобность эта и вызвала рядъ подобныхъ сочиненій.

И точно, каждый изъ профессоровъ, читавшихъ въ университетахъ на камеральномъ факультетѣ лѣсоводство, систематизировалъ по-своему всю область свѣдѣній, необходимыхъ для лѣсохозяйственнаго знанія. Безспорно, что уже приведеніемъ въ систему всѣхъ наблюденій и опытовъ, собранныхъ практиками-лѣсничими, было положено начало къ научной обработкѣ лѣсоводственныхъ знаній,—но этимъ еще не поднята вся область лѣсохозяйственнаго искусства на степень науки. Оставалось еще и каждое положеніе, сложившееся изъ опыта, объяснить научно, а для этого нужна была помощь со стороны основныхъ наукъ: математическихъ, естественныхъ и политико-экономическихъ. Надо было заняться приложеніемъ этихъ основныхъ наукъ къ лѣсоводству. Дѣло не легкое и оно не могло скоро совершиться, тѣмъ болѣе, что въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтій ни естествознаніе, ни политико-экономическія ученія еще не были настолько установившимися, чтобы могли каждое явленіе удовлетворительно объяснить, да и надо было чтобы сами ученые заинтересовались вопросами лѣсоводственными. Въ послѣднемъ отношеніи первый толчокъ данъ былъ во Франціи, трудами знаменитаго Дюгомель дю Монсо, который съ особою любовью занялся изслѣдованіями лѣсовъ и издалъ шесть, спеціально къ нимъ относящихся сочиненій:

1) Physique des arbres. 4. 2 vol. Paris. 1758.
2) Des semis et plantations des arbres et de leur culture. 1760.
3) De l'exploitation des bois. 1764.
4) Du transport, de la conservation et de la farse des bois. 1767.
5) L'art de charbonnier ou manière de faire le charbon.
6) Traité des arbres et arbustes, qui se cultivent en pleine terre. 1755.

Всѣ эти сочиненія, почти немедленно за появленіемъ оригиналовъ, были переведены на нѣмецкій языкъ; второе изъ поименованныхъ—швейцарцемъ Оттъ, а остальныя Эльгафеномъ фонъ-Шелленбахъ (Oelhafen von Schöllenbach). Послѣднимъ, кромѣ того, изданы еще и хорошіе рисунки дикорастущихъ деревъ и кустовъ, въ 3-хъ частяхъ, съ 1767 до 1788 г.

Но и выдающіеся нѣмецкіе ученые были привлечены къ разработкѣ лѣсоводственныхъ вопросовъ уже въ XVIII столѣтіи.

Профессоръ ботаники въ медицинскомъ институтѣ въ Берлинѣ и въ то же время директоръ ботаническаго сада *Гледичъ* (Johann Gottlieb Gleditsch) былъ приглашенъ съ 1770 г. читать ботаническія и лѣсоводственныя лекціи коннымъ фельдъегерямъ. Плодовитый писатель этотъ обратилъ свои изслѣдованія на дикорастущія деревья и издалъ также спеціальное лѣсоводственное сочиненіе: «Systematische Einleitung in die neuere aus Ihren eigenthümlichen physikalisch - ökonomischen Gründen hergeleitete Forstwissenschaft. 1774—1775. 2 Bd.

Профессоръ въ Геттингенѣ *Гмелинъ* изслѣдовалъ причины засыханія деревъ отъ насѣкомыхъ и издалъ: «Abhandlung von der Wurmtrokniss» 1787.

Ученыя изслѣдованія *Боркгаузена* европейскихъ бабочекъ выяснили значеніе ихъ для лѣса (Borkhausen, «Naturgeschichte der Europäischen Schmetterlinge», 5 Bände. 1788—94).

Фонъ - Вангенгеймъ, бывшій впослѣдствіи оберъ - форстмейстеромъ въ Гумбиненѣ, издалъ въ 1781 году сочиненіе, въ которомъ описалъ сѣверо-американскія древесныя и кустарныя породы, пригодныя для разведенія въ Германіи (Beschreibung einiger nordamerikanischen Holz- und Busch-Arten, mit Anwendung auf deutsche Forsten, zum Gebrauche für holzgerechte Jäger und Anflanzer).

Извѣстный натуралистъ *Бехштейнъ* уже въ XVIII столѣтіи вступилъ въ тѣсную связь съ лѣснымъ хозяйствомъ, учредивъ, какъ ниже увидимъ—особое лѣсное училище,—хотя его сочиненія о вредныхъ лѣсныхъ насѣкомыхъ, его лѣсная ботаника, охотничья зоологія и ученіе объ охраненіи лѣсовъ—относятся къ первымъ годамъ XIX вѣка.

Наконецъ, *Бургсдорфъ,* который, какъ ученый, хоть и не составляетъ особую знаменитость, но, по оказанному имъ вліянію на лѣсное дѣло, обращаетъ на себя наше вниманіе. Онъ по своему происхожденію (сынъ оберъ-егермейстера въ Готѣ) и научному образованію, выросшій въ средѣ высшаго общества и хорошо знакомый со свѣтскими манерами салона, имѣлъ доступъ во всѣ вліятельные общественные кружки и, пользуясь этимъ, проводилъ многія полезныя начинанія въ прусскомъ лѣсномъ управленіи, да и самъ достигъ званія оберъ-форстмейстера. Бургсдорфъ въ 1777 году вступилъ въ лѣсную службу, а въ 1787 году ему поручено было чтеніе лекцій въ Берлинѣ. Въ концѣ XVIII вѣка общественное мнѣніе въ Германіи опасалось за бѣдствія отъ недостатка лѣсовъ, а Бургсдорфъ еще усилилъ эти опасенія своими предсказаніями,— основанными однако на фантастическихъ разсчетахъ, что крайній недостатокъ въ лѣсахъ наступитъ для Германіи съ 1819 до 1859 года. Мѣрою же къ отвращенію бѣдствія Бургсдорфъ предложилъ разводить въ широкихъ размѣрахъ акацію, лиственницу, веймутову

сосну, тую и т. п. скоро растущія породы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открылъ и торговлю сѣменами указанныхъ имъ породъ, до смерти своей (умеръ 1802 года). Бургсдорфъ издалъ въ 1788 году сочиненіе «Allgemeiner theoretisch-practischer Lehrbegriff sämtlicher Forstwissenschaften». Изданіе второе вышло въ 1790 году.

Одно изъ сочиненій Бургсдорфа переведено на русскій языкъ и озаглавлено:

«Руководство къ надежному воспитанію и насажденію иностранныхъ и домашнихъ деревъ, которыя въ Германіи, равномѣрно въ средней и южной части Россіи, на свободѣ произрастать могутъ. Переведено съ нѣмецкаго студентами Московскаго университета въ школѣ практическаго земледѣлія, подъ руководствомъ тайнаго совѣтника и оной школы главнаго директора Бакунина». С.-Петербургъ, 1801—1803 г.

По настоянію и подъ руководствомъ Бургсдорфа изданы прекрасные рисунки деревъ и кустовъ Рейтера и Абеля, въ четырехъ тетрадяхъ 1790, 91, 92 и 94 годахъ.

Теоретическая разработка лѣсоводственныхъ вопросовъ и систематика,—какъ мы видимъ, — двигались въ XVIII вѣкѣ довольно усердно въ Германіи, но какъ большинство лѣсничихъ были весьма плохо подготовлены къ веденію хорошаго хозяйства, то доставшіяся въ наслѣдство отъ XVII столѣтія изрѣженныя, заваленныя валежникомъ лѣсонасажденія, множество пустопорожнихъ прогалинъ, обгрызанные скотомъ молодняки,—оставались и до конца XVIII столѣтія, большею частью, въ жалкомъ состояніи. Практика не поспѣвала за теоріей. Да и въ Германіи было время, когда въ лѣсахъ не все обстояло благополучно. Исторія сохранила намъ много къ тому доказательствъ. Въ одномъ календарѣ 1699 года (см. Gwinners Monatsschrift für das Würtembergische Forstwesen B. IV (1853, S. 197), сказано: «Лѣсничій, если желаетъ доставить пользу своему господину, долженъ много трудиться,—работы предстоитъ бездна, однако важнѣйшая обязанность та, чтобы быть *честнымъ*, а что не всѣ они таковы, въ томъ, къ сожалѣнію, насъ убѣждаетъ опытъ».

Въ 1752 г. издана брошюра Броке: «Случайныя мысли о природѣ, свойствахъ и размноженіи дикихъ деревъ» (Christian Brocke, Blankenburgicher Regierungsrath: Zufällige Gedanken von der Natur, Eigenschaft und Forstflanzung der wilden Bäume), гдѣ авторъ рисуетъ яркими, не красивыми красками, современныхъ ему лѣсничихъ и состояніе лѣсовъ.

Мы читаемъ даже въ одномъ Баварскомъ генеральномъ мандатѣ (указѣ) отъ 3 марта 1778 г. слѣдующее: «На егерей жалуются не только на то, что они заботятся о чрезмѣрно большомъ размноженіи дичи, но и на многія ихъ самовольства: на притѣсненіе ими народа налогами, на неотпускъ топлива изъ корыстныхъ цѣлей, на то, что безчеловѣчно дерутся и разныя другія безобразія чинятъ; по всему сказанному—(заключаетъ указъ)—мы, не входя въ преслѣдованіе

всего прошлаго, предваряемъ, что если подобное повторится въ будущемъ, то послѣдуетъ взысканіе великое...».

Наконецъ, въ самыхъ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, въ 1798 году, вышла брошюра Зауербрунна: «Лѣсоводственныя порицанія» (Forst-Rügen von Karl Georg Sauerbrunn. Manheim 1798), гдѣ авторъ въ предисловіи говоритъ о совершенномъ уничтоженіи лѣсовъ, о расточительномъ употребленіи лѣсного матеріала богатыми людьми, о маломъ уваженіи, какимъ пользуется лѣсная часть, и о возрастающихъ жалобахъ на сильное возвышеніе цѣнъ на лѣса и на ихъ недостатокъ. Далѣе авторъ, указывая на разныя мѣры, какія считаетъ нужными для улучшенія лѣсной части, между прочимъ, пишетъ: «Важнѣйшее зло—это воровство лѣса. Простой народъ не признаетъ даже вовсе за воровство самовольную порубку». Вразумить народу безнравственное значеніе кражи лѣса, по мнѣнію автора, лежитъ на обязанности духовенства. Но еще болѣе необходимымъ Зауербруннъ находитъ имѣть честныхъ, дѣятельныхъ и свѣдущихъ лѣсничихъ. Къ сожалѣнію,—продолжаетъ авторъ,—нынѣшніе лѣсничіе рѣдко таковы. Нѣтъ другого сословія, которое бы пользовалось столь малымъ, какъ лѣсничіе, уваженіемъ. Причина та, что мѣста лѣсничихъ замѣщаются личностями, которыя роняютъ достоинство своего званія безнравственнымъ поведеніемъ, пьянствомъ, руганью и проч. и проч. Да и замѣщаются мѣста безъ соображенія съ заслугами и качествами, требуемыми для лѣсничаго, а большею частью такими личностями, вся заслуга которыхъ состоитъ въ томъ, что они хорошіе стрѣлки и опытные охотники; на высшія же должности по лѣсной части имѣютъ привилегію лишь знатные дворяне. Конечно, и между послѣдними есть люди вполнѣ почтенные и свѣдущіе и пекущіеся о лѣсахъ, но лишь въ видѣ исключенія. Большею же частью дворяне, получивъ высокое мѣсто по лѣсной части, мало заботятся о благосостояніи лѣсовъ, а предаются страстно охотѣ,—и эта страсть становится источникомъ зла, уже тѣмъ, что такія лица,—власть имѣющія,—и отъ которыхъ зависитъ назначеніе на должности лѣсничихъ, награждаютъ, за услуги на охотѣ, недостойнаго егеря званіемъ лѣсничаго. При выборѣ лѣсничаго ищутъ въ немъ, преимущественно, силу кулака, а не разумъ головы и честность сердца. Всякаго мало грамотнаго признаютъ способнымъ быть лѣсничимъ. Неудавшійся сынокъ, чувствующій отвращеніе къ школѣ, отправляется или въ полкъ на исправленіе, или въ обученіе къ егерю, завѣдывающему лѣсами. Въ послѣднемъ мѣстѣ убогій сынокъ, рыская на волѣ по лѣсу, знакомится съ слѣдами и привычками дичи, выучивается мѣткой стрѣльбѣ, чисткѣ ружья, заряжанію его,—и получаетъ затѣмъ свидѣтельство на званіе обученнаго егеря, а съ такимъ патентомъ въ карманѣ его ждетъ и мѣсто лѣсничаго. Нужно ввести добрую экономію въ лѣсахъ, т. е. устранить вредныя для лѣсовъ привычки, опредѣлить свѣдущихъ лѣсничихъ, имѣть строгій надзоръ, издать хорошіе законы и ин-

струкціи, сила которыхъ однако не должна быть ослабляема тѣмъ, что правонарушители не подвергаются заслуженному наказанію, и т. д.

Оберъ-форстмейстеръ изъ Грилленбурга (въ Саксоніи) въ донесеніи отъ 4 октября 1799 года, пишетъ: «Лѣсные чины ни малѣйшаго знанія не имѣютъ, какъ опредѣлять величину площади земли, какъ собирать и сохранять древесныя сѣмена; имъ совершенно чужды пріемы, нужные для посѣва лѣса, не знакомы они ни съ природою возращаемыхъ деревъ, ни съ условіями, необходимыми для успѣшнаго возрастанія лѣса: не знаютъ ухода за нимъ и мѣръ его сбереженія. Кромѣ того, предубѣжденіе и недовѣріе къ дѣлу новому, дотолѣ неслыханному, — вотъ затрудненія, которыя прежде всего долженъ побороть начальникъ, если желаетъ, чтобы его распоряженія имѣли хотя посредственный успѣхъ. Затрудненія эти тѣмъ болѣе тягостны, что и самъ начальникъ долженъ откровенно сознаться, что самъ онъ имѣетъ весьма темное и шаткое понятіе о томъ, какъ распорядиться лѣсоразведеніемъ и что изъ книгъ не можетъ изучить всѣ подробности, необходимыя для распоряженій въ большомъ видѣ».

Не безъинтересно также то, что пишетъ Гатци въ 1805 году (Die echten Ansichten der Waldungen und Förster, gegenwärtig über ihre Purificationen, sammt der Geschichte des Forstwesens im Allgemeinen, vorzüglich in Bayern, von Joseph Hazzi, General-Directionsrathe in München. 1805). Гатци говоритъ: «При вступленіи моемъ въ 1794 году совѣтникомъ въ придворную контору въ Мюнхенѣ, я нашелъ тамъ повсюду путаницу: свѣтъ боролся съ тьмою, наука съ невѣжествомъ, юридическое варварство и адвокатская изворотливость вели ожесточенную войну съ культурою и потребностями времени. Меня завалили грудою бумагъ, въ которыхъ не было никакого толку, которыя не доставляли никакого яснаго понятія о сущности лѣсного дѣла, и только тогда, когда я отправился въ самые лѣса, туманъ на мѣстѣ спалъ съ глазъ моихъ: я убѣдился, что формалистика и сутяжничество завязали гордіевъ узелъ, который надо было не распутывать, а разрубать, какъ безполезный для дѣла, потому что какъ бы ни разрѣшили формально путаницу, дѣло отъ того ни на волосъ не выиграло бы. Я началъ съ того, что подвергъ разсмотрѣнію права и притязанія къ лѣсамъ подданныхъ, привелъ въ ясность отношенія правъ жителей къ лѣсамъ, и въ теченіе 9 лѣтъ такимъ образомъ исчезли сами собою нескончаемые процессы».

И *насѣкомыя не щадили нѣмецкихъ лѣсовъ.*

Старинное гнѣздилище гусеницъ составлялъ имперскій лѣсъ вблизи Нюрнберга. Тамъ въ 1449, 1450, 1599 и 1600 годахъ жрала совиноголовка; въ 1726 году сильныя поврежденія наносила тамъ лѣсамъ какая-то гусеница, точный видъ которой неизвѣстенъ.

Не менѣе часто повреждались насѣкомыми лѣса въ равнинахъ сѣверо-восточной Германіи, гдѣ господствовала сосна. Такъ въ 1502, 1506, 1532 гг., въ Маркъ-Бранденбургѣ, произвела громадныя поврежденія гусеница большого сосноваго шелкопряда.

Въ 1590—1593 годахъ въ лѣсахъ Лаузица, а въ 1605 году въ Курмаркѣ явилось громадное множество гусеницъ, но видъ ихъ неопредѣленъ. Въ 1638 году въ окрестностяхъ Тангермюнде пожирали хвою гусеницы большого сосноваго шелкопряда и монаха. Въ 1728 году тамъ же замѣчено чрезвычайное размноженіе монаха, но лѣса въ этомъ году мало пострадали. Въ 1736—1738 годахъ монахъ причинялъ опасныя поврежденія въ Курмаркѣ и Альтмаркѣ. Послѣ того, гусеницы въ сѣверо-восточной Германіи не были замѣчены до 1776 года, а съ этого года начался тамъ долгій и истребительный для хвойныхъ лѣсовъ періодъ сильнаго размноженія гусеницъ. Пожираніе началось въ Шенебекѣ и перешло въ окружающіе Берлинъ лѣса. Оттуда гусеницы распространялись въ лѣса Помераніи, и кончился этотъ періодъ истребленія только что въ 1787 году. Никто не зналъ, что предпринять противъ насѣкомыхъ, какъ остановить истребленіе, такъ что никакихъ общихъ мѣръ и не было принято. Хотя Гледичъ и представлялъ правительству записку съ мнѣніемъ о необходимыхъ мѣропріятіяхъ, но ни высшее лѣсное начальство, ни мѣстные лѣсничіе, не имѣя никакихъ въ этомъ дѣлѣ знаній, ни на что не рѣшались. Какая именно гусеница истребляла лѣса, въ этомъ періодѣ времени неизвѣстно. Гледичъ былъ того мнѣнія, что вредилъ сосновый шелкопрядъ, но Геннертъ сомнѣвается въ томъ. Вѣроятнѣе, что одновременно, или же поочередно, пожирали хвою свою сосновый шелкопрядъ, монахъ и совиноголовка.

Послѣ этихъ тяжкихъ опустошеній не прошло и четырехъ годовъ, какъ въ лѣсахъ Маркъ-Бранденбурга опять началось пожираніе хвои большимъ сосновымъ шелкопрядомъ, истребившимъ $^1/_7$ часть всѣхъ тамошнихъ лѣсовъ (съ 1791—1794 годъ). Въ то же время прошла опустошительная буря на пространствѣ 700 кв. миль (въ Саксоніи, Бранденбургѣ, Лаузицѣ, Познани), гдѣ повалило около милліона деревъ.

Въ лѣсахъ Лаузица появленіе гусеницъ повторялось нѣсколько разъ (1750—1754, 1774), но съ 1784 года тамъ сосновый шелкопрядъ особенно сильно размножился и истреблялъ лѣса; на короткое время гусеница тамъ какъ бы исчезла, но съ новою силою появилась въ 1794 году. Послѣ нея, съ 1806—1808 г. начала губить лѣса совиноголовка, а вслѣдъ за нею, съ 1809—1812 года, загнѣздились въ стволахъ деревъ короѣды, которые завершили лѣсоистребленіе. Въ помогу гусеницамъ и короѣдамъ, въ дѣлѣ истребленія лѣсовъ, явились сильныя бури, которыя еще болѣе изрѣживали пострадавшія отъ насѣкомыхъ лѣсонасажденія. Особенно сильны были бури въ ноябрѣ 1800 году, октябрѣ 1801 года, январѣ 1813 года, февралѣ и мартѣ 1817 года и августѣ 1819 года.

На крайнемъ сѣверо-востокѣ Германіи довольно часто повторялось поврежденіе лѣсовъ насѣкомыми съ 1793 года. Въ этомъ году явилась въ огромныхъ массахъ какая-то черная гусеница въ лѣсни-

чествѣ Напивода, которая не была извѣстна ни лѣсничему, ни форстмейстеру. Позже въ 1803, 1804, 1805, 1808, 1815, 1816—1818 годахъ, явились тамъ въ разныхъ мѣстахъ гусеницы монаха, совиноголовки, большого сосноваго шелкопряда и лже-гусеницы сосноваго пилильщика.

Менѣе свѣдѣній дошло до насъ о поврежденіяхъ насѣкомыми лѣсовъ центральной части Германіи. Однако извѣстно, что въ большихъ количествахъ явились гусеницы въ 1719 году въ лѣсахъ около Фрейберга въ Саксоніи; въ 1724 году въ Тюрингенѣ; въ 1725 году около Ансбаха, но какое именно насѣкомое повреждало тамъ лѣса — не знаютъ. Въ 1795 году опустошительно повреждалъ монахъ лѣса Шлейца, гдѣ производилась сильная подсочка деревъ для добыванія сѣры. Въ 1796 и 1797 годахъ то же самое насѣкомое перешло въ Саксонскіе лѣса.

Сильнымъ поврежденіямъ отъ гусеницъ, короѣдовъ и бурь подверглись лѣса Гарца съ 1780 года. Хотя еще ранѣе, какъ сообщаетъ Крамеръ, въ 1747 году, въ молодыхъ еловыхъ насажденіяхъ на Гарцѣ появилось множество какой-то зеленоватой гусеницы, но о послѣдствіяхъ ея поврежденій намъ ничего неизвѣстно; за то съ 1780 до 1800 года происходило въ ужасающихъ размѣрахъ опустошеніе лѣсовъ короѣдами. Цѣлыя лѣсныя дачи обращались въ сплошной сухоподстой, такъ что бури, бушевавшія въ 1800, 1807 и 1808 годахъ, повалили всѣ эти сухіе стволы и образовали прогалины на 7 до 8000 гектаровъ.

Въ разстроенныхъ хвойныхъ и во многихъ лиственныхъ лѣсахъ большинство лѣсничихъ продолжало выборочную рубку. Начавшаяся кое-гдѣ уже съ конца XVII столѣтія сѣменная рубка мало распространялась и медленно совершенствовала свои пріемы, такъ что не ранѣе 1788 г. явилось первое довольно полное описаніе сѣмянныхъ лѣсосѣкъ, въ сочиненіи Крегтинга*) «Beiträge zur Forstwissenschaft»; ученіе о проходныхъ рубкахъ отвергалось многими, даже такими практиками, какъ Дёбель, и только Эттельдтъ, Брокке и немногіе другіе поняли важное значеніе такихъ прорубокъ, но пріемы и примѣненіе ихъ мало подвигались впередъ. Единственныя мѣропріятія, которыя развивались и начали во второй половинѣ вѣка примѣняться къ обновленію срубаемыхъ лѣсосѣкъ — это посѣвъ лѣса; посадку же деревъ примѣняли преимущественно на угодьяхъ внѣ лѣсовъ, очень рѣдко на вырубленныхъ лѣсосѣкахъ, — но пріемы посадки усовершенствовались. Уже въ 1757 году коммерціи совѣтникъ въ Майнцѣ, Гейтебрюкъ (Geutebrück) написалъ хорошую диссертацію о посѣвѣ хвойныхъ сѣмянъ, произведенномъ имъ. Въ Пруссіи офиціально рекомендовали садить сосну съ глыбою земли. Въ Гановерѣ садили сосну для укрѣпленія лету-

*) Крегтингъ былъ русскій подданный, изъ Остзейскихъ губерній, но управлялъ буковыми лѣсами въ Германіи.

чихъ песковъ. На Гарцѣ садили ель пучками. Форстмейстеръ Алертъ, въ Ольденбургѣ, уже въ 1765 году садилъ дубъ на пригоркахъ, съ окучиваніемъ (hügelte seine Eichheister). Въ Пруссіи уже въ 1779 году употребляли, при садкѣ сосны, гнутыя въ полукругъ лопаты (Hohlspaten). Культуру дуба посредствомъ садки стали предпочитать посѣву.

Обороты рубки сильно сокращали, почти вездѣ переходили къ оборотамъ отъ 50 до 90 лѣтъ.

Съ распространеніемъ сплошныхъ рубокъ—дубъ и букъ стали исчезать изъ лѣсовъ.

Иностранныя, особенно сѣверо-американскія древесныя породы стали усердно разводить въ лѣсахъ въ концѣ XVIII вѣка.

Между лѣсничими-практиками въ прошломъ столѣтіи начали выдвигаться отдѣльныя личности своими благотворными работами въ лѣсахъ и хотя нѣкоторыя изъ нихъ не оставили потомству никакихъ литературныхъ трудовъ, другіе немногіе—только замѣтки, но вліяніе ихъ на развитіе лѣсоводства было огромное тѣмъ, что успѣхи, достигнутые ими въ лѣсахъ, вызывали охоту и у другихъ лѣсовладѣльцевъ къ упорядоченію лѣсного хозяйства, а собранный такими людьми опытъ, чрезъ посредство ихъ учениковъ, распространялся между лѣсными чинами.

Изъ такихъ тружениковъ вспомнимъ, прежде всего, о форстмейстерѣ фонъ-Лангенъ (Johan Georg von Langen). Онъ около 1740 года началъ работать въ герцогствѣ Брауншвейгъ. Фонъ-Лангенъ не получилъ предварительной научной подготовки, а обучался по обычаю тогдашняго времени практически лѣсному дѣлу и пріобрѣлъ патентъ на егеря.

Прирожденный умъ указалъ Лангену, на первыхъ же шагахъ его дѣятельности, что въ лѣсахъ, находившихся въ чрезвычайной безпорядочности, гдѣ крестьяне пользовались разными побочными произведеніями изъ лѣсовъ, и гдѣ въ насажденіяхъ перемѣшаны были деревья различныхъ возрастовъ, нельзя лѣсничему въ своихъ распоряженіяхъ преслѣдовать исключительно только одни лѣсоводственные интересы, но должно принимать въ соображеніе также интересы крестьянъ и ихъ сельскаго хозяйства, а потому, въ случаѣ противоположности тѣхъ и другихъ, нужно жертвовать менѣе важными изъ нихъ въ пользу болѣе важныхъ. Эти соображенія служили Лангену руководящею программою. Поэтому онъ какъ можно менѣе стѣснялъ крестьянъ въ ихъ пользованіи травою, отводилъ имъ выгоны для скота въ удобнѣйшихъ мѣстахъ и старался, взамѣнъ прекращаемой разработки крестьянами земель, на прогалинахъ внутри лѣсовъ, предоставлять мѣстнымъ жителямъ во временное пользованіе ту землю, которая предназначалась къ новому разведенію лѣса. Въ этомъ случаѣ, вѣроятно, Лангенъ первый, который на лѣсосѣкахъ, послѣ отдачи ихъ подъ вспашку и разведеніе хлѣбовъ, подъ послѣдній ихъ высѣвъ производилъ и высѣвъ еловыхъ и сосновыхъ сѣмянъ, вы-

ращивая съ хлѣбами и лѣсъ,—пріемъ, который и въ настоящее время примѣняется съ блестящимъ успѣхомъ. Проходныя рубки въ лѣсахъ Лангенъ велъ постоянно и съ успѣхомъ, но въ этомъ дѣлѣ, заслуживъ благодарность крестьянъ, приходилось ему перенести много упрековъ и непріятностей со стороны начальства, не признававшаго прочистки и проходныя рубки полезными, а напротивъ вредными. Лангенъ произвелъ съемку и устройство въ подвѣдомственныхъ ему лѣсахъ. Слава Лангена, какъ отличнаго лѣсничаго, распространилась не только по Германіи, но и за границею. Уже въ 1736 году его пригласили въ Данію и Норвегію для устройства тамъ лѣсовъ, а въ 1760 году датское правительство отправило къ Лангену на три года въ обученіе 8 молодыхъ людей и затѣмъ въ 1763 году король Фридрихъ V датскій вызвалъ Лангена, съ обучавшимися у него молодыми людьми, для устройства лѣсовъ въ Зеландіи, гдѣ работы и окончены въ 1765 году и въ это же время въ Зеландіи произведены прославившіяся, смѣшанныя изъ ели, пихты, сосны и лиственницы плантаціи Лангена.

Въ Германіи имя Лангена было въ большомъ почетѣ. Къ нему ѣздили многіе лѣсничіе, чтобы ознакомиться съ принимаемыми имъ мѣрами, а молодые люди добивались, какъ бы попасть къ Лангену въ ученіе и получить отъ него дипломъ на обученаго егеря. Многіе изъ его учениковъ, впослѣдствіи, сами были выдающимися лѣсными дѣятелями.

Однимъ изъ такихъ замѣчательныхъ учениковъ Лангена былъ *Цантиръ* (Hans Ditrich Zanthier). Онъ въ 1736 году ѣздилъ съ Лангеномъ и въ Норвегію и послѣ возвращенія устраивалъ также вмѣстѣ съ Лангеномъ лѣса по р. Везеру. Позднѣе онъ былъ форстмейстеромъ у графа Штольбергъ Вернигероде, а съ 1749 года оберфорстъ- и егермейстеромъ въ Ильзенбургѣ, на Гарцѣ, гдѣ онъ въ 1763 году основалъ свою знаменитую школу для обученія лѣсному ремеслу.

Цантиръ былъ также аудидактъ, вышелъ изъ егерей, писалъ мало, но тѣмъ болѣе созидалъ въ самыхъ лѣсахъ,—и обучалъ другихъ.

Изъ сочиненій Цантира извѣстны:

1. Samlungen vermischter Abhandlungen über das theoretische und praktische Forstwesen. Berlin 1778. 2-е изд. 1786 и 3-е изд. 1799, съ замѣчаніями Геннерта.

2. Forstkalender von Zanthier und Lassberg 1772 г. Новыя изданія 1781 и 1793 гг.

3. Kurzer systematischer Grundriss der praktischen Forstwissenschaft, въ 4 B. 1764 г.

Работы по организаціи лѣсного хозяйства производились имъ на началахъ, заимствованныхъ у Лангена. Рамку для всей организаціи составляло дѣленіе дачи на лѣсосѣки, равныя и пропорціональныя, смотря по состоянію насажденій и различіямъ въ качествѣ ихъ.

Древесный запасъ приводился въ извѣстость глазомѣрно. Годовую вырубку, по величинѣ древесной массы, выводилъ, придерживаясь къ методу Бекмана, по расчету на весь оборотъ рубки, который дѣлился на 5-ти-лѣтніе періоды, для каждаго изъ которыхъ отводилась въ натурѣ площадь.

Пріемы проходныхъ рубокъ заимствованы у Лангена и точно такое же, какъ послѣдній, придавалъ и Цантиръ проходнымъ рубкамъ значеніе, т.-е., проходныя рубки производятся для того, чтобы воспользоваться такимъ матеріаломъ, который иначе сгніетъ и пропадетъ. Культурное же значеніе проходныхъ рубокъ еще не зналъ.

Цантиръ воспиталъ много хорошихъ лѣсничихъ. Въ числѣ его учениковъ были Ведель, прусскій оберъ-форстмейстеръ Требра и фонъ Гюнербейнъ.

Другой ученикъ Лангена, бывшій также съ нимъ въ Норвегіи, оберъ-ландфорстмейстеръ *Ласбергъ*, извѣстенъ своими лѣсоустроительными работами въ Брауншвейгѣ, а послѣ въ Саксоніи. Подъ руководствомъ Ласберга сняты на планъ и устроены были почти всѣ лѣса Саксоніи съ 1764 до 1777 гг.

Въ Силезіи также приступлено было къ лѣсоустроительнымъ работамъ. Тамъ, въ гористой части провинціи, уже съ 1750 года началась съемка, и произведено устройство лѣсовъ, примѣняясь къ методу Эттельда, только что годовыя лѣсосѣки въ натурѣ не отводились и классы возраста нѣсколько измѣнены, именно, младшій классъ составляли насажденія моложе 20 лѣтъ, средній классъ—отъ 20 до 40 л., и старшій отъ 40 до 90 лѣтъ и болѣе. Но обширные лѣса въ равнинѣ оставались не обмежеванными и хозяйство въ нихъ не регулировано. Для устройства этихъ лѣсовъ былъ въ 1770 году приглашенъ съ титуломъ ландегермейстера *фонъ Ведель*. Откуда онъ взятъ и чѣмъ прежде занимался,—это неизвѣстно. Извѣстно, однако, что лѣса, въ которыхъ предстояла работа, на 117 тыс. моргенахъ, находились въ разоренномъ состояніи съ множествомъ прогалинъ, отъ бывшихъ чрезмѣрно сильныхъ вырубокъ и пастьбы скота, производившейся безъ соблюденія какого-либо порядка, крестьянами, по сервитутному праву. Надо было владѣльцу имѣнія, графу Шафготцу, дать въ руководство отъ правительства обязательный для него планъ хозяйства. Работа была затруднительная, такъ какъ крестьяне, пользующіеся по сервитуту правомъ пастьбы скота, сопротивлялись всякому ограничиванію ихъ правъ. Съ этимъ обстоятельствомъ надо было считаться.

Въ видахъ сохраненія за сервитутовладѣльцами ихъ правъ и возможности для каждаго селенія выгонять свою скотину въ близкія и удобныя для того мѣста, Ведель, прежде всего, счелъ нужнымъ привести въ извѣстность тѣ площади лѣсовъ, на которыхъ каждое селеніе, въ прежнее время, производило пастьбу скота, и каждую изъ этихъ выгонныхъ площадей выдѣлилъ въ особую хозяйственную часть, какъ бы въ особую дачу, назвавъ такую часть *блокомъ*. Но

такъ какъ въ такія части попадались насажденія различныхъ породъ и различныя качества почвы; а эти различія требовали иногда и различныхъ оборотовъ рубки, то и эти условія приняты были въ уваженіе и послужили также поводомъ для образованія особыхъ блоковъ, вслѣдствіе чего пришлось весь лѣсъ разбить на очень большое число мелкихъ блоковъ, но за то явилась возможность каждому селенію отводить въ удободоступныхъ и близкихъ мѣстахъ выгоны, запрещая пастьбу только на вновь срубаемыхъ лѣсосѣкахъ и въ самомъ младшемъ классѣ возраста. До начатія работъ, подъ руководствомъ Веделя, была составлена Гейслеромъ подробная межевая инструкція, которая въ свое время признавалась образцовою. Далѣе Ведель находилъ невозможнымъ, при данномъ состояніи лѣса, назначать къ срубкѣ лѣсосѣки равной площади, такъ какъ мѣстная потребность должна была быть удовлетворена равными количествами древеснаго матеріала, а потому и величина площади лѣсосѣкъ, смотря по состоянію насажденій, должна быть то бо́льшая, то ме́ньшая, но такая, чтобы на лѣсосѣкахъ находилась равная масса древесины. Поэтому Ведель рѣшился придержаться главныхъ основаній метода Эттельдта, только сдѣлалъ другое дѣленіе насажденій на добротности и на классы возраста. Онъ принялъ 4 добротности насажденій: I—очень хорошія; II—хорошія; III—посредственныя; IV—плохія. Въ каждой добротности насажденій различалъ классы возраста:

Въ I-й добротности принялъ:

1-й классъ. Превосходный строевой и подѣлочный лѣсъ.
2-й » Хорошій строевой и колотый дровяной лѣсъ.
3-й » Подростъ отъ 20—50 лѣтъ.
4-й » Молоднякъ—младше 20 лѣтъ.
5-й » Прогалины и не заросшія лѣсосѣки.

Во II-й добротности принялъ:

1-й » Спѣлый строевой и колотый дровяной лѣсъ.
2-й » Подростъ отъ 20 до 50 лѣтъ.
3-й » Молоднякъ, моложе 20 лѣтъ.
4-й » Прогалины и незаросшія лѣсосѣки.

Въ III-й добротности принялъ:

1-й » Спѣлый дровяной колотый лѣсъ.
2-й » Подростъ отъ 20 до 50 лѣтъ.
3-й » Молоднякъ, моложе 20 лѣтъ.
4-й » Прогалины и незаросшія лѣсосѣки.

Въ IV-й добротносши принялъ:

1-й » Спѣлый лѣсъ 1-го сорта.
2-й » Спѣлый лѣсъ плохой.
3-й » Молоднякъ, моложе 20 лѣтъ.
4-й » Прогалины и незаросшія лѣсосѣки.

Съемкою въ натурѣ выдѣлялись всѣ насажденія по ихъ добротности и по ихъ классу возраста.

Брали пробныя площади для каждой добротности почвы, въ старшихъ классахъ возраста; сосчитывали тамъ количество древесной массы, различая по сортиментамъ и опредѣляя возрастъ счетомъ годичныхъ слоевъ древесины на деревьяхъ, а затѣмъ выводили средній приростъ. Затѣмъ, предполагая, что каждое насажденіе поступитъ къ срубкѣ въ возрастѣ оборота рубки, принятаго различно для каждой добротности насажденія и каждой древесной породы, надѣялись получить на каждомъ моргѣ лѣсосѣки, одного и того же блока, равныя массы и сортименты; послѣ чего не трудно было вывести, сколько древесной массы получится въ теченіе всего оборота рубки, а раздѣленіемъ на число лѣтъ его, сколько можно рубить ежегодно.

Полученное такимъ разсчетомъ количество древесины, возможной къ ежегодной срубкѣ, составляло однакоже только величину абстрактную, которая подлежала поправкѣ. Поправка же состояла въ томъ, что прикидывали, на сколько лѣтъ хватитъ нынѣшнихъ спѣлыхъ участковъ, если изъ нихъ будутъ вырубать ежегодно абстрактную смѣтную величину, а затѣмъ соображали, успѣетъ-ли въ это число лѣтъ подростъ достигнуть до возраста близкаго къ обороту рубки; если нѣтъ, то уменьшали смѣтную пропорцію, т.-е., назначали спѣлый лѣсъ къ срубкѣ въ такое число лѣтъ, чтобы подростъ къ тому времени могъ приспѣть. Въ натурѣ отводились и отграничивались просѣками, въ каждомъ блокѣ, годичныя лѣсосѣки такой площади, на которой по разсчету должна бы находиться смѣтная пропорція древесины; но при дѣйствительной вырубкѣ чаще всего оказывалось, что смѣтную пропорцію древесины получали на площади, которая была или меньше, или же больше отведенной лѣсосѣки. Понятно, что при этомъ границы проектированныхъ въ натурѣ лѣсосѣкъ не совпадали съ площадями дѣйствительно срубаемыми. Кромѣ того, вѣтровалы, пожары и другія поврежденія вынуждали часто измѣнять очередь вырубки, такъ что еще до истеченія XVIII столѣтія, вся работа оказалась непригодной.

Рубку назначено было производить узкими лѣсосѣками, чрезполосно, и вести ее въ хвойныхъ участкахъ въ направленіи съ сѣверо-востока къ юго-западу, въ лиственныхъ же участкахъ, наоборотъ, съ юго-запада къ сѣверо-востоку.

Самъ Ведель ничего не обнародовалъ въ печати о принятыхъ имъ основаніяхъ устройства силезскихъ лѣсовъ. Описаніе этого способа сдѣлалось извѣстнымъ въ литературѣ изъ сообщенія въ 1794 году форстмейстеромъ Визенгаверомъ, бывшимъ у Веделя помощникомъ.

Подобную же попытку къ устройству лѣсовъ, какую сдѣлалъ Ведель въ Силезіи, мы встрѣчаемъ и въ Маркбранденбургѣ, но при совершенно иныхъ мѣстныхъ условіяхъ.

Въ лѣсахъ Маркбранденбурга, преимущественно сосновыхъ, приказано было, уже вскорѣ послѣ 7-ми-лѣтней войны, чтобы взамѣнъ

выборочной, производили лѣсосѣчную рубку. Для этого съ 1780 г. лѣсныя дачи начали разбивать на блоки, т.-е., малыя дачи составляли одинъ блокъ, а въ большихъ—образовали нѣсколько блоковъ. Въ каждомъ блокѣ приказано было рубить годовыя лѣсосѣки, шириною не болѣе 35 рутъ (около 60 саженъ), рубку же вести по направленію съ востока на западъ. Но лѣсосѣки срубались не сплошь, а въ нихъ рубили выборочно. Въ каждомъ блокѣ полагалось по 70 лѣсосѣкъ, при чемъ король Фридрихъ II повелѣлъ, чтобы отнюдь не рубили площадь болѣе одной лѣсосѣки. Это вызвало бы много неудобствъ, если бы на каждый годъ отводить подъ лѣсосѣку площадь въ $^1/_{70}$ всего блока, такъ какъ окрестные жители, по сервитутному праву, могли пользоваться нужнымъ для ихъ домашнихъ надобностей лѣснымъ матеріаломъ, а потребность бывала въ одномъ году бо̀льшая, въ другомъ меньшая. Это заставило вести разсчетъ, при отводѣ для рубокъ въ каждомъ году площади, такъ что нормальная величина годовой лѣсосѣки разбивалась на двѣ половины, и тогда отводили къ рубкѣ либо одну только половину, когда требованія были малыя, либо увеличивали рубку даже до $2^1/_2$ половинокъ лѣсосѣкъ, лишь бы въ среднемъ счетѣ не выходить изъ площади годовой лѣсосѣки, а когда отводили лишь одну половину лѣсосѣки, то часто приходилось ее срубать сплошь, лишь бы не перейти за границу отведенной площади. Вскорѣ уже, въ 1787 году, послѣдовало повелѣніе, чтобы въ видахъ успѣшнѣйшаго возобновленія, устраивать сѣменныя лѣсосѣки, соединяя по 7 годовыхъ лѣсосѣкъ въ одну общую площадь возобновленія, и чтобы до тѣхъ поръ, пока подъ прежнимъ насажденіемъ не явится 3—4-хъ-лѣтній сѣменной всходъ, не переходить къ сплошной рубкѣ.

Между тѣмъ въ 1785 году призванъ былъ въ Маркъ-Бранденбургъ, для обмежеванія и устройства лѣсовъ, *Геннертъ* (Karl Willhelm Gennert).

Геннертъ былъ прежде артиллерійскимъ офицеромъ, послѣ же архитекторомъ въ Рейнсбергѣ. Съ 1780 года онъ занялся межевыми работами въ лѣсахъ и въ то же время произвелъ нѣкоторыя изслѣдованія, а именно, о плотной древесной массѣ въ объемѣ складочной мѣры и о той долѣ, какую составляютъ сучья и хворостъ изъ общей древесной массы всего дерева.

Геннертъ засталъ въ Маркъ-Бранденбургѣ уже готовое дѣленіе лѣсовъ на части, ягени (Jagen), посредствомъ просѣкъ; дѣленіе это сдѣлано было давно, не въ цѣляхъ лѣсохозяйственныхъ, а охотничьихъ, для удобнѣйшаго производства облавъ. Этимъ-то дѣленіемъ на ягени Геннертъ рѣшился воспользоваться и въ видахъ лѣсоводственныхъ. Онъ придалъ этимъ ягенямъ значеніе одной общей, возобновляемой сѣменами площади, въ которой соединены нѣсколько годичныхъ лѣсосѣкъ.

Геннерту поручено было, главнымъ образомъ, межеваніе лѣсовъ и раздѣленіе ихъ на части, согласно послѣдовавшихъ ранѣе пове-

лѣній о рубкѣ лѣсосѣками, чѣмъ онъ и занятъ былъ до смерти, послѣдовавшей въ 1800 году.

Геннертъ въ самомъ началѣ понялъ, что при томъ неправильномъ и разстроенномъ состояніи лѣсовъ, въ какомъ они находились, единственное средство для обезпеченія постояннаго неистощительнаго пользованія древесиною состоитъ въ раздѣленіи лѣсныхъ дачъ на части по площади и поочередной вырубки каждой такой части. Поэтому, важнѣйшая задача заключается въ точной и подробной съемкѣ лѣсовъ и нанесеніи ихъ на планъ.

Главнѣйшая заслуга Геннерта и заключается въ произведенной, подъ его руководствомъ, прекрасной съемкѣ лѣсовъ и раздѣленіи ихъ на части и составленіи хорошей межевой инструкціи.

Лѣса были имъ раздѣлены на блоки, ягени и лѣсосѣки. Послѣ имъ произведена бонитировка насажденій, различая три добротности и выдѣляя ихъ въ особые участки, съ нанесеніемъ на планы; послѣ чего опредѣляли для каждаго участка соотвѣтствующій ему классъ возраста. Для сосны принято было 4 класса возраста (1-й кл. отъ 70 до 140; 2-й кл. отъ 40 до 70; 3-й кл. отъ 15 до 40 и 4-й кл. моложе 15 лѣтъ); для дуба и бука 3 класса (1-й кл. старѣе 100 л., 2-й кл. отъ 30 до 100 л. и 3-й кл. моложе 30 л.); для низкоствольниковъ ольховыхъ и березовыхъ 2 класса (1-й кл. отъ 12 до 35 л., 2-й кл. моложе 12 лѣтъ). Наконецъ опредѣляли количество древесной массы по пробнымъ площадямъ.

Величину годовой смѣты вырубокъ Геннертъ выводилъ сходнымъ образомъ, какъ и Ведель, т.-е., онъ наличный древесный запасъ во всѣхъ участкахъ старшаго возраста раздѣлялъ на столько лѣтъ, сколько ихъ нужно было, чтобы слѣдующій по возрасту классъ насажденій могъ приспѣть. Однако и для участковъ остальныхъ классовъ возраста вычислялось количество древесной массы, какую можно ожидать во время ихъ спѣлости, и такимъ образомъ приводилъ въ извѣстность величину годовой рубки въ каждомъ изъ періодовъ, продолжительность коихъ равнялась числу лѣтъ содержащихся въ каждомъ изъ классовъ возраста. Въ случаѣ недостатка или излишка въ 1-мъ или во 2-мъ періодѣ, Геннертъ соединялъ оба ихъ въ одинъ общій періодъ, и по расчету обоихъ выводилъ годовую смѣтную пропорцію рубокъ. Понятно, что было бы невозможнымъ отвести въ натурѣ, хотя бы на одинъ ближайшій періодъ, каждую годовую лѣсосѣку такой величины, чтобы на ней содержалось то количество древесной массы, какое вычислено для смѣтной пропорціи. Поэтому Геннертъ и не отводилъ на каждый годъ лѣсосѣку, а воспользовался существовавшими ягенями, и по содержанію въ нихъ наличной спѣлой древесной массы вычислялъ, сколько въ данномъ ягенѣ заключается годичныхъ лѣсосѣкъ, которыя и разсматривались, какъ общая сѣменная лѣсосѣка, отведенная на нѣсколько лѣтъ. Изъ-за такого соединенія нѣсколькихъ годовыхъ лѣсосѣкъ въ одну сѣменную, Геннертъ нажилъ себѣ множество непріятностей и со

стороны начальства, и со стороны несвѣдущихъ егерей-лѣсничихъ.

На поприщѣ лѣсоводственной литературы Геннертъ также не мало потрудился. Кромѣ изданныхъ въ 1783 и 1789 годахъ двухъ вспомогательныхъ для лѣсничихъ книгъ, касающихся геометріи и съемки, главное по лѣсной части сочиненіе Геннерта вышло въ 1791 году: «Anweisung zur Taxation der Forsten nach den hierüber ergangenen und bereits bei vielen Forsten in Ausübung gebrachten König. Preus. Verordnungen». Второе изданіе явилось 1803 г.

Кромѣ того, весьма почтенный трудъ Геннерта вышелъ въ 1797 году. «Ueber den Raupenfrass und Windbruch in den K. Preus. Forsten in den Jahren 1791—1794». Это драгоцѣнный и для того времени лучшій историческп-статистическій матеріалъ по этому предмету.

Въ XVIII столѣтіи также была уже разработана мысль объ опредѣленіи величины годовой рубки по среднему приросту.

Въ 1783 году издано Мауреромъ, саксонскимъ оберъ-ферстеромъ въ Зулѣ, сочиненіе: «Betrachtungen über einige sich neuerlich in die Forstwissenschaft eingeschlichene irrige Lehrsätze und Künsteleien». Тамъ онъ разсматриваетъ нѣсколько таксаціонныхъ методовъ, и между ними указываетъ на методъ таксаціи по среднему приросту. Онъ тамъ уже выводитъ, что если лѣсная дача обмежевана и въ ней опредѣлена площадь, занятая каждою добротностью почвы, то взявъ пробныя площади на каждой добротности почвы и вычисливъ, сколько въ спѣломъ возрастѣ находится на одномъ моргенѣ древесной массы, мы, раздѣленіемъ этой массы на число лѣтъ, нужныхъ для приспѣванія лѣса, получаемъ средній годовой прирость на одномъ моргенѣ; а зная величину прироста, стоитъ ее помножить на общую площадь той же добротности почвы, чтобы получить массу, которую можно ежегодно вырубать. Въ концѣ XVIII столѣтія Паульсонъ уже произвелъ изслѣдованія объ отношеніяхъ, какія существуютъ между годичнымъ приростомъ и запасомъ древесины въ лѣсахъ,— о чемъ, однако, не было напечатано, но чѣмъ во второй четверти XIX вѣка воспользовался Гундесгагенъ для вывода своего процента пользованія лѣсами.

Теперь обратимся къ тому, какія мѣры были приняты во второй половинѣ XVII и въ теченіе всего XVIII вѣка для подготовки лѣсничихъ къ лѣсной службѣ.

Въ XVII столѣтіи, когда порядочного лѣсного хозяйства почти не существовало, а интересы охоты почти исключительно преслѣдовались въ лѣсахъ, при опредѣленіи на службу лѣсничаго обращали вниманіе только на то, знакомо-ли опредѣляемое лицо съ пріемами егерскаго искусства. Въ удостовѣреніе такого знанія признавали достаточнымъ, если онъ обучался егерскому искусству у одного изъ опытныхъ егерей и могъ представить выданное ему на званіе егеря цеховое свидѣтельство (Lehrbrief). Для пріобрѣтенія

таковаго, молодой человѣкъ, выучившись въ начальной школѣ читать и писать, отправлялся къ какому-либо старому егерю, года на два, иногда на три, и у него, состоя ученикомъ и знакомясь съ практическими пріемами егерскаго искусства, заканчивалъ все свое ученіе и получалъ цеховое свидѣтельство. Этотъ порядокъ подготовки продолжался и въ теченіе всего XVIII столѣтія, съ тою только разницею, что по мѣрѣ развитія лѣсного хозяйства,—ученикъ, находясь при ферстерѣ, изучалъ тамъ вмѣстѣ съ егерскимъ искусствомъ также всѣ практическіе пріемы, употребляемые въ лѣсномъ хозяйствѣ того лѣсничества.

Къ концу XVIII столѣтія, когда уже у большинства выяснилась необходимость болѣе широкаго научнаго образованія, все-таки каждый, желающій поступить на лѣсную службу, долженъ былъ пріобрѣсти свидѣтельство, что обучался практически, такъ что и знаменитые въ началѣ нынѣшняго столѣтія лѣсоводы должны были обученіемъ у лѣсничихъ добыть себѣ цеховыя свидѣтельства и получили таковыя: Георгъ-Лудвигъ Гартигъ въ 1780 г., Гейнрихъ Котта въ 1783 г., Кенигъ въ 1796 г., Гундесгагенъ въ 1801 г., Пфейлъ въ 1804 г. Правда, что уже во второй половинѣ XVIII столѣтія многіе, послѣ пріобрѣтенія цехового свидѣтельства, заканчивали свое научное образованіе въ университетахъ или подготовлялись, еще ранѣе практическаго обученія, въ гимназіяхъ, такъ и Гартигъ, Котта, Гундесгагенъ—перешли, послѣ практическаго обученія, но ранѣе службы, въ университеты, а до поступленія въ обученіе къ лѣсничему окончили гимназію, Пфейлъ же изъ послѣдняго класса гимназіи пошелъ къ лѣсничему въ обученіе, а послѣ, за неимѣніемъ средствъ къ содержанію, продолжалъ свое научное образованіе самообученіемъ. Но въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда требуемыя отъ лѣсничаго научныя знанія были ничтожныя, а пріемы лѣсного хозяйства не выходили изъ рамокъ ремесла, весьма понятно, что и изученіе ремесла могло ограничиваться практическимъ путемъ у опытнаго лѣсничаго.

Какъ во всѣхъ ремеслахъ, ученикъ отличнаго, извѣстнаго мастера, легче находитъ себѣ впослѣдствіи заработокъ, такъ и въ лѣсномъ искусствѣ, къ прославившимся мастерамъ стремились попасть въ ученики посвятившіе себя этому дѣлу. Мы находимъ, что уже къ фонъ-Лангену старались попасть въ обученіе кто только могъ, что къ нему уже послали изъ Даніи 8 учениковъ. Весьма естественно, что явилась и мысль устроить цеховое обученіе для лѣсничихъ въ учреждаемой для того школѣ. И вотъ въ 1763 году первую такую цеховую школу открываетъ въ Ильзенбургѣ, на Гарцѣ, *Цантиръ*, который уже ранѣе успѣлъ пріобрѣсти себѣ имя великаго мастера лѣсного дѣла.

Цантиръ обучалъ своихъ учениковъ практически, заставлялъ ихъ самихъ производить въ лѣсу всѣ работы, но устроилъ и классныя занятія, гдѣ онъ имъ диктовалъ тѣ правила, которыя, по его опыту,

надо соблюдать въ лѣсномъ хозяйствѣ, объяснялъ имъ послѣдовательность работъ и почему считаетъ нужнымъ поступать такъ, а не иначе. Въ научныя разъясненія онъ не пускался, но упражнялъ въ черченіи плановъ, въ вычисленіи деревъ и древесныхъ запасовъ насажденій, въ составленіи отчетовъ, смѣтъ и т. п.

Уже въ 1765 году распространилась слава открытой Цантиромъ цеховой школы, и въ нее направилось множество молодыхъ людей со всѣхъ концовъ Германіи, а въ 1767 году прусское правительство сочло нужнымъ послать туда, чтобы убѣдиться въ качествѣ школы, особаго комиссара Коха, отъ котораго и поступилъ лестный отзывъ, съ приложеніемъ тетради, продиктованной ученикамъ Цантиромъ. Тетрадь эта донынѣ хранится въ библіотекѣ въ Нейштадтъ-Эберсвальдѣ.

Успѣхи всѣхъ цеховыхъ школъ всегда зависятъ отъ личной даровитости руководителей. Такъ и ильзенбургская школа, со смертью Цантира въ 1778 году, должна была закрыться, и какъ ни трудился форстъ-инспекторъ Гозе поднять опять эту школу, съ переводомъ ея въ 1780 году въ Лаутербергъ, но это не удалось. Да и требованія времени значительно измѣнились, и то, что до 1780 г. еще признавалось достаточнымъ знаніемъ для ферстера, то уже перестало удовлетворять лицъ, желавшихъ взять на себя обязанности лѣсничаго,— тѣ малыя знанія уже стали требовать отъ низшихъ лѣсныхъ чиновъ. Послѣ Цантира хотя и были основаны лѣсныя школы,— но уже съ болѣе поднятой программой ученія.

Еще ранѣе открытія Цантиромъ лѣсной школы, чувствовалась необходимость доставить кандидатамъ на должности лѣсничихъ возможность къ нѣкоторой теоретической подготовкѣ ихъ къ будущей службѣ.

Выше было уже упомянуто, что въ Берлинѣ Фридрихъ II учредилъ въ 1740 году конный фельдъегерскій корпусъ, въ который поступали сыновья лѣсныхъ чиновъ, съ правомъ, послѣ отбыванія военной службы, получать мѣста по лѣсной части. Позже признали нужнымъ, знакомить этихъ людей съ основными положеніями лѣсоводства и съ этою цѣлью пригласили съ 1770 года профессора Гледича читать коннымъ фельдъегерямъ лѣсоводственныя лекціи. Гледичъ и читалъ эти лекціи съ 1770 г. до своей смерти въ 1786 году, а съ 1787 года, чтеніе этихъ лекцій взялъ на себя Бургсдорфъ. Преподаваніе Гледича ограничивалось исключительно ознакомленіемъ слушателей съ ботаническими признаками и жизнью деревъ и теоретическимъ изложеніемъ нѣкоторыхъ лѣсоводственныхъ правилъ, по существовавшимъ руководствамъ.

Практическихъ лѣсохозяйственныхъ занятій вовсе не вводилъ Гледичъ въ свою программу, да и не могъ этого сдѣлать, такъ какъ самъ не былъ знакомъ съ практикою лѣсного хозяйства. Но, кромѣ Гледича, преподавалъ фельдъегерямъ математическія науки поручикъ артиллеріи Оппенъ. Лѣсное начальство въ Берлинѣ скоро по-

няло, что оно выбрало преподавателя не вполнѣ соотвѣтствующаго и начало посылать лучшихъ изъ обучавшихся фельдъегерей, для пополненія ихъ лѣсоводственныхъ знаній, въ Ильзенбургъ къ Цантиру. Когда обученіе фельдъегерей передано было Бургсдорфу, то преподаваніе улучшилось на многое и для практическихъ занятій отправлялись обучающіеся въ Тегель, близъ Берлина... По программѣ своей, школа Бургсдорфа была выше цеховой школы и нѣсколько ниже среднеучебнаго заведенія. Въ началѣ возлагали много надеждъ на эту школу и ее стали прославлять, но позже, хотя ею и завѣдывалъ Бургсдорфъ до своей смерти въ 1802 году, но школа закрылась, какъ-то незамѣтно.

По примѣру Берлина и въ другихъ государствахъ началось преподаваніе лѣсоводства.

Герцогъ Карлъ Вюртембергскій уже въ 1770 году открылъ во дворцѣ Солитюде военно-садовую школу, а съ 1772 года приказалъ тамъ преподавать и лѣсныя науки, и отдѣлилъ лѣсную школу, какъ особое спеціальное заведеніе, которому даны богатыя учебныя пособія и обширное, до 800 моргеновъ, лѣсное имѣніе. Съ 1791 года лѣсная школа герцога Карла обращена была въ высшее учебное заведеніе, съ двухъ-лѣтнимъ теоретическимъ курсомъ, по тогдашнему времени, обширнымъ. Лѣсоводство съ 1772 до 1790 г. преподавалъ Сталь, послѣ его профессоръ Гартманъ, до закрытія заведенія въ 1794 году. Въ школѣ герцога Карла окончили курсъ многіе изъ отличившихся впослѣдствіи лѣсоводовъ: Гейтеръ, Рейтеръ, Егеръ, Зейтеръ, Пфиценмейеръ, Мейеръ, графъ Спонекъ, Бонгеръ. Изъ того же заведенія вышли: ботаникъ фонъ-Кернеръ и извѣстный граверъ Абель.

Герцогъ Карлъ, кромѣ высшаго лѣсного учебнаго заведенія, учредилъ въ 1782 году также среднее лѣсное училище въ Гогенгеймѣ. Тамъ подготовляли на должности лѣсничихъ, служащихъ въ конномъ лейбъ-егерскомъ корпусѣ. Преподавателями были Рейтеръ, читавшій лекціи по главнымъ лѣснымъ предметамъ, и Егеръ—естественныя науки.

Со смертью герцога Карла, въ 1793 году, лѣсное училище въ Гогенгеймѣ закрылось. Вмѣсто коннаго лейбъ-егерскаго корпуса учрежденъ былъ фельдъ-егерскій эскадронъ, а для служащихъ въ немъ начали преподавать лѣсоводство не ранѣе 1818 года.

Въ 1785 году въ Килѣ учреждена, на подобіе Гогенгеймской, средняя лѣсная школа для образованія датскаго егерскаго корпуса, гдѣ лѣсоводство читалъ сперва Варнштедтъ, а послѣ Ниманъ.

Въ Баваріи рѣшено было уже въ 1786 году учредить въ Мюнхенѣ среднюю лѣсную школу, но она открыта только что въ 1790 г., гдѣ училъ Децель и Грюнбергеръ. Позже, въ 1803 году, эта школа переведена въ Вейенъ-Стефанъ, гдѣ продолжалъ читать Децель.

Такъ какъ всѣ правительственныя лѣсныя учебныя заведенія въ XVIII вѣкѣ страдали недостаткомъ практическихъ упражненій въ

лѣсахъ, то стали возникать также частныя среднія лѣсныя учебныя заведенія, открываемыя лѣсничими.

Уже въ 1790 году, а офиціально въ 1791 году открылъ *Георгъ-Людвигъ Гартигъ*, въ Гунгенѣ, практическую лѣсную школу. Въ первомъ 1790 году тамъ обучалось 18 человѣкъ, а въ 1797 году было тамъ учениковъ 70 человѣкъ. Въ 1797 году Гартигъ, съ перемѣною своего мѣста служенія, перевелъ свою школу съ учениками въ Дилленбургъ. Когда французскія полчища въ 1806 году заняли ландграфство Гессенское, выгнали самого ландграфа и подъ своимъ протекторатомъ соединили его владѣнія съ великимъ герцогствомъ Бергомъ, то Гартигъ, несмотря на сдѣланныя ему предложенія, отказался отъ служенія иностраннымъ пришельцамъ и закрылъ свою лѣсную школу.

Въ школѣ Гартига, въ Гунгенѣ, между прочими кончили курсъ братъ Гартига Эрнстъ Фридрихъ и извѣстный впослѣдствіи оберъ-форстъ-директоръ въ Дармштадтѣ Клипштейнъ.

Къ Гейнриху Коттѣ напросились въ практическое ученіе много молодыхъ людей, даже такихъ, которые еще ранѣе пріобрѣли въ другихъ лѣсничествахъ цеховое свидѣтельство на обученаго егеря. Это подало поводъ къ открытію Коттою *въ Цильбахѣ* въ 1795 г. средняго лѣсного училища, которому гросгерцогъ Саксенъ-Веймарскій назначилъ субсидію и отвелъ помѣщеніе и устроилъ лѣсо-ботаническій садъ. Въ школѣ у Котта преподавалъ, между прочимъ, до 1800 года извѣстный впослѣдствіи Госфельдъ, а еще болѣе прославившійся Кенигъ кончилъ въ Цильбахѣ курсъ своего обученія и впослѣдствіи былъ тамъ учителемъ. Лѣсная школа въ Цильбахѣ существовала до перехода въ 1811 году Котта на службу въ королевство Саксонское, куда Котта перевезъ и своихъ учениковъ и открылъ, сперва на свои средства, частное лѣсное заведеніе въ Тарантѣ, взамѣнъ котораго только въ 1816 году правительствомъ учреждена тарантская академія, о которой рѣчь еще будетъ ниже.

Въ 1792 году Бехштейнъ подалъ герцогу Гота проектъ учрежденія учебнаго заведенія по лѣсной части, въ которомъ бы преподавалось лѣсоводство на началахъ естественныхъ наукъ. Но герцогъ не согласился открыть на свои средства подобное заведеніе. Тогда Бехштейнъ на свой счетъ купилъ небольшое имѣніе *Кемноте*, близъ Вальтерсгаузена, и тамъ открылъ частное лѣсное училище весною 1795 года.

Слава Бехштейна, какъ ученаго автора многихъ сочиненій по части естественныхъ наукъ, быстро перешла и на его училище. Въ особенности устремились туда дѣти аристократіи. Заведеніе было организовано на здравыхъ педагогическихъ началахъ, съ хорошими преподавателями. Но при заведеніи не было достаточной величины лѣска, негдѣ было демонстративно разъяснять лѣсоводственныя правила и вести практическія упражненія. Бехштейнъ просилъ, чтобы правительство взяло на казенный счетъ заведеніе и перевело

его въ болѣе удобную мѣстность, гдѣ бы былъ лѣсъ. Ходатайства его оставались безуспѣшными. Тогда Бехштейнъ въ 1799 году объявилъ о закрытіи своего училища. Во всѣхъ газетахъ высказано было сожалѣніе о прекращеніи существованія такого прекраснаго учебнаго заведенія, но въ это время правительствомъ было рѣшено учредить на счетъ казны лѣсную школу въ *Дрейсихаккеръ*, близъ Мейнингена, куда и перевести училище Бехштейна, съ назначеніемъ его тамъ директоромъ. Въ концѣ 1800 года послѣдовало открытіе лѣсного училища въ Дрейсихаккерѣ, а въ 1803 году оно названо академіей, о дальнѣйшей судьбѣ которой скажемъ при разсмотрѣніи XIX столѣтія.

Частныя лѣсныя школы, кромѣ вышеназванныхъ, были въ XVIII вѣкѣ открываемы еще во многихъ мѣстахъ, но всѣ онѣ были недолговѣчны. Такъ, въ 1795 году открылъ оберъ-форстмейстеръ Дрейсъ школу, которая существовала до 1800 года; въ Дессау открылъ школу въ 1798 году оберъ-форстмейстеръ Гаршенъ, но она существовала едва годъ; въ томъ же 1798 году открылъ школу оберъ-форстмейстеръ Вицлебенъ въ Вальдау, около Касселя, но она закрыта въ 1806 году.

Преподаваніе лѣсоводства въ нѣмецкихъ университетахъ, на каммеральномъ факультетѣ, началось почти одновременно между 1770 и и 1780 годами. Лѣсоводство читали: въ Лейпцигѣ—Леонгарди, въ Іенѣ—Сукковъ, въ Кейзерлаутернѣ—Юнгъ-Стиллингъ, въ Майнцѣ—Мюлленкамфъ, въ Мангеймѣ — Юнгъ, Медикусъ и Гаттереръ, въ Фрейбургѣ—Трункъ, въ Гиссенѣ—Вальтеръ. Двое послѣднихъ наиболѣе замѣчательны изъ всѣхъ преподававшихъ въ университетахъ. Читали въ то время лѣсоводство для каммералистовъ, не задаваясь цѣлью образовать лѣсничихъ.

Лѣсоводственные вопросы, занимавшіе въ XVIII столѣтіи лѣсничихъ и требовавшіе объясненій и взаимнаго обмѣна мыслей и наблюденій, — вначалѣ, до 1763 года, не имѣли особаго своего органа печати, а обсуждались въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Лѣсничіе, изъ школы егерей, пользовались для помѣщенія своихъ замѣтокъ болѣе всего «Allgemeine Deutsche Bibliothek», «Jena'sche allgemeine Literatur-Zeitung», «Göttinger gelehrten Anzeigen», «Oberdeutsche allgemeine Literatur-Zeitung».

Лѣсничіе-каммералисты пользовались болѣе: «Die ökonomischen Nachrichten» (съ 1750—1763 г. 15 частей, послѣ продолжались до 1773 года подъ названіемъ: «Neue ökonomische Nachrichten», 5 частей); «Ökonomisch-physikalische Abhandlungen» 1751—1760 г. 5 частей; «Hannoversche Beiträge zum Nutzen und Vergnügen» 1759—1762 г. 4 части, продолжались до 1790 года подъ заглавіемъ: «Hannoversches Magazin», а позже подъ заглавіемъ: «Neues Hannoversches Magazin», «Zinkens Leipziger Sammlungen von wirthschaftlichen- Polizei- Kammer- und Finanz-Sachen» 1742,—1767, 16 частей. «Beckmanns physikalich-ökonomische Bibliothek».

Специальное лѣсное періодическое изданіе началъ первый издавать каммералистъ Сталь (Iohann Friedrich Stahl).

Его «Allgemeines ökonomisches Forstmagazin» 1763—1769, 12 частей. Оно возобновилось съ 1776—1779 г. «Heueres Forstmagazin», подъ редакціей Францмадгеса (Franzmadhes, 3 части); послѣднее явилось и на латинскомъ языкѣ «Bibliotheka forestoria».

Въ 1788 и 1789 г. «Forst- und Jagd-Bibliotek».

Съ 1788—1795 г. издавалось «Forst-Archiv zur Erweiterung der Forst- und Jagdwissenschaft und der Forst-und Jagdwissenschaftlichen Literatur», 17 частей, подъ редакціей Мозера.

Продолжалось съ 1796—1807 г. подъ названіемъ «Neues Forstarchiv», подъ редакціей Гаттерера.

Съ 1790—1799 г. «Journal für das Forst und Jagdwesen», 5 частей, издавалъ Рейтеръ.

Съ 1797—1800 г. «Forstjournal», издавалъ Medicus, 2 тетради.

Съ 1798—1803 г. «Der Förster oder neue Beiträge zum Forstwesen», редакт. Гельденбергъ.

Въ 1798 году издалъ Линкеръ одинъ томъ журнала «Der besorgte Forstmann». Здѣсь надо еще упомянуть объ ежегодно издававшемся альманахѣ Вильдунгена, съ 1794—1799 г., подъ заглавіемъ «Neujahrs-Geschenk für Forst und Jagdliebhaber», а съ 1800—1812 г. подъ заглавіемъ «Taschenbuch für Forst und Jagdfreunde». Оно ненаучнаго содержанія, но содержитъ весьма веселые и остроумные разсказы, въ прозѣ и стихахъ, изъ жизни лѣсничихъ и охотниковъ, и доставляло лѣсничимъ развлеченіе.

Для ознакомленія со старымъ законодательствомъ по лѣсной части въ Германіи, хорошими источниками служатъ также:

Бергіусъ, издавшій 10 частей, съ 1781—1788 г., сборника избранныхъ мѣстныхъ нѣмецкихъ законовъ, касающихся полиціи и каммералистики.

Мюленкамфъ — сборникъ лѣсныхъ уставовъ разныхъ странъ. «Sammlung der Forstordnungen verschiedener Länder». I часть—1791 г., II часть—1796 г.

Здѣсь собраны преимущественно австрійскіе и зальцбургскіе уставы.

ГЛАВА IV.

Лѣса и лѣсное хозяйство въ Германіи въ XIX столѣтіи.

Въ наслѣдство отъ XVIII столѣтія достались Германіи лѣса, разстроенные и обремененные разнообразными сервитутами, равно и чрезвычайно тяжелая правительственная опека надъ частными лѣсами. Общественное же мнѣніе людей встревожено было страхомъ ожидаемаго скораго недостатка лѣсного матеріала; между тѣмъ умѣніе ухаживать за лѣсами, возобновлять и разводить ихъ вновь и организовать прочно лѣсное хозяйство,—находилось какъ бы въ зачаточномъ лишь состояніи. Лѣсному вѣдомству предстояли трудныя задачи, тѣмъ болѣе запутанныя, что французская революція выдвинула новые жизненные вопросы, съ которыми нельзя было не считаться.

Провозглашенный французской революціей принципъ личной свободы и равенства всѣхъ,—принципъ, зародившійся въ сферѣ политической и соціальной жизни, перешелъ вскорѣ и въ сферу промышленную, гдѣ нашли, что онъ сходенъ съ идеями, высказанными незадолго предъ тѣмъ въ Англіи Адамомъ Смидтомъ о свободѣ въ сферѣ хозяйственной дѣятельности людей. Тогда господствовавшая въ экономической жизни Германіи меркантильная система (такъ какъ тамъ никогда не было много приверженцевъ физіократовъ) вступила въ борьбу съ ученіемъ Адама Смидта, и послѣднее ученіе пустило губокія корни. Перемѣна во взглядахъ экономическихъ не могла не коснуться и лѣсоводства. Въ отношеніи къ нему прежде всего обратили на себя особое вниманіе три вопроса: 1) вопросъ о продажѣ въ частныя руки лѣсовъ, составлявшихъ государственное имущество; 2) вопросъ о надзорѣ со стороны правительства за частными лѣсами; 3) вопросъ объ освобожденіи лѣсовъ отъ отяготительныхъ сервитутныхъ правъ постороннихъ лицъ. Въ этихъ вопросахъ главная доля изслѣдованій, именно правовой ихъ стороны и вліянія на общее народное богатство, хотя и составила преимущественно работу юристовъ и экономистовъ, но какъ имущество,

заключающееся въ поземельной лѣсной собственности, представляетъ много особенностей, съ которыми гораздо болѣе знакомы лѣсные специалисты, то въ этихъ вопросахъ не могли не принять живое участіе и лѣсничіе. Поэтому, рядомъ съ продолжавшейся разработкою техники лѣсного хозяйства, результаты которой выяснялись постепенно, по прошествіи болѣе или менѣе долгихъ сроковъ времени и о которыхъ у насъ будетъ рѣчь впереди, выступили на первый планъ вопросы экономическіе, вслѣдствіе тогдашняго тяжелаго политическаго положенія Германіи.

Несчастная для нѣмцевъ война съ Франціей, въ началѣ текущаго столѣтія, разорила народъ, кассы во всѣхъ германскихъ государствахъ были пусты, предстояла неотложная надобность пополнить ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать народу возможность къ скорѣйшей поправкѣ его экономическаго быта.

Въ Баваріи финансовая нужда въ 1801 году была велика. Тамъ Гатци (Jos. Hazzi «Die echten Ansichten von dem Forstwesen in Baiern», 1805), ратовалъ за продажу лѣсовъ, Гартманъ поддерживалъ его, и рескриптомъ короля 1802 г. повелѣна продажа всѣхъ мелкихъ отдѣльныхъ участковъ лѣса; ихъ и продано 4340 гектаровъ за полъмилліона гульденовъ, но въ 1803 году дальнѣйшая продажа пріостановлена, потому что миновала нужда.

Прусскіе финансы также были чрезвычайно стѣсненные; займы неудавались, государственный кредитъ былъ подорванъ, единственный исходъ къ полученію денегъ представлялся въ продажѣ государственныхъ земель. Вопросъ объ этомъ обсуждался въ правительственныхъ кружкахъ того времени, а еще гораздо ранѣе въ литературѣ. Первый голосъ раздался во Франціи. Тамъ еще въ 1784 году явилось сочиненіе, M. Mustel «Traité théorique et pratique de la végetation», гдѣ авторъ совѣтовалъ продать земельныя имущества государства, а въ 1798 году Медикусъ, въ Мангеймѣ, высказалъ, что будущіе вѣка конечно распродадутъ всѣ земельныя государственныя имущества, въ томъ числѣ и лѣса. Принципъ отчужденія казенныхъ лѣсовъ въ частныя руки имѣлъ въ то время много сторонниковъ между учеными экономистами: Кругъ (Betrachtungen über den Nationalreichthum des preussischen Staates», 1805, II. B.), графъ фонъ-Соденъ («Lehrbuch der Nationalökonomie», 1805, V, B.), также Лотцъ («Handbuch der Staatswirthschaftslehre») и фонъ-Яковъ («Grundsätze der Nationalökonomie», 1809) были за продажу лѣсовъ. Напротивъ Сарторіусъ (Elemente des Nationalreichthums nach Adam Smith, 1806), въ Геттингенѣ, былъ того мнѣнія, что лѣса надо сохранить въ твердыхъ рукахъ казны, а прочія безлѣсныя земли и горные заводы продать въ частную собственность. Сильнымъ противникомъ продажи казенныхъ лѣсовъ былъ въ Вюртембергѣ президентъ финансовъ Мальхусъ. Прусскій министръ Штейнъ, вообще горячій поклонникъ идей Адама Смидта, стоялъ за продажу государственныхъ земель; Шёнъ, помощникъ Штейна, подтверждалъ пользу про-

дажи слѣдующими аргументами: 1) дороговизною содержанія лѣсныхъ чиновъ; 2) вреднымъ вліяніемъ на правильный ходъ общаго законодательства въ государствѣ отъ сохраненія государственныхъ имуществъ; Финке же вычислялъ, что земельныя имущества Пруссіи имѣютъ цѣну 116 милліоновъ талеровъ, процентъ съ коихъ, по 4%, составляетъ 4.640,000 талеровъ. Расходы администраціи сберегутся, что составитъ болѣе полъ-милліона талеровъ, такъ что ежегодно государство получитъ доходу болѣе 5 милліоновъ, если продастъ всѣ свои земли и лѣса, а до тѣхъ поръ доходы ихъ составляли лишь 2.878,469 талеровъ. Король наконецъ согласился на продажу, чтобы уплатить наложенную Наполеономъ на Пруссію громадную контрибуцію.

Повелѣніе объ отчужденіи государственныхъ имуществъ и лѣсовъ послѣдовало 27 іюня 1811 г. Въ этомъ повелѣніи сказано: «Мы намѣрены, послѣ уплаты Франціи контрибуціи, приступить къ постепенному погашенію долговъ нашего государства, но желаемъ, еще ранѣе наступленія обязательныхъ по договорамъ сроковъ возврата занятыхъ капиталовъ, предоставить заимодавцамъ государства возможность сполна возвратить свои ссуды, открывая имъ случай обмѣнять долговыя государственныя бумаги на реальныя цѣнности. Съ этою цѣлью назначены будутъ къ отчужденію государственныя имущества, лѣса и бывшія имущества духовенства, въ достаточныхъ объемахъ для обмѣна ихъ на бумаги, съ соблюденіемъ правила, чтобы чистый доходъ этихъ имуществъ равнялся равной суммѣ процентовъ нашихъ государственныхъ бумагъ». Впослѣдствіи покупщикамъ государственныхъ имуществъ предоставлено было право уплачивать за нихъ не только государственными долговыми обязательствами, но, по желанію, и наличными деньгами. Впрочемъ, въ дѣйствительности продажа лѣсовъ была произведена въ весьма малыхъ размѣрахъ, и только мелкихъ разбросанныхъ клочковъ лѣсовъ. Участь этихъ лѣсовъ была печальная: покупщики поспѣшили скорѣйшею вырубкою, чтобы превратить лѣсъ въ наличныя деньги. Въ другихъ германскихъ государствахъ только задумывали продавать лѣса, но воздержались.

Позже, когда въ теченіе нынѣшняго вѣка экономическая наука установила общее положеніе, что всякое фабричное и заводское производство, вообще всякое промышленное предпріятіе, находясь въ рукахъ правительства, всегда бываетъ менѣе доходнымъ, чѣмъ въ рукахъ частныхъ лицъ, а потому, въ видахъ общей народной пользы, не слѣдуетъ казнѣ браться за подобныя дѣла,—возбудился опять въ литературѣ вопросъ: слѣдуетъ-ли государственное имущество, образуемое лѣсами, удерживать въ рукахъ правительства, такъ какъ и лѣсное хозяйство составляетъ промышленное предпріятіе и, стало-быть, когда оно будетъ отчуждено въ частное владѣніе, то должно оказаться болѣе прибыльнымъ. Вопросъ этотъ зародилъ нескончаемый споръ, мнѣній было высказано много и за сохраненіе лѣсовъ въ казнѣ, и за отчужденіе ихъ въ частное владѣніе.

Противники казеннаго лѣсного управленія приводили въ подтвержденіе своего мнѣнія, между прочимъ, слѣдующіе главные мотивы:

1. Казенное лѣсное управленіе не можетъ обойтись безъ большого числа служащихъ и безъ подраздѣленія ихъ на нѣсколько инстанцій, изъ которыхъ каждой предоставлена и власть, въ различной степени, тогда какъ частное лицо можетъ вести лѣсное хозяйство съ меньшимъ числомъ служащихъ и съ менѣе сложнымъ составомъ ихъ. Вслѣдствіе чего администрація у частнаго владѣльца можетъ обойтись дешевле, чѣмъ у казны.

2. Казенное лѣсное управленіе, какъ бы оно ни упростило веденіе дѣла, не можетъ избѣгнуть нѣкоторыхъ, тормозящихъ успѣхъ хозяйства, формальностей, которыя частный лѣсовладѣлецъ легко избѣгаетъ. Вслѣдствіе того, у частнаго лѣсовладѣльца всякая хозяйственная надобность и всякая продажа могутъ быть исполнены своевременно, пользуясь всякимъ удобнымъ для этого случаемъ, тогда какъ казенное управленіе, по присущему ему и необходимому административному строю, часто не можетъ не запаздывать своими распоряженіями, въ убытокъ хозяйству.

3. Лѣсной чиновникъ, какъ бы честенъ, усерденъ и свѣдущъ онъ ни былъ, все-таки не можетъ замѣнить хозяйскій глазъ собственника лѣса. Можно, конечно, до нѣкоторой степени заинтересовать служащаго въ успѣхахъ хозяйства, сдѣлавъ его участникомъ въ нѣкоторой долѣ прибылей, но и тогда интересъ чиновника будетъ еще значительно различаться отъ интереса самого лѣсовладѣльца и потребуетъ зоркаго присмотра, чтобы отъ временного возвышенія доходовъ не истощился лѣсъ.

4. По совокупности всѣхъ дѣйствующихъ причинъ, чистый доходъ, извлекаемый изъ лѣсовъ частными владѣльцами, долженъ быть значительнѣе дохода изъ казенныхъ лѣсовъ. Слѣдовательно, чрезъ отчужденіе казенныхъ лѣсовъ въ частное владѣніе общій доходъ государства возрастаетъ.

На это сторонники казеннаго лѣсного управленія замѣчали, что только 3-й пунктъ, изъ вышеприведенныхъ, можно признать основательнымъ, что же касается остальныхъ, то 1-й и 2-й пункты лишь отчасти справедливы въ отношеніи тѣхъ землевладѣльцевъ, которые сами живутъ въ своихъ имѣніяхъ и сосредоточиваютъ въ своемъ лицѣ главное управленіе хозяйствомъ. Крупные же лѣсовладѣльцы, собственность которыхъ размѣщена въ разныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга концахъ государства, или хотя и сосредоточена въ одной мѣстности, но гдѣ сами собственники не ведутъ хозяйства,—такіе владѣльцы поставлены бываютъ въ одинаковое почти положеніе, какъ и казенное лѣсное управленіе, развѣ только что нѣкоторыя формальности въ веденіи дѣла могутъ быть избѣгнуты. Вслѣдствіе того и ожидаемое, по 4-му пункту, возвышеніе чистаго дохода отъ лѣсовъ, безъ истощенія ихъ, весьма сомнительно

и во всякомъ случаѣ не можетъ быть значительнымъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что государственная служба, обезпечивающая чиновника пенсіей и ставящая его въ болѣе прочное положеніе, менѣе зависимое отъ взгляда и воли одного человѣка, всегда привлекательнѣе, такъ что свѣдущіе спеціалисты предпочтутъ меньшее вознагражденіе на казенной службѣ, и только пойдутъ къ частному лицу на бо̀льшее содержаніе, чрезъ что и чистый доходъ отъ частныхъ лѣсовъ не повысится противу казенныхъ. Не будь лѣсное хозяйство, при чрезвычайно продолжительномъ производствѣ своихъ продуктовъ, столь малосложнымъ въ своихъ манипуляціяхъ, каковымъ оно есть, и когда бы, напр., успѣхъ его въ значительной степени находился въ зависимости отъ множества мелкихъ дѣяній, исполненіе которыхъ непремѣнно требуется въ опредѣленный моментъ времени и обусловлено извѣстною степенью ловкости, или же требовалъ бы сложныхъ коммерческихъ комбинацій, какъ фабричное, заводское и даже сельскохозяйственное предпріятіе, тогда, безъ сомнѣнія, лѣса не могли и не должны бы составлять предметъ казеннаго управленія. Но въ виду несложности лѣсного хозяйства, если бы даже признать вполнѣ основательнымъ, что въ рукахъ частныхъ лицъ лѣса будутъ доставлять болѣе значительные доходы, обстоятельство это еще не можетъ побудить къ отчужденію лѣсныхъ имуществъ въ частное владѣніе, такъ какъ въ этомъ случаѣ прибыль въ доходахъ должна уступить первенство болѣе важнымъ общегосударственнымъ соображеніямъ. И на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что нѣтъ ни одного государства въ Европѣ, которое бы рѣшилось отчуждать въ частную собственность большія площади принадлежащихъ ему лѣсовъ, опасаясь, что это повлекло бы за собою весьма печальныя послѣдствія. Частныя лица, быть-можетъ, извлекутъ изъ лѣсовъ болѣе крупный доходъ, чѣмъ казенное управленіе, но замѣтное повышеніе дохода можетъ быть достигнуто лишь насчетъ пониженія качества лѣса, т.-е., уменьшенія оборотовъ рубки. Это же будетъ имѣть послѣдствіемъ сначала сильное вздорожаніе крупнѣйшихъ лѣсныхъ матеріаловъ, потомъ и менѣе крупныхъ, а наконецъ и совершенное исчезновеніе ихъ, что̀ было бы весьма чувствительнымъ затрудненіемъ для жителей страны и ихъ промышленной дѣятельности.

Въ Германіи замѣтили, что въ частныхъ лѣсахъ, кромѣ нѣкоторыхъ, принадлежащихъ крупнымъ владѣльцамъ, преобладаетъ низкоствольное хозяйство, а гдѣ сохранилось высокоствольное, тамъ обороты рубки гораздо короче, чѣмъ въ казенныхъ лѣсахъ. То же самое явленіе повторилось бы и на нынѣшнихъ казенныхъ лѣсахъ, когда бы они были отчуждены въ частныя руки, и тогда негдѣ было бы получать болѣе крупные размѣры строевыхъ деревъ. Это заключеніе оспаривали на томъ основаніи, что, по общему экономическому закону, въ тѣхъ случахъ, когда спросъ на какой-либо товаръ превышаетъ предложеніе, то цѣна его дорожаетъ и тогда тот-

часъ начинаютъ усиливать производство такого товара, слѣдовательно и лѣсъ начнутъ выращивать болѣе крупный, какъ только цѣна на него поднимется. Къ сожалѣнію, эти надежды разбиваются на присущей лѣсному хозяйству чрезвычайной продолжительности производства его продуктовъ, ибо всякая другая промышленность въ годъ, два, много пять лѣтъ имѣетъ возможность изготовить и выставить на рынокъ свой товаръ, а лѣсному хозяйству потребны на это десятки и сотни лѣтъ. Поэтому, увеличеніе оборотовъ рубки представляетъ для лѣсовладѣльца рискъ, ибо существующія теперь отношенія цѣнъ на мелкій и на крупный лѣсной матеріалъ могутъ измѣниться не въ пользу крупнаго сорта, а кромѣ того лѣсъ растетъ медленнѣе, чѣмъ денежные капиталы нарастающими на нихъ процентами.

Въ настоящее время во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ казенные лѣса не только не отчуждаются въ частное владѣніе, кромѣ случаевъ исключительныхъ (мелкіе, разбросанные клочки, неудобные въ административномъ отношеніи, или для округленія владѣній), но, напротивъ, часто пріобрѣтаются въ казну отъ частныхъ лицъ покупкою, либо обмѣномъ на казенныя, безлѣсныя земли. Принципъ неотчуждаемости казенныхъ лѣсовъ въ частныя руки проведенъ во всѣхъ законодательствахъ германскихъ государствъ.

Что касается надзора правительствъ за частными лѣсами, то таковой существуетъ въ Германіи очень давно. Мы уже выше говорили, что въ народѣ издревле сложился взглядъ, что сюверенъ есть владѣлецъ всей земли, и надѣляя участками ея частныхъ лицъ, послѣдніе пріобрѣтаютъ только право пользованія. Изъ этого обычнаго взгляда позже, въ XV столѣтіи, составилось въ Германіи понятіе о лѣсномъ правительствѣ или верховной власти надъ лѣсами (Forstliche Obrigkeit или Forsthoheit), въ силу котораго сюверенъ можетъ повелѣвать и распоряжаться землею для общаго блага подданныхъ. Верховное надъ лѣсами право развивалось юристами все шире и шире, и къ XVIII вѣку достигло своей крайности, такъ что собственнику лѣса нельзя уже было ничѣмъ распоряжаться безъ разрѣшенія верховной надъ лѣсами власти. Французская революція расшатала это понятіе не только во Франціи, но и въ Германіи. Въ послѣдней, съ начала XIX вѣка, стали постепенно ослаблять прежнія тяжелыя путы, налагаемыя понятіемъ о лѣсномъ правительствѣ на собственниковъ лѣса.

Первое отступленіе отъ прежняго строгаго взгляда на лѣса проявилось въ Пруссіи въ 1807 году. Послѣ бѣдствій, вынесенныхъ преданнымъ народомъ, прусскій король и его министры признали необходимымъ и справедливымъ сдѣлать все зависящее отъ правительства, чтобы оживить, во всѣхъ отношеніяхъ, народныя силы и для этого освободить его отъ узъ крѣпостной зависимости, отъ разнаго рода обязательныхъ отношеній сельскаго населенія къ правамъ, унаслѣдованнымъ землевладѣльцами, допустить раздробленіе крестьян-

скихъ земельныхъ участковъ и т. п. Въ этихъ видахъ послѣдовало повелѣніе отъ 9 октября 1807 года, въ которомъ допущено болѣе свободное пользованіе земельною собственностью и регулированы личныя отношенія сельскихъ обывателей. Послѣ того, въ повелѣніи отъ 14 сентября 1811 года, еще шире устранены были затрудненія къ совершенно свободному пользованію землями. Въ это послѣднее повелѣніе, въ подражаніе французскому закону, включено было, въ § 4, слѣдующее: «Всѣ постановленія, содержащіяся частью въ общемъ земскомъ правѣ, частью въ провинціальныхъ уставахъ относительно ограниченій въ пользованіи частными лѣсами, прекращаются въ полномъ ихъ объемѣ. Впредь собственники могутъ, по своему усмотрѣнію, пользоваться принадлежащими имъ лѣсами, расчищать и дѣлить ихъ, не нарушая лишь правъ третьихъ лицъ, если послѣднія пріобрѣтены договорами или унаслѣдованными правами участія въ лѣсахъ». На этомъ не остановилось повелѣніе 14 сентября 1811 года; оно далѣе, въ §§ 25—29, дозволило, чтобы сервитутныя права сельскихъ обывателей въ отношеніи пастьбы скота въ лѣсахъ, сбора валежника, сухихъ сучьевъ и вѣтвей и т. под., могли быть выкупаемы собственникомъ земли посредствомъ выдѣла нѣкоторой части лѣсовъ въ собственность пользующихся сервитутными правами. Еще болѣе гибельный шагъ къ истребленію лѣсовъ сдѣланъ былъ въ Пруссіи изданіемъ 7 іюня 1821 года закона о раздѣлахъ общественныхъ имуществъ и освобожденія земельныхъ владѣній отъ разнаго рода отягощающихъ его обязательствъ. По этому закону, каждому соучастнику въ общественной собственности или пользующемуся какими-либо правами въ чужомъ владѣніи предоставлялось право требовать выдѣла причитающагося ему участка, чрезъ что каждый участникъ въ общественномъ лѣсу, получая участокъ, становился его единоличнымъ частнымъ владѣльцемъ и могъ имъ неограниченно распоряжаться, тогда какъ обществамъ и корпораціямъ такая свобода дѣйствій не была предоставлена.

Либеральные взгляды на пользованіе лѣсами постепенно проникали и во всѣ другія государства Германіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія, но нигдѣ новыя вѣянія не проникли въ лѣсное законодательство такъ сильно, какъ въ Пруссіи. Въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ въ лѣсныхъ уставахъ смягчали только старые взгляды новымъ духомъ времени, полнаго же освобожденія частныхъ лѣсовъ отъ всякихъ ограниченій нигдѣ, кромѣ Пруссіи, не сдѣлано, за то и не испытали тамъ тѣхъ послѣдствій, какія должна была терпѣть Пруссія. Въ нѣмецкихъ государствахъ нынѣ устранено старое понятіе о верховной власти надъ лѣсами, а сохранена обязанность правительства воспрещать въ лѣсахъ лишь дѣянія, вредныя для общественнаго блага, и требовать исполненія необходимыхъ для сего мѣръ въ лѣсахъ, наблюдая за симъ въ порядкѣ полицейскаго надзора. Такой именно характеръ имѣютъ лѣсоохранительные законы въ Баваріи (28 марта 1852 г.), въ Баденѣ (27 апрѣля 1854 г.), въ

Брауншвейгѣ (30 августа 1861 г.), въ Вюртембергѣ (8 сентября 1879 г.), въ Австріи (3 декабря 1852 г.), въ Венгріи (11 іюня 1879 г.).

Въ Пруссіи, допущенныя съ 1807 года значительныя послабленія въ лѣсныхъ законахъ повели къ неблагопріятнымъ результатамъ и заставили постепенно исправлять сдѣланныя ошибки, въ особенности въ лѣсахъ, которые были обременены сервитутами. Послѣдствія обнаружились скоро: — изъ разныхъ мѣстъ стали поступать донесенія объ истребленіи лѣсовъ. Такъ, напримѣръ, окружное правленіе во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, въ донесеніи отъ 9 августа 1842 года, пишетъ: «Хотя, безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ крестьянъ, послѣ произведеннаго раздѣла между ними принадлежащихъ имъ общественныхъ лѣсовъ и при освобожденіи лѣсныхъ дачъ отъ сервитутовъ, весьма бережливо хозяйничаютъ въ доставшихся имъ участкахъ, но болѣе общимъ бываетъ то явленіе, что доставшіеся крестьянину лѣсные участки имъ расчищаются или до того опустошаются, что находящаяся подъ лѣсами легкая почва превращается въ движущійся песокъ, чрезвычайно опасный для сосѣднихъ полей. Такія неразумныя дѣйствія собственника, по дѣйствующему закону, не могутъ быть воспрещены, но надо принять какія-либо мѣры къ прекращенію подобныхъ вредныхъ для самого хозяина и для сосѣдей распоряженій». Сходныя по содержанію донесенія были получены изъ разныхъ мѣстъ и послужили поводомъ къ изданію, прежде всего, дополнительнаго закона въ 1850 году, касающагося выкупа сервитутныхъ правъ, а позже, въ 1868 году, объ устройствѣ лѣсныхъ товариществъ, въ 1875 году о защитныхъ лѣсахъ и о лѣсахъ, принадлежащихъ обществамъ и общественнымъ заведеніямъ.

Дополнительнымъ закономъ 1850 года измѣненъ только установленный въ 1811 году порядокъ при выкупѣ сервитутныхъ правъ. Впредь разрѣшено въ такомъ только случаѣ выдѣлять сервитутовладѣльцамъ участки лѣса, если подъ такимъ лѣсомъ будетъ почва, не только пригодная для пользованія ею въ видѣ пашни или луга, но и способная въ этомъ видѣ доставлять безпрерывно доходъ выше того, какой можно ожидать, когда бы земля оставлена была подъ лѣсомъ. Въ такихъ случаяхъ, при выкупѣ сервитута, отводимый участокъ уступается сервитутовладѣльцу подъ пашню или лугъ и оцѣнивается таковыми угодьями, а произрастающій на такихъ участкахъ лѣсъ остается собственностью землевладѣльца и онъ можетъ имъ воспользоваться по своему усмотрѣнію. Однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда сервитутное право заключалось въ полученіи извѣстнаго количества лѣсного матеріала, разрѣшается землевладѣльцу отвести для выкупа сервитутовладѣльцу также и такіе лѣсные участки, гдѣ почва способна лишь для роста лѣса,—и тогда оцѣнивается не только земля, но и выросшее на ней насажденіе лѣса. Въ этихъ случаяхъ выкупъ сервитута посредствомъ отвода лѣсного участка тогда только дозволяется, когда отводимый участокъ составляетъ площадь не менѣе 30 моргеновъ.

Кромѣ самой сущности, въ этомъ законѣ интересны и мотивы къ изданію его въ данномъ видѣ. Законъ мотивированъ слѣдующими соображеніями: опытъ убѣдилъ, что лѣсное хозяйство можетъ быть съ успѣхомъ ведено только въ лѣсахъ, занимающихъ достаточно значительную площадь, потому что владѣльцы мелкихъ куртинъ не имѣютъ возможности въ достаточной мѣрѣ охранять ихъ отъ похищеній и поврежденій, какъ бы велико ни было у нихъ желаніе заняться лѣсною культурою. Поэтому, при выкупѣ сервитута отводомъ мелкаго участка, не представляется возможнымъ обезпечить сервитутовладѣльца на долгій срокъ такимъ изъ лѣса доходомъ, какой ему причитается по расчету выкупной суммы; напротивъ, такіе мелкіе лѣсные участки, обыкновенно, послѣ срубки находящагося на нихъ насажденія, въ весьма скоромъ времени превращаются въ бездоходную песчаную степь. Такимъ образомъ, при отводѣ, взамѣнъ прежняго сервитутнаго права, участка лѣса въ пользованіе, сервитутовладѣлецъ не будетъ обезпеченъ постояннымъ доходомъ отъ площади, занятой лѣсомъ, и слѣдовательно не получитъ слѣдующаго ему вознагражденія, а между тѣмъ, въ общей сложности всѣхъ подобныхъ отводовъ, при выкупахъ сервитутовъ, послѣдуетъ изъятіе изъ-подъ лѣсовъ весьма значительной площади и тѣмъ усилится еще болѣе ощущаемый и безъ того недостатокъ въ древесномъ топливѣ. Кромѣ того, неминуемымъ послѣдствіемъ такихъ отводовъ будетъ то, что значительныя пространства земли обратятся въ непроизводительные пустыри и станутъ угрожать опасностью отъ засыпанія песками сосѣднимъ плодороднымъ земельнымъ участкамъ.

Въ отношеніи лѣсовъ, которые защищаютъ отъ наноса песковъ, отъ вредныхъ вѣтровъ, размыванія береговъ рѣкъ и каналовъ, или отъ образованія горныхъ потоковъ, размыва почвы, пониженія уровня водъ, въ прусскомъ лѣсномъ законѣ 1875 года постановлено, что въ этихъ случаяхъ можетъ быть опредѣленъ способъ пользованія тѣми лѣсами, но это можетъ быть сдѣлано только тогда, когда вредъ, который подлежитъ устраненію, значительно перевѣшиваетъ ущербъ, проистекающій для собственника земли отъ ограниченія его правъ собственности. Предложеніе ограничительныхъ мѣръ можетъ быть сдѣлано всякимъ, кому только грозитъ опасность, равно общинами, волостями, округами и чинами мѣстной полиціи, но обязанность вознагражденія и уплаты издержекъ по устройству и поддержанію лѣсонасажденій и другихъ средствъ охраны лежитъ на тѣхъ лицахъ, которыя требуютъ охрану. Вопросъ объ устройствѣ и размѣрѣ средствъ охраны разрѣшается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ окружнымъ лѣсоохранительнымъ судомъ (Waldschutzgericht).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда лѣсохозяйственное пользованіе смежными или разрозненными лѣсными участками или выгонами возможно при содѣйствіи всѣхъ собственниковъ такихъ участковъ, всѣ эти собственники могутъ быть соединены въ лѣсныя товарищества, по предложенію отдѣльнаго собственника, общинъ или другихъ общественн-

ныхъ единицъ, или земской полиціи. Цѣль товарищества можетъ заключаться: или только въ устройствѣ и охраненіи лѣсовъ на общій счетъ, или же въ веденіи въ лѣсахъ товарищества правильнаго лѣсного хозяйства, по общему для всѣхъ частей плану.

Лѣса, принадлежащіе общинамъ, корпораціямъ, товариществамъ и учрежденіямъ, подлежатъ въ Пруссіи надзору отъ правительства за пользованіемъ и порядкомъ хозяйства.

Прусское министерство долго медлило внесеніемъ этихъ законовъ на разсмотрѣніе палаты народныхъ представителей, несмотря на то, что въ шестидесятыхъ годахъ въ палатѣ былъ часто поднимаемъ вопросъ о необходимости принять мѣры къ воспрепятствованію частнымъ владѣльцамъ истреблять свои лѣса, при чемъ сообщались факты о жалкомъ состояніи во многихъ мѣстахъ частныхъ лѣсовъ, вслѣдствіе предоставленнаго каждому права свободно распоряжаться по своему усмотрѣнію лѣсами. Въ палатѣ требовали, чтобы такой возможности положенъ былъ конецъ.

Изъ происходившихъ въ палатѣ по этому поводу частыхъ преній, имѣютъ большой интересъ нѣкоторыя. Одинъ изъ депутатовъ высказалъ въ собраніи, что право собственности вовсе не включаетъ въ себѣ безусловное право дѣлать со своею собственностью все, что угодно; напротивъ, за государствомъ сохраняется право и обязанность воспрепятствовать собственнику такія дѣйствія со своею собственностью, которыя отзываются вредно на общественномъ благѣ. Вѣдь, государство всегда пользовалось и должно пользоваться такимъ правомъ. Развѣ не требуется отъ домовладѣльца исполненіе извѣстныхъ мѣръ, когда таковыя признаются нужными со стороны санитарной полиціи. Точно такъ же государство имѣетъ право воспрепятствовать истребленію лѣса, если отъ того происходитъ вредъ для другихъ земельныхъ владѣній или жителямъ мѣстности. Вообще, на тему имѣетъ-ли государство право, во имя общественной и государственной пользы, воспрещать собственнику дѣйствія, ведущія къ истребленію лѣса, говорено было много, и значительное большинство признавало это право. Были, конечно, и противники, но когда одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что право собственности есть право абсолютное и никто не можетъ лишить собственника этого права, ибо оно имѣетъ за собою jus utendi et abutenti, тогда ему отвѣтили: «положимъ, что въ понятіе о собственности входитъ и право злоупотреблять ею, однако, только до предѣловъ, до которыхъ эта свобода допускается здравымъ смысломъ». Другой же добавилъ: «если собственнику и дозволяется быть глупымъ, то это еще не обязываетъ другихъ допускать его безусловно къ совершенію всякой глупости: иная глупость становится преступленіемъ».

Послѣ часто повторявшихся, въ теченіе многихъ лѣтъ, запросовъ со стороны палаты народныхъ представителей, какія же мѣры будутъ, наконецъ, приняты къ сохраненію частныхъ лѣсовъ, внесены были правительствомъ, въ 1875 году, нѣкоторые, упомянутые уже выше,

законопроекты: 1) объ образованіи лѣсныхъ товариществъ; 2) о защитныхъ лѣсахъ, и 3) о лѣсахъ, принадлежащихъ обществамъ и корпораціямъ (лѣса эти подчинены строгому надзору правительства). Послѣдній изъ этихъ законовъ былъ чрезвычайно сочувственно принятъ народными представителями; что же касается первыхъ двухъ законопроектовъ, то противъ нихъ говорили много и было высказано много горькаго; напримѣръ, замѣтили, что, конечно, гораздо легче установить, какъ это было въ 1807, 1811 и 1821 годахъ, правила къ уничтоженію лѣсовъ, введеніемъ несоотвѣтствующаго порядка, чѣмъ придумать мѣры къ исправленію ошибокъ. Послѣ продолжительныхъ преній, эти законопроекты, наконецъ, были все-таки приняты, но только послѣ поясненія министромъ, что въ настоящее время казалось возможнымъ не приступать къ болѣе кореннымъ измѣненіямъ въ существующихъ лѣсоохранительныхъ законахъ, потому что отчужденіямъ казенныхъ лѣсовъ въ частныя руки уже положенъ предѣлъ, а для увеличенія площади казенныхъ лѣсовъ разведеніемъ ихъ вновь на пустопорожнихъ земляхъ, коихъ облѣсеніе признано будетъ необходимымъ, равно и покупкою въ казну лѣсовъ, сохраненіе которыхъ совершенно необходимо, такъ какъ съ 1874 г. вносится въ государственную роспись ежегодно по лѣсному управленію особая сумма въ 1.050,000 марокъ, которая имѣетъ исключительное назначеніе на пріобрѣтеніе въ казну лѣсовъ и земель и на разведеніе лѣса на послѣднихъ.

Говоря о времени разработки въ Пруссіи послѣднихъ лѣсоохранительныхъ законовъ, нельзя не припомнить еще и слова бывшаго тогда прусскаго оберъ-ландфорстмейстера фонъ-Гагена, служащія какъ бы объясненіемъ упорнаго отстаиванія въ то врема принципа свободнаго пользованія лѣсами частнаго владѣнія. Фонъ-Гагенъ говорилъ: въ Пруссіи повторился фактъ весьма обыкновенный и понятный, когда въ него вдуматься, а именно, если въ какомъ-либо вопросѣ, чисто техническомъ, во время общаго подъема народнаго духа и въ разгарѣ новыхъ преобразованій,—каковыми и были въ Пруссіи времена 1807—1813 г.,—люди выдающіеся, передовые, всѣми уважаемые, увлекутся какою-либо ошибочною доктриною,—по крайней мѣрѣ ошибочною въ отношеніи къ извѣстному техническому вопросу, — и торжественно провозгласятъ, что то̀-то и то̀ должно требовать отъ всякаго законодательства, тогда подобная доктрина оказывается чрезвычайно живучей и она трудно искореняется, какія бы ясныя доказательства и опыты ни были представлены объ ошибочности идеи. Если уже разъ въ основные законы пробралась подобная доктрина, которая для бо̀льшей части другихъ, кромѣ извѣстнаго техническаго случая, даже весьма благодѣтельная, и когда эта доктрина продержалась много лѣтъ въ положительномъ законѣ страны, когда подъ вліяніемъ ея выросли поколѣнія людей, то насажденная идея становится для большинства аксіомой, въ особенности тогда, когда большинство незнакомо съ техническою сто-

роною обсуждаемаго дѣла. То, что совершенно ясно для простого разума, напримѣръ, швейцарскаго мужика, который съ малолѣтства жилъ подъ страхомъ скатывающихся съ горъ камней и лавинъ и во-очію видѣлъ, какъ лѣсъ защищаетъ его отъ бѣдъ, а потому и не задумается признать, что лѣсъ составляетъ имущество особаго рода, то совсѣмъ непонятно горожанину, или, вообще, всякому, не испытавшему на себѣ вліяніе лѣса и оттого сомнѣвающемуся въ надобности сдѣлать различіе между лѣсомъ и другого рода имуществомъ, въ отношеніи свободнаго пользованія ими.

Пока, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, правительства нѣмецкихъ государствъ озабочены были поправленіемъ своего финансоваго положенія, а въ видахъ улучшенія народнаго быта и подъема его хозяйственной дѣятельности, занялись исправленіемъ лѣсного и вообще аграрнаго законодательства, равно и освобожденіемъ крестьянъ изъ тяжкой зависимости ихъ отъ землевладѣльцевъ, самое положеніе тогдашняго сельскаго хозяйства находилось въ состояніи затруднительномъ, чрезъ что лѣсное и сельское хозяйства поставлены были во враждебныя другъ къ другу отношенія. Земледѣлецъ требовалъ отъ лѣсничаго какъ можно болѣе лѣсной подстилки для скота, тука для полей, выгонныхъ мѣстъ для пастбищъ, требовалъ также, чтобы его не ограничивать въ обычныхъ отпускахъ лѣсного матеріала на разныя хозяйственныя постройки и подѣлки; лѣсничій же, завѣдывая истощенными лѣсонажденіями, преслѣдовалъ исключительно только интересы ввѣреннаго его надзору лѣса и знать не хотѣлъ нужды хлѣбопашца и скотовода, а потому, насколько могъ, противился удовлетворять сильныя притязанія мѣстныхъ обывателей, которыя признавалъ вредными для лѣсного хозяйства. Неудовлетвореніе нуждъ крестьянъ и, вообще, мелкихъ землевладѣльцевъ вызывало множество самоволій, на удержаніе которыхъ и преслѣдованіе судебнымъ порядкомъ лѣсничій тратилъ много времени и отвлекался отъ занятій по улучшенію лѣсного хозяйства. Но по тогдашнему состоянію сельскаго хозяйства, земледѣлецъ не могъ обойтись безъ сгребанія лѣсной подстилки и тука и безъ выгона въ лѣсъ скотины. Въ то время только что началась научная разработка сельскохозяйственныхъ знаній; полеводство и скотоводство знали только унаслѣдованные обычные пріемы, всегда дополнявшіе недостатокъ навоза тукомъ, а соломы лѣсной подстилкой, и требовавшіе для скота лѣсную пастьбу. Ученіе Альберта Тэра (открывшаго въ 1806 г. сельскохозяйственную школу въ Меглинѣ) о кормленіи скота на скотномъ дворѣ, о посѣвѣ клевера и искусственныхъ лугахъ, о раціональной обработкѣ полей, о теоріи гумуса и пр., пр., еще не проникло въ среду мелкихъ хозяевъ. Дави только что положилъ начало агрономической химіи (1802—1812 г.). Прошло много времени, пока сельское хозяйство въ Германіи дошло до возможности отказаться отъ удобренія полей лѣснымъ тукомъ и значительно уменьшить сгребаніе лѣсной подстилки, мѣстами еще

продолжающейся и до сихъ поръ, а пастьба скота въ лѣсу сохранилась до настоящаго времени, но уже въ объемѣ, безвредномъ для лѣса и лишь какъ нѣкоторое подспорье къ домашнему кормленію.

Въ литературѣ завязался нескончаемый споръ о значеніи для скотоводства лѣсной подстилки и о вредѣ лѣсамъ отъ сгребанія этого матеріала. Споръ этотъ начался съ 1799 года въ Гессенскомъ земледѣльческомъ обществѣ, и продолжался горячо за половину XIX вѣка, а почва подъ лѣсами между тѣмъ тощала. Состояніе лѣсовъ въ Германіи въ наступившемъ новомъ XIX вѣкѣ было печальное. Изъ скопившихся въ предшествующія столѣтія богатыхъ запасовъ лѣсовъ сохранилось немного. Людская жадность, въ погонѣ за наживой, хотя и не успѣла еще срубить всѣ прекрасныя лѣсонасажденія, но ихъ оставалось уже мало: въ Спессартѣ, въ тюрингскихъ лѣсахъ, на рудныхъ и гессенскихъ горахъ, въ Шварцвальдѣ и кое-гдѣ еще, но большинство лѣсовъ было сильно изрѣжено, крупнѣйшія деревья вырублены, на лѣсосѣкахъ подростъ изгрызанъ скотомъ, почва истощена непомѣрнымъ сгребаніемъ тука и лѣсной подстилки; отъ сильно распространившейся во второй половинѣ XVIII вѣка рубки лѣса сплошными лѣсосѣками, безъ разбора древесныхъ породъ и безъ заботъ къ возстановленію насажденій, стали исчезать изъ лѣсовъ дубъ и букъ; въ мѣстахъ, гдѣ ихъ прежде было много, ихъ замѣняли или хвойныя деревья, или чаще мягкія, быстрорастущія породы. Обороты рубки уже съ XVII столѣтія начали укорачивать, а въ концѣ XVIII столѣтія почти нигдѣ обороты высокоствольныхъ лѣсовъ не были выше 60 до 90 лѣтнихъ. Хотя посѣвъ лѣса, во второй половинѣ XVIII вѣка, сталъ усиливаться на лѣсосѣкахъ, но все-таки не примѣнялся на обширныхъ площадяхъ, а посадка деревъ очень рѣдко производилась въ лѣсахъ,—она составляла пріемъ садоводства, обсадки жилищъ, дорогъ. Большею частью лѣса возобновлялись либо порослью отъ пня, либо самосѣвомъ. Но умѣнье содѣйствовать самосѣву было очень мало развито. Выборочная рубка еще была довольно распространена, часто еще и безъ отвода опредѣленныхъ мѣстъ рубокъ, и тогда пастьба скота уничтожала появляющійся всходъ; въ другихъ мѣстахъ отводили лѣсосѣки, на которыхъ деревья вырубались выборочно и скотъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не пускали, но и тогда возобновленіе не шло успѣшно,—подростъ то заглушался чрезмѣрно частымъ оставленіемъ крупныхъ деревъ, то оставляемый подлѣсокъ не давалъ сѣменамъ возможности достигать до земли, а гдѣ не было такого подлѣска и крупныя сѣмяноносныя деревья оставались въ очень рѣдкомъ размѣщеніи, тамъ появленіе во множествѣ сорныхъ травъ также мѣшало развиваться древесному всходу. Правильныя сѣменныя лѣсосѣки велись въ немногихъ мѣстахъ. Эти-то неудачи все болѣе и болѣе наталкивали на сплошную рубку лѣсосѣкъ, съ оставленіемъ небольшого числа сѣмянокъ, или же и безъ всякихъ сѣменныхъ деревъ. Но искусственный засѣвъ лѣсосѣкъ

тотчасъ послѣ ихъ срубки,—въ пользу чего горячо ратовалъ Бекманъ,—не скоро вошелъ въ большое употребленіе. Необлѣсившихся лѣсосѣкъ и большихъ прогалинъ въ лѣсахъ оказалось множество. Въ виду такого непригляднаго состоянія лѣсовъ и возросшей до громадныхъ размѣровъ потребности въ лѣсномъ матеріалѣ, зародился въ обществѣ страхъ, что скоро и совсѣмъ не будетъ лѣсовъ, — страхъ, раздутый еще болѣе подобными предсказаніями, какъ ни на чемъ неоснованный расчетъ Бургсдорфа. Между тѣмъ, ни теорія, ни практика еще не выработали ни вполнѣ успѣшныхъ способовъ возстановленія насажденій, ни умѣнья опредѣлять величину возможной неистощительной для лѣсовъ вырубки.

Въ концѣ XVIII вѣка, въ Германіи хозяйство въ лѣсахъ почти повсюду было далеко отставшимъ отъ книжнаго лѣсоводственнаго ученія. Плохообразованные практики-лѣсничіе,—а такихъ было громадное большинство, даже еще и въ продолженіе всей первой четверти XIX вѣка, — мало интересовались теоріей, ихъ пониманію и недоступны были научныя разсужденія. Простые практики даже не довѣряли лѣсоводственнымъ книгамъ, гдѣ часто, построенные на логическихъ умозаключеніяхъ, выводы совѣтовали поступать въ лѣсахъ такъ, какъ тамъ, почти нигдѣ, не поступали и какъ, по взгляду практиковъ, даже и нельзя поступать, ибо практики вездѣ крѣпко держатся за унаслѣдованные отъ отцовъ обычные пріемы. Теоретики же камералисты желали примкнуть къ наукѣ, искали точки прикосновенія и находили ихъ въ естественныхъ наукахъ, но съ трудомъ могли набрать кое-какія опытныя данныя, на которыя могли бы опереться. Между теоріей и практикой не было еще прочной связи, — теорія шла своей дорогой, практика— своей. Практиковъ надо было пріохотить къ чтенію, надо было напередъ дать имъ школьный матеріалъ, дать имъ книгу, писанную языкомъ простымъ, имъ понятнымъ, не испещренную недоступными для нихъ научными доказательствами, а содержащую положительныя и въ практикѣ удобопримѣнимыя правила, какъ слѣдуетъ поступать въ извѣстныхъ случаяхъ въ лѣсу. Такую книгу могъ написать только человѣкъ ученый, но вполнѣ знакомый съ лѣсною практикою.

Такимъ человѣкомъ явился въ концѣ прошлаго вѣка *Георгъ-Лудвигъ Гартигъ*. Его практическая и педагогическая дѣятельность въ Гунгенѣ и Дилленбургѣ доставили ему громкую извѣстность между практиками. Къ нему ѣздили и восторгались въ его лѣсахъ практичностью всѣхъ лѣсоводственныхъ пріемовъ, умѣніемъ его распредѣлять рабочихъ при всякаго рода работахъ, видѣли на мѣстѣ и результаты его трудовъ. Поэтому Гартигъ могъ сдѣлаться творцомъ тогдашняго направленія лѣсоводства, — направленія догматическаго, основаннаго на вѣрѣ къ авторитетному лицу.

Въ 1791 году явилось первое сочиненіе Гартига: «Anweisung zur Holzzucht für Förster» (выдержало 7 изданій). Въ немъ пре-

поданы, въ сжатомъ изложеніи, всѣ правила, которыя въ концѣ XVIII вѣка извѣстны были въ дѣлѣ искусства образованія насажденій и ухода за ними, такъ что это сочиненіе составило полный сборникъ правилъ лѣсовозращенія. Въ немъ изложена не дурно теорія сѣменныхъ лѣсосѣкъ, весьма обстоятельно преподано ученіе о проходныхъ рубкахъ и въ систематическомъ порядкѣ перечислены правила посѣва и посадки лѣса. Особенное вниманіе обращено на мѣры къ поправленію тогдашняго разстроеннаго состоянія лѣсовъ. Упрекнуть можно Гартига лишь въ одномъ, что онъ нерѣдко частные случаи возводилъ въ общее правило, т. е. слишкомъ генерализировалъ свои положенія. Такъ, напримѣръ, онъ для хвойныхъ лѣсовъ преподалъ правила естественнаго возобновленія, безъ различія древесныхъ породъ, стало-быть, находилъ возможнымъ насажденія еловыя, пихтовыя, сосновыя обновлять по одному общему для всѣхъ шаблону.

Вскорѣ послѣ того, вышло въ 1795 году другое сочиненіе Гартига: «Anweisung zur Taxation und Beschreibung der Forste» (выдержало 4 изданія). Этимъ наставленіемъ Гартигъ создалъ новый методъ таксаціи, называемый нынѣ органическимъ массовымъ методомъ (Massen-Fachwerksmethode), или, какъ нѣкоторые называютъ, періодный массовый методъ. Самъ Гартигъ, въ первомъ изданіи своей книги, не называлъ свой методъ характернымъ названіемъ Fachwerk, — это названіе вышло позже изъ-подъ пера Гейнриха Котты для цѣлой группы органическихъ методовъ—Fachwerke, т. е. методы рамочные, фахверковые, такіе, которыхъ выводы на извѣстное время разграничиваются какъ бы рамками, захватывающими опредѣленно указанные участки, подлежащіе вырубкѣ. Гартигъ раздѣлялъ весь срокъ оборота рубки на равные отдѣлы времени, названные имъ періодами, которые онъ снабжалъ, на основаніи подробнаго плана хозяйства, равными или же постепенно увеличивающимися количествами древесной массы, назначаемой на это время къ срубкѣ изъ указанныхъ участковъ. По наличному запасу и приросту отдѣльныхъ насажденій вычислялась ожидаемая ко времени спѣлости древесная масса для главной рубки и къ ней причислялась масса промежуточной рубки. Для уравненія годовыхъ добычъ, Гартигъ передвигалъ время срубки насажденій изъ одного періода въ другой, до тѣхъ поръ, пока достигалъ равномѣрности пользованія. Гартигъ первый указалъ на то, что вовсе нѣтъ надобности, да и невозможно, чтобы каждое отдѣльное насажденіе срубалось непремѣнно въ возрастѣ оборота рубки; напротивъ, каждое насажденіе, разсматриваемое порознь, можетъ и должно быть срубаемо одно старше, другое младше того возраста, который обозначенъ лѣтами оборота рубки. Послѣдній составляетъ только средній срокъ приспѣванія лѣса.

Эти два сочиненія проникли быстро въ среду лѣсничихъ, которые нашли въ нихъ то, что имъ нужно; въ сжатомъ, ясно выра-

женномъ видѣ, опредѣленно перечисленныя правила, какъ слѣдуетъ поступать въ лѣсу, въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ первомъ сочиненіи—собраны правила, относящіяся къ возращенію лѣса, во второмъ—къ устройству хозяйства. Лѣсничіе вѣрили этимъ правиламъ смѣло, они составили для лѣсничихъ лѣсоводственныя догмы, которыя отъ писаннаго слова переносились лѣсничими къ дѣлу.

Третье капитальное сочиненіе Гартига напечатано въ 1808 г.,—оно признается лучшимъ изъ всѣхъ литературныхъ трудовъ разсматриваемаго автора. Это его «Lehrbuch für Förster und die es werden wollen» (вышло въ 10 изданіяхъ) *).

Въ этой знаменитой книгѣ уже многіе пріемы лѣсоразведенія и лѣсовозобновленія изложены обстоятельнѣе, обращено вниманіе на различіе въ потребностяхъ свѣта для разныхъ породъ деревъ, а потому указано и на различіе въ мѣрахъ къ самосѣву въ лѣсахъ сосновыхъ, еловыхъ, пихтовыхъ; о посѣвѣ лѣса говорится, какъ о пріемѣ, довольно часто осуществляемомъ въ лѣсахъ, тогда какъ къ садкѣ въ лѣсахъ прибѣгаютъ лишь въ исключительныхъ, довольно рѣдкихъ случаяхъ.

Въ книгѣ «Lehrbuch für Förster» Гартигъ выставилъ свою систему дѣленія лѣсоводства на части. Онъ придерживается еще дѣленія прошлаго вѣка (Бургсдорфа) на *высшее* и *низшее* лѣсоводство. Къ низшему лѣсоводству Гартигъ причисляетъ ученіе о возращеніи, охраненіи и употребленіи лѣсовъ, а къ высшему лѣсоводству—лѣсную таксацію и лѣсоуправленіе (Forstdirection) **).

---

*) Это руководство, по 1-му его изданію, переведено было на русскій языкъ учениками Козельскаго лѣсного училища. Подлинная рукопись этого перевода хранится въ библіотекѣ Петровской земледѣльческой академіи.

**) Кромѣ названныхъ, Гартигъ выпустилъ въ свѣтъ слѣдующія сочиненія:

Въ 1774 году «Physikalische Versuche über das Verhältniss der Brennbarkeit der meisten deutschen Waldbaumhölzer».

Въ 1798 году «Beweiss, das durch die Anzucht der Weissblühenden Akazie dem Holzmangel nicht abgeholfen werden Kann».

Въ 1803 году «Grundsätze der Forstdirection».

Въ 1809 году «Anleitung zur Forst-und Waidmannssprache».

Въ 1810 году «Lehrbuch für Jäger und die es werden wollen».

Въ 1812 году «Anleitung zur Berechnung des Geldwerthes eines in betreff seines Naturalertrages schon taxirten Forstes».

Въ 1815 году «Cubiktafeln für geschnittene, beschlagene und runde Hölzer, nebst Geldtabelle und Potenz-Tabellen zur Zinsberechnung».

Въ 1815 году «Erfahrungstabellen über periodischen und jährlichen Holzertrag in Eichen, Erlen, Buchen, Birken und Kiefernwaldungen».

Въ 1822 году «Versuche über die Dauer des Holzes».

Въ 1826 году «Anleitung zur wohlfeilen Cultur der Waldblössen».

Въ 1827 году «Anleitung zur Vertilgung oder Verminderung der Kiefernraupen».

Въ 1829 году «Beitrag zur Ablösung der Holzstreu nnd Waldservituten».

Въ 1830 году «Die Forstwissenschaft nach allen ihren Theilen in gedrängter Kürze».

Въ 1806—1808 годахъ Гартигъ издавалъ «Journal für das Forst-Jagd- und Fischereiwesen». Въ этомъ журналѣ появился первый литературный трудъ Пфейля (о времени течки у дикой козы).

Гартигъ, послѣ службы своей форстмейстеромъ въ Гунгенѣ (съ 1786—1797), а съ 1797 г. по 1807 г. въ Дилленбургѣ (въ обоихъ мѣстахъ онъ содержалъ лѣсныя училища), перебрался въ 1807 г. въ Штутгардъ, съ титуломъ форстрата, а въ 1811 г. поступилъ на должность оберъ-ландфорстмейстера въ Берлинъ.

При вступленіи его на должность оберъ-ландфорстмейстера, Гартигъ засталъ въ Пруссіи предпринятую тамъ реорганизацію всѣхъ отраслей администраціи въ полномъ разгарѣ.

Лѣсное управленіе почти вовсе не имѣло въ распоряженіи своемъ лицъ, спеціально знакомыхъ съ лѣснымъ дѣломъ. Мѣста замѣщались кандидатами изъ коннаго фельдъегерскаго корпуса, которые не имѣли почти никакой подготовки, ибо ихъ, послѣ смерти Бургсдорфа (1802 г.) вовсе не обучали. Содержаніе лѣсныхъ чиновъ состояло преимущественно изъ разныхъ акциденцій, вмѣсто жалованья. Нравственныя качества лѣсничихъ были сомнительны. Финансовая нужда натолкнула правительство къ отчужденію государственныхъ лѣсовъ, которые были сильно истощены порубками и сервитутами. Въ такомъ положеніи Гартигу предстояла громадная масса труда. Надо было организовать и строй администраціи, и учебную часть, и лѣсное хозяйство, притомъ въ такое время, когда вся Европа готовилась къ походу съ Наполеономъ на Россію, когда государственная казна была пуста, а притязанія къ ней, со всѣхъ сторонъ, велики.

Первѣйшею потребностью Гартигъ считалъ имѣть для должностей по лѣсной части людей, спеціально къ тому подготовленныхъ. Поэтому онъ прежде всего выработалъ проектъ обученія молодыхъ людей для лѣсной службы. Сначала онъ полагалъ учредить въ провинціяхъ лѣсныя училища, но какъ въ происходившихъ по этому поводу совѣщаніяхъ большинство считало удобнѣе ввести преподаваніе лѣсоводства въ университетахъ, то рѣшено было учредить лѣсныя училища при университетахъ Берлинскомъ, Кенигсбергскомъ и въ Боннѣ. Проектъ этотъ уже былъ высочайше утвержденъ королемъ, но исполненіе отложено на время за неимѣніемъ денежныхъ средствъ. Дѣло это затянулось, и уже гораздо позже, въ 1821 году, оказались средства къ осуществленію при одномъ только Берлинскомъ университетѣ, куда приглашали сперва Кенига, но когда тотъ отказался, то опредѣлили профессоромъ Пфейля. Хотя гораздо еще ранѣе много молодежи отправлялось для своего образованія въ Тарантъ или же въ Дрейсихаккеръ, но все-таки большинство изъ поступавшихъ на казенную лѣсную службу не считали нужнымъ пріобрѣтать гдѣ-либо научное образованіе, а ограничивались одною практическою дрессировкою въ лѣсничествахъ.

Не находя возможнымъ приступить къ какимъ-либо серьезнымъ лѣсоустроительнымъ работамъ безъ спеціально подготовленныхъ къ этому дѣлу людей, Гартигъ сталъ самъ читать зимою лекцію по лѣсоводству въ Берлинскомъ университетѣ и лѣтомъ привлекалъ сво-

ихъ слушателей къ практическимъ въ лѣсахъ занятіямъ. Затѣмъ въ 1817 году онъ собралъ въ Нейштадтъ-Эберсвальдѣ избранныхъ имъ изъ лѣсныхъ чиновъ и кандидатовъ 50 наиболѣе способныхъ лицъ и началъ съ ними устраивать дачу Бизенталь. Тамъ онъ систематически училъ ихъ, какъ производятся подобныя работы. Такимъ образомъ онъ приготовилъ въ короткій срокъ лицъ, умѣющихъ исполнять таксаторскія работы, и могъ ихъ употреблять въ провинціяхъ. Съ этимъ какъ бы ядромъ спеціалистовъ Гартигъ, въ 1819 году, приступилъ къ устройству прусскихъ лѣсовъ.

Въ строѣ администраціи Гартигъ сохранилъ существовавшую въ Пруссіи уже въ XVIII столѣтіи систему оберферстерскую.

Извѣстно, что въ разныхъ государствахъ Германіи уже во второй половинѣ XVIII столѣтія сложились въ лѣсныхъ вѣдомствахъ два типа административнаго строя, изъ которыхъ одинъ типъ назвали нѣмцы оберферстерскою, а другой типъ—ферстерскою системою. Различіе этихъ двухъ системъ проявлялось исключительно въ младшей инстанціи лѣсныхъ чиновниковъ мѣстнаго управленія, которымъ поручалось веденіе хозяйства въ лѣсахъ на мѣстѣ. Старшія же инстанціи лѣсныхъ управленій разныхъ государствъ, хотя также представляли нѣкоторое разнообразіе, но оно не служило признакомъ къ дѣленію административныхъ системъ на оберферстерскую и ферстерскую.

Въ общихъ чертахъ, во всѣхъ германскихъ государствахъ, какъ прежде, такъ и до сихъ поръ, различаютъ кромѣ нижнихъ служителей, сторожей, три инстанціи въ лѣсномъ управленіи.

Первая, высшая инстанція, есть центральное управленіе, которое направляетъ во всемъ государствѣ общій ходъ лѣсной части. Вся разница въ различныхъ государствахъ, относительно центральнаго лѣсного управленія, та, что послѣднее составляетъ часть либо въ одномъ, либо въ другомъ министерствѣ. Въ Пруссіи, по совѣту Штейна, уже съ 1806 года лѣсное управленіе сосредоточено было въ министерствѣ финансовъ, въ настоящее же время въ министерствѣ земледѣлія и сельскаго хозяйства. Въ другихъ государствахъ большею частью и до сихъ поръ состоитъ при министерствѣ финансовъ. Въ центральномъ лѣсномъ управленіи веденіе дѣлъ поручается въ Пруссіи оберъ-ландфорстмейстеру, въ Саксоніи также, въ Баваріи форстрату, словомъ, мѣняется только титулъ.

Вторая инстанція — есть контролирующая и инспектирующая дѣйствія мѣстныхъ лѣсныхъ чиновъ, хозяйствующихъ въ лѣсахъ. Вторая инстанція учреждается для опредѣленнаго района государства,—для одной или болѣе провинцій, въ предѣлахъ которыхъ эта инстанція только и дѣйствуетъ, ревизуя всѣ подвѣдомственныя лѣсничества. Этой же инстанціи предоставляется также право рѣшать, собственною властью, нѣкоторые вопросы, категорія которыхъ точно опредѣлена.

Въ Пруссіи вторую инстанцію образуютъ особыя отдѣленія при

провинціальныхъ палатахъ, гдѣ дѣлами одного отдѣленія заправляетъ оберъ-форстмейстеръ и при немъ нѣсколько форстмейстеровъ. Въ другихъ государствахъ вторую инстанцію составляютъ особыя исключительно по лѣсной части учрежденія. Такъ, въ Саксоніи образовано по лѣсному вѣдомству 12 округовъ, и въ каждомъ изъ нихъ состоитъ форстамтъ, которымъ вѣдаетъ особый оберъ-форстмейстеръ (слово *оберъ* прибавлено только въ видѣ почета, такъ какъ форстмейстеровъ нѣтъ).

Третья инстанція, по строю ея въ разныхъ нѣмецкихъ государствахъ, подводилась къ двумъ типамъ. Вездѣ каждый округъ или каждая провинція дѣлились на нѣсколько административныхъ частей, и всѣ лѣса, входящіе въ предѣлы одной административной части, соединялись въ одно лѣсничество. Затѣмъ такое лѣсничество поручалось одному лицу — ферстеру (въ Саксоніи ихъ называютъ офиціально оберъ-ферстеръ, но это только для почета). Такой ферстеръ (или оберъ-ферстеръ) ведетъ хозяйство во всемъ лѣсничествѣ. Такой строй назвали нѣмцы ферстерскою системою. Иногда къ ферстеру при этомъ строѣ назначаютъ и помощниковъ, которые состоятъ при лѣсничемъ и исполняютъ его порученія, но не имѣютъ въ завѣдываніи отдѣльныхъ участковъ. Другой строй мѣстной лѣсной администраціи состоитъ въ томъ, что площадь лѣсовъ, образующихъ одно лѣсничество, состоитъ подъ общимъ надзоромъ одного лица—оберъ-ферстера, но такое лѣсничество раздѣляется еще на участки (2, 3 или 4); изъ этихъ участковъ одинъ остается въ непосредственномъ вѣдѣніи оберъ-ферстера, а въ прочіе участки назначаются въ каждый по одному помощнику лѣсничаго, съ титуломъ унтеръ-ферстера. Унтеръ-ферстеръ отвѣтствуетъ каждый въ своемъ участкѣ за сохранность лѣса и за правильное исполненіе всѣхъ лѣсохозяйственныхъ мѣропріятій, но за ними имѣетъ общій надзоръ и направляетъ хозяйство оберъ-ферстеръ. Эта система называется оберферстерская.

И такъ, Гартигъ сохранилъ въ Пруссіи оберферстерскую систему. Такъ и должно было быть въ обширномъ государствѣ, ибо только при этой системѣ возможно одному лицу (оберъ-ферстеру, который есть настоящій хозяинъ въ лѣсничествѣ) поручить хозяйство на довольно большой площади, тогда какъ при ферстерской системѣ, несмотря на нѣкоторыя ея преимущества, непремѣнно нужно образовать мелкія лѣсничества. Но такъ какъ отъ лица, ведущаго хозяйство въ лѣсу, требуется несравненно высшее образованіе и большая опытность, чѣмъ отъ лица, лишь исполняющаго приказанія хозяина, то понятно, что при оберферстерской системѣ можно довольствоваться меньшимъ числомъ опытныхъ лѣсничихъ съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ, чѣмъ при системѣ ферстерской.

Гартигъ обладалъ громаднымъ организаторскимъ талантомъ и ему Пруссія обязана устройствомъ лѣсной ея части на прочныхъ основаніяхъ.

Административныхъ инструкцій написано Гартигомъ много.

Другой лѣсничій, столь же сильно повліявшій въ первой четверти нынѣшняго вѣка на развитіе лѣсоводства, какъ и Гартигъ, былъ *Гейнрихъ Котта*, который, послѣ практическаго обученія у егеря-лѣсничаго и основательнаго университетскаго образованія, поступилъ лѣсничимъ въ Цильбахъ (въ Саксенъ-Веймарскомъ великомъ герцогствѣ), гдѣ въ 1794 году открылъ лѣсное училище, существовавшее при немъ до 1811 года, о чемъ уже сказано въ предшествующей главѣ. Славу пріобрѣло не только училище, но и образцовое хозяйство въ лѣсной дачѣ, которою завѣдывалъ Котта. Къ нему ѣздили лѣсничіе и знакомились съ его лѣсохозяйственными пріемами, имя его пользовалось громкою извѣстностью между нѣмецкими лѣсничими, а потому его сочиненія, какъ и книги Гартига, имѣли громадное значеніе,—они долгое время служили настольными справочными книгами. Я помню, какъ при посѣщеніи мною въ 1841 году, во многихъ лѣсничествахъ Саксоніи и Баваріи, любуясь превосходными молодняками и разспрашивая, какими пріемами достигнуты такіе результаты, мнѣ нѣсколько лѣсничихъ отвѣчали: «nach Cotta's Manier», и брали при этомъ съ своего письменнаго стола «Anweisung zum Waldbau»,—и это отвѣчали спустя почти 25 лѣтъ послѣ перваго изданія книги.

Практическая дѣятельность и литературные труды Котты обратили на него въ 1810 году вниманіе саксонскаго правительства, которое и пригласило его на службу. Получивъ званіе форстрата, Котта переѣхалъ въ Тарантъ весною 1811 года, гдѣ позже основана была лѣсная академія, о которой скажемъ ниже.

Вмѣстѣ съ управленіемъ лѣсною академіею, Котта руководилъ лѣсоустройствомъ во всей Саксоніи, состоя начальникомъ лѣсоустроительной комиссіи. Прочное устройство лѣсовъ Саксоніи составляетъ неувядаемый памятникъ Котты.

Пріѣхавъ въ Саксонію, Котта не нашелъ тамъ людей, достаточно свѣдущихъ въ дѣлѣ таксаціонныхъ работъ. Объѣхавъ лѣса королевства и познакомившись съ личнымъ составомъ лѣсныхъ чиновъ, онъ вынесъ убѣжденіе, что ему мало можно надѣяться на помощь наличныхъ служащихъ, которые не особенно благопріятно относились къ новой, по ихъ мнѣнію, безполезной затѣѣ устройства лѣсовъ. Поэтому Котта рѣшилъ подготовить себѣ исполнителей изъ учениковъ и изъ нѣсколькихъ выбранныхъ имъ лѣсничихъ. Подготовка такихъ людей была окончена къ 1816 году, въ которомъ Котта и приступилъ къ таксаціоннымъ работамъ. За точнымъ исполненіемъ всѣхъ лѣсоустроительныхъ предначертаній Котта внимательно слѣдилъ лично, объѣзжая лѣса и присматривая на мѣстѣ. Гдѣ нужно было, училъ какъ и что сдѣлать. Онъ умѣлъ обходиться съ людьми съ необыкновеннымъ тактомъ, большею частью достигалъ хорошихъ результатовъ ласкою, а гдѣ видѣлъ, что добромъ ничего не подѣлаетъ, онъ бралъ кого нужно въ ежовыя рукавицы. Прошло немного

лѣтъ, и всѣ его полюбили, всѣ охотно слушались. Культурныя работы въ первые годы производились подъ непосредственнымъ его руководствомъ или его агентовъ изъ числа чиновъ лѣсоустроительной комиссіи. Практичность всѣхъ его постановленій и очевидный успѣхъ дѣла пріобрѣли ему скоро общее довѣріе. Наибольшія трудности представляли огромныя притязанія къ лѣсамъ сельскихъ хозяевъ, требовавшихъ какъ можно больше лѣсной подстилки скоту, тука для полей, выгонныхъ мѣстъ для домашнихъ животныхъ. Однако, мало-по-малу и съ этимъ справился Котта, хотя лѣтъ двадцать потребовалась на то.

Литературные труды Котты *) начали появляться въ печати немногими годами послѣ первыхъ сочиненій Гартига.

Изъ сочиненій Котты нѣтъ ни одного, которое было бы маловажнымъ или неглубокообдуманнымъ. Но наиболѣе вліятельное значеніе на лѣсное хозяйство имѣли: наставленіе къ лѣсовозращенію 1817 года и оба руководства къ таксаціи лѣсовъ, какъ первое 1803—1804 года, такъ и еще болѣе 1820 года.

Въ двухъ руководствахъ таксаціи Коттою положено основаніе новому таксаціонному методу.

Въ первомъ сочиненіи по лѣсной таксаціи 1803—1804 г. Котта уже въ предисловіи говоритъ, что онъ въ продолженіе своей практической дѣятельности имѣлъ случай все болѣе и болѣе убѣждаться, что невозможно на нѣсколько обширныхъ площадяхъ произвести такую точную оцѣнку древеснаго запаса, чтобы на выводахъ ея основывать какой-либо правильный расчетъ для опредѣленія величины годовой рубки. Далѣе Котта проводитъ мысль, что если опредѣленіе древеснаго запаса и прироста не составляетъ безошибочную величину, то и сдѣланный на основаніи какой-то воображаемой величины выводъ о количествѣ ежегодной вырубки изъ лѣса не можетъ быть достаточно вѣрнымъ. Напротивъ, не можетъ быть ника-

---

*) Литературные труды Котты слѣдующіе:

Въ 1803 и 1804 годахъ, въ двухъ частяхъ «Systematische Anleitung zur Taxation der Waldungen».

Въ 1806 году «Naturbeobachtungen über die Bewegung und Funktion des Saftes in den Gewächsen, mit vorzüglicher Hinsicht auf Holzpflanzen». Это сочиненіе въ нѣмецкой литературѣ первое дало вѣрное объясненіе движенія соковъ, и явилось одновременно съ открытіями по этому предмету француза Мирбель.

Въ 1817 году знаменитое «Anweisung zum Waldbau» (десять изданій).

Въ 1817 году «Anweisung zur Waldwerthberechnung».

Въ 1819 году «Tafeln zur Bestimmung des Inhalts und Zuwachses der vorzüglichsten deutschen Holzarten».

Въ 1820 году «Anweisung zur Forsteinrichtung und Abschätzung». Это сочиненіе переведено на русскій языкъ въ 1840 году Серебрянниковымъ.

Въ 1821 году «Hülfstafeln für Forstwirthe und Forsttaxatoren».

Въ 1819—1822 годахъ, въ 3 частяхъ «Die Verbindung des Feldbaues mit dem Waldbau oder die Baumfeldwirthschaft».

Въ 1832 году «Grundriss der Forstwissenschaft». Эта книга переведена на русскій языкъ въ 1835 году Языковымъ.

кого сомнѣнія въ правильности вывода о величинѣ годовой вырубки, если таковой основанъ на расчетѣ площади. Затѣмъ Котта продолжаетъ: въ одинаково насажденномъ лѣсу будутъ одинаковой величины площади производить и одинаковыя массы, а если мы неодинаково насажденный лѣсъ раздѣлимъ на площади, величина коихъ будетъ обратно пропорціональна къ добротности насажденія, то мы съ этихъ неравныхъ площадей получимъ равныя массы. Стало-быть, если мы будемъ знать, какое отношеніе существуетъ между производительностью разныхъ частей лѣса, то не трудно будетъ и раздѣлить площадь лѣса на части равнопроизводительныя, такъ что вырубкою ихъ получатся равныя массы. Для этой цѣли необходимо, послѣ подробной съемки лѣса, составить точное описаніе наличнаго состоянія каждаго отдѣльнаго участка лѣса. Въ такой таксаціонной описи должны заключаться всѣ нужныя для расчета данныя. Составивъ же опись, приступаютъ къ проектированію общаго плана рубокъ (Hauungsplan). Это одна изъ важнѣйшихъ работъ. Для исполненія этой работы напередъ весь оборотъ рубки раздѣляютъ на равныя по времени части или періоды (Котта принималъ 20-ти-лѣтніе періоды). Каждому участку назначаютъ періодъ, въ которомъ онъ долженъ поступить къ вырубкѣ. При этомъ надо стараться, чтобы всѣ участки, находящіеся въ одномъ кварталѣ, со временемъ приведены были въ такое состояніе, чтобы они могли быть вырублены въ теченіе одного періода. Для этой цѣли иногда приходится нѣкоторые участки въ продолженіе перваго оборота вырубать два раза, а другіе участки вовсе не назначать къ срубкѣ, а оставлять нетронутыми до слѣдующаго оборота. Послѣдовательность порубокъ строго соображается съ опасностями, угрожающими лѣсу. Когда каждому участку назначенъ періодъ, въ которомъ онъ поступитъ къ срубкѣ, и итоги площадей, предназначенныхъ къ срубкѣ насажденій, въ каждомъ періодѣ будутъ равны не только по ихъ абсолютной величинѣ, но и по ихъ производительности, то нельзя сомнѣваться, что въ данной лѣсной дачѣ будетъ обезпечено какъ постоянное, такъ и равномѣрное пользованіе, такъ какъ насажденія будутъ срубаемы въ большинствѣ случаевъ приблизительно въ одинаковыхъ возрастахъ. Исполнивъ все это, лѣсъ уже будетъ, въ сущности, устроенъ безъ всякаго опредѣленія древесныхъ массъ. Но при этомъ порядкѣ можно послѣ опредѣлить и количество ожидаемой къ срубкѣ древесины, или матеріальный доходъ въ каждомъ періодѣ. Это можетъ быть исполнено различно: или основываясь на результатахъ прежнихъ рубокъ въ дачѣ, или пользуясь средними опытными данными, или, наконецъ, оцѣнкою каждаго отдѣльнаго участка. Но такая оцѣнка должна служить, во всякомъ случаѣ, только для соображенія о величинѣ ожидаемаго матеріальнаго дохода, но отнюдь не для назначенія годовой смѣты рубокъ. Смѣта рубокъ должна быть выражена площадью и ею надо руководствоваться.

Уже въ руководствѣ 1803 и 1804 г., содержаніе котораго вкратцѣ изложено выше, находится намекъ на необходимость лѣсоустроительныхъ ревизій.

Въ новомъ, совершенно переработанномъ изданіи 1820 года, Котта не отступилъ отъ своихъ первоначальныхъ основныхъ положеній, только изложилъ ихъ иначе, объяснилъ обстоятельнѣе способъ бонитеровки насажденій, опредѣленія древесныхъ запасовъ и выдвинулъ важное значеніе срочныхъ ревизій лѣсоустройства. Такимъ образомъ, таксаціонный методъ Котты обезпечивалъ равномѣрность пользованія лѣсами отводомъ равнопроизводительныхъ площадей на равные отдѣлы времени или періоды, и этимъ принципіально отличается отъ метода Гартига, основавшаго равномѣрность пользованія на равенствѣ назначаемыхъ къ срубкѣ древесныхъ массъ, не обращая вниманія на величину площади. Далѣе важною заслугою Котты было то, что онъ составленію плана хозяйства, установленію въ немъ порядка вырубки, придалъ преобладающее значеніе въ дѣлѣ лѣсоустройства. Наконецъ, Котта хотя и составлялъ на весь оборотъ рубки планъ хозяйства, но обратилъ вниманіе на то, что такой планъ хозяйства еще не есть нѣчто совершенно неподвижное, неизмѣнное во всѣхъ своихъ частяхъ въ продолженіе всего срока, на который составленъ, а напротивъ можетъ подвергнуться съ теченіемъ времени разнымъ измѣненіямъ, а потому надо постоянно слѣдить за ходомъ хозяйства и своевременно подготовлять нужныя измѣненія. Для этого должны быть, чрезъ опредѣленные сроки времени, предпринимаемы ревизіи лѣсоустройства, которыя составляютъ совершенно необходимую составную часть устроительныхъ работъ.

Въ руководствѣ къ введенію правильнаго въ лѣсахъ хозяйства и таксаціи лѣсовъ 1820 года, Котта въ предисловіи своей книги самъ указалъ начала, на которыхъ основано его ученіе. Это указаніе такъ ясно очерчиваетъ Коттово ученіе, что считаемъ нужнымъ слова самого автора здѣсь помѣстить. Котта тамъ говоритъ, что опытъ его убѣдилъ въ истинѣ слѣдующихъ заключеній:

1. Не существуетъ такой таксаціи, которая бы вездѣ имѣла одинаковое приложеніе,—напротивъ того, она опредѣляется разнородностью цѣлей и мѣстными обстоятельствами.

2. Утонченность дѣйствій при семъ безполезна: чѣмъ они проще, тѣмъ лучше.

3. Ни одинъ таксаторъ не можетъ въ точности опредѣлить величину вырубки или прибыли съ лѣса.

4. Порядокъ вводимаго хозяйства гораздо важнѣе, нежели вѣрное опредѣленіе древесныхъ массъ.

5. При введеніи правильнаго хозяйства въ казенныхъ лѣсахъ не столько должно соображаться съ состояніемъ ихъ, сколько съ потребностью и нуждами народа.

6. Хотя введеніе правильнаго хозяйства или составленный оному

планъ должны быть предначертаны на продолжительное время, для котораго также опредѣляется и величина ежегодной вырубки, однакоже не надобно думать, что послѣдняя величина и самый планъ хозяйства должны оставаться неизмѣняемыми.

7. Поэтому должно принимать особыя мѣры, по которымъ во всякое время можно было бы сдѣлать необходимыя измѣненія въ планѣ хозяйства и назначенномъ количествѣ ежегодной вырубки, не оставляя впрочемъ совершенно безполезнымъ ни плана хозяйства, ни самой таксаціи.

Въ заключеніе своего предисловія Котта замѣчаетъ:

Какъ въ механикѣ сила увеличивается на счетъ скорости, такъ и въ лѣсной оцѣнкѣ пріобрѣтается точность съ продолжительностью времени, и наоборотъ, быстрота времени всегда соединяется съ утратою точности. И такъ, при таксаціи лѣсовъ остается выбирать:

Большую точность съ потерею времени, или сбереженіе времени съ пожертвованіемъ точности. Но кто обѣщаетъ въ одно и то же время быстроту производства и точность результатовъ, тотъ не заслуживаетъ довѣрія.

При устройствѣ саксонскихъ казенныхъ лѣсовъ, Котта въ нѣкоторыхъ частностяхъ отступалъ впослѣдствіи отъ порядка, изложеннаго въ его руководствѣ, прилаживаясь всегда къ мѣстнымъ условіямъ и стараясь по возможности упростить работы и придать плану хозяйства все бо̀льшую и бо̀льшую подвижность, такъ что со временемъ практика самаго дѣла сложила таксаціонный методъ, который привыкли называть саксонскимъ. Я лично имѣлъ счастіе въ 1840 году сопровождать старика Котта при осмотрѣ имъ лѣсовъ около Шёнэкка, на Рудныхъ горахъ, гдѣ въ то время я участвовалъ въ производившихся тамъ таксаціонныхъ работахъ и былъ свидѣтелемъ, какъ старикъ указывалъ кондуктору (въ Саксоніи называли кондукторомъ старшаго таксатора, подъ руководствомъ котораго производились работы) на множество мелкихъ особенностей мѣстности, требовавшихъ отступленій отъ обыкновеннаго порядка, повторяя нѣсколько разъ, что надо держаться принципа метода, примѣняясь вездѣ къ мѣстности.

Котта первый назвалъ весьма удачно рамочными методами— Fachwerksmetoden — всѣ тѣ таксаціонные методы, которые основаны на отводѣ къ вырубкѣ, для каждаго періода времени, опредѣленныхъ участковъ лѣса. При чемъ онъ отличилъ свой методъ названіемъ Flächenfachwerk, а методъ Гартига назвалъ Massenfachwerk.

Въ наставленіи къ лѣсовозращенію 1817 года весьма тщательно собраны и обстоятельно описаны всѣ извѣстные къ тому времени пріемы лѣсовозращенія и разъяснены условія, при которыхъ слѣдуетъ избирать тотъ или другой пріемъ. Въ наставленіяхъ нѣтъ недомолвки, читатель не можетъ придти въ недоумѣніе насчетъ того, какъ и гдѣ примѣнить данное правило. Всѣ поученія

изложены сжато и ясно. Такое руководство не могло не снискать себѣ почитателей и не возбудить желанія въ точности поступать по указанному. Этими качествами и объясняется быстрое и обширное распространеніе книги. Каждый лѣсничій пріобрѣлъ книгу, она сдѣлалась настольною и по наставленіямъ ея сдѣлано въ лѣсахъ много успѣшнаго.

Георгъ Гартигъ и Гейнрихъ Котта были въ первой четверти нынѣшняго столѣтія полноправными заправилами лѣсного хозяйства; высказанныя этими авторитетами правила относительно устройства и возращенія лѣсовъ крѣпко удерживались практиками-лѣсничими, которые очень медленно усваивали себѣ появлявшіяся новыя научныя изслѣдованія, оттого почти до сороковыхъ годовъ текущаго вѣка продолжалось догматическое направленіе въ лѣсномъ хозяйствѣ, несмотря на то, что въ это время появилось уже въ печати много сочиненій по части лѣсоводства, проводившихъ новыя идеи и научныя разъясненія. Въ то время, когда корифеи лѣсоводства Гартигъ и Котта начали свою дѣятельность по лѣсной части, лѣса Германіи, какъ уже сказано, находились въ плачевномъ состояніи, а страхъ за скорый недостатокъ волновалъ общественное мнѣніе. Поэтому первѣйшею задачею Гартига и Котты было указать такіе методы организаціи лѣсного хозяйства, которые бы обезпечивали постоянство пользованія лѣсами и могли бы убѣдить, что количество назначаемаго ежегодно къ вырубкѣ лѣсного матеріала не истощаетъ наличный запасъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усовершенствовать пріемы лѣсовозобновленія и лѣсоразведенія. Эти задачи и преслѣдовали оба великіе лѣсовода. Но какъ въ то время мѣстные лѣсничіе были люди малообразованные, то имъ надо было дать наставленія въ строго опредѣленной формѣ, не допускающей колебаній при выборѣ той, либо другой хозяйственной мѣры, дѣйствуя на нихъ силою собственнаго авторитета. Поэтому приходилось генерализировать выставляемыя правила, придавать имъ общее для всѣхъ случаевъ значеніе. Въ виду же опасеній за недостатокъ лѣса, весьма понятно, что въ то время оба лѣсовода поставили себѣ задачею направить лѣсное хозяйство къ тому, чтобы на возможно меньшей площади земли выращивать возможно бо́льшее количество древесины, не обращая вниманія на ея цѣнность. Возращеніе возможно большихъ массъ дерева составляло идеалъ хозяйства, къ которому Гартигъ стремился до конца своей жизни, а Котта только условно, признавая, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя не имѣть въ виду и доходность лѣса. Гартигъ и Котта собрали много опытныхъ данныхъ въ доказательство того, что наибольшее количество древесной массы получается при высокоствольномъ хозяйствѣ, съ довольно длинными оборотами рубки; поэтому во всей Германіи стали переходить отъ прежнихъ короткихъ оборотовъ къ болѣе продолжительнымъ.

Уже во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка начали раздаваться голоса противъ шаблоновъ Гартига, а позже и Котты, голоса эти

лишь медленно проникали въ практическую жизнь, но наконецъ дали лѣсоводству другое направленіе, замѣнившее прежнее догматическое.

Первыми въ ряду новыхъ дѣятелей явились Пфейлъ и Гундесгагенъ. Я ихъ выдвигаю впередъ, хотя три сочиненія Кенига изданы ранѣе, уже въ 1813 году, но замѣтное значеніе Кенига въ лѣсоводственной литературѣ выступаетъ лишь въ половинѣ тридцатыхъ годовъ.

Фридрихъ-Вильгельмъ-Леопольдъ *Пфейлъ* выступилъ на литературное поприще въ 1816 году замѣчательнымъ трудомъ «Freimüthige Untersuchungen über die Ursachen des schlechten Zustandes der Forsten und die Mittel ihn zu verbessern, mit besonderer Rücksicht auf die Preus. Staaten».

Въ этомъ сочиненіи Пфейлъ, придерживаясь началъ Адама Смита, доказываетъ, что правила лѣсоводства должны быть согласованы съ общими экономическими положеніями народнаго хозяйства и не могутъ идти въ разрѣзъ съ ними. Избытокъ производства лѣсныхъ продуктовъ въ Пруссіи есть причина дурного состоянія лѣсовъ; только съ исчезновеніемъ нѣкоторой части лѣсовъ можетъ улучшиться хозяйство въ остальныхъ лѣсахъ.

Этимъ сочиненіемъ Пфейлъ сразу завоевалъ себѣ въ литературѣ почетное имя. Но важное лѣсоводственное значеніе этого замѣчательнаго человѣка не въ поименованномъ трудѣ, а въ длинномъ рядѣ изданныхъ имъ вслѣдъ затѣмъ сочиненій *) и въ его педагогической дѣятельности по званію директора и профессора лѣсной академіи въ Нейштатъ-Эберсвальдѣ.

Замѣчательный критическій талантъ Пфейля сталъ бичевать привычку хозяйничать въ лѣсахъ по готовымъ шаблонамъ Гартига и Котта, доказывая, что во всѣхъ лѣсоводственныхъ мѣропріятіяхъ являются рѣшающими моментами своеобразныя требованія каждой древесной породы и особенности мѣстныхъ условій. Одаренный въ

*) Пфейлъ былъ плодовитый писатель. Имъ издано 24 сочиненія, но мы укажемъ лишь на самыя важныя.

Въ 1820 и 1821 годахъ «Vollständige Anleitung zur Behandlung, Benutzung und Schätzung der Forsten». 2 Bd. Очень хорошая книга.

Въ 1821 году «Ueber Befreiung der Wälder von Servituten».

Въ 1822 году «Grundsätze der Forstwirthschaft in Bezug auf die Nationalökonomie und die Staatsfinanzwirthschaft». 2 Bd. Принадлежитъ къ лучшимъ лѣсоводственнымъ сочиненіямъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ 1828 году «Anleitung zur Ablösung der Waldservitute».

Въ 1829 году «Das forstliche Verhalten der deutschen Waldbäume und ihre Erziehung». Классическая книга.

Въ 1831 году «Die Forstwirthschaft nach rein practischer Ansicht für Gutsbesitzer». Мастерской трудъ.

Въ 1834 году «Die Forstpolizeigesetze Deutschlands und Frankreichs, nach ihren Grundsätzen».

Въ 1860 году «Die Deutsche Holzzucht». Посмертное изданіе подъ редакціею сына Пфейля. Съ 1822 года Пфейлъ сталъ издавать «Kritische Blätter für Forst- und Jagdwissenschaft». Ихъ вышло подъ его редакціей 41 часть и изъ 42 части одна тетрадь.

высокой степени способностью подмѣчать въ природѣ совершающіяся явленія, Пфейлъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ передалъ массу свѣдѣній о присущихъ каждой древесной породѣ особенностяхъ, при различныхъ условіяхъ мѣстности, и на основаніи этихъ наблюденій указалъ на необходимость прилаживать различныя хозяйственныя мѣры къ каждому данному случаю. Онъ придавалъ огромное значеніе умѣнью примѣнять извѣстныя хозяйственныя правила къ различнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Этимъ объясняется и взглядъ его на педагогическую дѣятельность. Стоя на каѳедрѣ, Пфейлъ увлекалъ своихъ слушателей; никто не оставлялъ его аудиторіи, не вынося какой-либо новой идеи или не открывъ новой стороны для взгляда на предметъ, но полнаго систематическаго изложенія нечего было ожидать отъ его лекцій. Самъ Пфейлъ высказался такъ: на лекціяхъ надо молодыхъ людей пріохотить къ предмету, надо, чтобы они вдумывались въ предметъ, а вовсе не требуется, чтобы знаніе профессора перешло въ систематическомъ порядкѣ въ учащихся,—для этого есть книги, руководства, которыя должны быть ими прочитаны дома. Слушателей надо не дрессировать, а надо заставить ихъ шевельнуть мозгами, чтобы впослѣдствіи на работѣ исполняли ее не по шаблону, а руководились разумомъ.

И такъ, Пфейлъ первый высказалъ категорически, что въ лѣсоводствѣ надо обращать особое вниманіе на индивидуальныя требованія каждой древесной породы и на особенности мѣстныхъ условій. Кромѣ того, Пфейлъ въ своихъ сочиненіяхъ проводилъ мысль о необходимости подчинять лѣсохозяйственныя мѣропріятія общимъ экономическимъ истинамъ и указалъ на связь лѣсоводственнаго ученія съ научными положеніями о народномъ хозяйствѣ. Онъ же оспаривалъ правильность того существовавшаго до него лѣсоводственнаго принципа, что надо стремиться къ выращиванію возможно бо̀льшей массы древесины, доказывая, что лѣсоводство, какъ и всякій другой промыслъ, имѣетъ задачею направлять хозяйство къ извлеченію изъ лѣсовъ возможно бо̀льшаго чистаго дохода. Поэтому онъ и не выставлялъ высокоствольное хозяйство съ высокими оборотами рубки исключительнымъ идеаломъ, къ которому надо стремиться.

Громадное вліяніе на лѣсохозяйственную литературу имѣлъ Пфейлъ посредствомъ издававшихся имъ въ теченіе 34 лѣтъ критическихъ листовъ (1822—1856 годъ «Kritische Blätter für Forst und Jagdwissenschaft»). Листовъ этихъ, выходившихъ періодически, выпущено подъ редакціей Пфейля 41 часть и изъ 42 части одна тетрадь. Въ нихъ всецѣло выразился критическій талантъ Пфейля. Критики его писаны мастерски, хотя онъ иногда увлекался и нерѣдко самъ впадалъ въ грубыя ошибки, когда пускался въ разборъ естественно-историческихъ и математическихъ вопросовъ. Иногда онъ и злоупотреблялъ словомъ, недостаточно уважалъ труды и мнѣнія другихъ, и вступалъ на почву личныхъ дрязгъ, если встрѣчалъ противорѣчіе и несогласіе съ его мнѣніями. Это темныя, грустныя

стороны его желчной натуры. Кто знакомъ съ сочиненіями Пфейля, съ разносторонностью его взглядовъ и массою свѣдѣній, которыми долженъ былъ располагать такой плодовитый писатель, тотъ не можетъ не признать свѣтлый умъ и даровитость писателя, и удивится, что человѣкъ, писавшій все это, пріобрѣлъ почти всю научную свою подготовку самообученіемъ, ибо Пфейль, по окончаніи курса гимназическаго, не имѣлъ средствъ поступить въ университетъ, а долженъ былъ тотчасъ зарабатывать себѣ средства къ существованію, и среди тяжелой службы могъ только урывками пріобрѣтать научныя знанія.

Современникъ Пфейля, но литературная дѣятельность котораго началась тремя годами позже, былъ Гундесгагенъ.

Іоаннъ-Христіанъ Гундесгагенъ, окончивъ практическое обученіе у лѣсничаго, посѣщалъ послѣ того лѣсныя школы въ Вальдау и Дилленбургѣ, а затѣмъ окончилъ свое образованіе въ Гейдельсбергскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ курсы камеральныхъ наукъ, физіологіи растеній, химіи, минералогіи, и тогда только поступилъ на практическую службу по лѣсному вѣдомству, гдѣ, послѣ десятилѣтней дѣятельности его, факультетъ государственнаго хозяйства Тюбингенскаго университета пригласилъ Гундесгагена въ 1817 году къ педагогической дѣятельности, а впослѣдствіи занялъ профессуру въ Гессенскомъ университетѣ.

Гундесгагенъ обладалъ строгимъ философскимъ умомъ, съ громадными фактическими знаніями. Никто до него,—ни Гартигъ, ни Котта,—не обнимали такъ широко всю область лѣсоводственныхъ знаній и не создали изъ этихъ знаній такое стройное научное цѣлое, какъ Гундесгагенъ. Онъ въ научномъ отношеніи стоитъ выше всѣхъ своихъ предшественниковъ. Несомнѣнно, Гартигъ и Котта расшевелили лѣсничихъ, заставили ихъ сознательно трудиться надъ производствомъ лѣса, указали имъ новые практичные пріемы работъ, пересоздали строй и направленіе лѣсного управленія, но Гундесгагенъ поднялъ лѣсоводство на научный уровень *). Его энци-

---

*) Литературные труды Гундесгагена слѣдующіе:

Въ 1819 году «Methodologie und Grundriss der Forstwissenschaft».

Въ 1820 году «Prüfung der Kottaschen Baumfeldwirthschaft nach Teorie und Praxis».

Въ 1821 году «Ueber die Hackwaldwirthschaft überhaupt und ihre Einführung in Würtemberg insbesondere».

Въ 1821 году 1-я и 2-я часть «Encyklopädie der Forstwissenschaft».

Въ 1826 году «Forstabschätzung auf neuen wissenschaftlichen Grundlagen».

Въ 1830 году «Lehrbuch der Forst- und Landwirthschaflichen Naturkunde, die Bodenkunde enthaltend».

Въ 1830 году «Die Waldweide und Waldstreu».

Въ 1831 году 3-я часть энциклопедіи «Die Forstpolizeikunde».

Въ 1833 году «Die Staatskräfte des Grossherzogthum Hessen».

Съ 1824 по 1833 годъ Гундесгагенъ издавалъ періодическій журналъ «Beiträge zur gesammten Forstwissenschaft», а съ 1830 по 1832 годъ «Forstliche Berichte und Miscellen».

Въ 1832 году вышла 1-я тетрадь «Staatswissenschaftliche Zeitschrift».

клопедія лѣсоводства (въ 3 частяхъ) есть трудъ классическій, а его лѣсная таксація — богатѣйшій вкладъ въ науку. Конечно, литературная дѣятельность Гундесгагена началась 20 годами позже Гартига и Котты, а въ это время и практика успѣла усвоить себѣ много иныхъ пріемовъ, и научная разработка многихъ лѣсоводственныхъ вопросовъ дѣятельно производилась многими замѣчательными учеными. Припомнимъ имена Кропфа, Вальтера, Шпета, Бехштейна, Лауропа, Шенка, Сейтера, Кренке. До напечатанія таксаціи Гундесгагена явились уже два замѣчательныхъ труда Госфельда *), равнымъ образомъ уже выступило въ литературѣ будущее свѣтило въ лѣсоводствѣ, Кенигъ **), наконецъ и многія сочиненія Пфейля были уже напечатаны. Поэтому для трудовъ Гундесгагена матеріалъ былъ значительно болѣе подготовленъ, но великая заслуга, что Гундесгагенъ съумѣлъ матеріаломъ талантливо воспользоваться. Въ лѣсной же таксаціи онъ ввелъ совершенно новый методъ, съ помощью особаго фактора, названнаго имъ процентомъ пользованія (Nutzungsprocent), выражающаго отношеніе нормальнаго прироста къ нормальному запасу. Въ этомъ трудѣ упрекаютъ однакоже Гундесгагена, что онъ ни единымъ словомъ не упомянулъ имени Паульсона ***), который уже въ прошломъ столѣтіи обнародовалъ изслѣдованія объ отношеніяхъ другъ къ другу древеснаго запаса и фактора пользованія въ нормально-насажденныхъ лѣсахъ. Невѣроятно, чтобы, при обширномъ знакомствѣ Гундесгагена съ лѣсоводственною литературою, онъ не зналъ объ сочиненіи Паульсона.

Гундесгагенъ находилъ, что въ бо́льшей части таксаціонныхъ методовъ смѣшиваютъ во-едино совершенно разнородныя части работъ: съемку лѣсовъ, организацію хозяйства и таксацію лѣсовъ. Хотя между этими частями есть связь, но онѣ и на практикѣ могутъ быть исполнены отдѣльно и даже разновременно, а тѣмъ болѣе могутъ быть отдѣльно разсматриваемы въ теоріи. Гундесгагенъ ссылается на мнѣніе Тэра, который, по случаю рецензіи сочиненій Флотова, сказалъ: «До тѣхъ поръ, пока способъ оцѣнки доходовъ отъ имѣній будетъ поясняемъ лишь приводимыми числовыми

---

*) Іоанна-Вильгельма Госфельда два сочиненія слѣдующія:

1) «Niedere und höhere practische Stereometrie oder kurze und leichte Messung und Berechnung aller regel- und unregelmässiger Körper und selbst der Bäume im Walde, nebst einer gründlichen Anweisung zur Taxation des Holzgehaltes einzelner Bäume und Bestände und ganzer Wälder». Leipzig. 1812.

2) «Werthbestimmung der einzelnen Waldproducte, ganzer Wälder und der Waldservituten, nebst Ausgleichung der letzteren». 1825.

**) C. König «Anleitung zur Holztaxation, ein Handbuch für jeden Forstmann und Holzhändler». 1813.

***) Сочиненіе его явилось безъ имени автора въ 1795 году, подъ заглавіемъ «Kurze praktische Anweisung zum Forstwesen oder Grundsätze über die vortheilhafteste Einrichtung der Forsthaushaltung, und über Ausmittelung des Werthes vom Forstgrunde, besonders auf die Grafschaft Lippe angewendet, verfasset von einem Forstmanne, herausgegeben von Kammerrath G. F. Führer, bevorwortet vom Oberförster Kunze zu Erzen». Detmold. 1795.

примѣрами и вѣдомостями, нельзя признать такой способъ оцѣнки раціональнымъ и основаннымъ на научныхъ началахъ». Далѣе Гундесгагенъ приводитъ еще и другое авторитетное мнѣніе, Небауера, который высказался такъ: «опредѣленіе величины вырубки изъ лѣсовъ нынѣ составляетъ такую сложную и спутанную проблему, что если не удастся, наконецъ, математикѣ выяснить эту проблему, то нужно будетъ сознаться, что вопросъ этотъ лежитъ внѣ сферы научнаго рѣшенія». Гундесгагенъ говоритъ, что онъ поэтому поставилъ себѣ задачею изыскать такой способъ таксаціи, который, устраняя необходимость положительныхъ регламентацій и не вдаваясь въ гадательныя предположенія насчетъ отдаленной и неизвѣстной будущности, основанъ бы былъ на раціональной идеѣ вычислить величину возможнаго къ вырубкѣ количества лѣсного матеріала, сообразно съ наличнымъ состояніемъ лѣса, при пользованіи каковою величиною лѣсъ не только не подвергается истощенію, но, напротивъ, будетъ постепенно приходить въ правильное состояніе. Такая величина вырубки, выраженная въ видѣ отношенія прироста къ наличному запасу въ нормальныхъ лѣсахъ, названа Гундесгагеномъ процентомъ пользованія. Можно, пожалуй, не согласиться со взглядами Гундесгагена, но, во всякомъ случаѣ, за таксаціоннымъ методомъ его остается та заслуга, что имъ внесено въ область лѣсной таксаціи научное разъясненіе существующихъ соотношеній между величиною древеснаго запаса, прироста и количествомъ вырубки древесины въ данной лѣсной дачѣ.

Гундесгагенъ въ своей методологіи, а позже въ энциклопедіи, различаетъ въ лѣсоводственномъ знаніи:

1. Вспомогательныя науки (Hülfswissenschaften: математику, естественныя науки, правовѣдѣніе, государственное хозяйство).

2. Главныя науки (Hauptwissenschaften: Forstwirthschaftslehre—ученіе о лѣсномъ хозяйствѣ, и Forstpolizeilehre—ученіе о лѣсной полиціи).

3. Побочныя науки (Nebenfächer, сюда относятся: прикладная и высшая математика, статистика, энциклопедія сельскаго хозяйства, энциклопедія строительнаго искусства, технологія).

Гундесгагенъ первый выдѣлилъ: forstliche Gewerbskunde—ученіе лѣсоводственнаго ремесла и Productionslehre—ученіе о производствѣ. Подъ этимъ именемъ онъ разумѣетъ всѣ тѣ знанія, съ помощью которыхъ отдѣльныя личности могутъ достигать цѣли лѣсоводства, т. е. полное знаніе искусства хозяйничать въ лѣсахъ. Въ противуположность къ Gewerbskunde и Productionslehre, Гундесгагенъ ставитъ «Forstpolizeilehre»—ученіе о лѣсной полиціи. Послѣднее, по мнѣнію Гундесгагена, обнимаетъ знаніе всѣхъ тѣхъ *особыхъ мѣропріятій*, съ помощью которыхъ высшая правительственная власть можетъ достигать цѣли возможно полнаго и прочнаго удовлетворенія дѣйствительныхъ потребностей народа въ сырыхъ продуктахъ лѣса.

Въ своей энциклопедіи лѣсоводства Гундесгагенъ начертилъ схему дѣленія лѣсоводства на части. Я сообщу эту схему.

I. **Ученіе о лѣсномъ хозяйствѣ**—Forstwirthschaftslehre.

Отдѣлъ 1-й. *Ученіе о производствѣ*—Productionslehre.

А. *Подготовительная часть*—Vorbereitender Theil.

а. Общая лѣсная ботаника—Allgemeine Forstbotanik.

б. Почвознаніе—Bodenkunde.

в. Климатологія и географія растеній—Klimatologie und Pflanzen-geographie.

г. Частная лѣсная ботаника—Besondere—Forstbotanik.

Б. *Прикладная часть*—Angewandter Theil.

а. Лѣсовозращеніе—Waldbau.

б. Лѣсоупотребленіе—Forstbenutzung.

в. Лѣсоохраненіе—Forstschutz.

Отдѣлъ 2-й. *Ученіе о ремеслѣ*—Gewerbslehre.

А. *Наличность лѣсного имущества*—Forstwirthschaftsbestand.

а. Измѣреніе лѣсовъ—Forstvermessung.

б. Описаніе лѣсовъ—Forstbeschreibung.

Б. *Лѣсная статика* *)—Forststatik.

В. *Системы хозяйства*—Wirthschaftssysteme.

а. Системы производства—Betriebssysteme.

б. Лѣсоустройство—Forsteinrichtung.

Г. *Лѣсная таксація*—Forstabschätzung.

а. Таксація количества матеріала—Naturalabschätzung.

б. Оцѣнка денежнаго дохода—Geldertragsberechnung.

Д. *Лѣсная экономія*—Forsthaushaltungskunde.

II. **Ученіе о лѣсной полиціи**—Forstpolizeilehre.

А. *Подготовительная часть.*

а. Лѣсное право—Forstrecht.

б. Политическая экономія—Staatswirthschaftslehre.

Б. *Прикладная часть.*

а. Общія полицейскія мѣры—Allgemeine Polizeimassregeln.

б. Особыя полицейскія мѣры—Besondere Polizeimassregeln.

Къ послѣднему отнесено и государственное лѣсное хозяйство—Staatsforstwirthschaftslehre.

Послѣ Гундесгагена, давшаго лѣсоводству сильный толчокъ, все таки въ области лѣсной таксаціи чувствовались нѣкоторые недочеты въ пріемахъ обмѣра и вычисленія, какъ отдѣльныхъ деревъ, такъ и цѣлыхъ насажденій, равно и въ оцѣнкѣ стоимости лѣсовъ. По этой части хотя и было уже не мало хорошихъ сочиненій, напр., упомянутыя нами выше книги Госфельда 1812 и 1825 гг. „Niedere und höhere practische Stereometrie“ и „Werthbestimmung der Waldproducte“, и книга Кенига „Anleitung zur Holztaxation“ 1813 г.,

*) Гундесгагенъ понималъ лѣсную статику въ смыслѣ измѣренія дѣйствующихъ въ лѣсномъ производствѣ силъ и достигаемаго ими эффекта.

но онѣ уже нѣсколько отстали отъ современныхъ требованій. Поэтому какъ разъ во-время вышло изъ печати, въ 1835 году, сочиненіе Кенига «Лѣсная математика» („Die Forstmathematik in den Grenzen wirthschaftlicher Anwendung“ *), а въ 1860 г. „Waldmassentafeln in Preuss. Maasse“ и одновременно «Общія лѣсооцѣночныя таблицы по числовому разстоянію» („Allgemeine Waldschätzungstafeln“). Послѣднія таблицы были составлены для Русскаго Общества поощренія лѣсного хозяйства и препровождены къ нему.

Готлибъ Кенигъ обучался въ Цильбахѣ у Котта, а съ 1803 по 1805 г. былъ тамъ же въ школѣ преподавателемъ геометріи; послѣ лѣсничимъ въ Рулѣ, гдѣ въ 1810 г. открылъ лѣсную школу, которая въ 1830 г. обращена въ казенное учебное заведеніе и переведена въ Эйзенахъ. Въ 1813 г. явился первый уже упомянутый ученый трудъ Кенига «Наставленіе въ лѣсной таксаціи». Этотъ первенецъ литературной дѣятельности Кенига составленъ популярно, но содержитъ много новыхъ идей. Отдѣлъ древоизмѣренія тамъ довольно полный, съ элементарными объясненіями. Тамъ же довольно обстоятельное наставленіе къ опредѣленію древеснаго запаса насажденій и прироста (пробныя площади Кенигъ называетъ Vergleichsflächen). Назначенный въ 1829 г. начальникомъ таксаціонной комиссіи для устройства Веймарнскихъ лѣсовъ, онъ при этихъ работахъ собралъ много новыхъ опытовъ и издалъ, въ 1835 г., названную уже выше «Лѣсную математику». Въ этомъ сочиненіи обиліе новыхъ взглядовъ и примѣненій математики къ лѣсному хозяйству, въ особенности касательно древеснаго прироста, вычисленія чистаго дохода, разнаго рода финансовыхъ соображеній. Но сильнѣйшій толчокъ данъ былъ Кенигомъ лѣсоводству изданіемъ, въ 1849 г. (въ 70-лѣтнемъ возрастѣ и въ самый годъ смерти), его «Ухода за лѣсами»— „Die Waldpflege“.

Сѣять и садить лѣсъ,—вообще возстановлять новое насажденіе (Bestandesbegründung),—составляло уже во второй четверти нашего столѣтія искусство довольно развитое; но за то очень мало еще было обращено вниманія на дальнѣйшій уходъ за появившимся насажденіемъ (Bestandeserziehung). Пфейлъ хотя много писалъ въ пользу надлежащаго ухода за лѣсомъ, но за всѣмъ тѣмъ, сознаніе того, что предметомъ лѣсного хозяйства служитъ не только древесина насажденій, но и почва, ими занятая, почти совершенно отсутствовало въ средѣ лѣсничихъ до 1850 г. Это сознаніе сдѣлалось общимъ только съ появленіемъ новаго ученія Кенига объ уходѣ за насажденіями. Въ этомъ его огромная заслуга.

Въ понятіе объ уходѣ за лѣсонасажденіемъ,—въ смыслѣ Кенига,—входятъ всѣ мѣры, которыя поддерживаютъ и улучшаютъ добротность почвы, занятой лѣсомъ, содѣйствуютъ лучшему росту

---

*) Книга эта въ 1838 году переведена на русскій языкъ и издана иждивеніемъ Общества для поощренія лѣсного хозяйства въ Россіи.

и развитію внѣшнихъ формъ дерева и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвышаютъ прелесть лѣсного ландшафта. Кенигъ выразился такъ: лѣсничему ввѣренъ источникъ питанія лѣсовъ, который можетъ либо обогатиться, либо истощиться, смотря по тому, съ какою тщательностью будутъ заботиться о сохраненіи въ покоѣ нижнихъ и верхнихъ слоевъ земли, въ которыхъ распространяются корни, о неприкосновенности скопившихся на поверхности почвы запасовъ назема, о сбереженіи степени свѣжести почвы и ненарушеніи сцѣпленія частицъ земли и объ устраненіи всего препятствующаго естественному воздѣйствію на почву атмосферныхъ вліяній.

Нельзя сказать, чтобы до Кенига не было никакого ухода за возраставшимъ лѣсомъ, но уходъ состоялъ лишь въ проходныхъ рубкахъ,—мало гдѣ примѣнявшихся,—старались также противодѣйствовать сгребанію лѣсной подстилки и растаптыванію почвы скотомъ,—и только. Книга Кенига заставила лѣсничихъ вдуматься, какія же еще могутъ быть мѣры ухода за растущимъ лѣсомъ. И началась разработка касающихся этого дѣла вопросовъ. Постепенно вводили рубки, вызывающія свѣтовой приростъ, стали нарочито разводить для защиты почвы подлѣсокъ, прибѣгли къ образованію разновозрастныхъ насажденій, къ обрѣзкѣ на стволахъ деревъ сучьевъ,—и до сихъ поръ разработка возбужденнаго Кенигомъ вопроса продолжается и перешла уже на путь строго-научныхъ изслѣдованій—на опытныхъ станціяхъ.

Для научной разработки лѣсоводства, всѣ нужныя для того основы, до средины нашего столѣтія, собирались эмпирическимъ путемъ. Долголѣтній опытъ доставлялъ для этого данныя. Но такимъ даннымъ недоставало строгой научной точности, требующей болѣе соотвѣтственнаго метода изслѣдованій, чтобы можно было различить степень вліянія на хозяйство каждой изъ дѣйствующихъ силъ въ отдѣльности. Въ то время еще не умѣли разъединять эти силы и измѣрять дѣйствіе каждой изъ нихъ порознь. То, что практики признавали за причину дѣйствующей силы, было часто слѣдствіемъ цѣлаго ряда спутанныхъ причинъ. Пфейлъ и Гундесгагенъ сознавали уже необходимость для лѣсохозяйственнаго ученія вступить на строгій путь научныхъ изслѣдованій, но у нихъ мы находимъ только намекъ, а ясно начертилъ этотъ путь только Карлъ Гейеръ. Уже на съѣздѣ въ Карлсруэ, въ 1838 году, поднятъ былъ вопросъ объ учрежденіи лѣсныхъ опытныхъ станцій, но тогда ограничились только преніями; въ 1845 же году К. Гейеръ внесъ въ собраніе южно-нѣмецкихъ лѣсничихъ, засѣдавшихъ въ Дармштадтѣ, записку объ образованіи Общества для цѣлей производства разнаго рода изслѣдованій, относящихся къ области лѣсной статики. Послѣ долгихъ обсужденій, поручено было К. Гейеру составить для такихъ работъ инструкцію, которая и была послѣ разсмотрѣна и одобрена фонъ-Ведекиндомъ и фонъ-Гёреномъ, а затѣмъ, въ 1846 г., напечатана подъ заглавіемъ: «Руководство къ

производству изслѣдованій изъ области лѣсной статики» (Anleitung zu forststatischen Untersuchungen). Это первое по предмету лѣсной статики самостоятельное сочиненіе. К. Гейеръ остановился на опредѣленіи лѣсной статики въ тѣхъ широкихъ предѣлахъ, какіе очерчены были еще Гундесгагеномъ въ его энциклопедіи, т. е., что лѣсная статика имѣетъ предметомъ измѣрять дѣйствующія въ лѣсномъ хозяйствѣ силы и достигаемый ими эффектъ. Въ новѣйшее время объемъ этой науки съузили. Въ 1846 г., къ сожалѣнію, не нашлись средства къ осуществленію задуманныхъ изслѣдованій, и прошло еще много лѣтъ, пока часть ихъ вошла въ программу лѣсныхъ опытныхъ станцій. Но неосуществленіе задуманнаго не умаляетъ самую мысль К. Гейера о задачахъ, подлежащихъ рѣшенію точными научными изслѣдованіями.

К. Гейеръ, по окончаніи университетскаго курса, былъ, въ 1816 году, въ числѣ первыхъ учениковъ Тарантской лѣсной академіи, а послѣ многихъ лѣтъ службы лѣсничимъ, онъ назначенъ былъ, въ 1824 году, вторымъ преподавателемъ лѣсныхъ наукъ въ Гессенскій университетъ, гдѣ одновременно съ нимъ былъ первымъ преподавателемъ Гундесгагенъ; по смерти послѣдняго К. Гейеръ, въ 1835 г., поступилъ на его мѣсто.

К. Гейеръ соединялъ въ своей личности громадную опытность практика и широкія научныя знанія. Сравнительно съ другими, К. Гейеръ оставилъ потомству немного книгъ *), но каждая изъ нихъ свидѣтельствуетъ о высокомъ умѣ автора.

Вышедшее въ 1841 г. его «Опредѣленіе добычи лѣсовъ» (Die Waldertragsregelung) не было публикою сочувственно встрѣчено. Фейстмантель, Егеръ и фонъ-Ведекиндъ раскритиковали этотъ трудъ. Гейеръ отвѣчалъ имъ, и между ними завязался длинный литературный споръ. Пфейлъ хотя и заявилъ, что онъ вовсе не раздѣляетъ взглядовъ Гейера, но все-таки отозвался благосклонно относительно достоинствъ книги съ точки зрѣнія теоретической. И, очевидно, что Гейеръ въ этомъ сочиненіи задался цѣлью выяснить путемъ научныхъ изслѣдованій лишь теоретическія основы, на которыхъ дѣлается выводъ о величинѣ ежегодной добычи изъ лѣсовъ. Въ этомъ же отношеніи авторъ развиваетъ свои положенія въ строго научной формѣ.

Другое сочиненіе К. Гейера, «Лѣсоразведеніе», явившееся въ печати въ 1854 году, составляетъ мастерской трудъ первостепенной важности, давшій направленіе всѣмъ послѣдующимъ писателямъ въ этой области лѣсоводства. Упомянутая книга Гейера отличается

---

*) Въ печати явились слѣдующія сочиненія К. Гейера:
Въ 1826 г. «Technologie».
» 1826 г. «Die Vortheile und das Verfahren beim Baumroden».
» 1841 г. «Die Waldertragsregelung».
» 1846 г. «Die Anleitung zu forststatischen Untersuchungen».
» 1854 г. «Der Waldbau oder Forstproductenzucht».

строго систематическимъ расположеніемъ разсматриваемаго предмета и чрезвычайнымъ богатствомъ матеріала, почерпнутаго изъ опыта. Книга К. Гейера и до сихъ поръ составляетъ руководство, по которому можно изучать все касающееся лѣсоразведенія.

Что же касается составленнаго К. Гейеромъ наставленія для производства изслѣдованій всѣхъ вопросовъ, касающихся лѣсной статики, то оно дало направленіе всей дальнѣйшей научной разработкѣ лѣсоводства и проходитъ красною нитью черезъ всю область лѣсоводственныхъ знаній до настоящаго времени.

Въ пятидесятыхъ годахъ отдѣльные вопросы лѣсной статики сперва подверглись изслѣдованіямъ разрозненно, то однимъ лицомъ, то нѣсколькими вмѣстѣ; такъ *Шульцъ* занялся изслѣдованіемъ хода прироста въ насажденіяхъ, происшедшихъ отъ посѣва и посадки или естественнымъ путемъ; *Бурхартъ* изслѣдовалъ законы роста сосны и ели; *фонъ-Шпицель* и Шульцъ, съ содѣйствіемъ лѣсныхъ таксаторовъ, составили замѣчательныя баварскія массовыя таблицы. Потомъ, съ началомъ шестидесятыхъ годовъ, возникаютъ въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ лѣсныя опытныя станціи. Первый починъ дѣлаетъ Тарантская лѣсная академія въ Саксоніи. Тамъ разработаны правила и инструкціи для производства изслѣдованій по предмету лѣсной статики профессорами академіи: Кручемъ, Авг. Котта, Бергомъ, Пресслеромъ, Вилькомомъ, Штекгардтомъ, Эбермейеромъ. Нельзя не упомянуть, что объ открытіи опытной станціи заговорили въ Тарантѣ вслѣдствіе предложенія саксонскаго оберъ-ландфорстмейстера Берлепша, который въ 1857 г. намѣтилъ рядъ вопросовъ, требующихъ научнаго изслѣдованія, а именно: вопросы о сравнительномъ значеніи посѣва и посадки; о вліяніи проходныхъ рубокъ на измѣненія въ величинѣ прироста и запаса насажденія; о пирометрическомъ эффектѣ древесины различныхъ древесныхъ породъ, въ зависимости отъ возраста, быстроты роста, почвы и проч.; объ измѣненіи плодородія почвы до и послѣ облѣсенія; о вліяніи собиранія подстилки на произрастаніе лѣсонасажденій; о сравнительномъ значеніи удобренія почвы хвоей, соломой и листвой.

Вслѣдъ за Саксоніей открылись также опытныя станціи въ Баваріи, Баденѣ, Виртембергѣ, Пруссіи. Но въ каждомъ государствѣ Германіи, опытныя станціи въ началѣ работали по своимъ особымъ программамъ, а не по одному однообразному плану. Несоотвѣтственность такого порядка была скоро замѣчена. На съѣздѣ лѣсныхъ хозяевъ въ Брауншвейгѣ, въ 1872 году, рѣшили образовать союзъ всѣхъ нѣмецкихъ опытныхъ станцій, и вскорѣ явился и уставъ такого союза. Въ уставѣ опредѣлено, что союзъ имѣетъ цѣлью двигать впередъ опытное дѣло посредствомъ составленія однообразныхъ плановъ производства опытовъ, распредѣляя трудъ между своими членами и распространяя достигнутые результаты. Веденіе же дѣлъ отъ имени союза ввѣряется главной прусской станціи при нейштадтъ-эберсвальдской академіи, а засѣданія членовъ союза происходятъ, по

меньшей мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ, во время съѣздовъ нѣмецкихъ лѣсныхъ хозяевъ. Для каждой работы составляется предварительно инструкція. Въ Мюльгаузенѣ состоялось уже въ 1873 году первое собраніе опытныхъ лѣсныхъ учрежденій Германіи. Съ этого момента изслѣдованія для цѣлей лѣсной статики производятся по одному общему плану, такъ что явилась возможность обогащать науку такими важными выводами, какихъ въ прежнее время нельзя было добыть. Опытныя лѣсныя станціи повсюду переданы въ вѣдѣніе казенныхъ лѣсныхъ управленій. Организація по части управленія опытными станціями не во всѣхъ государствахъ одинаковая, но вездѣ главная администрація и сводъ наблюденій сосредоточивается въ какомъ-либо одномъ учрежденіи—въ высшемъ учебномъ по лѣсной части заведеніи. Сообщу здѣсь порядокъ, установленный въ Пруссіи.

Въ Пруссіи, съ 1872 года, лѣсное опытное дѣло органически связано съ Нейштадтъ-Эберсвальдскою лѣсною академіей и подчинено центральному лѣсному управленію въ Берлинѣ. Опытное дѣло разбито на пять отдѣленій, при чемъ сама академія составляетъ главную станцію, а второстепенныя распредѣлены по разнымъ лѣсничествамъ. Упомянутыя пять отдѣленій слѣдующія: лѣсное, химико-физическое, метеорологическое, растительно-физіологическое и зоологическое. Главная станція соединяетъ въ себѣ всѣ 5 отдѣленій, а на второстепенныхъ станціяхъ находятся только лѣсное и метеорологическое отдѣленія. Отвѣтственнымъ лицомъ за общій ходъ дѣла является директоръ академіи, который составляетъ смѣты на предстоящіе расходы, представляя ихъ на утвержденіе министерства; онъ же, совмѣстно съ представителями отдѣленій, рѣшаетъ вопросъ объ опытахъ, подлежащихъ выполненію, и вырабатываетъ соотвѣтственныя для этого инструкціи. Въ каждомъ изъ отдѣленій, въ свою очередь, отвѣтственнымъ лицомъ является его представитель или руководитель, который и самъ производитъ и направляетъ изслѣдованія, разрабатываетъ результаты этихъ послѣднихъ и провѣряетъ расходы по сдѣланнымъ работамъ. Въ главной станціи каждый представитель отдѣленія, избираемый изъ профессоровъ, непосредственно распоряжается производствомъ изслѣдованій. Въ лѣсничествахъ же, въ которыхъ устроены второстепенныя станціи, распоряжаются мѣстные оберфёрстеры, которые по вопросамъ, касающимся опытнаго дѣла, подчинены директору академіи и съ нимъ сносятся непосредственно и производятъ всѣ поручаемыя имъ директоромъ академіи изслѣдованія, по даннымъ имъ программамъ, отвѣтствуя за правильность расходовъ, сопряженныхъ съ выполненіемъ опытовъ, и представляя отчеты въ главную станцію. Для выполненія работъ, какъ на главной, такъ и на второстепенныхъ станціяхъ, назначенъ опредѣленный штатъ вспомогательнаго персонала, который, временно, можетъ быть увеличенъ, по мѣрѣ надобности. Пользуются въ этомъ дѣлѣ услугами кандидатовъ на лѣсныя должности. Сношенія главной станціи не ограничиваются только съ тѣми оберфёрстерами, гдѣ

устроены второстепенныя станціи, но по нѣкоторымъ вопросамъ, напримѣръ, по собиранію свѣдѣній объ урожаѣ сѣмянъ или по различнымъ поврежденіямъ (бурею, снѣжными навалами, насѣкомыми) и принимавшимся противъ нихъ мѣрамъ, обращаются ко всѣмъ оберферстерамъ и частнымъ лицамъ. Для записи производимыхъ изслѣдованій даны особой формы книги (Lagerbücher), которыя изъ второстепенныхъ станцій представляются въ главную. Представители же отдѣленій главной станціи, по временамъ, посѣщаютъ и направляютъ на мѣстѣ второстепенныя станціи.

Мы въ предыдущемъ изложеніи останавливались на многихъ подробностяхъ, касавшихся отдѣльныхъ выдающихся дѣятелей и писателей по лѣсной части, потому что иначе была бы не полной картина мѣнявшихся взглядовъ въ то время, пока эмпирическіе пріемы лѣсоводства съ большими затрудненіями вылуплялись изъ своихъ пеленокъ и прилаживались къ одеждѣ взрослаго человѣка. Но когда уже лѣсоводство вполнѣ сложилось въ науку, то въ такихъ подробностяхъ не предстоитъ уже надобности, и мы ихъ въ дальнѣйшемъ изложеніи не коснемся.

Въ сѣверной части Германіи сплошная вырубка лѣсосѣкъ, съ искусственнымъ разведеніемъ на нихъ лѣса, въ первой четверти нынѣшняго вѣка стала распространяться, сперва медленно, а съ 1830 года все болѣе и болѣе вытѣсняла самосѣвъ и сѣменныя лѣсосѣки, такъ что къ концу пятидесятыхъ годовъ вырубка сплошныхъ лѣсосѣкъ и разведеніе на нихъ лѣса сдѣлалась почти единственнымъ способомъ эксплоатаціи лѣсовъ, и только съ 1860 года опять обратили вниманіе на возстановленіе молодняковъ самосѣвомъ, съ попытками, въ случаяхъ неудачъ, разводить искусственно молодыя насажденія подъ пологомъ стараго лѣса. Въ южной же и юго-западной Германіи хотя также рубили много сплошныхъ лѣсосѣкъ, съ разведеніемъ на нихъ искусственно лѣса, но тамъ все-таки этотъ способъ эксплоатаціи никогда не сдѣлался преобладающимъ методомъ образованія новаго насажденія; главнѣйшимъ же образомъ тамъ вырабатывались пріемы возобновленія лѣса посредствомъ оставляемыхъ на лѣсосѣкахъ сѣменниковъ, также посредствомъ постепенныхъ рубокъ и разведеніемъ искусственно молодняковъ подъ пологомъ стараго насажденія (Vorvergüngung). Первоначальныя попытки оказывались не особенно удачными, но съ пятидесятыхъ годовъ дѣло это пошло все лучше и лучше.

Въ дѣлѣ совершенствованія сѣменныхъ лѣсосѣкъ или постепенныхъ рубокъ обратили на себя вниманіе пріемы, впервые употребленные Христіаномъ фонъ-Зебахомъ, въ буковомъ лѣсу, извѣстномъ подъ названіемъ «der Solling». Самъ фонъ-Зебахъ назвалъ свой пріемъ модифицированнымъ буковымъ высокоствольнымъ хозяйствомъ (въ Пфейлевскихъ Krit. Blätter, XXI. 1.). Г. Зебахъ, въ буковыхъ насажденіяхъ, по достиженіи лѣсомъ 70—80 лѣтъ, сильно прорѣживалъ ихъ (наполовину и болѣе) и подъ пологомъ того насажде-

нія образовывалъ самосѣвомъ, съ искусственною подмогою, молоднякъ, отѣнявшій почву. Послѣ продолжалъ еще лѣтъ 40 прорѣживать старое насажденіе, а когда подъ нимъ молоднякъ достигалъ 40-лѣтняго возраста, то срубалъ сплошь оба возраста.

Сходный пріемъ примѣненъ и Буркгардомъ; онъ дубовыя насажденія, 70—90-лѣтнія, сильно прорѣживалъ и подъ ними образовывалъ молодое насажденіе изъ бука, пихты, ели, которыя оставлялъ на корнѣ до достиженія ими 60-лѣтняго возраста; между тѣмъ продолжалъ выборочно вырубать единичными деревьями старые дубы, а по достиженіи остальными дубами 130—150 лѣтъ, срубалъ сплошь и старое, и находящееся подъ нимъ молодое насажденіе. Сходный съ этимъ пріемъ употребилъ и Крафтъ.

Въ Спессартѣ уже съ 1836 года стали достигать самосѣва вырубкою около единично разбросанныхъ дубовъ мелкихъ котловинъ, для выращиванія среди буковыхъ насажденій дубовыхъ деревъ, передерживаемыхъ на корнѣ по два оборота, избраннаго для бука. Тамъ назвали этотъ образъ хозяйства «Kompositionsbetrieb», который въ той мѣстности окончательно установился въ сороковыхъ годахъ. Всѣ эти формы для достиженія самосѣва постепенно доведены были до довольно высокаго совершенства, а послѣ 1850 г., не довольствуясь однимъ самосѣвомъ въ подобныхъ сѣменныхъ рубкахъ, присоединили къ нему на подмогу еще и искусственное разведеніе лѣса подъ пологомъ и защитою стараго насажденія.

Но такъ какъ новые пріемы къ содѣйствію самосѣву, съ искусственною подмогою, выяснили выгодные результаты лишь постепенно, въ теченіе многихъ лѣтъ, то рядомъ съ попытками такого рода продолжалась и рубка сплошными лѣсосѣками съ усердною дѣятельностью къ скорѣйшему облѣсенію срубленныхъ площадей искусственно посѣвомъ и посадкою, въ виду чрезвычайно быстраго возрастанія цѣнъ на древесину, а потому и значительныхъ убытковъ отъ потери прироста въ лѣсахъ, вслѣдствіе многолѣтняго оставленія площадей пустопорожними. Такъ, напримѣръ, попенная цѣна возвысилась въ Пруссіи за 1 куб. футъ дубоваго подѣлочнаго лѣса съ 3,2 зильбергрошенъ въ 1837 г. до 5,1 зильбергр. въ 1867 г., а хвойнаго подѣлочнаго лѣса съ 2 зильбергр. въ 1837 г. до 3,3 зильбергр. въ 1867 г.; буковыя же колотыя дрова 1 клафтеръ поднялся съ цѣны 89 зильбергр. въ 1837 г. до 149 зильбергр. въ 1867 г. Въ Баваріи также возвысилась рыночная цѣна съ 1831 по 1858 годъ: на строевой и подѣлочный матеріалъ на 64%, а на дровяной на 58%. Подобное же сильное поднятіе цѣнъ на лѣса замѣчалось и въ остальныхъ нѣмецкихъ государствахъ.

Поэтому понятно, что уже послѣ первой четверти текущаго вѣка проявилась лихорадочная дѣятельность въ дѣлѣ искусственнаго лѣсоразведенія. При сильно возвышенныхъ цѣнахъ на лѣсной матеріалъ, стало убыточнымъ ожидать долго появленія естественнаго самосѣва и лишаться въ это время прироста. Поэтому надо было спѣ-

шить новымъ облѣсеніемъ срубаемыхъ лѣсосѣкъ. Вотъ и прибѣгли къ искусственнымъ способамъ. Въ двадцатыхъ годахъ производился въ лѣсахъ почти исключительно посѣвъ сѣмянъ, притомъ очень густой, а посадка деревъ предпринималась въ видѣ исключенія отъ общепринятыхъ мѣръ. Затѣмъ садка начала все болѣе и болѣе вытѣснять посѣвъ. Садку, въ большинствѣ случаевъ, признали болѣе благонадежной, а по мѣрѣ удешевленія ея пріемовъ—и болѣе выгодною. Въ сѣверной Германіи получилъ широкое примѣненіе способъ посадки сосны однолѣтняго возраста, съ оголенными корнями, вмѣсто предшествовавшаго ему способа высадки съ глыбою земли, съ примѣненіемъ сперва цилиндрическихъ, съ 1823 года коническихъ лопатъ, а съ 1828 года гессенской сажальной лопаты и съ 1830 года отчасти лопаты форстмейстера фонъ-Мейеринка, такъ-называемой магдебургской конической полой лопаты. Немного лѣтъ спустя, съ 1833 г., Георгъ Гартигъ рекомендовалъ въ казенныхъ прусскихъ лѣсахъ дешевый способъ посадки съ оголенными корнями одно и двухлѣтнихъ растеній въ дыру, дѣлаемую сажальнымъ коломъ, на предварительно взрыхленной почвѣ.

Въ томъ же 1833 году нѣкто фонъ-Реккъ предложилъ садить деревца въ плуговыя борозды. Этою мыслью позже воспользовался и усовершенствовалъ пріемъ хорошій культиваторъ Фридрихъ-Адольфъ фонъ-Алеманъ *), который поперекъ борозды дѣлалъ щели сажальною лопатою. Въ Рейнскихъ провинціяхъ оберъ-ферстеръ Бирмансъ уже съ 1830 г. употреблялъ новый способъ возращенія въ питомникахъ саженцевъ и высадки ихъ, съ помощью дерновой золы и сажальнаго бурава. Этотъ способъ позже, съ 1845 г., пріобрѣлъ громкую извѣстность; къ Бирмансу посылали многія правительства лѣсничихъ для изученія способа лѣсоразведенія. На Гарцѣ, въ Рудныхъ горахъ, въ Тюрингенскихъ и Баварскихъ лѣсахъ разводили ель или густымъ посѣвомъ, или садкою, преимущественно пучками, по нѣскольку растеньицъ въ одну ямку. Такая садка пучками производилась на Гарцѣ очень давно, но съ двадцатыхъ годовъ текущаго вѣка изъ-за нея поднялся въ литературѣ долгій споръ: Пфейлъ и Георгъ Гартигъ сперва высказались противъ подобной садки, но впослѣдствіи ратовали въ пользу ея; къ сторонникамъ ея принадлежалъ и такой опытный лѣсоводъ, какъ Гвиннеръ (въ его „Der Waldbau in Kurzen Umrissen", 1834). Противъ пучкообразной садки были Гундесгагенъ, Рёдеръ (опытный лѣсничій на самомъ Гарцѣ), также и Котта. Введено множество усовершенствованныхъ орудій и снарядовъ для производства лѣсныхъ культуръ. Чертежи и описанія ихъ изданы въ книгѣ Бейля (Anton Beil „Forstwirthschaftliche Culturwerkzeuge und Geräthe in Abbildungen und Beschreibungen", 1846).

Въ сороковыхъ годахъ сдѣлался извѣстнымъ способъ садки Бут-

*) Alemann, «Ueber Forst-Culturwesen» 1861.

лара и его сажальный колъ (въ описаніи Freiherr v. Buttlar, Forstculturverfahren in seiner Anwendung). Въ то же время началъ примѣнять, а съ 1853 года пропагандировать свой способъ посадки на пригоркахъ оберъ-форстмейстеръ Мантейфель, хотя, собственно, садка на пригоркахъ употреблялась Коттою, и даже въ прошломъ столѣтіи, въ Голштиніи. Гораздо важнѣе были пріемы, предложенные тѣмъ же Мантейфелемъ въ 1869 г. относительно разведенія дуба, ухода за нимъ и пользованія (Die Eiche, deren Anzucht, Pflege und Abnutzung, 1869). По части лѣсоразведенія, кромѣ упомянутой уже книги Гвиннера, 1834, и ранѣе названной К. Гейера „Der Waldbau", 1854), укажемъ еще на слѣдующія наиболѣе выдающіяся сочиненія, вышедшія до 1890 года:

Stumpf, „Anleitung zum Waldbau", 1849.

Jäger, „Das Forstculturwesen, nach Theorie und Erfahrung", 1849 и 1865 гг.

Eduard Lips, „Die Schule des Waldbaues", 1859.

Но выше ихъ всѣхъ надо поставить классическое сочиненіе Буркгардта „Säen und Pflanzen", 1855 и 1858 гг., переведенное на русскій языкъ Н. С. Шафрановымъ въ 1876 г.

Заслуживаетъ также нашего вниманія наставленіе, данное Баварскимъ лѣснымъ управленіемъ для устройства и пользованія посѣвными грядками. (Anleitung zur Anlage, Pflege und Benützung der Laub- und Nadelholz-Saatbeete. Hrsg. vom K. baier. Ministerial-Forstbureau, 1862).

Herman Fürst, „Die Pflanzenzucht im Walde", 1882.

Vicomte de Courval, „Das Ausästen der Waldbäume". Aus dem Franz von Höffler, 1865.

Tromnitz, „Schneideln und Aufastung", 1872.

Mühlen, „Anleitung zum rationellen Betrieb der Ausastung im Forsthaushalte", 1873.

Ratzka, „Das ausästen der Waldbäume", 1874.

Uhlig, „Die wirthschaftliche Bedeutung der Aufastung", 1875. Gekrönte Preisschrift.

Göppert, „Ueber die Folgen äusserer Verletzungen der Bäume", 1873.

Въ частности, о хозяйствѣ отдѣльныхъ древесныхъ породъ явились, во второй половинѣ нынѣшняго вѣка, не касаясь менѣе выдающихся, слѣдующія, еще и въ настоящее время заслуживающія полнаго вниманія, сочиненія:

Carl Grebe, „Der Buchenhochwaldbetrieb", 1856.

Knorr, „Studien über die Buchenwirthschaft", 1863.

Strohecker, „Der Hackwald, physikalisch-ökonomische Studien", 1866.

Bernhardt, „Die Haubergswirthschaft im Kreise Siegen", 1867.

Reuter, „Die Kultur der Eiche und Weide", 1867.

Gerwig, „Die Weisstanne im Schwarzwalde", 1868.

v. Manteufel, „Die Eiche, deren Anzucht, Pflege und Abnutzung“, 1869.

Geyer, „Die Erziehung der Eiche zum kräftigen und gut ausgebildeten Holzstamme, nach den neuesten Principien“, 1870.

Schütz, „Die Pflege der Eiche. Ein Beitrag zur Bestandespflege“, 1870.

Schulzen, „Die Korbweidencultur“, 1884.

Dochnahl, „Die Band- und Flechtweiden“, 1887.

Сочиненій по лѣсоводству, содержащихъ кромѣ лѣсовозращенія и другіе отдѣлы науки и отдѣльные вопросы, вышло также очень много, но изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія и весьма поучительны до сего времени:

Carl Fischbach, „Lehrbuch der Forstwissenschaft“, 1856.

Dr. Theodor Hartig, „System und Anleitung zum Studium der Forstwirthschaftslehre“, 1858.

Stumpf, „Anleitung zum Waldbau“, 1863.

Julius Theodor Grunert, „Forstlehre“, 1876.

Говоря о литературѣ прошлаго времени, нельзя не упомянуть о сочиненіяхъ Либиха, но не Юстуса Либиха, знаменитаго химика, а богемскаго форстрата Христофа Либиха. Его реформаціонныя идеи надѣлали въ свое время много шума. Лѣсоводственная критика напала ожесточенно на книги Хр. Либиха. Онѣ и точно содержатъ много несообразностей, но и много новыхъ взглядовъ и истинъ. Во всякомъ случаѣ, возбужденный этими сочиненіями литературный споръ выяснилъ нѣкоторые вопросы по разведенію лѣса менѣе густого состоянія, и небезполезно прочесть и нынѣ изъ сочиненій Либиха два: „Die Forstwissenschaft nach der Prager Lehre“, 1859, и „Bodenstatik für Forst- und Landwirthschaft“, 1859.

Gustav Heyer, „Das Verhalten der Waldbäume gegen Licht und Schatten“, 1842.

Theodor Hartig, „Ueber die Verwandlung der polykotylen Pflanzenzellen in Pilzgebilde“ (Roth- und Weissfäule des Holzes), 1833.

De-Bary „Untersuchungen über die Brandpilze und die durch sie veranlassten Krankheiten der Pflanzen. 1853.

De-Bary „Morphologie und Physiologie der Pilze.“ 1866.

De-Bary „Vergleichende Morphologie und Biologie der Pilze.“

Willkomm, „Die Mikroskopischen Feinde des Waldes“ 18⁶⁶/₆₇.

„ „Die Laubhölzer im blattlosen Zustande“.

Dr. Robert Hartig, „Wichtige Krankheiten der Waldbäume“. „Beitrag zur Mykologie und Phytopathologie, für Botaniker und Forstmänner“, 1874.

Robert Hartig, „Die durch Pilze erzeugten Krankheiten der Waldbäume“, 1875.

Sorauer „Handbuch der Planzenkrankheiten“, 1874,

R. Hartig, „Die Zersetzungserscheinungen des Holzes der Nadelholzbäume und der Eiche.“ 1878.

R. Hartig, „Untersuchungen aus dem forstbotanischen Institute zu München". 1880—1883.

R. Hartig, „Der echte Hausschwamm, Merulius lacrymans". 1885.

Walz, „Ueber den Dünger u. die Waldstreu", 1870.

Zeeb, „Die Waldstreufrage, ihre Volkswirthschaftliche Bedeutung und die Mittel zu ihrer Lösung", 1871.

Ebermayer, „Die physikalische Einwirkung des Waldes auf Luft und Boden", 1873.

Ebermayer, „Die gesammte Lehre der Waldstreu, mit Rücksicht auf die chemische Statik des Waldbaues", 1875.

G. R. Förster, „Das forstliche Transportwesen", 1885.

Dr. Robert Hartig, „Die Unterscheidungsmerkmale der wichtigeren in Deutschland wachsenden Hölzer", 1879.

Seuffert, „Der Wald und seine Bedeutung für die Volkswirthschaft", 1885.

Lehr, „Forstpolitik", 1877.

Berg, „Die Staatsforstwirthschaftslehre", 1850.

Ramann, „Die Waldstreu und ihre Bedeutung für Boden und Wald", 1890.

Lorey, „Handbuch der Forstwissenschaft", 1888.

Schwappach, „Handbuch der Verwaltungskunde", 1884.

Schlieckmann, „Handbuch der Staatsforstverwaltung in Preussen", 1889.

Wagner, „Der Waldbau und seine Fortbildung", 1884.

Hess, „Encyklopädie und Methodologie der Forstwissenschaft", 1887.

R. Weber, „Die Aufgaben der Forstwirthschaft", 1888.

Ramann, „Die forstliche Standortslehre", 1888.

Seckendorf, „Verbauung der Wildbäche, Aufforstung und Berasung der Gebirgsgründe", 1884.

Hess, „Ueber Waldschutz und Schutzwald", 1888.

Heck „Das Genossenschaftswesen in der Forstwirthschaft", 1887.

Въ лѣсоводствѣ весьма важное значеніе имѣетъ организація хозяйства и опредѣленіе величины ежегодной вырубки. Рѣшеніемъ этихъ вопросовъ весьма дѣятельно занялись уже въ XVIII столѣтіи, а еще успѣшнѣе въ XIX вѣкѣ.

Изъ предыдущаго изложенія намъ уже извѣстно, что весьма рано обозначились, а еще болѣе рѣзко выступили два главныхъ направленія всѣхъ таксаціонныхъ методовъ:

Одно направленіе—клало въ основу всѣхъ своихъ расчетовъ болѣе или менѣе подробное начертаніе хозяйства, назначеніемъ каждому лѣсному участку времени вырубки, и затѣмъ, распредѣливъ всѣ насажденія для вырубки въ опредѣленныхъ отдѣлахъ времени или періодахъ, дѣлаетъ выводъ объ общемъ количествѣ годовой вырубки лѣса, обезпечивая постоянство своихъ выводовъ или преимущественно площадью, или преимущественно расчетомъ наличной древесной массы и ожидаемаго до срубки участка прироста.

Это методы, извѣстные нынѣ подъ общимъ названіемъ лѣсоустроительныхъ или органическихъ (какъ назвалъ ихъ Ведекиндъ), или періодныхъ, рамочныхъ, фахверковыхъ (по Котту). Иногда въ этихъ методахъ величина годовой вырубки обезпечивается не только одною площадью, или же одною вырубаемою древесною массою, но въ соединеніи тѣмъ и другимъ способомъ, по предложенію оберфорстмейстера Кропфа *), назвавшаго этотъ смѣшанный способъ «комбинированнымъ методомъ» (Combinirtes Fachwerk).

Другое направленіе—считаетъ своею задачею не стѣснять свободу хозяйства непремѣннымъ указаніемъ порядка вырубки участковъ лѣса и составленіемъ болѣе подробнаго плана хозяйства, а ограничивается вычисленіемъ величины годовой вырубки древесной массы, основываясь на сравненіи наличнаго въ дачѣ древеснаго запаса и прироста къ тѣмъ количествамъ того и другого, какое должно бы въ дачѣ находиться при нормальномъ ея состояніи. Эти методы извѣстны нынѣ подъ общимъ названіемъ формульныхъ или раціональныхъ (по Гундесгагену), или методовъ нормальнаго запаса.

Первое направленіе таксаціи, если не считать зачатки его у Лангена, Цантира, Ласберга, Этельда, Веведя, Геннерта, Шильхера, выразилось съ полною ясностью въ 1795 г. Георгомъ Лудвигомъ Гартигомъ. Онъ праотецъ массоваго органическаго метода таксаціи. Гейнрихъ Котта, сохранивъ принципъ органическаго метода, т. е. назначеніе, въ какомъ періодѣ времени каждый участокъ долженъ поступать къ вырубкѣ, отступилъ отъ способа Гартига въ томъ, что обезпеченіе постояннаго пользованія лѣсомъ основалъ не на равенствѣ вырубаемыхъ количествъ древеснаго запаса и прироста, а на отводѣ каждому періоду равнопроизводительныхъ площадей. Расчеты Котта хотя и дѣлалъ въ общихъ чертахъ на цѣлый оборотъ рубки, но подробный планъ хозяйства составлялъ лишь на ближайшее время, на 10 лѣтъ впередъ, считая необходимымъ чрезъ извѣстные промежутки времени производить срочныя ревизіи хозяйства, которыя составлять должны продолженіе лѣсоустройства и назначены къ постепенному прилаживанію лѣсного хозяйства къ данному современному требованію.

Второе направленіе таксаціонныхъ методовъ имѣетъ свое начало также уже въ прошломъ столѣтіи. Совершенно опредѣленно принципъ этихъ методовъ выразился въ 1788 году въ такъ-называемой австрійской камеральной таксѣ. Въ Австріи, при распродажѣ духовныхъ имѣній, постановлено было, чтобы пріобрѣтатели лѣсовъ не истощали ихъ, а для наблюденія за симъ нужно было опредѣлить, сколько можетъ быть ежегодно вырубаемо. Тогда рѣшено было, что величина ежегодной вырубки древесной массы должна быть вычислена по сравненію наличнаго древеснаго запаса лѣсной дачи съ

*) Versuch einer Anleitung zur Forstbetriebsregulirung, nach neuen Ansichten. Klippstein. 1823.

нормальнымъ. Нормальный древесный запасъ дачи, составляющій основной капиталъ, необходимый для производства ежегодно вырубаемой древесной массы,—австрійская камеральная такса назвала fundus instructus. Fundus instructus во всей лѣсной дачѣ или нормальный ея древесный запасъ долженъ былъ равняться площади всей дачи (выраженной въ Австріи числомъ Іохъ), помноженной на половину количества древесной массы, какая находится на одномъ Іохѣ въ старшемъ возрастѣ насажденія (т. е. возрастѣ оборота рубки, при нормальномъ его состояніи). Эту величину fundus instructus сравнивали съ общимъ количествомъ древесной массы, какая въ дѣйствительности находилась въ дачѣ, и тогда величину дѣйствительно возможной и допускаемой вырубки опредѣляли, назначая ее равною площади дачи, помноженной на нормальный средній древесный приростъ одного Іоха лѣса плюсъ или минусъ разницы между нормальнымъ и дѣйствительно найденнымъ древеснымъ запасами во всей дачѣ, раздѣленнаго на число лѣтъ оборота.

Мысль, что величина годовой вырубки должна быть соразмѣряема съ производительною силою дачи и должна находиться въ опредѣленномъ отношеніи къ наличному древесному запасу дачи, который надо сравнивать съ нормальнымъ запасомъ и приростомъ,— была высказана въ 1795 году анонимнымъ авторомъ изданной въ то время книги: „Kurze practische Anweisung zum Forstwesen oder Grundsätze über die vortheilhafteste Einrichtung der Forsthaushaltung, und über Ausmittelung des Werthes vom Forstgrunde, besonders auf die Grafschaft Lippe angewendet, verfasst von einem Forstmanne“, 1795. Впослѣдствіи узнали, что авторомъ этой книги былъ Паульсонъ. Тамъ, впервые мы находимъ точныя изслѣдованія о ходѣ прироста насажденій, о древесномъ запасѣ въ разныхъ возрастахъ нормальныхъ участковъ и о факторѣ пользованія изъ насажденій. Результаты этихъ изслѣдованій, въ видѣ опытныхъ таблицъ, обнародовалъ гораздо позже Теодоръ Гартигъ.

Паульсонъ самъ не выработалъ систематически теорію процента пользованія, хотя онъ творецъ этой идеи, которая вполнѣ разработана позднѣе, какъ намъ уже извѣстно, Гундесгагеномъ.

Послѣ Гундесгагена явилось еще нѣсколько способовъ таксацій, относящихся къ методу, основывающему свои выводы о величинѣ годовой вырубки на сравненіяхъ наличнаго съ нормальнымъ запасомъ и приростомъ. Сюда принадлежатъ:

Способъ Карла Гейера, о сочиненіи котораго по этому предмету уже выше упомянуто. Гейеръ придерживается идеи австрійской камеральной таксы, но назначаетъ, вмѣсто цѣлаго оборота рубки, извѣстный срокъ времени для перехода отъ нынѣшняго состоянія лѣса въ нормальное, каковой срокъ онъ называетъ „Ausgleichungszeitraum“—эпохою лѣсоустройства.

Кромѣ того, самъ К. Гейеръ хорошо понималъ, что опредѣленная математическимъ расчетомъ величина вырубки можетъ быть,

во многихъ случаяхъ, недостаточной, чтобы удовлетворить хозяйственнымъ потребностямъ. Онъ поэтому и самъ сказалъ: «не должно думать, чтобы въ тѣсныя рамки математической формулы возможно было успѣшно втиснуть ту величину смѣтной пропорціи рубокъ, какая соотвѣтствуетъ практическимъ цѣлямъ». Оттого К. Гейеръ и не раздѣляетъ взглядъ Гунденсгагена относительно составленія плана хозяйства. Гейеръ говоритъ, что его способъ опредѣленія ежегодной рубки хотя и не обусловливаетъ непремѣннаго составленія плана хозяйства, но въ видахъ практическихъ признаетъ такой планъ необходимымъ.

Еще ранѣе Гейера, обнародовалъ свой способъ таксаціи въ 1838 г. форстратъ Карлъ, который позже въ 1851 г. измѣнилъ нѣсколько первоначальную идею, примѣнивъ формульный методъ таксаціи къ періодному въ сочиненіи «Die Forstbetriebsregulirung nach der Fachwerksmethode auf wissenschaftlichen Grundlagen», 1851. Но предложенные имъ пріемы крайне неудобны и ими нигдѣ не воспользовались. Точно такъ не вошли въ практическую жизнь весьма остроумно предложенные способы, относящіеся къ формульнымъ методамъ: Бреймана 1855 г., описанный имъ въ сочиненіи «Anleitung zur Berechnung des Holzzuwachses und nachhaltigen Ertrags der Wälder» и Смаліана, описаннаго въ его сочиненіи «Anleitung zur Untersuchung und Feststellung des Waldzustandes, der Forsteinrichtung, des Ertrages und Geldwerthes der Forsten», 1840.

Совершенно новые взгляды на лѣсоустройство и таксацію лѣсовъ должны были всплыть, когда въ лѣсоводство проникла финансовая теорія или, какъ ее назвалъ самъ творецъ ея Пресслеръ, теорія чистаго дохода (Reinertragstheorie). Къ ней мы возвратимся позже, а пока добавимъ еще нѣкоторое разъясненіе формульныхъ таксаціонныхъ методовъ.

Всѣ такъ-называемые раціональные или формульные методы имѣютъ громадное научное значеніе: они много способствовали къ выясненію цѣли, къ которой должна стремиться всякая организація лѣсного хозяйства, и установили строго-опредѣленное понятіе о нормальномъ лѣсѣ, нормальномъ запасѣ и приростѣ, разъяснивъ соотношенія, существующія между вырубкою, запасомъ и приростомъ. И за всѣмъ тѣмъ, ни одинъ изъ всѣхъ предложенныхъ способовъ раціональныхъ методовъ не удержался долго въ практикѣ, хотя временно находили примѣненіе въ устройствѣ лѣсовъ. Во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ правительства при устройствѣ казенныхъ лѣсовъ предпочли и предпочитаютъ производить лѣсоустройство на началахъ органическихъ методовъ. Равно и большинство лѣсничихъ принадлежатъ къ сторонникамъ лѣсоустроительныхъ методовъ, а не раціональныхъ. И это понятно. Для точнаго примѣненія раціональныхъ методовъ необходимо:

Во-первыхъ, знаніе нормальной массы цѣлаго ряда возрастовъ

насажденій, отдѣльно по древеснымъ породамъ и добротности почвы.

Во-вторыхъ, знаніе нормальнаго хода прироста въ тѣхъ же рядахъ насажденій.

Въ-третьихъ, знаніе реальныхъ запасовъ и текущихъ приростовъ наличныхъ насаждній.

Знаніе первыхъ двухъ условій далеко еще не упрочено точными изслѣдованіями, слѣдовательно приходилось бы строить всѣ выводы на болѣе или менѣе гадательныхъ соображеніяхъ. Третье же условіе—требуетъ для осуществленія громадныхъ долговременныхъ работъ, дорого стоющихъ. Кромѣ того, если бы и знаніе нами первыхъ двухъ условій было полное, а приведеніе въ извѣстность третьяго условія не встрѣчало бы практическихъ затрудненій, то и тогда примѣненіе такъ-называемыхъ раціональныхъ таксаціонныхъ методовъ не могло бы насъ вполнѣ удовлетворять, потому что только при нормальномъ состояніи лѣсной дачи эти методы даютъ выводы о величинѣ годовой рубки, не подвергающейся измѣненіямъ, а въ лѣсахъ ненормальныхъ,—каковы большинство,—должна съ каждымъ годомъ измѣняться величина годовой рубки, когда она опредѣлена по принципу раціональныхъ методовъ, потому что соотношенія реальныхъ и нормальныхъ массъ и приростовъ измѣняются. Слѣдовательно, потребуется весьма частое повтореніе работы. Независимо отъ сказаннаго, надо еще помнить и то, что раціональные таксаціонные методы рѣшаютъ только одну изъ задачъ лѣсоустройства, именно вычисляютъ величину годовой рубки, но не включаютъ въ кругъ своего разсмотрѣнія всѣ остальныя задачи по организаціи лѣсного хозяйства,—они по принципу своему и не нуждаются въ составленіи плана хозяйства, хотя составленіе его можетъ быть придаточною работою. Но если приходится составлять планъ хозяйства, то этимъ уже выяснится какъ порядокъ, такъ и приблизительно величина рубокъ, безъ затраты того громаднаго труда, какой требуется для осуществленія раціональныхъ методовъ.

Кромѣ названныхъ нами выше сочиненій по предмету лѣсной таксаціи и лѣсоустройству, изъ явившихся въ печати, въ теченіе нынѣшняго вѣка, заслуживаютъ нашего вниманія слѣдующія: Ведекинда два сочиненія: Freiherr G. W. v. Wedekind «Anleitung zur Betriebsregulirung und Holzertragsschätzung der Forste», 1834, и «Instruction für die Betriebsregulirung und Holzertragsschätzung der Forste. Durch Beispiele erläutert, nebst einem Hefte mit Mustern und Ertragstafeln», 1839.

Эти два сочиненія хотя устарѣлыя, но дѣльныя, въ нихъ обстоятельно выясненъ смѣшанный способъ періоднаго метода таксаціи. Слѣдующія же за симъ четыре книги удовлетворяютъ современному состоянію лѣсоустройства:

Альбертъ «Lehrbuch der forstlichen Betriebsregulirung», 1861.

Гребе «Die Betriebs- und Ertrags-Regulirung der Forsten», 1867.

Густавъ Вагнеръ «Anleitung zur Regulirung des Forstbetriebs,

nach Massgabe der nachhaltig erreichbaren Rentabilität und im Hinblick auf die zeitgemässe Fortbildung der forstlichen Praxis», 1875.

Боргреве «Die Forstabschätzung», 1888.

Что касается до отдѣльныхъ дисциплинъ по предмету лѣсной таксаціи и лѣсоустройства, то обращаю вниманіе на слѣдущія замѣчательныя сочиненія:

По части съемки и дѣленія лѣсовъ.

Браунъ «Ueber Anlagen von Schneissensystemen und ihre Bedeutung zur Waldeintheilung und Waldvermessung», 1855. Авторъ обратилъ въ этомъ сочиненіи вниманіе на важное значеніе того, чтобы направленіе и расположеніе просѣкъ, при раздѣленіи лѣса на кварталы, было согласовано съ предположеніями о проведеніи сѣти лѣсныхъ дорогъ. Важность этого вопроса, все болѣе и болѣе, крѣпла въ сознаніи лѣсничихъ и въ настоящее время составляетъ непремѣнное условіе при всѣхъ дѣленіяхъ лѣсовъ на части.

Крафтъ «Die Anfangsgründe der Theodolidenmessung», 1865 г. Хотя книга эта, по своей спеціальности, здѣсь можетъ показаться не у мѣста, но я упоминаю о ней потому, что авторъ доказываетъ необходимость полигонометрическаго метода съемки лѣсовъ и употребленія теодолида.

Бауръ «Lehrbuch der niederen Geodäsie, vorzüglich für Forstwirthe». 1858. 2 изд. 1872 г.

Кромѣ того, хорошія наставленія о дѣленіи лѣсовъ на части помѣщены въ поименованныхъ выше сочиненіяхъ по лѣсной таксаціи Гребе и Альберта и въ лѣсоустройствѣ Юдейха, о которомъ предстоитъ еще сказать.

По части древоизмѣренія.

Обмѣръ и вычисленіе объема отдѣльныхъ деревъ и количества древесной массы цѣлыхъ насажденій, въ теченіе XIX вѣка, достигъ въ Германіи высокаго совершенства. Придумано множество снарядовъ для измѣренія высоты растущихъ деревъ: простая мѣрительная доска Кенига, называемая также тарандтскою доскою; Пресслера измѣритель; Винклера фонъ-Брюккенбрандта карманный дендрометръ; Фаустманна зеркальный гипсометръ; универсальный инструментъ Бреймана для измѣренія высотъ деревъ и на высокой высотѣ діаметровъ и множество другихъ еще высотомѣровъ. Для опредѣленія толстотъ древесныхъ стволовъ въ началѣ обмѣряли окружности, пользуясь мѣрною тесьмою, но во второй половинѣ текущаго вѣка убѣдились, что болѣе точные результаты получаются обмѣромъ діаметровъ, и тогда вошли во всеобщее употребленіе мѣрныя вилки различной конструкціи, изъ которыхъ вначалѣ были наиболѣе въ ходу: вилка Смаліана (описанная въ его Holzmesskunst); вилка Рейсига (описанная въ Jahrbücher der Fostkunde von Wede-

kind. 32 Heft. S. 1—8); вилка Карла Гейера (Forststatische Untersuchungen. S. 56). Потомъ стали предпочитать вилку, описанную Сталемъ (въ его Massentafeln), Вюртембергскую мѣрную вилку (описанную Бауромъ въ его Holzmesskunst),—но наиболѣе удобная въ настоящее время есть вилка Фридриха, съ двумя подвижными колѣнами (описана также у Баура) и сходная съ нею вилка Пюшеля (Forst u. Jagd-Zeit. 1858. Now.). Предложены для измѣренія діаметровъ также мѣрные циркуля, которые однакоже не вошли въ общее употребленіе.

Стереометрическія формулы для опредѣленія объема деревъ превосходно примѣнены въ нынѣшнемъ вѣкѣ къ дѣлу. Уже Госфельдъ и Кенигъ въ упомянутыхъ нами выше сочиненіяхъ ихъ 1812 и 1813 годовъ («Niedere und höhere practische Stereometrie u. Anleitung zur Holztaxation») преподали цѣлесообразныя по этому предмету правила, а позже Кенигъ въ своей лѣсной математикѣ 1835 г. еще болѣе подвинулъ эту часть, а преподаватель въ Гогенгеймской академіи Рике основательно разобралъ способы вычисленія древесныхъ стволовъ и формъ усѣченныхъ конусовъ, параболида и нейлоида (въ сочиненіяхъ «Ueber die Berechnung des körperlichen Inhalts unbeschlagener Baumstämme. Ein Program. 1859» и въ «Mathematische Unterhaltungen. 1868 и 1873»).

Весьма почтенные, по разсматриваемому предмету, труды составляютъ также сочиненія:

Смаліана «Beitrag zur Holzmesskunst. 1837».

Клаупрехта «Die Holzmesskunst. 1842».

Баура «Anleitung zur Aufnahme der Bäume nach Masse, Alter und Zuwachs. 1861».

Карла Брейманa «Anleitung zur Holzmesskunst. 1868».

Эдуарда Гейера «Ueber Messung der Höhen, so wie der Durchmesser der Bäume im Allgemeinen, besonders aber bei forststatischen Untersuchungen. 1870».

Постепенно выяснено было вліяніе, оказываемое ошибками, сдѣланными при измѣреніи діаметровъ и окружностей и при измѣреніи длины деревъ, на содержаніе площадей сѣченія и на выводъ объема древеснаго ствола, такъ что дошли до сознательнаго пониманія тѣхъ методовъ и формулъ для вычисленія кубическаго содержанія разнаго рода лѣсныхъ матеріаловъ, какія слѣдуетъ употреблять при научныхъ изслѣдованіяхъ и какія удовлетворяютъ практическимъ цѣлямъ. Для изслѣдованія объема разныхъ частей дерева, преимущественно неправильныхъ формъ и мелкихъ, стали употреблять инструменты, опредѣляющіе кубическое содержаніе путемъ физическимъ: ксилометры и вѣсы.

Наиболѣе полно изложено все относящееся до обмѣра и вычисленія объема деревъ въ классическомъ сочиненіи Кунце «Lehrbuch der Holzmesskunst. 1873», переведенномъ и на русскій языкъ въ 1878 г.

Для болѣе легкаго и скораго вычисленія объема деревъ явилось чрезвычайное множество вспомогательныхъ таблицъ. Изъ нихъ наиболѣе полныя таблицы Пресслера, выпущенныя въ нѣсколькихъ изданіяхъ и подъ разными названіями.

Для вычисленія объемовъ стоящихъ на корнѣ деревъ, въ XIX вѣкѣ, разработано понятіе о *видовыхъ числахъ*.

Первое раціональное наставленіе къ опредѣленію видовыхъ чиселъ деревъ и къ вычисленію прироста растущихъ деревъ мы находимъ въ сочиненіи Паульсона «Ueber die richtigste Art der Berechnung des Zuwachses an ganzen Holzbeständen», извѣстное въ рукописи уже въ 1800 г., а напечатанное позже въ «Beiträge zur gesammten Forstwissenschaft», издававшихся Клаупрехтомъ. Изслѣдованій о видовыхъ числахъ, соотвѣтствующихъ каждой древесной породѣ, очень много. Нѣтъ ни одного изъ болѣе извѣстныхъ въ литературѣ лѣсоводственныхъ писателей, который бы не собралъ своихъ изслѣдованій о видовыхъ числахъ. Для сравненія съ объемами деревъ приняты объемы цилиндровъ,—хотя были и попытки сравнивать форму деревъ съ конусами, но эти попытки скоро бросили. Видовыя числа опредѣляли по діаметрамъ, измѣреннымъ у дерева на такой высотѣ отъ земли, чтобы она равнялась высотѣ груди человѣка средняго роста, около $2 - 2^1/_4$ аршинъ. Вычисленныя на этомъ основаніи видовыя числа были впослѣдствіи названы старыми или неточными, а по-русски рутинными видовыми числами (unächte Formzahlen), потому что при одной и той же формѣ дерева получаются различныя видовыя числа, смотря по высотѣ дерева. Поэтому уже Смаліанъ предложилъ брать на деревѣ діаметръ не на постоянной высотѣ отъ земли, а на какой-либо постоянной долѣ отъ всей высоты дерева, чтобы для одной и той же формы получать и выраженіе одинаковаго видового числа. Смаліанъ для этого предложилъ измѣрять діаметръ у высокихъ деревъ на $^1/_{20}$ части общей высоты ствола, а у низкихъ деревъ на $^1/_{10}$ части, считая отъ земли. На этомъ настаивалъ и Пресслеръ въ пятидесятыхъ годахъ, и тогда вычисленныя на основаніи этихъ предложеній видовыя числа названы раціональными. Но какъ и раціональныя видовыя числа не въ точности выражали форму дерева, а по нимъ нельзя было вычисленіемъ найти діаметръ ствола на любой его высотѣ, то Риникеръ («Ueber Baumform- und Bestandesmasse, von Hans Riniker. 1873») предложилъ вычислять видовое число только для той части ствола, которая выше груди человѣка, ибо тогда для одной и той же формы дерева получаются и одинаковыя видовыя числа, которыя и названы настоящими (ächte Formzahlen). Кенигъ ввелъ въ практику понятіе о сравнительной высотѣ, а Пресслеръ объ условной высотѣ. Въ дѣлѣ вычисленія объема растущихъ деревъ, для цѣлей практическихъ, сдѣланъ былъ важный шагъ впередъ счастливою идеей воспользоваться для этого принципомъ среднихъ величинъ. Это и осуществлено распоряженіемъ баварскаго казеннаго лѣс-

ного управленія. Спитцель и Шульце, съ помощью нѣсколькихъ таксаторовъ, обмѣрили и вычислили объемъ болѣе 40 тыс. деревъ разныхъ породъ, различной толщины и длины, и составили прославившіяся баварскія массовыя таблицы, гдѣ по среднимъ выводамъ показана древесная масса каждаго дерева извѣстной породы, при данной общей его высотѣ и діаметрѣ, измѣренномъ отъ земли на высотѣ груди человѣка. Эти массовыя таблицы, по провѣркѣ, оказались пригодными не для одной только Баваріи, но во всей Германіи, для цѣлей практическихъ, когда нужно знать не объемъ каждаго отдѣльнаго дерева, а массу болѣе значительнаго числа деревъ, общимъ итогомъ.

Способы опредѣленія древесной массы и сортиментовъ лѣсного матеріала на пробныхъ площадяхъ и въ цѣлыхъ насажденіяхъ также значительно усовершенствованы. Прежніе неуклюжіе пріемы Бекмана, прошлаго столѣтія, отжили свой вѣкъ уже со временъ Геннерта. Болѣе раціональные пріемы указаны были въ сочиненіяхъ Госфельда и Кёнига. Пріемы ихъ постепенно видоизмѣнялись, пока дошли до употребляемыхъ нынѣ. Долго и разнообразно экспериментировали насчетъ наиболѣе соотвѣтственнаго выбора и вычисленія модельныхъ деревъ и образованія классовъ и ступеней толщины и высоты, пока въ 1867 г. Драутъ опубликовалъ свой способъ (въ «Forst- u. Jagdzeit.»), и затѣмъ въ особомъ сочиненіи подробно описалъ его въ 1860 г. («Die Ermittelung der Holzmasse»). Нѣкоторую поправку къ этому способу внесъ Урихъ («Alg. Forst- u. J. Z.» 1862 и 1865 гг.) и въ «Monatsschrift für Forst- u. Jagdwesen»). Поправка эта относилась къ выбору модельныхъ деревъ. Драутъ устанавливаетъ извѣстный процентъ для взятія модельныхъ деревъ изъ каждаго класса толщины, производя счетъ по числу деревъ; но такъ какъ часто случается, что число моделей, какое должно быть срублено, составляетъ не только цѣлыя цифры, но и дробныя, вслѣдствіе чего приходится округлять число срубаемыхъ моделей и для многихъ ступеней или классовъ толщины вовсе не брать ихъ, то это служитъ причиной чувствительныхъ погрѣшностей. Эти-то погрѣшности Урихъ предложилъ регулировать. Достигаетъ онъ этого тѣмъ, что прежде избранія моделей, составляетъ группы изъ равнаго числа деревъ, для которыхъ модель будетъ служить среднимъ представителемъ, а площадь ея древеснаго основанія должна составлять въ каждой группѣ деревъ одинаковый процентъ къ площади древесныхъ основаній всѣхъ деревъ той же группы.

Робертъ Гартигъ нашелъ нужнымъ видоизмѣнить предложеніе Уриха. Онъ также образуетъ группы деревъ, но въ каждой полагаетъ не равное число деревъ, а равную площадь древесныхъ основаній, именно такую, которая равняется частному, получаемому отъ раздѣленія общей площади древесныхъ основаній всѣхъ деревъ, числомъ модельныхъ деревъ, которыя намѣрены взять на всей пробной площади. Тогда въ каждой группѣ выбираютъ одно модель-

ное дерево, среднее по величинѣ площади древеснаго основанія. Но важный недостатокъ этого способа состоитъ въ томъ, что нельзя соединить въ общій итогъ вычисленія всѣхъ взятыхъ моделей, а надо каждое изъ нихъ вводить въ расчетъ отдѣльно. Поэтому способъ этотъ не вошелъ въ общее употребленіе,—а нынѣ модели выбираютъ или по Уриху, или по Драуту.

Позже прусскимъ оберъ-ферстеромъ Кребсомъ, въ его сочиненіи «Anleitung zur Betriebsregulirung der Hochwaldungen und Massen-Ermittelung der Holzbestände 1876 г.», предложенъ способъ на новыхъ своеобразныхъ основаніяхъ, но до сихъ поръ въ практику не вошедшихъ.

Оцѣнка лѣсовъ и находящейся подъ ними почвы, производилась, конечно, очень давно, но безъ сомнѣнія цѣна устанавливалась, какъ и на всѣ предметы торга,—въ зависимости отъ количества спроса и предложенія, а какъ въ старину лѣсовъ было въ изобиліи и они достались въ наслѣдство прежнимъ поколѣніямъ готово выращенными природою, безъ затратъ на ихъ разведеніе, то и оцѣнивались низко, главнымъ образомъ насколько земля изъ-подъ лѣса нужна была для поля, луга или выгона скота,—самая же древесина разсматривалась какъ придатокъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, полезный и желательный, и тогда увеличивавшій цѣну находящейся подъ нимъ земли, но не было надобности класть въ расчеты какіе-либо расходы на первоначальное разведеніе лѣса. Положеніе дѣла измѣнилось, когда лѣсовъ стало меньше, когда скопленные въ прошлыя вѣка запасы исчезли, когда спросъ на нихъ усилился, а предложеніе уменьшилось, и когда на разведеніе и охраненіе лѣса потребовались затраты. Въ такомъ положеніи засталъ Германію новый XIX вѣкъ. Нѣмцы, понятно, скоро сообразили, что для приспѣванія лѣса и для возврата всѣхъ затратъ, дѣлаемыхъ съ момента возстановленія насажденія до его срубки и продажи, требуются чрезвычайно долгіе сроки времени, вслѣдствіе чего на продукты лѣсного хозяйства ложатся въ значительномъ количествѣ проценты, накопляющіеся на капиталъ, употребленный для производства того продукта. Крупныхъ же процентовъ лѣсное хозяйство не можетъ выносить,—это было очевидно,—и вотъ съ начала нынѣшняго столѣтія всплылъ въ Германіи вопросъ: какіе же проценты принимать въ счетахъ лѣсного хозяйства по всѣмъ работающимъ тамъ капиталамъ?

Г. Л. Гартигъ полагалъ, что въ лѣсномъ хозяйствѣ надо считаться *простыми* процентами, а не сложными, но надо для отдаленныхъ періодовъ времени постепенно увеличивать цифру процентовъ. Нердлингеръ и Госфельдъ требовали счетъ сложными процентами. Котта въ 1818 г. желалъ примирить оба противоположныя мнѣнія и стоялъ за комбинацію, въ видѣ *среднихъ процентовъ*, изъ простыхъ и сложныхъ. Возникъ долгій литературный споръ, въ которомъ сторонниками сложныхъ процентовъ выступали Гундесгагенъ 1826, Пфейлъ 1833, Кенигъ 1835, Брейманъ 1855. Бурк-

гардъ 1859, стоя въ принципѣ за сложные проценты, склоняется однако къ расчету со средними. Геренъ въ 1835 г. требуетъ счетъ средними геометрическими процентами; Теод. Гартигъ въ 1855 отстаиваетъ средніе ариѳметическіе проценты, однако, въ концѣ концовъ, всѣ пришли къ убѣжденію, что единственно правильный пріемъ есть счетъ сложными процентами,—такъ что всѣ новѣйшіе писатели, которые занимались оцѣнкою лѣса, какъ Альбертъ 1862 г., Бозе 1863, Густ. Гейеръ 1865, Крафтъ 1866, Фаустманъ 1849, 1853, 1854, Бауръ 1869, Пресслеръ и всѣ современники наши—признаютъ единственно правильнымъ счетъ сложными процентами.

Поводомъ къ возникновенію споровъ объ употребленіи простыхъ-ли, среднихъ или сложныхъ процентовъ послужила необходимость оцѣнокъ лѣса при продажахъ и отчужденіяхъ ихъ.

Другихъ мотивовъ вначалѣ не было.

Позже же, при научной разработкѣ лѣсоводства, нельзя было не коснуться вопроса *о затратахъ*, употребляемыхъ на веденіе лѣсного хозяйства, *о доходахъ*, лѣсами доставляемыхъ, и *о прибыляхъ*, изъ лѣсовъ извлекаемыхъ.

Гундесгагенъ въ своей энциклопедіи первый разсматривалъ обстоятельно значеніе затратъ въ лѣсномъ производствѣ и вѣрно понялъ ихъ. Онъ пришелъ къ заключенію, что цѣна лѣсной дачи слагается изъ стоимости земли и стоимости возросшей на ней древесины; но имѣлъ весьма смутное и сбивчивое понятіе о пріемахъ къ опредѣленію цѣны порознь той и другой величины. Онъ даже считалъ это невозможнымъ, а полагалъ, что только въ совокупности, нераздѣльно, можетъ быть вычислена цѣна обѣихъ величинъ, замѣтилъ притомъ, что въ лѣсномъ промыслѣ не можетъ быть и рѣчи о чистомъ поземельномъ доходѣ. Гундесгагенъ не попытался даже опредѣлять цѣну лѣса посредствомъ особыхъ математическихъ формулъ; онъ главнѣйшимъ образомъ обратилъ только вниманіе на экономическія условія, вліяющія на цѣну лѣса.

Между тѣмъ, уже *въ 1822 году Пфейлъ* сталъ утверждать, что цѣль лѣсного хозяйства заключается не въ томъ, чтобы возращать наибольшее количество и наиболѣе полезной (brauchbarste) древесины, а въ томъ, чтобы извлекать изъ земли *наибольшій чистый доходъ*.

Въ *1826 г. Пфейлъ* высказалъ, что «*капиталъ*, который можетъ быть изъятъ изъ лѣсного хозяйства и переданъ въ распоряженіе народной промышленности, непремѣнно дастъ бóльшій ростъ, чѣмъ какой онъ можетъ дать, оставаясь въ лѣсномъ хозяйствѣ. Поэтому лѣсное хозяйство становится тѣмъ выгоднѣе для общей народной промышленности, чѣмъ кратче срокъ времени, въ теченіе котораго капиталъ задерживается въ лѣсномъ хозяйствѣ и чѣмъ быстрѣе будетъ переданъ тотъ капиталъ въ распоряженіе народной промышленной дѣятельности». Эту же самую мысль Пфейлъ повторилъ въ 1834 году, въ статьѣ о краткихъ оборотахъ рубки (Kr. Bl. VIII, B. J. 2 1834).

Тотчасъ послѣ 1826 г. поднята была въ литературѣ буря противъ Пфейля: Госфельдъ, Клипштейнъ, Линцъ — выступили его противниками.

Пфейлъ разсматриваетъ скопляемый древесный капиталъ въ дачѣ, какъ настоящій оборотный капиталъ; а всякій древесный капиталъ, который не доставляетъ сполна обычные учетные проценты, есть капиталъ мертвый, который долженъ быть, съ экономической точки зрѣнія,—обращенъ въ денежный капиталъ. Но Пфейлъ признаетъ, что въ государственныхъ лѣсахъ хозяйство не должно руководствоваться финансовымъ расчетомъ. Послѣдній долженъ служить принципомъ хозяйства лишь въ частныхъ лѣсахъ.

Мысли Пфейля были зародышемъ, изъ котораго впослѣдствіи выросла новѣйшая финансовая теорія лѣсоводства. Пфейлъ же самъ не сумѣлъ придать своимъ мыслямъ точное математическое выраженіе.

Съ толчка, даннаго Гундесгагеномъ и Пфейлемъ, начали усердно разрабатывать вопросы, касающіеся оцѣнки лѣсовъ, но преимущественно обращали вниманіе на математическую сторону вопросовъ, мало или почти вовсе не касаясь общихъ экономическихъ началъ, съ которыми тѣсно связаны подобные вопросы.

Такимъ образомъ съ 1830 г. лѣсоводственная литература стала наполняться математическими формулами, и съ каждымъ выводомъ новой формулы думали, что открывали новую истину. Такое направленіе продолжается отчасти еще и въ наши дни.

Въ математическомъ методѣ рѣшенія вопроса принимали выдающееся участіе: Кёнигъ, Брейманъ, Фаустманъ, наконецъ, Пресслеръ. Большинство же лѣсничихъ до 1858 года относилось къ этому вопросу весьма апатично; они смотрѣли на всѣ математическія выкладки, какъ на невинную забаву бумагомаранія, не имѣющую никакого вліянія на ходъ лѣсного хозяйства. Поэтому долгое время не трудились даже приводить формулы въ связь съ общими политико-экономическими началами.

Но когда въ 1858 году Пресслеръ выпустилъ 1 часть своей книги: «Der rationelle Waldwirth und sein Waldbau des höchsten Ertrags», (2 часть вышла въ 1859 году), гдѣ брошенъ былъ всему лѣсному міру упрекъ въ непониманіи цѣлей лѣсоводства, въ неумѣніи вести хозяйство на началахъ раціональныхъ, и тономъ рѣзкимъ, вызывающимъ, но строго-логично, математически-точно, разобраны были многія положенія лѣсоводства,—тогда встрепенулись вожаки лѣсного дѣла.

Чрезвычайно талантливо написанное сочиненіе Макса Пресслера создало громадную литературу pro и contra. Въ лѣсохозяйственной литературѣ никогда не бывало такого оживленія, какое проявилось послѣ изданія книги «раціональный лѣсной хозяинъ».

Вначалѣ отбивался отъ всѣхъ нападокъ почти одинъ Пресслеръ, литературная плодовитость котораго, въ этотъ періодъ времени, изумительна. Пресслеръ — острою, саркастическою рѣчью,

логичностью мыслей и положительностью математическихъ доводовъ, поражалъ всѣхъ своихъ противниковъ цѣлымъ потокомъ брошюръ и газетныхъ статей. Онъ былъ бойцомъ неутомимымъ и мало-помалу привлекъ на свою сторону многихъ даровитыхъ сторонниковъ: Гесса, Зеккендорфа, Юдейха, Густава Гейера. Противъ же Пресслера и его теоріи выступали Буркгардъ, Браунъ, Бозе, Гребе, Альбертъ, Миклицъ, Данкельманъ, Бауръ, Фишбахъ, Егеръ, Боргреве. Послѣдній *), нѣсколько позже, когда уже явилась въ 1871 г. замѣчательная книга Густава Гейера о методахъ производства расчетовъ для опредѣленія доходности лѣсного хозяйства, дошелъ даже до непозволительныхъ въ литературныхъ спорахъ ругательствъ и кидалъ грязью въ Густава Гейера.

Пфейлъ, который былъ еще живъ, при появленіи 1 части «rattioneller Waldwirth» въ своихъ критическихъ листкахъ (XLI. B. 1. H. 1858), отозвался объ этомъ сочиненіи, что авторъ его, дѣлая вообще вѣрныя математическія выкладки, примѣняетъ ихъ безусловно ко всѣмъ случаямъ, потому что, очевидно, не знаетъ ни лѣса, ни его отношеній къ политико-экономическимъ истинамъ. При чемъ Пфейлъ протестуетъ противъ того, будто бы онъ солидаренъ съ положеніями, выставленными Пресслеромъ, напротивъ, онъ отнюдь не раздѣляетъ большинства мнѣній, высказанныхъ Пресслеромъ.

Пфейлъ заканчиваетъ разборъ свой слѣдующею фразою: «я въ книгѣ Пресслера ничего иного не нашелъ, какъ только старую, давно извѣстную всякому мужичку, жиду и барышнику истину, что тотъ, кто владѣетъ старыми высокоствольными лѣсами, можетъ получить гораздо бо̀льшій годовой доходъ, если продастъ тѣ лѣса на срубъ и положитъ деньги въ банкъ, чѣмъ когда будетъ вести въ своихъ лѣсахъ правильное хозяйство. Для того, чтобы преподать такой совѣтъ лѣсовладѣльцамъ, не требовалось вовсе столькихъ словъ, сколько ихъ въ книгѣ».

Споръ о значеніи финансовой теоріи въ лѣсоводствѣ, какъ я уже сказалъ, продолжался долго. Математическими выкладками и формулами вполнѣ доказана и не можетъ быть опровергнута, съ точки зрѣнія математика, вѣрность финансоваго расчета. Но изъ этого слѣдуетъ только одно, что финансовый расчетъ есть единственно вѣрный методъ для измѣренія финансовыхъ эффектовъ лѣсного хозяйства, но отнюдь еще не доказываетъ, что безусловно вездѣ финансовая теорія должна служить исключительнымъ руководящимъ началомъ лѣсного хозяйства. Общія политико-экономическія соображенія даютъ сильное оружіе противъ ученія Пресслера. Мюнхенскій профессоръ политической экономіи Гельферихъ **) высказался опредѣленно; онъ находитъ, что отъ перенесенія въ практику ученія

*) Въ его сочиненіи «Forstwissenschaftliche Tagesfragen, Heft 1, Die Forstreinertragslehre».

**) «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft 1867 и 1871».

Пресслера непремѣннымъ послѣдствіемъ должно быть то, что лѣсное хозяйство сдѣлается интензивнѣе въ отношеніи работы, а экстензивнѣе въ отношеніи капитала, абсолютное же количество производства лѣсныхъ продуктовъ должно уменьшится. Однако особенности лѣсного хозяйства исключаютъ въ немъ абсолютное господство мотивовъ, присущихъ частному хозяйству.

Густавъ Гейеръ перенесъ вопросъ о значеніи финансоваго расчета въ область лѣсной статики, гдѣ этотъ расчетъ долженъ служить методомъ для измѣренія финансовыхъ эффектовъ лѣсного хозяйства. Выпущенныя Густавомъ Гейеромъ два капитальныхъ сочиненія,—одно въ 1865 г. «Anleitung zur Waldwerthberechnung», другое въ 1871 г. «Die Methoden der forstlichen Rentabilitätsrechnung»,—до того опредѣленно выяснили предметъ, что къ взглядамъ Гейера примкнуло большинство лѣсничихъ, съ тою какъ бы оговоркою, что всякія математическія формулы, которыми выражаются экономическія явленія, представляютъ собою только выраженіе идеальное, котораго осуществленіе непремѣнно послѣдуетъ, если вставленныя въ формулу данныя не подвергнутся измѣненіямъ. Изъ данныхъ же, входящихъ въ каждую формулу финансовыхъ расчетовъ, наиболѣе непостоянны—величина учетнаго процента и цѣна продукта и рабочей силы или расхода. Съ измѣненіемъ ихъ мѣняется и выводъ. На короткій только срокъ впередъ можно, съ нѣкоторою увѣренностью, надѣяться, что упомянутыя данныя не измѣнятся, или по крайней мѣрѣ незначительно,—такъ что въ этихъ случаяхъ и примѣнимы формулы финансоваго расчета; а на долгіе сроки впередъ нельзя разсчитывать на постоянство одной и той же величины учетнаго процента и цѣны продукта и рабочей силы, напротивъ, они непремѣнно измѣнятся,—но въ какой срокъ и въ какомъ размѣрѣ,—такой даръ предвидѣнія внѣ человѣческой натуры. Намъ только извѣстны явленія общей экономической жизни, именно, что учетный процентъ имѣетъ наклонность постепенно понижаться съ подъемомъ въ странѣ промышленной дѣятельности, накопленія въ ней капиталовъ и развитіемъ цивилизаціи, а цѣна сырого матеріала, къ которому принадлежитъ и древесина, повсюду съ теченіемъ времени дорожаетъ. Поэтому опредѣленіе наивыгоднѣйшей продолжительности оборотовъ рубки, по финансовому расчету, не имѣетъ достаточно прочныхъ основъ, хотя формула, на этотъ предметъ выведенная математическими пріемами, совершенно вѣрна.

Сторонники финансоваго оборота рубки говорятъ, что неточность выводовъ можетъ быть предупреждена принятіемъ въ расчетъ невысокихъ учетныхъ процентовъ, отъ 3% до 4%, какъ это лѣсному хозяйству и соотвѣтствуетъ,—но вѣдь и тогда пониженіе процентовъ будетъ гадательное, а цѣна продукта и рабочей силы неизвѣстной.

До сихъ поръ ни въ одномъ государствѣ финансовый оборотъ рубки не принятъ. Въ одной только Саксоніи сдѣлана попытка въ

казенныхъ лѣсахъ придержаться принциповъ финансоваго оборота рубки, съ значительными, однако, во многихъ случаяхъ, отступленіями, вызванными мѣстными условіями. Съ принятіемъ финансоваго оборота рубки приходится и хозяйство въ лѣсахъ организовать иначе,—нужно отъ хозяйничанія цѣлою дачею перейти къ участковому хозяйству и считаться даже съ каждымъ отдѣльнымъ деревомъ. Превосходное сочиненіе, въ которомъ подробно выяснено, какъ слѣдуетъ устроить лѣсную дачу, съ принятіемъ для нея финансоваго оборота рубки, вышло изъ-подъ пера талантливаго Юдейха въ 1871 г. «Forsteinrichtung», «Лѣсоустройство», переведенное на русскій языкъ въ 1877 году разомъ двумя переводчиками (одинъ перев. А. Ф. Рудзскаго совмѣстно съ А. Битнымъ-Шляхто, а другой переводъ изданъ Запольскимъ).

Выдвинутая Пресслеромъ лѣсоводственная финансовая теорія оказала во всякомъ случаѣ огромную услугу лѣсному хозяйству въ научномъ отношеніи, а отчасти и въ практическомъ. Пресслеръ первый обратилъ вниманіе на различіе прироста количественнаго, качественнаго и рыночнаго, и преподалъ упрощенные пріемы для вычисленія каждаго изъ нихъ отдѣльно и въ совокупности, придумавъ и простое орудіе—«приростный буравъ» для изслѣдованія прироста. Онъ же выяснилъ и элементы указательнаго прироста и способы его вычисленія; далъ полное понятіе о стоимости земли подъ лѣсомъ, о важномъ значеніи промежуточной рубки лѣса и побочныхъ пользованій; установилъ понятіе о финансовомъ нормальномъ запасѣ. Громадны его многочисленныя заслуги по части древоизмѣренія, и выведенный имъ законъ массы вѣтвей (Pressler. «Gesetz der Stammbildung въ Allgem. Forst- u. Jagd-Zeit.» 1864). Этотъ законъ выраженъ Пресслеромъ слѣдующимъ образомъ: если мѣсто, гдѣ начинается надъ землею крона или вершина дерева, или, что одно и то же, если свободная отъ вѣтвей нижняя часть ствола будетъ увеличиваться въ видѣ ариѳметическаго ряда перваго порядка, то процентъ массы вѣтвей (т. е. масса вѣтвей, выраженная въ процентахъ къ массѣ ствола) будетъ уменьшаться въ видѣ ариѳметическаго ряда второго порядка. Кромѣ того Пресслеръ снабдилъ лѣсничихъ многими и превосходными вспомогательными таблицами, и очень простымъ, но удобнымъ высотомѣромъ, который былъ приложенъ къ книжечкѣ «Der Messknecht», переведенной тогда же, въ 1855 году, на русскій языкъ.

Перейдемъ къ образованію лѣсничихъ въ Германіи. Въ этой странѣ испытано было на разные лады организовать возможно лучше образованіе лѣсничихъ. Въ прошломъ столѣтіи, какъ мы уже подробно сообщали,—сперва подготовлялись къ лѣсной службѣ молодые люди, поступая, едва грамотные, въ практическое обученіе на время къ какому-нибудь, также необразованному, лѣсничему, у котораго получали цеховое свидѣтельство на обученнаго егеря. Позже, когда лѣсная служба требовала бо́льшихъ знаній, многіе, прежде

практическаго обученія, оканчивали гимназическій курсъ, а послѣ пріобрѣтенія свидѣтельства на обученнаго егеря, поступали еще и въ университетъ. Рядомъ съ такимъ порядкомъ, во многихъ университетахъ открыты были на камеральномъ факультетѣ каѳедры лѣсоводства, гдѣ однакоже сами профессора незнакомы были съ лѣсною службою, и сами должны были выработывать не существовавшую еще лѣсоводственную науку. Въ концѣ XVIII вѣка возникли частныя профессіональныя лѣсохозяйственныя школы, которыя продолжали существовать и въ XIX вѣкѣ, нѣкоторыя изъ нихъ переданы въ казенное вѣдѣніе и преобразованы въ высшія учебныя заведенія, съ переименованіемъ въ академіи. Изъ нихъ нѣкоторыя соединяли два факультета: лѣсной и сельскохозяйственный. Затѣмъ открыта была каѳедра лѣсоводства при Берлинскомъ университетѣ, но вскорѣ отдѣлилась отъ университета, составивъ особую профессіональную академію въ Нейштадтъ-Эберсвальдѣ. Нѣсколько позднѣе образовано было лѣсное отдѣленіе при Гиссенскомъ университетѣ, а затѣмъ лѣсоводственное образованіе водворилось въ Тюбингскомъ и въ Мюнхенскомъ университетахъ. Казалось бы, что нѣмцы могли изъ долговременнаго опыта вывести заключеніе, какой изъ различныхъ строевъ учебнаго дѣла наиболѣе соотвѣтствуетъ лѣсоводственному образованію. И за всѣмъ тѣмъ у нѣмцевъ сложились различныя мнѣнія. Въ шестидесятыхъ годахъ особенно сильно возбуждался и въ теченіе болѣе 20 лѣтъ въ литературѣ разбирался, но до сихъ поръ окончательно еще не рѣшенъ вопросъ, гдѣ давать лѣсничимъ высшее образованіе, въ особыхъ-ли академіяхъ или въ университетахъ? Что лѣсная служба требуетъ высшаго образованія, — въ этомъ всѣ мнѣнія сходились, разногласія не было; но предпочесть-ли отдѣльныя академіи или университеты — въ этомъ не могли сойтись. Спорящіе раздѣлились на два лагеря. Сторонники одного лагеря отстаиваютъ существованіе отдѣльныхъ профессіональныхъ лѣсныхъ академій, утверждая, что тамъ развиваются практическіе взгляды на лѣсную службу, что чрезвычайно облегчаетъ теоретическое изученіе науки. Притомъ въ отдѣльныхъ академіяхъ могутъ не допускать чрезмѣрное расширеніе объема преподаванія всѣхъ вспомогательныхъ наукъ, удерживая ихъ въ предѣлахъ, нужныхъ для избранной молодымъ человѣкомъ спеціальности, а за то сберегая болѣе времени на изученіе главныхъ лѣсныхъ наукъ. Напротивъ, въ университетахъ невозможно профессору основныхъ и вспомогательныхъ наукъ преподавать ихъ иначе, какъ въ широкомъ объемѣ, на уровнѣ современнаго состоянія ихъ, не заботясь, какую спеціальность впослѣдствіи изберетъ слушатель. Вслѣдствіе такой ширины преподаванія всѣхъ наукъ, обучающемуся остается мало времени на изученіе главныхъ лѣсныхъ предметовъ, да и профессорамъ послѣднихъ не можетъ быть предоставлено достаточное число лекцій. Знанія молодыхъ людей расплываются въ ширину въ ущербъ главныхъ

спеціальныхъ наукъ и насчетъ пониженія практической пригодности будущаго лѣсничаго.

Въ числѣ сторонниковъ отдѣльныхъ лѣсныхъ академій были въ 1862 году Бергъ, въ 1865 году—Грунертъ, 1872 году—Данкельманъ.

Сторонники другой партіи напротивъ рѣшительно осуждаютъ одиночество лѣсоводственнаго преподаванія въ отдѣльныхъ академіяхъ. Они утверждаютъ, что наука должна быть вездѣ одна, иначе она не заслуживаетъ званія науки, слѣдовательно, съуживаніе преподаванія основныхъ наукъ въ профессіональныхъ академіяхъ нельзя признать полезнымъ, а практическая подготовка людей, какой бы ни было спеціальности, не составляетъ и не должна составлять задачу высшаго учебнаго заведенія. Притомъ только въ соединеніи съ большими центрами духовной жизни заключается ручательство, что слушатели получатъ основательное общее образованіе, безъ котораго не можетъ обойтись никто, коль скоро онъ желаетъ занять въ обществѣ не низшее положеніе субалтерна; отчужденіе же въ одиночество профессіональныхъ школъ имѣетъ слѣдствіемъ, что сами преподаватели дѣлаются односторонними, а ученики дрессируются. Государство уже потому должно требовать отъ своихъ служащихъ основательное образованіе, что только оно развиваетъ въ людяхъ истинные государственные взгляды и предохраняетъ ихъ отъ бюрократическихъ поползновеній. Сверхъ того уединеніе отдѣльныхъ отраслей знаній и отчужденіе ихъ отъ университетовъ составляетъ великую несправедливость въ отношеніи къ общей духовной жизни націи,—такъ что и учрежденіемъ политехническихъ школъ сдѣлана прискорбная ошибка, которая постепенно, но постоянно ведетъ къ духовному обѣдненію націи, къ несправедливому предпочтенію матеріальныхъ цѣлей жизни сравнительно съ идеальными, тогда какъ только гармоническое объединеніе тѣхъ и другихъ, какъ оно совершается въ университетахъ,—создаетъ общее полное образованіе. Собраніе нѣмецкихъ лѣсничихъ въ Фрейбургѣ, въ засѣданіи 2 сентября 1874 года, постановило, почти единогласно: «Отдѣльныя лѣсныя учебныя заведенія въ настоящее время уже не могутъ дать то образованіе, какое требуютъ лѣсныя управленія отъ своихъ чиновъ, а потому крайне необходимо, чтобы лѣсоводственное ученіе перешло въ университеты».

Однако и послѣ такого категорическаго заявленія, одна только Ашафенбургская лѣсная академія закрыта и лѣсоводственное преподаваніе соединено съ университетскимъ. Остальныя же академіи продолжаютъ существовать.

При разсмотрѣніи XVIII столѣтія уже сказано было, что учрежденная въ 1795 году Коттою лѣсная школа въ Цильбахѣ продолжала существовать на прежнемъ мѣстѣ до 1811 года, затѣмъ переведена въ Тарантъ, а въ 1816 году тамъ открыта саксонскимъ правительствомъ Тарантская лѣсная академія. Равнымъ образомъ было уже сказано, что въ 1795 году Бехштейнъ открылъ въ имѣніи Кем-

ноте лѣсное училище, которое въ концѣ 1800 года поступило въ казенное завѣдываніе, переведено въ Дрейсигаккеръ, а въ 1803 году переименовано въ академію, директоромъ которой назначенъ Бехштейнъ. Въ Баваріи казенная средняя лѣсная школа, учрежденная въ 1796 г въ Мюнхенѣ, переведена въ 1803 г. въ Вейенъ-Стефанъ. Стало-быть, только эти три школы сохранились въ XIX столѣтіи.

Тарантская академія съ 1816 года, съ самаго начала ея учрежденія, привлекала именемъ Котта значительное число слушателей и вскорѣ пріобрѣла европейскую извѣстность, такъ что туда посылали учиться молодыхъ людей изъ разныхъ государствъ *). Въ 1820 году было учащихся 52 человѣка саксонцевъ и 36 иностранцевъ. Курсъ назначенъ былъ двухлѣтній. Кромѣ самого Гейнриха Котта, тамъ преподавателями были послѣдовательно извѣстные ученые Реумъ, Кручь, Росмеслеръ, Пресслеръ, Штекгартъ, Вилькомъ. Послѣ Котта былъ директоромъ временно Берлепшъ, потомъ Бергъ, а нынѣ Юдейхъ **). Въ 1830 г. прибавилось къ лѣсной академіи особое сельскохозяйственное отдѣленіе, которое существовало до 1872 г., а затѣмъ закрыто, такъ какъ преподаваніе сельскаго хозяйства перешло въ университетъ.

Лѣсная академія въ Дрейсигаккерѣ, въ первые года, имѣла довольно много учениковъ. Тамъ бо̀льшею частью обучались сыновья дворянъ, которые вели распущенную жизнь, и Бехштейнъ съ трудомъ могъ съ ними справляться. Притомъ поступали ученики съ плохою школьною подготовкою, такъ что надо было ввести въ курсъ предметы гимназіальные. Но до 1810 года академія все-таки славилась. Въ ней были хорошіе преподаватели, въ числѣ ихъ Лауропъ и извѣстный Госфельдъ. Послѣ же смерти Бехштейна въ 1822 году, назначенъ былъ директоромъ Мансбахъ, личность незначительная, и съ тѣхъ поръ академія едва влачила свое существованіе. Отчасти причиною упадка заведенія было и то, что въ разныхъ мѣстахъ открывалось много лѣсныхъ заведеній,—имя Котта тянуло желающихъ учиться лѣсоводству въ Тарантъ, — позднѣе и Нейштадтъ - Эберсвальдъ составилъ конкуренцію Дрейсигаккеру. Въ 1843 году академія закрыта.

Въ 1809 году открылъ Кенигъ частную практическую лѣсную школу въ Рула, гдѣ онъ былъ оберъ-ферстеромъ. Эту школу онъ въ 1830 году перевелъ въ Эйзенахъ, и тамъ она обращена въ правительственное заведеніе. Естественную исторію тамъ преподавалъ извѣстный Зенфтъ. Лѣсная Эйзенахская школа была среднимъ учебнымъ заведеніемъ, и пользовалась въ Германіи славою. Послѣ смерти Кенига директоромъ назначенъ Гребе.

---

*) Въ Тарантѣ окончили курсъ много русскихъ: Залеманъ, Пель, Цинъ, Теплоуховъ, Ю. Витте, Е. Витте, Войнюковъ, Бекманъ, Машуковъ, Арнольдъ, Муравьевъ и многіе другіе. При мнѣ въ 1839 — 1840 году тамъ учились и трое французовъ, посланныхъ правительствомъ, а ранѣе еще Парадъ-Субейроль.

**) Во время корректуры этого листа получено извѣстіе о смерти Юдейха.

Когда прекратились лѣсоводственныя лекціи въ датскомъ егерскомъ корпусѣ, то въ 1808 году открыта была въ Килѣ лѣсная школа, гдѣ лѣсоводство читалъ Ниманъ.

Въ 1816 году учреждена лѣсная школа въ Фульда, въ которую назначенъ былъ директоромъ Эрнстъ-Фридрихъ Гартигъ (братъ Георга-Людвига Гартига). Это было среднее учебное заведеніе.

Въ 1812 году открыта лѣсная школа въ Гомбургѣ, но она уже въ 1820 году закрыта.

Въ 1816 году Вюртембергскій король повелѣлъ при военномъ кадетскомъ корпусѣ открыть и лѣсное кадетское заведеніе, но открытіе его не состоялось. Король Фридрихъ умеръ, а наслѣдникъ его король Вильгельмъ въ 1817 году открылъ при факультетѣ государственнаго хозяйства въ Тюбингскомъ университетѣ каѳедру лѣсоводства, которую занялъ Гундесгагенъ; но въ то же время при фельдъегерскомъ эскадронѣ въ Штутгардтѣ открыта лѣсная школа, которая однако уже въ 1820 году закрыта и взамѣнъ ея назначена каѳедра лѣсоводства въ сельскохозяйственномъ учебномъ заведеніи въ Гогенгеймѣ, учрежденномъ въ 1818 году, гдѣ былъ директоромъ Шверцъ. Для чтенія лѣсоводства назначенъ Гейтеръ, а послѣ него, въ 1823 году, Гвиннеръ. Кромѣ Гвиннера были въ Гогенгеймѣ выдающіеся преподаватели: Нердлингеръ, Фишбахъ, Бауръ.

Въ Баденѣ открылъ Лауропъ частную лѣсную школу въ 1809 году, но она въ 1820 году закрыта.

Въ Пруссіи послѣ смерти Бургсдорфа въ 1802 году прекратилось преподаваніе лѣсоводства фельдъегерямъ. По прибытіи Гартига въ 1811 году въ Берлинъ, онъ вскорѣ началъ читать въ Берлинскомъ университетѣ лекціи по предмету лѣсоводства. Въ то же время Гартигъ хлопоталъ, чтобы разрѣшено было въ провинціяхъ открыть нѣсколько лѣсныхъ школъ, но на это не послѣдовало разрѣшенія. Не ранѣе какъ въ 1819 году рѣшено было учредить высшее лѣсное заведеніе въ соединеніи съ Берлинскимъ университетомъ. На каѳедру лѣсоводства поступилъ Пфейлъ. Кромѣ того, въ университетскомъ лѣсномъ училищѣ преподавали лѣсную ботанику, лѣсную зоологію, минералогію и почвопознаніе, физику, химію, лѣсное законодательство, геометрію, геодезію, черченіе плановъ, лѣсное счетоводство. Но въ концѣ двадцатыхъ годовъ Пфейлъ находилъ нужнымъ, чтобы около лѣсного училища былъ настоящій лѣсъ для практическихъ упражненій. Въ 1831 году послѣдовало повелѣніе короля учредить высшее лѣсное учебное заведеніе въ Нейштадтъ-Эберсвальдѣ. Пфейлъ назначенъ былъ въ эту академію директоромъ; для чтенія всѣхъ естественныхъ наукъ назначенъ Рацебургъ, а математическія науки поручены Шнейдеру. Для чтенія законовъ назначенъ въ 1836 году Шефферъ, а въ 1851 году приглашенъ второй преподаватель лѣсныхъ наукъ — оберъ-ферстеръ Бандо. Въ 1859 году на мѣсто Пфейля поступилъ директоромъ Грунертъ, послѣ него нынѣшній директоръ Данкельманъ. Пока Пфейлъ былъ директо-

ромъ, Нейштадтъ-Эберсвальдская академія только по названію была высшимъ учебнымъ заведеніемъ, а въ дѣйствительности преподаваніе не выходило за предѣлы средняго учебнаго заведенія.

Прусское-правительство въ 1870 году открыло еще и вторую лѣсную академію въ Мюнденѣ.

Въ Ашафенбургѣ открыта была въ 1807 г. лѣсная школа, которая въ 1819 и 1823 годахъ преобразована. Директоромъ былъ тамъ Бауръ до 1825 г., послѣ того Лобковичъ, а съ 1829 г. Гофманъ. Въ числѣ учителей съ 1821 по 1832 г. былъ Стефанъ Беленъ. Въ 1832 году школа закрыта, а чтеніе лѣсоводства открыто въ Мюнхенскомъ университетѣ,—но въ 1843 г. повелѣно было учредить особое лѣсное учебное заведеніе, которое въ 1844 году и открыто опять въ Ашафенбургѣ. Директоромъ и преподавателемъ лѣсоводства назначенъ форстмейстеръ Мантель, вторымъ профессоромъ лѣсоводства поступилъ ферстеръ Каушингеръ. Естественныя науки преподавалъ Дёбнеръ, математику Пфафъ. Въ 1848 г. мѣсто директора занялъ Стумпфъ. Въ семидесятыхъ годахъ лѣсное училище въ Ашафенбургѣ закрыто и преподаваніе лѣсоводства перенесено въ Мюнхенскій университетъ. Мюнхенскій университетъ въ настоящее время представляетъ лучшее мѣсто для полученія высшаго лѣсоводственнаго образованія. При открытіи тамъ лѣсоводственнаго образованія тотчасъ призваны туда наиболѣе выдающіеся лѣсоводы: Густавъ Гейеръ, Лееръ, Робертъ Гартигъ,—да и донынѣ тамъ лучшія учебныя силы изъ міра лѣсного.

Въ Брауншвейгѣ, при Каролинской коллегіи, открыто въ 1838 году особое отдѣленіе для преподаванія лѣсоводства. На занятіе этой каѳедры приглашенъ былъ Теодоръ Гартигъ, но послѣ него Брауншвейгское лѣсное заведеніе сильно упало и наконецъ закрыто.

Рядомъ съ отдѣльными лѣсными училищами продолжалось преподаваніе лѣсоводства и въ нѣкоторыхъ университетахъ, кромѣ Мюнхена, еще и въ Гиссенѣ, Тюбингенѣ и Гейдельбергѣ.

Кромѣ всѣхъ поименованныхъ лѣсныхъ училищъ, въ Германіи существовали и существуютъ и низшія лѣсныя школы. Вначалѣ ихъ открывали только для обученія лѣсоразведенію. Такъ, одно время оберъ-ферстеръ Бирмансъ, около 1855 г., содержалъ въ прусской Рейнской провинціи подобную школу, а еще ранѣе, въ 1847 г., около Вюртемберга открылъ такую же школу городской ферстеръ Марцъ. Въ новѣйшее же время, т. е. съ 1875 или 1876 г., когда Австрія сдѣлала починъ открытіемъ низшихъ лѣсныхъ школъ, для подготовленія вообще въ помощь лѣсничимъ техниковъ-исполнителей, этотъ типъ училищъ перешелъ и въ Германію. Въ австрійскихъ низшихъ лѣсныхъ школахъ принято основнымъ положеніемъ при ихъ открытіи, во-первыхъ, чтобы число воспитанниковъ, принимаемыхъ въ каждую школу, было небольшое, не болѣе 20—24 человѣкъ, и во-вторыхъ, чтобы курсъ ученія былъ непродолжительный, въ Австріи 11-ти-мѣсячный, безъ права для учениковъ оставаться въ

школѣ на повторительный курсъ. И успѣхи при такой системѣ обученія достигаются удивительные. Въ классѣ, гдѣ сидятъ лишь немного учениковъ, учитель быстро оріентируется относительно идеи о среднемъ ученикѣ, примѣнительно къ которому онъ и располагаетъ свой учебный матеріалъ. Притомъ только въ маленькомъ классѣ возможна индивидуальная обработка каждаго ученика и легко водворить классную дисциплину.

Въ низшія лѣсныя школы принимаются молодые люди 16—20-тилѣтняго возраста и здороваго тѣлосложенія; кромѣ того, они должны удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: окончить курсъ въ сельской школѣ или двухъ первыхъ классовъ реальнаго училища (приблизительно равный курсъ съ нашими двухклассными сельскими школами), пробыть на предварительной практикѣ въ какомъ-нибудь лѣсничествѣ въ теченіе двухъ лѣтъ (нѣкоторыя школы удовлетворяются однимъ годомъ).

До конца прошлаго столѣтія въ Германіи не существовало никакихъ обществъ, въ которыхъ бы соединялись лѣсохозяева и лѣсовладѣльцы для общей цѣли распространенія лѣсоводственныхъ знаній и взаимнаго обмѣна своихъ наблюденій и изслѣдованій. Но въ 1796 г. Бехштейнъ выработалъ проектъ къ образованію въ Вальтерсгаузенѣ союза лѣсоводственнаго и охотничьяго ученія (Societät der Forst u. Jagdkunde). Проектъ встрѣченъ былъ сочувственно всѣми; но предположенный союзъ не представлялъ собою лѣсное общество по понятіямъ нынѣшняго времени, а былъ не инымъ чѣмъ, какъ лишь расширеніемъ круга дѣйствія учрежденнаго Бехштейномъ учебнаго заведенія, обращая послѣднее въ академію ученыхъ лѣсоводовъ, образуя тамъ центръ научной работы, какъ бы ареопагъ, который обязанъ былъ зорко слѣдить за развитіемъ науки и критически разбирать всѣ научные труды. Во главѣ союза поставленъ былъ Бехштейнъ, по званію директора. Каждый ординарный членъ обязанъ былъ ежегодно представлять союзу, по меньшей мѣрѣ, одну диссертацію, а каждый экстраординарный членъ каждые три года. Особый выборный совѣтъ велъ дѣла союза; четыре цензора обсуждали поступающіе ученые труды. Для обнародованія трудовъ союза основанъ былъ особый литературный органъ, періодически издаваемый: «Діана». Первый томъ этого журнала явился въ 1797 году. Съ 1812 года союзъ, оставаясь единымъ, раздѣлился на двѣ провинціи: сѣвернѣе и южнѣе Майна. Во главѣ всего союза и вмѣстѣ съ тѣмъ сѣверной провинціи оставался Бехштейнъ, а во главѣ южно-германскаго отдѣла Лауропъ, считавшійся вторымъ директоромъ союза. Литературнымъ органомъ для южно-германскаго отдѣла союза служили Annalen der Forst u. Jagdwissenschaft, подъ редакціей Лауропа и Гаттерера. Всѣ выдающіеся лѣсоводы того времени вступили въ этотъ союзъ или ординарными или почетными членами. Участвовали въ союзѣ такія имена, какъ Бургсдорфъ, Геннертъ, Георгъ-Лудвигъ Гартигъ, Гейнрихъ Котта, Гундесгагенъ, Лауропъ,

Кеплеръ, Децель, Гмелинъ, оберъ-форстмейстеръ Гюнербейнъ, Юнгъ Стиллингъ, Шпетъ, Сукковъ, Вильденовъ, позже Боркгаузенъ, фонъ-Гагенъ, Кропфъ, Чокке, Пфейлъ, Кенигъ и др. Уже въ 1801 году въ союзѣ числилось 81 ординарныхъ и экстраординарныхъ и 67 почетныхъ членовъ. Два раза въ году происходили общія собранія, на которыхъ обсуждались напередъ объявленные для бесѣдъ тезисы. Въ каждомъ засѣданіи вели подробный протоколъ о всемъ высказанномъ и эти протоколы печатались въ журналахъ «Діана» и «Аналахъ». Сожалѣли, что при разбросанности мѣстъ жительства членовъ и трудности въ то время переѣздовъ, засѣданія не могли быть чаще. Это обстоятельство было и главною причиною, что союзъ въ 1812 году раздѣлился на двѣ провинціи. Чрезъ посредство журнала «Діана» члены узнавали послѣ долгихъ промежутковъ времени о дѣлахъ союза. Томъ 2-й «Діаны» вышелъ только въ 1801 г., 3-й томъ въ 1805 г., 4-й томъ въ 1816 г. Въ помощь «Діанѣ» съ 1811 года начались сообщенія о союзѣ еще и въ «Аналахъ», но за всѣмъ тѣмъ живое научное движеніе союза съ 1820 года проявлялось слабо и наконецъ въ 1843 г. союзъ совсѣмъ прекратилъ свое существованіе, одновременно съ закрытіемъ академіи въ Дрейсигаккерѣ.

Пока еще влачилъ свое существованіе указанный нами союзъ лѣсоводовъ, зародилась уже мысль объ устройствѣ періодическихъ съѣздовъ сельскихъ и лѣсныхъ хозяевъ. Первый починъ сдѣлалъ саксонскій землевладѣлецъ изъ Ошаца — экономическій совѣтникъ Шмидтъ. Онъ задумалъ устроить странствующія собранія нѣмецкихъ сельскихъ хозяевъ и для этой цѣли вошелъ въ сношеніе съ профессоромъ Швейцеромъ, въ Тарантѣ. Они, совмѣстно съ нѣсколькими еще другими землевладѣльцами, циркулярно пригласили желающихъ собраться на первый съѣздъ въ Дрезденъ 1837 г. Тамъ и состоялся съѣздъ подъ названіемъ: «Собраніе нѣмецкихъ сельскихъ и лѣсныхъ хозяевъ». На этотъ первый съѣздъ явилось немного лѣсничихъ, но уже въ ближайшихъ собраніяхъ 1838 г. въ Карслруэ, 1839 г. въ Потсдамѣ, 1840 г. въ Брюне, 1841 г. въ Доберанѣ, 1842 г. въ Штутгардтѣ собиралось все болѣе и болѣе лѣсничихъ, преимущественно изъ Южной и Средней Германіи. Особенно горячо сочувствовали этимъ съѣздамъ Ведекиндъ, Гвиннеръ, Беленъ и нѣкоторые другіе, такъ что въ засѣданіяхъ бесѣды были оживленныя и плодотворныя. Уже въ 1838 г. выразили сожалѣніе, что на этихъ съѣздахъ, совершенно естественно, лѣсоводство отодвигалось на второй планъ. Поэтому во время собранія въ Карлсруэ, по предложенію Ведекинда, условились, каждый разъ, когда назначенъ будетъ съѣздъ сельскихъ и лѣсныхъ хозяевъ въ Сѣверной Германіи, въ то же самое время устраивать въ Южной Германіи отдѣльный съѣздъ лѣсничихъ. Такимъ образомъ возникли кочевые съѣзды южно-германскихъ лѣсничихъ, и первый такой съѣздъ состоялся уже въ 1839 г. въ Гейлбронѣ, второй въ 1840 г. въ Гейдельбергѣ, въ 1841 г. въ Баденѣ, въ 1843 г.

въ Ульмѣ, въ 1845 г. въ Дармштадтѣ, въ 1846 г. въ Фрейбургѣ, въ 1847 г. въ Ашафенбургѣ, въ 1849 г. Эльбингѣ, и т. д., въ разныхъ мѣстахъ Южной Германіи. На этихъ съѣздахъ вовсе не участвовали прусскіе лѣсничіе, кромѣ немногихъ, посѣтившихъ нѣсколько съѣздовъ, бывшихъ въ Рейнскихъ провинціяхъ. Впрочемъ, не въ одномъ этомъ дѣлѣ высказывалась, въ то время, рознь между южными и сѣверными нѣмцами, но эта рознь постепенно сглаживалась, такъ что на съѣздѣ южно-германскихъ лѣсохозяевъ въ Нейвидѣ 1868 года оберъ-форстратъ Ротъ рѣшился предложить присутствующимъ впредь устраивать съѣзды не исключительно южныхъ лѣсничихъ, но и захватить въ кругъ ихъ кочеванія все отечество нѣмцевъ, объединить интересы всей Германіи. Однако, тогда постановили отложить рѣшеніе по предложенію Рота до съѣзда 1869 г. Въ означенномъ году съѣздъ состоялся въ Ашафенбургѣ; туда собралось 430 участниковъ, и всѣ единогласно рѣшили, чтобы впредь были общіе съѣзды всѣхъ нѣмецкихъ лѣсныхъ хозяевъ. Съ тѣхъ поръ съѣзды уже собираются общегерманскихъ лѣсничихъ. Между тѣмъ, независимо отъ бывшихъ съѣздовъ южно-германскихъ, составились и продолжаютъ собираться во многихъ частяхъ Германіи небольшіе мѣстные съѣзды. Уже въ 1839 году составились такіе мѣстные съѣзды въ Вюртембергскомъ королевствѣ; точно такъ образовались мѣстные съѣзды въ Баденѣ, въ Саксоніи, въ Силезіи, въ Брауншвейгѣ, на Гарцѣ, въ Ганноверѣ. Сѣверо-востокъ Германіи долго отставалъ отъ общаго стремленія лѣсничихъ сходиться и дѣлиться съ сотоварищами своими наблюденіями, но, наконецъ, и тамъ образовались въ 1869 г. Померанское, а въ 1873 г. Маркское лѣсныя общества.

Съѣзды лѣсничихъ ведутъ не только къ личному сближенію участвующихъ и къ обмѣну между ними взглядовъ и сообщенію наблюденій, но и къ организаціи совмѣстныхъ трудовъ для разработки важнѣйшихъ вопросовъ и часто къ постановленіямъ съѣздовъ относительно общаго направленія лѣсного хозяйства и необходимости извѣстныхъ законодательныхъ мѣръ, которыя принимаются нерѣдко въ соображеніе правительствами.

Періодическая печать, какъ мы сообщали, начала уже въ концѣ XVIII вѣка, хотя и слабо, развиваться. Въ XIX вѣкѣ періодическая литература быстро стала возрастать. Многія изъ такихъ изданій недолго просуществовали, даже и весьма содержательныя, если вся цѣль ихъ была только или провести извѣстную идею въ среду спеціалистовъ, или какъ бы самозащиты отъ нападокъ извѣстнаго кружка. Такъ напр., Смаліана «Beiträge zur Forstwissenschaft» скоро были имъ прекращены, такъ какъ онъ задался лишь цѣлью выяснить нѣкоторые вопросы по предмету вычисленія ежегодной вырубки изъ лѣсовъ, древоизмѣренія и опредѣленія древеснаго прироста, и когда высказался, то и кончилъ изданіе. Равнымъ образомъ недолговѣчность изданія «Beiträge zur gesammten Forstwissenschaft» Гундесгагена (1824—33), Карла Гейера «Beiträge zur gesammten Forstwissen-

schaft», 1842 и 1847 годовъ и Видемана «Literarische Berichte» 1832 г.,—происходила отъ того, что они имѣли временной полемическій характеръ или же служили для цѣлей критики въ извѣстномъ направленіи. Но и помимо такихъ очевидныхъ причинъ прекращенія, нѣкоторыя весьма хорошія изданія, не имѣвшія окраски личныхъ цѣлей, появлялись недолгое время.

Слевогтъ, въ 1804 г., началъ издавать «Sammlung neuer Entdeckungen und Beobachtungen zur Erweiterung der Naturgeschichte der Forstgewächse und einer gründlichen Forstwirthschaftskunde», но послѣ года прекратилъ. Георгъ-Лудвигъ Гартигъ съ 1806 г. сталъ издавать «Journal für das Forst, Jagd- u. Fischereiwesen», прекратившійся въ 1808 г., во время войны. Послѣ войны, Гартигъ опять принялся за журнальную дѣятельность, съ 1816 г. началъ издавать «Forst- u. Jagd-Archiv von und für Preussen». Въ 1820 г. прекратилось изданіе.

Изданіе «Діана», какъ мы выше сказали, начавшееся въ 1797 г., окончилось въ 1843 г., а «Annalen der Forst- u. Jagdwissenschaft» издавались Лауропомъ и Гатереромъ съ 1811 до 1822 г., а «Beiträge zur Kenntniss des Forstwesens in Deutschland» издавались Лауропомъ и Ведекиндомъ съ 1819—1821 г. Въ этомъ послѣднемъ журналѣ въ первый разъ началась разработка лѣсной статистики.

Ниманъ издавалъ «Vaterländische Waldberichte», а Мейеръ съ 1813 по 1823 г. издавалъ «Zeitschrift für das Forst- u. Jagd-Wesen in Bayern»; это изданіе съ 1823 г. продолжали Беленъ, Дицель и Винкель, позже Беленъ и Винкель, а наконецъ, одинъ Беленъ. Этотъ журналъ съ 1823 г. назывался «Neue Zeitschrift» и т. д., а съ 1826 года «Zeitschrift für das Forst- u. Jagdwesen mit besonderer Rücksicht auf Bayern». Точно такъ продолженіе этого же журнала составляютъ издававшіяся Ведекиндомъ и Беленомъ «Allgemeine Jahrbücher der Forst- u. Jagdkunde» и издававшіяся однимъ Ведекиндомъ «Die neuen Jahrbücher der Forstkunde» .

Съ 1823 по 1827 г. Лауропъ издавалъ «Jahrbücher der gesammten Forst- u. Jagdwissenschaft», а съ 1827 и 1828 г. «Forstwissenschaftliche Hefte».

Въ 1828 г. Виденманъ началъ издавать «Forstliche Blätter für Würtemberg», и продолжалъ свои листки до 1842 г. Взамѣнъ этихъ листковъ явился съ 1850 г. офиціальный журналъ «Monatschrift für das Würtembergische Forstwesen», но офиціальный характеръ этого журнала прекратился въ 1855 году, и взамѣнъ его Гвинеръ издавалъ «Monatschrift für das Forst- und Jagdwesen, mit besonderer Berücksichtigung von Süddeutschland». Позже редакція перешла къ Денглеру, а съ 1866 г. къ Францу Бауру. Гвинеръ ранѣе еще издавалъ очень хорошій журналъ съ 1836—1847 г. «Forstliche Mittheilungen».

Издавались съ 1852 г. очень хорошіе «Forstwirthschaftliche Mittheilungen, herausgegeben vom K. bayrischen Ministerial-Forst-

bureau», и «Forstliche Zeitschrift für das Grossherzogthum Baden». Послѣдній журналъ подъ редакціей Арнспергера и Гебгарда.

Къ числу также недолговѣчныхъ относятся: Грунерта «Forstliche Blätter»; Данкельмана «Zeitschrift für Forst- u. Jagdwesen»; Буркгардта «aus dem Walde»; Брумгарда «Beiträge zur praktischen Forst- u. Jagdwissenschaft» и Теодора Гартига «Jahresberichte über die Fortschritte der Forstwissenschaft und der forstlichen Naturkunde.»

Прочныя, до сихъ поръ продолжающіяся періодическія изданія, слѣдующія:

Пфейлемъ въ 1822 г. начаты «Kritische Blätter für Forst- u. Jagdwissenschaft» и издавались имъ до смерти, 1859 г. Мы уже ранѣе говорили о замѣчательномъ критическомъ талантѣ Пфейля. Его мастерской, хотя не всегда безпристрастный разборъ литературныхъ трудовъ и рѣдкая, выражавшаяся въ его статьяхъ, способность высматривать природу, живой и увлекательный языкъ, умѣнье выбирать для статей современные вопросы,—все это тянуло къ его журналу множество читателей и давало Пфейлю первенство въ лѣсоводственной журналистикѣ. И въ настоящее еще время можно читать многія его статьи съ пользою и интересомъ. Его афоризмы всегда останутся любопытными, несмотря на нѣкоторую чрезмѣрную смѣлость въ обобщеніяхъ. Съ переходомъ критическихъ листковъ въ другія руки, они лишились прежней своей привлекательности, но выходъ ихъ продолжается до настоящаго времени.

Нѣсколькими годами позже критическихъ листковъ Пфейля, основана въ 1825 году лѣсоводственная газета «Allgemeine Forst- u. Jagd-Zeitung». Первымъ ея редакторомъ до 1846 г. былъ Стефанъ Беленъ. При немъ газета не представляла много занимательнаго и серьезныхъ статей вовсе не было. Съ принятіемъ въ 1847—55 г. редакціи Ведекиндомъ, содержаніе газеты значительно улучшилось, а съ переходомъ редакціи въ 1856 году въ руки Карла Гейера, а за нимъ Густавъ Гейера, газета скоро дошла до блестящаго состоянія, начали появляться замѣчательныя статьи, разбирались и научные, и практическіе вопросы всесторонне и умѣло, корреспонденціи помѣщались общеинтересныя. Этотъ характеръ газета сохранила и послѣ нихъ и до сихъ поръ.

Тарантскій академическій ежегодникъ началъ выходить съ 1842 г. и продолжается до сихъ поръ, только измѣнилъ первоначальное свое названіе «Jahrbuch der Kön. Sächs. Akademie für Forst- und Landwirthe zu Tharand», замѣнивъ его: «Tharander forstliches Jahrbuch». Вмѣсто выхода разъ въ годъ, ежегодникъ теперь выходитъ тетрадями чрезъ каждые три мѣсяца. Журналъ этотъ во все время своего существованія издавался очень хорошо. Въ этомъ журналѣ уже съ 1870 года помѣщаются самыя точныя и полныя библіографическія указанія.

Долговременный опытъ, основательная научная разработка всѣхъ

лѣсоводственныхъ вопросовъ, утвердившееся въ общественномъ мнѣніи сознаніе важнаго значенія лѣсовъ и необходимости ихъ сбереженія, сильный подъемъ въ образованіи лѣсничихъ и приданная имъ соотвѣтствующая служебнымъ обязанностямъ административная обстановка, открываемый по государственнымъ росписямъ достаточный кредитъ на лѣсную часть,—все это, въ совокупности, къ настоящему времени привело лѣса Германіи въ образцовое состояніе. Тамъ всѣ казенные и общественные лѣса устроены, количество рубокъ соразмѣрено съ приростомъ, вслѣдъ за рубкою идетъ возобновленіе. Въ дачахъ крупныхъ лѣсовладѣльцевъ ведется хозяйство по образцамъ казеннаго лѣсного управленія и только въ мелкомъ лѣсовладѣніи, неспособномъ вообще раціонально пользоваться лѣсами при постоянныхъ ежегодныхъ рубкахъ, производятся или періодически повторяющіяся вырубки, или же замѣчается постепенное истощеніе лѣсовъ. О повальномъ истребленіи лѣсовъ въ настоящее время въ Германіи не слышно и тамъ общая площадь лѣсовъ, какая числилась въ половинѣ нынѣшняго столѣтія, не измѣнилась. Если нѣкоторые мелкіе лѣсочки и исчезли, то за то такой же величины появились на иныхъ мѣстахъ. Административный порядокъ вполнѣ установился и охраненіе лѣсовъ строгое, но за всѣмъ тѣмъ самовольныя порубки не могли, да и не могутъ быть совершенно прекращены,—разница только въ томъ, противу прежняго, что крупныхъ самоволій теперь не бываетъ, а мелкія, составляющія число значительное, по малой цѣнности, бо̀льшею частью открываются, тогда какъ они прежде ускользали отъ наблюденія.

Вездѣ въ Германіи отъ служебныхъ обязанностей лѣсничихъ отдѣлена обязанность по пріему денегъ отъ покупщиковъ лѣсного матеріала и по расплатѣ за какія-либо исполненныя работы. Тамъ деньги принимаются и выдаются только казначействами, по ордерамъ и ассигновкамъ лѣсничихъ. При такомъ порядкѣ растратъ быть не можетъ, да и неправильное расходованіе почти немыслимо.

Продажа лѣса, за весьма немногими исключеніями, повсюду производится въ заготовленномъ на счетъ владѣльца видѣ, а не на корнѣ. Это чрезвычайно облегчаетъ примѣненіе самыхъ интенсивныхъ пріемовъ хозяйства. Заготовленіе лѣсного матеріала, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ лѣсничихъ, на счетъ владѣльца и отпускъ лѣса въ разработанномъ видѣ установились въ Германіи давно. Есть нѣсколько историческихъ документовъ, доказывающихъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Саксоніи, уже въ началѣ XVI столѣтія, лѣсъ поступалъ въ продажу въ заготовленномъ видѣ, а не на корнѣ; но въ XVIII столѣтіи этотъ способъ продажи все болѣе и болѣе распространялся, а въ настоящее время сдѣлался въ Германіи почти повсемѣстнымъ.

На заготовленіе лѣса въ казенныхъ лѣсахъ отпускаются особыя суммы по государственнымъ росписямъ, а самая разработка лѣсныхъ матеріаловъ производится въ большинствѣ нѣмецкихъ госу-

дарствъ особыми артелями лѣсныхъ рабочихъ; въ одной только Пруссіи, и притомъ лишь въ ея восточныхъ провинціяхъ, встрѣчается другой порядокъ, т.-е., тамъ, въ нѣкоторыхъ лѣсничествахъ для разработки лѣса нѣтъ постоянныхъ артелей рабочихъ, а работы исполняются съ подряда, сдаваемаго одному лицу на срокъ не менѣе года, съ обязательствомъ подрядчика непремѣнно выставлять по наряду извѣстное число опытныхъ рабочихъ. Такой порядокъ находятъ менѣе соотвѣтственнымъ, такъ какъ кулакамъ открывается возможность наживаться насчетъ бѣдняковъ. Поэтому, въ настоящее время, гдѣ еще и удержался такой подрядный способъ, его видоизмѣнили, такъ что онъ уже и мало отличается отъ артельнаго, т.-е., прежде торговъ, подрядчикъ долженъ представить списокъ своихъ товарищей, съ приложеніемъ ихъ довѣренностей, торговаться за нихъ, и только такихъ артельныхъ старостъ допускаютъ къ торгу, съ оговоркою, что всѣ товарищи круговою порукою отвѣтствуютъ за тѣхъ, которыхъ они обязаны будутъ нанять, въ случаѣ требованія бóльшаго числа рабочихъ, чѣмъ вошло въ артель.

Устройство лѣсныхъ рабочихъ артелей хотя въ нѣкоторыхъ частностяхъ представляетъ различіе въ разныхъ государствахъ, но въ главныхъ чертахъ вездѣ сходно. Сообщу порядокъ, какъ это дѣло устроено въ Саксонскомъ королевствѣ.

Тамъ оберъ-форстмейстеръ, по совѣщанію съ оберферстерами, разсчитываетъ, сколько для каждаго лѣсничества нужно рабочихъ, чтобы всѣ они круглый годъ имѣли занятіе въ лѣсу, по количеству предстоящихъ работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, составляется подробное расписаніе сортиментовъ лѣсныхъ матеріаловъ, какіе должны быть изготовляемы. На тѣ случаи, когда можетъ потребоваться перетаскиваніе заготовленнаго матеріала съ лѣсосѣкъ на ближайшія дороги, требуется опредѣленіе особой платы, а работы, за которыя не можетъ быть назначена поштучная плата, должны быть производимы за установленную поденную плату. Въ прежнее время о такомъ составленномъ росписаніи оповѣщались окрестныя селенія, съ тѣмъ, чтобы желающіе участвовать въ торгахъ, предварительно, по добровольному соглашенію, образовали артели и уполномочивали бы изъ каждой артели одному за всѣхъ торговаться, но заблаговременно представили бы списки, кто именно входитъ въ артель, чтобы лѣсничій могъ собрать нужныя справки. Требовалось, чтобы артель составлялась изъ людей крѣпкаго тѣлосложенія, неопороченныхъ судомъ и извѣстныхъ въ мѣстахъ ихъ жительства безупречною нравственностью. Теперь же, когда въ теченіе долгаго времени вполнѣ выяснилось, сколько въ каждомъ лѣсничествѣ требуется рабочихъ и сколько въ теченіе года зарабатывается артелью, при извѣстной платѣ, такъ что средній заработокъ одного человѣка установился, форстмейстеръ съ ферстерами расчисляютъ, на сколько прежняя цѣна должна быть возвышена или понижена, чтобы на каждаго рабочаго годовой заработокъ составилъ нѣсколько высшую сумму, около $^{1}/_{3}$

болѣе противу существующаго въ данной мѣстности обыкновеннаго заработка. Затѣмъ, если на сдѣланный расчетъ артель согласна, то она остается и съ нею заключается на годъ договоръ. Обыкновенно оговаривается, что если цѣна на хлѣбъ возвысится за опредѣленный размѣръ, то артели выдается извѣстная дополнительная плата. Артель отвѣтствуетъ другъ за друга круговою порукою. Когда бы временно потребовалось увеличить число рабочихъ, сама артель нанимаетъ людей и отвѣтствуетъ за нихъ. Всѣ расчеты съ артелью производятся чрезъ выборнаго ею старосту, который получаетъ квитанціи и слѣдующія деньги изъ казначейства. Казначейству сообщается копія съ заключеннаго съ артелью договора тотчасъ по подписаніи. Каждую субботу лѣсничій свидѣтельствуетъ количество заготовленнаго лѣсного матеріала, съ отмѣткою на полѣнницахъ и на каждой счетной единицѣ нумеровъ, и выдаетъ старостѣ свидѣтельство на дѣйствительно оказавшееся количество и сколько за него слѣдуетъ по договору получить артели денегъ. По этому свидѣтельству староста получаетъ изъ казначейства деньги,—но за цѣлость лѣсного матеріала на мѣстахъ заготовки отвѣтствуетъ артель до дня продажи лѣса, и артель обязана, въ случаѣ если сложенныя сажени или штабели развалятся, сложить ихъ вновь, безъ особой платы. Староста за свои особые труды получаетъ напередъ договоренный процентъ со всей выдаваемой платежной суммы. Для необходимыхъ при пріемѣ матеріаловъ работъ никакой платы не полагается, и артель отряжаетъ отъ себя нужное число людей.

Продажа заготовленнаго лѣсного матеріала производится на мѣстѣ, съ торговъ, въ опредѣленные напередъ дни, или въ сроки особо объявляемые. Торги происходятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разъ въ мѣсяцъ, въ другихъ мѣстахъ чрезъ каждые три или даже 6 мѣсяцевъ разъ. Обыкновенно производится сперва мелочная продажа, когда единицею торга бываютъ самыя малыя количества, иногда $^1/_4$ сажени, и только послѣ удовлетворенія надобности мѣстнаго населенія, идутъ торги крупными единицами. Тутъ же, тотчасъ послѣ торга, покупщики принимаютъ покупку, и съ того времени прекращается отвѣтственность лѣсничихъ и рабочихъ артелей за проданный лѣсъ, на вывозку котораго назначается короткій срокъ. На торгахъ долженъ присутствовать, кромѣ лѣсничаго и оберфорстмейстера или инспектора, чиновникъ отъ казначейства, который принимаетъ и деньги.

Члены лѣсной артели, при образованіи ея или при вступленіи вновь въ нее, по выбору самой же артели, приводятся къ присягѣ, по особой, на этотъ случай составленной формѣ. Форма слѣдующая: «Я, нижеподписавшійся такой-то, клянусь Богомъ, что буду соблюдать точно законы страны и существующаго правительства и буду исполнять всѣ поручаемыя мнѣ занятія, въ качествѣ лѣсного рабочаго, старательно и исправно, по чистой совѣсти и притомъ никому не буду сообщать тѣ служебныя тайны, если бы таковыя до-

шли до моего свѣдѣнія, которыхъ постороннимъ лицамъ знать не слѣдуетъ, и буду подчиняться всѣмъ распоряженіямъ моего начальства и въ особенности приказаніямъ состоящаго въ должности оберъферстера такого-то лѣсничества. Во имя Господа Бога и Сына Его Іисуса Христа».

Лѣсные работники обязаны имѣть свои собственные инструменты, нужные для свалки и разработки деревъ.

По данной рабочимъ инструкціи, они обязаны о замѣчаемыхъ ими самовольныхъ дѣйствіяхъ въ лѣсахъ доводить до свѣдѣнія лѣсничаго, къ которому доставлять и застигнутыхъ правонарушителей. Ни самъ рабочій, ни семья его не имѣютъ права вести торговлю лѣсомъ.

Для лучшаго обезпеченія лѣсныхъ рабочихъ и удержанія ихъ при дѣлѣ испытаны были разнообразныя мѣры:

1. Устраивали вспомогательныя кассы.

2. Сберегательныя кассы.

3. Уступали за дешевую плату небольшіе участки земли для пользованія.

Вспомогательныя кассы не нашли между рабочими сочувствія. Кассы эти составлялись изъ вычетовъ опредѣленнаго процента изъ каждой получки,—для выдачи пособій въ случаѣ болѣзни, а по прослуженіи извѣстныхъ сроковъ въ артели и неспособности къ работѣ также небольшихъ пенсій. Но рабочіе находили, что у самыхъ усердныхъ и работящихъ людей бываютъ и самые большіе вычеты, а между тѣмъ неизвѣстно, потребуется-ли такому рабочему пособіе по болѣзни и останется-ли онъ до старости въ артели; удержанныя же деньги при выходѣ изъ артели не возвращались.

Бо̀льшее сочувствіе находили вспомогательныя кассы, образовавшіяся такими же вычетами изъ получекъ, но гдѣ рабочій, въ случаѣ надобности, могъ получить заемъ, а при выходѣ изъ артели ему возвращались всѣ его сбереженія.

Самое же пріятное для рабочихъ вспоможеніе было—предоставленіе имъ небольшого участка земли, около $^1/_4$ десятины, за умѣренную цѣну, гдѣ онъ для семьи своей могъ развести картофель и огородную овощь.

Устройство казеннаго лѣсного управленія въ разныхъ государствахъ Германіи представляется не вездѣ совершенно одинаковымъ. Въ менѣе крупныхъ государствахъ, конечно, нельзя было образовать столько отдѣльныхъ министерствъ, какъ въ болѣе обширныхъ владѣніяхъ, а потому въ мелкихъ землицахъ соединяются даже несходные предметы государственнаго хозяйства въ одномъ министерствѣ, что не допускается въ большихъ государствахъ. Мы сообщимъ строй лѣсной администраціи въ двухъ только государствахъ: въ Пруссіи и въ Саксоніи, къ строю которыхъ приближаются, болѣе или менѣе, и лѣсныя вѣдомства другихъ германскихъ земель.

Въ Пруссіи вся лѣсная часть съ 7 августа 1878 года состоитъ

въ вѣдѣніи министерства сельскаго хозяйства, государственныхъ имуществъ и лѣсовъ (Ministerium für Landwirthschaft, Domänen und Forsten). Ранѣе управленіе лѣсами, какъ и всѣми государственными имуществами, по повелѣнію 16 декабря 1808 г., поручено было министерству финансовъ; но 6 февраля 1835 г. образовано было при министерствѣ королевскаго двора особое отдѣленіе, которому и передано завѣдываніе лѣсами и государственными имуществами. Позже, 17 апрѣля 1848 г., управленіе лѣсами и государственными имуществами вновь передано министерству финансовъ, и только 7 августа 1878 г. повелѣно было упомянутыя отрасли хозяйства передать въ министерство по дѣламъ сельскаго хозяйства, которое переименовано въ министерство сельскаго хозяйства, государственныхъ имуществъ и лѣсовъ, которое вступило въ дѣйствіе съ 1 апрѣля 1879 г.

Въ образовавшемся новомъ министерствѣ для управленія лѣсами состоитъ особое отдѣленіе, нынѣ 3-е. Этимъ отдѣленіемъ завѣдываетъ, въ качествѣ министеріальнаго директора, — оберъ-ландфорстмейстеръ. При немъ состоятъ, въ качествѣ докладчиковъ и министерскихъ совѣтниковъ по лѣсотехническимъ вопросамъ, четыре ландфорстмейстера, которые часто получаютъ титулъ только оберъ-форстмейстера. Каждый изъ этихъ четырехъ ландфорстмейстеровъ или министерскихъ совѣтниковъ имѣетъ въ своемъ завѣдываніи всѣ дѣла, касающіяся техники и инспекторской части лѣсной службы, равно и охраненія лѣсовъ въ извѣстной ему ввѣренной части государства. По этой территоріи — онъ докладчикъ по всѣмъ означеннымъ дѣламъ, и онъ же объѣзжаетъ подвѣдомственную ему территорію, для провѣрки состоянія ея, когда признаетъ нужнымъ, такъ что знакомится съ положеніемъ дѣлъ не только по перепискѣ, но и на мѣстѣ. Кромѣ того, при лѣсномъ отдѣленіи, по судебнымъ дѣламъ и по спорамъ граничнымъ и по обмѣнамъ и отчужденіямъ лѣсовъ, состоитъ еще одинъ министерскій совѣтникъ, отъ котораго не требуется, чтобы онъ получилъ спеціальное лѣсное образованіе:— онъ долженъ быть юристъ. Для дѣлъ же всякаго рода строительныхъ состоятъ, не для одного только лѣсного отдѣленія, но вмѣстѣ и для другого отдѣленія — государственныхъ имуществъ, еще два докладчика, въ качествѣ министерскихъ совѣтниковъ, которые совокупно разсматриваютъ строительныя дѣла.

Въ помощь для работъ лѣсного отдѣленія числятся при немъ по штату одинъ форстмейстеръ и два лѣсныхъ асессора.

Лѣсному отдѣленію министерства подчинено лѣсоустроительное бюро, которымъ завѣдываетъ особый форстмейстеръ, въ помощь которому данъ одинъ оберъ-ферстеръ, нѣсколько канцелярскихъ чиновниковъ и чертежники. Это какъ бы межевое бюро, такъ какъ обязанности его заключаются въ общемъ направленіи лѣсныхъ межевыхъ работъ и составленіи плановъ; бюро должно собрать всѣ оригиналы плановъ, изготовляемыхъ при новомъ лѣсоустройствѣ и

при ревизіяхъ лѣсоустройства, должно хранить эти оригиналы и изготовлять копіи для снабженія ими всѣхъ мѣстныхъ лѣсныхъ чиновъ. Нынѣшнее лѣсоустроительное бюро существуетъ съ 17 марта 1868 года и преобразовано изъ прежней лѣсной плановой камеры (Forstplankammer). Лѣсному отдѣленію министерства подвѣдомы и двѣ лѣсныя учебныя академіи: одна въ Эберсвальдѣ, другая — въ Мюнденѣ. Съ академіей въ Эберсвальдѣ соединена главная станція всѣхъ прусскихъ опытныхъ лѣсныхъ станцій.

Для повѣрки и ревизіи документальной денежной и матеріальной отчетности провинціальныхъ управленій состоятъ особые счетные чины. Вся отчетность, просмотрѣнная въ лѣсномъ центральномъ отдѣленіи, поступаетъ на разсмотрѣніе государственнаго контроля (Oberrechnungshof).

Въ провинціяхъ управленіе лѣсами сосредоточивается въ провинціальномъ правленіи (Provinzialregierung), въ которомъ находится особое лѣсное отдѣленіе. Въ такомъ провинціальномъ правленіи предсѣдательствуетъ президентъ (Regierungs-Präsident — должность, сходная съ губернаторомъ у насъ), а лѣснымъ отдѣленіемъ заправляетъ оберъ-форстмейстеръ, который вмѣстѣ съ тѣмъ членъ общаго всѣхъ отдѣленій присутствія, съ правомъ рѣшающаго голоса по всѣмъ дѣламъ, наравнѣ со всѣми старшими совѣтниками правительства (Oberregierungsräthe). Въ помощь оберъ-форстмейстеру состоятъ форстмейстера. Число ихъ различное, смотря по количеству лѣсовъ въ провинціи. Всѣ лѣса провинціи раздѣляются на округа и каждому форстмейстеру поручается одинъ изъ округовъ. Обыкновенно въ одинъ округъ соединяются отъ 6 до 8 лѣсничествъ (Oberforsteien). Оберъ-форстмейстеру также поручается одинъ изъ округовъ, но нѣсколько меньшій и ближайшій. Независимо отъ своего округа, въ которомъ исполняетъ обязанности форстмейстера, оберъ-форстмейстеръ долженъ, для цѣли ревизіи, объѣзжать и другіе округа и быть въ каждомъ не менѣе одного раза въ году. Каждый форстмейстеръ ведетъ въ провинціальномъ правленіи всѣ дѣла по ввѣренному округу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на немъ лежитъ и обязанность производить на мѣстѣ ревизію лѣсничествъ, составляющихъ округъ.

Всѣ дѣла, касающіяся чисто техники лѣсного хозяйства и личнаго состава служащихъ въ провинціи, начиная отъ должности ферстера и ниже, окончательно рѣшаются оберъ-форстмейстеромъ по совѣщанію съ форстмейстеромъ соотвѣтствующаго округа, но если эти чины въ мнѣніяхъ своихъ расходятся, то по дѣламъ личнаго состава служащихъ окончательное рѣшеніе предоставляется президенту провинціальнаго правленія, а по дѣламъ техники лѣсного хозяйства оберъ-форстмейстеръ приводитъ въ исполненіе свое мнѣніе, но обязанъ немедленно довести до свѣдѣнія министерства о разногласіи его со взглядомъ форстмейстера, приложивъ и мнѣніе послѣдняго. Всѣ остальные вопросы, кромѣ техники и личнаго со-

става служащихъ, вносятся въ общее присутствіе и разрѣшаются коллегіально. Но оберъ-форстмейстеру, если онъ не согласенъ съ рѣшеніемъ большинства общаго присутствія, предоставлено право требовать, чтобы дѣло представлено было, съ его мнѣніемъ, на разрѣшеніе министерства.

Каждый форстмейстерскій округъ состоитъ изъ нѣсколькихъ лѣсничествъ (Forstei, Oberforst-Revier). Мѣстное управленіе лѣсничествомъ поручается оберъ-ферстеру (нашъ лѣсничій). Въ его канцеляріи сосредоточивается вся переписка съ провинціальнымъ правленіемъ, всѣ смѣтныя назначенія приходныхъ и расходныхъ статей и отчетность по нимъ, всѣ дѣла по правонарушеніямъ въ лѣсничествѣ. Но оберъ-ферстеръ, какъ и всѣ лѣсные чины, освобожденъ отъ пріема какихъ бы ни было денежныхъ суммъ и отъ выдачи денегъ за исполненныя работы. Для пріема денегъ и раздачи слѣдующаго лѣснымъ чинамъ, по положенію, содержанія, равно и для уплаты за произведенныя работы денегъ, по свидѣтельствамъ лѣсныхъ чиновъ, состоитъ особый казначейскій чиновникъ — Forstkassenrendant, который, кромѣ суммъ по лѣсному вѣдомству, служитъ также сборщикомъ и расходчикомъ по другимъ отраслямъ государственнаго управленія.

Такой особый сборщикъ и расходчикъ казенныхъ суммъ назначается не для каждаго лѣсничества, а иногда одинъ на два лѣсничества, смотря по обширности ихъ и по количеству взиманія доходовъ по другимъ частямъ финансоваго вѣдомства.

Въ виду того, что лѣсничество, ввѣряемое одному оберъ-ферстеру, занимаетъ въ Пруссіи довольно большія площади лѣсовъ (отъ 3 до 10,000 дес.), такъ что одному лицу невозможно достаточно часто бывать во всѣхъ частяхъ лѣсничества и успѣвать вездѣ самому на мѣстѣ постоянно указывать, какъ производить извѣстнаго рода работы (проходныя рубки, оставленіе сѣменниковъ, сортировку подѣлочнаго матеріала и топлива, работы для успѣшнаго лѣсовозобновленія и лѣсоразведенія и т. п.) и охранять лѣсъ отъ разнаго рода правонарушеній, то каждое лѣсничество раздѣлено на нѣсколько участковъ или административныхъ частей — какъ бы на подлѣсничества (Försterreviere). Однимъ изъ этихъ участковъ завѣдываетъ непосредственно самъ оберъ-ферстеръ, а въ каждомъ изъ остальныхъ такихъ административныхъ участковъ водворяется отвѣтственный помощникъ лѣсничаго (Förster). Исторія этихъ ферстеровъ такова, что давно уже при оберъ-ферстерахъ состояли въ видѣ помощниковъ, главнымъ образомъ для охраненія лѣсовъ, разнаго именованія лѣсные сторожа, изъ которыхъ наиболѣе надежные и опытные, способные руководить и лѣсохозяйственными работами, получали титулъ ферстеровъ, — но эти лица исполняли приказанія оберъ-ферстера, а не имѣли подъ своимъ присмотромъ какихъ-либо опредѣленныхъ для каждаго участковъ лѣса, за сохранность которыхъ и за правильность производимыхъ тамъ работъ они бы

отвѣтствовали. Когда въ 1811 г. Георгъ Гартигъ поступилъ на должность прусскаго оберъ-ландфорстмейстера, то онъ для ферстеровъ отвелъ опредѣленные участки, водворилъ ихъ тамъ и возложилъ на нихъ отвѣтственность за сохранность лѣса въ участкахъ и за правильное исполненіе въ нихъ всѣхъ работъ, поручаемыхъ оберъ-ферстеромъ, который затѣмъ несъ отвѣтственность только какъ лицо инспектирующее и ревизующее.

Оберъ-ферстеръ оставался хозяиномъ и главнымъ распорядителемъ во всемъ лѣсничествѣ. Онъ долженъ былъ указать на мѣстѣ ферстерамъ, въ какихъ насажденіяхъ отводить лѣсосѣки, гдѣ и какимъ способомъ производить культуры, гдѣ прочистки и проходныя рубки, затѣмъ долженъ былъ провѣрять, дѣйствительно-ли рубки производились въ указанныхъ мѣстахъ и удовлетворительно-ли исполнены всѣ работы, ревизуя и всю прочую дѣятельность ферстеровъ. Но отвѣтственность за плохое лѣсоохраненіе, за правильность порубокъ и количество разработаннаго лѣсного матеріала, за расчетъ съ лѣсными рабочими, за сдачу лѣса покупщикамъ въ количествѣ, опредѣленномъ въ билетѣ оберъ-ферстера, за рачительное исполненіе культурныхъ и другихъ работъ,—все это оставалось на прямой отвѣтственности ферстеровъ, а оберъ-ферстеръ отвѣтствовалъ за неисправности и злоупотребленія ферстеровъ лишь въ качествѣ ревизующаго лица, если не раскроетъ безпорядки, которые раскрыть бы могъ.

Впослѣдствіи выяснилось, что нѣкоторые ферстерскіе участки, по расположенію своему и отдаленности отъ оберъ-ферстера, нуждаются въ бо̀льшей самостоятельности. Поэтому, уже въ 1843 году, задумали устроить изъ нѣкоторыхъ ферстерскихъ участковъ особыя небольшія самостоятельныя лѣсничества. Но пока этотъ проектъ разрабатывался,—открыли все-таки, въ немногихъ наиболѣе нуждающихся мѣстахъ, нѣсколько болѣе самостоятельныхъ маленькихъ лѣсничествъ, назначивъ туда лучшихъ изъ прежнихъ ферстеровъ, съ титуломъ Hegemeister.

Наконецъ, по королевскому повелѣнію 3 августа 1864 г., образовался еще одинъ промежуточный разрядъ лѣсныхъ чиновъ между ферстеромъ и оберъ-ферстеромъ, подъ названіемъ Revierförster. Въ сущности эта должность ничѣмъ не отличается отъ ферстера. На того и другого возлагаются одинаковыя обязанности, только что новымъ должностямъ присвоено нѣсколько высшее содержаніе и эти чины заступаютъ временно мѣсто оберъ-ферстеровъ, въ случаѣ отпусковъ, болѣзни, откомандированія, вообще временного отсутствія оберъ-ферстера. Подобныя мѣста ревирферстеровъ, по регламенту 1 февраля 1887 г., хотя и разрѣшается замѣщать наиболѣе способными и опытными ферстерами, но преимущественно желаютъ, чтобы эти должности замѣщались людьми, получившими высшее лѣсное образованіе, для которыхъ должность ревирферстера должна служить временною ступенью предъ назначеніемъ ихъ на должность оберъ-ферстера. Обязанности же и отвѣтственность ревир-

ферстеровъ опредѣлена та же, какъ по служебной инструкціи, утвержденной 23 октября 1868 г., для ферстеровъ, а тамъ постановлено: «Ферстеръ обязанъ охранять ввѣренный его присмотру лѣсной участокъ отъ неправильнаго въ немъ пользованія продуктами и отъ похищеній и поврежденій, наблюдать, чтобы не нарушались установленные лѣсные и охотничьи законы и слѣдить за тѣмъ, чтобы рубка лѣса, культуры и прочія лѣсныя работы производились по указаніямъ оберъ-ферстера, а всѣ лѣсные матеріалы сдавать получателямъ не иначе, какъ по письменному билету...»

Въ настоящее время составъ лѣсныхъ чиновъ въ Пруссіи слѣдующій:

При министерствѣ:	
Оберъ-ландфорстмейстеровъ	1 челов.
Въ лѣсномъ отдѣленіи министерства:	
Ландфорстмейстеровъ	4 челов.
Форстмейстеровъ	1 »
Лѣсныхъ асессоровъ	2 »
Въ лѣсоустроительномъ бюро:	
Форстмейстеровъ	1 челов.
Оберъ-ферстеровъ	1 »
Въ провинціальныхъ правленіяхъ:	
Оберъ-форстмейстеровъ	33 челов.
Форстмейстеровъ	88 »
Мѣстныхъ лѣсныхъ чиновъ:	
Оберъ-ферстеровъ	679 челов.
Штатныхъ ревирферстеровъ, ферстеровъ и гегемейстеровъ	3,252 »

т. е. по среднему расчету приходится на одного оберъ-ферстера около 3,500 дес. казенныхъ лѣсовъ, а на одного ферстера около 740 дес. А изъ числа 121 оберъ-форстмейстеровъ и форстмейстеровъ на каждаго приходится среднимъ счетомъ около 20,000 дес. лѣсовъ, которыя подлежатъ ихъ ревизіи.

Саксонія представляетъ то существенное отличіе отъ Пруссіи, что вся лѣсная часть состоитъ въ завѣдываніи министерства финансовъ, въ которомъ находится лѣсное отдѣленіе, подъ управленіемъ оберъ-ландфорстмейстера. При немъ нѣсколько помощниковъ для дѣлопроизводства. При министерствѣ состоитъ особая лѣсоустроительная комиссія (Forsteinrichtungsanstalt), подъ вѣдѣніемъ одного форстмейстера, при которомъ нѣсколько таксаторовъ и межевщиковъ. Провинціальное управленіе лѣсами въ Саксоніи не соединено съ какимъ-либо другимъ правительственнымъ учрежденіемъ, а поставлено совершенно самостоятельно, образуя лѣсное управленіе—Forstamt, состоящее подъ начальствомъ оберъ-форстмейстера. Такихъ

лѣсныхъ провинціальныхъ управленій, въ разныхъ частямъ Саксоніи, всего 14. Оберъ-форстмейстеръ есть ревизующая инстанція, но вмѣстѣ съ тѣмъ и направляющая лѣсное хозяйство.

Такъ какъ въ Саксоніи, какъ и во всей Германіи, всѣ лѣсные доходы поступаютъ прямо въ казначейство, а расходы имъ же выдаются прямо въ руки кредиторовъ,—лѣсные же чины только свидѣтельствуютъ сумму, подлежащую взносу въ казначейство, или выдачѣ изъ онаго, то при каждомъ форстамтѣ состоитъ особый чиновникъ-кассиръ, со стороны казначейства, который не имѣетъ другой связи съ лѣснымъ управленіемъ, какъ только что долженъ присутствовать на торгахъ лѣса.

Каждому форстамту подвѣдомственны нѣсколько лѣсничествъ—Forstreviere. Лѣсничествомъ управляетъ оберъ-ферстеръ, который и есть хозяинъ лѣса. Впрочемъ, въ очень маленькихъ лѣсничествахъ лѣсничіе имѣютъ офиціальное названіе Revierförster, хотя обязанности ихъ не различаются отъ оберъ-ферстерскихъ. Точно такъ, нѣкоторые оберъ-ферстеры награждаются титуломъ форстинспекторовъ, хотя и они тѣ же оберъ-ферстеры, съ тою разницею, что вступаютъ временно въ должность оберъ-форстмейстера, во время его временныхъ отлучекъ. У нѣкоторыхъ оберъ-ферстеровъ есть помощники,—преимущественно съ цѣлью ихъ практической подготовки къ службѣ лѣсничихъ. Сторожей разныхъ именованій, по вольному найму, имѣется у многихъ лѣсничихъ, бо́льшею частью въ пограничныхъ съ Богеміей лѣсничествахъ, гдѣ сильно развита самовольная охота на дикихъ козъ и на краснаго оленя, такъ что тамъ одному лѣсничему, безъ сторожа, не справиться съ самовольными охотниками. Прежде тамъ, подъ прикрытіемъ лѣсовъ, перетаскивалось много контрабанды, такъ что лѣсные сторожа отчасти помогали таможенной стражѣ въ поимкѣ контрабандистовъ.

Въ настоящее время составъ штатныхъ лѣсныхъ чиновъ въ Саксоніи слѣдующій:

При министерствѣ финансовъ:		
Оберъ-ландфорстмейстеръ	1	чел.
При таксаціонной комиссіи:		
Форстмейстеръ	1	»
Таксаторовъ (Forstconducteur)	7	»
Съемщиковъ	6	»
Въ форстамтахъ:		
Оберъ-форстмейстеровъ	14	»
Лѣсничихъ (Forstinspector, Oberförster и Revierförster)	128	»

т. е. по среднему расчету одному лѣсничему приходится завѣдывать лѣсами на площади 1,280 дес., а одному оберъ-форстмейстеру ревизовать лѣсное хозяйство на 11,700 дес.

Съ цѣлью предупрежденія возможнаго истощенія лѣсовъ отъ усиленныхъ и неправильныхъ рубокъ, въ Германіи уже давно было приступлено къ устройству лѣсовъ,—уже въ прошломъ столѣтіи, какъ сообщено выше. Методы устройства примѣнялись различные, а самое исполненіе работъ поручалось избранному лицу, подъ руководствомъ и наблюденіемъ котораго состояли таксаторы и съемщики. Въ текущемъ же столѣтіи установился во всей Германіи періодный методъ лѣсоустройства, съ тремя видоизмѣненіями въ разныхъ государствахъ, т. е. главною основою для обезпеченія постояннаго пользованія лѣсами служило или количество древесной массы, или площадь отводимая для рубки, или же то и другое вмѣстѣ. Организація же административнаго порядка въ дѣлѣ устройства казенныхъ лѣсовъ въ разныхъ нѣмецкихъ государствахъ представляла, да и донынѣ представляетъ нѣкоторыя различія. Мы здѣсь ограничимся сообщеніемъ организаціи этого дѣла въ казенномъ лѣсномъ управленіи одного лишь самаго крупнаго изъ нѣмецкихъ государствъ—въ Пруссіи.

Тамъ, какъ намъ уже извѣстно, съ назначеніемъ въ 1811 году Георга Лудвига Гартига оберъ-ландфорстмейстеромъ, рѣшено было приступить къ устройству всѣхъ прусскихъ казенныхъ лѣсовъ по одному таксаціонному методу, распредѣляя къ вырубкѣ на каждый періодъ времени приблизительно равныя количества древесной массы. По новости дѣла, Гартигъ напередъ подготовилъ къ этому дѣлу нѣкоторое число людей и черезъ нѣсколько лѣтъ началъ работу, подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ и руководствомъ, въ началѣ въ скромныхъ размѣрахъ, а послѣ того каждому изъ подготовленныхъ людей придалъ въ помощь и для пріученія еще нѣкоторое число изъ вновь поступающихъ въ лѣсную службу кандидатовъ, съ прибавленіемъ и межевщиковъ, образовавъ такимъ образомъ таксаціонныя партіи, разосланныя по провинціямъ, но служба которыхъ считалась непосредственно при министерствѣ.

Вѣроятно, эти первыя таксаціонныя партіи, при отправленіи ихъ, получали и краткое указаніе хотя основныхъ положеній, какъ вести дѣло, но первая въ XIX столѣтіи инструкція для регулированія лѣсного хозяйства (Betriebsregulirung) въ казенныхъ прусскихъ лѣсахъ утверждена и обнародована 13 іюля 1819 года. По ней, при новомъ устройствѣ лѣсовъ, требовались, кромѣ подробнаго описанія каждаго отдѣльнаго участка, довольно сложныя работы къ опредѣленію количества древесной массы, ожидаемой при вырубкахъ въ каждомъ періодѣ времени, отъ перваго до послѣдняго, заканчивающаго оборотъ рубки. Одновременно издана была и инструкція для лѣсныхъ съемщиковъ (Forstgeometer).

Порядокъ работъ былъ установленъ слѣдующій:

Министръ финансовъ назначалъ министерскихъ комиссаровъ, поручая каждому главное наблюденіе за лѣсоустроительными работами въ нѣсколькихъ провинціяхъ, а мѣстными лѣсоустроительными

комиссарами были оберъ-форстмейстера, каждый по всей подвѣдомственной ему провинціи; въ каждомъ же инспекціонномъ округѣ—мѣстный форстмейстеръ и оберъ-ферстеры. Ранѣе приступа къ окончательнымъ работамъ, мѣстные лѣсоустроительные комиссары предварительно должны были въ совѣщаніяхъ установить общія основанія для веденія лѣсного хозяйства въ каждомъ лѣсничествѣ (родъ хозяйства, обороты рубки, способы возобновленія, раздѣленія лѣсныхъ дачъ на части и т. п.) и изложить свои заключенія, съ необходимыми мотивами, въ протоколѣ совѣщанія. Такой протоколъ препровождался въ министерство и съ заключеніемъ министерскаго комиссара представлялся на утвержденіе министра финансовъ. Послѣ утвержденія общихъ основаній лѣсного хозяйства, министерство отправляло въ распоряженіе лѣсныхъ лѣсоустроительныхъ комиссаровъ таксаціонную партію, которая при содѣйствіи оберъ-ферстера производила всѣ лѣсоустроительныя работы, руководствуясь утвержденнымъ протоколомъ совѣщанія, указывающимъ основанія хозяйства.

Весь сводъ лѣсоустроительныхъ работъ, съ планами и вѣдомостями, таксаціонная партія передавала мѣстному форстмейстеру, который, совмѣстно съ оберъ-ферстеромъ, провѣрялъ во всѣхъ отношеніяхъ не только писанный отчетъ, но и сличалъ выводы его на мѣстѣ, и съ своимъ заключеніемъ препровождалъ къ министерскому комиссару. Послѣдній, въ свою очередь, просмотрѣвъ отчетъ и сдѣлавъ, буде признавалъ нужнымъ, провѣрку на мѣстѣ, съ привлеченіемъ къ этому оберъ-форстмейстера, мѣстнаго форстмейстера и оберъ-ферстера, представлялъ на утвержденіе министра финансовъ выводы лѣсоустроительной работы, которая затѣмъ служила руководствомъ для хозяйства въ лѣсничествѣ.

Вслѣдствіе многосложности работъ по инструкціи 1819 г. и признанной необходимости провѣрять и дополнять по временамъ ходъ лѣсного хозяйства, самый методъ таксаціи былъ въ 1836 году упрощенъ и введены постоянно повторяющіяся срочныя ревизіи лѣсоустройства. На этотъ предметъ утверждены были 24 апрѣля 1836 года наставленія для поддержанія, исправленія и дополненія лѣсныхъ таксаціонныхъ и устроительныхъ работъ (Anweisung zur Erhaltung, Berichtigung u. Ergänzung der Forstabschätzungs u. Einrichtungsarbeiten). Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было впредь не посылать особыя таксаціонныя партіи для производства работъ, а поручать исполненіе ихъ оберъ-ферстерамъ, въ кругъ обязанности которыхъ включить и эту работу, но въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ прикомандировывать къ оберъ-ферстерамъ въ помощь нѣкоторыя вспомогательныя рабочія силы.

Когда къ началу пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго вѣка первоначальное устройство почти всѣхъ казенныхъ лѣсовъ въ Пруссіи было окончено и лѣсное хозяйство уже велось по утвержденнымъ планамъ, признано было полезнымъ подробнѣе регламентировать

порядокъ для производства постоянно повторяющихся срочныхъ чрезъ 10 лѣтъ ревизій хозяйства.

Въ этихъ видахъ утверждено было министромъ финансовъ 18 мая 1853 г. «Наставленіе къ производству таксаціонныхъ ревизій» (Die Anleitung zur Ausführung der Taxationsrevisionen). Для главнаго общаго завѣдыванія этимъ дѣломъ назначается министромъ министерскій комиссаръ, а для исполненія на мѣстахъ работъ—таксаціонный ревизіонный комиссаръ (Taxations-Revisions-Kommissarius), съ нужными вспомогательными чинами. Этотъ послѣдній, исполнивъ всю работу, передаетъ ее со своимъ заключеніемъ министерскому комиссару, который, разсмотрѣвъ всѣ данныя работы, дѣлаетъ выводъ: слѣдуетъ-ли и впредь продолжать хозяйство на основаніяхъ, какія утверждены были по первоначальному устройству дачи, или надо измѣнить ихъ и въ чемъ именно, и затѣмъ представляетъ на утвержденіе министра смѣту рубкамъ и предполагаемымъ работамъ на слѣдующее десятилѣтіе.

Въ качествѣ мѣстнаго таксаціоннаго ревизіоннаго комиссара назначаютъ преимущественно мѣстнаго форстмейстера, а оберъ-ферстеру поручаютъ часто исполненіе таксаторскихъ работъ, а когда бываетъ командировано для этого дѣла особое лицо,—одинъ изъ кандидатовъ на лѣсную службу,—то оберъ-ферстеръ обязанъ содѣйствовать успѣшнѣйшему ходу работъ.

Прежде въ таксаціонныхъ выводахъ показывалось количество древесной массы, назначаемой къ ежегодной вырубкѣ общимъ итогомъ, не различая главную рубку отъ проходныхъ, но 15 мая 1875 года предписано выводить древесную массу, назначаемую для главной рубки, особою статьею, и отдѣльно массу промежуточныхъ рубокъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Франція.

Во Франціи законодательная дѣятельность по лѣсной части обнаружилась весьма рано.

Нѣсколько частныхъ постановленій, касавшихся правъ и порядка охоты, даны были уже въ XIII столѣтіи. Въ этомъ вѣкѣ учреждено было званіе начальниковъ водъ и лѣсовъ или егермейстеровъ (les maîtres des eaux et forêts), по крайней мѣрѣ о нихъ упоминается въ первый разъ въ повелѣніи Филиппа Красиваго въ 1291 году и въ постановленіи Филиппа Долгаго, 1319 г.; изъ послѣдняго акта видно, что лѣсъ продавался на срубъ и что пастьба скота въ лѣсахъ запрещалась. Филиппъ Долгій свое постановленіе начинаетъ указаніемъ на злоупотребленія, уничтожающія почти совершенно доходы отъ лѣсовъ во Франціи; зло это заключалось въ томъ, что лѣсничіе удерживали, съ количества проданнаго лѣса, часть въ свою пользу натурой или деньгами. Филиппъ заканчиваетъ словами, что онъ не намѣренъ впредь дѣлать подобныхъ подарковъ, и что деньги, вырученныя отъ продажи лѣса, должны поступать въ кассу его, Филиппа, полной суммой. До XIV вѣка однако не было ни одного повелѣнія, которое бы положительно устанавливало какой-либо порядокъ надзора за лѣсами и за производимой тамъ рубкой.

Безпорядки, бывшіе во Франціи незадолго до Карла V и въ его правленіе, дали случай къ значительному истребленію лѣсовъ, объ охраненіи которыхъ надзиратели, вѣроятно, не особенно заботились.

Это обстоятельство побудило Карла составить особую комиссію по дѣламъ лѣсного управленія. На основаніи представленныхъ членами оной мнѣній о лучшемъ устройствѣ администраціи, Карлъ, въ 1376 г., издалъ повелѣніе, заключавшее общія правила упра-

вленія. Повелѣніе Карла начинается опредѣленіемъ числа егермейстеровъ для разныхъ частей Франціи. Егермейстеры обязаны были, по меньшей мѣрѣ, два раза въ году дѣлать общій осмотръ всѣхъ ввѣренныхъ ихъ надзору лѣсовъ, въ присутствіи окружного и королевскаго судьи, мѣстнаго виконта и лѣсныхъ надзирателей, а послѣ каждаго осмотра составлять актъ (procès-verbal) о состояніи, въ какомъ найденъ лѣсъ, для представленія этого акта казначейству. Лѣсные же надзиратели (verdiers, gruyers, gardes, maîtres-sergents) должны осматривать ввѣренные имъ лѣса разъ въ мѣсяцъ, обращать вниманіе на поведеніе сторожей, оцѣнять самовольныя порубки и другія злоупотребленія, и доносить обо всемъ егермейстерамъ. Рубка производилась ранѣе на пріискъ, гдѣ найдутъ пригодное дерево въ лѣсу; позже—какъ думаютъ, уже со временъ Филиппа Красиваго—былъ установленъ порядокъ рубки лѣсосѣками, а въ новомъ постановленіи Карла повелѣно продавать лѣсъ участками отъ 20 до 30 арпановъ (6 до 9 дес.), не допуская никакихъ дополненій и мѣны участковъ. Опредѣленъ 6-ти-мѣсячный срокъ для рубки лѣса и приказано оставлять на лѣсосѣкахъ на каждомъ арпанѣ отъ 8 до 10 сѣменныхъ деревъ (говорится: «какъ было уже ранѣе приказано»). Покупщики должны были огородить отведенную имъ лѣсосѣку для защиты отъ скота. Пастьба скота въ высокоствольныхъ лѣсахъ (taillis) запрещена до того возраста насажденій, кагда скотъ уже не можетъ вредить лѣсу. Отсрочка на рубку могла послѣдовать не иначе, какъ только съ соизволенія самого короля, или же казначейства. Уплата денегъ за лѣсъ разсрочивалась на 3 года. Купцы должны были представлять залогъ. Егермейстерамъ повелѣно пересмотрѣть, на какихъ документахъ основаны сервитутныя права и опредѣлить степень возможности и самый способъ пользованія этими правами, сообразно съ состояніемъ лѣса. Лица, замѣченныя въ злоупотребленіяхъ по сервитутному праву, лишаются своихъ правъ. Высказана мысль, что лѣса не могутъ быть оставляемы на окончательное ихъ разстройство безпорядочнымъ пользованіемъ сервитутными правами.

Послѣ того, въ продолженіе почти 150 лѣтъ, повторялись только требованія, чтобы постановленныя правила о лѣсахъ были исполняемы, но новыхъ идей въ лѣсномъ законодательствѣ не заключалось до Франциска I, да и онъ въ первыхъ своихъ постановленіяхъ по лѣсной части, въ 1515 и 1516 гг., также только повторилъ то, что требовали его предшественники. За то въ январѣ 1518 г. Францискъ издалъ новое повелѣніе, гдѣ мы находимъ правила, до того еще не высказанныя во французскомъ законодательствѣ, а именно:

1. Всѣмъ лѣснымъ чинамъ опредѣлено содержаніе взамѣнъ акциденцій.

2. Запрещено устраивать въ лѣсахъ кирпичные, гончарные, стеклянные заводы, равно заведенія токарныя, деревянныхъ башмаковъ и жечь золу.

3. Поручено лѣснымъ чинамъ смотрѣть, чтобы не производились расчистки ни въ государственныхъ, ни въ королевскихъ лѣсахъ.

4. Опредѣлены денежныя взысканія за самовольныя порубки, вмѣсто прежнихъ тѣлесныхъ, и сдѣлано различіе по породамъ и качеству деревъ, такъ что уже является соотношеніе между денежнымъ штрафомъ и цѣною лѣса. Притомъ опредѣлено различное наказаніе, смотря по тому, учинено-ли самоволіе постороннимъ лицомъ, или служащимъ по лѣсной части.

Во всѣхъ случаяхъ, когда виновный приговаривался къ денежному штрафу, онъ долженъ былъ, кромѣ того, заплатить такую же сумму въ вознагражденіе убытковъ, причиненныхъ порубкой. Штрафъ удваивался, если порубка произведена ночью.

Принцамъ, прелатамъ, церквамъ, дворянству, вассаламъ и другимъ подданнымъ указано держаться въ своихъ лѣсахъ тѣхъ же правилъ, какія установлены для лѣсовъ казенныхъ, чтобы отъ несоблюденія ихъ не могло произойти никакихъ непріятныхъ послѣдствій предметамъ общественнаго пользованія и подданнымъ королевства. Видно, что въ 1518 году существовало уже вполнѣ организованное лѣсное управленіе.

Центральнымъ правительственнымъ учрежденіемъ, отъ котораго исходили всѣ распоряженія по дѣламъ, касающимся лѣсовъ, былъ *совѣтъ мраморнаго стола*, который засѣдалъ въ Парижѣ. Время учрежденія этого стола неизвѣстно; но изъ самыхъ древнихъ документовъ видно, что засѣданія мраморнаго стола въ судебной палатѣ Парижа происходили подъ предсѣдательствомъ оберъ-егермейстера (Grand-maître des eaux et forêts). Отъ него судьи получали инструкціи и отъ его имени, а не короля, писались приговоры.

До 1575 г. былъ только одинъ оберъ-егермейстеръ. Повелѣніемъ же этого года учреждены еще 6 провинціальныхъ, а позже, въ 1689 году, 16 провинціальныхъ оберъ-егермейстеровъ, получавшихъ повелѣнія прямо отъ короля.

Вступленіе къ декабрьскому эдикту Франциска I, 1543 г., доказываетъ, что до этого времени лѣсные чины завѣдывали частными лѣсами только въ случаяхъ особыхъ повелѣній короля. Но въ эдиктѣ 1543 года замѣтно стремленіе дать королевской власти окончательный перевѣсъ надъ феодализмомъ и изъ его обломковъ составить однородное и могущественное цѣлое. Въ эдиктѣ этомъ хотя и говорится собственно о лѣсахъ казенныхъ и королевскихъ, но объявляется, что лѣсные чины должны имѣть попеченіе и *обо всѣхъ остальныхъ лѣсныхъ пространствахъ*.

Послѣ того, въ царствованіе Карла IX, было издано много правилъ относительно сохраненія частныхъ лѣсовъ. Эдиктомъ 1563 г. запрещено частнымъ лицамъ рубить свои лѣса ранѣе 10-ти-лѣтняго возраста. Въ случаѣ неисполненія сего повелѣнія,—срубленный лѣсъ конфискуется и виновный приговаривается къ денежному штрафу. При рубкѣ же участковъ старѣе 10-ти-лѣтняго возраста слѣдовало

оставлять на корнѣ нѣкоторое число деревъ, но число ихъ не назначено.

Для сбереженія крупныхъ насажденій въ королевствѣ, Карлъ IX предписалъ третью часть всѣхъ лѣсныхъ пространствъ, принадлежащихъ государственнымъ имуществамъ, оставлять неприкосновенными, въ видѣ резервовъ, для образованія изъ нихъ крупныхъ лѣсовъ. Это же правило было распространено на лѣса общинъ и духовныхъ корпорацій; кромѣ того, въ 1566 году было постановлено, что государственныя и коронныя недвижимости, въ томъ числѣ и лѣса, могутъ подлежать отчужденію только въ двухъ случаяхъ: для назначенія въ удѣлъ членамъ королевской фамиліи и для военныхъ цѣлей; въ послѣднемъ случаѣ отчужденіе допускалось лишь подъ условіемъ *вѣчнаго* права обратнаго выкупа отчужденнаго земельнаго имущества.

Нѣсколько позднѣе, въ 1573 году, вышелъ эдиктъ, которымъ вмѣсто 1/3 велѣно оставлять въ резервѣ 1/4 и избирать для этого насажденія на лучшей почвѣ и способныя образовать хорошій крупный лѣсъ. Вотъ начало *четвертыхъ частей* (quarts en réserves), существующихъ въ настоящее еще время въ лѣсахъ общинъ и публичныхъ учрежденій Франціи.

Какъ ни строги всѣ эти постановленія, надзоръ за точнымъ исполненіемъ ихъ былъ слабъ; лѣса, вмѣсто улучшенія, все болѣе и болѣе разстраивались отъ чрезмѣрныхъ рубокъ на потребности государства. Между тѣмъ число лѣсныхъ чиновъ—по свидѣтельству современниковъ — было чрезвычайно значительно и они способствовали скорѣе уничтоженію, чѣмъ сохраненію лѣсовъ. Съ другой стороны, лѣса страдали отъ чрезмѣрнаго множества сервитутовъ и несоблюденія постановленныхъ правилъ пользованія ими. Однимъ словомъ, повсюду былъ страшный безпорядокъ. Генрихъ IV сдѣлалъ попытку остановить разореніе лѣсовъ и въ этихъ видахъ онъ въ эдиктѣ, данномъ въ 1597 г., въ Руанѣ, говоритъ: «Видя, что разстройство и разореніе лѣсовъ нашего королевства, какъ государственныхъ, такъ и данныхъ въ пользованіе духовенства, командорствъ и общинъ, происходитъ преимущественно *отъ чрезмѣрныхъ продажъ*, производимыхъ вопреки установленныхъ на то правилъ и повелѣній, какъ нашихъ предшественниковъ, такъ и нашихъ; отъ значительнаго числа *большихъ* и *малыхъ* чиновъ, получающихъ, кромѣ жалованья и дозволенныхъ закономъ доходовъ, дровяной лѣсъ и другія выгоды отъ лѣсовъ,—такъ и отъ значительнаго числа сервитутовъ, самовольныхъ порубокъ, *злоупотребленій и лихоимствъ*;—и желая, по примѣру нашихъ предшественниковъ, Филиппа и Карла, любившихъ лѣса, сберечь ихъ отъ очевиднаго уничтоженія и сохранить что еще осталось; не будучи въ состояніи *терпѣть болѣе зло*, ни давать ему болѣе распространяться, король запретилъ всѣ усиленныя рубки, сократилъ сервитутныя права и уменьшилъ число лѣсныхъ чиновъ».

Въ томъ же 1597 году повелѣно было обмежевать лѣса и нанести на планы.

И все-таки истребленіе лѣсовъ продолжалось. Тяжелое бремя сервитутовъ и личные интересы какъ лѣсовладѣльцевъ, такъ и администраторовъ, расходились съ выгодами государства. Что истребленіе лѣсовъ принимало колоссальные размѣры, видно изъ словъ г. де-Фруадуръ, одного изъ бывшихъ комиссаровъ, посланныхъ министромъ Кольберомъ для изслѣдованія состоянія лѣсовъ въ Пиринеяхъ. Тамъ, по свидѣтельству де-Фруадура, въ теченіе одного столѣтія уничтожено лѣсовъ наполовину.

Насталъ вѣкъ Людовика XIV, — вѣкъ, столь прославляемый французами, вѣкъ блеска, величія и гордости французовъ, — создавшій и по лѣсной части важный законъ 1669 года.

Гораздо ранѣе появленія этого закона знаменитый министръ финансовъ въ царствованіе Людовика XIV, *Кольберъ*, часто высказывалъ мысль, что *Франція можетъ погибнуть отъ недостатка лѣсовъ*,—и потому онъ употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобы это не могло сбыться.

Въ 1661 году онъ составилъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, комиссію, которой поручено было изслѣдовать на мѣстахъ состояніе лѣсной части во Франціи, просмотрѣть всѣ существующія законоположенія о лѣсахъ и составить, сообразно дѣйствительной потребности, полный лѣсной кодексъ.

Комиссія эта работала весьма усердно 8 лѣтъ и результатомъ ея работъ явился весьма полный лѣсной уставъ.

Эдиктъ Людовика XIV, въ 1669 году, утвердившій уставъ, начинается слѣдующими громкими строками:

«Хотя безпорядки въ управленіи лѣсами нашего королевства были такъ повсемѣстны и закоренѣлы, что возстановленіе въ чистотѣ лѣсного управленія казалось почти невозможнымъ, несмотря на то, Провидѣніе въ такой мѣрѣ благопріятствовало трудамъ восьми лѣтъ, посвященныхъ возстановленію этой благородной и драгоцѣнной части нашихъ владѣній, что мы видимъ ее въ настоящее время болѣе цвѣтущей, чѣмъ когда-либо, и доставляющей народу въ изобиліи всѣ выгоды, которыя онъ могъ ожидать отъ лѣсовъ для удобствъ частной жизни, для потребностей войны или, наконецъ, для упроченія мира и распространенія торговаго мореплаванія во всѣ концы свѣта. — Но такъ какъ недостаточно возстановить порядокъ, если соотвѣтственными и мудрыми правилами не будутъ обезпечены плоды его въ будущемъ, то мы для завершенія этого труда, столь полезнаго и необходимаго, признали нужнымъ собрать всѣ постановленія по настоящему предмету, какъ старыя, такъ и новыя, чтобы по сличеніи ихъ съ мнѣніями, присланными изъ провинцій комиссарами, посланными для устройства лѣсовъ и водъ, мы могли составить ясное, точное и опредѣленное законоположеніе, которое, разсѣявъ

мракъ предыдущаго времени, не оставило предлоговъ и извиненій лицамъ, могущимъ впасть въ ошибки»...

Постановленіе 1669 года поглотило всѣ предшествующія законоположенія, разработавъ ихъ основательно, и начертало полный административный порядокъ для управленія лѣсами. Забота объ охраненіи казенныхъ лѣсовъ простиралась до того, что владѣльцамъ прилегавшихъ къ нимъ земель было вмѣнено въ обязанность выкопать по границамъ рвы, глубиною въ пять и шириною въ четыре фута, и поддерживать ихъ въ хорошемъ состояніи, подъ опасеніемъ конфискаціи смежныхъ угодій. Владѣльцамъ пастбищныхъ сервитутовъ было воспрещено пасти козъ и овецъ не только въ лѣсахъ, на которые распространялись ихъ права, но и на прилегающихъ къ нимъ пастбищахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ 1669 г. почти совершенно лишилъ права свободнаго распоряженія лѣсами, принадлежащими частнымъ лицамъ, духовенству и корпораціямъ.

Стѣсненія эти требовались для общаго блага государства, но въ то же время они составили источникъ доходовъ казны.

Казенному морскому вѣдомству предоставлено было право, чрезъ назначенныхъ отъ него комиссаровъ, во всѣхъ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ лѣсахъ, заклеймить адмиралтейскимъ клеймомъ всѣ деревья, пригодныя на военное судостроеніе, а лѣсовладѣльцы не смѣли такія деревья продавать ранѣе назначенія морскимъ вѣдомствомъ срока для продажи. Въ этомъ случаѣ адмиралтейству предоставлялось право преимущества предъ прочими покупщиками. Такое право во Франціи извѣстно подъ названіемъ droit de martelage.

Расчистка лѣсовъ не дозволялась безъ особаго каждый разъ разрѣшенія.

Чиновникамъ порученъ былъ не только надзоръ за точнымъ исполненіемъ постановленныхъ правилъ, но имъ предоставлено также было опредѣлять въ каждомъ случаѣ, какими способами надлежитъ возращать и сохранять лѣсныя дачи.

Вообще вырубка лѣса въ частныхъ дачахъ дозволялась не иначе какъ съ предварительною *платою казнѣ пошлины*, а когда послѣ срубки лѣсъ поступалъ въ продажу, то частное лицо должно было въ пользу казны отдавать довольно значительную часть вырученной цѣны.

Такая система налога, и вдобавокъ къ тому крайній произволъ лѣсныхъ чиновъ, хлопоты и формальности, сопряженныя съ испрашиваніемъ разрѣшенія на вырубку лѣса,—отягощали лѣсовладѣльцевъ до того, что имущество, заключавшееся въ лѣсѣ, не имѣло почти никакой цѣны и землевладѣльцы изыскивали всевозможныя мѣры къ тайному уничтоженію своихъ лѣсовъ, сохраненіе которыхъ стало обязательнымъ.

Принципъ, на основаніи котораго Кольберъ разрабатывалъ лѣс-

ныя законоположенія 1669 года, безспорно совершенно вѣренъ: онъ не желалъ ограничиваться одними кабинетными умозрѣніями, а счелъ нужнымъ народныя потребности выхватить изъ самой жизни. Для этого онъ и составилъ комиссію изъ 21 члена, разослалъ ихъ комиссарами въ провинціи, чтобы они на мѣстѣ разслѣдовали и привели въ извѣстность состояніе лѣсовъ, потребности народа, степень примѣнимости и соотвѣтственности существующихъ законовъ, недостатки и неполноту ихъ, мѣры, необходимыя для водворенія порядка въ лѣсномъ управленіи,—и затѣмъ, съ помощью этихъ данныхъ, совокупно съ лицами бывшими на мѣстахъ, проектировалъ законы, нужные для цѣлости и сохранности лѣсовъ и для блага народа. Въ самомъ разборѣ вопросовъ не было излишней поспѣшности,— на это употреблено достаточно времени—8 лѣтъ.

И что же, достигъ-ли законъ—столь разумно и тщательно разработанный—своей цѣли? Увы,—факты не подтверждаютъ этого. Въ Пиринеяхъ, гдѣ во время изданія закона (собственно годомъ позже, въ 1670 году) состояло казенныхъ лѣсовъ 124,300 гектаровъ, ко времени французской революціи оказались уничтоженными 51,300 гектаровъ. Въ Орлеанскомъ лѣсу, по межеванію 1671 г., считалось всего 121,000 арпановъ (до 38 тыс. дес.), въ томъ числѣ 65,000 арпановъ принадлежали королю, а 56,000 арпановъ составляли ленное имѣніе; но уже въ 1721 году обнаружилось, что въ королевскомъ лѣсу исчезло 17,226 арпановъ, а въ ленномъ лѣсу 15,000 арпановъ. Лѣсъ Фонтенебло — одинъ изъ прелестнѣйшихъ лѣсовъ Франціи; среди него въ 1658 году считалось отъ 4,000 до 5,000 арпановъ пустыхъ, безлѣсныхъ мѣстъ и прогалинъ, а въ 1718 году тамъ оказалось безлѣсныхъ мѣстъ уже 12,000 арпановъ. Подобные результаты можно представить изъ всѣхъ департаментовъ Франціи. Цифры весьма краснорѣчивыя.

Отчего же происходили такіе плачевные результаты? Прежде всего отъ чрезвычайнаго стѣсненія землевладѣльцевъ, значительно свыше той мѣры, какая была необходима для блага народа, и отъ обстановки дѣла массою формальностей, породившихъ и массу хлопотъ, какъ для органовъ правительства, такъ и для собственниковъ лѣса. Притомъ съ цѣлью сохраненія лѣсовъ соединена была другая цѣль: сдѣлать частные лѣса источникомъ доходовъ казны,— что прямо било по карманамъ и озлобляло собственниковъ, даже самыхъ благонамѣренныхъ, которые мирились съ такими со стороны ихъ жертвами, которыя очевидно нужны были во имя общаго блага отечества, но не могли мириться съ наложеніемъ на нихъ несправедливаго особаго налога, который, буде въ немъ нуждается государственное казначейство, долженъ быть распредѣленъ поровну между всѣми подданными, а не ложиться на однихъ лѣсовладѣльцевъ. Не удивительно, что владѣльцы измышляли пути, какъ бы избавиться отъ лѣса, и конечно находили средства либо обойти законъ, либо нарушать его безнаказанно. Къ этому присоединилась

еще одна причина. Въ комиссары были выбраны люди хотя и умные, но исключительно юристы, къ окончательному же обсужденію не были привлечены техники, чрезъ что въ законѣ оказались кое-какія несообразности, сдѣлавшія его въ нѣкоторыхъ частяхъ невыполнимымъ. Такъ, напримѣръ, въ эдиктѣ помѣщены двѣ статьи, несогласныя съ промышленными условіями страны.

§ 40 главы XV гласитъ, что рубки должны быть окончены къ 15 апрѣля, а § 28 главы XXVII запрещаетъ покупщикамъ обдирать деревья на корнѣ подъ штрафомъ 500 франковъ и конфискаціей купленнаго. Что оставалось дѣлать потребителямъ дубовой коры, нужной на дубленіе кожъ, когда кора эта начинаетъ хорошо сдираться съ дерева только послѣ 15 апрѣля? Оставалось употреблять кору противозаконно добытую. А чинамъ администраціи приходилось или настаивать на измѣненіи закона, или смотрѣть сквозь пальцы на отступленія отъ закона. Послѣднее, быть-можетъ, оказывалось болѣе удобнымъ, но, конечно, не болѣе нравственнымъ. Подобныхъ статей нѣсколько.

Въ законѣ 1669 года всѣ постановленія выражены очень опредѣленно; даны твердыя нормы юрисдикціи, администраціи, охраненія, полиціи, наказаній; опредѣлены весьма обстоятельно обязанности и отвѣтственность лѣсныхъ чиновъ. Разборъ проступковъ по лѣснымъ дѣламъ изъятъ изъ вѣдѣнія общихъ судовъ, а возложенъ на особые лѣсные суды. Въ законъ внесено совершенно напрасно множество частностей, касающихся порядка хозяйства и отпусковъ лѣса, не составляющихъ, собственно, предметъ закона, а только инструкцій.

Кольберъ раздѣлилъ всю Францію на 156 лѣсныхъ округовъ (Maîtrises). Въ каждомъ лѣсномъ округѣ начальствовали 4 чиновника: форстмейстеръ, прокуроръ короля, хранитель лѣсного клейма (Garde-marteau) и стряпчій (Greffier). Эти должности имѣли каждая нѣкоторую независимость другъ отъ друга. Отъ этихъ чиновъ не требовалось въ то время спеціальной по лѣсной части подготовки.

Уставъ Кольбера оставался въ силѣ до конца XVIII вѣка, хотя и возбудилъ много неудовольствій.

Реомюръ въ 1721 году, а Бюфонъ въ 1739 году утверждали, что строгость лѣсныхъ законовъ Франціи не имѣетъ благодѣтельнаго вліянія на сохранность лѣсовъ; напротивъ, она является главнѣйшей причиной ихъ истребленія. Впослѣдствіи, во время революціи, Мирабо ожесточенно напалъ на учрежденія Кольбера, котораго называлъ тираномъ, подавившимъ земледѣльческій промыселъ, чтобы поставить торговлю на ходули; находилъ смѣшнымъ содержать огромное число чиновниковъ для завѣдыванія частными лѣсами, составляющими чуждое для казны имущество.

Во время революціи часто повторялись слова Адама Смита изъ знаменитаго его сочиненія: «Изслѣдованія о существѣ и причинахъ народнаго богатства» (напечатаннаго въ 1776 году): «Государство

должно сколь возможно менѣе вмѣшиваться въ хозяйство отдѣльныхъ лицъ, ибо государство не въ силахъ измѣнить естественные законы производства богатствъ, а тамъ, гдѣ представляется возможность задержать лишь временно послѣдствія такихъ обще-дѣйствующихъ экономическихъ законовъ, тамъ всякая подобная задержка совершается во вредъ какъ отдѣльной личности, такъ и общности всѣхъ».

Послѣ всего этого не удивительна реакція въ лѣсномъ законодательствѣ Франціи, совершившаяся во время революціи.

Декретомъ 27 декабря 1790 года лѣса частныхъ лицъ освобождены отъ надзора и всякаго вмѣшательства казеннаго лѣсного управленія. Землевладѣльцу предоставлено право, по своему усмотрѣнію, распоряжаться принадлежащими ему лѣсами. Эта свобода распространена была и на лѣса корпорацій, декретомъ отъ 28 августа и 14 сентября 1792 года.

Во время революціи была прекращена прежняя особая юрисдикція по лѣснымъ дѣламъ,—проступки и преступленія по лѣсной части предоставлены были разбору общихъ судовъ. Въ сентябрѣ 1791 года изданъ былъ національнымъ собраніемъ законъ объ управленіи лѣсами, и было обѣщано его еще дополнить и составить инструкцію для чиновъ администраціи, а до того времени велѣно держаться прежнихъ постановленій. Однако, уже 11 марта 1792 г. явился законъ, которымъ повелѣно пріостановиться приведеніемъ въ исполненіе тѣхъ преобразованій, которыя касаются въ законѣ 1791 г. организаціи центральнаго управленія и личнаго состава администраціи. Въ силѣ осталось только причисленіе центральнаго лѣсного управленія къ главному управленію государственными имуществами и денежныхъ сборовъ (Enregistrement). Такой временной порядокъ просуществовалъ 10 лѣтъ.

Правомъ свободнаго распоряженія лѣсовладѣльцы во Франціи не долго пользовались.

Внезапная свобода, предоставленная землевладѣльцамъ, имѣла послѣдствіемъ чрезвычайныя опустошенія лѣсовъ. Почти изъ всѣхъ департаментовъ поступили отъ префектовъ донесенія объ огромномъ истребленіи лѣсовъ частными лицами и о вредномъ вліяніи этого на земледѣліе и фабричные промыслы, а когда одинъ изъ депутатовъ—Пулленъ-Граппре—прочелъ въ законодательной палатѣ, 16 вентоза VII года, отчетъ объ этихъ донесеніяхъ префектовъ съ изображеніемъ страшныхъ бѣдствій, причиненныхъ странѣ истребленіемъ лѣсовъ, то вся палата единодушно рѣшила, что для Франціи пагубна предоставленная частнымъ лицамъ свобода въ распоряженіи лѣсами.

Рѣшеніемъ этимъ воспользовался Наполеонъ I, чтобы ограничить частныхъ лѣсовладѣльцевъ въ свободномъ ихъ распоряженіи лѣсами. Консулъ утвердилъ 9 флореаля XI года законъ, по которому впредь на 25 лѣтъ запрещена всякая расчистка лѣсовъ, если на

это не послѣдуетъ напередъ разрѣшеніе консерватора. Возстановленъ также законъ droit de martelage.

Лѣса же духовные, городскіе и прочихъ корпорацій, переданы въ полное завѣдываніе казеннаго лѣсного управленія. Въ то же время и пороховые заводы получили право покупать лѣсъ, нужный имъ на уголь, предпочтительно предъ всякимъ другимъ покупщикомъ. Позже, 13 ноября 1813 года, повелѣно было, чтобы владѣльцы лѣсовъ вблизи р. Рейна не смѣли рубить свои лѣса, пока напередъ, за 3 мѣсяца, не объявятъ о томъ правительству, которому предоставлено право взять все то количество лѣсного матеріала, какое нужно для укрѣпленія береговъ рѣки.

Законъ 6 января 1801 года прекратилъ просуществовавшій 10 лѣтъ временной порядокъ. Учреждено было особое лѣсное управленіе, безъ подчиненія его главному управленію денежныхъ сборовъ.

Въ теченіе 10-ти-лѣтняго временного состава лѣсного управленія—въ этой отрасли государственнаго управленія водворилась анархія. Чины прежнихъ лѣсныхъ округовъ, съ одной стороны, зная, что за ними сохранены мѣста только временно, что преобразованія можно было ожидать съ каждымъ днемъ,—съ другой же стороны, не имѣя надъ собою прежняго строгаго контроля, стали дозволять себѣ множество отступленій, оправдываясь неясностью начерченнаго новаго порядка,—отводили лѣсосѣки въ большемъ пространствѣ, чѣмъ предназначалось, смотрѣли сквозь пальцы при рубкахъ заказчиковъ; сами директора денежныхъ сборовъ, нѣкоторымъ образомъ, подстрекали лѣсныхъ чиновъ къ истощенію лѣсовъ, требуя все большіе и большіе доходы и увеличенія смѣтъ вырубокъ. Еще одно обстоятельство поощряло усиленныя рубки. Закономъ 15 августа 1792 года опредѣленъ былъ размѣръ содержанія лѣсныхъ чиновъ, но вмѣсто того, чтобы нормировать все содержаніе опредѣленною годовою суммою,—было назначено жалованье въ маломъ размѣрѣ, а главную долю содержанія составили аксиденціи: отъ каждаго гектара сплошной рубки получали лѣсные чины 6 ливровъ, а при выборочной рубкѣ отъ каждаго проданнаго дерева по 5 су. Конечно, былъ личный интересъ рубить и продавать возможно болѣе. Учрежденное по закону 1801 г. особое лѣсное центральное управленіе въ Парижѣ состояло изъ пяти администраторовъ. Вся же Франціи раздѣлена была на 30 лѣсныхъ округовъ (Arrondissements. Тогда къ Франціи принадлежала и вся Бельгія и Нидерланды). Каждый округъ былъ ввѣренъ *консерватору*. При послѣднихъ состояли инспектора и подъинспектора. Эти должности заняли, большею частью, лица не знакомыя съ лѣсною службою. На эти мѣста смотрѣли, страннымъ образомъ, какъ будто онѣ пенсіонныя должности; ихъ и замѣстили заслуженными отставными дивизіонными и бригадными генералами, и только меньшею частью прежними лѣсными чинами, да и изъ послѣднихъ выбирали не тѣхъ, которые наиболѣе опытны, свѣдущи и честны, а по ихъ политическимъ оттѣнкамъ. Конечно, такой личный составъ

чиновъ не могъ успѣшно противодѣйствовать разоренію лѣсовъ и улучшать состояніе ихъ.

Центральное управленіе было одушевлено лучшими намѣреніями, оно безъ устали трудилось надъ выработкою инструкцій всѣмъ должностнымъ лицамъ, надъ введеніемъ правильной отчетности, надъ устройствомъ контроля,—и дѣйствительно достигло исправности во внѣшнемъ канцелярскомъ порядкѣ, но дѣйствительнаго контроля въ лѣсахъ, улучшенія насажденій, обновленія лѣсосѣкъ, — такая администрація достигнуть не могла. Все шло хорошо бумажнымъ путемъ, а въ лѣсахъ продолжались безпорядки и разрастались злоупотребленія. Многіе консерваторы, инспектора и подъинспектора были люди очень старые: одни вовсе не ѣздили на ревизію, другіе повѣряли только канцеляріи, но въ лѣсъ не шли. Правительство думало поправить дѣло и назначило въ каждой консерваціи изъ числа находящихся тамъ инспекторовъ по одному старшему инспектору (inspecteur principal), который долженъ былъ наблюдать за своими товарищами,—но и это не помогло.

Императоръ Наполеонъ I полагалъ, что безпорядки прекратятся назначеніемъ особаго генералъ-директора лѣсовъ. Генералъ-директоръ былъ докладчикомъ императора и засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ. Въ помощь къ нему назначены для ревизій 12 генеральныхъ инспекторовъ. Въ генералъ-директоры избранъ одинъ изъ прежнихъ администраторовъ (Berger, декретомъ 1806 г.), но это возбудило зависть и неудовольствіе между его недавними товарищами.

Среди центральнаго управленія возникло несогласіе, столь вредное для хода административныхъ дѣлъ. Генералъ-директоръ, видя со стороны товарищей противудѣйствіе и неблагорасположеніе, кончилъ тѣмъ, что ограничилъ кругъ власти ихъ, сдѣлалъ ихъ безгласными въ рѣшеніяхъ и низвелъ до простыхъ исполнителей его воли.

Генеральные инспектора, на первыхъ порахъ, навели страхъ на мѣстныхъ лѣсныхъ чиновъ. Открыто было много упущеній по службѣ, много и злоупотребленій,—что дало центральному управленію возможность ввести нѣкоторый порядокъ. Но скоро усердіе дирекціи ослабѣло. Генералъ-директоръ захотѣлъ лично, до мелочей, пересматривать всѣ донесенія. Несмотря на его неутомимую дѣятельность, онъ все-таки не успѣвалъ столь быстро оканчивать пересмотръ донесеній, какъ они поступали, — дѣла накоплялись, задерживались, а такое замедленіе охлаждало ревность генеральныхъ инспекторовъ, тѣмъ болѣе, что контроль надъ ними былъ недостаточенъ.

Въ это время, въ 1814 г., послѣдовало вторженіе союзныхъ войскъ во Францію. Лѣсные чины взяты были съ своихъ мѣстъ для образованія внутренняго ополченія, лѣса остались безъ присмотра и въ нихъ мѣстное населеніе произвело сильное истребленіе. Позже трудно было скоро возстановить порядокъ, тѣмъ болѣе трудно, что

политическій переворотъ навелъ страхъ на лѣсныхъ чиновъ, опасавшихся гоненій за приверженность къ династіи Наполеона. Никто не считалъ занимаемое мѣсто прочнымъ.

Ордонансъ 27 января 1817 года возстановилъ прежнее центральное управленіе; но три мѣсяца спустя, 17 мая 1817 года, лѣсное управленіе передано было министерству финансовъ.

Подчиненіе лѣсной части вновь министерству финансовъ, въ то время, когда для пополненія опустѣвшихъ кассъ казначества вышибали копѣйку изъ чего только можно было, составляло крупную ошибку.

Министерство финансовъ смотрѣло на лѣса главнѣйшимъ образомъ, какъ на *источникъ доходовъ;* забота этого вѣдомства состояла не столько въ приведеніи лѣсовъ въ лучшее состояніе, сколько въ томъ, чтобы съ возможно малыми издержками выручить поболѣе доходовъ.

За отдѣленіемъ отъ Франціи Бельгіи и Нидерландовъ образованы были вмѣсто прежнихъ 30 только 28 лѣсныхъ округовъ; но консерваторовъ назначили только въ 6 округовъ, наиболѣе лѣсистыхъ; прочіе поручены были директорамъ центральнаго управленія.

Генералъ-директоръ въ министерствѣ финансовъ, по отдѣлу денежныхъ сборовъ (Barairon), не сумѣлъ отнестись благосклонно къ лѣснымъ чинамъ, которые упали духомъ.

Докладчикомъ по лѣснымъ дѣламъ въ министерствѣ назначенъ былъ Chauvet, но онъ въ министерствѣ финансовъ не пользовался довѣріемъ.

Лѣсные округа были слишкомъ велики, чтобы одинъ консерваторъ могъ въ нихъ справляться. Безпорядки въ лѣсахъ увеличились.

Но о благѣ лѣсовъ въ министерствѣ и не думали; требовали лишь поболѣе доходовъ, поэтому рубили, сколько можно было продать лѣсного матеріала, и отчуждали лѣса въ частныя руки.

Прошли 3 года такого безхозяйственнаго управленія лѣсами; тогда одинъ изъ крупныхъ лѣсовладѣльцевъ, членъ палаты депутатовъ, графъ Roy, назначенъ былъ министромъ финансовъ. Онъ понялъ невозможность оставить лѣсное управленіе въ такомъ министерствѣ, цѣль котораго составляла исключительно извлеченіе дохода, а не сбереженіе лѣсовъ.

По докладу его—вновь организовано въ 1820 г. 11 октября особое лѣсное управленіе, не подчиненное какому либо министерству. Организація основана на началахъ декрета 1801 года, но только съ тремя администраторами, однимъ генеральнымъ секретаремъ и четырьмя генеральными инспекторами.

Графъ Roy, чтобы провести задуманное преобразованіе лѣсного управленія въ палатѣ депутатовъ, счелъ нужнымъ проектировать бюджетъ въ размѣрахъ крайне бережливыхъ. Франція была раздѣлена на 20 лѣсныхъ округовъ, и эти округа, по степени важности въ нихъ лѣсовъ, сгруппированы были въ четыре класса.

Въ 12 округахъ назначены были въ каждый по одному консер-

ватору, а въ 8 округахъ—вмѣсто консерваторовъ завѣдывали округами старшіе инспектора.

Этотъ составъ лѣсного управленія принялся весьма энергично за работу,—начальство умѣло внушить къ себѣ уваженіе въ подчиненныхъ. Составлены были подробныя служебныя инструкціи, принялись за обмежеваніе лѣсовъ, за осушку болотъ. Упущенія по службѣ и злоупотребленія строго преслѣдовались.

Вмѣстѣ съ тѣмъ признано было нужнымъ открыть лѣсное учебное заведеніе, для замѣщенія должностей по лѣсной части людьми, спеціально для этого подготовленными. До тѣхъ поръ такого заведенія во Франціи не было, а ѣздили учиться лѣсоводству въ Германію, конечно, весьма немногіе. Въ 1824 году 28 августа было учреждено въ Нанси высшее лѣсное училище. Парадъ, учившійся въ Германіи, назначенъ директоромъ. Съ 1855 года требованія отъ поступающихъ въ лѣсную школу Нанси возвышены до требованій высшихъ политехническихъ школъ.

Такъ какъ, начиная съ 1789 года, издано было весьма много законодательныхъ постановленій, измѣнявшихъ и дополнявшихъ во многомъ ордонансъ 1669 г., притомъ часто разъ отмѣняемое правило позже опять возстановлялось въ силѣ, такъ что трудно было оріентироваться въ лабиринтѣ запутаннаго законодательства и лѣсничіе часто не знали, что законно и что нѣтъ, то въ 1823 г. поручено было центральному лѣсному управленію выработать полный проектъ Code forestier.

Проектъ этотъ изготовленъ былъ *Бодрильяромъ*, однимъ изъ начальниковъ отдѣленій въ центральномъ управленіи.

Послѣ этотъ проектъ переданъ на просмотръ особой комиссіи: Bertin-Devaur, Fréville, Fumeron d'Ardeuil и Marcotte.

Проектъ былъ оконченъ какъ разъ къ тому времени, когда явился ордонансъ 26 августа 1824 г., которымъ назначенъ былъ особый генеральный директоръ, de-Berthier, человѣкъ вліятельный и умный.

Проектъ Code forestier переданъ на обсужденіе кассаціонной палаты, съ замѣтками которой вновь пересмотрѣнъ и исправленъ въ центральномъ лѣсномъ управленіи, и затѣмъ внесенъ въ палату депутатовъ, гдѣ послѣ долгихъ дебатовъ наконецъ утвержденъ 21 мая и 31 іюля 1827 г. опубликованъ.

Въ проектѣ французскаго лѣсного устава надо обратить вниманіе на одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое ранѣе не встрѣчалось ни въ одномъ изъ законоположеній другихъ государствъ. Въ Code forestier сдѣлано строгое различіе между значеніемъ закона и инструкціи (ordonnance). Въ законъ внесены только тѣ постановленія, которыя вообще касаются до всѣхъ лѣсовъ и до предѣла правъ, сопряженныхъ съ лѣсовладѣніемъ, наказаній за лѣсныя преступленія, ограниченія въ свободномъ пользованіи, требуемыя отъ лѣсовладѣльцевъ, и отношенія ихъ къ казенному лѣсному упра-

вленію. Хозяйственныя же и административныя мѣры всякаго рода, возлагаемыя на чиновъ лѣсного управленія, долженствующія измѣняться, какъ по мѣстностямъ, такъ и по времени, признано было нужнымъ отдѣлить отъ закона, такъ какъ мѣры эти составляютъ предметъ инструкцій (ордонанса). И поэтому, вслѣдъ за опубликованіемъ Code forestier, послѣдовало изданіе, 1 августа 1827 г., особой исполнительной инструкціи.

Въ Code forestier, въ ст. 1, постановлено: «Надзору правительства (au régime forestier) подчиняются и на основаніи настоящаго закона управляются слѣдующіе лѣса:

1. Составляющіе государственное имущество.

2. Принадлежащіе къ имуществу короны.

3. Принадлежащіе къ имѣніямъ удѣльнымъ и къ маіоратнымъ имѣніямъ, возвращающимся въ казну по прекращеніи мужской линіи наслѣдниковъ.

4. Принадлежащіе общинамъ или секціямъ общинъ.

5. Принадлежащіе общественнымъ учрежденіямъ.

6. Принадлежащіе къ имѣніямъ, состоящимъ въ общемъ владѣніи, когда, вмѣстѣ съ частными лицами, имѣютъ участіе въ вотчинномъ правѣ государство, казна, общины или общественныя учрежденія.

По ст. 90, лѣса низкоствольные, средніе и высокоствольные (les bois taillis ou futaies), принадлежащіе общинамъ и общественнымъ учрежденіямъ, подчиняются надзору правительства, по ст. 1 этого закона, когда они объявлены пригодными для введенія въ нихъ правильнаго хозяйства и пользованія.

Поэтому въ этихъ лѣсахъ примѣняются всѣ постановленія, существующія для веденія хозяйства въ государственныхъ лѣсахъ, если въ законѣ не поименованы допускаемыя отступленія, какъ, напр., обязательство, ранѣе какихъ-либо рѣшеній, выслушивать мнѣнія (avis) членовъ совѣта общины относительно образа веденія хозяйства и всякаго предполагаемаго измѣненія въ хозяйствѣ.

Въ ст. 219 постановлено было, что въ теченіе 20 лѣтъ, со дня изданія настоящаго закона, частный лѣсовладѣлецъ не имѣетъ права расчищать свой лѣсъ, безъ особаго на то разрѣшенія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, — и долженъ просить дозволеніе на расчистку за 6 мѣсяцевъ напередъ *).

Въ ст. 221—назначенъ штрафъ за нарушеніе предыдущаго правила: уплата не менѣе 500 и не болѣе 1,500 франковъ за каждый расчищенный гектаръ и обязательство развести, не далѣе какъ въ трехлѣтній срокъ, на расчищенномъ мѣстѣ новый лѣсъ (rétablir les lieux défrichés en nature de bois).

*) Впослѣдствіи, по истеченіи 20-ти-лѣтняго срока, въ 1847 году, продлили дѣйствіе этого закона еще на 3 года, а потомъ и еще, пока вышелъ законъ по этой статьѣ, въ окончательной редакціи, въ 1859 году,—о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Все лѣсное вѣдомство было полно надеждъ, что наконецъ въ лѣсахъ установится порядокъ. Но, увы, революція 1830 года разметала эти надежды какъ дымъ.

Новые дѣятели принялись за сокращеніе расходовъ, и въ этихъ видахъ переименовали генералъ-директора лѣсовъ въ директора, а администраторовъ назвали помощниками директора или вице-директорами; съ измѣненіемъ титуловъ, уменьшили и содержаніе ихъ, и не только ихъ, а уменьшеніе содержанія распространено было и на всѣхъ прочихъ лѣсныхъ чиновъ.

Далѣе, многихъ изъ лицъ прежняго состава лѣсного управленія уволили, подозрѣвая, что они въ политическомъ отношеніи не надежны, что они, по выраженіямъ тогдашняго времени, карлисты или легитимисты. Взамѣнъ уволенныхъ, на занятіе вакантныхъ мѣстъ заявили претензіи прежніе осужденные по политическимъ дѣламъ, или лица, дѣйствовавшія на уличныхъ баррикадахъ и думавшія, что они этимъ стяжали себѣ право на обезпеченіе ихъ быта службою въ лѣсахъ.

Такія лица являлись толпами съ прошеніемъ на мѣста, — имъ надо бы было сразу отказать въ мѣстахъ, не соотвѣтствующихъ ихъ знаніямъ, — но соображенія особаго свойства нерѣдко побуждали центральное управленіе принимать въ лѣсную службу по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ искателей мѣстъ.

Два года длилась такая неурядица; послѣ того казалось, что порядокъ опять можетъ быть водворенъ, но тутъ личный взглядъ тогдашняго министра барона Louis повергъ опять лѣсное вѣдомство въ бѣдственное положеніе. Онъ не признавалъ надобности удерживать лѣса въ казенномъ управленіи, не считалъ вообще задачею правительства заботиться о цѣлости лѣсовъ, а напротивъ, былъ сторонникомъ продажи лѣсовъ въ частныя руки и принципа увеличенія по возможности доходовъ изъ лѣсовъ, хотя бы въ ущербъ ихъ цѣлости и сохранности.

При такихъ убѣжденіяхъ, министръ, конечно, старался уменьшить до крайнихъ предѣловъ *расходы* на лѣсное управленіе, не взирая на протесты администраторовъ центральнаго лѣсного управленія.

Проектъ новаго положенія внесенъ былъ въ палату депутатовъ; предполагалось число консерваторовъ увеличить до 40 человѣкъ, а взамѣнъ того упразднить состоящихъ при нихъ инспекторовъ. Общій итогъ годового бюджета не измѣнялся, но надѣялись, что при новомъ преобразованіи чины усерднѣе займутся продажею лѣса.

Палата депутатовъ однако не утвердила этого проекта, найдя, что число консерваторовъ должно остаться прежнее (20 человѣкъ), упраздненіе же инспекторовъ одобрила, а освободившуюся отъ остальныхъ 20 консерваторовъ сумму 137,000 франковъ не разрѣшила къ отпуску.

Пришлось уменьшать размѣръ содержанія у всѣхъ лѣсныхъ чиновъ, уже безъ того недостаточный.

Къ счастію, вскорѣ произошла перемѣна министровъ. Финансы достались въ руки Humann'a, который иначе понималъ интересы лѣсной части.

Онъ уже въ 1833 году успѣлъ выпросить у палаты депутатовъ небольшой дополнительный кредитъ.

Въ 1836 году назначенъ былъ новый генералъ-директоръ лѣсовъ, который имѣлъ вліяніе и политическое значеніе въ палатѣ. Онъ тотчасъ достигъ прибавки содержанія всѣмъ лѣснымъ чинамъ, и поставилъ ихъ въ необходимое обезпеченное положеніе.

Въ послѣдующія 10 лѣтъ, подъ вліяніемъ одинаковыхъ, не измѣнявшихся во все это время, взглядовъ центральнаго лѣсного управленія и постепеннаго увеличиванія его средствъ по государственному бюджету, удалось водворить нѣкоторый порядокъ въ лѣсной администраціи. Въ составъ лѣсныхъ чиновъ вошло уже много людей, окончившихъ курсъ въ лѣсной академіи въ Нанси; на мѣста консерваторовъ и инспекторовъ, строгимъ выборомъ, назначили достойныхъ служакъ, хорошо знакомыхъ съ лѣсною службою и знавшихъ всѣ ея слабыя стороны. Самоволія уменьшились значительно, выборъ мѣстъ для рубокъ производился тщательно, молодой подростъ вездѣ ограждался отъ потравы скотомъ, торги происходили правильно,— на лѣсосѣкахъ оставляли установленные закономъ сѣменники,—вырубали площади не свыше дозволеннаго размѣра. При такихъ условіяхъ, состояніе французскихъ лѣсовъ, въ особенности лиственныхъ, быстро исправлялось, тѣмъ болѣе, что въ частныхъ лѣсахъ, въ теченіе предшествующихъ трехъ вѣковъ, постепенно уже дошли до короткихъ оборотовъ рубки: преимущественно были у частныхъ лицъ низкоствольники; въ лѣсахъ же общественныхъ и принадлежащихъ разнымъ корпораціямъ было, кромѣ низкоствольныхъ, также много среднихъ лѣсовъ, а очень мало высокоствольныхъ. Въ однихъ казенныхъ, коронныхъ и удѣльныхъ лѣсахъ существовало преимущественно высокоствольное хозяйство, хотя и тамъ отчасти были дачи и среднія, и низкоствольныя.

Съ однимъ только лѣсное управленіе еще не могло вполнѣ справляться, именно съ продолжавшимися, преимущественно въ частныхъ лѣсахъ, расчистками. На это недоставало сторожей.

Возобновленіе въ низкоствольныхъ и среднихъ лѣсахъ, конечно, шло успѣшно, какъ только была прекращена пастьба скота на лѣсосѣкахъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ ихъ срубки. Но въ высокоствольныхъ лѣсахъ часто возобновленіе оказывалось неуспѣшнымъ, а искусственное разведеніе производилось лишь на небольшихъ площадяхъ,—на этотъ предметъ открывался по бюджету малый кредитъ.

Французскіе лѣсничіе понимали причину частаго неуспѣха возобновленія высокоствольныхъ лѣсовъ, но они находились въ затруднительномъ положеніи; ихъ осудило бы общественное мнѣніе, когда бы они приступили къ радикальному устраненію причинъ неудачнаго

возобновленія. Объяснимъ это и приведемъ факты изъ исторіи Франціи.

Во Франціи, какъ мы уже сообщали выше, много столѣтій ранѣе нашего вѣка, было узаконено, а новѣйшимъ Code forestier подтверждено, чтобы въ лѣсахъ вырубку производить сплошными лѣсосѣками, съ оставленіемъ на вторичный оборотъ нѣкотораго числа резервныхъ деревъ (les coupes à tire et aire par contenance et balivage). Измѣнить этотъ порядокъ, къ которому всѣ привыкли, чрезвычайно трудно, и тамъ еще труднѣе, гдѣ продажа лѣса производится на корнѣ, а не въ заготовленномъ самимъ владѣльцемъ видѣ.

Во Франціи уже въ 1580 году Tristan de-Rostaing, начальникъ водъ и лѣсовъ, указывалъ на вредныя послѣдствія подобной сплошной рубки; противъ нея возставали также Бюффонъ, Реомюръ, Дюгамель, Варіенъ-Феноль, но не могли повліять на измѣненіе давно установившагося порядка, вслѣдствіе удобствъ контроля и кажущейся обезпеченности постояннаго пользованія лѣсами, когда къ вырубкѣ назначаютъ всегда равныя площади. Между тѣмъ вредныя послѣдствія менѣе очевидны: невозможность сохранить порядокъ вырубки лѣсосѣкъ, зарастаніе лѣсосѣкъ не тѣми породами, какія желательны; часто совершенное отсутствіе древесныхъ всходовъ, вслѣдствіе покрытія почвы сорными травами или высыханія почвы, и невозможность пользоваться каждымъ отдѣльнымъ деревомъ въ то время, когда оно наиболѣе пригодно.

Французы, посѣщавшіе и изучавшіе лѣсное хозяйство Германіи, находили тамъ превосходный порядокъ, отличныя молодыя насажденія, видѣли производство проходныхъ рубокъ и обновленіе сѣменными лѣсосѣками, постепеннымъ изрѣживаніемъ насажденій, а не такъ, какъ во Франціи, гдѣ вырубали сплошь, оставляя только нѣсколько деревъ; эти-то французы стали у себя дома проповѣдывать о пользѣ проходныхъ рубокъ и о замѣнѣ сплошныхъ лѣсосѣкъ постепенно изрѣживаемыми сѣменными лѣсосѣками. Они называли порядокъ хозяйства «нѣмецкимъ» въ противуположность къ «французскому». Положимъ, что вернувшіеся изъ Германіи французы нѣсколько и увлекались, когда они «нѣмецкую систему» (exploitations par éclaircies) возводили въ универсальное средство къ поправленію состоянія своихъ лѣсовъ. Но все-таки въ ихъ увлеченіяхъ была значительная доля правды.

Пріемы такой нѣмецкой системы, особенно на первыхъ порахъ, проходныя рубки введены были, прежде всего, въ удѣльныхъ лѣсахъ Франціи, но подверглись сильнымъ нападкамъ.

Въ палатѣ депутатовъ упрекъ удѣльному вѣдомству сдѣлалъ депутатъ Lherbette, котораго поддерживалъ Barrot. Обвинитель говорилъ, что удѣльное вѣдомство нашло въ проходныхъ рубкахъ средство незамѣтнымъ образомъ увеличить до чрезвычайности доходъ, во вредъ потомству, которому достанутся изрѣженные лѣса,

да и совершаются такія изрѣживанія въ противность закону, разрѣшающему исключительно сплошныя рубки.

Въ палатѣ перовъ сдѣлалъ тотъ же упрекъ de-Boissy. Интендантъ королевскихъ имѣній, графъ de-Montalivet, въ блестящей рѣчи опровергъ эти упреки, разъяснивъ, что проходныя рубки необходимы для выращиванія хорошихъ высокоствольныхъ насажденій. Этотъ инцидентъ достаточно обнаруживаетъ, какъ бы напали во Франціи на тамошнее казенное лѣсное управленіе, если бы оно вздумало во всѣхъ лѣсахъ начать проходныя и для успѣховъ возобновленія постепенныя рубки, взамѣнъ сплошныхъ, не подготовивъ постепенно къ такому новшеству французское общество. Теперь Франція, конечно, привыкла уже къ подобнымъ рубкамъ,—онѣ были мало-по-малу введены.

Въ 1847 году, лѣсное вѣдомство во Франціи, съ удовольствіемъ и гордостью, могло оглянуться на достигнутые имъ въ послѣднія 10 лѣтъ успѣхи, и оно питало полныя надежды, что получитъ средства къ еще лучшему веденію лѣсного хозяйства. Но совершился новый государственный переворотъ. Составъ начальствующихъ лицъ перемѣнился. Директоромъ лѣсовъ назначенъ былъ хотя и свѣдущій человѣкъ, кончившій курсъ въ Нанси, но человѣкъ безъ вліянія и безъ политическаго положенія, такъ что при всемъ его усердіи и знаніяхъ, всѣ предвидѣли, что онъ развѣ что кое-какъ поддержитъ установившійся внутренній административный порядокъ, но не въ силахъ будетъ существенно улучшить лѣсную часть, такъ какъ для этого нужно добиться денегъ, а человѣку безъ всякихъ связей едва-ли это возможно.

Предчувствіе сбылось. На слѣдующій годъ кредитъ лѣсному вѣдомству былъ уменьшенъ на 303,000 франковъ. Лѣсные чины упали духомъ. Конечно, первые года прошли въ тревогѣ и будущность не вдругъ выяснилась; президентамъ республики Кавеньяку и въ первые годы Луи-Наполеону не было возможности обратить особое вниманіе на лѣсную часть, она оставалась на прежнемъ положеніи, явилась только новая печаль, что президентъ Луи-Наполеонъ въ финансовомъ законѣ 7 августа 1850 года опять уполномочилъ министра финансовъ продать въ теченіе трехъ лѣтъ государственныхъ лѣсовъ на сумму 50 милліоновъ франковъ. Однако, скоро успокоились; обнаружилось, что президентъ республики весьма внимательно отнесся къ состоянію лѣсной части,—кредитъ на многія лѣсохозяйственныя мѣры по бюджету возвышенъ, а впослѣдствіи постоянно кредитъ увеличивался, и содержаніе лѣсныхъ чиновъ позже было улучшено. Декретомъ 25 марта 1852 г. расширена власть мѣстнаго управленія. Приступлено къ учрежденію лѣсоустроительныхъ комиссій. Такихъ комиссій учреждено пять: въ Виллеръ-Котере, Фонтенебло, Компіеннѣ, Орлеанѣ и Версалѣ. Носились уже въ 1852 г. слухи, что задумано измѣнить весьма тягостный судебный порядокъ по самовольнымъ порубкамъ въ частныхъ лѣсахъ,— но слухи эти

оправдались много лѣтъ позже. Дѣло въ томъ, что самовольныя порубки въ казенныхъ лѣсахъ подлежали разбору въ ближайшей магистратурной полиціи, а порубки въ частныхъ лѣсахъ должны были разбираться въ судахъ, часто довольно отдаленныхъ. Притомъ частный лѣсовладѣлецъ, обращаясь къ суду, долженъ былъ платить гербовый сборъ, пошлину за внесеніе заявленія о самовольной порубкѣ въ регистры и пошлину на приглашеніе виновнаго къ суду, а когда виновный приговаривался судомъ къ тюремному заключенію, то лѣсовладѣлецъ долженъ былъ внести плату на содержаніе виновнаго въ тюрьмѣ. Такимъ образомъ, судебное преслѣдованіе обходилось дорого, а о возвратѣ всѣхъ издержекъ нечего было и думать, ибо почти всѣ самовольные порубщики бывали несостоятельными.

Во Франціи давно уже было оцѣнено важное значеніе сохраненія лѣсовъ на горахъ и возвышенностяхъ, для урегулированія уровня воды въ рѣкахъ, для защиты жителей равнинъ и долинъ отъ наводненій и обваловъ горъ, но, несмотря на это, горные лѣса опустошались все больше и больше. Усиленными рубками и непомѣрной пастьбой скота многіе лѣса превращались сперва въ кустарники, а затѣмъ и совсѣмъ исчезали,—оставались кое-гдѣ единичныя старыя деревья и мѣстность принимала характерный видъ горныхъ выгоновъ, которые, отъ вытаптыванія скотомъ, въ чрезмѣрномъ количествѣ загоняемымъ, изъ года въ годъ тощали, превращаясь въ пустыри. Надо было охранить горы отъ такихъ бѣдствій, и признали, что для этой цѣли приходится дѣйствовать путемъ облѣсенія и устройства искусственныхъ сооруженій для предотвращенія разрушительнаго вліянія потоковъ водъ. Первый декретъ былъ изданъ 23 іюля 1805 года относительно укрѣпленія ложа горныхъ ручьевъ въ департаментѣ Hautes Alpes; декретъ этотъ распространенъ 16-го сентября 1806 года на департаменты Basses Alpes и de la Drôme. Но къ дѣлу не приступали энергично,—наблюденіе было слабое.

Въ 1850 году, по порученію министра земледѣлія и торговли, командированъ былъ членъ французскаго института, знаменитый Адольфъ Броньяръ, въ департаментъ Puy de Dome и въ Sologne, между Луарой и Шерой, въ южной части департамента Loiret, чтобы изслѣдовать, какими мѣрами улучшить тамъ пользованіе землею: осушками, орошеніями, устройствомъ искусственныхъ луговъ, разведеніемъ лѣсовъ. Броньяръ представилъ отчетъ, изъ котораго видно, что поземельная рента, въ осмотрѣнныхъ имъ мѣстностяхъ, можетъ быть въ теченіе 20 до 30 лѣтъ возвышена съ нынѣшнихъ 3.900,000 франковъ до 13.800,000 франковъ, если на улучшеніе земли употребить 55 милліоновъ франковъ. Въ отчетѣ содержатся весьма интересныя свѣдѣнія о произведенномъ уже давно значительномъ лѣсоразведеніи. Культура приморской сосны (Pinus pinaster) тамъ начата уже съ 1780 года и доставляетъ отъ подсочекъ большой доходъ. Мы ранѣе не упоминали, что въ концѣ прошлаго столѣтія на пескахъ Ландовъ (Landes), около Бордо, гдѣ находились массы дви-

жущагося песка, заносившаго сосѣднія плодородныя земли, разведена была инженеромъ *Бремонтье* приморская сосна. Онъ разводилъ ее посадкою, послѣ же ее стали разводить посѣвомъ сѣмянъ. Для этого по поверхности песковъ втыкаютъ вѣтви сосны въ такомъ расположеніи, какъ производится посадка самъ-пятъ. Между вѣтвями высѣваютъ сплошь сѣмена и прикрываютъ ихъ, проходя граблями. Этотъ пріемъ тамъ называютъ «Semis avec aigrettes». Расходъ на одну десятину составляетъ на наши деньги около 17 рублей. Начиная съ 20-ти-лѣтняго возраста, сосну тамъ уже начинаютъ подсочивать для полученія живицы. Наибольшее количество живицы получается съ деревъ въ возрастѣ отъ 30 до 80 лѣтъ. Сообщаютъ, что нынѣ тамъ получаютъ среднимъ счетомъ съ 1 гектара по 34 пуда живицы, а цѣна одного пуда отъ 80 коп. до 1 рубля, слѣдовательно, съ одного гектара валовой доходъ отъ 27 до 34 рублей. Отчетъ Броньяра напечатанъ въ апрѣльской и майской тетрадяхъ «Annales forestières», 1852 г. Послѣ того, въ апрѣлѣ 1852 г. объѣзжалъ эти мѣста самъ принцъ-президентъ, въ сопровожденіи Броньяра и другихъ знатныхъ особъ, чтобы лично удостовѣриться на мѣстѣ въ нуждахъ страны. Этотъ объѣздъ Луи-Наполеона имѣлъ чрезвычайно важныя и благодѣтельныя послѣдствія.

Въ гористыхъ мѣстностяхъ Франціи съ давняго времени неразсчетливою вырубкою лѣсовъ и производившеюся непрерывною пастьбою очень много горныхъ хребтовъ и горныхъ скатовъ обращено въ непроизводительные пустыри, на которыхъ не осталось даже скуднаго травянистаго покрова. Эти пустынныя площади, ранѣе 1789 года, большею частью, принадлежали къ составу дворянскихъ имѣній и имуществъ духовенства, и были только обременены сервитутными правами, преимущественно правомъ выгона скота сосѣднихъ сельскихъ общинъ.

Во время революціи, въ концѣ прошлаго вѣка, эти площади перешли во владѣніе сельскихъ общинъ и ихъ частью разверстали между домохозяевами, а частью зачислили въ общее владѣніе коммунъ, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ ими пользовались для пастьбы скота, нисколько не заботясь о поддержаніи сохранившагося кое-гдѣ истощеннаго лѣса. Такое долголѣтнее, беззаботное пользованіе этими площадями обратило ихъ въ безплодные пустыри, которые съ каждымъ годомъ становились опаснѣе для мѣстностей, расположенныхъ ниже. Во время грозъ и продолжительныхъ дождей, равно во время таянія снѣговъ, вода, не задерживаемая прежними лѣсами и травянымъ дерномъ, съ быстротою стекала со всѣхъ сторонъ по покатостямъ, скоплялась на время въ углубленныхъ ранѣе рытвинахъ, чтобы послѣ съ большею еще силою устремиться книзу, увлекая потокомъ по пути все встрѣчаемое: землю, камни, даже большія скалы; вырывала новые овраги, затопляла долины и засыпала поля снесеннымъ съ горъ соромъ. Въ послѣдніе годы особенно часто повторялись бѣдствія отъ наводненій. Этимъ

опасностямъ надо было положить конецъ, и по возвращенiи принца-президента республики приступили къ разработкѣ тѣхъ мѣръ, какiя нужны для этого.

Разработанный вслѣдствiе того законъ объ облѣсенiи горъ (Reboisement) вышелъ только 28 iюля 1860 года.

Сущность закона 1860 года состоитъ въ слѣдующемъ: для облѣсенiя на горахъ пустырей, правительство оказываетъ землевладѣльцамъ пособiе и льготы отпускомъ сѣмянъ, саженцевъ, а также выдачею заимообразно отъ казны денегъ; если же самъ землевладѣлецъ не захочетъ произвести работы по лѣсоразведенiю, гдѣ это признано будетъ необходимымъ, то таковыя работы производятся принудительно на счетъ владѣльца. Когда самъ владѣлецъ согласится исполнить работы, то онѣ называются добровольными, а когда ихъ производитъ правительство на счетъ собственника земли—принудительными. Въ послѣднемъ случаѣ правительство, приступая къ работамъ, принимаетъ въ свое вѣдѣнiе участокъ земли, на которомъ назначено облѣсенiе, съ предоставленiемъ владѣльцу права получить участокъ обратно, по уплатѣ имъ казнѣ затраченныхъ на лѣсоразведенiе расходовъ, съ начетомъ процентовъ,—или же владѣлецъ можетъ получить обратно безвозмездно половину всего участка, а другая половина тогда передается въ собственность казны.

Къ исполненiю закона тотчасъ приступили чрезвычайно энергично. Общественное мнѣнiе отнеслось къ закону очень сочувственно. Кромѣ пособiй отъ казны, стали выдавать ссуды также генеральные совѣты департаментовъ. Руководили работами лѣсные чины. Уже къ 1864 году вновь разведено было лѣсу на 28,890 гектарахъ. Со стороны правительства занялись дѣятельно сборомъ нужныхъ сѣмянъ и устроили питомники для снабженiя саженцами. Почти всѣ работы вначалѣ были такъ-называемыя добровольныя. Когда же пришлось взяться за принудительныя, то встрѣтили нѣкоторое затрудненiе. Жители противились,—они не хотѣли и часть своей земли уступить подъ разведенiе лѣса,—утверждали, что имъ нужно для скота сохранить всю площадь бывшихъ выгоновъ. Отчасти сопротивленiе происходило отъ того, что между населенiемъ пущенъ былъ слухъ, что правительство намѣрено понемногу отнять всю землю, чтобы запустить ее подъ лѣсъ и не допускать туда выгонъ скота,—а скотоводство составляло единственное занятiе тамошняго населенiя. Правительство нашло, что надо принять въ соображенiе тяжкое положенiе мѣстныхъ жителей, да и не слѣдуетъ крутыми мѣрами, съ самаго начала, возбудить крестьянъ противъ всякихъ мѣръ улучшенiя ихъ быта. Это подало поводъ къ нѣкоторому видоизмѣненiю закона 1860 года. Нашли, что во многихъ мѣстахъ, на горахъ, будетъ достаточнымъ для укрѣпленiя ихъ поверхности, вмѣсто разведенiя лѣса, образовать плотный дерновый покровъ. Къ осуществленiю этой мысли направлены были мѣстныя изслѣдованiя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принявъ во вниманiе, что беднѣйшiя сельскiя общества под-

вергнутся крайней нищетѣ, когда имъ запретятъ пасти скотъ даже на части ихъ прежнихъ выгоновъ, хотя бы и временно, а потому и рѣшились такимъ обществамъ выдавать вспомоществованія. Вслѣдствіе того и изданъ второй, дополнительный, законъ 8 іюня 1864 г. объ одерненіи горъ (Gazonnement), а кромѣ того, императоръ въ декретѣ 10 ноября 1864 года издалъ инструкцію для исполненія обоихъ законовъ 1860 и 1864 годовъ, а генеральная дирекція лѣсовъ разослала циркулярно консерваторамъ разъясненіе по этому предмету, съ формами для взятія расписокъ отъ получающихъ субсидіи.

Въ этомъ послѣднемъ законѣ постановлено, что не всѣ площади на горахъ подлежатъ обязательному облѣсенію, но что владѣльцы, не желающіе добровольно развести лѣсъ, могутъ ходатайствовать, чтобы на указанныхъ ими мѣстахъ, взамѣнъ разведенія лѣса, былъ образованъ травяной дернъ. Если затѣмъ лѣснымъ вѣдомствомъ найдено будетъ возможнымъ, на указанныхъ мѣстахъ, удовлетворить поступившее ходатайство, то оно и приводится въ исполненіе, а если со стороны лѣсныхъ чиновъ признано будетъ невозможнымъ удовлетворить просьбу, то вопросъ этотъ рѣшается префектомъ, но за землевладѣльцемъ сохраняется право и послѣ того принести жалобу министру, который уже окончательно рѣшаетъ вопросъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разведена будетъ казною трава, а не лѣсъ, землевладѣльцамъ предоставлено право получить обратно весь участокъ, по уплатѣ употребленныхъ правительствомъ расходовъ, съ процентами, или же уступить въ полную собственность государства одну четвертую часть площади изъ всего участка, а получить обратно въ свое владѣніе безъ всякой платы остальныя $^3/_4$.

Кромѣ двухъ упомянутыхъ законовъ, императоръ Наполеонъ III издалъ въ декретѣ 10 ноября 1864 года еще правила для исполненія сихъ двухъ законовъ.

Въ правилахъ указанъ порядокъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать на участкахъ добровольно разводимаго лѣса или травы, и на участкахъ, гдѣ работы предстоятъ принудительныя; какіе сроки назначаются землевладѣльцамъ для заявленія о производствѣ работъ добровольно, о размѣрѣ просимыхъ ссудъ; порядокъ выдачи пособій и ссудъ; наблюденіе за употребленіемъ выданныхъ пособій; какъ поступать, если сами землевладѣльцы въ срокъ не исполнятъ работъ или будутъ исполнять ихъ неудовлетворительно. Указаны чины, обязанные присутствовать при снятіи на планъ участковъ и при составленіи смѣтъ работамъ, равно указано и участіе, какое принимаютъ въ этомъ дѣлѣ префектъ, мэръ, члены коммуны, сроки, въ какіе должны быть оканчиваемы возлагаемыя на нихъ обязанности,—словомъ, начертанъ весь административный порядокъ, какой долженъ быть соблюденъ.

Дѣло это поручено министру финансовъ и подвѣдомственному ему казенному лѣсному управленію.

Для производства облѣсенія въ горахъ, по закону 28 іюля 1860 года, разрѣшенъ былъ на 10 лѣтъ кредитъ, по одному милліону франковъ ежегодно, всего 10 милліоновъ франковъ, а по закону 8 іюля 1864 года, на одерненіе открытъ еще кредитъ въ 5 милліоновъ франковъ. Наконецъ, французское правительство нашло нужнымъ, въ дополненіе къ прежнимъ распоряженіямъ, издать еще послѣдній, по этому предмету, законъ 4 апрѣля 1882 года. Въ этомъ законѣ, признающемъ необходимость, для сбереженія почвы на горахъ и увеличенія защитной способности сдѣланныхъ работъ, предпринять во многихъ случаяхъ еще нѣкоторыя работы, — постановлено производство таковыхъ предпринять или на казенныя средства, или выдавать на это субсидіи общинамъ и частнымъ лицамъ, которыя пожелаютъ исполнить такія работы на всѣхъ своихъ участкахъ, сообразно составленному общему плану. Возвратившійся недавно изъ Франціи нашъ молодой лѣсничій, г. Бурый, сообщилъ въ «Лѣсномъ Журналѣ» 1891 г. нѣкоторыя подробности выполненія во Франціи закона 1882 года, и мы воспользуемся этою статьею, изъ которой видно, что необходимость производства работъ по укрѣпленію почвы на горахъ можетъ быть объявлена, въ каждомъ частномъ случаѣ, не иначе, какъ путемъ спеціальнаго закона, для составленія проекта котораго лѣсное управленіе озабочивается производствомъ мѣстнаго изслѣдованія, опредѣляетъ районъ, въ которомъ должны быть произведены работы, и составляетъ особые планы на участки отдѣльныхъ владѣльцевъ, входящихъ въ этотъ районъ. Протоколъ мѣстнаго изслѣдованія передается лѣсной администраціей префекту, который долженъ въ теченіе мѣсяца произвести опросъ заинтересованныхъ лицъ о необходимости и пользѣ производства работъ, проектированныхъ лѣсной администраціей. Чиновникъ, которому поручено сдѣлать опросъ, составляетъ по этому дѣлу протоколъ и представляетъ его, съ своимъ заключеніемъ, префекту. Послѣ того муниципальные совѣты заинтересованныхъ въ дѣлѣ общинъ посылаютъ префекту свои постановленія, выражающія мнѣнія по данному вопросу, а кромѣ того выбираютъ отъ каждаго муниципальнаго совѣта по два делегата—представителей интересовъ общины въ комиссіяхъ по этому дѣлу. Комиссія образуется подъ предсѣдательствомъ префекта или уполномоченнаго имъ лица, съ участіемъ членовъ отъ департаментскихъ и провинціальныхъ правительственныхъ учрежденій, делегатовъ муниципіальныхъ совѣтовъ, инженера путей сообщенія или горнаго вѣдомства и чиновника лѣсного управленія. Мнѣніе комиссіи префектъ передаетъ на обсужденіе департаментскаго или провинціальнаго собранія, а затѣмъ представляетъ, со своимъ заключеніемъ, министру земледѣлія, который вырабатываетъ спеціальный законъ и, по утвержденіи его въ установленномъ порядкѣ, обнародываетъ его. Затѣмъ въ мэріяхъ каждой изъ заинтересованныхъ общинъ вывѣшивается проектъ съ частными планами и указаніями тѣхъ работъ, которыя

должны быть произведены на землѣ каждаго изъ владѣльцевъ. Заинтересованнымъ въ дѣлѣ дается 30-ти-дневный срокъ для подачи заявленій о томъ, желаютъ-ли они сохранить тѣ участки, на которыхъ проектируются работы, и берутъ-ли на себя производство послѣднихъ съ извѣстной субсидіей, или же предпочитаютъ передать эти участки лѣсному управленію, для осуществленія проекта. Въ случаѣ отказа въ добровольной уступкѣ необходимыхъ участковъ, производится экспропріація.

Кромѣ описаннаго способа производства работъ, признанныхъ настоятельно необходимыми, по закону 1882 года, допускается выдача пособій жителямъ гористыхъ мѣстностей, общинамъ и частнымъ лицамъ, фермерамъ, владѣльцамъ фруктовыхъ садовъ, если они подаютъ заявленія о желаніи произвести работы, направленныя къ укрѣпленію почвы на горахъ и къ увеличенію доходности горныхъ пастбищъ; пособія эти состоятъ въ отпускѣ сѣмянъ или посадочнаго матеріала и денежныхъ суммъ, но послѣднія выдаются не раньше, какъ послѣ освидѣтельствованія оконченныхъ уже работъ чинами лѣсного вѣдомства.

Лѣсное общество въ Парижѣ (Société forestière) обсуждало затруднительное положеніе частныхъ лѣсовладѣльцевъ и въ засѣданіи своемъ, въ маѣ 1852 года, рѣшило представить принцу-президенту французской республики записку. Составленная записка была подписана 200 лицами, въ томъ числѣ именами 100 самыхъ крупныхъ лѣсовладѣльцевъ Франціи.

Поданная президенту записка озаглавлена: «О критическомъ положеніи лѣсной собственности и о средствахъ къ улученію этого положенія».

Вотъ содержаніе записки:

«Постепенное уменьшеніе лѣсной площади во Франціи обращаетъ на себя вниманіе, въ теченіе уже двухъ столѣтій, правительства и общества. Всѣ сознаютъ, что плодородіе нашей почвы, оздоровленіе климата, процвѣтаніе нашего земледѣлія, наша морская сила, успѣхи нашей промышленности,—словомъ, что всѣ элементы могущества и богатства нашей страны тѣсно связаны съ вопросомъ о сохраненіи лѣсовъ и ихъ соотвѣтственномъ распредѣленіи въ государствѣ. Поэтому совершенно основательны опасенія при видѣ, какъ площадь лѣсовъ изъ года въ годъ уменьшается, и понятны заботы къ пріисканію средствъ для пріостановленія быстраго обезлѣсенія. Запрещеніе расчистки лѣсовъ, поощреніе новаго лѣсоразведенія, законъ о возобновленіи срубаемаго лѣса,—все это испробовано, и, къ сожалѣнію, надо въ томъ сознаться, всѣ эти попытки ни къ чему не повели! Прогалины, образовавшіяся отъ вырубки лѣса, далеко значительнѣе площадей вновь разведеннаго лѣса. Изъ этого надо прямо заключить, что лѣсной собственности должны быть присущи какія-либо внутреннія, безъ перерыва дѣйствующія причины, ведущія къ разоренію лѣсовъ.

«Эти причины убыточны не только для общихъ интересовъ и будущности страны, но онѣ ложатся все болѣе и болѣе усиливающимся гнетомъ на интересы частныхъ лѣсовладѣльцевъ. Если такъ будетъ продолжаться, то вскорѣ можно будетъ разсчитать время, когда лѣсная собственность сдѣлается обузою для ея нынѣшнихъ владѣльцевъ. Уже теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва покрываются доходами отъ лѣсовъ издержки, на нихъ потребныя, и въ этомъ кроется причина того, что испытывали всякія средства къ преобразованію этой обременительной собственности и къ замѣнѣ лѣсного хозяйства другою, болѣе доходною культурою земли.

«Разборомъ такого грустнаго положенія мы желаемъ обратить ваше вниманіе и вашу заботливость на одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ общественнаго благосостоянія. Мы желаемъ намѣтить вамъ смуты и стѣсненія, ощущаемыя многочисленнымъ классомъ землевладѣльцевъ, съ судьбою которыхъ тѣсно связана судьба еще болѣе многочисленнаго класса лѣсныхъ рабочихъ; мы желаемъ указать вамъ на причины этого зла и на средства къ его устраненію. Мы этимъ надѣемся открыть путь къ единственно возможному рѣшенію важной, но трудной задачи лѣсоохраненія во Франціи и къ соединенію во-едино общественныхъ интересовъ съ интересами отдѣльныхъ частныхъ лицъ и лѣсовладѣльцевъ. Послѣдніе, во имя общественнаго блага, прежде всего, должны признать необходимость ограниченія ихъ правъ собственности. Но эти ограниченія не должны быть налагаемы государствомъ безъ соотвѣтственнаго возмѣщенія, напротивъ, они должны быть вознаграждаемы не какими-либо преимуществами или привилегіями, нѣтъ, — достаточною защитою. Въ отношеніи же лѣсовъ нынѣ существуетъ нѣчто совершенно противуположное. Правда, для поощренія разведенію лѣсовъ вновь, правительство разрѣшаетъ извѣстныя награды, привилегіи, сбавку податей; но для существующихъ уже лѣсовъ нѣтъ ни поощреній, ни иного рода преимуществъ. Когда лѣса подчиняются исключительнымъ законамъ, то такой порядокъ ведетъ у насъ къ предоставленію сохранности лѣсовъ случайностямъ, къ стѣсненію и къ обремененію лѣсовъ, какъ видно изъ слѣдующаго:

«*Возвышенные налоги.* Лѣсная собственность не пользуется никакимъ родомъ облегченій въ налогахъ. Напротивъ, лѣса чаще другого имущества облагаются усиленнымъ налогомъ, что происходитъ отъ самаго способа распредѣленія коммунальныхъ обложеній и отъ затруднительности оцѣнокъ лѣсного дохода для цѣлей обложенія налогами. Оттого и бываетъ, что лѣса, большею частью, несутъ налоги свыше дѣйствительной ихъ доходности, а нерѣдко случается, что одна и та же почва, если она подъ лѣсомъ, то отнесена къ I классу, если на ней лѣсъ уже срубленъ—ко II классу, а если уже успѣли ту почву обратить подъ пахоть, то къ III классу.

«*Недостатокъ въ защитѣ.* Подсудность по дѣламъ о правонарушеніяхъ въ частныхъ лѣсахъ неправильно организована. Преслѣдо-

ваніе по нарушеніямъ правъ въ поляхъ предоставлено магистратурной полиціи, а по нарушеніямъ въ лѣсахъ самъ лѣсовладѣлецъ долженъ возбуждать искъ въ дальнихъ судахъ. Вслѣдствіе того, лѣсовладѣлецъ часто предпочитаетъ вовсе не начинать исковъ и оставлять нарушителя безнаказаннымъ, потому что судебнымъ, по почину владѣльца, преслѣдованіемъ возбуждается въ сельскомъ населеніи злоба и ведетъ къ мщенію, что достаточно выясняется грустнымъ фактомъ множества поджоговъ въ лѣсахъ. Въ виду же легкости совершенія самовольныхъ порубокъ, безъ ихъ обнаруженія, а въ случаѣ обнаруженія—вѣроятной безнаказанности, надо признать, что эти обстоятельства поощряютъ правонарушенія въ лѣсахъ, обратившіяся въ закоренѣлый обычай истребленія и расхищенія лѣсовъ,—обычай, подрывающій нравственныя понятія сельскаго населенія и причиняющій огромные убытки лѣсовладѣльцамъ.

«*Коммунальные налоги. Экстренные расходы на лѣсныхъ сторожей.* Невниманіе государственныхъ властей къ интересамъ частныхъ лѣсовладѣльцевъ и стремленіе облагать именно лѣса высшими налогами противу другого рода имуществъ нашло себѣ подражаніе и въ представителяхъ коммунъ. Лѣсовладѣльцы почти всегда облагаются возвышенными коммунальными налогами. Такъ, напримѣръ, на нихъ распространяются, наравнѣ съ прочими, издержки на содержаніе полевыхъ сторожей, хотя услугами послѣднихъ лѣсовладѣлецъ не пользуется, а долженъ употреблять изъ собственныхъ средствъ издержки на наемъ лѣсныхъ сторожей, слѣдовательно, несетъ совершенно особую повинность.

«*Чрезвычайныя приплаты лѣсовладѣльцевъ на содержаніе дорогъ.* Независимо отъ равномѣрно на всѣхъ землевладѣльцевъ раскладываемыхъ издержекъ по содержанію дорогъ, лѣсовладѣлецъ, вслѣдствіе громоздкости его продуктовъ, обязанъ за пользованіе дорогами приплачивать еще особый взносъ, какъ и горный заводчикъ. Но послѣдній не принуждается продолжать свой промыселъ, когда онъ ему убыточенъ, а лѣсовладѣльцу запрещено обратить лѣсъ въ другой видъ пользованія землею.

«*Неудовлетворительность путей сообщенія.* Наша сѣть каналовъ, шоссе, желѣзныхъ дорогъ расположена только по соображеніямъ нуждъ крупной индустріи, а вовсе не принято во вниманіе, какъ бы облегчить перевозку лѣсныхъ произведеній.

«*Возвышенный тарифъ на перевозку лѣса на каналахъ и желѣзныхъ дорогахъ.* Когда лѣсъ случайно расположенъ близъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, то владѣлецъ его обиженъ тѣмъ, что за провозъ лѣсныхъ произведеній существуетъ болѣе высокая возвышенная провозная плата, чѣмъ на сходные продукты, напримѣръ, за желѣзо и каменный уголь. Точно будто бы желаютъ запретить лѣсу пользоваться путями сбыта.

«*Взиманіе пошлины (octroi) при ввозѣ въ города.* Эта пошлина достигаетъ на лѣсъ, сравнительно съ другими товарами, безобразныхъ

размѣровъ. Металлы совсѣмъ освобождены отъ октроальной пошлины, а строевыя деревья платятъ высокій сборъ. На дрова наложена неслыханная пошлина. Въ послѣдніе годы великой имперіи (1813 г.) за ввозъ въ Парижъ одного декастера дровъ (около 0,95 куб. саж.) существовалъ сборъ въ 10 франковъ, а въ настоящее время (1851 г.) этотъ сборъ поднятъ до 31 франка 80 сантимовъ. Единственное облегченіе, сдѣланное лѣсному владѣнію, это освобожденіе отъ военной подати, да и этому мы съ 1852 года обязаны вамъ, а то платили даже и эту подать. Между тѣмъ, если изъ существующихъ на рынкахъ цѣнъ за дрова исключить расходы заготовленія и провоза 1 декастера дровъ, то освободится въ пользу большинства лѣсовладѣльцевъ не болѣе 32 франковъ, которые почти цѣликомъ поглощаются пошлиной. Не удивительно поэтому, что ввозъ дровъ въ Парижъ постоянно уменьшается: въ 1813 году привезено было въ Парижъ 1.300,000 стеръ дровъ, а въ 1851 году только 600,000 стеръ,—населеніе же Парижа въ это время сильно возросло. За то употребленіе каменнаго угля сильно увеличилось. Этотъ сортъ топлива въ первый разъ вошелъ въ употребленіе Парижа въ 1817 году и обложенъ несравненно низшею ввозною пошлиною, чѣмъ дрова. Стоитъ только сравнить по вѣсу дрова съ каменнымъ углемъ, принимая,— на основаніи изслѣдованій, — что одинаковый вѣсъ каменнаго угля оказываетъ вдвое бо̀льшее пирометрическое дѣйствіе, чѣмъ дрова. При такомъ расчетѣ пошлина на каменный уголь составляетъ издержку въ четыре раза меньшую, чѣмъ на дрова. Оттого уже въ 1851 г. въ Парижѣ употреблено каменнаго угля по вѣсу столько же, сколько дровъ, а по теплотворной силѣ вдвое болѣе, такъ что, сравнивая количество доставленнаго въ Парижъ топлива, оба сорта вмѣстѣ, оказывается, что въ нынѣшнемъ году привезено общей массой по вѣсу менѣе на $^1/_5$ долю, противъ 1817 года, а по теплотворной силѣ употреблено топлива на $^1/_5$ болѣе. Доходъ города отъ ввозной пошлины чрезъ то уменьшился почти на 500 тысячъ франковъ. Прямымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ является, что въ періодъ времени съ 1845 по 1851 годъ въ городѣ Парижѣ потребленіе дровъ уменьшилось на 632 тысячи стеръ, что составляетъ добычу со 107,000 гектаровъ ежегодно, а чрезъ это рабочіе лишились заработковъ на сумму отъ 2 до 3 милліоновъ франковъ.

«Вотъ въ какомъ положеніи находятся лѣсовладѣльцы во Франціи. Они не въ силахъ сберечь лѣса отъ окончательнаго истребленія, если не будутъ, въ скоромъ времени, приняты соотвѣтствующія мѣры къ устраненію причинъ, мѣшающихъ вести порядочное хозяйство. Цѣлью этихъ мѣръ должно бы быть: 1) Распредѣлить соразмѣрно поровну подати и комунальные налоги между лѣсами и прочими имуществами, какъ это соотвѣтствуетъ и духу закона. 2) Доставить лѣсамъ дѣйствительную защиту отъ самоволій. 3) Мѣстныя пошлины понизить, по соразмѣрности съ другими товарами. 4) Облег-

чить лѣсу возможность пользоваться путями сообщенія, дабы онъ могъ конкурировать съ иностраннымъ матеріаломъ.

«Мы понимаемъ, что примѣненіе указанныхъ нами мѣръ составляетъ трудную, нескоро разрѣшимую задачу, требующую большой осторожности и взвѣшиванія многосторонних интересовъ, такъ что къ обсужденію ихъ приходится привлечь нѣсколько министровъ, но потому-то мы и обращаемся непосредственно къ главѣ государства. Онъ, по своему положенію и данной власти, конечно, найдетъ и наиболѣе соотвѣтствующія средства, чтобы помочь одной изъ важныхъ отраслей народнаго богатства».

Принцъ-президентъ французской республики обратилъ особое вниманіе на поданную ему записку. Возбужденные въ ней вопросы были переданы на заключеніе и къ разработкѣ соотвѣтствующихъ мѣропріятій въ подлежащія министерства. Прошли, конечно, годы, пока могли осуществиться ходатайства. Судебный порядокъ теперь совершенно измѣненъ,—нынѣ преслѣдованіе по порубкамъ въ частныхъ лѣсахъ и компетенція судовъ совершенно сравнены съ дѣлами по правонарушеніямъ въ казенныхъ лѣсахъ; судебныя издержки по преслѣдованію самоволій въ частныхъ лѣсахъ также сравнены съ дѣлами казны; дорожная повинность регулирована; полевые сторожа соединены съ лѣсными сторожами въ общую команду; такса за сплавъ лѣса по рѣкамъ и каналамъ съ 1860 г. значительно понижена (до 0,13 франка за стеръ, т. е. за нашу куб. сажень всетаки составляетъ около 4 франковъ); тарифы на провозъ по желѣзнымъ дорогамъ пересмотрѣны, и немного понижены; комунамъ циркулярно предложено, при распредѣленіи налоговъ, по возможности,—обратить вниманіе на исключительное положеніе лѣсовладѣльцевъ, но какія послѣдствія имѣло это предложеніе—неизвѣстно, по крайней мѣрѣ въ литературѣ нигдѣ объ этомъ нѣтъ сообщеній и нѣтъ новыхъ жалобъ отъ лѣсовладѣльцевъ.

Временной законъ о расчисткахъ лѣса, срокъ котораго оканчивался въ 1847 г., и который былъ отсроченъ сперва на три года, а потомъ еще до 1859 г., при императорѣ Наполеонѣ III окончательно пересмотрѣнъ и 18 іюня 1859 года по этому предмету состоялся законъ, ослабившій нѣсколько постановленія Code forestier 1827 года. Въ этомъ лѣсномъ уставѣ, какъ намъ уже извѣстно, ст. 219 редактирована такъ, что разрѣшеніе правительственныхъ учрежденій на расчистку лѣса не обусловлено какими-либо общими условіями, а предоставлено въ каждомъ частномъ случаѣ обсудить, можетъ-ли быть дозволена или нѣтъ расчистка лѣса, а въ ст. 220 опредѣленъ размѣръ штрафа за нарушеніе предшествующаго постановленія.

Новый же законъ 1859 года вставилъ между статьями 219 и 220 новую статью, въ которой опредѣлено:

Запрещеніе расчистки можетъ распространяться только на лѣса, сохраненіе которыхъ признается необходимымъ:

1) Для удержанія почвы на горахъ или склонахъ горъ.

2) Для предохраненія почвы отъ разрушенія или затопленія рѣками, рѣчками и ручьями (les envahissements des fleuves, rivières et torrents).

3) Для сохраненія источниковъ и проточныхъ водъ.

4) Для укрѣпленія дюнъ и прибрежій отъ разрушенія моремъ и разнесенія песками.

5) Для государственной защиты въ той части пограничной полосы, какая будетъ опредѣлена правительственнымъ распоряженіемъ.

6) Въ видахъ охраненія общественнаго здравія.

Послѣ паденія имперіи, съ возстановленіемъ опять республики, лѣсная часть оставалась въ завѣдываніи министерства финансовъ до 1877 года, когда она декретомъ 15 декабря передана была во вновь открытое министерство земледѣлія, государственныхъ имуществъ и лѣсовъ, въ которомъ образованъ былъ особый отдѣлъ, — соотвѣтствующій нашему департаменту, — составившій центральное лѣсное управленіе во Франціи. Въ первоначальномъ видѣ въ составъ этого отдѣла входили три администратора, которые въ то же время были и начальниками отдѣленій (services ou buraux), и отъ 6 до 8 генералъ-инспекторовъ (Inspecteurs généraux). Администраторы и инспекторы составляли совѣтъ администраціи (Conseil d'Administration), рѣшавшій дѣла коллегіально. Должность директора лѣсовъ — существовавшая до 1877 г. — была упразднена, а вмѣсто него предсѣдательство въ совѣтѣ поручено было особому Sous-Sécrétaire d'Etat; однако уже 18 февраля 1882 года должность директора лѣсовъ возстановлена. Генералъ-инспектора, кромѣ участія въ совѣтѣ администраціи, завѣдывали каждый особымъ округомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ консервацій, въ которыхъ они обязаны были надзирать за дѣятельностью мѣстныхъ лѣсныхъ чиновъ, производя тамъ инспекторскій смотръ и ревизію. Эти генералъ-инспектора имѣли сходныя обязанности съ нашими вице-инспекторами корпуса лѣсничихъ. Но декретомъ 26 декабря 1887 года составъ центральнаго лѣсного управленія преобразованъ. Оставлены должности директора лѣсовъ и трехъ администраторовъ, а должности генералъ-инспекторовъ упразднены, такъ что центральное управленіе осталось безъ всякихъ органовъ ревизіонныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ введенъ былъ въ управленіе лѣсами принципъ полной децентрализаціи власти: консерваторы въ своихъ консерваціяхъ получили власть разрѣшать почти всѣ дѣла, за немногими лишь исключеніями, восходящими до министерства.

Это послѣднее преобразованіе, проведенное министромъ земледѣлія, Віеттомъ, вызвало среди французскихъ лѣсничихъ сильныя неудовольствія. До того времени мѣстные агенты лѣсной администраціи уже пользовались, до извѣстной степени, независимостью отъ центральнаго лѣсного управленія, а закономъ 1844 г., подтвержденнымъ въ 1878 году, повышеніе лѣсныхъ чиновъ въ разрядѣ содер-

жанія и въ должности происходило слѣдующимъ порядкомъ. Передъ началомъ каждаго года совѣтъ администраціи, составленный изъ всѣхъ генералъ-инспекторовъ, директора лѣсной школы и начальника отдѣленія, въ которомъ сосредоточивалось завѣдываніе личнымъ составомъ, составлялъ особую *таблицу повышеній* (tableau d'avancement); въ эту таблицу заносились старѣйшіе и болѣе достойные повышенія чины каждой должности, въ числѣ, превышавшемъ втрое вѣроятное число вакансій, могущихъ открыться въ теченіе года. При открытіи какой-либо вакансіи министру дѣлалось представленіе о трехъ чинахъ, выше стоящихъ въ таблицѣ повышеній, для выбора и назначенія одного изъ этихъ трехъ кандидатовъ. Такимъ образомъ, лицо, поставленное въ началѣ таблицы повышеній, неизбѣжно должно было занять одну изъ трехъ открывшихся въ теченіе года вакансій и, наоборотъ, на открывшуюся должность нельзя было назначить лицо, не внесенное предварительно въ таблицу повышеній. Власть министра въ дѣлѣ распоряженія личнымъ составомъ оказывалась, такимъ образомъ, очень ограниченной, составленіе-же таблицы повышеній при участіи генералъ-инспекторовъ, знакомившихся съ дѣятельностью каждаго чиновника на мѣстѣ его служенія, служило полной гарантіей того, что только дѣйствительныя служебныя заслуги, а не постороннія, чуждыя службы, соображенія, обусловливаютъ болѣе или менѣе быстрое прохожденіе служебной лѣстницы.

Какъ ни идеаленъ такой порядокъ, особенно по отношенію къ лѣсной службѣ, агенты которой силою вещей обречены на скромную, не бьющую въ глаза дѣятельность,—для министра страны съ парламентскимъ режимомъ онъ представляетъ существенныя неудобства; онъ лишаетъ министра права безконтрольно распоряжаться судьбою подвѣдомственныхъ ему чиновъ, что особенно важно во время избирательной борьбы, исходъ которой столь важенъ для министра и столь существенно можетъ зависѣть отъ мѣстныхъ агентовъ лѣсной администраціи, пользующихся среди провинціальныхъ избирателей Франціи значительнымъ авторитетомъ.

Послѣднее обстоятельство и побудило Вьетта, вскорѣ послѣ назначенія его министромъ земледѣлія, измѣнить существовавшій ранѣе порядокъ и сосредоточить завѣдываніе личнымъ составомъ лѣсной администраціи въ своей канцеляріи. При новомъ порядкѣ успѣшное прохожденіе службы обусловливается уже не только дѣйствительными служебными заслугами, но и чисто политической дѣятельностью въ желательномъ для даннаго министра, — а министры во Франціи смѣняются очень часто.

Мѣстное лѣсное управленіе во Франціи организовано нынѣ слѣдующимъ образомъ:

Вся Франція (кромѣ колоній) раздѣлена въ административномъ отношеніи на 35 консервацій и во главѣ каждой изъ нихъ поставленъ консерваторъ. Но въ нѣкоторыхъ менѣе важныхъ консерваціяхъ,

мѣсто консерватора замѣщается инспекторомъ. Консерваторамъ дана широкая власть разрѣшать единолично возникающіе вопросы. На разрѣшеніе министерства онъ представляетъ только слѣдующія дѣла: бюджетъ по лѣсному управленію консерваціи; проекты объ учрежденіи новыхъ или упраздненіи существующихъ должностей; объ отстраненіи отъ должности, отставкахъ, отдачи подъ судъ служащихъ (кромѣ низшихъ должностей стражи), назначенія имъ пенсій и наградъ; объ измѣненіи раіоновъ административныхъ единицъ; проекты лѣсоустройства; раздѣлы и обмѣны лѣсовъ; о выкупѣ сервитутовъ; сверхсмѣтныя рубки; объ отказахъ на расчистку частныхъ лѣсовъ; о вопросахъ, по которымъ консерваторъ не согласенъ съ рѣшеніемъ префекта; о вопросахъ, вызванныхъ сомнѣніемъ въ примѣненіи существующихъ законовъ и распоряженій.

Въ каждой консерваціи лѣса раздѣлены на административныя единицы—cantonnements—по нашему русскому строю какъ бы на лѣсничества. Каждымъ такимъ cantonnements завѣдываютъ gardes généraux.

Нѣсколько cantonnements соединяются въ одну болѣе крупную административную единицу—называемую inspections, и когда ее образуютъ болѣе 2 и до 4 cantonnement, — тогда ею завѣдываетъ инспекторъ (inspecteur). Но иногда—по положенію лѣсовъ—нельзя соединить болѣе двухъ cantonnements въ одну инспекцію, а приходится изъ одного-двухъ cantonnement образовать инспекцію, тогда таковую называютъ chefferie; ею завѣдываетъ обыкновенно inspecteur adjoint, которому поручается завѣдываніе за однимъ изъ cantonnements.

Inspecteurs или inspecteurs adjoints ведутъ всю переписку и отчетность по инспекціи, наблюдаютъ за дѣйствіями gardes généraux, и направляютъ хозяйство въ кантонахъ, такъ что на нихъ лежатъ обязанности и контролирующихъ, и хозяйствующихъ чиновъ При такомъ строѣ, настоящими лѣсничими являются инспектора, а ихъ помощниками, отвѣтственными каждый за свой участокъ, gardes généraux,—т. е. по строю инспектора—прусскіе оберъ-ферстеры, а gardes généraux — прусскіе ферстеры.

Всѣ поименованные чины имѣютъ также общее названіе агентовъ—agents-forestiers,—по нашимъ понятіямъ это названіе можно сравнить съ классными чинами. Но, кромѣ того, во Франціи есть и низшія ступени служащихъ, составляющія лѣсную стражу. Часть ихъ поставлена нѣсколько выше, завѣдываетъ объѣздами—brigades—и называется brigadiers,—другіе же—лѣсники—завѣдываютъ обходами—triages—и называются—gardes.

Сверхъ агентовъ, завѣдывающихъ лѣсами, во Франціи имѣются еще лѣсные агенты для облѣсенія горъ и песковъ и для устройства лѣсовъ. Всѣ эти спеціальные агенты приравниваются къ званіямъ мѣстныхъ лѣсныхъ чиновъ, т. е. къ инспекторамъ, къ адъюнктамъ инспекторовъ или къ gardes généraux. Для скрѣпленія поверхности горъ и песковъ посылаютъ столько чиновъ, сколько понадобится, но

не опредѣлено постояннаго штатами назначеннаго числа чиновъ, — оно поэтому съ каждымъ годомъ мѣняется и вносится въ государственную роспись.

Для лѣсоустройства также нѣтъ постояннаго числа агентовъ, — но число ихъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ оставалось почти безъ всякихъ измѣненій—около 40 человѣкъ, которые составляли то 16, то 18 таксаціонныхъ партій. Большая часть партій состояла или изъ 1 агента (около 8 партій), или 2 агентовъ (4 партіи), изъ 3 агентовъ (2 партіи), изъ 4 агентовъ (2 партіи) и изъ 5 агентовъ (2 партіи). Изъ всѣхъ агентовъ при лѣсоустройствѣ состояло въ званіяхъ: инспекторовъ 13 человѣкъ, адъюнктъ-инспекторовъ 18 и gardes généraux 9 человѣкъ.

Значительнѣйшая часть лѣсоустроительныхъ работъ производится теперь чинами мѣстнаго лѣсного управленія, а спеціальные лѣсоустроительные чины посылаются только туда, гдѣ мѣстныхъ силъ оказывается недостаточно для производства всѣхъ работъ. Поэтому, спеціальныя таксаціонныя партіи работаютъ преимущественно въ лѣсистыхъ горныхъ консерваціяхъ: Vosges, Isère, Savoie и Hautes-Alpes, гдѣ, кромѣ обилія лѣсовъ, приходится считаться еще съ короткимъ лѣтомъ, сильно сокращающимъ періодъ времени полевыхъ работъ.

Таксаціонныя партіи оставляются въ распоряженіе консерватора, которому онѣ подчиняются и дѣйствуютъ подъ его наблюденіемъ и по его указаніямъ.

Характеръ французскаго лѣсоустройства представляется въ иномъ совершенно видѣ, сравнительно съ порядками, установившимися по этому предмету въ Германіи и, по примѣру ея, въ Россіи. Французское лѣсоустройство, точно такъ, какъ и нѣмецкое и русское, ставитъ себѣ три задачи: 1) обезпечить постоянство и по возможности равномѣрность по годамъ пользованія лѣсами; 2) своевременное обновленіе лѣсомъ вырубаемыхъ площадей и 3) постепенное улучшеніе лѣсной дачи, въ широкомъ смыслѣ. Но намѣчая всѣ эти цѣли лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, французское лѣсоустройство предоставляетъ широкій просторъ мѣстному лѣсничему въ выборѣ способа и отчасти момента времени, наиболѣе соотвѣтствующаго и удобнаго для достиженія цѣли, не вдаваясь вовсе въ подробную регламентацію какихъ-либо хозяйственныхъ мѣръ, подлежащихъ исполненію въ будущемъ. Главный и обязательный для мѣстнаго лѣсного управленія выводъ лѣсоустройства, послѣ утвержденія его особымъ декретомъ президента республики, тотъ, который опредѣляетъ количество и мѣсто вырубки,—но только въ низкоствольникахъ и среднихъ лѣсахъ назначаются лѣсосѣки довольно опредѣленно по годамъ, а въ высокоствольныхъ назначается опредѣленно только количество древесной массы, ежегодно вырубаемой, а выборъ на каждый годъ мѣста для главной рубки предоставляется лѣсничему, не выходя лишь изъ площади, предназначенной на цѣлый періодъ времени (отъ 20 до 40 лѣтъ).

Постоянство главныхъ рубокъ французское лѣсоустройство обезпечиваетъ отводомъ равныхъ площадей на равные періоды времени, — слѣдовательно, принятъ тасаціонный періодный методъ по площади, но въ высокоствольныхъ лѣсахъ только періоды времени обезпечиваются отводомъ періодной площади (affectations), а годовая главная рубка опредѣляется количествомъ древесной массы, которую лѣсничій можетъ вырубить или постепеннымъ прорѣживаніемъ въ теченіе всего періода, или постепенною вырубкою въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до перехода къ сплошной рубкѣ на части періодной площади, смотря по ходу лѣсовозобновленія. Независимо отъ главной рубки, назначаются во французскихъ лѣсахъ довольно частыя проходныя рубки (éclaircies), которыя регулируются равенствомъ отводимыхъ площадей или количества вырубаемой массы. Эти проходныя рубки носятъ общее названіе амеліораціонныхъ (coupes d'amélioration) и имѣютъ весьма важное значеніе для французскаго лѣсного хозяйства; такъ, при помощи этихъ рубокъ, разновозрастныя насажденія, появляющіяся при естественномъ возобновленіи въ теченіе значительнаго возобновительнаго періода, превращаются въ одновозрастныя; ихъ же помощью приходится постоянно пользоваться при переходѣ отъ средняго хозяйства къ высокоствольному, чѣмъ одно время занимались во Франціи очень усердно. При лѣсоустройствѣ назначается для проходныхъ рубокъ особый оборотъ для повторенія ихъ (rotations). Лѣсоустроитель обязанъ составить общую таблицу главныхъ и проходныхъ рубокъ (Règlement spécial d'exploitation). Французскіе лѣса не раздѣляются просѣками на кварталы правильной формы, но, вслѣдствіе присутствія множества дорогъ, образуется очень много твердо отграниченныхъ частей лѣса, которыя и дѣлаютъ излишнимъ квартальное дѣленіе. Всѣ тѣ части дачи, которыя должны подлежать особому независимому хозяйству, группируются *въ серіи*, такъ что мы можемъ серію уподобить нашей хозяйственной части. Серіи, въ свою очередь, разбиваются на періодныя площади (affectations).

Въ среднемъ хозяйствѣ, гдѣ для рубки подлѣска отводятся, какъ и для низкоствольниковъ, годичныя лѣсосѣки, составляется, кромѣ того, особый планъ для вырубки маяковъ (plan de balivage); въ немъ въ самыхъ общихъ чертахъ указывается, какого состоянія маяки могутъ быть вырубаемы и менѣе какого числа ихъ не должно оставлять.

Опредѣленіе на службу и утвержденіе въ должности директора лѣсовъ, администраторовъ и консерваторовъ, по представленію министра, зависитъ отъ власти президента республики.

Всѣхъ прочихъ лѣсныхъ агентовъ принимаетъ на службу и утверждаетъ въ должности министръ земледѣлія. Утвержденіе же въ должности нижнихъ лѣсныхъ чиновъ предоставлено префектамъ, по представленію либо консерватора, либо муниципальныхъ совѣтовъ, либо частныхъ лѣсовладѣльцевъ.

Для охраненія лѣсныхъ дачъ, общины обязаны содержать на

свой счетъ лѣсную стражу, число которой опредѣляется мэромъ и утверждается префектомъ, по соглашенію съ консерваторомъ лѣсовъ. Дозволяется одному и тому же лицу поручать обходъ или объѣздъ лѣса казеннаго и общиннаго, когда послѣдуетъ соглашеніе на это общины и казеннаго лѣсного управленія, но въ такомъ случаѣ назначеніе на такую должность лица (garde de triage или brigadier-mixte) зависитъ отъ казенной лѣсной администраціи; содержаніе же ему уплачивается пропорціонально величинѣ обходовъ, изъ кредита казеннаго лѣсного управленія и кассы общины. Точно такъ и нѣсколько общинъ могутъ имѣть, съ разрѣшенія префекта, одного сторожа для охраненія своихъ дачъ.

Общинную лѣсную стражу утверждаетъ въ должности префектъ, по предложенію консерватора казенныхъ лѣсовъ, который представляетъ на вакантную должность трехъ кандидатовъ. Кандидаты должны имѣть не менѣе 25 и не болѣе 35 лѣтъ отъ роду, умѣть читать и писать, быть въ состояніи составить протоколъ, не должны страдать физическими недостатками и неопорочены судомъ. Лицамъ бывшимъ въ военной службѣ отдается предпочтеніе предъ другими. Лѣсная общинная стража, такъ точно какъ и стража казенныхъ лѣсовъ, приводится къ присягѣ и подчиняется чинамъ казеннаго лѣсного вѣдомства. Лѣсной консерваторъ можетъ временно устранить общинную стражу отъ исполненія ея обязанностей, но увольняетъ ее только префектъ.

Частные лѣсовладѣльцы, если желаютъ, чтобы ихъ лѣсная стража пользовалась предъ судомъ одинаковыми правами, какъ казенная и общинная стража, должны представлять объ утвержденіи въ должности своихъ сторожей помощнику префекта, который и утверждаетъ ихъ и приводитъ къ присягѣ, если представленные кандидаты удовлетворяютъ тѣмъ же условіямъ, какія требуются для занятія должности стражи общинной.

Всѣ чины общей полиціи, жандармы, общинные полевые сторожа, должны помогать лѣсной стражѣ частныхъ владѣльцевъ въ обнаруживаніи преступленій. Допускается также, чтобы охраненіе частновладѣльческихъ дачъ было поручаемо, за извѣстное вознагражденіе, казенной лѣсной стражѣ, съ разрѣшенія консерватора.

Во всѣхъ хозяйственныхъ операціяхъ частный лѣсовладѣлецъ вполнѣ свободенъ и не подлежитъ контролю со стороны правительства, — въ одномъ только права его ограничены: онъ не можетъ, безъ надлежащаго разрѣшенія, производить расчистку лѣсной площади, съ цѣлью обращенія почвы въ другой видъ угодій. Если имѣетъ намѣреніе произвести расчистку, то лѣсовладѣлецъ долженъ подать заявленіе о томъ помощнику префекта, по крайней мѣрѣ, за четыре мѣсяца до начала операціи. Въ такомъ заявленіи должны быть указаны, кромѣ мѣстоположенія дачи, названіе и величина площади, предполагаемой къ расчисткѣ; помощникъ префекта передаетъ заявленіе лѣсовладѣльца въ казенное лѣсное управленіе для производ-

ства мѣстнаго изслѣдованія, а лѣсной чиновникъ, получившій предписаніе произвести это изслѣдованіе, увѣдомляетъ просителя, по крайней мѣрѣ, за восемь дней впередъ, о времени своего пріѣзда въ дачу и приглашаетъ его присутствовать лично, или же прислать уполномоченнаго. Въ протоколѣ изслѣдованія должны быть даны отвѣты на всѣ пункты, которые — по приведенному выше закону 18 іюня 1859 года — могутъ мотивировать отказъ дозволенія расчистки. Протоколъ изслѣдованія передается на заключеніе консерватору, который посылаетъ копію его просителю для подачи отзыва, и дѣло передается префекту, если по мнѣнію консерватора расчистка не можетъ быть дозволена; въ противномъ же случаѣ, представляетъ министру земледѣлія, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе.

За недозволенныя расчистки лѣсной площади виновные подвергаются взысканію штрафа въ размѣрѣ 500 до 1,500 франковъ за гектаръ расчищенной площади и, кромѣ того, обязываются, въ случаѣ распоряженія министра земледѣлія, закультировать раскорчеванную площадь въ срокъ не болѣе, какъ трехлѣтній; если же по истеченіи означеннаго срока виновный не произведетъ облѣсенія, то культурныя работы дѣлаются по распоряженію казеннаго лѣсного управленія, на средства виновнаго. Но ст. 224 Code Forestier дѣлаетъ исключеніе изъ общаго положенія, въ томъ смыслѣ, что не преслѣдуются закономъ: 1) расчистки, произведенныя въ молоднякахъ не старше 20-лѣтняго возраста, разведенныхъ искусственно, по собственной иниціативѣ владѣльца, но не на обязательно облѣсенныхъ, незаконно расчищенныхъ площадяхъ; 2) раскорчевки парковъ, садовъ и вообще огороженныхъ участковъ лѣса, находящихся въ чертѣ поселковъ; а также 3) отдѣльныхъ лѣсныхъ дачъ, величина которыхъ не превосходитъ 10 гектаровъ, если только онѣ не составляютъ части другихъ дачъ, имѣющихъ бо́льшую площадь, и кромѣ того, если онѣ не расположены на вершинахъ или склонахъ горъ.

Съ возстановленіемъ опять республики, лѣсная часть продолжала, — безъ нарушенія установившихся порядковъ, — вести свое дѣло. Новыхъ законодательныхъ мѣръ, которыя бы измѣняли духъ прежнихъ законовъ, не послѣдовало, а средства на упорядоченіе лѣсного хозяйства по государственной росписи продолжали увеличивать, какъ и во времена имперіи. Поэтому спокойное теченіе дѣлъ въ лѣсномъ управленіи, во время имперіи и послѣдняго республиканскаго правительства, въ теченіе почти 30 лѣтъ, дало возможность французскому лѣсному хозяйству достигнуть замѣчательныхъ успѣховъ.

Искусственное лѣсоразведеніе, преимущественно на бывшихъ прежде въ лѣсахъ прогалинахъ, достигло громадныхъ размѣровъ съ тѣхъ поръ, какъ на этотъ предметъ, вмѣстѣ съ облѣсеніемъ вырубаемыхъ лѣсосѣкъ, увеличенъ былъ кредитъ по государственной росписи. Съ 1838 до 1854 года кредитъ на этотъ предметъ составлялъ ежегодно только около 100 тысячъ франковъ, а съ 1854 г. до настоящаго времени держится ежегодно около 500 тысячъ фран-

ковъ, кромѣ суммъ, особо ассигнуемыхъ на облѣсеніе горъ и песковъ. Но такъ какъ во Франціи казенныхъ лѣсовъ всего около 1,100,000 гектаровъ, и изъ нихъ почти половина низкоствольниковъ, нуждающихся только на прогалинахъ въ искусственномъ лѣсоразведеніи, то почти вся сумма на культуры идетъ на высокоствольные лѣса, занимающіе всего около 600,000 гектар.,—а какъ обороты рубки въ этихъ лѣсахъ во Франціи колеблются преимущественно между 100 и 200 годами, слѣдовательно среднимъ счетомъ 150 лѣтъ, то на вырубаемую ежегодно площадь лѣсосѣкъ около 7,500 гектаровъ, приходится на каждый по $66^2/_3$ франковъ. Изъ отчетовъ же казеннаго лѣсного управленія видно, что расходъ на искусственное лѣсоразведеніе одного гектара составляетъ среднимъ счетомъ около 100 франковъ. Слѣдовательно, изъ общей площади ежегодно вырубаемыхъ лѣсосѣкъ можно бы ассигнуемою суммою искусственно облѣсить до $^2/_3$, но это казеннымъ лѣснымъ управленіемъ не дѣлается, за ненадобностью, ибо почти вездѣ достигаютъ отличныхъ результатовъ естественнымъ самосѣвомъ, при самой незначительной затратѣ на содѣйствіе природѣ, подготовленіемъ, гдѣ нужно, почвы и прочисткою молодняковъ, а почти $^3/_4$ ассигнуемыхъ на культуру суммъ употребляется на облѣсеніе большихъ прогалинъ внутри лѣсовъ.

Естественное возобновленіе лѣсовъ удается французскимъ лѣсничимъ замѣчательно хорошо. Въ этомъ отношеніи французы, если и не перещеголяли, то и не отстали отъ нѣмцевъ, которые за то первые мастера по посадкамъ и посѣвамъ. Но надо помнить, что въ Германіи уже въ прошломъ столѣтіи разрабатывали пріемы возобновленія и разведенія лѣсовъ и, вообще, возможно лучшаго веденія лѣсного хозяйства, во Франціи же должны были вести хозяйство по предписаннымъ законодательнымъ порядкомъ шаблонамъ, отъ которыхъ до 1836 года не смѣли отступать, а безпрерывныя тревоги не только во время частыхъ государственныхъ переворотовъ, но даже одною перемѣною министерскихъ взглядовъ, конечно, не благопріятствовали какимъ-либо улучшеніямъ въ хозяйственныхъ пріемахъ. Поэтому въ короткій, сравнительно, срокъ французы достигли результатовъ блестящихъ.

На устройство хорошихъ лѣсныхъ дорогъ французское лѣсное управленіе обращало особенное вниманіе, и успѣло устроить отличную сѣть дорогъ для вывоза лѣсныхъ матеріаловъ. На это дѣло и по государственной росписи отпускались съ 1854 г. достаточныя средства, безъ малаго до полумилліона франковъ ежегодно.

Для охраненія молодняковъ устраиваютъ во Франціи тотчасъ послѣ вырубки лѣсосѣкъ изгороди, по внѣшнимъ же границамъ дачи окапываются рвами, а многія дачи огорожены даже каменными заборами.

Надзоръ за всѣми лѣсами строгій, вообще, административный порядокъ замѣчательный.

Личный составъ лѣсного управленія въ настоящее время слѣ-

дующій: при министерствѣ: 1 генералъ-директоръ (Directeur-général); при немъ три администратора, завѣдующихъ особыми отдѣленіями (services ou buraux). Въ провинціяхъ: 38 консерваторовъ (Conservateurs), 250 старшихъ и младшихъ инспекторовъ (Inspecteur и Inspecteur adjoint), 417 лѣсничихъ и подлѣсничихъ (Garde-Général и Garde Général adjointe), и до 4,000 стражниковъ (brigadier) и дорожныхъ смотрителей въ государственныхъ лѣсахъ и до 6,000 такихъ же служителей въ лѣсахъ общественныхъ.

Французская лѣсоводственная литература далеко не такъ богата, какъ нѣмецкая, несмотря на то, что законодательными распоряженіями установился во Франціи, гораздо ранѣе, чѣмъ въ Германіи, извѣстный порядокъ рубокъ лѣса лѣсосѣками, съ оставленіемъ на нихъ резервныхъ деревъ, съ выдѣломъ въ заказники четвертыхъ частей и т. п. обязательными правилами. Но такъ какъ даны были готовые шаблоны для хозяйства, отъ которыхъ не смѣли отступать, то лѣсничимъ не было и возможности дѣлать попытки къ измѣненію установленнаго порядка и не было повода къ сообщенію своихъ наблюденій и доискиваться научныхъ основъ къ тому или другому дѣйствію. Этимъ, до нѣкоторой степени, можно объяснить отсутствіе во Франціи лѣсохозяйственныхъ сочиненій въ прошлыхъ вѣкахъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія явились только въ запискахъ парижской академіи наукъ статьи Реомюра и Бюфона, главнымъ образомъ неодобрявшія непремѣнное требованіе производить рубки сплошными лѣсосѣками. Послѣ того, во второй половинѣ XVIII в., изданъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ, близко касающихся лѣса, сочиненій Дюгамеля дю-Монсо:

1) «Traité des arbres et arbustes, qui se cultivent en pleine terre. 1755», т.-е. естественная исторія деревъ и кустовъ.

2) «Physique des arbres. 1758», т.-е. физическія свойства деревъ.

3) «Des semis et plantations des arbres et de leur culture. 1760», т.-е. о посѣвѣ и посадкѣ деревъ.

4) «De l'exploitation des bois. 1764», т.-е. объ эксплоатаціи лѣсовъ.

5) «Du transport, de la conservation et de la forçe de bois. 1767», т.-е. о транспортѣ и сохраненіи лѣса.

6) «L'art de charbonnier ou manière de faire le charbon», т.-е. переугливаніе лѣса.

Весь рядъ этихъ замѣчательныхъ сочиненій представляетъ трудъ, какой нельзя было ожидать въ XVIII вѣкѣ. Всѣ нѣмецкія сочиненія того времени, вмѣстѣ взятыя, не заключаютъ въ себѣ столько новыхъ научныхъ взглядовъ и выводовъ, какъ трудъ Дюгамеля.

Этотъ ученый сразу завоевалъ себѣ громкое имя, и нѣмцы не замедлили тотчасъ перевести на нѣмецкій языкъ всѣ эти выдающіяся книги.

Въ 1784 г. поднялъ вопросъ о продажѣ казенныхъ лѣсовъ M. Mustel въ книгѣ «Traité théorétique et pratique de la végétation».

Затѣмъ въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго вышло

нѣсколько книгъ, разбирающихъ причины истребленія лѣсовъ и мѣры къ ихъ сохраненію. Болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія:

Въ 1790—1791 г. Baillon. «Causes du dépérissement des bois—quelles sont les causes du dépérissement des bois—quels sont les moyens d'y remédier. Solution de ces question.

Въ 1800 г. «Duvaure. «Mémoire sur le dépérissement des forêts et sur les moyens d'y remédier».

Въ 1803 г. Perthuis. «Traité de l'aménagement et de la restauration des bois et des forêts de la France».

Въ 1806 г. Chevalier. «Restauration et aménagement des forêts et de bois patriculiers».

Въ 1826 г. Rambuteau, le comte de, «Mémoire sur la restauration des forêts».

Лѣсоводственная литература во Франціи стала шире развиваться съ открытіемъ лѣсной школы въ Нанси и послѣ утвержденія въ 1827 г. Code forestier. Вопросъ объ облѣсеніи и одерненіи горъ обратилъ на себя особое вниманіе французовъ и вызвалъ обширную литературу. Мы укажемъ на сочиненія по этому предмету, заслуживающія болѣе другихъ вниманія:

Въ 1831 г. Baudrillardt. «Mémoire sur le déboisement des montagnes».

Въ 1836 г. Cottard. «Du reboisement des Alpes françaises».

Въ 1842 г. Soulange-Bodin. «Rapport sur le reboisement des montagnes».

Въ 1844 г. Bonnatier. «Manuel pratique du boisement».

Въ 1845 г. Arnaud. «De l'urgence du reboisement en général et particulièrement de celui des Alpes».

Въ 1846 г. Joubert. «Du reboisement de la France».

Въ 1846 г. Blanqui. «Du déboisement des montagnes».

Въ 1878 г. Demontzey. «Traité pratique des reboisement et du gazonnemet des montagnes». Это сочиненіе переведено на русскій языкъ въ 1891 г.

Кромѣ вопроса объ облѣсеніи горъ есть очень хорошія сочиненія по части лѣсоводства вообще. Укажемъ на болѣе выдающіяся, но напередъ сдѣлаемъ общую замѣтку. Французскій лѣсной уставъ 1827 года и относящіеся къ нему ордонансы или инструкціи, хотя противу кольберовскихъ законовъ значительно высвободили хозяйственную дѣятельность лѣсничихъ изъ прежнихъ тѣсныхъ рамокъ, но все-таки сохранили нѣкоторыя шаблонныя постановленія (рубку лѣсосѣками, оставленіе резервныхъ деревъ и т. п.). Поэтому всѣ французскіе авторы лѣсохозяйственныхъ сочиненій примѣнялись къ обязательнымъ законнымъ постановленіямъ и съ ними старались согласовать хозяйственныя правила. Это стремленіе проглядываетъ въ учебникахъ, составленныхъ для учащихся въ лѣсномъ училищѣ въ Нанси, а взгляды этихъ курсовъ перешли почти всецѣло во всѣ книги другихъ авторовъ.

Авторы прекраснаго сочиненія «Cours élémentaire de culture des bois, par M. Lorentz, complété et publié par A. Parade», ставши на точку зрѣнія законодателя, выбрали все то, что признали за лучшее изъ нѣмецкой лѣсоводственной литературы, преимущественно у Котты и Гартига, и дали цѣлый рядъ совѣтовъ и указаній, чѣмъ можно пополнить законъ, не нарушая его. Вмѣстѣ съ тѣмъ они ввели въ лѣсное хозяйство условіе, чтобы вырубаемый лѣсъ возобновлялся естественно. Это условіе стало догматомъ у всѣхъ почти французскихъ лѣсничихъ и осуществляется ими умѣло, съ отличнымъ успѣхомъ.

Книга Лоренца и Парада выдержала нѣсколько изданій; болѣе ее переиздавать, вѣроятно, не будутъ, такъ какъ въ 1889 г. издалъ свое руководство «Traité de sylviculture» Борре, теперешній преподаватель лѣсной школы. Въ своей книгѣ онъ, въ сущности, только дополнилъ классическій курсъ Лоренца и Парада данными современной лѣсохозяйственной литературы.

Курсъ Нанкета, «Cours d'aménagement enseigné à l'Ecole impériale forestière à Nancy», составляетъ практическое наставленіе къ устройству лѣсовъ, примѣненное къ постановленіямъ закона, а книга Тасси: «Etude sur l'aménagement des forêts» есть хорошее поясненіе предыдущаго курса. Въ подкрѣпленіе взгляда Лоренца и Парада, Тасси,—въ одномъ изъ послѣднихъ изданій своей книги,—въ предисловіи высказалъ мнѣніе, раздѣляемое, если не всѣми, то громаднымъ большинствомъ французскихъ лѣсничихъ. Тасси тамъ говоритъ: «Я смотрю на искусственное возобновленіе, когда оно не обусловливается особыми обстоятельствами, какъ на воровство, совершенное у природы, воровство,—да простятъ мнѣ рѣзкость выраженія,—которое можетъ имѣть наиболѣе тяжкія послѣдствія».

Кромѣ этихъ учебныхъ курсовъ укажемъ еще на слѣдующія сочиненія:

«Flore forestière», соч. Матье. Очень толково составлена.

«Les codes de la législation forestière», Шарля Жако. Хорошій для французскаго лѣсничаго сборникъ, въ форматѣ карманной книги и позднѣйшій сборникъ «Code de la législation forestière», составленный недавно умершимъ директоромъ нансійской школы Пютономъ. Незадолго до смерти этотъ трудолюбивый авторъ выпустилъ два тома объемистаго сочиненія «L'économie forestière».

A. d'Arbais de Jubainville. «Recherches sur le taillis sous futaie». Математическія изслѣдованія о вліяніи свѣта, тѣни и теплоты въ среднемъ хозяйствѣ. Имѣетъ научное значеніе.

Dubais. «Travaux de reboisement executés à la charrue forestière dans le Blésois». Весьма дѣльное сообщеніе о естественномъ возобновленіи дуба и о взрыхленіи почвы особымъ лѣснымъ плугомъ.

Deval. «Le feu et l'eau». Обращеніе къ землевладѣльцамъ, чтобы они лѣсоразведеніемъ защищали себя отъ опустошеній, производимыхъ водою, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивали свои потребности въ топливѣ.

De Turkheim. «Encore à propos de feuilles mortes». Разсматриваетъ вопросъ о лѣсной подстилкѣ, съ точки зрѣнія сельскаго хозяина. Авторъ доказываетъ, что лѣсная подстилка образуетъ дурной навозъ и что ее легко замѣнить другими средствами.

Vicomte de Courval de Pinon. «Conduite et taille des arbres forestiers». Объясняетъ новый способъ отпилки сучьевъ.

I. Clavé. «Etude sur l'économie forestière». Много новыхъ взглядовъ. Это есть государственное лѣсное хозяйство.

Jaquemart. «Bibliographie forestière française». Скопленъ преимущественно матеріалъ, касающійся вліянія лѣсоистребленія на изсякновеніе источниковъ.

Jeandel, Cantegril et Bellaud. «Etudes expérimentales sur les inondations». Заключаетъ результаты точныхъ наблюденій надъ вліяніемъ лѣсовъ на проточныя воды. Авторы дѣлали наблюденія въ двухъ сосѣднихъ рѣчныхъ бассейнахъ, въ департаментѣ Meurthe, на западномъ склонѣ Вогезовъ, а именно въ бассейнахъ рѣкъ Modes и Bièvre. Мѣстности принадлежатъ къ одной геологической формаціи, имѣютъ сходное положеніе и наклонныя плоскости,—только разница, что одинъ бассейнъ лѣсистъ, другой почти безлѣсенъ. Количество атмосферныхъ осадковъ опредѣлялось нѣсколькими дождемѣрами. Вычисленіе одновременныхъ наблюденій дало слѣдующіе выводы:

Коефиціентъ стекающ. на поверхности воды:	въ лѣсистомъ басс.	0,079
	» безлѣсномъ. . .	0,127
Коефиціентъ затопленія:	» лѣсистомъ басс.	0,0213
	» безлѣсномъ . .	0,0391

Reclos. «Le Littorale de la France». Укрѣпленіе прибрежныхъ песковъ въ Гасконіи.

Coltz. «Mémoire sur le boisement de terres incultes notamment de celles ne se prêtant pas à la production agricole». Писано для Арденъ. Премировано.

E. Samanos, fils. «Le système Hugues pour l'extraction de la résine». Система Гюге къ собиранію живицы состоитъ въ подвѣшиваніи глиняныхъ сосудовъ у подсочекъ, вмѣсто собиранія стекающей по подсочкамъ смолы, собираемой въ ямахъ.

L. Boppe. «Cours de technologie forestière». Прекрасная книга, знакомящая насъ съ обработкою лѣсного матеріала во Франціи. Она служитъ руководствомъ для обучающихся въ école nationale forestière.

M. Gomont. «De l'influence des fôrets sur le climat, le sol et les eaux».

A. C. Becquerel. «Mémoire sur les forêts et leur influence climatérique.

Обращаемъ еще вниманіе на сочиненіе вышедшее еще въ 1850 г. L. F. A. Maury, «Histoire des grandes forêts de la Gaule et de l'ancienne France, précedée de recherches sur l'histoire des forêts de l'Angleterre, de l'Allemagne et de l'Italie, et de consedérations sur le caractère des fôrets des diverses parties du globe». Авторъ

не спеціалистъ, а былъ только любитель лѣсовъ, адвокатъ и помощникъ библіотекаря французскаго института наукъ. Поэтому онъ имѣлъ подъ руками обширный матеріалъ для написанія исторіи лѣсовъ, поставилъ себѣ широкую задачу, но безъ строго опредѣленнаго плана. Кромѣ лѣсовъ Галліи, Англіи и Германіи, онъ помѣстилъ и краткія замѣтки о лѣсахъ Италіи, Россіи, Скандинавскаго полуострова, Греціи, Азіи, преимущественно Индіи, Суматры, Явы, Новой Гвинеи, Полинезіи, Америки. Книга интересная.

Изъ книгъ, написанныхъ для болѣе широкаго распространенія, назовемъ: Bagneris, «Manuel de sylviculture»—прекрасное руководство для лѣсной стражи и Broillard, «Traitément des bois des particuliers en France»—руководство для частныхъ лѣсовладѣльцевъ.

Первое періодическое по лѣсной части изданіе явилось во Франціи въ 1805 г. «Mémorial forestier». Редакторомъ былъ Goujon de la Somme. Это былъ сборникъ лѣсныхъ законовъ и циркуляровъ. Изданіе это вышло въ 1805, 1806 и 1807 годахъ въ 6 частяхъ.

Съ 1808 до 1815 г. вышли «Annales forestières» — 8 частей. Главные редакторы были: Boudrillart, Chanlaire и Donial. И это изданіе представляло лишь сборникъ лѣсного законодательства.

Не ранѣе 1829 года явилось во Франціи новое періодическое изданіе, заключавшее статьи по вопросамъ лѣсохозяйственнымъ. Это былъ «Journal des forêts», просуществовавшій не болѣе 13 мѣсяцевъ. Главный редакторъ былъ Hotton, который извѣстенъ сочиненіемъ объ обрубкѣ сучьевъ деревъ.

Вѣроятно, лѣсничіе мало интересовались лѣсоводственною литературою, такъ что не было возможности существовать періодическому изданію.

Въ 1842 г. Thomas, bûcheron de la Nièvre основалъ «Moniteur des eaux et forêts», который просуществовалъ до 1848 г. (6 лѣтъ) и выходилъ ежемѣсячными тетрадями. Самъ Тома выступилъ противникомъ сѣмянныхъ лѣсосѣкъ, которыя называлъ Coupes tudesques.

Его «Монитёръ» долженъ былъ прекратиться или, вѣрнѣе сказать, онъ соединился съ «Annales forestières», которыя также съ 1842 года опять начали выходить.

Съ 1862 года «Annales forestières» измѣнили свое заглавіе на «Rêvue des eaux et forêts», издаваемый при участіи профессоровъ лѣсного училища въ Нанси; этотъ журналъ продолжаетъ до настоящаго времени выходить.

Удовлетворяя нуждамъ лѣсопромышленниковъ, съ 1873 года выходитъ еженедѣльный журналъ «L'écho forestier», наполненный лѣсоторговыми извѣстіями и объявленіями, среди которыхъ попадаются различныя, большей частью, впрочемъ, не оригинальныя, мелкія статьи. Въ этомъ же родѣ былъ и журнальчикъ «La forêt», недавно прекратившій свое существованіе.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Лѣсоводство въ Россіи.

Глава I.

Образованіе землевладѣнія въ Россіи.

Племена, призвавшія на княженіе варяговъ, образовались патріархально, чрезъ нарожденіе, и разселились мирно, безъ завоеванія. Сопровождавшая Рюрика, Синеуса и Трувора варяжская дружина, надо думать, пришла изъ-за добычи, да князья, вначалѣ, и удовлетворяли своихъ сподвижниковъ раздачею имъ городовъ, но только для взиманія дани; феодальное же начало при этомъ не развивалось, потому что лены раздавались временно и не обращались въ наслѣдственныя владѣнія, подобно землямъ, жалованнымъ въ Западной Европѣ вассаламъ и военно-начальникамъ въ родъ. У насъ князь оставался обладателемъ всей земли, а съ исчезновеніемъ пришлой толпы сподвижниковъ, мало-по-малу прежняя, похожая на феодализмъ, раздача мужамъ городовъ для собиранія дани замѣнилась раздѣломъ земли между членами великокняжескаго рода.

Послѣ смерти Ярослава, старшему сыну его Изяславу достался кіевскій великокняжескій престолъ, а младшимъ четыремъ братьямъ удѣлы: Святославу—Черниговъ, Всеволоду—Переяславль, Игорю—Володимеръ, а Вячеславу—Смоленскъ. Младшіе братья должны были оставаться въ послушаніи старшему—великому князю. Такъ вообще было и позже. Младшіе князья никогда не забывали, что и они имѣютъ право на отчину, па Русскую Землю, и при не удовольствіи раздѣлами возставали противъ старшихъ, начиная съ ними войны. Споры были за землю, «за волость», до Владиміра Мономаха, а послѣ сына его, Всеволода, опять начинается борьба князей, но уже не за владѣнія, а за старшинство между Ольговичами и Мономаховичами, ибо родъ Олега Черниговскаго по лѣствицѣ былъ

выше Мономаховичей, но по заслугамъ Мономаха и по любви къ нему народа, слѣдовательно по разряду, выражаясь языкомъ мѣстничества, Мономаховичи были старше Ольговичей; они и одержали верхъ, опираясь на духовное завѣщаніе Ярослава.

Продолжавшаяся долго борьба двухъ княжескихъ отраслей ослабила до того Кіевъ, изъ-за котораго происходила распря, что великій князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій не поѣхалъ болѣе въ Кіевъ, со столомъ котораго было до тѣхъ поръ неразрывно соединено великокняжеское достоинство, а остался жить въ своемъ удѣлѣ Ростовѣ, откуда онъ переселился въ основанный имъ Владиміръ-на-Клязьмѣ.

Андрей остался въ наслѣдственномъ удѣлѣ, и съ этого времени великіе князья стали смотрѣть на всю Россію, какъ на наслѣдственную вотчину, которую по смерти своей передавали старшему сыну, при чемъ ему давали и удѣлъ, какъ и другимъ сыновьямъ, только бо̀льшій противу младшихъ братьевъ.

Еще до временъ Грознаго, московскій великій князь пересталъ смотрѣть на младшихъ князей, какъ на равныхъ себѣ,—они сдѣлались его подручниками, которые должны были соединяться съ великимъ княземъ противъ враговъ Москвы. Младшіе князья стали получать въ удѣлъ самые незначительные города, и притомъ, ослабляемые великимъ княземъ, вскорѣ сдѣлались слугами его, и получали отъ него, взамѣнъ удѣловъ, за службу свою *помѣстья*, т. е. поземельное владѣніе младшихъ князей обратилось въ частновладѣльческое имущество.

Частная поземельная собственность у насъ вытекла изъ государственной, такъ какъ княжескій родъ былъ обладателемъ всей Россіи. Древнѣйшіе же способы пріобрѣтенія частными людьми поземельной собственности были слѣдующіе:

1. Продажа князьями земель боярамъ.
2. Пожалованіе за заслуги.
3. Надѣленіе служилыхъ людей землями-помѣстьями.
4. Даръ церквамъ и монастырямъ земли на поминовеніе души и украшеніе храмовъ.

Разсмотримъ каждый изъ этихъ способовъ пріобрѣтенія земель въ частную собственность.

1. Князья давно продавали земли боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, да и сами покупали земли въ удѣлахъ другихъ князей. Такъ какъ въ государственномъ и въ семейномъ строѣ у насъ проведено родовое начало, т. е. собственность переходила въ родъ, то и поземельное владѣніе, перешедшее по наслѣдству, называлось *отчиною* (вотчиною), когда досталось отъ отца, иногда *дѣдиною* и *прадѣдиною*, когда досталось отъ дѣда и прадѣда.

Отъ вотчины, дѣдины и прадѣдины строго отличали куплю земли самимъ владѣльцемъ, или, какъ въ то время называли, «*примыслъ*». Вотчина, дѣдина, прадѣдина должны были переходить въ родъ, а

въ случаѣ продажи ея, члены рода сохраняли право обратнаго ея выкупа, тогда какъ «примысломъ» могъ распоряжаться владѣлецъ, при своей жизни, по произволу, могъ примыслъ продать, подарить или завѣщать кому угодно. Мы въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ великихъ князей постоянно встрѣчаемъ выраженіе: «а чѣмъ мя, брате, благословилъ отецъ мой своею отчиною и что есмъ собѣ примыслилъ или что собѣ примыслимъ...» Равнымъ образомъ и въ завѣщаніяхъ частныхъ лицъ мы находимъ доказательства, что различали вотчину отъ примысла. Такъ, мы уже въ XIV столѣтіи, въ одномъ завѣщаніи раба Божьяго Остафья (Арх. Юрид., стр. 429) находимъ, что сдѣлано различіе между вотчиною и «прикупкой», а еще яснѣе высказывается различіе въ одномъ завѣщаніи 1473 года: «а что купля моя и язъ тою землею благословляю сына Михаила, а что купля отца моего моя вотчина, и язъ благословляю тою деревнею жену свою Онтониду» (Арх. Юрид., стр. 439).

Проданныя правительствомъ земли, ставшія вотчинами подданныхъ, исключались изъ договоровъ, которые заключали между собою князья о земляхъ удѣльныхъ. Такъ, находимъ въ собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, стр. 178: «Отступилъ ти ся есмь своеѣ отчины Бѣжицкаго верха... опрочь тѣхъ селъ, что есмъ продалъ своимъ боярамъ». Однако частное земельное владѣніе не было особенно прочною собственностью, — иногда великіе князья, распредѣляя въ духовномъ завѣщаніи свои владѣнія, отдавали своему потомству пожалованныя и проданныя частнымъ лицамъ земли. Такъ, великій князь Василій Васильевичъ въ завѣщаніи своемъ пишетъ: «А кому буду давалъ своимъ княземъ и боярамъ и дѣтямъ боярскимъ свои села въ жалованье или хотя и въ куплю кому далъ, ино тѣ села моимъ дѣтямъ, во чьемъ удѣлѣ будетъ, ино тому то и есть». Нерѣдко вражда даже двухъ братьевъ князей имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что земли, пріобрѣтенныя во владѣніяхъ одного князя подданными другого, отбирались въ пользу того князя, въ удѣлѣ котораго они находились. Напримѣръ, въ одной договорной грамотѣ 1445 года мы читаемъ: «А что, господине, ваши князи служилые и ваши бояре покупали въ нашой отчинѣ въ Суздалѣ у насъ и у нашіе братіе и у нашихъ бояръ и у монастырей волости и села или въ Новѣгородѣ и на Городцѣ, или что князь великій подавалъ въ куплю и грамоты свои подавалъ купленные: ино тѣ всѣ купли не въ куплю, а тѣ всѣ волости и села намъ по старинѣ и нашимъ боярамъ; а тобѣ господину нашему князю Димитрію Юрьевичу и вашимъ княземъ и вашимъ боярамъ въ тѣ волости и села не вступатися» (Собр. госуд. грам. и догов., I, стр. 136).

Въ послѣдующія времена, по назначенію государя, продавались порожнія земли въ Московскомъ уѣздѣ по опредѣленной цѣнѣ. Право пріобрѣтать такія земли имѣли какъ служилые, такъ и неслужилые люди, которые владѣли тѣми купленными вотчинами по купчимъ и могли оставлять ихъ въ наслѣдство своимъ женамъ и

дѣтямъ, равно какъ продавать, закладывать и въ приданое отдавать. Если же по смерти вотчинниковъ не оставалось ни жены, ни дѣтей, то вотчины отдавались въ родъ, за недостаткомъ котораго онѣ (выморочныя имѣнія) отбирались на государя въ помѣстныя земли.

2. *Пожалованье.* Государи жаловали недвижимыми имѣніями подданныхъ, оказавшихъ особыя заслуги на пользу отечества или же разорившихся на службѣ отъ внѣшняго непріятеля. При этомъ не различали къ какому сословію принадлежало лицо, оказавшее отечеству услуги; такъ, въ 1614 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ (въ Егорьевскомъ погостѣ, Обонѣжской пятины) священника Ермолая Герасимова и сына его Исаака дворцовою волостью въ вотчину, съ крестьянами, рыбными ловлями и всякими угодьями, за то, что священникъ этотъ съ сыномъ, въ правленіе Бориса Годунова «непоколебимымъ своимъ умомъ и твердостью разума служилъ и прямилъ и доброхотствовалъ» сосланной въ монастырь матери государя, старицѣ Марѳѣ Іоанновнѣ. Потомки священника Ермолая и до сихъ поръ живутъ въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ и числятся тамъ обѣльными вотчинниками. За услуги, оказанныя Россіи въ 1612 году Мининымъ, пожалованы ему вотчины, которыя по смерти его утверждены за женою его и дѣтьми. Даже крестьянину жаловали земли въ вотчину, если его заслуги на пользу государства были велики; такъ, въ 1619 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ за то, что крестьянинъ Иванъ Сусанинъ, несмотря на мученья, претерпѣнныя имъ отъ поляковъ, не сказалъ, гдѣ жилъ юный Михаилъ, пожаловалъ зятю его, крестьянину Сабинину, «за службу и за кровь и за терпѣнье» тестя его Ивана Сусанина землю въ вотчину — пустошь Коробово (Костромской губ.), гдѣ и теперь живутъ потомки Сусанина, подъ названіемъ коробовскихъ бѣлопашцевъ.

Земли жаловались изъ дворцовыхъ и черныхъ волостей. Пожалованное имѣніе обращалось въ родъ лица, которому оно было даровано, съ тою цѣлью, чтобы потомки помнили заслуги своего предка и подражали ему.

3. *Надѣленіе землею служилыхъ людей.*

Гораздо ранѣе того времени, когда правительство начало раздавать земли служилымъ людямъ во временное пользованіе за службу, подъ названіемъ *помѣстій*, это учрежденіе уже существовало фактически, но только не было общеустановленнымъ для всѣхъ служилыхъ. Что это именно такъ было, доказываютъ выраженія, встрѣчаемыя въ нашихъ древнихъ памятникахъ; такъ великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита пишетъ въ своей духовной: «а что есмъ купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмъ Борису Воркову аже иметъ сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ, не иметъ ли служити дѣтямъ моимъ, село отоймутъ».

Позднѣе, когда удѣльные князья утратили свое политическое

значеніе и обратились въ слугъ Московскаго государя, отчасти и великаго князя Литовскаго, удѣльные князья уже не получали удѣловъ, а получали имѣнія за службу и ихъ называли служебными и даже помѣстными князьями, отъ которыхъ великій князь могъ отнять земли, когда не будутъ ему служить. Сохранился даже памятникъ названію *помѣстнаго князя*, а именно, въ 1454 году митрополитъ Іона писалъ посланіе свое «благороднымъ и благовѣрнымъ великимъ княземъ и благороднымъ и благовѣрнымъ *помѣстнымъ* княземъ». Есть также договоры между великими князьями Московскими и Литовскими, въ которыхъ упоминается, что если служилые князья перейдутъ на службу отъ одного къ другому великому князю, то лишаются данныхъ имъ вотчинъ.

Когда окончательно установилось правило раздачи служилымъ князьямъ, за службу ихъ, помѣстій, то совершенно послѣдовательно было подумать и объ обезпеченіи судьбы другихъ людей, служившихъ государству и въ особенности на мѣстахъ военныхъ. И дѣйствительно, великій князь Іоаннъ III Васильевичъ роздалъ въ 1500 году своимъ служилымъ людямъ новгородскія земли; со временъ же царя Іоанна Васильевича IV является правильное помѣщеніе служилыхъ людей, сперва въ Московскомъ уѣздѣ, а потомъ общимъ во всей Россіи, и въ 1550 г. опредѣлены въ Положеніи помѣстные оклады.

Помѣстьемъ называлось данное, за службу и подъ условіемъ службы, во временное владѣніе поземельное имущество, количество земли котораго, съ необходимыми при ней угодьями, опредѣлялось и соразмѣрялось съ званіемъ, къ которому принадлежало лицо помѣщика, и съ мѣстомъ имъ занимаемымъ. Помѣщикъ не имѣлъ права «ни освоивать, ни окняживать, ни продать помѣстья», и только отъ воли лица, давшаго помѣстье, зависѣло, за особыя заслуги служилаго человѣка, обратить въ вотчину все или же часть помѣстья.

Помѣстья должны были кормить служилаго человѣка, слѣдовательно давались ему взамѣнъ денежнаго содержанія за отправленіе службы.

Помѣстья за службу раздавались не только правительствомъ, но и монастыри, изъ принадлежащихъ имъ земель, давали помѣстья какъ своимъ, такъ и государевымъ служилымъ людямъ. Въ этомъ случаѣ монастыри помогали правительству.

Въ помѣстья давались только земли и угодья порожнія, измѣнничьи или выморочныя, вообще никому не принадлежащія, или же прежде бывшія помѣщичьи имѣнія, поступившія обратно въ распоряженіе правительства, послѣ смерти служилаго человѣка. Помѣщикъ имѣлъ право призывать на землю крестьянъ или же владѣть поселившимися на ней, при чемъ крестьянамъ предписывалось во всемъ чтить и слушать своего помѣщика, платить ему подати, пахать въ пользу его землю. Владѣльцу предоставлялось судить кре-

стьянъ, собирать съ нихъ подати «всякой хлѣбной и денежной оброкъ и всякой мелкой доходъ по старинѣ» или «чѣмъ помѣщикъ изоброчитъ».

Посредствомъ купли у правительства за опредѣленную цѣну, или чрезъ пожалованье, помѣстье могло обращаться въ вотчину помѣщика, но только служилаго человѣка и подъ условіемъ службы.

Для обезпеченія участи вдовы служилаго человѣка, государь или монастырь, давали вдовѣ на прожитокъ («въ поджить») либо все помѣстье мужа, либо часть, до смерти или до постриженья, или вступленія въ новый бракъ, а послѣ земля снова обращалась въ государственную или монастырскую собственность. Малолѣтнія дочери умершаго помѣщика также обезпечивались отводомъ части земли до замужества или достиженія 15-ти-лѣтняго возраста.

Весьма часто были случаи, когда великіе князья, за усердіе служилаго человѣка и по просьбѣ послѣдняго, жаловали ему иногда все его помѣстье, чаще же часть онаго, въ вотчину.

Такимъ образомъ, представлялось множество случаевъ къ раздробленію помѣстья на части и къ переходу однѣхъ частей въ вотчину; при томъ помѣщики, пользуясь слабымъ надзоромъ, нерѣдко уступали свои помѣстья другимъ за деньги, какъ будто свои собственныя земли, такъ что къ концу XVII вѣка трудно было и разобраться, какія земли принадлежали владѣльцу на правѣ помѣстномъ и какія на правѣ вотчинномъ. Когда же Петромъ Великимъ учреждено было постоянное войско и всѣ государственныя должности стали оплачиваться денежнымъ содержаніемъ, — помѣстья отжили свой вѣкъ, и тогда указомъ 1714 г. всѣ родовыя, выслуженныя и купленныя вотчины, помѣстья, дворы и лавки, какимъ бы ни было образомъ пріобрѣтенные, соединены подъ однимъ общимъ названіемъ—*недвижимыя имѣнія,* всякое различіе между ними уничтожено и названіе *«помѣстье»* слилось съ названіемъ *«вотчина»;* въ настоящее время слово *помѣщикъ* даже вытѣснило собою слово *вотчинникъ.* Замѣтимъ здѣсь кстати, что названіе *недвижимыя имѣнія* употреблялось у насъ иногда въ старыхъ грамотахъ только въ дѣлахъ, касавшихся до церкви и духовенства, но въ нашемъ юридическомъ и государственномъ языкѣ въ первый разъ встрѣчается въ указѣ 1714 года.

4. Остается еще упомянуть объ одномъ родѣ крупной поземельной собственности, образовавшейся отказомъ въ пользу церкви.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ перешло къ намъ убѣжденіе о необходимости жертвовать въ пользу церквей, монастырей и духовенства частью своего имѣнія, для успокоенія и поминовенія своей души. Съ другой стороны, потребность распространять христіанство въ нашемъ отечествѣ и неразрывная съ нею потребность давать духовенству средства созидать церкви и поддерживать ихъ благолѣпіе, равно какъ и тѣсно связанная съ божественнымъ ученіемъ мысль о благотвореніи, были причинами, почему наши первые хри-

стіанскіе князья такъ щедро жертвовали въ пользу церкви часть своихъ доходовъ и недвижимыхъ имѣній.

По свидѣтельству степенной книги, Владиміръ Святой давалъ церкви «дары великіе и стяжанія земная довольно... и наслѣдницы его многосугубно приложиша, нещадно даяху имъ въ вѣчное наслѣдіе грады и погосты, села и винограды, земли и борты, озера и рѣки, и великія волости со всѣми прибытками».

Древнѣйшій, дошедшій до насъ, памятникъ, касающійся отдачи великимъ княземъ въ монастырь различныхъ доходовъ съ земли, дани, виръ и продажъ,—принадлежитъ великому князю Мстиславу Владиміровичу и сыну его Всеволоду. Это есть жалованная грамота Юрьеву монастырю 1128 года. Впослѣдствіи ни одно лицо великокняжескаго рода не умирало, не завѣщавъ что-либо въ пользу церкви, или не распорядившись еще при жизни о пожалованіи волостей и деревень церквамъ и монастырямъ. Частные люди, по примѣру князей, также жертвовали частью своего достоянія на поминокъ души.

При церквахъ, а еще болѣе при монастыряхъ, скопились громадныя населенныя и ненаселенныя недвижимыя имущества.

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный первый положилъ, въ 1551 г., предѣлъ дальнѣйшему распространенію церковныхъ имѣній, запретивъ отказывать монастырямъ отчины, подъ опасеніемъ описки ихъ въ казну,—что подтверждено было и царемъ Өеодоромъ Іоанновичемъ въ 1581 г., но не всегда строго исполнялось. Царь Өеодоръ Іоанновичъ, для рѣшенія этого вопроса, созвалъ предварительно, въ 1580 г. янв. 5, въ Москвѣ, соборъ, на которомъ присутствовали митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и монастырскіе старцы. Соборъ постановилъ: 1) Имѣнія, отданныя уже въ монастыри и церкви, оставить во владѣніи духовенства. 2) Съ 15 января 1580 г. вотчинникамъ вотчинъ своихъ по душамъ не давати, а давати за нихъ въ монастыри деньги. 3) Монастырямъ не пріобрѣтать земель куплею и закладной не держать. 4) Довольствоваться духовенству тѣми землями, которыми оно нынѣ владѣетъ.

Сущность этого соборнаго постановленія вошла въ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г., однако, предъ включеніемъ въ Уложеніе, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ былъ созванъ соборъ для разсужденія о монастырскихъ имѣніяхъ.

Почти двухвѣковой опытъ убѣдилъ, что ни къ чему не вели всѣ запрещенія о неотдачѣ земель въ монастыри, пока они сами непосредственно распоряжались и сохраняли за собою, по прежнимъ дарамъ и куплямъ, громадныя имѣнія. Вслѣдствіе того, Петръ Великій, въ 1701 г., издалъ два указа: отъ 11 марта — повторилъ, чтобы монастыри не покупали и не мѣнялись землями, а вслѣдъ за тѣмъ, 30 декабря, приказалъ давать въ монастыри опредѣленное количество денегъ въ общежитіе, а вотчинами и никакими угодьями

монастырямъ не владѣть. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признавъ невозможнымъ оставить въ рукахъ духовенства управленіе громадными имѣніями, царь повелѣлъ ввѣрить управленіе тѣми имѣніями лицу мірскому, боярину Мусину-Пушкину и дьяку Ефиму Зотову. Однако, для домашняго обихода еще въ 1680 году повелѣно было отводить къ вновь строющимся церквамъ опредѣленное количество земель.

Съ учрежденіемъ Св. Синода, по указамъ 1721 г. февраля 14 и марта 3,—всѣ имѣнія духовенства подчинены первоначально духовной коллегіи, а потомъ Св. Синоду, при которомъ, въ 1726 году, учреждена была коллегія экономіи синодальнаго правленія. Поводъ къ передачѣ монастырскихъ и церковныхъ имѣній, въ 1721 году, въ вѣдѣніе духовной коллегіи былъ тотъ, что правительство замѣтило, что свѣтскіе управители разорили монастырскія имѣнія; но нѣсколько лѣтъ позже, въ 1738 г., обнаружилось, что и при духовномъ управленіи накопилась недоимка въ податяхъ слишкомъ 40 тыс. руб., и тогда имѣнія опять были переданы въ управленіе свѣтской коллегіи экономіи, а затѣмъ, въ 1744 г., перешли обратно въ вѣдомство Св. Синода.

Въ 1757 году, императрица Елисавета Петровна нашла, что духовенство не должно быть отягощено мірскими попеченіями, чтобъ тѣмъ болѣе быть въ состояніи прилежать къ своему званію; поэтому государыня повелѣла:

1. Чтобъ церковныя имѣнія были отданы въ управленіе отставнымъ штабъ-офицерамъ.
2. Деревни переложить въ помѣщичьи оклады.
3. Доходы собирать на монастырь.
4. Расходовать изъ нихъ не болѣе того, сколько штатами назначено.

Екатерина II, назначивъ президентомъ коллегіи экономіи генералъ-поручика князя Бориса Куракина, а вице-президентомъ Мамонова, освободила ихъ изъ-подъ вѣдѣнія Св. Синода и въ 1764 году издала манифестъ, въ которомъ государыня, убѣдясь въ томъ, что управленіе церковныхъ имѣній, заключающихъ въ себѣ, по послѣдней ревизіи, 910,866 душъ, для духовенства обременительно, окончательно повелѣла коллегіи экономіи принять всѣ монастырскія вотчины подъ свое вѣдѣніе и управленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ архіерейскіе дома, мужскіе и женскіе монастыри раздѣлены на 3 класса, съ назначеніемъ для каждаго особыхъ штатовъ и руги, которую они должны получать отъ коллегіи экономіи.

Переданныя въ казенное управленіе имѣнія духовнаго вѣдомства числились долгое время подъ названіемъ экономическихъ селъ и различались отъ селеній бывшихъ черносошныхъ, получившихъ съ 1745 года наименованіе государственныхъ крестьянъ. Но гораздо позже, съ учрежденіемъ, въ 1837 году, Министерства Государственныхъ Имуществъ, различіе между экономическими и государственными крестьянами исчезло, оба именованія слились въ общемъ на-

званіи государственныхъ крестьянъ, которыхъ въ общежитіи называли и казенными крестьянами; названіе же экономическихъ крестьянъ прекратилось.

Прежде чѣмъ продолжать обзоръ разнаго рода землевладѣній, скажемъ нѣсколько словъ о сельскихъ жителяхъ Русской Земли.

Сельскіе обыватели въ Россіи издревле извѣстны подъ именемъ *смердовъ*,—такъ впрочемъ назывались у насъ вообще всѣ низшіе, податные классы людей. Вмѣстѣ со смердами упоминается въ «Русской Правдѣ» еще о *рядовичахъ*, княжескихъ и боярскихъ,—также земледѣльцахъ, но заключавшихъ съ владѣльцами земель особый рядъ или договоръ. Не менѣе старо происхожденіе *половниковъ*, которые воздѣлывали земли частныхъ лицъ и монастырскія, за пользованіе половиною добытыхъ произведеній. Половничество существовало уже во времена Ярослава Великаго и особенно распространено было на сѣверѣ. Въ исходѣ XIV и въ началѣ XV столѣтія названія смердъ и рядовичи исчезаютъ и замѣняются словомъ крестьянинъ или христіанинъ. Въ то же время, въ эпоху татарскаго владычества, возникаетъ особый видъ сословія свободныхъ сельскихъ обывателей—*черные люди*, называвшіеся также *черносошными*. Такъ называли крестьянъ, поселившихся на земляхъ княжескихъ, гдѣ эти люди пользовались землею на ограниченномъ правѣ собственности, съ обязанностью нести извѣстныя тягости и повинности. Въ древнемъ нашемъ юридическомъ языкѣ слова *черное* и *бѣлое* противуполагались одно другому. Словами: чернὸ и бѣлὸ обозначали все обложенное податями въ пользу государя и все освобожденное отъ взноса ихъ, все тяглое на князя и нетяглое. По всей Россіи были разсѣяны черныя села и волости великихъ князей, жители которыхъ назывались черносошными въ отличіе отъ *бѣломѣстцевъ*,—тяглыхъ либо на частнаго вотчинника, либо на монастырь и церковь, но не на князя.

У великихъ князей были земли и волости, назначенныя на содержаніе его дворцовъ, семейства, прислуги, подъ разными названіями посошныхъ и подклѣтныхъ селъ,—это были дворцовыя волости. Онѣ назначались по волѣ великаго князя изъ черныхъ волостей. Изъ черныхъ же и дворцовыхъ волостей производились всемилостивѣйшія пожалованія земель частнымъ лицамъ въ вотчину.

Еще Іоаннъ IV сдѣлалъ попытку отдѣлить разъ навсегда отъ земства извѣстныя земли въ свою опричину, но его наслѣдники не удержали это учрежденіе, и только императоръ Павелъ, въ Высочайше утвержденномъ 5 апрѣля 1797 года учрежденіи объ Императорской Фамиліи, повелѣлъ отдѣлить изъ государственныхъ владѣній опредѣленную, одинъ разъ навсегда, часть деревень, подъ именемъ удѣльныхъ имѣній, для обезпеченія состоянія Августѣйшей Фамиліи, что и вошло въ Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Такимъ образомъ, прежнее названіе *удѣловъ*, въ значеніи областей, гдѣ княжили младшіе князья, получило значеніе вотчинъ.

Нѣкоторое отличіе представляютъ намъ литовскія губерніи.

Общая исторія Литвы до VIII столѣтія почитается баснословною. До этого времени Литва составлялась изъ разныхъ элементовъ, разныхъ народовъ, пока, наконецъ, мощная рука Рингольда не соединила ихъ въ одно и не открыла пути его наслѣдникамъ образовать сильное государство (1226 годъ).

Извѣстно, однако, что до конца X вѣка въ Литвѣ были бо̀льшіе и мѐньшіе князья (кунигасы) или владѣтели, которыхъ сосѣди величали титломъ князей.

Земля раздѣлена была на округи и участки разной величины, состоявшіе въ наслѣдственномъ и, вѣроятно, въ ленномъ владѣніи вельможъ, которые однакожъ находились не въ одинаковой зависимости отъ своихъ князей.

На земляхъ этихъ владѣтелей жилъ простой народъ, отчасти свободный, отчасти невольники, съ обязанностью приносить данины или исправлять опредѣленныя работы.

Судьба земледѣльцевъ, въ особенности невольниковъ, была тягостна. Въ томъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, литовская миѳологія. Между литовскими божествами находился покровитель крестьянъ—Пусхойтисъ, къ которому обращали они молитвы свои, прося его быть ходатаемъ у Маркснома, бога господъ, чтобъ тѣ облегчили участь ихъ, крестьянъ.

Съ XII, а еще болѣе въ XIII вѣкѣ, въ Литвѣ утвердилось самодержавіе.

Князья дѣлились пріобрѣтенными областями, какъ своею собственностью.

Лѣтописцы упоминаютъ о Княжеской Думѣ, составленной изъ знатнѣйшихъ лицъ въ государствѣ. Эти знатнѣйшія лица составляли древне-литовское дворянство, обязанное служить на войнѣ за данныя имъ земли,—и они находились въ ленной зависимости отъ своихъ князей.

Здѣсь намъ не важно и для нашей задачи не интересно прослѣдить, какъ прежній, знатный классъ жителей, извѣстныхъ подъ именемъ бояръ (Баіорасъ), вытѣсненъ былъ изъ своего высокаго положенія вновь образовавшейся шляхтою, и какъ бояре подраздѣлились на отчичей и вольныхъ, панцырныхъ, путныхъ и служковъ, о которыхъ упоминается въ древнихъ актахъ и литовскомъ статутѣ, пока эти первоначальные бояре перешли постепенно, въ позднѣйшія времена, въ составъ простого народа. Намъ важна здѣсь не перемѣна сословная, а фактъ, что частная поземельная собственность въ Литвѣ была весьма древнимъ учрежденіемъ.

Рядомъ же съ частною собственностью, въ Литвѣ было и землевладѣніе князей, а впослѣдствіи Польскихъ королей. Князья и короли жаловали земли частнымъ лицамъ, нерѣдко съ особыми условіями, и когда Литва возвращена была подъ власть Россіи, то всѣ особыя условія владѣнія были сохранены.

Бывшія королевскія имѣнія поступили въ удѣльныя и государственныя (въ современномъ смыслѣ), а частныя — остались за ихъ владѣльцами. Въ числѣ частнаго поземельнаго владѣнія находились нѣкоторыя на особомъ положеніи, а именно имѣнія ленныя и такъ-называемыя поіезуитскія.

Ленными имѣніями были тѣ, которыя розданы были Польскими королями, въ Западномъ краѣ Россіи, до присоединенія его къ Имперіи, разнымъ лицамъ за воинскіе подвиги, до пресѣченія мужской, а нѣкоторыя и женской линіи.

Такъ какъ владѣльцы этихъ имѣній не могутъ ихъ раздроблять по наслѣдству, ни закладывать, ни продавать изъ одной фамиліи въ другую, вообще имѣнія переданы *въ родъ* до прекращенія его,— послѣ же того, имѣнія должны возвратиться въ казну,— такъ что право собственности сохраняется за государствомъ и только право владѣнія отдѣлено, на время существованія рода, то за правительствомъ осталось право и обязанность надзора за цѣлостью такого имѣнія.

Поіезуитскими (1-ми) называются недвижимыя населенныя имѣнія, принадлежавшія іезуитскому ордену въ бывшемъ Польскомъ королевствѣ, а по уничтоженіи того ордена проданныя тогдашнимъ польскимъ правительствомъ, на основаніи конституціи 1775 года, древнимъ польскимъ дворянамъ, по особой на серебряную монету оцѣнкѣ, сумма коей оставлена вѣчно на имѣніи, съ обязательствомъ владѣльца платить съ оной въ казну положенные ежегодно проценты тою же монетою, которою опредѣлена и самая оцѣнка.

Сумма оцѣнки этихъ имѣній составляла эдукціонный фундушъ, т.-е. капиталъ учебныхъ заведеній.

Такъ какъ эти поіезуитскія имѣнія, составляя собственность владѣльцевъ, относительно къ казнѣ суть залоги, обезпечивающіе цѣлость оцѣночныхъ суммъ, на нихъ лежащихъ, и исправнаго съ оныхъ платежа процентовъ,—и какъ для вѣрности и благонадежности такого обезпеченія необходима цѣлость самаго залога, то эти имѣнія остались подъ надзоромъ правительства и подчинены нѣкоторымъ ограниченіямъ въ пользованіи ими.

Глава II.

Лѣсная часть въ Россіи до 1800 года.

Въ составѣ образовавшихся разнаго рода землевладѣній въ Россіи заключались, конечно, и лѣса, изъ которыхъ въ первые вѣка пользовались свободно древесиною всѣ нуждавшіеся въ ней. Въ этомъ убѣждаютъ насъ памятники законодательства.

Основаніемъ каноническаго и гражданскаго права первыхъ вѣковъ Россіи служили греческія установленія.

Константинопольскій патріархъ Фотій прислалъ въ Россію первыхъ святителей; при немъ явились и первые греческіе церковные уставы, перешедшіе въ Россію отъ болгаръ, и составились первые списки Кормчей Книги. Такъ называлось собраніе правилъ Св. Отцовъ, постановленія соборовъ и разныя узаконенія по уголовному и гражданскому праву.

Въ разныхъ спискахъ Кормчихъ книгъ сохранились и дошли до насъ памятники законовъ того времени. Нѣкоторыя изъ постановленій, заключающихся въ Кормчихъ, составляютъ буквальный переводъ византійскихъ узаконеній, но бо̀льшая часть представляютъ болѣе или менѣе значительныя измѣненія въ сравненіи съ византійскими источниками. Изъ числа собственно русскихъ статей, заключающихся въ многочисленныхъ спискахъ Кормчей книги, замѣчательна такъ-называемая «Русская Правда». Она заключаетъ почти исключительно одно уголовное право и послужила основаніемъ дальнѣйшему развитію нашего права.

«Русская Правда» приписывается Ярославу I.

Ярославъ не сочинилъ «Правду»,—онъ только издалъ то, что̀ существовало до него,—собралъ словесныя преданія и обычаи народа.

Такой же сборникъ—«Правда» Изяслава и его братьевъ; равно и «Правда» Владиміра Мономаха, которыя служили продолженіемъ «Правды» Ярослава.

Кормчія и «Русская Правда» имѣли у насъ практическое значеніе до утвержденія единодержавія въ Московскомъ княженіи.

Далѣе являлись у насъ Судебники и Уложенія. Судебникъ Іо-

анна III (1498 г.), первый письменный законъ, обнародованный у насъ отъ имени верховной власти. Судебникъ Іоанна IV (1 іюня 1550 г.) составляетъ вызванное временемъ продолженіе «Русской Правды». Наконецъ, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г. соединяло въ себѣ всѣ прежніе законы и всѣ приговоры бояръ и постановленія судовъ. Въ немъ только 19 новыхъ статей, остальныя принадлежатъ прошедшему времени.

Петръ Великій разобралъ новоуказныя статьи Уложенія. Сборникъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ Своднаго Уложенія.

Со времени учрежденія Сената—законы объявлялись въ сенатскихъ указахъ и затѣмъ при императорѣ Николаѣ I собраны въ Сводъ Законовъ, первое изданіе котораго явилось въ 1832 году.

Въ «Русской Правдѣ» назначено «за покражу сѣна и дровъ 9 кунъ въ казну, а хозяину за каждый возъ по 2 ногаты»; но тамъ рѣчь идетъ о срубленномъ лѣсѣ, за присвоеніе труда чужого, а не за самовольную порубку въ лѣсу.

Въ Ярославовомъ законѣ «о церковныхъ судахъ и земскихъ дѣлахъ» хотя и помѣщена статья: «Аще кто сжётъ лѣсъ чужій или сѣчетъ деревіе чужіе, сугубо да осужденъ будетъ и рука его знамёнена будетъ»,—но законъ этотъ въ то время, при обиліи лѣсовъ, не могъ истекать изъ дѣйствительной народной потребности; онъ просто взятъ и перенесенъ, безъ всякой надобности, изъ Судебника царя Константина, и есть буквальный переводъ византійскихъ узаконеній.

Подобная статья была совершенно чуждой тогдашнему понятію народа. Народъ имѣлъ земли общинныя; кто не принадлежалъ къ обществу, тому и земель не верстали. Захватъ земли, безъ разверстки ея, долженъ былъ и тогда представляться самоволіемъ, насиліемъ. Разверстанныя земли кормили народъ,—на разработку ихъ прилагался трудъ,—этою землею уплачивались подати. Вотчинникъ собиралъ подати, ему принадлежало все, что даетъ доходъ, но самое владѣніе принадлежало къ отчинѣ, дѣдинѣ князя. Могло-ли, при такомъ взглядѣ на землю, быть крѣпкимъ полное право владѣнія лѣсами? Лѣса—въ разверстку не шли, народъ ими податей не платилъ, стало-быть, въ лѣсахъ не проявлялась весьма важная сторона собственности: возможность полученія дохода; а потому лѣса должны были казаться принадлежностью княжеской вотчины, такъ какъ обѣленіе проданнаго частному лицу имѣнія заключалось въ освобожденіи его отъ платежа на князя подати, а изъ лѣса нельзя было и тянуть податей. Поэтому и лѣса должны были казаться принадлежностью княжеской вотчины, а князь почитался кормильцемъ народа. Не могло, при такихъ обстоятельствахъ, вязаться съ понятіемъ народа запрещеніе рубки лѣса, въ которомъ было такое же обиліе, какъ въ водѣ.

Взглядъ такой выразился и въ одномъ, дошедшемъ до насъ фактѣ: изъ спорнаго дѣла 1504 года между Ѳарапонтовымъ мона-

стыремъ и крестьянами Словенскаго волока о расчисткѣ ими подъ свою пашню Сусельскаго лѣса, видно, что крестьяне показали, что расчистили лѣсъ, считая его княжескимъ,—и это оправданіе было принято.

Маловажность владѣнія лѣсами видна и изъ того, что въ первыхъ, дошедшихъ до насъ жалованныхъ грамотахъ 1128 г. вовсе не упоминается о лѣсѣ особою статьею, и только около 1400 года въ первый разъ говорится въ грамотѣ особо о лѣсѣ, именно въ жалованной грамотѣ Ярославскаго князя Ѳедора Ѳедоровича, сына князя Ѳедора Васильевича. Онъ пожаловалъ Толгскому монастырю деревню Кукольцы «и съ лѣсомъ, и съ пожнями, куды топоръ ходилъ, куды коса ходила.....»

Впослѣдствіи, когда явились мѣстности, замѣтно оскудѣвшія лѣсами, вслѣдствіе свободной ихъ рубки, конечно, и у насъ собственники земли стали запрещать постороннимъ рубить свои лѣса безъ дозволенія, но, повидимому, одно только запрещеніе со стороны собственника было недостаточнымъ, чтобы удержать самоволіе порубщиковъ; тогда-то въ защиту владѣльцевъ должна была вступиться, и дѣйствительно вступилась, у насъ законодательная власть, которая проявила себя выдачею *охранныхъ грамотъ.* Грамоты эти утверждали, — для отдѣльныхъ частныхъ случаевъ, — право рубки исключительно только за владѣльцами лѣса.

Первая, дошедшая до насъ, охранная грамота относится къ 1485 г. Въ этой грамотѣ Іоаннъ III запрещалъ свободную рубку лѣса въ дачахъ Троицко-Сергіевскаго монастыря. Для точнаго же наблюденія за исполненіемъ повелѣнія, великій князь далъ своего пристава, Палку-Ворону, и велѣлъ ему ловить всѣхъ рубщиковъ, которые отправятся въ лѣсъ безъ монастырскаго позволенія, и взыскивать съ порубщиковъ штрафъ.

Охранныя грамоты являлись еще и столѣтіемъ позже, и онѣ доказываютъ, что рубка лѣса у насъ производилась свободно всѣми и каждымъ, иначе не было бы и надобности въ испрошеніи особыхъ охранныхъ грамотъ.

Впрочемъ, выдаваемыя въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ охранныя грамоты не измѣняли общаго, господствовавшаго въ то время, взгляда на лѣса, какъ на имущество, которымъ можетъ пользоваться не только одинъ собственникъ земли, но и другія лица, потому что иногда и послѣ выдачи охранныхъ грамотъ государь давалъ право рубки во всѣхъ лѣсахъ «и въ митрополичьихъ, и въ боярскихъ, и въ монастырскихъ, и во всѣхъ чьи ни буди», исключая заповѣдныхъ великокняжескихъ. Тогда приходилось просить новыя охранныя грамоты, напримѣръ, Троицко-Сергіеву монастырю вновь дана была, въ 1529 году, грамота великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ, гдѣ запрещается рубка лѣса въ дачахъ этого монастыря всѣмъ «чей кто ни буди», и въ концѣ грамоты прибавляется: «а у кого будетъ моя, великаго князя, жалованная грамота на грамоты на старые лѣса и рощи,—а на сію мою грамоту грамоты нѣтъ».

Взглядъ на лѣса еще долгое время послѣ охранныхъ грамотъ не измѣнялся. Такъ, напримѣръ, въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1649 года мы не встрѣчаемъ относительно лѣсовъ новыхъ постановленій, тамъ только развиты изданныя прежде правила. Дозволено владѣльцамъ частныхъ земель, у которыхъ по писцовымъ книгамъ значатся бортныя ухожья или поверстные лѣса, расчищать ихъ подъ пашни и покосы, и строить въ нихъ селенія. Далѣе хотя и говорится, что за насильственную рубку лѣса въ чужихъ угодьяхъ виновный долженъ заплатить истцу за лѣсъ деньги, по указной цѣнѣ, но вслѣдъ затѣмъ «служилымъ людямъ» дозволяется рубить во всѣхъ частныхъ лѣсахъ, безъ испрошенія на то разрѣшенія ихъ владѣльцевъ, съ однимъ только ограниченіемъ: рубить для себя, а не на продажу. Вообще Уложеніе царя Алексѣя Михайловича не есть вновь составленный законъ. Тамъ собраны существовавшія правила и только 19 статей вошло туда новыхъ.

Не цѣня древесину, лѣсъ, однакоже, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи пріобрѣлъ давно важное значеніе, какъ средство для защиты государства.

Наши южныя границы, смежныя съ волжскими, донскими и днѣпровскими степями, подвергались часто опустошительнымъ набѣгамъ татаръ. Поэтому, еще въ срединѣ XIV вѣка, правительство нашло необходимымъ завести на границахъ постоянную стражу для наблюденія за движеніемъ ордынцевъ. Первое время это были только скрытые притоны для разъѣздныхъ стражей, но потомъ они приняли видъ ряда укрѣпленій на всемъ протяженіи юго-восточныхъ границъ государства. Этотъ рядъ укрѣпленій составляли острожки и крѣпостцы, соединенныя рвами и лѣсами; послѣдніе, въ случаѣ ожидаемаго набѣга татаръ, заваливались срубкою деревъ, отъ чего и названы засѣками. Устройство засѣкъ продолжалось до Петра Великаго; да еще и при немъ, во время войны съ Карломъ XII, засѣкали лѣса, съ цѣлью помѣшать удобному наступленію непріятеля.

Значеніе свое, въ стратегическомъ отношеніи, засѣки потеряли только въ 1762 г., когда часть ихъ приписана къ казеннымъ оружейнымъ заводамъ.

Присмотръ за засѣками и охраненіе ихъ возлагалось на засѣчныхъ сторожей и головъ. Сторожа должны были содержать караулы днемъ и ночью, и, вмѣстѣ съ засѣками, состояли въ главномъ вѣдѣніи Пушкарскаго приказа. Царь Алексѣй Михайловичъ издалъ нѣсколько частныхъ постановленій о строгомъ обереженіи засѣчныхъ лѣсовъ. Напримѣръ, получивъ донесеніе, что близъ Бѣлгорода лѣса сильно вырублены для гонки смолы и жженія поташа, такъ что въ дровахъ открылся недостатокъ, а пчелы сильно пострадали отъ дыма, и медъ вздорожалъ, царь постановилъ: будныхъ становъ (поташныхъ заводовъ) въ тѣхъ мѣстахъ никому не давать, а для осмотра существующихъ становъ послалъ дворянъ изъ Пушкарскаго приказа.

При отдачѣ лѣса подъ заселеніе, когда предполагалась расчистка лѣсовъ и слѣдовало положить сначала трудъ для полученія возможности пользоваться выгодами отъ земли, поселенцы и у насъ освобождались на извѣстное время отъ платежа податей. Напримѣръ, великій князь Василій Ивановичъ далъ въ 1517 году братьямъ Аники, родоначальника Строгановыхъ, дикій старый липовый лѣсъ въ Устюжскомъ уѣздѣ. Они могли поставить въ этомъ лѣсу дворы и на 15 лѣтъ освобождались отъ платежа податей и пошлинъ. Въ 1524 году дозволено крестьянину Наумкѣ Кобелю, съ товарищами, селиться въ лѣсу на р. Юрѣ, и они освобождены отъ податей на 10 лѣтъ. Въ 1639 г. дозволено Степанко Кожевникову поселиться въ черномъ лѣсу по р. Совѣ и дана льгота на 15 лѣтъ.

Да и до настоящаго времени для Архангельской и Вологодской губерній сохранился въ силѣ законъ, по которому съ дозволенія лѣсничаго расчистившій лѣсъ и приведшій землю изъ-подъ него въ совершенное удобреніе, крестьянинъ и его наслѣдники расчищеннымъ участкомъ пользуются сорокъ лѣтъ неотъемлемо, и только послѣ этого срока тотъ участокъ поступаетъ въ вѣдѣніе сельскаго общества.

Звѣринымъ промысломъ въ Россіи издавна занимались; онъ доставлялъ важный предметъ для торговли. Мѣхами, отчасти, платили подати. Обозы купеческіе ѣздили въ Азовъ и Кафу, нагруженные пушнымъ драгоцѣннымъ товаромъ: мѣхами собольими, лисьими, горностаевыми. Однако, въ лѣтописяхъ нашихъ не упоминается, чтобы для промысловой охоты, или для удовлетворенія охотничьей страсти бояръ, выдѣлены были заказныя рощи или запрещалась бы какого-либо рода охота низшимъ сословіямъ людей; только въ болѣе позднихъ лѣтописяхъ говорится о ловищахъ и звѣринцахъ, гдѣ сберегалась дичь для княжеской охоты. Можно думать, что подобныя ловища и звѣринцы существовали и въ самыя древнія времена Россіи, и что князь Олегъ, въ 970 году, убилъ сына полководца Свѣнельда, заставъ его на охотѣ въ недозволенномъ мѣстѣ, но прямого указанія о существованіи во времена Олега такихъ ловищъ и звѣринцевъ нѣтъ.

За всѣмъ тѣмъ и у насъ законодательная власть давно выступила на защиту охоты. Въ законахъ Ярослава (XI столѣтіе) назначается наказаніе за бобра, украденнаго изъ норы; за воровскую ловлю бобровъ; за снятіе сѣти птицелова; за украденнаго сокола и ястреба; высокая пеня наложена за голубя, куропатку, утку, гуся и т. д.

Пчеловодство у насъ также давно закономъ охраняется. Уже въ законѣ Ярослава постановлено: «Кто стешетъ бортные знаки, съ того взять въ казну 12 гривенъ. За борть ссѣченную виновный даетъ 3 гривны пени въ казну, за дерево полгривны, за выдраніе пчелъ 3 гривны, а хозяину за медъ нелаженнаго улья

10 кунъ, за лаженный 5 кунъ». Бортныя ухожья отдавались у насъ въ оброкъ, хотя и за ничтожную цѣну. Напримѣръ, въ 1587 г. отданъ былъ крестьянину Унженскаго уѣзда (Костромской губ.) для пчеловодства лѣсъ, лежащій за рѣкою Унжей верстъ на двадцать или на тридцать, и за оброчное его содержаніе крестьянинъ обязался платить въ годъ по пуду меду, да пошлинъ съ пуда 5 денегъ.

Собираніе съ лѣсныхъ бортныхъ ухожьевъ подати медомъ продолжалось у насъ до Петра Великаго, что видно изъ одного указа его, гдѣ повелѣно впредь брать деньгами, полагая пудъ меда въ 1 руб. 3 алтына двѣ деньги. Но и послѣ этого указа все еще доходъ съ пчеловодства поступалъ долго натурою, и только въ 1724 г. постановлено распродать медъ, накопившійся съ малороссійскихъ городовъ, и велѣно впредь не брать десятый улей, а деньгами по 60 коп., а у кого менѣе 10 ульевъ, брать съ каждаго по 6 коп.

Взглядъ, что лѣса не составляютъ исключительное право собственности одного только землевладѣльца, сохранился у насъ до императрицы Екатерины II. Что таковъ именно былъ взглядъ еще Великаго Петра I, весьма ясно выражаетъ указъ его 11 декабря 1719 года, особенно если обратиться къ поводу, вызвавшему этотъ указъ. Въ первые года, вновь основанный городъ С.-Петербургъ находилъ въ самой ближайшей окрестности своей достаточно лѣсовъ, изъ которыхъ бралъ бревна и дрова, но когда, по истеченіи немногихъ лѣтъ, ближайшихъ лѣсовъ оказалось недостаточно, а нѣкоторые лѣса по берегу р. Невы, между городомъ и р. Славянкой, прежними повелѣніями были обращены въ заказные, то дрова въ Петербургѣ сильно вздорожали, вслѣдствіе того, что частные землевладѣльцы, которымъ принадлежали лѣса, расположенные выше по Невѣ и притокамъ ея, не позволяли рубить у себя лѣсъ безплатно. Тогда-то, въ 1719 году, дозволено было отъ р. Славянки, по обѣ стороны Невы и по прочимъ рѣкамъ до Шлиссельбурга, кромѣ Тосны, рубить дрова и бревна всѣмъ безъ исключенія, во всѣхъ дачахъ, чьи-бъ онѣ ни были. Но Петръ Великій предвидѣлъ, что помѣщики неохотно пустятъ въ свои лѣса порубщиковъ, а потому объявилъ: «А ежели кто въ дачи свои для рубки лѣсовъ и дровъ пускать не будетъ и о томъ будетъ на нихъ челобитье, и у тѣхъ данныя имъ земли взяты будутъ на Его Царское Величество безповоротно».

Тотъ же взглядъ на лѣса проведенъ и во всѣхъ указахъ Петра Великаго, касающихся лѣсовъ.

Когда Петръ Великій утвердилъ свою Имперію прочно на берегахъ Балтійскаго моря и создалъ флотъ, то лѣса пріобрѣли громадную важность. Потребности адмиралтейства должны были быть прочно обезпечены и нельзя было Царю не обратить вниманіе на сохраненіе, въ пользу флота, потребныхъ на постройку судовъ лѣсныхъ матеріаловъ. Къ этой цѣли и были направлены почти всѣ указы императора, касающіеся лѣсовъ. Строгій же запретительный

характеръ ихъ соотвѣтствовалъ современному взгляду остальной Европы. Вся Европа признавала, что правительство имѣетъ верховную власть надъ лѣсами; во Франціи законы, составленные при Кольберѣ, были въ полной силѣ; флотъ и тамъ могъ брать нужный ему лѣсъ, гдѣ бы онъ ни росъ. Точно такъ и въ Даніи, а въ Германіи, хотя и не въ пользу флота, но во имя обезпеченія вообще народныхъ нуждъ, существовали запрещенія рубить нѣкоторыя породы деревъ. Вездѣ за нарушеніе запрещенныхъ дѣйствій въ лѣсахъ назначались строгія наказанія. Естественно, что въ томъ же духѣ сложились и указы Великаго Петра.

Императоръ ясно видѣлъ, что, при быстромъ развитіи государства, необходимо пользованіе лѣсами ограничить строгими правилами, чтобы морское судостроеніе не нуждалось въ лѣсномъ матеріалѣ. Поэтому, уже въ указахъ 19 ноября 1703 года, 19 января 1704 г. и позже, 28 декабря 1717 и 31 января 1718 г., положенъ предѣлъ свободной рубкѣ лѣса. Деревья дубъ, ильмъ, вязъ, кленъ, ясень, лиственница и мачтовая сосна названы заповѣдными и въ извѣстномъ разстояніи отъ рѣкъ назначены только для удовлетворенія казенныхъ надобностей, преимущественно для потребностей флота. Неприкосновенность заповѣдныхъ деревъ для порубокъ частныхъ лицъ, подъ страхомъ наказанія, распространялась на всѣ дачи безъ различія, какъ казенныя, такъ и частныя. За то незаповѣданныя породы деревъ можно было рубить въ казенныхъ лѣсахъ сколько угодно и гдѣ угодно, за исключеніемъ произраставшихъ по берегамъ Невы, Тосны и Охты, и въ разстояніи двухъ верстъ отъ другихъ рѣкъ, въ Неву впадающихъ; лѣса эти назначались собственно для адмиралтейства.

Наказанія за вырубку заповѣдныхъ деревъ были опредѣлены строгія; въ 1703 г. за вырубку одного дерева, кромѣ дуба, штрафъ составлялъ по 10 рублей, а за одинъ дубъ и за большую порубку прочихъ заповѣдныхъ деревъ—смертная казнь. Точно также смертная казнь назначалась за поджогъ лѣсовъ. Позже, въ 1712 г., наказанія смягчены; вмѣсто смертной казни опредѣлена была ссылка въ каторжную работу. Однако, въ отдаленныхъ губерніяхъ: Уфимской, Сибирской и Астраханской разрѣшено было, 19 іюня 1719 г., рубить и корабельный лѣсъ. Петръ Великій обратилъ также вниманіе на бережливое, вообще, употребленіе лѣсовъ; онъ, въ 1715 г., повелѣлъ, чтобы лѣсъ, годный на дома, не рубить на дрова, а заготовлять дрова изъ ели, осины, ольхи и березы; позже совѣтовалъ ввести пилу для заготовленія дровъ, а помѣщикамъ въ губерніяхъ, не богатыхъ лѣсомъ, сѣять на своихъ земляхъ дубъ, липу, кленъ и др. деревья. Заводскіе лѣса находилъ нужнымъ дѣлить на лѣсосѣки.

Петромъ Великимъ устроена и администрація надъ лѣсами. Уже 6 апрѣля 1722 г. послѣдовалъ указъ о назначеніи вальдмейстеровъ; 19 іюля того же года издана оберъ-вальдмейстерская инструкція, окончательно пополненная указомъ 3 декабря 1723 года. Вальдмей-

стера размѣщены по системамъ рѣкъ. Вальдмейстера малыхъ рѣкъ поставлены подъ начальство вальдмейстеровъ большихъ рѣкъ. Требовалось описать лѣса и составить карты. Для охраненія велѣно раздѣлить лѣса на звенья, въ лѣсные сторожа выбрать однодворцевъ и отставныхъ драгунъ и солдатъ, а за недостаткомъ ихъ выборъ сдѣлать изъ приказчиковъ, старостъ и крестьянъ. Вальдмейстера сами должны взыскивать штрафъ за открытыя порубки. Съ каждаго пня заповѣдныхъ породъ штрафъ составлялъ 5 рублей, изъ которыхъ 2 рубля должны идти въ казну, а 3 руб. стражѣ. Вальдмейстера назначались изъ дворянъ и помѣщиковъ, жившихъ въ сосѣдствѣ лѣсовъ, для того, чтобы они могли имѣть пропитаніе изъ своихъ деревень. Въ помощь вальдмейстерамъ были опредѣлены унтеръ-вальдмейстера, также изъ помѣщиковъ.

Съ изданіемъ оберъ-вальдмейстерской инструкціи всѣ лѣса Имперіи были подчинены адмиралтействъ-коллегіи, при которой полагался одинъ оберъ-вальдмейстеръ и вальдмейстерская канцелярія.

До 1718 г. существовала особая денежная повинность на заготовку корабельныхъ лѣсовъ, а 31 января 1718 года повелѣно: въ губерніяхъ Казанской, Воронежской, Нижегородской и въ Симбирскомъ уѣздѣ брать для рубки и доставки корабельныхъ лѣсовъ служилыхъ мурзъ, татаръ, мордву и чувашъ; эту новую повинность положить на нихъ взамѣнъ высылки ихъ на работы въ Петергофъ. Этимъ же указомъ постановлено набрать 300 человѣкъ плотниковъ, кузнецовъ, пильщиковъ и бочаровъ изъ русскихъ селъ и волостей тѣхъ же губерній, зачисливъ ихъ въ рекруты, и поселить особыми селеніями. Обязанностью поселенцевъ было обрабатывать, за хлѣбъ и особую плату, срубленныя корабельныя деревья. Это начало лашмановъ. Впослѣдствіи цѣлыя селенія татаръ, мордвы и чувашъ зачислены были въ лашманы.

Въ этомъ видѣ устройство лѣсной части оставалось въ силѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями, до царствованія императрицы Екатерины II. Но уже при Петрѣ II выступаетъ въ нашемъ лѣсномъ законодательствѣ признаніе правъ частной лѣсной собственности. Въ указѣ 11 марта 1729 года говорится, чтобы впредь къ адмиралтействамъ годные дубовые лѣса, растущіе на земляхъ помѣщиковъ, покупать каждое дерево по вольной цѣнѣ, чтобы они дубъ сѣяли и всячески размножали и берегли. Эта новая черта хотя и не получила, повидимому, практическаго примѣненія, за обиліемъ въ то время корабельнаго лѣса въ казенныхъ дачахъ, но не отмѣнялась.

При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1732 г., издана инструкція или уставъ о заводѣ и о сѣвѣ для флота вновь лѣсовъ; въ ней заключаются правила, какъ обращаться съ корабельными лѣсами. Адмиралтействъ-коллегіи вмѣнялось въ обязанность дубовыя и другія годныя для флота деревья подчищать, охранять и производить въ удобныхъ мѣстахъ посѣвы лѣсовъ; подчищенные и засѣянные участки

обрывать канавами. Въ этомъ указѣ впервые говорится о вызванныхъ изъ Германіи форстмейстерахъ, которымъ ввѣрялся надзоръ за всѣми подчищенными и засѣянными пространствами и поручалось засѣвать избранные участки. Сѣять велѣно не слишкомъ рѣдко, не слишкомъ густо, а «какъ къ наилучшей пользѣ благопотребно быть можетъ». Приказано подчищенныя молодыя дубовыя насажденія и посѣвы охранять отъ всѣхъ вредныхъ вліяній и стараться возращать стволы, годные для корабельнаго дѣла; беречь строго отъ скота и дикихъ звѣрей. Каждому форстмейстеру давалось 6 учениковъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ обучать, не скрывая ничего, выучить ихъ ходить за лѣсами, а за приготовленіе вполнѣ ученика форстмейстеру назначалась награда 50 руб. за каждаго.

При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ послѣдовало повелѣніе, чтобы для тушенія лѣсного пожара созывать жителей въ округѣ 10 верстъ.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II произошли въ лѣсномъ управленіи важныя измѣненія.

Со времени изданія 18 февраля 1762 г. грамоты о вольности дворянства, въ губерніяхъ не было болѣе вальдмейстеровъ, потому что дворяне не обязаны были служить безъ жалованья. Надо было охраненіе лѣса устроить иначе. Указомъ 19 апрѣля 1767 г. повелѣно: корабельные лѣса въ Казанской губерніи охранять казанской адмиралтействъ-конторѣ посредствомъ своихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ; сверхъ того предписано лашманамъ охранять заповѣдные лѣса, близъ ихъ селеній лежащіе. Главное завѣдываніе корабельными лѣсами возлагалось на адмиралтействъ-коллегію, при коей съ 24 августа 1765 г. состояла экспедиція генералъ-интенданта, имѣвшая надзоръ за лѣсами, какъ заготовленными, такъ и растущими, и распоряжалась заготовкою и доставкою лѣсовъ къ адмиралтействамъ. Остальные затѣмъ лѣса, какъ казенные, такъ и лежащіе въ дачахъ казенныхъ крестьянъ, отданы въ завѣдываніе директоровъ государственной экономіи или государственнаго домоводства. Для охраненія казенныхъ и крестьянскихъ лѣсовъ выбирались полѣсовщики и пожарные старосты изъ крестьянъ.

Въ томъ же указѣ 19 апрѣля 1767 г. въ первый разъ въ Россіи запрещена свободная и безплатная рубка не заповѣднаго лѣса, а повелѣно въ казенныхъ лѣсахъ вырубку допускать не иначе, какъ съ дозволенія коллегіи. Всѣ лѣса экономическаго вѣдомства, какъ казенные заповѣдные, такъ и тѣ, въ которые дозволенъ крестьянамъ въѣздъ, повелѣно въ 1769 г. измѣрить и раздѣлить на 30 частей. Точно такъ же раздѣлялись лѣса, состоящіе въ общемъ владѣніи экономическихъ крестьянъ съ другими владѣльцами, если только послѣдніе изъявятъ на то свое согласіе. Лѣсъ съ годичныхъ лѣсосѣкъ въ казенныхъ дачахъ, остающійся за удовлетвореніемъ потребностей казны и крестьянъ, предположено продать; надзоръ и охраненіе лѣсовъ возлагался на полѣсовщиковъ, избираемыхъ въ каждой вотчинѣ самими крестьянами.

Послѣ того, указомъ 16 февраля 1782 г., повелѣно всѣ лѣса, принадлежащіе адмиралтействамъ, во всѣхъ губерніяхъ, со всѣми лицами, имѣющими надзоръ за ними, равно и лашманъ, передать въ вѣдомство директоровъ государственнаго домоводства. Казеннымъ палатамъ, вмѣстѣ съ директорами домоводства, повелѣно распоряжаться работами такъ, чтобы удовлетворить требованія адмиралтейства, а съ другой стороны—отклонить стѣсненіе крестьянъ и лашманъ.

Указомъ 20 февраля 1784 г. дозволено рубить лѣсъ, потребный адмиралтействъ-коллегіи, во всѣхъ казенныхъ дачахъ, безъ всякой за то платы.

Относительно частной собственности лѣсовъ, характеръ лѣсного законодательства совершенно измѣнился. Въ указѣ 22 сентября 1782 года говорится уже, что продолжающіяся до сего времени учрежденія о лѣсахъ обращались болѣе въ стѣсненіе собственности подданныхъ, нежели приносили пользу адмиралтейству, а потому повелѣно:

1) Всѣ лѣса, растущіе въ помѣщичьихъ дачахъ, хотя бы они были заклеймены и считались заповѣдными, оставить въ полную собственность владѣльцевъ.

2) Дозволить всякому свои лѣса продавать внутри государства и отпускать за границу, съ платежомъ установленной пошлины.

3) Впредь запрещено въ помѣщичьихъ дачахъ рубить лѣса на какія-либо казенныя надобности и даже для адмиралтейства иначе, какъ съ согласія владѣльцевъ и съ уплатою требуемой цѣны.

Указъ этотъ повторяется въ дворянской грамотѣ 21 апрѣля 1785 г.

При такомъ совершенно измѣнившемся взглядѣ правительства на лѣса прежнія лѣсныя постановленія сдѣлались устарѣлыми и требовали замѣны.

Для новаго устройства лѣсной части былъ составленъ полный проектъ лѣсного устава, но уставъ этотъ въ полномъ объемѣ не былъ обнародованъ. До насъ дошли только отдѣльныя выписки изъ него. Но видно, что въ каждой изъ трехъ полосъ, на которыя дѣлилась вся Россія, предполагались разнообразныя мѣры: всѣ лѣса описать; изъ лѣсовъ, состоящихъ при казенныхъ и экономическихъ селеніяхъ и при разныхъ заводахъ и фабрикахъ, отдѣлить пятыя части и назвать ихъ заказными, а остальные остающіеся лѣса раздѣлить на лѣсосѣки, смотря по свойству древесныхъ породъ; въ южной полосѣ сѣять лѣсъ; наблюдать предосторожности отъ лѣсныхъ и степныхъ пожаровъ и т. п. Губернаторамъ разосланы были выписки изъ проекта устава, съ тѣмъ, чтобы правила, изложенныя въ проектѣ, до изданія устава, вполнѣ были соблюдаемы. Но всѣ добрыя пожеланія на мѣстѣ не оказалось возможнымъ выполнить; для этого не было подготовленныхъ людей, и это сознавали, такъ точно, какъ и то, что выписываемые изъ Германіи форстмейстера прино-

сили мало пользы, потому что не знали русскаго языка и употребляли много времени, пока изучали русскую рѣчь, а изучивши—возвращались на родину, не успѣвъ что-либо полезное сдѣлать. Поэтому уже въ то время явилась мысль обучить форстмейстерскимъ дѣламъ русскихъ людей. Въ этихъ видахъ оберъ-егерская канцелярія, которая сознавала необходимость имѣть для производства охоты знающихъ людей, «ибо отъ порядочно учрежденной охоты не только увеселенія, но и дѣйствительной пользы ожидать можно», предложила обучать при егермейстерскомъ корпусѣ 10 ягтъ-пажей охотѣ и «форстмейстерскимъ дѣламъ». Курсъ назначался 4-хъ-лѣтній, и по окончаніи его выпущенные молодые люди должны были занимать мѣста при егермейстерской конторѣ и мѣста вальдмейстеровъ, взамѣнъ нынѣшнихъ, не имѣющихъ о форстмейстерскихъ дѣлахъ ни малѣйшаго знанія. Императрица согласилась на это представленіе, и деньги, слѣдующія на воспитаніе пажей, по 200 руб. въ годъ за каждаго, повелѣла отпускать изъ штатсъ-конторы, но школа не была открыта.

Расточительное употребленіе древесины обратило также на себя вниманіе императрицы. Съ цѣлью болѣе бережливаго расходованія лѣса, даны нѣсколько указовъ. Въ 1766 году повелѣно, чтобы на сженіе смолы не употреблять лѣса, годнаго для другого дѣла, и гнать смолу изъ деревъ, которыя пропадаютъ даромъ, а также изъ пней и корней; затѣмъ въ 1772 году, по случаю истощенія лѣсовъ въ Оренбургской губерніи, запрещена въ ней промышленникамъ гонка дегтя и дозволена только мѣстнымъ жителямъ для своего употребленія. Въ особой инструкціи «Сотскому съ товарищи» имъ вмѣнялось въ обязанность объявить съ подписками управляющимъ, сторожамъ, выборнымъ и крестьянамъ, чтобы лѣсъ на доски не кололи, а пилили; если же у нихъ нѣтъ ни мельницъ, ни ручныхъ пилъ, то для полученія таковыхъ являлись бы въ канцеляріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поручено сотскимъ наблюдать, чтобы на дрова и уголья употребляли валежникъ и пни, и чтобы изъ толстыхъ дубовъ, сосенъ и елей не дѣлали долбленыхъ гробовъ.

Въ 1769 году повелѣно погорѣвшимъ государственнымъ крестьянамъ, неимѣющимъ своихъ лѣсовъ, отпускать изъ казенныхъ дачъ по 25 корней на каждый дворъ, а казенной палатѣ и особенно директору домоводства наблюдать, чтобы крестьяне употребляли отпущенный лѣсъ на постройки, а не торговали имъ и не рубили лишняго.

Весьма важная, для прочнаго безспорнаго землевладѣнія, мѣра начата при императрицѣ Екатеринѣ II — генеральное межеваніе земель. До того времени писцовыя книги недостаточно точно указывали границы владѣній, а въ натурѣ ихъ и вовсе не закрѣпляли. Поэтому весьма знаменателенъ 1766 годъ, въ которомъ состоялось повелѣніе о генеральномъ размежеваніи Россіи, для выполненія котораго изданы обстоятельныя инструкціи и наставленія землемѣрамъ.

Императоръ Павелъ I, при вступленіи на престолъ, обратилъ особенное вниманіе на цѣлость лѣсовъ, нужныхъ для кораблестроенія, и поэтому 18 ноября 1796 года повелѣлъ, чтобы впредь ни одного дерева не употреблять никуда безъ назначенія адмиралтействъ-коллегіи, а въ 1798 году повелѣно всѣ лѣса Имперіи, исключая помѣщичьихъ, передать въ непосредственное вѣдѣніе адмиралтействъ-коллегіи; ей же подчинены форстмейстеры и вальдмейстеры. При интендантской экспедиціи коллегіи учрежденъ Лѣсной Департаментъ, при которомъ находился также генералъ-интендантъ и оберъ-сарваеръ. Повелѣно сдѣлать немедленно подробное описаніе всѣмъ лѣсамъ, съ показаніемъ числа деревъ, годныхъ для кораблестроенія, и составить планы и карты; рубку лѣса производить только по билетамъ, выданнымъ коллегіей; стараться заводить рощи и когда посѣвы или посадки будутъ сдѣланы, доносить подробно императору. Вскорѣ, однако, 9 ноября 1800 года, изъ вѣдѣнія Лѣсного Департамента изъяты были всѣ лѣса, отведенные къ заводамъ, и таковые оставлены навсегда въ распоряженіи бергъ-коллегіи.

Одновременно съ учрежденіемъ Лѣсного Департамента, предположено учредить оберъ-форстмейстеровъ и форстмейстеровъ и для нихъ издана инструкція. Форстмейстерскіе чины предпочтены вальдмейстерамъ потому, что къ обязанности ихъ принадлежитъ «не токмо одно сохраненіе, но и разведеніе лѣсовъ вновь». Такъ какъ изъ собранныхъ свѣдѣній оказалось, что лѣса приведены въ извѣстность только въ семи губерніяхъ: С.-Петербургской, Костромской, Воронежской, Курской, Орловской, Вологодской и Псковской, то въ этихъ только губерніяхъ назначенъ полный штатъ вновь учрежденныхъ лѣсныхъ чиновъ, а въ остальныхъ опредѣлено по одному оберъ-форстмейстеру съ потребнымъ числомъ землемѣровъ.

Назначеніе форстмейстеровъ и данныя имъ инструкціи относились до всей Россіи, кромѣ Курляндіи, въ которой оставлено прежнее управленіе, учрежденное еще герцогами. Форстмейстерская инструкція весьма подробно разработана и въ нее вошли много статей, заимствованныхъ изъ нѣмецкихъ уложеній и изъ проекта лѣсного устава Екатерины II. Инструкція положила основаніе и дала направленіе всему послѣдующему управленію по лѣсной части до учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ. При Павлѣ описаніе лѣсовъ двинулось значительно впередъ. Для приведенія лѣсовъ въ извѣстность, составленія имъ плановъ и описаній, были въ 1797 году посланы морскіе офицеры, которые должны были осмотрѣть и описать дубовые, сосновые и другіе заповѣдные лѣса. Для скорѣйшаго описанія лѣсовъ въ губерніяхъ: Казанской, Симбирской, Нижегородской, Вятской, Тамбовской, Оренбургской, Саратовской, Новгородской, Костромской, Пермской, Архангельской и Вологодской увеличено было число описателей-землемѣровъ.

Наступилъ конецъ XVIII вѣка, и мы, ранѣе чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію дальнѣйшаго развитія у насъ лѣсной части, оглянемся

назадъ, припоминая, какія у насъ есть свѣдѣнія о состояніи лѣсовъ въ Россіи къ 1800 году и о положеніи, въ какомъ находилась у насъ до того времени заграничная и внутренняя лѣсная торговля.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ Россія еще была очень лѣсиста, кромѣ южныхъ степей, какъ о томъ свидѣтельствуютъ всѣ описанія путешествій иностранцевъ: Іосафата Барбаро и Амвросія Конторини въ XV столѣтіи, барона Герберштейна въ XVI, Лизека, Олеарія, графа Карниля, барона Мейербера въ XVII вѣкѣ. Что же касается нашихъ южныхъ степей, то, по мнѣнію Мурчисона, вся черноземная полоса Россіи на памяти человѣческой не была покрыта лѣсомъ. Это мнѣніе намъ подтверждаютъ и древнѣйшіе писатели. Геродотъ говоритъ, что югъ Россіи представляетъ собою гладкую, необозримую и безлѣсную равнину; только между Тавридой и Днѣпровскимъ устьемъ находились лѣса. Конторини, проѣхавшій всю южную степь, отъ Кіева до Астрахани, а потомъ отъ Астрахани чрезъ Рязань на Москву, говоритъ, что степь очень велика, но мѣстами на ней находились отдѣльные лѣсочки, напримѣръ, на Днѣпрѣ близъ Черкасъ. Между Царицынымъ и Астраханью и до самаго Каспійскаго моря Олеарій нашелъ совершенную пустыню. Авриль, при поѣздкѣ своей изъ Саратова въ Москву, первые три дня ѣхалъ по степи.

Относительно качества лѣсовъ въ Средней Россіи нѣкоторое понятіе можно себѣ составить изъ дошедшихъ до нашего времени свѣдѣній. Въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, полковникъ Букавенъ находилъ въ Вяземскомъ уѣздѣ, по берегу Угры, сосновыя деревья длиной 5, 6, 7 и болѣе саженъ, толщиной въ верхнемъ отрубѣ по аршину и болѣе, и дубы 4 саженъ 7 вершковъ; въ Коломнѣ, на берегу рѣки Москвы, дубы 7 саженъ 12 вершковъ; въ самой Москвѣ лежали оставшіеся отъ постройки пловучаго моста 100 сосновыхъ брусьевъ длиною 9 саженъ, въ отрубѣ 8 и 9 вершковъ, а 20 брусьевъ длиною 10 саженъ, толщиною 8—9 вершковъ. Въ Муромскомъ лѣсу были сосновыя деревья въ 9 и 10 саженъ длины, въ отрубѣ 9—10 вершковъ. Да и въ царствованіе Петра Великаго былъ еще въ Московской губерніи корабельный лѣсъ, какъ видно изъ донесенія мачтовыхъ дѣлъ подмастерья Чепчикова, написавшаго, что «мачтовыхъ деревъ длинныхъ и толстыхъ не мало». Но строгому запрещенію рубки лѣса народъ трудно подчинялся. Въ 1731 г. вице-адмиралъ Змаевичъ доносилъ, что по рѣкамъ Дону, Воронежу, Битюгу, Хопру «лѣсъ рубятъ кто сколько ни захотѣлъ, отъ чего лѣса въ умаленіе пришли». Изъ другихъ мѣстъ доносили, что лѣса вырубаютъ и выжигаютъ подъ пашни, а управители и старосты не только не выдаютъ виновныхъ и не представляютъ ихъ въ вальдмейстерскую канцелярію, но даже комиссарамъ и драгунамъ, приставленнымъ къ лѣсамъ, не даютъ квартиръ и запрещаютъ въѣзжать въ заповѣдные лѣса. Въ 1735 году произведено сильное истребленіе лѣсовъ въ Казанской губерніи, а въ 1742 году въ Бахмутской провинціи, и для изслѣдованія въ этихъ мѣстахъ зло-

употребленій и безпорядковъ назначена была особая комиссія. Опасались, что въ Новгородской губерніи, отъ значительнаго заготовленія дровъ, истощатся лѣса, и въ этихъ видахъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны уничтожили тамъ Старорусскіе соляные заводы, употреблявшіе ежегодно по 120 тысячъ саженъ дровъ. Сильное истребленіе лѣсовъ открылось вновь въ 1782 году въ Казанской и Тамбовской губерніяхъ. Въ то же время народонаселеніе въ Россіи возрастало и потребности въ деревѣ увеличились, а нужды въ пашняхъ и лугахъ усилились, и на этотъ предметъ стали въ крупныхъ размѣрахъ расчищать лѣса, но за всѣмъ тѣмъ въ концѣ XVIII вѣка въ Россіи, даже въ средней ея полосѣ, было лѣсовъ еще въ изобиліи, цѣны на лѣсъ стояли дешевыя. Рубка лѣса вездѣ производилась выборочная. Лѣсная торговля, внутренняя и внѣшняя, до Петра Великаго и въ его царствованіе, не получила широкаго развитія. Смола, поташъ и мачты составляли предметъ внѣшней торговли, но очень незначительной. Этотъ товаръ до Петра отдавался на откупъ, но Петръ въ 1707 году запретилъ отдавать ихъ на откупъ, а повелѣлъ продавать отъ казны цѣловальникамъ, подъ надзоромъ мытинныхъ бурмистровъ. Впослѣдствіи поташъ опять отдавался на откупъ и на комиссію. Срокъ отдачи опредѣлялся на три года, а комиссіонерами казны были поочередно иностранецъ Стельсъ, надворный совѣтникъ Рагузинскій, Карлъ Гутфель и Иванъ Любсъ. Въ 1712 году Рагузинскій обязался брать отъ казны ежегодно по 1000 бочекъ, каковое количество и повелѣно было заготовлять, поручивъ завѣдываніе будными станами (поташными заводами) адмиралтействъ-коллегіи. Только на Рижскій портъ не распространялась монополія казны на поташъ. Петръ находилъ, что отъ прекращенія свободнаго торга поташомъ въ Ригѣ «отъ того не токмо купечеству не безъ поврежденія будетъ, но пошлинный сборъ можетъ умалиться». До 1721 года ежегодно заготовлялось до 1000 бочекъ поташу и до 5000 бочекъ смолчуга. Съ 1721 г. заготовляемое количество смолчуга уменьшилось до 3000 бочекъ, а къ 1726 г. опасались, что и вовсе не будетъ смолчуга для отпуска за границу. Съ 1726 г. торгъ смолой объявленъ вольнымъ; заготовленіе же поташа оставалось за казною. Были устроены казенные заводы для приготовленія поташа въ уѣздахъ Нижегородскомъ, Арзамаскомъ, Кадомскомъ, Шатскомъ, Верхне- и Нижне-Ломовскихъ и Свіяжскомъ. Къ нимъ приписаны рабочіе въ числѣ 1700 душъ изъ разныхъ волостей. На этихъ заводахъ приготовлено съ 1722 по 1732 годъ поташа 10,701 бочекъ, т. е. болѣе противу назначеннаго количества по 1000 бочекъ ежегодно, но такъ какъ коммерцъ-коллегія въ 1732 году продала купцамъ Шифнеру и Вульфу по 2000 бочекъ поташу, то, по недостатку рабочихъ, къ заводамъ приписано еще 10,000 человѣкъ.

Въ 1760 году торгъ смолой изъ Архангельска предоставленъ былъ опять въ откупъ оберъ-егермейстеру Нарышкину.

Торговля мачтовымъ лѣсомъ въ Архангельскѣ существовала уже до Петра и отдавалась на откупъ. Въ 1692 году право торговли отдано иностранцу Артману на 5 лѣтъ, со взысканіемъ съ него за каждое дерево, отпускаемое за границу, по 10 ефимковъ (около 5 рублей), а въ 1698 году контрактъ съ нимъ продолженъ еще на 10 лѣтъ, но съ платою по 7 ефимковъ (около 3 руб. 50 коп.). Въ 1708 году право торговли отдано Стельсу, а съ 1713 года надворному совѣтнику Рагузинскому на 3 года. Послѣдній обязался платить: за большое дерево, толщиною 22 дюйма, по 16 ефимковъ, за деревья тонѣе 22 дюймовъ платить за два, какъ за одно большое, а деревья короче 5 саженъ принимать 3 за одно большое. За право торговли, сверхъ 2080 ефимковъ, платимыхъ Стельсомъ, Рагузинскій надбавилъ 100 ефимковъ, т. е. далъ всего 2,180 ефимковъ.

Въ 1721 году предписаны правила для отпуска лѣсовъ изъ портовъ Балтійскаго моря. Въ Новгородской провинціи и въ другихъ дозволено рубить мачтовыя деревья, длиною 65 футовъ, толщиною на трехъ саженяхъ до 20 дюймовъ, а въ отрубѣ до 12 дюймовъ, и отпускать ихъ за границу. Вмѣсто пошлины бралось въ адмиралтейство десятое дерево изъ лучшихъ стволовъ. Такая же пошлина установлена была и для Риги. Деревья бо̀льшихъ размѣровъ рубить и продавать запрещалось. Торговля лѣсомъ изъ Нарвы разрѣшена нѣсколько позже, и притомъ изъ этого порта дозволено было отпускать только деревья отъ 18 до 30 футовъ длиною, толщиною отъ 8 до 10 вершковъ, т. е. такія, въ которыхъ адмиралтейство не нуждалось. Однако уже въ 1723 году дозволено и изъ Нарвскаго порта отпускать мачтовыя деревья такихъ же размѣровъ, какъ изъ Кронштадта и Риги.

Въ 1732 году повелѣно на заграничный отпускъ мачтоваго лѣса испрашивать разрѣшеніе адмиралтействъ-коллегіи и рубить то, что будетъ дозволено, но не препятствовать рубкѣ брусьевъ, бревенъ, шестовъ для внутренней и внѣшней торговли, но только не въ заповѣдныхъ предѣлахъ. Въ частныхъ лѣсахъ, въ предѣлахъ также не заповѣдныхъ, дозволена рубка по договорамъ съ владѣльцами сихъ дачъ.

Торговля лѣсомъ въ Нарвѣ уже съ 1723 года, стала сильно развиваться, такъ какъ она не была ограничена въ количествѣ. Большія заготовки обратили на себя вниманіе правительства, которое признало нужнымъ ограничить неумѣренную вырубку. Съ 14 мая 1736 года дозволено на мельницѣ дѣвицы Анны Крамеръ рубить на пилку по рр. Наровѣ и Плюссѣ 27,000 деревъ въ годъ, и Нарвскимъ купцамъ для заграничной торговли вырубать по Лугѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ сосновыхъ 72,000 и еловыхъ 50,000 деревъ ежегодно.

Въ 1754 году для сохраненія лѣсовъ запрещенъ отпускъ лѣса за границу изъ Петербургскаго, Нарвскаго и Перновскаго портовъ. Но вслѣдствіе просьбъ нарвскаго купечества, объявлявшихъ о

своемъ разореніи, вслѣдствіе запрещенія отпуска за границу лѣса и доказывавшихъ, что изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они рубятъ лѣсъ, его нельзя безубыточно доставлять въ С.-Петербургъ, разрѣшено въ 1761 году отпускать изъ Нарвскаго порта ежегодно за море по 60 грузовъ брусьями. Въ 1762 году разрѣшено и изъ С.-Петербургскаго порта для грузки желѣза на каждые 1000 пудовъ его отпускать по 100 досокъ. Перновскимъ мельницамъ, по ходатайству генералъ-губернатора, также разрѣшено опять отпускать лѣсъ за границу.

Въ 1752 году генералъ-фельдмаршалу графу Шувалову дозволено въ Архангельской губерніи, по рѣкамъ, текущимъ въ Лапландію, кромѣ впадающихъ въ Двину и Бѣлое море, заготовлять всякій годъ и отпускать за границу бревенъ и брусьевъ сосновыхъ и еловыхъ по 250 тысячъ, мачтовыхъ деревъ по 1000, раинъ 1000, досокъ пильныхъ 200 тысячъ; для пилки лѣса Шуваловъ обязывался построить пильныя мельницы. Въ 1760 году графъ Шуваловъ уступилъ свое право англійскому купцу Гому по контракту на 30 лѣтъ, за 120 тысячъ рублей. Торговыя дѣла Гома кончились къ 1780 г. плачевно: онъ объявленъ несостоятельнымъ, а промыслъ его взятъ въ казенное управленіе.

Въ 1798 году состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобъ казенные лѣса не отпускать для частныхъ надобностей; содержателямъ мельницъ покупать лѣса изъ частныхъ дачъ и не отпускать бревна и доски изъ С.-Петербургскаго и Архангельскаго портовъ. Этому указу повелѣно вступить въ дѣйствіе съ открытіемъ навигаціи 1799 года, но какъ лѣса было уже много заготовлено и запродано за границу, то такой уже заготовленный лѣсъ разрѣшено выпустить изъ портовъ въ 1799 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено адмиралтействъ и коммерцъ-коллегіи составить проектъ правилъ для лѣсного торга, выгодныхъ и для промышленника, и не вредныхъ для лѣсовъ.

Въ отношеніи образованія лѣсныхъ чиновъ и подготовленія ихъ къ службѣ до конца XVIII вѣка почти ничего не было сдѣлано. Императрица Анна Іоанновна хотя и постановила въ помощь форстмейстерамъ опредѣлять учениковъ, для обученія ихъ и назначенія затѣмъ на мѣста форстмейстеровъ, равно и дать каждому форстмейстеру для производства работъ извѣстное число рабочихъ, которые также могли бы пріобрѣсти нѣкоторый навыкъ въ исполненіи лѣсоводственныхъ пріемовъ, но эта мѣра не достигала цѣли и не могла повести къ успѣшнымъ результатамъ уже потому, что сами учителя-иностранцы не были знакомы съ русскими обычаями и русскимъ языкомъ, административной стороны дѣла сами не знали, а посѣвы и посадки производились въ небольшихъ размѣрахъ, такъ что своихъ помощниковъ занимали, главнымъ образомъ, въ канцеляріяхъ отпискою бумагъ и отчетностью.

Послѣ того, въ 1773 году, предполагалось при оберъ-егермейстерскомъ корпусѣ обучать десять ягтъ-пажей, для приготовленія ихъ къ должностямъ егерей и форстмейстеровъ, но эта мысль не

осуществлена. Въ 1799 году отправили четырехъ воспитанниковъ морского корпуса въ Англію для изученія разведенія лѣса въ королевскихъ рощахъ, снабжающихъ флотъ. Наконецъ, въ 1800 году учрежденъ форстмейстерскій классъ при морскомъ корпусѣ, для обученія нѣкоторыхъ кадетъ лѣснымъ наукамъ.

Русская лѣсоводственная литература въ XVIII вѣкѣ также чрезвычайно бѣдна.

Первое на русскомъ языкѣ сочиненіе по лѣсоводству издано въ 1766 году: «Описаніе естественнаго состоянія ростущихъ въ сѣверныхъ россійскихъ странахъ лѣсовъ, съ различными примѣчаніями и наставленіями, какъ оные разводить».

Сочиненіе это принадлежитъ перу форстмейстера Фокель. Оригиналъ былъ написанъ на нѣмецкомъ языкѣ, а переведено на русскій языкъ и напечатано по повелѣнію государственной адмиралтействъ-коллегіи. Въ своей книгѣ Фокель разсуждалъ о пользѣ дерева для человѣка и помѣстилъ описаніе дуба, ясеня, клена, ильма, вяза, березы, ольхи, рябины, черемухи, липы, осины, осокоря, бредины, орѣшника, калины, крушины, жимолости, кленовника, черной смородины, лиственницы, сосны, сибирскаго кедра, ели, пихты и можжевельника. Онъ указываетъ мѣсто произрастанія, способы разведенія и употребленія каждой древесной породы. Книга Фокеля составляетъ весьма почтенный трудъ и содержитъ много интересныхъ наблюденій и полезныхъ указаній. Изъ нея много заимствовали послѣдующіе писатели. Авторъ, прожившій въ Россіи 25 лѣтъ, хорошо изучилъ русскіе лѣса. Ему не даромъ поколѣніе лѣсничихъ XIX вѣка дало кличку «лѣсного знателя».

Еще ранѣе, чѣмъ явилась книга Фокеля, существовали въ рукописи сочиненія касающіяся лѣсовъ, но напечатанныя только въ XIX вѣкѣ, а именно:

«Ординація королевскихъ пущъ въ лѣсничествахъ бывшаго великаго княжества Литовскаго, составленная по инструкціи короля Владислава IV комиссарами, виленскимъ каноникомъ и королевскимъ секретаремъ Петромъ Далматовымъ Исайковскимъ и упитскимъ маршалкомъ Христофоромъ Бѣлозеромъ въ 1641 году». (Напеч. 1871 г.).

Содержитъ описаніе 21 лѣсничества (въ томъ числѣ, Бѣловѣжской пущи), указаны границы дачъ, обходы, площадь угодій, составъ стражи, ихъ содержаніе, инструкціи лѣсничимъ, обязанности стражи и охотниковъ, доходъ отъ лѣсовъ. Эта книга, какъ и послѣдующая, составляютъ весьма важные источники для исторіи лѣсовъ Литвы.

«Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ, съ присовокупленіемъ грамотъ и привилегій на входы въ пущу и на земли. Составл. въ 1559 году старостою мстибоговскимъ Григоріемъ Богдановичемъ Воловичемъ». (Напеч. 1867 г.).

Въ 1778 году переведено Карломъ Дихеусомъ съ шведскаго на русскій языкъ:

«Описаніе о заведеніи смоляныхъ и угольныхъ печей, по повелѣнію его королевскаго величества и учрежденію государственной коммерцъ-коллегіи, напечатано въ Стокгольмѣ въ 1772 году».

Описаніе печи подробное, съ приложеніемъ чертежей: плана, профиля, фасада и перспективы печи.

Въ 1773 году вышелъ переводъ съ нѣмецкаго, сдѣланный коллежскимъ асессоромъ Краузольдомъ, сочиненія Яганъ (Іоаннъ) Готлибъ Бекмана: «Лѣсной временникъ или расписаніе, касающееся до должности ферстера, т. е. лѣсного надзирателя о производимыхъ имъ въ каждомъ мѣсяцѣ въ цѣлый годъ лѣсныхъ исправленіяхъ. Посвященъ оберъ-егермейстеру Семену Кирилловичу Нарышкину».

Въ 1786 году издано на русскомъ языкѣ «Описаніе растеній Россійскаго Государства, съ ихъ изображеніями». По Высочайшему повелѣнію и на иждивеніи ея императорскаго величества, изданное П. С. Палласомъ. Съ рукописнаго сочиненія перевелъ Василій Зуевъ. Ч. I. Съ атласомъ изъ 50 раскрашенныхъ рисунковъ, озаглавленнымъ «Описаніе и изображеніе россійскихъ произрастаній, изданное по повелѣнію Екатерины II, императрицы и самодержицы Всероссійской. С.-Петербургъ. 1784».

Это классическое сочиненіе и до настоящаго времени обращаетъ на себя вниманіе всякаго занимающагося лѣсною ботаникою.

Уже въ 1792 году вышло 2-е изданіе сего сочиненія въ Тобольскѣ, но безъ атласа.

Въ 1798 году издана «Краткая россійская дендрологія или общія правила о россійскихъ лѣсахъ, въ пользу любителей лѣсоводства изданныя».

Въ этой книгѣ лѣса раздѣлены на три статьи: черный, бѣлый и красный, и помѣщено описаніе деревъ каждой статьи, и сверхъ того: о нѣкоторыхъ деревьяхъ малорослаго лѣса, объ особыхъ кустарникахъ и о деревьяхъ иностранныхъ, кои расти могутъ въ Россіи.

Въ 1799 году напечатано сочиненіе Никольса: «Разсужденіе о произращеніи дубовыхъ деревъ». Перевелъ съ англійскаго корабельный подмастерье Иванъ Амосовъ.

Вотъ и всѣ сочиненія, касающіяся лѣсной части, доставшіяся намъ отъ прошлыхъ вѣковъ.

Впрочемъ, нельзя здѣсь не упомянуть, что въ прошломъ столѣтіи и Императорская Академія Наукъ предложила на 1779 годъ задачу, касающуюся лѣсного дѣла. Задача состояла въ томъ, чтобы показать недорогіе способы къ приготовленію и сохраненію дубоваго и другого корабельнаго лѣса такъ, чтобы онъ могъ долѣе обыкновеннаго противиться гнилости, не теряя притомъ своей твердости, удобности къ обдѣлыванію и не скорѣе бы обыкновеннаго загорался.

На заданную тему прислано было 13 отвѣтовъ. Изъ всѣхъ этихъ присланныхъ разсужденій академическій комитетъ далъ преимущество сочиненію пастора Гросмана, изъ котораго и былъ читанъ «перечень» въ публичномъ годовомъ собраніи 12 октября 1779 г.

Пасторъ Готфридъ Гросманъ, изъ Помераніи, совѣтуетъ для улучшенія роста сѣвернаго дуба осушать почву канавами и «порядочно расчищать ростъ», такъ какъ частые лѣса не производятъ хорошихъ бревенъ, а рѣдкіе даютъ еще и того «худшія деревья»; для предохраненія же древесины отъ гнили «класть сырое еще дерево, по обтесаніи онаго въ самомъ лѣсу, противъ солнца вдоль какой-нибудь наклонности, каменьями намощенной и покрытой на нѣсколько дюймовъ самымъ чистымъ и сухимъ пескомъ, коимъ надлежитъ всѣ промежутки между бревнами, равно какъ и самыя бревна, засыпать на нѣсколько дюймовъ вышиною, дабы солнечный жаръ, въ пескѣ содержащійся, ровно простирался по всей поверхности онаго дерева, до тѣхъ поръ, пока оно совершенно не высохнетъ». Рубить деревья авторъ совѣтуетъ въ соку.

«Акцесситъ или приближеніе» комитетъ далъ нѣкоему Альберти, доктору медицины и физику города Коницъ въ Пруссіи, который совѣтовалъ пропитывать древесину послѣдовательно зеленымъ купоросомъ и известью.

Глава III.

Лѣсная часть въ Россіи въ XIX вѣкѣ, до учрежденія въ 1837 году Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Императоръ Александръ I Благословенный манифестомъ 8 сентября 1802 г. учредилъ министерства; при чемъ состоявшій при адмиралтействъ-коллегіи Лѣсной Департаментъ подчинилъ министру финансовъ. Всѣ казенные лѣса Россіи, какое бы они ни имѣли назначеніе, наименованіе и пространство, кромѣ частныхъ лѣсныхъ дачъ, повелѣно передать въ вѣдомство Лѣсного Департамента.

Съ учрежденіемъ Министерства Финансовъ и присоединеніемъ къ нему Лѣсного Департамента, образована была особая комиссія, которая составила проектъ устава о лѣсахъ, получившій утвержденіе. По уставу сему, Лѣсной Департаментъ получилъ власть и преимущества государственныхъ коллегій. Предсѣдатель Департамента названъ главнымъ директоромъ государственныхъ лѣсовъ, въ помощь ему даны три члена и 6 совѣтниковъ. Въ уставѣ перечислены всѣ обязанности Департамента: управлять всѣми лѣсами; привести въ извѣстность пространство и состояніе лѣсовъ; сохранять и разводить насажденія; извлекать изъ лѣсовъ возможную прибыль внутренней и внѣшней торговлей и разными экономическими заведеніями; дѣлить лѣса на лѣсосѣки и проч., проч. Въ этомъ же уставѣ постановлено: *учредить въ надлежащихъ мѣстахъ школы для образованія людей свѣдущихъ въ лѣсоводствѣ*, и помѣщена отдѣльная глава *о надѣленіи казенныхъ поселянъ изъ-подъ лѣсовъ землями*.

Въ надѣлъ крестьянъ дозволено назначать всѣ казенные лѣса, кромѣ корабельныхъ. Удовлетворивъ крестьянъ землей изъ-подъ лѣсовъ, остающіеся затѣмъ крестьянскіе лѣса раздѣлить на лѣсосѣки и отдать подъ наблюденіе волостныхъ правленій, лѣсному же начальству наблюдать только, чтобы крестьяне не вырубали въ годъ больше одной лѣсосѣки. Въ корабельныя рощи отдѣлять пятыя

части изъ ильма, вяза, клена и сосны. Дубовыя и мачтовыя деревья считать заповѣдными для заводскаго и крестьянскаго употребленія.

Для отдѣленія корабельныхъ и государственныхъ лѣсовъ, выбора мѣстъ для разведенія вновь дуба, для выдѣла пятыхъ частей, для удовлетворенія крестьянъ малоземельныхъ губерній землей изъ-подъ лѣсовъ и раздѣленія крестьянскихъ дачъ на годовыя лѣсосѣки, рѣшено было составить лѣсныя комиссіи. На первый разъ, въ видѣ опыта, посланы были комиссіи только въ три губерніи: С.-Петербургскую, Казанскую и Олонецкую. Но кромѣ комиссій посланы были особыя партіи для разграниченія лѣсовъ въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Вятской, Нижегородской, Костромской и Новгородской.

Въ нѣкоторыя губерніи были командированы совѣтники Лѣсного Департамента, чтобы указать мѣстному начальству, въ какомъ порядкѣ желательно направлять дѣла. Убѣдились, что тамъ, гдѣ находились совѣтники, теченіе дѣлъ шло и быстрѣе, и правильнѣе. Это подало поводъ въ 1805 году назначить особыхъ инспекторовъ для надзора за лѣсами нѣсколькихъ губерній, и, въ видѣ опыта, учредить напередъ, года на два или на три, одну инспекцію надъ губерніями: Тульской, Калужской, Московской, Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской и Владимірской, а въ слѣдующемъ году назначили вторую инспекцію надъ губерніями западными. Инспекціи эти просуществовали до 1815 года, а въ этомъ году признаны ненужными.

Современное общество встрѣтило весьма сочувственно новое въ 1802 году преобразованіе лѣсного вѣдомства и ожидало отъ тѣхъ перемѣнъ благихъ послѣдствій, какъ видно изъ статьи извѣстнаго адъюнкта Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ Германа, подъ заглавіемъ «Исторія лѣсоводства въ 1804 году», помѣщенной въ мартовской тетради 1806 года, издававшагося въ С.-Петербургѣ Шторхомъ историческаго журнала «Russland unter Alexander dem Ersten» (стр. 51—76).

Германъ, въ своей статьѣ, пишетъ: «новизна самаго дѣла, обширность лѣсовъ и недостатокъ свѣдущихъ лѣсничихъ, составляютъ въ Россіи чрезвычайно трудно поборимыя затрудненія при попыткахъ водворенія добропорядочнаго лѣсного управленія. Лѣсному департаменту заданы трудныя задачи,—онъ долженъ обмежевать и описать лѣса, долженъ предохранить ихъ отъ истребленія, развести новые лѣса, ввести соотвѣтственное хозяйство въ этой чрезвычайно важной части государственныхъ имуществъ, чтобы снабжать нужными лѣсными матеріалами: флотъ, фабрики, мѣстныхъ жителей, а въ то же время долженъ отвести часть лѣсовъ подъ расчистку бѣднымъ крестьянамъ, нуждающимся въ пашнѣ и лугахъ, а для казны долженъ извлечь изъ лѣсовъ и доходы. Все это задачи, требующія громадной и усиленной дѣятельности отъ департамента. Между тѣмъ, издавна укоренившаяся въ народѣ привычка истреблять казенные лѣса; по-

нятное неудовольствіе, какое зарождаетъ въ жителяхъ всякое ограниченіе ихъ произвола; неопытность или неосторожность, отчасти и небрежность и алчность нѣкоторыхъ лѣсныхъ чиновъ—влекутъ за собою такое множество жалобъ, подлежащихъ разсмотрѣнію и разрѣшенію Лѣсного Департамента, что послѣдній значительнѣйшую долю своего дорогого времени вынужденъ потратить на разборъ подобныхъ неурядицъ и заниматься ими и наложеніемъ штрафовъ, отвлекаясь объ болѣе важныхъ задачъ пріисканія средствъ къ улучшенію лѣсовъ и заведенію въ нихъ добраго хозяйства. Кто хотя нѣсколько знакомъ съ изворотливостью ябедъ и ходомъ судебныхъ производствъ, и съ громадностью порождаемой ими переписки, тотъ удивится, что, несмотря на все это, Лѣсной Департаментъ, все-таки, въ теченіе короткаго срока своей дѣятельности, уже успѣлъ положить начало многому хорошему, а отчасти и осуществить задуманное,—въ чемъ мы удостовѣрились пересмотромъ подлинныхъ дѣлъ,—но конечно нельзя ни требовать, ни ожидать въ скоромъ времени такихъ улучшеній, какія предсказываются учебниками, но достигаются не быстро и въ особенности въ Россіи чрезвычайно затруднительны».

«Въ Россіи положено въ 1804 году начало хозяйству въ лѣсахъ,—это-то и составляетъ великій переворотъ въ лѣсномъ дѣлѣ Россіи,—о которомъ мы будемъ говорить,—это и есть та главная свѣтящая точка въ исторіи нынѣшняго года: прежде лѣсные чины были лишь лѣсными стражниками, а теперь они стали «хозяинами». Далѣе Германъ сообщаетъ о томъ, что сдѣлано Лѣснымъ Департаментомъ, въ преобразованномъ его видѣ. Главнѣйшіе выводы заключаются въ слѣдующемъ:

1. Казна начала пользоваться для общаго блага.

Открытъ широкій сбытъ лѣсного матеріала изъ Олонецкой, Вятской и Минской губерній. Олонецкая губернія снабжаетъ лѣсами петербургскій рынокъ; Вятская—спускаетъ свои лѣса на Волгу до Саратова и Астрахани, и предотвращаетъ чрезмѣрную рубку въ Казанской и Симбирской губерніяхъ, въ которыхъ стало возможнымъ сберечь лѣса, нужные на кораблестроеніе; Минская губернія обилуетъ рѣками, по которымъ удобно сплавлять огромные запасы лѣсовъ не только для торга внутри Имперіи, но и для отпуска за границу. Въ этихъ трехъ губерніяхъ лѣса, до сихъ поръ, мало служили на пользу населенія, такъ какъ изъ нихъ казна затрудняла продажу и устанавливала чрезмѣрно высокія цѣны, а теперь часть лѣсовъ отдѣлена на потребности флота, а другая часть предназначена для удовлетворенія надобностей фабрикъ, вообще промышленности и частныхъ лицъ, а также сельскихъ нуждъ крестьянъ; цѣны не за срубаемый лѣсъ понижены, сообразно съ рыночной цѣной, такъ что лѣсоторговцамъ уже не приходится добывать на срубку лѣсъ, подъ видомъ покупки у частныхъ владѣльцевъ, разными незаконными путями изъ казенныхъ лѣсовъ. Оттого и казна стала получать изъ своихъ лѣсовъ болѣе значительный доходъ, а деревья, ко-

торыя прежде отъ старости гнили, пошли съ пользою въ дѣло. Въ Вятской губерніи чрезъ то доходъ отъ казенныхъ лѣсовъ увеличился болѣе чѣмъ на 40 тысячъ рублей; въ Минской губерніи, изъ лѣсовъ которой прежде съ трудомъ выручали въ годъ 5,000 рублей, теперь выручено болѣе 70 тысячъ рублей; Олонецкая губернія, съ наложеніемъ на одинъ распиловочный лѣсъ умѣренной порамной платы, возвысила лѣсной доходъ на 50 тысячъ рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ намѣрены отмѣнить чрезвычайно обременительныя, мало полезныя формальности, сопряженныя съ отпускомъ казеннаго лѣса, чрезъ что надѣются и на бо̀льшее число покупщиковъ. Центральная лѣсная администрація, понимая, что обширная Россія представляетъ чрезвычайныя разнообразія въ разныхъ мѣстностяхъ, къ которымъ надо примѣнить и порядокъ управленія лѣсами, вызвала въ С.-Петербургъ на совѣщаніе оберъ-форстмейстеровъ изъ губерній, въ которыхъ они служили по нѣскольку лѣтъ. Въ этихъ совѣщаніяхъ разрабатывался вопросъ объ устройствѣ лѣсовъ и о возможно лучшемъ пользованіи ими. Въ Тульской и Калужской губерніяхъ удержали прежнія попенныя цѣны; въ Московской ихъ возвысили. Въ Калужской губерніи предположено произвести образцовое лѣсоустройство, отаксировать лѣсныя дачи, ввести порядокъ продажи лѣса на коммерческихъ началахъ, сдавать находящіяся внутри лѣсовъ безлѣсныя площади въ арендное содержаніе на 4 года, лѣсничихъ заинтересовать въ дѣлѣ возвышенія лѣсныхъ доходовъ, назначеніемъ имъ 3% съ дохода, и за открытіе самовольныхъ порубокъ назначить по 15 коп. съ каждаго рубля, присужденнаго съ самовольнаго порубщика; учредить особую лѣсную полицію, которой предоставить наложеніе взысканій за всякое правонарушеніе въ лѣсахъ, коль скоро убытокъ не превышаетъ 20 рублей, безъ передачи дѣла въ судебное мѣсто. Въ Московской же губерніи велѣно, вмѣсто прежней лѣсной стражи по наряду изъ крестьянъ, назначить вольнонаемныхъ сторожей изъ отставныхъ солдатъ, съ постройкою имъ домовъ, такъ точно, какъ это сдѣлано и въ Калужскихъ лѣсахъ; границы лѣсовъ окопать канавами, а лѣса очистить отъ валежника по вольному найму, на что и ассигновано 5,000 рублей. Для лѣсовъ Курляндіи изданъ особый уставъ, который былъ особою комиссіей проектированъ въ Митавѣ, послѣ просмотрѣнъ Лѣснымъ Департаментомъ, внесенъ въ Комитетъ гг. Министровъ и Высочайше утвержденъ 11 ноября.

2. Учрежденіе комиссіи для выдѣла лѣсовъ.

Главнѣйшею причиною многочисленныхъ безпорядковъ, отъ которыхъ страдали казенные лѣса, было отсутствіе ихъ размежеванія. Пока не были извѣстны границы тѣхъ частей лѣсовъ, которыя назначены флоту, государственнымъ крестьянамъ, фабрикамъ и т. д., нельзя было избѣгнуть вторженія постороннихъ лицъ, неучаствующихъ въ правахъ владѣнія, въ такія части лѣсовъ, которыя имъ не принадлежатъ, такъ что при такомъ положеніи дѣла невозможно

было ни предупреждать разнаго рода неумышленныхъ правонарушеній, ни безчисленныхъ злоупотребленій и жалобъ, ни обезпечивать каждому собственнику неприкосновенность его владѣній. Хотя это уже давно сознавалось и изданы были давно уже нѣсколько указовъ къ разграниченію лѣсовъ, но исполненія по нимъ были крайне неудовлетворительными. Поэтому, на это обстоятельство Лѣсной Департаментъ обратилъ особое вниманіе, и образовалъ особыя комиссіи, состоявшія изъ членовъ Лѣсного Департамента, морского и удѣльнаго вѣдомствъ и чиновъ губернскихъ управленій. Этимъ комиссіямъ порученъ былъ отводъ лѣсовъ, по ихъ назначенію: флоту, фабрикамъ и заводамъ, государственнымъ крестьянамъ. По отчету министра финансовъ 18 августа 1803 года образованы были сперва только три комиссіи для губерній: С.-Петербургской, Олонецкой и Казанской, но уже по докладу министра, 8 мая 1804 г., составлены были еще комиссіи для шести губерній: Новгородской, Костромской, Нижегородской, Вятской, Вологодской и Архангельской, но эти шесть комиссій, въ отличіе отъ первыхъ трехъ, названы *временными.*

Къ составленію этихъ комиссій представилось множество затрудненій, замедлившихъ начало ихъ дѣйствій. Негдѣ было взять потребное число землемѣровъ; члены комиссій очень медленно съѣзжались; затребованныя отъ губернаторовъ предварительныя свѣдѣнія о числѣ крестьянъ, о количествѣ нужныхъ имъ земель и т. п., отъ нѣкоторыхъ вовсе не доставлялись, отъ другихъ—недостаточно полныя. Наконецъ, однако, комиссіи приступили къ своей работѣ и успѣли въ семи губерніяхъ надѣлить землею 42.350 душъ крестьянъ; только въ Нижегородской и Вятской губерніяхъ комиссія вовсе не могла приступить къ надѣлу крестьянъ лѣсами. Зато въ этихъ губерніяхъ отмежеваны были лучшіе лѣса въ пользованіе флоту, но выдѣлъ на тотъ же предметъ лѣсовъ произведенъ въ значительномъ количествѣ и въ губерніяхъ: Олонецкой, Казанской, Петербургской, Архангельской, Костромской и Новгородской. Въ первомъ году выяснилось, въ чемъ нужно пополнить инструкціи, данныя комиссіямъ, и чѣмъ усилить средства ихъ, такъ что въ слѣдующихъ годахъ можно надѣяться на болѣе успѣшный ходъ работъ.

3. Открыты лѣсныя школы.

Лѣсной Департаментъ въ докладѣ министру финансовъ представилъ о необходимости имѣть свѣдущихъ лѣсничихъ и что вызываемые на эти должности иностранцы, при всѣхъ ихъ знаніяхъ и опытности, не удовлетворяютъ потребности, потому что не владѣютъ русскимъ языкомъ, не знаютъ русскихъ обычаевъ и законовъ, ни почвенныхъ и климатическихъ особенностей Россіи. Поэтому, крайне необходимо, кромѣ открытой уже въ 1803 году, въ Царскомъ Селѣ, практической школы, въ которой обучаются 20 учениковъ, учредить еще другой Лѣсной Институтъ для 30 учениковъ въ лѣсахъ Калужской губерніи.

По отчету Лѣсного Департамента поступило лѣсного дохода съ

1799 по 1805 годъ всего въ теченіе шести лѣтъ 2.700,325 руб. $10^1/_2$ коп., т.-е. среднимъ счетомъ на каждый годъ причиталось 450,054 руб. 18 коп. Въ послѣднемъ же 1804 году доходъ составлялъ 592,500 руб., превысивъ значительно предшествующіе года, а кромѣ того отпущено еще и безденежно на разныя надобности лѣсу, по цѣнности его, на сумму 518,988 руб.

Расходъ по лѣсному вѣдомству на 1805 г. проектированъ въ суммѣ 357.385 руб. 87 коп.

Интересно сопоставить съ этими цифрами лѣсной доходъ въ Россіи, поступившій въ 1892 году, и расходъ по лѣсному вѣдомству, въ то же время затраченный: доходъ достигъ до 19.643,868 руб., а расходъ составлялъ 9.192,376 рублей.

Сосредоточенное въ одномъ Лѣсномъ Департаментѣ управленіе всѣми казенными лѣсами не долго продолжалось, напротивъ, весьма скоро лѣса, приписанные къ разнымъ отраслямъ государственнаго хозяйства и промышленности, начали отдѣляться отъ общаго лѣсного управленія. Въ 1804 г. повелѣно къ казеннымъ винокуреннымъ заводамъ Вятской, Пермской, Симбирской и Пензенской губерній отвести особые лѣса и отдать таковые въ вѣдѣніе и береженіе тѣхъ заводовъ. Указомъ 13 іюня 1806 г. учрежденъ при Министерствѣ Финансовъ Горный Департаментъ, а вслѣдъ затѣмъ всѣ лѣса, приграниченные къ заводамъ, переданы въ завѣдываніе горнаго правленія. Послѣ того, указомъ 15 мая 1808 г., учрежденъ Департаментъ Удѣловъ и въ совершенную зависимость его переданы лѣса, находящіеся въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Въ томъ же 1808 году лѣса Бѣлостокской области оставлены на особыхъ правахъ въ вѣдѣніи областного начальства. Да и существованіе особаго Лѣсного Департамента продолжалось только до 1811 года. Въ этомъ же году, указомъ 25 іюня, открытъ, при Министерствѣ Финансовъ, Департаментъ Государственныхъ Имуществъ, которому поручено управленіе и завѣдываніе всѣми государственными имуществами, въ томъ числѣ и лѣсами. Въ этомъ Департаментѣ, въ числѣ прочихъ отдѣленій, полагалось: отдѣленіе корабельныхъ лѣсовъ и отдѣленіе казенныхъ лѣсовъ.

Завѣдываніе Министерства Финансовъ корабельными лѣсами продолжалось до 1828 г.; въ этомъ же году, для главнаго управленія всѣми корабельными лѣсами въ Россіи и для заготовки и доставки корабельныхъ деревъ къ портамъ, указомъ 3 декабря учрежденъ особый департаментъ корабельныхъ лѣсовъ, вошедшій въ составъ Морского Министерства. Прочіе же казенные лѣса, не приписанные къ особымъ вѣдомствамъ, остались попрежнему въ Управленіи Департамента Государственныхъ Имуществъ, пока блаженной памяти императору Николаю I благоугодно было, указомъ 26 декабря 1837 г., учредить особое Министерство Государственныхъ Имуществъ.

Въ 1817 г. 25 августа Высочайше утвержденъ уставъ о корабельныхъ лѣсахъ, по которому для обезпеченія флота предположено

было учредить три округа корабельныхъ лѣсовъ: низовой, сѣверный и западный. Низовой округъ тотчасъ же и открылъ управленіе свое въ Казани. Между прочимъ назначено было, по низовому округу, выдѣлить 300 дубовыхъ корабельныхъ рощъ, каждую величиной по 300 десятинъ. Такихъ, — какъ въ то время называли *трехсотенныхъ*, — рощъ и было въ теченіе 1818 и 1819 гг. выдѣлено 100. Но уже въ 1820 году начали выдѣлять не одни дубовые, а всѣ годные и благонадежные лѣса: дубовые, лиственные и сосновые.

Сѣверный округъ корабельныхъ лѣсовъ открытъ позже въ Архангельскѣ для лѣсовъ Архангельской и Вологодской губерній. Заготовленіе нужныхъ флоту лѣсовъ производилось въ низовомъ округѣ посредствомъ наряда на работы лашманъ, а въ прочихъ округахъ посредствомъ вольнаго найма или же подрядомъ. Въ лашмана приписано было съ 1802 года очень много селеній государственныхъ крестьянъ, изъ татаръ, слишкомъ 800,000 душъ. Число это оказалось ненужнымъ, такъ что въ 1817 г. въ сословіе лашманъ приписаны были, въ семи ближайшихъ къ Казани губерніяхъ, только 120,000 душъ, а затѣмъ въ 1821 году еще 15,732 души Саратовской губерніи.

По заготовкамъ корабельныхъ лѣсовъ возникли довольно крупные безпорядки и злоупотребленія, начались препирательства между чинами двухъ вѣдомствъ, участвовавшихъ одни въ заготовкахъ, другіе въ отправкахъ къ портамъ лѣсовъ. Это подало поводъ къ учрежденію въ 1828 году особаго Департамента Корабельныхъ Лѣсовъ, подвѣдомственнаго Морскому Министерству. Департаментъ этотъ, однако, въ дѣйствительности открытъ не ранѣе 5 ноября 1829 года. Ему поручено завѣдывать корабельными лѣсами и рощами, заготовлять и доставлять къ портамъ нужныя флоту деревья.

Мѣстное управленіе лѣсами, въ началѣ XIX вѣка, оставалось въ томъ положеніи, въ какомъ оно учреждено было императоромъ Павломъ въ 1798 году въ форстмейстерской инструкціи. Лѣса въ каждой губерніи состояли въ вѣдѣніи Казенныхъ Палатъ, въ особомъ отдѣленіи оныхъ, въ которомъ полагался оберъ-форстмейстеръ, для ближайшаго же надзора за лѣсными дачами состояли форстмейстера, а нѣсколько позже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и ферстера. Охраненіе лѣсовъ ввѣрялось полѣсовщикамъ и пожарнымъ старостамъ, избираемымъ самими сельскими обществами государственныхъ крестьянъ изъ среды своей. Охраненіе всѣхъ казенныхъ лѣсовъ въ этомъ порядкѣ составляло натуральную повинность государственныхъ крестьянъ.

По указу 19 іюня 1826 г. лѣсной части дано новое устройство, сначала въ видѣ опыта, въ губерніяхъ: Петербургской, Олонецкой, Псковской и Казанской, а съ 1 января 1828 г. распространено на всѣ губерніи. Оберъ-форстмейстеровъ переименовали въ губернскихъ лѣсничихъ, а остальные лѣсные чины—въ ученыхъ, окружныхъ—младшихъ лѣсничихъ и подлѣсничихъ. Для удобства охраненія и

хозяйства, всѣ лѣса въ губерніяхъ раздѣлены на округа, а округа на лѣсничества; но число лѣсныхъ чиновъ въ губерніи было ничтожное, тамъ всѣхъ градацій классныхъ лѣсныхъ чиновъ находилось къ 1837 году всего 462 человѣка, а въ началѣ вѣка едва и половина этого числа. Полѣсовщиковъ и пожарныхъ старостъ было очень много, болѣе 40,000 человѣкъ; но отъ такого рода стражи нельзя было ожидать вполнѣ удовлетворительнаго отправленія службы, потому что трудъ ея былъ обязательный, по наряду, не вознаграждаемый, а потому въ немъ отсутствовалъ элементъ личнаго интереса, который бы побуждалъ полѣсовщика исполнять обязанность охотно и исправно, притомъ полѣсовщикъ находился въ зависимости отъ крестьянскаго общества, т.-е. отъ тѣхъ лицъ, противъ самовольства которыхъ долженъ былъ охранять лѣса. Чтобы до нѣкоторой степени поправить такой недостатокъ, въ новомъ устройствѣ лѣсной части 1826 г. предположено было назначать въ дачи болѣе цѣнныя объѣздчиковъ по добровольному найму, поручая имъ наблюдать за исправностью полѣсовщиковъ, но такихъ объѣздчиковъ опредѣлено было на службу очень немного: по истеченіи 11 лѣтъ ихъ состояло при лѣсахъ всего около 400 человѣкъ. Министръ финансовъ, графъ Канкринъ, понимая недостатки стражи, состоящей изъ полѣсовщиковъ, предполагалъ постепенно замѣнить ихъ болѣе надежными людьми и съ этою цѣлью испросилъ въ 1832 г. Высочайшее соизволеніе на устройство постоянной лѣсной стражи. Для этого повелѣно водворять въ казенныхъ лѣсахъ стражу цѣлыми семействами, построивъ имъ дома, съ отводомъ земли до 30 десятинъ на семью и освободить эту лѣсную стражу отъ государственныхъ податей и земскихъ повинностей. Но водвореніе семействъ лѣсной стражи подвигалось очень медленно, — въ теченіе 5 лѣтъ было, до 1837 г., водворено всего 61 семейство.

Малочисленность классныхъ лѣсныхъ чиновъ въ губерніи и недостаточная благонадежность лѣсной стражи, конечно, лишали лѣсное управленіе возможности охранять лѣса въ достаточной мѣрѣ отъ самовольства постоянно возраставшаго населенія и еще менѣе представлялось надеждъ, при такомъ личномъ составѣ лѣсныхъ чиновъ, не получившихъ спеціальнаго лѣсного образованія, сдѣлать что-либо серьезное въ дѣлѣ улучшенія хозяйства въ самыхъ лѣсахъ. Охраненіе лѣсовъ чрезвычайно затруднялось и тѣмъ, что границы лѣсовъ не были еще закрѣплены видимыми знаками, ибо въ первыхъ годахъ вѣка генеральное межеваніе въ немногихъ только губерніяхъ было окончено, да и тамъ, гдѣ оно окончено, въ большинствѣ случаевъ, не было границъ, отдѣляющихъ крестьянскія владѣнія отъ казенныхъ лѣсовъ. Мы уже знаемъ изъ предыдущаго, что сословіе государственныхъ крестьянъ образовалось въ 1745 г. изъ прежнихъ черносошныхъ и монастырскихъ крестьянъ. Поступавшія въ монастыри села съ землями, при отводѣ монастырямъ, описывались и имѣли, хотя не всегда, точно опредѣленныя, но все-

таки границы по живымъ урочищамъ, вошедшія въ писцовыя книги, и по этимъ писцовымъ дачамъ обмежеваны во время генеральнаго межеванія; но черносошные крестьяне пользовались свободными землями, не составлявшими частную собственность кого-либо, насколько они находили нужнымъ для своего хозяйства. Поэтому всѣ прилегавшія къ такимъ селеніямъ пустопорожнія государственныя земли и лѣса включались въ общую окружную генеральную межу дачи, такъ какъ занятыя государственными крестьянами земли, равно и пустопорожнія, одинаково составляли собственность одного и того же владѣльца—государства. Поэтому со времени генеральнаго межеванія появилось и названіе «крестьянскіе лѣса»: этимъ терминомъ названы лѣсныя пространства, вошедшія въ окружную межу земель, отведенныхъ въ дачу казенныхъ селеній. Но такъ какъ по правиламъ генеральнаго межеванія, въ случаѣ неимѣнія крѣпостныхъ документовъ или въ случаѣ споровъ, всѣмъ, — даже частнымъ владѣльцамъ, — намежевывалось въ общую дачу количество земли, по числу ревизскихъ душъ, полагая на каждую отъ 8 до 15 десятинъ (смотря по мало- или многоземелью), то и государственные крестьяне изъ общаго количества земли, вошедшей въ неразмежеванную между ними и казною дачу, приписанную къ селеніямъ, имѣли право только на пропорцію, причитающуюся на каждую ревизскую душу; надѣленіе же крестьянъ этою пропорціею, какъ мѣра хозяйственнаго распорядка, предоставлялось владѣльцу земли, т.-е. казенному управленію, а генеральнымъ межеваніемъ такія границы не проводились. Надѣленіе же крестьянъ узаконенною пропорціей земли шло очень медленно, за неимѣніемъ достаточныхъ межевыхъ средствъ. Поэтому, за отсутствіемъ границъ, нельзя было и удерживать крестьянъ отъ многихъ самоволій, и за неотводомъ крестьянамъ причитающейся имъ земли, слѣдовательно, и неизвѣстности, какія части лѣсовъ имъ достанутся, также нельзя было раздѣлять крестьянскіе лѣса на лѣсосѣки, какъ то требовалось оберъ-форстмейстерской инструкціей.

Дѣло усложнялось еще тѣмъ, что манифестомъ 2 апрѣля 1801 г. крестьянскіе лѣса предоставлены въ свободное пользованіе казеннымъ крестьянамъ, за исключеніемъ деревъ, годныхъ для флота, а пока не послѣдовало надѣленіе селеній землею, крестьяне считали, что все пространство, замежеванное въ одну межу и приписанное къ селеніямъ, составляетъ крестьянскій лѣсъ, въ которомъ имъ предоставлено право свободно пользоваться.

Несмотря на тяжелую обстановку, въ какой находилось лѣсное управленіе въ началѣ текущаго столѣтія, оно выработало все-таки многія мѣропріятія, соотвѣтствовавшія тому времени и удерживавшія, хотя до нѣкоторой степени, предшествующее свободное распоряженіе лѣсами, не принадлежащими къ числу корабельныхъ.

Изъ боязни истощенія лѣсовъ, императоромъ Павломъ запрещенъ былъ отпускъ лѣса за границу, но уже при императорѣ

Александрѣ I постепенно увеличивалось количество лѣса, разрѣшаемое къ отпуску за границу изъ казенныхъ дачъ. Такъ, сначала дозволено продавать за границу валежникъ, накопившійся въ 10 смежныхъ съ Пруссіей дачахъ Виленской губерніи и изъ лѣсовъ Архангельской и Вологодской губерній разрѣшено отпускать ежегодно по 50,000 деревъ, каковое число послѣ было увеличено до 75,000 деревъ. Количество отпуска постепенно расширялось, пока, уже гораздо позже, всякое ограниченіе прекратилось. Для внутренней торговли не существовало ограниченія въ количествѣ, а только запрещалось отпускать изъ казенныхъ лѣсовъ деревья, составляющія принадлежность флота. Отпускъ лѣса изъ казенныхъ дачъ, на частныя надобности, безъ платы денегъ прекращенъ. Начало отпуска лѣса за деньги положено было еще въ 1780 году. Тогда новгородское намѣстническое правленіе положило сбирать по 5 коп. за всякое дерево, вырубаемое для пилки въ дачахъ государственныхъ крестьянъ. Купцы жаловались на это Сенату, но Сенатъ нашелъ мѣру справедливой и Екатерина II именнымъ указомъ подтвердила ее. Послѣ того отпускъ лѣса частнымъ лицамъ изъ казенныхъ дачъ по опредѣленной таксѣ установленъ Павломъ и такса обнародована. Въ таксѣ этой сдѣлано различіе въ цѣнѣ, смотря по разстоянію мѣста рубки отъ рѣкъ и по породѣ лѣса, размѣру длины и толщины строевыхъ деревъ, и особо назначена цѣна за кубическую сажень дровъ. Указомъ 1810 г. объявлена новая такса, составленная на основаніяхъ прежней, но съ возвышеніемъ цѣнъ. Но въ видахъ предупрежденія истощенія дачъ чрезмѣрно сильными вырубками, оберъ-форстмейстеры обязаны были составлять смѣту ежегоднаго отпуска изъ каждой дачи и публиковать ее въ губерніяхъ и уѣздныхъ городахъ. Лѣсъ отпускался по требованіямъ покупщиковъ за попенныя и посаженныя деньги, таксами опредѣленныя.

Для облегченія способовъ пріобрѣтенія лѣса изъ казенныхъ дачъ потребителями его, равно и для удобнѣйшаго учета подлежащихъ взысканію денегъ, была установлена особая льготная плата за деревья, употребляемыя на распиловку въ доски на олонецкихъ лѣсопильныхъ заводахъ и на постройку барокъ и морскихъ судовъ.

Правительство всегда поощряло частное судостроеніе; но положительныя правила объ отпускѣ лѣса на постройку судовъ окончательно сложились у насъ въ началѣ нынѣшняго вѣка. За лѣсъ, отпускавшійся на судостроеніе, брали не попенныя деньги, а пошлины съ размѣра судовъ. Въ 1806 г. въ Высочайшемъ повелѣніи 17 января сдѣлано различіе между рѣчными и мореходными судами. Но еще ранѣе, въ 1800 году февраля 20 дня, въ 1803 году 17 февраля, а позже, въ 1810 г. 12 ноября, повелѣно было, чтобы взамѣнъ попенныхъ денегъ взимать съ каждаго рѣчного судна пошлину, соразмѣрно величинѣ онаго, на нижеслѣдующемъ основаніи:

1) Съ пильныхъ водовиковъ, романовокъ и тому подобныхъ су-

довъ, на разныхъ озерахъ употребляемыхъ, съ рѣчныхъ барокъ, полубарокъ, коломенокъ, байдаковъ, струговъ, ладей и прочихъ судовъ, имѣющихъ боковыя стѣны, взимать плату за каждую квадратную сажень дна, при чемъ эта пошлина увеличивалась по мѣрѣ большей вышины боковыхъ стѣнъ. Для этого составлено было росписаніе, сколько именно брать пошлины за квадратную сажень дна, когда боковыя стѣны имѣютъ извѣстную высоту (отъ 80 коп. до 1 р. 50 к. за квадр. сажень).

2) За лодки, челны, вообще, какъ для прислугъ при баркахъ и рѣчныхъ судахъ, такъ и для другого употребленія, приготовляемыя изъ казенныхъ лѣсовъ, взималась пошлина въ казну за четырехсаженныя по два рубля, а за меньшія—по одному рублю.

3) Когда суда были построены съ крышками, взимали сверхъ того десятую часть той пошлины, которая съ судна или барки причиталась по росписанію.

4) Съ топорныхъ барокъ, построеніе коихъ было запрещено, но если бы таковыя оказались, повелѣно взыскивать двойную пошлину.

Мореходными судами признавали тѣ, которыя имѣютъ кили и деки. Для мореходныхъ судовъ установлена была пошлина по длинѣ киля за каждый футъ; чѣмъ длиннѣе киль, тѣмъ большую пошлину платили за каждый футъ. Еще большія льготы оказаны были жителямъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Архангельской губерніи, въ уваженіе суровости климата, неспособности почвы къ хлѣбопашеству и по занятію обывателей преимущественно звѣриными и рыбными промыслами на берегахъ и островахъ, для чего суда составляютъ необходимую принадлежность. По этимъ соображеніямъ, обыватели уѣздовъ Кольскаго, Кемскаго, Онежскаго и сѣверной части Мезенскаго освобождены были вовсе отъ платежа пошлинъ за постройку судовъ изъ казеннаго лѣса, а обыватели остальной части Мезенскаго, Архангельскаго, Шенкурскаго, Пинегскаго и Холмогорскаго уѣздовъ платили токмо половину пошлинъ противъ установленнаго количества.

Всякая постройка судна обставлена была разными формальностями, дабы, подъ предлогомъ постройки судна будто бы изъ частновладѣльческаго лѣса, не нанесенъ былъ убытокъ казнѣ; требовалось клейменіе судна адмиралтейскимъ клеймомъ и снабженіе судостроителя особымъ билетомъ, выдававшимся окружными лѣсничими, когда постройка произведена изъ казеннаго лѣса, когда же постройка сдѣлана изъ помѣщичьяго лѣса, то клеймо накладывалось и билетъ выдавался земскими судами. Суда могли быть во всякое время на рѣкахъ и моряхъ повѣряемы.

Что же касается до платы и учета лѣсовъ, распиливаемыхъ на лѣсопильныхъ заводахъ, то различали трехъ родовъ заводы: частные лѣсопильные заводы, пріобрѣтавшіе лѣсъ по своему усмотрѣнію изъ помѣщичьихъ дачъ или же изъ казенныхъ, за попенныя деньги; лѣсопильные заводы казенные и лѣсопильные частные заводы, по-

лучавшіе лѣсъ изъ казенныхъ дачъ на особыхъ льготныхъ условіяхъ. Отпускъ лѣса на распиловку для первыхъ заводовъ не представлялъ никакого различія отъ общаго порядка продажи казенныхъ лѣсовъ.

Казенные заводы находились въ Онежскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, и производили распиловку бревенъ въ доски и батансы для заморскаго торга. Деревья для распиловки заготовлялись изъ назначенныхъ для нихъ казенныхъ дачъ Архангельской и Олонецкой губерній. Лѣсной онежскій торгъ во всемъ производился на коммерческомъ обрядѣ, а доходъ обращался въ государственный. Для управленія конторою онежскихъ казенныхъ лѣсопильныхъ заводовъ состоялъ директоръ, а директоръ и контора находились въ непосредственной зависимости Архангельской Казенной Палаты, по лѣсному ея отдѣленію. Онежскіе лѣсопильные заводы взяты были въ казну, въ концѣ прошлаго столѣтія, отъ англійскаго купца Гома (о которомъ сказано выше), когда онъ былъ объявленъ несостоятельнымъ; послѣ чего заводы эти дѣйствовали, по распоряженію казеннаго лѣсного управленія, на основаніи Высочайшихъ повелѣній 3 апрѣля 1801 г., 25 іюня 1811 г., 15 ноября 1816 г. и 7 января 1830 г.

Къ частнымъ заводамъ, получающимъ для распиловки лѣсъ изъ казенныхъ дачъ на особыхъ льготныхъ условіяхъ, принадлежали лѣсопильные заводы въ Олонецкой губерніи, которые доставляли доски въ С.-Петербургъ и большую часть своего товара отправляли чрезъ Кронштадтскій портъ за границу.

Исторія олонецкихъ заводовъ слѣдующая. Уже Петръ Великій поощрялъ приготовленіе пиленыхъ досокъ, вмѣсто тесанныхъ, и заведеніе лѣсопильныхъ мельницъ для приготовленія досокъ, представлявшихъ предметъ выгоднаго заморскаго торга. Въ теченіе прошлаго столѣтія, когда изъ казенныхъ лѣсовъ можно было безплатно брать деревья, конечно, нашлись люди, построившіе въ огромныхъ олонецкихъ лѣсахъ, на обильныхъ водою рѣкахъ, лѣсопильные заводы. Когда же, въ концѣ прошлаго вѣка, опредѣлена была такса за лѣсъ, вырубаемый изъ казенныхъ дачъ на частныя надобности, то надо было установить и порядокъ учета употребляемыхъ олонецкими лѣсопилками деревъ; между тѣмъ, недостаточное число ферстеровъ, очевидно, не имѣло возможности услѣдить за всѣми партіями бревенъ, вырубаемыхъ для заводовъ, и учитывать ихъ по количеству. Надо было придумать другой способъ болѣе упрощеннаго учета распиливаемыхъ деревъ, и не обременительный для заводовъ, поддержаніе которыхъ признавалось полезнымъ по слѣдующимъ причинамъ:

а) Что заводы въ тамошнемъ малообильномъ краѣ доставляютъ поселянамъ способы къ продовольствію и уплатѣ казенныхъ податей; безъ сего же правительство нашлось бы, можетъ-быть, въ необходимости дѣлать поселянамъ пособія и даже устроить хлѣбные запасные магазины, съ пожертвованіемъ на то немаловажныхъ суммъ.

b) Что заводы доставляютъ казнѣ доходъ за лѣса отдаленные, кои едва-ли бы могли быть проданы на другіе предметы, и слѣдовательно, оставаясь безъ употребленія, пропадали бы безъ всякой пользы.

c) Доставленіе съ заводовъ досокъ способствуетъ удержанію умѣренныхъ на оныя цѣнъ въ столицѣ.

и d) Самый отпускъ означенныхъ досокъ за море приноситъ казнѣ немаловажный таможенный доходъ и усиливаетъ заграничную торговлю.

Къ симъ заводамъ приписано съ 1804 года въ Олонецкомъ, Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ изъ отдаленныхъ лѣсныхъ дачъ, гдѣ заготовки деревъ для кораблестроенія не производится, до 917 тысячъ десятинъ. При чемъ заводчикамъ предоставляется заготовлять для распиловки въ доски такое количество деревъ, какое признаютъ нужнымъ, на всемъ пространствѣ тѣхъ дачъ, безъ ограниченія, съ тѣмъ только, чтобы деревья вырубаемы были 3-хъ саженей длины и не тоньше 8 вершковъ; впрочемъ, если изъ толстаго дерева, за отрубкою 3-хъ-саженнаго бревна въ 9 или 10 вершковъ, останется еще другое въ 3 сажени длиною и въ 7 вершковъ толщиною, таковое дозволено заготовлять къ заводамъ, но деревья, изъ которыхъ вышло бы одно бревно 7-вершковой толщины и тонѣе, рубить воспрещено.

Дѣйствіе заводовъ должно было производиться по правиламъ, Высочайше утвержденнымъ 11 апрѣля 1804 года и 13 февраля 1807 года, слѣдующимъ образомъ:

a) Чтобы заводчики ежегодно не позже марта или апрѣля объявляли, въ какіе именно мѣсяцы и на сколькихъ рамахъ заводы ихъ дѣйствовать будутъ; сообразно чему и заключать съ казною контракты.

b) Чтобы тѣ рамы, кои заводчикъ пожелаетъ оставить безъ дѣйствія, опечатывались оберъ-форстмейстеромъ при сотскомъ ближайшаго казеннаго селенія, а по истеченіи контрактныхъ сроковъ, также поступаемо было и съ прочими дѣйствовавшими рамами.

и c) Если заводчики, по какимъ-либо причинамъ, не успѣютъ распилить заготовленныхъ ими бревенъ въ назначенное по контракту время, то дозволять пилить имъ сверхъ того сколько нужно за установленную плату, съ дозволенія оберъ-форстмейстера. Но какъ при такомъ порядкѣ замѣчены были злоупотребленія, ибо нѣкоторые заводчики производили пиловку досокъ, по истеченіи контрактныхъ сроковъ, тайно, не платя въ казну порамныхъ денегъ, то для отвращенія сего журналомъ комитета гг. министровъ, Высочайше утвержденнымъ 17 марта 1825 года, постановлено: контракты съ заводчиками на пиловку досокъ заключать не менѣе какъ на десять мѣсяцевъ сряду въ каждомъ году, предоставляя затѣмъ заводы въ полное ихъ распоряженіе на круглый годъ, съ тѣмъ, что два мѣсяца останутся въ ихъ пользу для нужныхъ исправленій въ

заводахъ и для пиловки безъ платы, буде положеніе заводовъ то дозволитъ.

Порамная въ казну плата съ упомянутыхъ заводовъ установлена была слѣдующая:

По правиламъ 1807 года:

съ заводовъ 1 разряда по 250 рублей,
» » 2 » » 200 »
» » 3 » » 150 »

съ каждой рамы въ мѣсяцъ.

Но въ 1823 году плата сія возвышена:

съ заводовъ 1 отдѣла до 420 рублей
» » 2 » » 320 »
» » 3 » » 250 »

на каковомъ основаніи и взималась она по 1831 годъ.

Въ 1830 году г. министръ финансовъ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства до лѣсопильныхъ заводовъ относящіяся, призналъ, что по сему предмету можно имѣть въ виду слѣдующія системы:

Во-1-хъ, взиманіе за бревна, для распиловки приготовляемыя, попенныхъ денегъ по умѣренной цѣнѣ.

Во-2-хъ, отводъ къ заводамъ постоянныхъ лѣсныхъ участковъ, въ видѣ условной собственности.

Въ-3-хъ, взиманіе акциза съ сплавляемыхъ досокъ въ селеніи Сермаксѣ, при устьѣ рѣки Свири, взамѣнъ платежа на мѣстѣ попенныхъ или порамныхъ денегъ, съ повѣркою на Шлиссельбургской заставѣ, и съ тѣмъ, чтобы вырубка на мѣстахъ была ограничена особыми правилами; а частнымъ заводамъ, получающимъ лѣсъ изъ владѣльческихъ дачъ, было назначено, судя по состоянію тѣхъ лѣсовъ, сколько въ годъ могутъ они доставить досокъ безъ платежа акциза, что распространить въ опредѣленной степени и на бревна, и

Въ-4-хъ, продолженіе на нѣсколько лѣтъ нынѣ существующаго порядка.

Изъ таковыхъ системъ первая представляетъ распорядокъ самый точнѣйшій, но она была уже однажды (въ 1823 году) отвергнута Государственнымъ Совѣтомъ, и сопряжена съ тѣмъ неудобствомъ, что при оной казенный доходъ зависѣлъ бы единственно отъ показаній мѣстныхъ лѣсныхъ чиновниковъ, коихъ невозможно контролировать. Вторая и третья системы не прежде могутъ быть приняты, какъ по собраніи мѣстныхъ свѣдѣній, по коимъ можно было бы судить съ достовѣрностью о выгодѣ, или невыгодѣ оныхъ. Затѣмъ, самою удобнѣйшею системою признана послѣдняя. Поэтому министръ финансовъ заключилъ: привесть въ извѣстность чрезъ Олонецкую Казенную Палату все, что можетъ относиться къ отводу заводамъ особыхъ лѣсныхъ участковъ съ платежемъ порамныхъ денегъ, а равно къ введенію системы акциза, дабы затѣмъ войти въ подробное разсмотрѣніе, слѣдуетъ-ли принять то или другое; а между тѣмъ продлить существованіе лѣсопильныхъ заводовъ съ 1831 года на

четыре года на прежнемъ основаніи, съ слѣдующими дополненіями и исправленіями:

а) Тѣмъ изъ означенныхъ заводовъ, кои устроены въ Олонецкомъ уѣздѣ и заготовляютъ лѣсъ изъ одного сего уѣзда, производить пиловку не болѣе, какъ на двухъ рамахъ, по уваженію, что лѣса въ томъ уѣздѣ истощены болѣе, нежели въ прочихъ.

b) Дозволить рубить деревья на распиловку, начиная отъ 6 вершковъ и толще на 3-хъ саженяхъ въ отрубѣ.

c) Такъ какъ опытомъ доказано, что двѣ рамы, при хорошемъ устройствѣ заводовъ и полной водѣ, могутъ распилить въ мѣсяцъ отъ 2 тысячъ до 2800 бревенъ, то вмѣнить Казенной Палатѣ въ обязанность, при дачѣ дозволенія на вырубку деревъ для распиловки, отбирать отъ заводчика показанія, на сколькихъ рамахъ предполагаетъ онъ пилить лѣса, а сообразно сему выдавать билеты на вырубку токмо того количества деревъ, которое со включеніемъ находящихся при заводѣ и въ пути излишнихъ остатковъ требуется по тому расчисленію для годового дѣйствія. Буде же кто изъ заводчиковъ вырубитъ лѣсовъ болѣе количества, назначеннаго по билету, съ таковымъ, по надлежащемъ изслѣдованіи, поступить какъ съ самовольнымъ порубщикомъ.

d) Заводчикамъ поставить въ непремѣнную обязанность, чтобы вырубленныя деревья старались своевременно доставлять къ заводамъ гужемъ или сплавомъ; но буде заготовленныя въ лѣсахъ бревна въ теченіе двухъ лѣтъ со времени порубки оныхъ, останутся въ дачѣ на мѣстахъ порубки, или же, будучи отправлены въ путь, не дойдутъ до завода въ теченіе двухъ, а изъ дальныхъ мѣстъ трехъ лѣтъ по отправленіи, то заводчикъ за всѣ оставленныя такимъ образомъ въ лѣсу или въ пути деревья обязывается, въ отвращеніе могущаго произойти казнѣ отъ долгаго лежанія ихъ убытка, безотговорочно заплатить установленныя въ казну попенныя деньги, послѣ чего оныя деревья предоставляются въ его пользу. Но ежели онъ пожелаетъ обратить ихъ въ распиловку, въ такомъ случаѣ долженъ обыкновеннымъ порядкомъ заключить контрактъ и независимо отъ платежа попенныхъ денегъ уплатить въ казну порамныя деньги по положенію, разумѣя сіе въ теченіе 4-хъ-лѣтняго срока.

e) Контракты съ заводчиками заключаются попрежнему въ мартѣ и не позже апрѣля мѣсяца каждаго года; но для отвращенія тайной пиловки и для обезпеченія полнаго поступленія въ казну порамныхъ денегъ, на основаніи Высочайше конфирмованнаго въ 17 день марта 1825 года постановленія комитета гг. министровъ, не менѣе какъ на десять мѣсяцевъ сряду въ каждомъ году, считая оный съ 1 мая по 1-е марта, предоставляя затѣмъ заводамъ полную свободу дѣйствовать въ теченіе круглаго года и оставляя прочіе 2 мѣсяца въ ихъ пользу, какъ для нужныхъ исправленій, такъ и для продолженія пиловки безъ платы, буде положеніе заводовъ то дозволитъ.

f) Если бы кто изъ заводчиковъ, пропустивъ назначенное для

заключенія контрактовъ время, пожелалъ таковой заключить впослѣдствіи въ теченіе года, то сіе дозволяется, но не иначе, какъ съ платежемъ порамныхъ денегъ за полные десять мѣсяцевъ въ годъ, считая оный съ 1-го мая.

и g) Порамную пошлину возвысить, взыскивая съ заводовъ 1-го разряда по 600, 2-го разряда по 500 и 3-го разряда по 350 руб. съ каждой дѣйствующей рамы въ мѣсяцъ.

Всѣ предположенія министра финансовъ были разсматриваемы Государственнымъ Совѣтомъ и мнѣніями онаго, удостоенными Высочайшей конфирмаціи 6 и 14 ноября 1830 года, утверждены. Почему существованіе олонецкихъ лѣсопильныхъ заводовъ оставлено съ 1831 по 1835 годъ на вышеизложенномъ основаніи, а между тѣмъ Министерству Финансовъ велѣно собрать всѣ свѣдѣнія, относящіяся до отвода къ лѣсопильнымъ заводамъ участковъ и до акцизной системы для составленія правилъ, на коихъ впредь должны существовать заводы.

Сообразно означеннымъ положеніямъ Государственнаго Совѣта даны были Министерствомъ Финансовъ надлежащія предписанія Олонецкой Казенной Палатѣ и прикомандированы въ вѣдѣніе ея особые землемѣры, для обозначенія приписанныхъ къ лѣсопильнымъ заводамъ дачъ. Вслѣдствіе чего, по окончаніи землемѣрами возложеннаго на нихъ порученія, Палата донесла Министерству:

a) Что назначеніе къ лѣсопильнымъ заводамъ участковъ оказывается *невозможнымъ*, ибо помянутые участки, полагая по 20 тысячъ десятинъ на каждыя двѣ рамы, съ раздѣленіемъ сего пространства на 100 частей или лѣсосѣкъ (каждая по 200 десятинъ) должны бы были имѣть не менѣе 100 деревъ на десятинѣ, дабы со всякаго участка можно было бы вырубить для дѣйствія заводовъ по 20 тысячъ деревъ ежегодно; но изъ собранныхъ свѣдѣній о приписанныхъ къ заводамъ лѣсныхъ дачахъ оказывается, что дачи сіи отъ долговременныхъ вырубокъ изрѣжены до того, что на всемъ пространствѣ ихъ имѣется годныхъ для распиловки деревъ не болѣе 4-хъ-годовой пропорціи, да молодыхъ, на будущее время благонадежныхъ, не болѣе какъ на 13 лѣтъ, слѣдовательно, при отводѣ къ каждому заводу 20 тысячъ десятинъ, съ раздѣленіемъ на 100 лѣсосѣкъ, дѣйствіе заводовъ, по недостатку въ лѣсосѣкахъ годныхъ деревьевъ, должно будетъ совсѣмъ прекратиться. Сверхъ того, по неравному разстоянію лѣсныхъ дачъ и по неравной удобности сплава, невозможно было бы соблюсти въ надѣленіи заводовъ лѣсными участками должнаго равенства, отъ чего, безъ сомнѣнія, возникали бы безпрерывныя со стороны заводчиковъ жалобы, кои разобрать и удовлетворить по справедливости было бы трудно и даже невозможно.

b) Что введеніе акцизной системы сопряжено также съ затрудненіями, ибо для сего должно уравнять акцизъ за доски съ попенною пошлиною за деревья, изъ коихъ доски выпиливаются, но

сіе неудобно потому, что деревья, смотря по величинѣ и разстоянію оныхъ отъ рѣкъ, имѣютъ весьма неравную цѣну; сверхъ того, при повѣркѣ на Сермакской заставѣ досокъ, по количеству заключающихся въ нихъ дюймовъ и сортамъ, будутъ происходить между смотрителями заставы и лѣсохозяевами споры, отъ коихъ возникнутъ жалобы и заведется тягостная для лѣсного начальства переписка; наконецъ, со введеніемъ акцизной на Сермакской заставѣ платы, заводчики лишатся льготы, которою пользуются они, уплачивая порамныя деньги по истеченіи контрактныхъ сроковъ и еще далѣе, съ дополненіемъ только за просрочку по 1% въ мѣсяцъ, казна же понесетъ новыя издержки на усиленіе Сермакской заставы, ибо настоящій оной штатъ въ то время будетъ уже недостаточенъ.

Олонецкіе лѣсопильные заводчики поданнымъ на имя г. министра финансовъ прошеніемъ объяснили, что послѣднія изданныя для заводовъ ихъ правила отяготительны и что заводы на семъ основаніи не могутъ продолжать своего дѣйствія. Главнѣйшая причина отягощенія, по словамъ просителей, есть та, что они обязываются къ пиловкѣ досокъ въ теченіе цѣлаго года, ибо отъ сего происходятъ слѣдующія неудобства:

a) Заготовка лѣсовъ для годового дѣйствія заводовъ требуетъ значительныхъ капиталовъ, несравненно превышающихъ тѣ, кои у заводчиковъ имѣются; чрезъ что они принуждены прибѣгать къ займамъ, продавая свои доски впередъ по весьма низкимъ цѣнамъ, и сіе, лишая ихъ выгодъ отъ торговли досками, уменьшаетъ еще болѣе ихъ капиталы.

b) При безпрерывной пиловкѣ досокъ, заводчики не могутъ соображаться съ требованіями на оныя, отъ чего цѣны на доски болѣе или менѣе упадаютъ къ убытку заводчиковъ.

c) Значительная заготовка лѣса для безпрерывнаго дѣйствія заводовъ не соотвѣтствуетъ состоянію лѣсовъ, которые чрезъ сіе истребляются и въ скоромъ времени могутъ дойти до совершеннаго опустошенія.

d) Самая доставка лѣсовъ къ заводамъ въ большомъ количествѣ крайне затруднительна, ибо поставщики часто не могутъ оканчивать сплава оныхъ до упадка весенней воды.

По симъ обстоятельствамъ заводчики просили:

Во-1-хъ, дозволить имъ производить заготовку и пиленіе лѣсовъ, соображаясь съ нынѣшними ихъ капиталами и выгодами торговли, для чего предоставить имъ заключать контракты съ казною во всякое время и на всякіе сроки.

Во-2-хъ, порамную плату уменьшить соразмѣрно тому, какъ взималась оная по 1831 годъ.

Въ-3-хъ, позволить заготовлять къ заводамъ лѣса отъ 2-хъ до 4-хъ саженъ длиною.

Въ-4-хъ, не подвергать ихъ взысканію за лѣса, кои будутъ находиться въ пути къ заводамъ, а взыскивать только попенныя деньги

за тѣ лѣса, кои будутъ оставаться на мѣстахъ вырубки въ ближайшихъ къ заводамъ дачахъ болѣе *двухъ*, а въ отдаленныхъ болѣе трехъ лѣтъ, и потомъ таковые лѣса дозволить распиливать безплатно.

Наконецъ, въ 5-хъ, прибавить къ заводамъ лѣсныхъ дачъ.

Департаментъ Государственныхъ Имуществъ въ общемъ присутствіи разсмотрѣлъ въ 1833 году всѣ вышеизложенныя обстоятельства и признавалъ, что олонецкіе лѣсопильные заводы, существованіе коихъ для государства и въ особенности для тамошняго края и для здѣшней столицы признано полезнымъ,—слѣдуетъ оставить впредь, доколѣ правительство найдетъ сіе возможнымъ, на прежнемъ основаніи, съ платежемъ въ казну порамной пошлины. Засимъ, обращаясь къ прошенію заводчиковъ, поданному въ Министерство Финансовъ, Департаментъ находилъ, что изъ требованій ихъ заслуживаютъ вниманія: 1) Сокращеніе годового срока для заключенія контрактовъ. 2) Прибавленіе къ заводамъ на дѣйствіе оныхъ лѣсныхъ дачъ; что и можетъ быть исполнено, такъ какъ изъ дѣлъ Департамента видно, что за предположеннымъ надѣленіемъ олонецкихъ горныхъ заводовъ назначеннымъ онымъ количествомъ земель и лѣсовъ и за передачею корабельныхъ рощъ въ Морское Министерство, остается до 300 тысячъ десятинъ, кои и могутъ быть назначены на дѣйствіе лѣсопильныхъ заводовъ.

А потому Департаментъ полагалъ:

Первое. Контракты съ заводчиками заключать въ мартѣ и апрѣлѣ,—по ихъ желанію на 1 годъ или полгода, съ платою порамной пошлины за 10 или 5 мѣсяцевъ.

Второе. Дозволять заключать контракты, если бы и былъ пропущенъ срокъ, на 1 годъ и полгода,—равно и на второе полугодіе, если бы по истеченіи перваго полугодія заводчикъ пожелалъ, но со внесеніемъ порамной платы за весь срокъ, годовой или полугодовой, считая годъ съ 1-го мая по 1-е мая другого года, а полугодіе съ 1-го мая по 1-е ноября и съ 1-го ноября по 1-е мая.

Третье. Заводчикамъ Олонецкаго уѣзда, если пожелаютъ пилить каждый на всѣхъ 4-хъ рамахъ, то заключать контракты только на полгода и не допускать возобновленія на 2-е полугодіе.

Четвертое. По истеченіи сроковъ контрактовъ, если таковые не будутъ возобновлены, заводы запечатать на другой день чрезъ мѣстныхъ лѣсныхъ чиновниковъ и приводить въ извѣстность, при членѣ земскаго суда, количество оставшихся нераспиленными бревенъ и брать подписки — отнюдь не пилить и не употреблять тотъ лѣсъ до заключенія новыхъ контрактовъ.

Пятое. Въ отношеніи очистки лѣсовъ постановлены правила: а) ненужныя вершины и сучья, годные къ употребленію, складывать въ станы и сдавать лѣснымъ чиновникамъ; б) малые сучья и маковки разрубать мельче, равно кору и щепу, разбрасывать по лѣсу, также въ находящіяся ямы и рытвины, а отнюдь не въ ручьи и рѣчки.

и *Шестое*. Учетъ вырубленнаго лѣса впредь производить по приплавѣ къ заводамъ при запоняхъ.

Въ остальныхъ ходатайствахъ заводчиковъ отказать.

Мнѣніе общаго присутствія Департамента Государственныхъ Имуществъ было внесено въ совѣтъ Министерства Финансовъ, вмѣстѣ съ проектомъ измѣненія послѣднихъ изданныхъ въ 1830 г. правилъ на дѣйствіе олонецкихъ лѣсопильныхъ заводовъ.

Совѣтъ Министерства Финансовъ находилъ:

А. Относительно порамной системы.

Не согласился съ мнѣніемъ общаго присутствія Департамента Государственныхъ Имуществъ потому:

1) Что дозволеніе измѣнять контракты и заключать ихъ на полгода измѣняетъ главное правило настоящей порамной системы, по которой срокъ назначенъ годовой.

2) Правило это принято и подтверждено двумя Высочайше утвержденными постановленіями.

3) Правило это признано нужнымъ для отвращенія замѣченной тайной пиловки бревенъ и для обезпеченія полнаго поступленія въ казну порамныхъ денегъ.

4) Что прибавленная къ прежнимъ правиламъ новая мѣра, о приведеніи въ извѣстность, при запечатаніи заводовъ, оставшихся нераспиленными бревенъ, въ присутствіи члена земскаго суда, и взятіе отъ заводчиковъ подписокъ, о нераспиловкѣ тѣхъ бревенъ,— не предотвратитъ тайную распиловку, ибо можетъ быть обойдена тѣмъ, что заводчики станутъ подвозить новыя бревна и распиливать ихъ.

Б. Объ акцизной системѣ.

Совѣтъ признавалъ, что повѣрка на заставахъ затруднительна, даже невозможна и можетъ подать поводъ къ вящшимъ еще, нежели порамная система, злоупотребленіямъ,—хотя для заводчиковъ акцизная система будетъ облегчительнѣе порамной, ибо допускаетъ оставлять доски при заводѣ безъ всякой платы до самаго сплава.

В. Объ отводѣ къ заводамъ постоянныхъ лѣсныхъ участковъ въ видѣ условной собственности.

Такъ какъ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ самъ указываетъ на свободныя 300 тысячъ десятинъ, которыя можно предоставить на дѣйствіе лѣсопильныхъ заводовъ, то это обстоятельство устраняетъ главный доводъ, приводимый противъ системы отвода къ заводамъ особыхъ участковъ, а именно недостатокъ въ лѣсѣ. За симъ касательно заключенія, какую собственно систему должно принять впредь въ отношеніи къ олонецкимъ лѣсопильнымъ заводамъ,— совѣтъ Министерства Финансовъ обратился къ вопросу: настоитъ-ли правительству и нынѣ надобность пещись о поддержаніи сихъ за-

водовъ, и нельзя-ли извлечь изъ отведенныхъ онымъ и предполагаемыхъ еще къ отводу лѣсовъ вящшей для казны пользы, сопряженной притомъ съ поощреніемъ лѣсной промышленности и сохраненіемъ самихъ лѣсовъ, отдачею оныхъ не только для распиловки, но и для вырубки на всякое употребленіе. Съ своей стороны совѣтъ полагаетъ: а) что въ настоящее время уже сами промышленники убѣждены, что распиловка досокъ имѣетъ преимущество предъ обтескою,— и въ Россіи уже существуютъ лѣсопильныя мельницы, водяныя и паровыя,—а потому въ поощреніи къ устройству ихъ нѣтъ надобности; б) крестьяне же Олонецкой губерніи плату получаютъ и средства къ существованію и взносу государственныхъ повинностей главнѣйше отъ вырубки и перевозки лѣсовъ, а не отъ распиловки бревенъ; в) что если цѣны досокъ въ столицѣ выгодны для промышленниковъ, то всегда найдутся желающіе устраивать лѣсопильные заводы и обращать бревна въ доски, какъ скоро только будетъ къ тому возможность, а за симъ также заграничный торгъ досками не потерпитъ убытка.

Всѣ сіи соображенія привели совѣтъ Министерства Финансовъ къ мысли, не полезнѣе-ли будетъ какъ нынѣ отведенные къ олонецкимъ лѣсопильнымъ заводамъ до 917 тысячъ десятинъ, такъ и тѣ 300 тысячъ десятинъ сбереженнаго лѣса, кои предположено назначить къ онымъ, раздѣлить на участки и отдать желающимъ въ условную собственность за извѣстную ежегодную плату. На этотъ конецъ совѣтъ проектировалъ нѣкоторыя правила, въ числѣ которыхъ, между прочими, было и то, чтобы назначеніе ежегоднаго взноса за каждый участокъ лѣса, опредѣлить или отъ правительства, по собраніи всѣхъ нужныхъ для сего свѣдѣній, или предоставить съ торговъ предложившимъ высшую плату.

Такое заключеніе было представлено на благоусмотрѣніе министра финансовъ.

Министръ финансовъ, разсмотрѣвъ сдѣланныя по сему дѣлу разныя предположенія, находилъ слѣдующее:

А. По олонецкимъ заводамъ вообще.

Естественное положеніе существующихъ заводовъ и усиленное приготовленіе досокъ, какъ для построенія вновь цѣлой столицы и безпрерывно продолжающихся большихъ въ оной построекъ, такъ и для заморскаго отпуска, должно было имѣть то необходимое послѣдствіе, что олонецкіе лѣса въ тѣхъ мѣстахъ, отъ коихъ сплавъ къ заводамъ удобенъ, значительно изрѣжены, хотя предположеніе Казенной Палаты, что ихъ станетъ только на 4 года, само по себѣ невѣроятно, ибо лѣсные чиновники, кромѣ одной догадки, не имѣли возможности опредѣлить, сколько находится бревенъ въ лѣсахъ подробно не обмежеванныхъ и не оцѣненныхъ по правиламъ лѣсоводства. Къ сему присоединяется еще другое обстоятельство, что крестьяне Олонецкой губерніи безпрерывно распахиваютъ новины въ

лѣсахъ, безъ чего, по суровости климата и по почвѣ земли, едва-ли могли бы производить хлѣбопашество, а отъ сего происходитъ, что лѣса сіи не состоятъ изъ сплошныхъ пространствъ, но во многихъ мѣстахъ, особливо же ближе къ рѣкамъ, гдѣ обыкновенно земля бываетъ лучше, прорѣзаны не только пашнями и сѣнокосами, изъ коихъ иные еще служатъ крестьянамъ, а другіе порастаютъ снова лѣсомъ; встрѣчаются тамъ и селенія, которымъ еще предстоитъ прирѣзать нужное количество лѣсовъ. Изъ сего слѣдуетъ, что тамошніе лѣса суть совершенно неправильные, т.-е. не одинаково обросшіе, но состоящіе то изъ кустарника, то изъ молодого лѣса, то изъ крупнаго весьма изрѣженнаго, то изъ такъ-называемыхъ острововъ, заключающихъ въ себѣ еще большее количество крупныхъ деревъ. Въ семъ положеніи находятся безъ всякаго сомнѣнія и тѣ 300 тысячъ десятинъ, кои полагаются ненужными для олонецкихъ горныхъ заводовъ, а тамъ, гдѣ находятся еще большія сплошныя площади лѣсовъ, они состоятъ изъ болотъ, горъ или находятся въ такой отдаленности отъ сплавныхъ рѣчекъ, что до нихъ еще не коснулись.

Въ такомъ положеніи дѣла весьма трудно раздѣлить лѣса сіи на лѣсосѣки, кои даже и тамъ, гдѣ лѣса весьма хорошо устроены, рѣдко служатъ для строевыхъ деревъ, ибо сіи и въ лѣсосѣкахъ наиболѣе вырубаются на пріискъ, почему рѣшительный способъ привести олонецкіе лѣла въ лучшее положеніе былъ бы тотъ, что дать имъ отдыхъ или прекратя изъ нихъ распиловку вовсе, или воспретя по крайней мѣрѣ отпускъ лѣсныхъ матеріаловъ за границу. Но съ принятіемъ перваго способа должно опасаться недостатка досокъ для С.-Петербурга, между тѣмъ какъ спѣлыя деревья сгнили бы на корнѣ,—а послѣдній прекратилъ бы значительную отрасль торговли; обложеніе же отпускныхъ матеріаловъ высшею пошлиною имѣло бы тѣ же самыя послѣдствія, коимъ подверглись лѣса прочихъ изобилующихъ оными государствъ, по поощреніямъ, предоставленнымъ въ Англіи лѣснымъ матеріаламъ, привозимымъ изъ Канады.

Б. По предположенію о надѣленіи лѣсопильныхъ заводовъ лѣсными участками.

Предположеніе сіе не представляетъ никакой возможности исполненія, особенно по вышеозначенному положенію самихъ лѣсовъ, ибо нѣтъ удобности опредѣлить, какое пространство назначить подъ каждый лѣсосѣкъ и какъ раздѣлить разсѣянныя части лѣса. Притомъ оныя лѣсосѣки, или части оныхъ, были бы въ большой отдаленности отъ мѣста сплава. Нѣтъ также никакихъ данныхъ, по коимъ можно было бы облагать заводы годовымъ платежемъ, а самое принятіе сей мѣры вообще послужило бы къ конечному истребленію лѣсовъ, ибо если бы и возможно было, при совершенномъ недостаткѣ въ землемѣрахъ, раздѣлить сіи лѣса на лѣсосѣки, на что и при большихъ способахъ потребовались бы многіе годы, то заводчики, платя ежегодный оброкъ, будутъ считать для себя выгоднѣе

вырубать болѣе лѣса въ короткое время, нежели дѣйствовать умѣренно, для сохраненія столѣтняго оборота, такъ какъ вообще человѣку свойственно предпочитать прибытки скорые и близкіе, и наклонность превращать лѣса чрезъ усиленныя вырубки въ капиталъ замѣчена и въ чужихъ краяхъ и была поводомъ къ изданію противъ сего особыхъ законовъ. Противудѣйствовать сей наклонности, посредствомъ строгаго надзора, чтобы не вырубать болѣе одного лѣсосѣка, на тотъ годъ назначеннаго, есть также вещь совершенно невозможная, ибо когда зимою тысяча крестьянъ въѣзжаетъ въ лѣсъ для вырубки бревенъ, то какое число самыхъ вѣрныхъ надзирателей было бы нужно, чтобы удержать ихъ отъ рубки въ другихъ лѣсосѣкахъ. Сверхъ того, должно присовокупить, что самые заводчики не найдутъ возможнымъ согласить крестьянъ къ вывозу лѣса изъ отдаленныхъ частей лѣсосѣкъ и, несмотря ни на какія условія, крестьяне предпочтутъ вырубать, хотя тайно, близкіе къ рѣкамъ лѣса, доколѣ они еще существуютъ, ибо по опытамъ извѣстно, что не обращаются къ дальнимъ лѣсамъ, покуда есть близкіе. Къ тому же нельзя еще не замѣтить, что изъ 13 существующихъ въ Олонецкой губерніи лѣсопильныхъ заводовъ, въ 1832 году только 3 находились въ дѣйствіи, а на 1833 годъ изъявили желаніе производить пиловку пять, слѣдовательно, возникаетъ вопросъ, всѣмъ-ли 13-ти слѣдуетъ прирѣзать лѣсные участки или только пяти?

B. О системѣ акциза.

Система сія сама по себѣ, относительно своего основанія, не представляла бы никакихъ затрудненій, и по роду постройки судовъ для перевозки досокъ, и по образцу складки оныхъ не трудно было бы исчислить, сколько дюймовыхъ досокъ находится на суднѣ. Но, какъ извѣстно, что нѣкоторые изъ олонецкихъ заводовъ сплавляютъ выпиливаемыя ими доски по Онежскому озеру и потомъ по Свири и Ладожскому каналу; другіе же, и притомъ большая часть, прилегая къ Ладожскому озеру, отправляютъ доски свои прямо по сему озеру въ Неву, то по затруднительности учрежденія заставъ въ разныхъ мѣстахъ не представляется удобнѣйшаго способа, какъ оставить дѣйствіе существующихъ нынѣ лѣсопильныхъ заводовъ на прежнемъ основаніи, съ платежемъ установленныхъ порамныхъ денегъ еще на 4 года; а дабы при семъ, сколько возможно, оградить казенные лѣса отъ дальнѣйшаго истощенія, то, оставя взиманіе порамнаго сбора на существующемъ нынѣ основаніи, срокъ распиловки бревенъ на заводахъ ограничить рѣшительно шестью мѣсяцами въ году. Поелику же въ 1832 году дѣйствовали только 3 завода, а въ 1833 г. изъявили желаніе производить пиловку пять, то отъ благоусмотрѣнія Государственнаго Совѣта зависѣть будетъ ограничить распиловку бревенъ только сими заводами или дозволить возобновить оную и прочимъ, буде кто пожелаетъ.

О чемъ министръ финансовъ и представлялъ Государственному Совѣту съ проектомъ правилъ.

Государственный Совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 14 и 21 іюня 1834 года, положилъ:

1. Дѣйствіе лѣсопильныхъ заводовъ въ Олонецкой губерніи, по истеченіи въ 1835 году 4-хъ-лѣтняго срока, постановленнаго Высочайше утвержденнымъ 6 ноября 1830 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта,— продолжить еще на 4 года, т.-е., по 1839 годъ, по той же порамной системѣ.

2. Дозволяется заключать съ ними впредь контракты въ постановленный прежними правилами срокъ, т.-е. въ мартѣ и не позже послѣднихъ чиселъ апрѣля мѣсяца *на годъ* или *на полгода*, по ихъ желанію, съ предоставленіемъ имъ полной свободы дѣйствовать въ теченіе года или полугода съ платежемъ порамныхъ денегъ въ первомъ случаѣ токмо за десять, а въ послѣднемъ за пять мѣсяцевъ и оставляя неоплаченные порамною пошлиною мѣсяцы, какъ для нужныхъ исправленій заводовъ, такъ и для продолженія пиловки безъ платы.

3. Если бы предъ истеченіемъ или по минованіи полугодичнаго срока заводчикъ пожелалъ заключить контрактъ на распиловку оставшихся при заводѣ бревенъ въ теченіе другой половины года, то сіе ему не воспрещается, но во всякомъ случаѣ заключеніе контрактовъ, какъ на полгода, такъ и на годъ, когда бы просьбы о томъ поданы ни были, допускаются не иначе, какъ съ платежемъ порамныхъ денегъ за полные десять или пять мѣсяцевъ, считая годъ съ 1-го мая одного по 1-е мая другого года, а полгода съ 1-го мая по 1-е ноября и съ 1-го ноября по 1-е мая.

4. Хотя правилами 6 ноября 1830 года постановлено: заводамъ, устроеннымъ въ Олонецкомъ уѣздѣ и дѣйствовавшимъ на 4-хъ рамахъ, по уваженію, что лѣса въ томъ уѣздѣ болѣе истощены, производить годичную пиловку на одной только половинѣ рамъ, но какъ настоящимъ положеніемъ разрѣшается заключеніе контрактовъ на годъ и на полгода, то заводчикамъ, кои пожелаютъ заключить оные на сей послѣдній срокъ, съ производствомъ пиловки на всѣхъ 4-хъ рамахъ, дозволяется сіе съ платежемъ съ каждой рамы установленной пошлины, но затѣмъ уже не возобновлять съ ними контрактовъ на другую половину того же года.

5. Съ истеченіемъ годичнаго или полугодичнаго срока, если на послѣдующее время не будетъ заключено контракта, заводъ немедленно, и не позже какъ на другой день, запечатывается мѣстнымъ лѣснымъ чиновникомъ, и по приведеніи имъ при членѣ земскаго суда въ извѣстность количества нераспиленныхъ бревенъ, заводчикъ обязывается подпискою оныхъ бревенъ до заключенія новаго контракта отнюдь не пилить и никуда не употреблять, подъ строжайшею за сіе по закону отвѣтственностью.

6. Заводчики обязаны заготовлять бревна для распиловки на за-

водахъ только изъ тѣхъ отдаленныхъ дачъ, кои Высочайше конфирмованнымъ докладомъ 1804 года апрѣля 11, изъяты отъ заготовки въ оныхъ лѣсовъ для с.-петербургскаго адмиралтейства.

7. Деревья на распиловку рубить начиная отъ 6 вершковъ и толще на трехъ саженяхъ въ отрубѣ, а отнюдь не тонѣе; за вырубку же для заводовъ дерева тонѣе шести вершковъ взыскиваются съ заводчика штрафныя деньги, какія положены за самовольную порубку.

8. Предоставленная заводчикамъ по докладу 1807 года пиловка брусковъ толщиною отъ двухъ до семи дюймовъ, употребляемыхъ обыкновенно на внутреннія, при построеніи домовъ, подѣлки, какъ напр., на рамы въ окна, рѣшётки, палисадники и проч., оставляется на прежнемъ основаніи.

9. Какъ опытомъ дознано, что двѣ рамы, при хорошемъ устройствѣ заводовъ и полной водѣ, могутъ распилить въ мѣсяцъ отъ 2,000 до 2,800 бревенъ, то Казенной Палатѣ вмѣняется въ обязанность, при дачѣ дозволенія на вырубку деревъ для распиловки, отбирать отъ заводчика показаніе о числѣ рамъ, на коихъ предполагаетъ онъ пилить лѣса, и сообразно тому выдавать билеты на вырубку токмо того количества деревъ, какое, со включеніемъ находящихся на заводѣ и въ пути излишнихъ остатковъ, требуется по исчисленію для годового или полугодового дѣйствія. Буде же кто изъ заводчиковъ вырубитъ лѣсовъ болѣе количества, въ билетѣ назначеннаго, съ таковымъ, по надлежащемъ изслѣдованіи, поступать какъ съ самовольнымъ порубщикомъ.

10. Мѣстные лѣсные чиновники обязаны вести счетъ вырубаемымъ на заводы бревнамъ по приплавѣ оныхъ къ заводамъ у запоней, не причиняя заводчикамъ ни малѣйшей остановки во время сплава, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, отвѣтственности по законамъ.

11. Вырубленныя деревья заводчики должны своевременно доставлять къ заводамъ гужомъ или сплавомъ; но если заготовленныя въ лѣсахъ бревна въ теченіе двухъ лѣтъ со времени порубки оныхъ останутся въ дачѣ на мѣстахъ порубки, или же, будучи отправлены въ путь, не дойдутъ до завода въ теченіе двухъ, а изъ дальнихъ мѣстъ трехъ лѣтъ по отправленіи, то заводчикъ за всѣ оставленныя такимъ образомъ въ лѣсу или въ пути деревья обязывается, въ отвращеніе могущаго произойти казнѣ отъ долгаго лежанія ихъ убытка, безотговорочно заплатить въ штрафъ установленныя въ казну попенныя деньги по цѣнамъ, ежегодно таксами установляемымъ; послѣ чего таковыя деревья предоставляются въ его пользу. Если же заводчикъ пожелаетъ ихъ распилить, то долженъ, по установленному порядку, заключать контрактъ и независимо штрафныхъ попенныхъ денегъ уплатить порамную пошлину.

12. Въ очисткѣ лѣсовъ отъ вершинъ, сучьевъ, коры и щепы поступать по нижеслѣдующему: а) ненужныя заводчикамъ вершины и сучья, годные на бревенникъ, заборники, жерди, фашины, дрова

нии жженіе угольевъ, складывать въ станы и сдавать лѣснымъ чиновникамъ для мѣстныхъ казенныхъ надобностей; б) малые сучья и маковки разрубать мельче и оныя, равно какъ кору и щепу, разбрасывать по лѣсу, также и въ находящіяся въ ономъ ямы и рытвины, а отнюдь не въ ручьи и рѣчки.

13. Въ контрактное время дозволяется заводчикамъ распиливать лѣса, заготовленные не только до начатія операціи по контракту, но и въ продолженіе оной.

14. Въ отвращеніе затрудненій и издержекъ, какія заводчики встрѣчали прежде въ отправленіи судовъ, нагружаемыхъ досками, въ С.-Петербургъ, по неполученію на всякій грузъ билетовъ для свободнаго пропуска, въ случаѣ отлучекъ лѣсныхъ чиновниковъ въ уѣзды по должности, предоставляется мѣстному окружному лѣсничему на каждый дѣйствующій заводъ, въ одинъ разъ, предъ открытіемъ навигаціи, выдавать на все лѣто, столько бланковыхъ билетовъ, сколько требуемо будетъ, съ прописаніемъ въ билетѣ словъ: «распиленныя за порамныя деньги на заводѣ (поименовывая уѣздъ и рѣку, на которой заводъ стоитъ, и званіе заводчика) доски, по прилагаемой накладной, пропускать безъ задержанія». Накладная же должна быть подписываема самимъ заводчикомъ или его приказчикомъ.

15. Распиленныя доски отпускаются безпрепятственно за границу на основаніи тарифа.

16. Порамную подать взыскивать: съ заводовъ 1-го отдѣленія по 600 руб., 2-го отдѣленія по 500 руб. и 3-го отдѣленія по 350 руб. съ каждой дѣйствующей рамы въ мѣсяцъ.

17. Продлить существованіе олонецкихъ лѣсопильныхъ заводовъ на будущее время, оставивъ оные дѣйствовать по порамной системѣ впредь на четыре года, т.-е. по 1839 годъ.

18. Предположеніе Олонецкой Казенной Палаты объ отведеніи въ пользованіе лѣсопильныхъ заводовъ 300,000 дес. лѣса, сверхъ 917,000 десятинъ, коими они понынѣ пользовались,— отложить до времени.

19. Дозволить дѣйствовать въ наступающемъ 4-хъ-лѣтіи не токмо тѣмъ изъ заводовъ, кои объявили уже желаніе, но и тѣмъ, которые впредь оное объявятъ.

20. Предоставить министру финансовъ приступить немедленно если не къ полному обмежеванію, то къ приведенію въ точную извѣстность казенныхъ лѣсовъ Олонецкой губерніи и благовременно, до истеченія назначеннаго срока, представить въ Государственный Совѣтъ рѣшительное свое заключеніе о будущемъ устройствѣ сей статьи, имѣя въ виду три главные предмета: а) увеличеніе государственнаго дохода; б) лучшее управленіе казенными лѣсами, и в) поощреніе промышленности въ сей странѣ.

Во всѣхъ лѣсахъ Россіи рубка производилась выборочная; мѣста для этого не отводились, а выдавался лѣсорубочный билетъ и въ

немъ только прописывалось, въ какой дачѣ, въ какомъ разстояніи отъ рѣкъ и въ какомъ келичествѣ и какихъ размѣровъ длины и толщины деревъ разрѣшается рубка. Количество вырубленнаго лѣса свидѣтельствовалось лѣсничимъ при старшинѣ на катищахъ и пристаняхъ. Важнѣйшею задачею тогдашняго лѣсоводства было смотрѣть, чтобы не были вырубаемы деревья, пригодныя для флота. Пока вся лѣсная часть была сосредоточена въ Министерствѣ Финансовъ, на немъ одномъ и лежала отвѣтственность за сохраненіе заповѣдныхъ породъ и размѣровъ деревъ, но въ то время были нескончаемыя нареканія со стороны морского вѣдомства, что Министерство Финансовъ допускаетъ вырубку и продажу частнымъ покупщикамъ деревъ, необходимыхъ адмиралтейству, а когда учрежденъ былъ особый Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ, при которомъ состояли особые комиссіонеры для освидѣтельствованія и клейменія корабельныхъ деревъ, то никакая продажа крупныхъ и заповѣдныхъ породъ деревъ не могла быть совершена безъ осмотра заготовляемаго лѣса и заклейменія предварительно пригодныхъ флоту деревъ. Такой порядокъ задерживалъ своевременную вывозку покупщиками лѣса и тормозилъ успѣхъ продажъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, во избѣжаніе задержекъ и достиженія лучшихъ успѣховъ продажи, лѣсное вѣдомство заблаговременно, ранѣе приступа къ вырубкамъ, просило о присылкѣ морскихъ комиссіонеровъ для предварительнаго заклейменія всѣхъ признаваемыхъ для флота годныхъ деревъ, но исполненіе такихъ требованій обыкновенно затягивалось, и все-таки не избавляло отъ нареканій въ отпускѣ деревъ, нужныхъ на государственное кораблестроеніе.

Особое вниманіе обращено было на благоустройство тульскихъ и калужскихъ засѣкъ. Въ 1802 г. уже предположено было, вмѣсто надзирателей изъ крестьянъ, опредѣлить для присмотра за засѣками отставныхъ солдатъ, а въ помощь форстмейстерамъ назначено 8 человѣкъ унтеръ-ферстеровъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, для очистки засѣкъ и приведенія насажденій въ лучшее состояніе, разрѣшено, кромѣ отпусковъ сырого лѣса на потребности оружейнаго завода, выбирать больныя, старыя, поваленныя и поврежденныя деревья, за попенныя деньги. Для удобнѣйшаго наблюденія за засѣками, таксированія и охраненія ихъ, велѣно раздѣлить ихъ на «8 форштовъ и 7 унтеръ-форштовъ»; сторожей туда назначить 332 человѣка, а для наблюденія за ними опредѣлить 45 вальдъ-егерей. Чтобы положить начало образцовому хозяйству, поручено оберъ-форстмейстеру Вильфингу сдѣлать въ одномъ или нѣсколькихъ форстахъ таксацію. Засѣки разрѣшено было обрыть канавами, и для засѣчныхъ лѣсовъ составлена новая такса. Усиленъ также надзоръ за Шиповымъ и Телермановскими лѣсами Воронежской губерніи, за Полпинскимъ лѣсомъ Орловской и за Лосиннымъ Погоннымъ островомъ Московской губерніи. Туда опредѣлены сторожами отставные солдаты, назначены объѣздчики и два форстмейстера.

Въ Орловской губерніи, въ Брянскомъ уѣздѣ, въ Акулицкой дачѣ, назначено было прочистить рѣчки и, соединивъ ихъ канавами съ р. Сожей, открыть сплавъ въ Днѣпръ; въ той же дачѣ засѣвать лѣсъ, осушать болота и обращать ихъ въ оброчныя статьи. На всѣ эти работы назначено ассигновать ежегодно по 1000 руб., для лучшаго же охраненія лѣсовъ прибавить въ Орловскую губернію одного ферстера, 4 унтеръ-ферстеровъ, 15 объѣздчиковъ и 16 сторожей.

Большія затрудненія представлялись лѣсному управленію въ лѣсахъ общихъ, спорныхъ и въѣзжихъ.

Надо припомнить, что въ прежнихъ купчихъ и крѣпостяхъ и пожалованіяхъ помѣстьями писалась мѣра земли, большею частью, четвертями, иногда копнами, жеребьями, верстами и т. п. Иногда пашенная и луговая земля отмѣчалась въ крѣпостяхъ *опредѣленною* мѣрою, а лѣсъ безъ опредѣленія мѣры, напр., къ селу Петровки— пашни 100 четвертей въ полѣ, въ дву потому жъ, сѣнныхъ покосовъ 500 копенъ, и лѣсу въ *Вершнемъ бѣгѣ* съ деревнями Ивановкой, Копытовкой, Селищевымъ и т. д. Въ такомъ случаѣ, отмѣрялось по генеральному межеванію на пашни 100 четвертей по 50 десятинъ въ поле, а на три поля 150 десятинъ, покосу на 500 копенъ, по 1 десят. на 10 копенъ, всего 50 десятинъ, а весь лѣсъ вершній бѣгъ, если его границы въ писцовыхъ книгахъ описаны по живымъ урочищамъ, сколько его по межеванію окажется, подлежалъ раздѣленію, по разсмотрѣнію въ судебномъ мѣстѣ, между всѣми деревнями, за которыми написанъ, соразмѣрно владѣемой ими пашенной земли, а до судебнаго разбирательства *весь лѣсъ обводился общею межою* и считался *общимъ*.

Земли межевались не къ именамъ владѣльцевъ, а къ селеніямъ и деревнямъ, а пустоши къ ихъ названіямъ. Если же лѣсъ ни къ какому селенію особо не утвержденъ, а даны только въѣзды нѣкоторымъ селеніямъ въ этотъ лѣсъ, тогда такой лѣсъ обводился при генеральномъ межеваніи особою межею и зачислялся *казеннымъ въѣзжимъ лѣсомъ*. Въѣздъ въ лѣса данъ былъ въ то время, когда за службу отводилось помѣстье, въ которомъ не имѣлось лѣсу; тогда на нужды имѣнія разрѣшалось брать лѣсъ изъ ближайшей казенной дачи, въ которую давался въѣздъ. А такъ какъ по соображенію съ древними обычаями принято было при генеральномъ межеваніи, чтобы всѣ дачи, отведенныя изъ дикихъ поль, межевать по слѣдующему расчисленію: на каждыя данныя 100 четвертей въ полѣ и въ дву потому жъ, отводить 150 десят. пашни, сверхъ того, подъ усадьбы и на выгонъ 5, на сѣнные покосы 25, на лѣсныя угодья 20 дес., то и владѣльцамъ, имѣющимъ право въѣзда въ казенные лѣса, по представленію ими крѣпостей, судебное мѣсто утверждаетъ за каждымъ въѣзжимъ владѣльцемъ по 20 десятинъ на каждыя владѣемыя имъ писцовыя 100 четвертей пахоти.

Рѣшеніе дѣлъ объ общихъ и въѣзжихъ лѣсахъ въ судебныхъ мѣстахъ шло очень медленно, между прочимъ оттого, что сами

участники въ общихъ лѣсахъ и въѣзжіе владѣльцы не представляли своихъ купчихъ и крѣпостей. Поэтому признано было нужнымъ установить срокъ для представленія документовъ на владѣніе, и послѣдовало повелѣніе, чтобы владѣльцамъ въѣзжихъ и общихъ лѣсовъ представлять свои права въ 4-хъ-мѣсячный срокъ, а у не представившихъ въ этотъ срокъ документовъ отбирать лѣсныя дачи въ казну. Однако, несмотря и на назначенные сроки, документы, по разнымъ причинамъ, не поступали на разсмотрѣніе судовъ, такъ что проходили года и владѣльцамъ давали все новые и новые сроки для представленія документовъ, да и до настоящаго времени еще состоитъ къ 1 января 1893 г. неразмежеванныхъ:

1. *Общихъ и въѣзжихъ лѣсовъ:*

Въ Европ. Россіи, безъ Привислянск. губ.	439	дачъ на	1.129,967 дес.
На Кавказѣ	51	» »	151,749 »
Въ Сибири	67	» »	71.905,495 »

2. *Спорныхъ лѣсовъ:*

Въ Европ. Россіи, безъ Привислянск. губ.	45	дачъ на	221,223 дес.
Въ Привислянскихъ губерніяхъ . . .	4	» »	2,011 »
На Кавказѣ	23	» »	96,290 »

До конца XVIII вѣка не требовалось отъ поступающаго на лѣсную службу, чтобы онъ зналъ спеціальность дѣла; но уже въ 1798 г. установлено было, чтобы желающіе занять мѣста оберфорстмейстеровъ или форстмейстеровъ подвергались испытанію въ лѣсоводствѣ въ особомъ комитетѣ, при адмиралтействъ-коллегіи. Впослѣдствіи, 2 декабря 1802 года, повелѣно было производить экзамены въ Лѣсномъ Департаментѣ, особо назначенными для того членами изъ чиновъ этого учрежденія.

На основаніи устава о лѣсахъ 1802 года, приступлено было къ учрежденію лѣсныхъ учебныхъ заведеній.

Въ 1803 году открыто первое лѣсное училище въ Царскомъ Селѣ; въ 1805 году открыто другое лѣсное училище въ гор. Козельскѣ, Калужской губерніи, а въ 1808 году графомъ Орловымъ открытъ Лѣсной институтъ на Елагиномъ островѣ. Въ 1811 году Царскосельское училище и Елагинское соединены, съ переводомъ въ С.-Петербургъ, подъ названіемъ форстъ-института. Къ нему переведено въ 1813 г. и Козельское училище. Институтъ помѣщался по Екатерининскому каналу, почти супротивъ Малой Подъяческой.

Въ 1829 г. форстъ-институтъ преобразованъ, получилъ названіе Лѣсного института, и окончательно водворенъ на нынѣшнемъ его мѣстѣ, на Выборгской сторонѣ, гдѣ прежде была англійская ферма, за которою находился въ то время некрупный лѣсокъ, впослѣдствіи розданный участками, подъ постройку дачъ, частнымъ лицамъ. На это мѣсто форстъ-институтъ еще ранѣе поселялся въ лѣтнее

время. Съ 1829 года учебный планъ измѣненъ и дозволенъ пріемъ пансіонеровъ. Институтъ былъ закрытымъ учебнымъ заведеніемъ и состоялъ изъ 6 классовъ. Въ младшихъ четырехъ классахъ преподавались общеобразовательные предметы, почти въ такомъ объемѣ, какъ въ нынѣшнихъ реальныхъ училищахъ, а въ двухъ старшихъ классахъ читались лѣсныя спеціальныя науки, но съ 1835 г. стали уже въ IV классѣ преподавать энциклопедію лѣсоводства для подготовленія къ слушанію лѣсныхъ предметовъ въ двухъ старшихъ классахъ.

Въ 1832 г. при Лѣсномъ институтѣ учреждена школа межевщиковъ, съ цѣлью приготовленія межевщиковъ для съемки казенныхъ земель и лѣсовъ.

Въ 1834 году 7 декабря основано въ Лисинской казенной дачѣ, С.-Петербургской губерніи, Царскосельскаго уѣзда, учебное лѣсничество для практическаго образованія воспитанниковъ, выпускаемыхъ изъ Лѣсного института. Въ учебное лѣсничество поступали практикантами на одинъ годъ всѣ оканчивающіе въ Лѣсномъ институтѣ курсъ. Въ первые года туда же поступали и нѣсколько человѣкъ, кончившихъ курсъ въ Горномъ институтѣ.

При Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ открыто было въ 1835 г. также низшее лѣсное учебное заведеніе—егерская школа, въ которую поступали дѣти крестьянъ и мѣщанъ для приготовленія къ лѣсной службѣ у частныхъ лицъ и на счетъ послѣднихъ пансіонерами. Въ школѣ курсъ былъ двухлѣтній. Впослѣдствіи только эта школа получила назначеніе подготовлять также и для казеннаго управленія лѣсныхъ чиновъ, а еще позже преобразована была въ среднее лѣсное училище.

Лѣсохозяйственная литература съ 1801 по 1838 годъ все еще оставалась бѣдною.

Явилось нѣсколько переводныхъ сочиненій съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ:

Въ 1803 г. явился переводъ сочиненія Бургсдорфа, подъ редакціей Бакунина, о которомъ мы уже упоминали.

Въ 1813 г. переводъ Гартига «Lehrbuch für Förster», сдѣланный Поганковымъ и Кирѣевскимъ.

Въ 1805 г. Юферовъ перевелъ съ англійскаго «О разведеніи строевыхъ лѣсовъ и другихъ полезнѣйшихъ».

Затѣмъ напечатанъ цѣлый рядъ оригинальныхъ на русскомъ языкѣ сочиненій, не имѣющихъ въ настоящее время интереса: въ 1804 году Зябловскій издалъ «Начальныя основанія лѣсоводства»; въ 1805 г. докторъ Буттацъ выпустилъ двѣ брошюры, не имѣющія ни малѣйшихъ достоинствъ; въ 1809 г. Дивовъ напечаталъ «Руководство къ сбереженію и поправленію лѣсовъ въ Россійскомъ государствѣ»; въ 1814 г. Вюльфингъ издалъ «Руководство къ ботаникѣ для Козельскаго лѣсного института»; въ 1820 г. форстмейстеръ Волынскій наградилъ русскую публику безобразнѣйшимъ

сочиненіемъ «Краткое основательное и опытное лѣсоводство, на пользу соотечественниковъ»; въ 1823 году Енгельманъ напечаталъ «Наставленіе, какимъ образомъ съ выгодою пережигать сосновые пни и валежникъ въ уголье и гнать деготь, равномѣрно, какъ перегонять скипидаръ и варить смолу въ пику и варъ», въ 1828 г. вышло, какъ кажется, офиціальное «Наставленіе, какъ собирать и сохранять древесныя сѣмена»; въ 1831 г. явилось «Наставленіе о разведеніи лѣсныхъ древесныхъ породъ посредствомъ посѣва»; въ 1832 году Барловъ напечаталъ «Опытъ сопротивленія строевого лѣса;» въ 1833 г. Повало-Швейковскій написалъ «Объ истребленіи лѣсовъ въ общихъ дачахъ»; въ 1836 г. издано Андреевскимъ «Замѣчаніе о лѣсоводствѣ и о необходимости разведенія лѣсовъ въ южныхъ губерніяхъ Россіи»; въ 1835 г. генералъ-лейтенанта Орловскаго «Карманная дендрологія»; въ 1835 году неизвѣстный авторъ описалъ и составилъ чертежъ дегтярной печи; въ 1836 г. другой неизвѣстный составилъ «Наставленіе, какъ легкимъ и выгоднымъ способомъ гнать деготь»; въ 1836 г. изданы «Правила для измѣренія мачтовыхъ лиственныхъ и дубовыхъ деревьевъ, подходящихъ къ кубическому исчисленію, и таблицы кубическаго содержанія круглыхъ и плоскихъ деревьевъ по ихъ діаметрамъ, толщинамъ, ширинамъ и по длинѣ»; въ 1837 году явилась брошюра, какъ кажется, офиціальнаго происхожденія «Объ укрѣпленіи летучихъ песковъ и о разведеніи на нихъ лѣса».

Болѣе выдающіяся сочиненія, явившіяся въ разсматриваемый періодъ времени, слѣдующія:

Ученаго лѣсничаго *Петра Перелыгина* «Начертаніе правилъ лѣсоводства». Въ двухъ частяхъ. 1831 г. Сочиненіе это въ настоящее время совершенно устарѣло, но оно есть первый систематическій учебникъ лѣсоводства на русскомъ языкѣ. Другое сочиненіе того же автора, напечатанное въ 1835 г., «Лѣсоохраненіе или правила сбереженія растущихъ лѣсовъ», слабѣе перваго.

Помѣщика *Ломиковскаго* «Разведеніе лѣса въ сельцѣ Трудолюбѣ». 1837. Авторъ въ теченіе 25 лѣтъ занимался въ полтавскомъ имѣніи лѣсоразведеніемъ и описываетъ свои работы. Онъ, по мѣстнымъ наблюденіямъ своимъ, говоритъ о полезномъ вліяніи разведенныхъ лѣсовъ на сельскохозяйственную культуру, и сообщаетъ замѣчанія о разведеніи тополей (раины, чернаго и бѣлаго тополя), черноольхи, бѣлой вербы, яблони, груши, о выборѣ мѣстоположенія для плодовыхъ деревъ и о пересаживаніи молодыхъ деревъ.

Но несоразмѣримо выше всѣхъ сочиненій вышедшихъ, въ разсматриваемый нами теперь періодъ времени, стоитъ «Инструкція объ управленіи лѣсною частію на горныхъ заводахъ хребта Уральскаго, по правиламъ лѣсной науки и добраго хозяйства, изданная министромъ финансовъ въ 1830 году».

Графъ Канкринъ, написавъ мастерски эту инструкцію, помѣстилъ въ началѣ ея введеніе, въ которомъ между прочимъ говоритъ:

«Первая цѣль сей инструкціи есть та, чтобы обратить на сей предметъ полное вниманіе горнаго управленія; ибо наука лѣсного хозяйства на заводахъ не менѣе важна, какъ собственно горныя науки. Особенно мѣстные горные начальники всемѣрно должны стараться объ устройствѣ и сбереженіи горныхъ лѣсовъ, о разведеніи ихъ, гдѣ нужно, вновь, и объ отысканіи способовъ къ уменьшенію самой потребности въ лѣсныхъ припасахъ».

Инструкція состоитъ изъ десяти главъ. Содержаніе ихъ слѣдующее: 1) объ уменьшеніи потребности въ лѣсныхъ произведеніяхъ вообще; 2) объ устройствѣ лѣсовъ относительно порядка управленія; 3) о сбереженіи лѣсовъ; 4) о приведеніи лѣсовъ въ извѣстность; 5) о разныхъ общихъ мѣрахъ лѣсного хозяйства; 6) объ естественномъ возстановленіи или обновленіи лѣсовъ, чрезъ самый порядокъ порубокъ; 7) объ искусственномъ разведеніи лѣсовъ; 8) о планахъ устройства лѣсовъ и о смѣтахъ ежегоднымъ дѣйствіямъ; 9) частныя правила о разныхъ предметахъ лѣсного устройства; 10) о приготовленіяхъ для окончательнаго устройства лѣсной части.

Инструкція графа Канкрина представляетъ замѣчательный ученый трудъ, всесторонне обдуманный. Возьмите, напримѣръ, сдѣланное авторомъ весьма мѣтко различіе между порубкою на пріискъ и порубкою на выборъ. «Порубки на пріискъ, говоритъ онъ, употребляются, когда нужно извѣстное число деревъ отличныхъ, по величинѣ или по роду своему, для особаго употребленія, и такихъ, кои въ лѣсахъ находятся изрѣдка. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, особенно крупный сосновый лѣсъ на мачты; дубовый или лиственничный для валовъ...» «Сего рода порубки, если число потребныхъ деревъ не весьма велико, и если вырубаются въ разныхъ мѣстахъ и вывозятся бережно, не могутъ причинить лѣсамъ разстройства; онѣ притомъ необходимы». «Порубки на выборъ суть не иное что, какъ первоначальныя произвольныя порубки, приведенныя въ возможную систему. Порубки на выборъ различны отъ порубокъ на пріискъ тѣмъ, что вырубаются деревья и меньшихъ размѣровъ и различныхъ родовъ, по мѣрѣ надобности, и въ бо̀льшемъ количествѣ, въ указанныхъ мѣстахъ по очереди, хотя и не въ настоящихъ лѣсосѣкахъ. Онѣ названы порубками на выборъ потому, что должно рубить не по произволу, а на однихъ приличныхъ, особенно выбранныхъ мѣстахъ, предназначеннаго качества деревья, какъ ниже будетъ изложено».

На бо̀льшей части попадавшихся мнѣ въ руки экземплярахъ инструкціи, на заглавномъ листѣ отмѣченъ годъ печатанія 1833. Я же имѣю экземпляръ, напечатанный 1830 года, изъ рукъ самого графа Канкрина. Обращаю при этомъ случаѣ вниманіе на характерную черту тогдашняго времени: несмотря на то, что инструкція эта есть правительственное распоряженіе и написана самимъ министромъ,—она на оборотѣ заглавнаго листа все-таки имѣетъ отмѣтку цензора «печатать позволяется».

До 1832 года въ Россіи не было ни лѣсохозяйственнаго общества, ни періодическаго лѣсоводственнаго изданія. Въ означенномъ же году Высочайше былъ утвержденъ уставъ общества для поощренія лѣсного хозяйства. Общество это получало отъ правительства ежегодную субсидію по 20,000 рублей. Кромѣ бесѣдъ въ собраніяхъ, главная дѣятельность общества выразилась въ изданіи «Лѣсного Журнала», который и началъ выходить съ перваго года существованія общества, и вмѣстѣ съ обществомъ прекратился въ 1845 году, по крайней мѣрѣ прекратился въ первоначальномъ своемъ видѣ. Общество соединилось въ то время съ Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, составивъ сперва въ послѣднемъ особое отдѣленіе, предсѣдателемъ котораго былъ графъ Орловъ-Давыдовъ, а секретаремъ при немъ состоялъ я. «Лѣсной Журналъ», подъ прежнимъ названіемъ, но уже въ другомъ форматѣ и объемѣ, продолжалъ издаваться и Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, кажется до 1850 года (у меня имѣются послѣдніе нумера только начала 1849). Въ обществѣ поощренія лѣсного хозяйства редакторомъ журнала былъ Юханцевъ, а послѣднія 6—5 лѣтъ Ланге; главными и постоянными сотрудниками: В. С. Семеновъ, А. П. Гильдеманъ, А. А. Длатовскій и другіе. Нѣсколько статей было и моихъ безъ подписи. Въ Вольномъ Экомическомъ Обществѣ редакторомъ «Лѣсного Журнала» былъ Арсеньевъ, а постоянными сотрудниками А. А. Длотовскій и я.

До 1837 года лѣсная часть состояла, какъ выше сказано съ 1811 года, въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ, сосредоточиваясь въ Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ, въ которомъ дѣла по хозяйственному управленію казенными лѣсами производились въ одномъ только IV отдѣленіи. Это отдѣленіе вѣдало: 1) всѣми казенными лѣсами; 2) устройствомъ надъ ними мѣстнаго присмотра; 3) раздѣленіемъ лѣсовъ по предметамъ употребленія и назначенія ихъ на хозяйственныя заведенія и промышленность; 4) разведеніемъ лѣсовъ; 5) обыкновенными и чрезвычайными отпусками лѣса въ казенныя мѣста, городамъ и селеніямъ, на строеніе рѣчныхъ судовъ, заводамъ, фабрикамъ и на разныя потребности казенныя и партикулярныя; 6) удовлетвореніемъ лѣсами волостей и селеній; 7) лѣсными институтомъ и училищами; 8) лѣсными заставами.

Мѣстное управленіе казенными лѣсами каждой губерніи принадлежало съ 1806 года Казеннымъ Палатамъ, при которыхъ состояли особыя лѣсныя отдѣленія, ввѣряемыя попеченію губернскаго или же старшаго лѣсничаго. При губернскомъ лѣсничемъ состоялъ ученый лѣсничій.

Казенные лѣса въ губерніи раздѣлялись съ 1826 г. на округа и каждый округъ поручался окружнымъ лѣсничимъ. Лѣсническій округъ, смотря по количеству лѣсовъ и по мѣрѣ ежегодныхъ отпусковъ на продажу, состоялъ изъ одного или нѣсколькихъ уѣздовъ и раздѣлялся на лѣсничества (форсты) и лѣсные участки (унтеръ-

форсты). Въ каждомъ округѣ полагалось лѣсничествъ и участковъ до трехъ и болѣе. Важнѣйшимъ изъ нихъ завѣдывалъ самъ окружный лѣсничій, при пособіи своихъ помощниковъ, а прочими, подъ его начальствомъ, младшій лѣсничій и подлѣсничій. Подъ начальствомъ чиновъ, завѣдывающихъ лѣсничествами и лѣсными участками, учреждалась лѣсная стража, состоявшая изъ лѣсныхъ объѣздчиковъ, сторожей, семействъ постоянной лѣсной стражи, полѣсовщиковъ и пожарныхъ старостъ.

Лѣсные объѣздчики, сторожа и семейства постоянной лѣсной стражи назначались только въ важнѣйшія собственно казенныя дачи и заказныя рощи; къ прочимъ же казеннымъ лѣсамъ избирались изъ государственныхъ крестьянъ полѣсовщики и пожарные старосты, а для ближайшаго за ними надзора назначались объѣздчики.

Для свидѣтельствованія проплавляемыхъ по рѣкамъ судовъ, лѣсовъ и лѣсныхъ издѣлій состояли лѣсныя заставы, а въ зависимости Архангельской Казенной Палаты находилась съ 1830 г. особая контора для управленія казенными онежскими лѣсопильными заводами.

Для завѣдыванія корабельными рощами и лѣсами и для пріуготовленія и доставленія дубовыхъ и мачтовыхъ деревъ къ портамъ, равно цивильныхъ лѣсовъ, состоялъ съ 1828 года при Морскомъ Министерствѣ департаментъ корабельныхъ лѣсовъ.

Исключительному управленію этого департамента принадлежали: 1) всѣ отдѣленныя уже корабельныя рощи въ низовыхъ губерніяхъ и тѣ, кои впредь будутъ отдѣлены; 2) предположенные къ отдѣленію лиственничные и прочіе лѣса по Балтійскому округу корабельныхъ лѣсовъ, и 3) лѣса, кои впредь будутъ назначены въ исключительное завѣдываніе департамента по губерніямъ Архангельской, Вологодской, Минской и проч.

Лѣса, не отчисленные къ корабельнымъ рощамъ и не могущіе поступить въ число оныхъ, оставлялись въ вѣдомствѣ Департамента Государственныхъ Имуществъ. Изъ тѣхъ лѣсовъ могли быть снабжаемы казенные крестьяне, сухопутныя войска и гражданское вѣдомство необходимою потребностью, но *безъ наималѣйшаго отпуска на продажу дубовыхъ деревъ, кромѣ негодныхъ на кораблестроеніе, съ согласія департамента корабельныхъ лѣсовъ.* Однако и въ лѣсахъ, оставляемыхъ въ вѣдѣніи Казенныхъ Палатъ, морское вѣдомство имѣло право заготовлять отыскиваемыя для кораблестроенія годныя деревья.

Въ вѣдѣніи Департамента Корабельныхъ Лѣсовъ состояли учрежденныя въ 1817 году Правленія Низоваго и Сѣвернаго округовъ корабельныхъ лѣсовъ. Правленіе Низоваго округа находилось въ Казани, а Сѣвернаго—въ Архангельскѣ. Кромѣ того съ 1828 года учрежденъ былъ Балтійскій округъ корабельныхъ лѣсовъ, Правленіе котораго помѣстилось въ Вытегрѣ.

Во всѣхъ лѣсахъ, подвѣдомственныхъ Департаменту Государственныхъ Имуществъ, запрещенъ былъ отпускъ не только дубо-

выхъ, но и лиственничныхъ и сосновыхъ корабельныхъ деревъ, составлявшихъ принадлежность флота.

Въ законахъ хотя и заключалось уже весьма много полезныхъ постановленій, но они оставались частью мертвою буквою, частью приводились въ исполненіе несообразно съ духомъ ихъ. Такъ, напримѣръ, Лѣсной Уставъ уже въ то время требовалъ, чтобы казеннымъ лѣсамъ произведено было внѣшнее и внутреннее межеваніе; чтобы составлены были описи и описанія лѣсовъ; чтобы въ лѣсахъ вводилось постепенно правильное лѣсоводство; чтобы начальство имѣло попеченіе о разведеніи лѣсовъ; чтобы на вырубку лѣсовъ составлялись смѣты, а на продажу таксы; чтобы лѣсные чиновники наблюдали за производствомъ рубокъ въ тѣхъ только мѣстахъ, которыя для этого отведены; чтобы сучья, вершины, щепа и кора въ лѣсахъ не оставались, а вывезены были изъ лѣсовъ тѣми же людьми, которые рубку производить будутъ. Въ дѣйствительности же правильнаго лѣсоводства нигдѣ введено не было; вмѣсто отвода мѣстъ рубокъ ограничивались однимъ только написаніемъ въ порубочныхъ билетахъ, въ какомъ разстояніи отъ рѣкъ дозволяется рубка; вершинъ, сучьевъ и прочихъ отбросовъ, конечно, не вывозили изъ лѣсовъ; смѣты на количество вырубокъ хотя составлялись, но ничѣмъ не руководствуясь, а на-угадъ; точно такъ и таксы на лѣсные матеріалы представляли лишь рядъ придуманныхъ цифръ, наблюдая лишь, чтобы цѣны были не ниже Высочайше утвержденныхъ таксъ 1798 и 1810 годовъ. Что же касается до описи лѣсныхъ дачъ, описанія и межеванія лѣсовъ, то описи велись въ Казенныхъ Палатахъ очень небрежно. Казенныя Палаты, на основаніи оберферстерской инструкціи 1798 г. и по Высочайше утвержденному въ 1826 г. положенію о новомъ устройствѣ лѣсной части въ губерніяхъ, обязаны были вести описи лѣсамъ, въ видѣ табелей, съ отмѣтками, въ какомъ уѣздѣ и при какомъ урочищѣ находятся участки лѣса, при какихъ волостяхъ, сколько въ нихъ десятинъ удобной и неудобной земли, какіе сорта лѣса преобладаютъ, при какихъ рѣкахъ и на какое идутъ употребленіе, а окружные лѣсничіе обязаны были вносить описаніе лѣсовъ въ особую книгу и ежегодно отмѣчать всѣ перемѣны и всякую прибыль и убыль лѣсовъ,— но впослѣдствіи, сличая описи Палатъ съ описями окружныхъ лѣсничихъ, онѣ даже оказывались несходными, и притомъ, составленныя когда-то, не исправлялись и не пополнялись. Да и сами окружные и мѣстные лѣсничіе не знали, гдѣ въ натурѣ находятся состоящіе въ ихъ завѣдываніи лѣса. Уже много лѣтъ спустя, при провѣркѣ въ натурѣ занесенныхъ въ описи дачъ, оказывалось нерѣдко, что лѣса, показанные существующими, давнымъ-давно расчищены и тамъ даже встрѣчали водворившіяся селенія, но и наоборотъ, въ натурѣ находили множество лѣсовъ, принадлежащихъ казнѣ, которыхъ вовсе не было въ описяхъ. Такихъ не показанныхъ въ описяхъ лѣсныхъ дачъ впослѣдствіи Министерство Государственныхъ Имуществъ

открыло много въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Въ послѣдній разъ такихъ не внесенныхъ въ списки лѣсовъ открыто въ 1878 году 2,232 десятины. Внѣшнее межеваніе произведено было только тамъ, гдѣ было окончено генеральное межеваніе; но и съ планами генеральнаго межеванія обнаружился въ Казенныхъ Палатахъ полнѣйшій безпорядокъ: — при передачѣ дѣлъ изъ Казенныхъ во вновь учрежденныя Палаты Государственныхъ Имуществъ, значительное число плановъ генеральнаго межеванія не оказалось,— они были затеряны, такъ что пришлось новому управленію распорядиться снятіемъ новыхъ копій съ плановъ генеральнаго межеванія въ Московской Межевой канцеляріи.

При такомъ безпорядочномъ положеніи дѣлъ въ Казенныхъ Палатахъ, понятно, что и счетъ показываемыхъ лѣсовъ, состоявшихъ въ ихъ завѣдываніи, не могъ быть и не былъ вѣрнымъ. По счетамъ Казенныхъ Палатъ показано было къ 1 январю 1838 г. слѣдующее количество лѣсовъ:

1. Въ 35 губерніяхъ, состоявшихъ на оброчномъ положеніи (т.-е. всѣ великороссійскія, малороссійскія и южныя губерніи), числилось:

А. *Лѣсовъ, принадлежащихъ казнѣ:*

Единственнаго владѣнія	87.340,659	дес.
Въѣзжихъ	494,071	»
Общихъ	569,208	»
Спорныхъ	376,718	»
Заказныхъ рощъ и корабельн. лѣсовъ	1.079,252	»

Б. *Лѣсовъ, принадлежащихъ крестьянамъ:*

Единственнаго владѣнія	12.390,126	дес.
Общаго владѣнія	3.101,331	»
Спорнаго владѣнія	276,163	»
Итого.	105.627,528	дес.

2. Въ трехъ прибалтійскихъ и девяти губерніяхъ западныхъ числилось лѣсовъ:

Казенныхъ	2.533,529	дес.
При имѣніяхъ конфискованныхъ . . .	321,357	»
» » поіезуитскихъ, погалицiйскихъ и ленныхъ	333,101	»
Итого.	3.187,987	дес.
Всѣхъ лѣсовъ . . .	108.815,515	дес.

Послѣ десятилѣтней провѣрки плановъ и описей съ наличностью въ натурѣ, сведенъ былъ къ 1 январю 1849 года счетъ лѣсовъ, состоящихъ въ завѣдываніи Министерства Государственныхъ Имуществъ, и тогда оказалось, что въ описяхъ, по которымъ Казенныя Палаты сдали государственныя имущества, вовсе не было внесено

лѣсовъ, вновь найденныхъ въ натурѣ, всего на 3.175,164 десятинахъ, и наоборотъ, по провѣркѣ по планамъ и въ натурѣ лѣсныхъ дачъ, показанныхъ въ описяхъ, оказалась невѣрность въ томъ отношеніи, что въ нѣкоторыхъ лѣсахъ оказалась въ наличности бо́льшая площадь, противу описей, на 1.415,648 десят., а въ другихъ лѣсахъ оказалось въ наличности гораздо менѣе, на 2.378,928 дес.

Личный составъ чиновъ по лѣсному управленію былъ слишкомъ недостаточенъ для правильнаго веденія дѣлъ и присмотра за лѣсами.

Къ 1837 году состояло на службѣ по лѣсному управленію классныхъ чиновъ всего 507 человѣкъ, въ числѣ которыхъ получившихъ спеціальное по лѣсной части образованіе находилось только 84 человѣка. Изъ этого общаго числа служащихъ состояло 8 ученыхъ лѣсничихъ при Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ, 37 человѣкъ при учебныхъ заведеніяхъ и только остальные 462 чина служили въ 47 губерніяхъ, т.-е. среднимъ счетомъ на каждую губернію приходилось менѣе 10 человѣкъ, но изъ нихъ 1 губернскій, 1 ученый и не менѣе 3 или 4 окружныхъ лѣсничихъ,—стало-быть, на младшихъ лѣсничихъ и подлѣсничихъ оставалось не болѣе 4—5 человѣкъ на цѣлую губернію, и притомъ людей безъ спеціальнаго образованія. Да и благонадежной стражи было мало. Къ 1 января 1838 года состояло лѣсной стражи:

Семействъ постоянной лѣсной стражи только . .	61
Вольнонаемныхъ сторожей	526
Объѣздчиковъ	409
Бушвехтеровъ въ Курляндской губерніи . . .	553
Полѣсовщиковъ и пожарныхъ старостъ	40,370
Домовъ для стражи построено было	141

Полѣсовщики и пожарные старосты, выбиравшіеся до 1832 г. на одинъ годъ, представляли весьма мало благонадежную стражу. Интересы ихъ слишкомъ тѣсно были связаны съ общественными крестьянскими, притомъ они несли службу по наряду отъ общества, безъ особаго вознагражденія, отвлекались отъ своего домашняго хозяйства и, конечно, неохотно поступали на эти должности.

Очевидно, что при столь малочисленномъ составѣ мѣстныхъ чиновъ, если бы они и были усерднѣйшими и честнѣйшими исполнителями своихъ обязанностей, и при ненадежности лѣсной стражи,— надзоръ за лѣсами и отпусками изъ нихъ лѣсного матеріала не могъ быть достаточно строгимъ. Если же принять во вниманіе существовавшія въ тѣ времена не особенно щепетильные вообще взгляды на службу во всѣхъ слояхъ общества, то нельзя не дойти до заключенія, что лѣса при всякомъ удобномъ случаѣ истреблялись сильно. Но такое заключеніе à priore подтверждается и интересными документами, хранящимися въ архивахъ. Такъ, напримѣръ, П. Д. Киселеву уже въ началѣ 1837 года сообщена была графомъ Бенкендорфомъ записка о громадныхъ злоупотребленіяхъ въ Казан-

ской губерніи, по которой произведено было изслѣдованіе и раскрыты безпорядки, причинившіе казнѣ убытокъ хотя и не на сумму въ слишкомъ 15 мил. рублей, какъ показано было въ запискѣ, а все-таки на довольно крупную сумму. Добытыя слѣдствіемъ данныя изображаютъ довольно рельефно провинціальные нравы тогдашняго времени, взаимную помощь лицъ разныхъ вѣдомствъ и нити, связывающія ихъ съ центральными инстанціями. По поводу этого дѣла, П. Д. Киселевъ въ одномъ изъ Всеподданнѣйшихъ докладовъ въ томъ же 1837 году высказалъ, что, по доходящимъ до него свѣдѣніямъ, подобные безпорядки и упущенія существуютъ болѣе или менѣе по вѣдомству хозяйственныхъ и лѣсныхъ отдѣленій всѣхъ прочихъ губерній. Разумѣется, что, по совокупности всѣхъ существовавшихъ порядковъ, доходы казны отъ лѣсовъ были весьма незначительными. Въ послѣднія 19 лѣтъ, съ 1819 по 1838 г., поступило лѣсного доходу всего 9.927,423 рубля, то-есть по средней сложности въ годъ по 522,496 руб. Собственно въ 1837 году доходъ составлялъ 603,673 р.; самый меньшій доходъ былъ въ 1826 г.—442,962 руб. Расходы же на лѣсное управленіе составляли въ 1837 г.—413,868 рублей.

О состояніи лѣсовъ къ 1838 году можно судить, до нѣкоторой степени, по содержанію донесеній, поступившихъ отъ лицъ, ревизовавшихъ губерніи, предъ пріемомъ дѣлъ во вновь образовавшееся Министерство Государственныхъ Имуществъ. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ названныхъ донесеній.

Изъ Вологодской губерніи пишутъ: «почти вездѣ на разстояніи 10 верстъ отъ рѣкъ Двины, Сухоны, Лузы и Юги лѣса опустошены. Лѣсъ отпускается безъ счета по однимъ и тѣмъ же билетамъ нѣсколько разъ».

Изъ Олонецкой губерніи доносятъ: «мѣстами есть еще лѣсъ въ хорошемъ состояніи, но только въ отдаленіи отъ сплавныхъ рѣкъ; въ недальнемъ же разстояніи отъ сплавного пути, лѣса въ большомъ оскудѣніи, а вблизи лѣсопильныхъ заводовъ чрезмѣрно истреблены. Всякій рубитъ, гдѣ ему ближе и удобнѣе или гдѣ находитъ лучшія деревья. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ подсѣки дѣлаются даже крестьянами сосѣднихъ губерній. Правила о взятіи сплавныхъ билетовъ не соблюдаются».

Изъ Архангельской губерніи доносятъ: «Для управленія лѣсами здѣсь приходится на каждаго лѣсного чиновника слишкомъ $2^1/_2$ милліона десятинъ, на пожарнаго старосту до 209,000 дес., на полѣсовщика до 175,000 дес.,—понятно, каковъ можетъ быть надзоръ».

Изъ Вятской губерніи доносятъ: «только въ сѣверныхъ уѣздахъ лѣса сохранены самою природою, неудобствомъ положенія, отъ разоренія и сберегли свои запасы для будущаго времени. Въ остальной части губерніи лѣса обезсилены безпрерывными отпусками, частыми пожарами, самовольными порубками и расчистками. Уѣзды Нолинскій, Вятскій и частью Яранскій уже ощущаютъ недостатокъ

лѣсовъ. Выдѣлъ крестьянамъ лѣсныхъ участковъ назначенъ только на бумагѣ. Лѣсной стражи приходится по одному на 3,565 дес.».

Изъ Воронежской губ. пишутъ: «въ Павловскомъ уѣздѣ Шиповская дача, изобиловавшая при Петрѣ Великомъ корабельными дубами, въ настоящее время изъ пространства 24,000 дес. сберегла только на 2,600 десят. дубовыя деревья, а остальной лѣсъ годенъ только на дрова, колья и жерди».

Изъ Рязанской губерніи сообщаютъ: «въ губерніи порубки, пожары, расчистки повсюду истребили лѣса. Липецкая засѣка, заключавшая въ себѣ 48,000 дес., нѣкогда богатая дубовымъ корабельнымъ лѣсомъ, представляетъ нынѣ разительную картину совершеннаго уничтоженія лѣса. Полѣсовщики назначались изъ селеній за 40, за 100, даже за 150 верстъ отъ лѣса; они приходили безъ всякихъ средствъ къ прокормленію себя и добывали изъ лѣсовъ кусокъ хлѣба».

Изъ Орловской губерніи пишутъ: «въ Трубчевскомъ уѣздѣ, на пространствѣ 66,000 дес. казеннаго лѣса, нѣтъ ни одного строевого дерева».

Изъ Харьковской губерніи доносятъ: «отъ чрезполосности имѣній мелкихъ владѣльцевъ, отъ устройства въ окрестностяхъ и внутри казенныхъ дачъ разныхъ хуторовъ съ обширнымъ скотоводствомъ и въ особенности отъ винокуренныхъ заводовъ встрѣчается большое затрудненіе въ надлежащемъ охраненіи казенныхъ лѣсовъ».

ГЛАВА IV.

Лѣсная часть въ Россіи съ 1838 года по настоящее время.

Образованіе корпуса лѣсничихъ и Лѣсного Департамента.

Именнымъ указомъ императора Николая Павловича, даннымъ Правительствующему Сенату 26 декабря 1837 г. объ образованіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, къ управленію этого Министерства отнесены были, въ числѣ прочихъ государственныхъ имуществъ, также лѣса казеннаго вѣдомства, кромѣ изъятыхъ отъ надзора лѣсного начальства.

Имущества, находящіяся въ губерніяхъ, состоявшихъ на оброчномъ положеніи (Великороссійскія, Малороссійскія и Новороссійскія), отнесены къ вѣдомству Перваго Департамента Государственныхъ Имуществъ, въ которомъ, для завѣдыванія исключительно лѣсною частью, учреждены были два отдѣленія: отдѣленіе 6-е по охраненію лѣсовъ и 7-е лѣсное хозяйственное. Лѣса же въ губерніяхъ прибалтійскихъ и западныхъ подчинены были Второму Департаменту Государственныхъ Имуществъ, въ которомъ лѣсная часть сосредоточивалась въ одномъ 4-мъ отдѣленіи. Кромѣ того, въ обоихъ Департаментахъ дѣла по правонарушеніямъ въ лѣсахъ и по приходу и расходу суммъ по лѣсной части вѣдались, вмѣстѣ съ подобными же предметами по другимъ родамъ государственныхъ имуществъ, въ судныхъ и счетныхъ отдѣленіяхъ; что же касается управленія корпусомъ лѣсничихъ, опредѣленія на службу и увольненія лѣсныхъ чиновъ, производства ихъ въ чины, назначенія въ должности по губерніямъ и производства инспекторскихъ и частныхъ смотровъ лѣсной стражи, равно какъ и завѣдыванія лѣсными учебными заведеніями, все это поручено Третьему Департаменту Государственныхъ Имуществъ.

Ко времени открытія Министерства вопросъ о томъ, дать-ли лѣсной стражѣ и всему корпусу лѣсничихъ военное или гражданское устройство, не былъ еще окончательно рѣшенъ, и только по

частному случаю, при утвержденіи въ 1837 г. положенія о лѣсномъ и межевомъ институтѣ, который получилъ тогда военное устройство, включена была въ это положеніе статья, опредѣляющая, что оканчивающіе курсъ въ лѣсной ротѣ выпускаются военными чинами. Составленіе же проекта положенія о корпусѣ лѣсничихъ, уже послѣ открытія новаго Министерства, поручено было V отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, и Канцелярія эта, предъ внесеніемъ положенія на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, испрашивала въ 1838 г. указаній министра Государственныхъ Имуществъ по этому вопросу. Въ запискѣ V отдѣленія подробно изложены, какъ преимущества, такъ и неудобства военнаго устройства, указана возможность дать военный строй только лѣсной стражѣ, а лѣсныхъ чиновниковъ оставить гражданскими; высказана была возможность отдѣленія хозяйственнаго управленія лѣсами отъ охраненія ихъ, съ тѣмъ, чтобы военную лѣсную стражу подчинить особымъ военнымъ офицерамъ, учредивъ въ каждой губерніи роту или полуроту, подъ начальствомъ командира и одного помощника; изъ этихъ ротъ составить бригады, а при Министерствѣ имѣть особую инспекцію. Въ запискѣ давалось предпочтеніе мысли устроить корпусъ лѣсничихъ на военномъ положеніи, соединить въ однихъ и тѣхъ же лицахъ обязанности хозяйственнаго управленія и охраненія лѣсовъ. «Но при такомъ предположеніи» — говорится въ запискѣ — «возникъ вопросъ: не должно-ли, по причинѣ военнаго устройства корпуса лѣсничихъ, отдѣлить отъ общаго управленія государственныхъ имуществъ какъ высшее, такъ и губернское и окружное управленіе лѣсною частью». Затѣмъ, въ запискѣ подробно объяснено, почему подобнаго отдѣленія лѣсной части отъ Палатъ Государственныхъ Имуществъ не слѣдуетъ дѣлать. Главные доводы заключались въ томъ, что: а) пока казенныя селенія не получатъ отдѣльныхъ лѣсныхъ участковъ, обезпечивающихъ ихъ продовольствіе, и правительство обязано будетъ снабжать крестьянъ лѣснымъ матеріаломъ, учрежденіе отдѣльнаго управленія произвело бы огромную и нескончаемую переписку между двумя вѣдомствами, хозяйственнымъ и лѣснымъ; оба они старались бы очистить себя на бумагѣ, а крестьяне оставались бы безъ лѣса; б) при недостаточной благонадежности чиновниковъ въ дѣлѣ, сопряженномъ съ интересами казны, подчиненіе ихъ вліянію и зависимости отъ другихъ составляетъ уже важную преграду къ злоупотребленіямъ, и в) правительство не въ состояніи будетъ снабжать всѣ части лѣсного управленія свѣдущими и благонадежными чиновниками за малочисленностью выпусковъ изъ Лѣсного института, а безъ такихъ лицъ нельзя и помышлять объ устройствѣ особаго лѣсного управленія. Въ запискѣ упоминается, что предоставленіе военныхъ чиновъ корпусу лѣсничихъ, конечно, представляетъ нѣкоторыя затрудненія въ подчиненіи ихъ гражданскимъ чинамъ, но затрудненія эти едва-ли не заключаются болѣе въ предубѣжденіи къ военному званію, чѣмъ

въ самомъ существѣ дѣла. По таможенному и карантинному вѣдомствамъ военные чины поставлены уже въ нѣкоторую косвенную зависимость отъ гражданскаго вѣдомства и особенныхъ неудобствъ не замѣчается. Можно и по лѣсному вѣдомству опредѣлить отношенія военныхъ къ гражданскимъ чинамъ такимъ образомъ, чтобы, не нарушая военной дисциплины, власть собственно административную сохранить при начальникахъ гражданскаго вѣдомства. Въ этихъ видахъ предполагалось хозяйственное управленіе лѣсами оставить при Первомъ и Второмъ Департаментахъ, а высшую власть надъ чинами корпуса лѣсничихъ не присоединять ни къ одному изъ трехъ Департаментовъ, поставить корпусъ лѣсничихъ въ главную зависимость отъ министра, подъ начальствомъ особаго инспектора въ качествѣ начальника штаба, такъ точно, какъ это существуетъ по главному управленію Путей Сообщенія.

Вслѣдъ за запискою статсъ-секретаря Карнѣева, подана была директоромъ Третьяго Департамента генералъ-адъютантомъ барономъ Деллингсгаузеномъ весьма подробная записка, которая, очевидно, написана послѣ прочтенія соображеній управлявшаго V отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи.

Записка барона Деллингсгаузена представляетъ много любопытнаго, такъ что, при разсмотрѣніи историческаго хода развитія у насъ лѣсного дѣла, о ней нельзя умолчать. Разумѣется изъ содержанія этой объемистой записки я сообщу только самое существенное.

Въ началѣ помѣщены общія разсужденія, что, по мѣрѣ ощущенія недостатка въ лѣсѣ, европейскія государства учреждали соотвѣтственныя времени и нуждѣ лѣсныя управленія, и что если ошибки по другимъ отраслямъ довольно скоро исправимы, то ошибки, касающіяся лѣсовъ, трудно бываетъ поправить вѣками.

Лѣса Россіи, говоритъ баронъ Деллингсгаузенъ, — переданы изъ министерства Финансовъ въ бѣдственномъ положеніи; на Министерство Государственныхъ Имуществъ ложится трудная обязанность улучшить лѣсную часть и поддержать, елико возможно, оставшіеся лѣса. Чтобы болѣе безошибочно опредѣлить главныя начала къ улучшенію лѣсного управленія, въ запискѣ признано нужнымъ разсмотрѣть организацію лѣсныхъ управленій въ прочихъ государствахъ Европы и изложить постепенный ходъ нашего отечественнаго лѣсного управленія, съ его послѣдствіями и со всѣми ошибочными измѣненіями отъ невѣрнаго взгляда на этотъ предметъ. Строй лѣсныхъ управленій въ европейскихъ государствахъ излагается довольно подробно. Послѣ того, авторъ обращается къ управленію лѣсами въ Россіи, высказывая, что быстрый ходъ истребленія у насъ лѣсовъ угрожаетъ скорымъ недостаткомъ въ сей необходимой потребности. Въ подтвержденіе жалкаго состоянія лѣсовъ представленъ очеркъ неутѣшительнаго состоянія лѣсовъ въ 13 губерніяхъ (Воронежской, Вологодской, Рязанской, Орловской, Олонецкой, Нижегородской, Тверской, Казанской, Архангельской, Ярославской, Харьковской,

Вятской, Курляндской. Свѣдѣнія заимствованы изъ донесеній чиновъ, ревизовавшихъ губерніи, при пріемѣ ихъ въ вѣдомство Министерства Государственныхъ Имуществъ). Авторъ прибавляетъ, что правительство принимало мѣры къ упорядоченію лѣсной части, но безуспѣшно. Причины безуспѣшности двоякаго рода: одни естественныя, другія—случайныя. Къ естественнымъ авторъ относитъ: огромность государства, затрудняющая надзоръ за лѣсами и введеніе въ нихъ правильнаго хозяйства, увеличивающая издержки на управленіе, затрудняющая передвиженія лѣсного матеріала и т. п. Главнѣйшія случайныя причины слѣдующія:

1. Недостатокъ полнаго, на правилахъ лѣсной науки основаннаго и къ климату Имперіи приспособленнаго, лѣсного законодательства.

2. Недостатокъ надзора за лѣсами и бывшее доселѣ скудное содержаніе лѣсныхъ чиновъ.

3. Недостатокъ въ свѣдущихъ людяхъ.

4. Недостатокъ бережливости въ употребленіи лѣса вообще.

5. Чрезвычайная потребность лѣсовъ на флотъ (по непрочности нашего дуба).

6. Недостатокъ надежной стражи.

Въ запискѣ указывается, что стража изъ крестьянъ, отягощая сельское сословіе, не имѣетъ желаемаго успѣха, а стража изъ отставныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, наиболѣе дряхлыхъ, изувѣченныхъ и даже дурного поведенія, приноситъ нерѣдко болѣе вреда, нежели пользы.

Въ концѣ 1833 г. положеніемъ о водвореніи постоянной лѣсной стражи только что сдѣланъ первый шагъ къ достиженію возможнаго сбереженія казенныхъ лѣсовъ.

Генералъ-адъютантъ баронъ Деллингсгаузенъ говоритъ, что, при представленіи въ Государственный Совѣтъ положенія о водвореніи постоянной стражи, министръ финасовъ внесъ примѣрное соображеніе о потребномъ числѣ оной и необходимыхъ издержкахъ, а именно: во-первыхъ, въ крайнемъ случаѣ избрать не болѣе 1,000 объѣздчиковъ и 6,000 стрѣлковъ, на которыхъ, съ поселеніемъ семействъ послѣднихъ, потребовалось бы на первый годъ до 1.231,600 руб., а впослѣдствіи — по 230,000 руб., и, во-вторыхъ, предназначить для сего изъ казенныхъ волостей 6,000 крестьянскихъ семействъ, составляющихъ отъ 20 до 30 тысячъ мужескаго пола душъ, и освободить ихъ отъ всѣхъ податей и повинностей. Но до сихъ поръ водворено лишь нѣсколько семействъ.

Затѣмъ, авторъ выставляетъ слѣдующія положенія:

1. Отдѣльное лѣсное управленіе и сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ по лѣсной части въ одномъ изъ Департаментовъ Министерства Государственныхъ Имуществъ—совершенно необходимо.

2. Польза учрежденія военной лѣсной стражи для охраненія лѣсовъ весьма ощутительна.

3. Соединеніе управленія лѣсами и прочими государственными

имуществами въ губерніяхъ было бы безполезно и даже вредно для предполагаемаго нынѣ преобразованія; напротивъ, посредствомъ отдѣленія лѣсной части отъ Палатъ Государственныхъ Имуществъ произошелъ бы обоюдный, не безполезный контроль. Соревнованіе лѣсныхъ чиновъ, съ одной стороны, ограничивало бы требованія на лѣсъ Палатами, а съ другой стороны Палаты, въ случаѣ не вполнѣ достаточнаго снабженія лѣсомъ казенныхъ крестьянъ, вынуждены бы были обратить строгое вниманіе на способъ употребленія онаго, который имъ весьма легко бы было въ точности знать, по мѣстнымъ справкамъ чрезъ окружныя, волостныя и сельскія управленія. Для Министерства же отъ того произойдетъ та польза, что оно будетъ получать донесенія не одностороннія, которыя легко могутъ подавать поводъ къ одностороннимъ же соображеніямъ и заключеніямъ.

Такъ какъ *извѣстное* (тутъ разумѣетъ записку статсъ-секретаря Карнѣева) предположеніе о лѣсномъ управленіи совершенно почти одинаково съ управленіемъ Казенныхъ Палатъ, которое доказало на опытѣ всѣ невыгоды, и результатами представило самое бѣдственное состояніе лѣсовъ, то конечно слѣдуетъ принять иныя мѣры и обратиться къ системѣ лучшихъ лѣсныхъ управленій, каковыя находятся въ Пруссіи и Саксоніи, которыя доказали опытомъ свои достоинства, т.-е. значительностью доходовъ и хорошимъ состояніемъ лѣсовъ. Съ такимъ опытомъ не могутъ равняться никакіе доводы въ пользу соединенія въ губерніяхъ лѣсного управленія съ прочими государственными имуществами. Если же будетъ признано, по какимъ бы то ни было причинамъ, настоящее управленіе необходимымъ, то желательно, по крайней мѣрѣ, сдѣлать опытъ. Напримѣръ, придерживаясь прусской системы, взять двѣ или три губерніи и подчинить казенные лѣса ихъ одному лицу (инспектору), дать ему въ помощь ученаго лѣсничаго и другихъ офицеровъ; для сбора доходовъ назначить особыхъ чиновниковъ, подобно прусскимъ кассенрендантамъ, отдѣливъ эту обязанность отъ лѣсничихъ. Чрезъ это представилась бы возможность удобнѣе повѣрять дѣйствія лѣсничихъ и отвратить поводъ къ злоупотребленіямъ, облагородить и возвысить званіе лѣсничихъ.

Воинскую стражу можно бы сформировать въ необходимомъ числѣ изъ служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ нижнихъ чиновъ, что, надо полагать, было бы и согласно съ видами правительства. Мнѣніе свое баронъ Деллингсгаузенъ основываетъ на резолюціи Государя Императора, послѣдовавшей на запискѣ генералъ-адъютанта Клейнмихеля, при коей представленъ былъ въ 1830 г. составленный, по начертанію Его Величества, проектъ о водвореніи лѣсной стражи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что армія, имѣющая достаточное число хорошо вооруженныхъ винтовками и выученныхъ стрѣлковъ, имѣетъ всегда, при другихъ одинаковыхъ обстоятельствахъ, преимущество передъ такой арміей, въ которой нѣтъ хорошихъ стрѣлковъ, ибо, при всемъ возможномъ упражненіи, одно уже

недостаточное устройство обыкновеннаго гренадерскаго ружья не можетъ имѣть столь выгодныхъ послѣдствій, какъ винтовка. Русская армія, какъ извѣстно, не имѣетъ, исключая финскаго стрѣлковаго баталіона, егерей, вооруженныхъ винтовками. Прусская же армія имѣетъ 6,000 хорошо образованныхъ стрѣлковъ, а австрійская еще болѣе. Слѣдовательно, для Россіи необходимо, по крайней мѣрѣ, такое же число сего рода легкаго войска.

При настоящемъ учрежденіи корпуса лѣсничихъ представляется къ сему самое благопріятное обстоятельство, ибо съ учрежденіемъ этого корпуса образуются хорошіе стрѣлки, которые въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ столь же могутъ быть важны, сколько они полезны для самаго охраненія лѣсовъ. Когда явятся высшія государственныя потребности на защиту отечества или военныя политическія событія, то, въ силу высшихъ цѣлей, можно на нѣкоторое время остаться и безъ должнаго числа необходимой лѣсной стражи, пожертвовавъ нѣкоторою частью лѣса на расхищеніе. Впрочемъ, случаи такіе могутъ быть рѣдки; но и помимо ихъ, хорошо устроенная лѣсная стража была бы весьма полезна собственно по внутреннему охраненію государства, подобно тому, какъ она, а равно и таможенная стража, оказала въ этомъ отношеніи услуги въ 1831 г. Скажутъ: «военная стража слишкомъ дорога». А сколько стоитъ государству войско, каналы, устройство казенныхъ зданій, содержаніе корпусовъ, которые не приносятъ прямого дохода казнѣ, однакоже необходимы для благоустройства государства. Такъ точно и лѣсъ есть такая потребность, безъ которой нельзя обойтись, а потому должно всѣми средствами стараться поддержать оный, даже и въ такомъ случаѣ, если бы расходы на управленіе не соотвѣтствовали доходамъ, чего, впрочемъ, ожидать нельзя, напротивъ, можно надѣяться, что хорошее управленіе разительно увеличитъ доходы.

Конечно, устройство лѣсной стражи потребуетъ немаловажныхъ издержекъ отъ правительства, но это не должно останавливать дѣло необходимое, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ на лѣсную часть, кажется, всего менѣе было пожертвованій со стороны правительства, тогда какъ расходы, на сей предметъ сдѣланные, возвратились бы сугубо.

Въ отношеніи состава офицеровъ корпуса лѣсничихъ генералъ-адъютантъ баронъ Деллингсгаузенъ находитъ полезнымъ различать въ корпусѣ два разряда офицеровъ: къ первому разряду отнести прежде всего кончившихъ курсъ въ лѣсной ротѣ Лѣсного и Межевого института, а также въ заведеніяхъ перваго разряда; ко второму разряду—офицеровъ, поступающихъ на лѣсную службу изъ арміи и не кончившихъ курса въ учебныхъ заведеніяхъ перваго разряда. Офицеровъ, причисленныхъ къ первому разряду, предназначать для замѣщенія впослѣдствіи высшихъ должностей по лѣсной части, не допуская къ занятію такихъ должностей офицеровъ второго разряда. Офицерамъ перваго разряда дать преимущества по

производству въ чины, дабы этотъ разрядъ быстрѣе двинуть. Для этого маіорскій чинъ для нихъ не долженъ существовать, подобно тому, какъ это установлено въ такъ-называемыхъ ученыхъ частяхъ войскъ, и самое производство подчинить правиламъ, принятымъ по генеральному штабу, т.-е. чтобы штабъ и оберъ-офицеры были производимы по выслугѣ трехъ лѣтъ въ настоящемъ чинѣ; офицерамъ же второго разряда вести линію по производству и возвышать въ чины на вакансію. Мѣра эта признается тѣмъ болѣе полезною, что Лѣсной и Межевой институтъ никогда не можетъ дать всего потребнаго числа офицеровъ для корпуса лѣсничихъ.

Обѣ представленныя графу Киселеву записки были имъ переданы для разсмотрѣнія въ совѣтъ министра государственныхъ имуществъ. Журналъ совѣта состоялся 12 ноября 1838 года. Совѣтъ постановилъ: управленіе лѣсами, какъ государственными имуществами, и употребленіе къ тому лѣсныхъ чиновниковъ и стражи, предоставить Департаментамъ Государственныхъ Имуществъ, по принадлежности, согласно учрежденію Министерства, до тѣхъ поръ, пока, чрезъ постепенное введеніе новаго лучшаго порядка, не представится возможности, безъ затрудненій въ административномъ и финансовомъ отношеніяхъ, учредить отдѣльное управленіе казенными лѣсами въ государствѣ нашемъ, по примѣру Пруссіи и Саксоніи; для скорѣйшаго же достиженія цѣли поставить корпусъ лѣсничихъ на военное положеніе и для формированія онаго, равно какъ и вообще для дѣлъ инспекторской части сего корпуса, опредѣлить при министрѣ государственныхъ имуществъ начальника корпуснаго штаба съ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, двумя старшими адъютантами и нужнымъ числомъ чиновниковъ для письменныхъ дѣлъ.

Постановленіе это основывалось на слѣдующихъ мотивахъ: признано, что при томъ положеніи, въ какомъ у насъ находятся лѣса, большею частью не разграниченные съ крестьянскими и помѣщичьими, не описанные, когда потребности крестьянъ въ лѣсѣ должны быть безъ остановокъ удовлетворяемы, когда и лѣсной стражи еще нѣтъ, а постройка домовъ можетъ быть производима постепенно, и когда всѣ лѣсные чиновники требуютъ переформированія, тогда какъ Лѣсной институтъ нашъ можетъ ежегодно давать лишь незначительное число офицеровъ на замѣщеніе вакансій, было бы преждевременно и совершенно неудобно отдѣлить въ Россіи отъ управленія государственными имуществами и казенными крестьянами лѣсную часть, чтобы учредить для нея особый Департаментъ, на военномъ положеніи устроенный.

Генералъ-адъютантъ баронъ Деллингсгаузенъ остался при особомъ мнѣніи.

Министръ государственныхъ имуществъ приказалъ передать копію съ журнала въ V отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи для надлежащаго соображенія при составленіи положенія о корпусѣ лѣсничихъ. Послѣ чего и было выработано

Высочайше утвержденное въ январѣ 1839 года положеніе о корпусѣ лѣсничихъ, для завѣдыванія инспекторскою частью котораго учреждено особое дежурство корпуса лѣсничихъ, на правахъ штаба. Въ то же время инспекторомъ корпуса лѣсничихъ, завѣдывающимъ дежурствомъ, назначенъ былъ генералъ-маіоръ Мочульскій.

Послѣ того, въ теченіе уже немногихъ лѣтъ, убѣдились, что хотя соединеніе въ губерніяхъ лѣсного управленія съ управленіемъ прочими частями государственныхъ имуществъ, въ Палатахъ, не представляетъ особенныхъ затрудненій, но что въ центральномъ управленіи административное раздробленіе лѣсного вѣдомства ведетъ къ путаницѣ. Посему, уже 18 января 1843 года, графъ Киселевъ повергъ на усмотрѣніе Государя Императора особый докладъ, въ которомъ изложилъ о необходимости сосредоточить всѣ дѣла по лѣсной части въ одномъ отдѣльномъ вѣдомствѣ и объ учрежденіи для сего въ Министерствѣ особаго Лѣсного Департамента.

Докладъ этотъ былъ Всемилостивѣйше утвержденъ. Затѣмъ, по всеподданнѣйшему докладу 24 января 1843 года, генералъ-маіоръ Мочульскій опредѣленъ предсѣдателемъ Лѣсного Аудиторіата, а вице-инспекторъ флигель-адъютантъ графъ Ламздорфъ назначенъ вице-директоромъ Лѣсного Департамента. Наконецъ, приказомъ по корпусу лѣсничихъ 15 февраля 1843 г. объявлено, что Лѣсной Департаментъ открытъ 15 февраля, а на слѣдующій день, что вице-директору флигель-адъютанту графу Ламздорфу велѣно вступить въ управленіе Лѣснымъ Департаментомъ на основаніи 15 пункта 928 ст. Св. Зак. госуд. учрежденій.

Лѣсной Департаментъ образованъ былъ изъ шести отдѣленій.

1-е отдѣленіе—инспекторское, которымъ завѣдывалъ дежурный штабъ-офицеръ съ двумя адъютантами. Къ вѣдѣнію этого отдѣла относились: опредѣленіе на службу и увольненіе офицеровъ корпуса лѣсничихъ, назначеніе на должности, награды и отпуски, наблюденіе за соблюденіемъ формы, снабженіе лѣсной стражи амуниціей, оружіемъ, боевыми припасами, лошадьми, инспекторскіе смотры, вообще все, что касалось военнаго устройства.

2-е отдѣленіе вѣдало лѣсными оброчными статьями, устройствомъ лѣсной стражи, постройкой для послѣдней и для лѣсничихъ домовъ и отводомъ имъ служебныхъ земель. Сюда же относился и отводъ лѣсовъ горнымъ заводамъ и другимъ казеннымъ вѣдомствамъ, отводъ лѣсовъ по Всемилостивѣйшимъ пожалованіямъ, продажа и покупка лѣсовъ.

3-е отдѣленіе — судное. Къ нему относились всѣ дѣла о самовольныхъ порубкахъ и правонарушеніяхъ въ лѣсахъ, рѣшеніе вопросовъ объ административныхъ взысканіяхъ и о преданіи военному суду чиновъ корпуса лѣсничихъ, огражденіе лѣсныхъ дачъ отъ захватовъ сосѣдними владѣльцами и веденіе дѣлъ по размежеванію общихъ, въѣзжихъ и спорныхъ лѣсовъ.

4-е отдѣленіе вѣдало дѣла по приведенію лѣсовъ въ извѣстность и правильному устройству ихъ. Въ немъ сосредоточены были

распоряженія межевыми средствами лѣсного управленія, составленіе описанія лѣсовъ, таксація ихъ, лѣсоразведеніе, отпуски лѣса изъ таксированныхъ дачъ, а также управленіе средними и низшими учебными по лѣсной части заведеніями.

5-е отдѣленіе распоряжалось отпускомъ лѣсного матеріала за деньги и безденежно изъ неустроенныхъ лѣсныхъ дачъ. Сюда относилось разсмотрѣніе и утвержденіе годовыхъ смѣтъ отпускомъ лѣса и таксъ на лѣсные матеріалы, утвержденіе продажъ срубаемаго лѣса, разсмотрѣніе контрактовъ и вообще установленіе правилъ по отпускамъ лѣса.

6-е отдѣленіе было счетнымъ и въ немъ сосредоточивалась вся отчетность и контроль денежныхъ суммъ по лѣсной части.

При Лѣсномъ Департаментѣ состояли: чертежная, Лѣсной Аудиторіатъ и специальный по лѣсной части комитетъ.

Составъ Лѣсного Департамента впослѣдствіи подвергался лишь самымъ незначительнымъ измѣненіямъ, а именно:

Лѣсной Аудиторіатъ упраздненъ въ 1867 г. съ преобразованіемъ въ томъ же году корпуса лѣсничихъ изъ военнаго въ гражданское вѣдомство, а инспекторское отдѣленіе обращено въ канцелярію. Вмѣстѣ съ тѣмъ 4-е отдѣленіе распалось на два, изъ которыхъ въ одномъ, въ 5, сохранилось завѣдываніе лѣсными учебными заведеніями, къ числу которыхъ присоединился и Лѣсной институтъ, переданный въ 1857 г. изъ вѣдѣнія Департамента Сельскаго Хозяйства въ Лѣсной; въ томъ же 5 отдѣленіи сосредоточено собираніе статистическихъ по лѣсной части свѣдѣній и составленіе годового отчета, позже же, съ 1888 года, и всѣ дѣла по закону о сбереженіи лѣсовъ. Изъ другой части бывшаго 4 отдѣленія образовано особое отдѣленіе, сохранившее названіе 4-го, предметами занятій котораго были: приведеніе лѣсовъ въ извѣстность, съемка ихъ на планы, правильное ихъ устройство, лѣсоразведеніе и уходъ за лѣсами, всякаго рода лѣсныя работы. Затѣмъ бывшія 5-е и 6-е отдѣленія переименованы въ 6-е и 7-е отдѣленія.

Съ передачею, въ 1880 г., въ вѣдѣніе Министерства Государственныхъ Имуществъ всѣхъ лѣсовъ привислянскихъ губерній, открыта при Лѣсномъ Департаментѣ особая для сихъ губерній канцелярія. Въ этомъ составѣ Лѣсной Департаментъ находился и къ 1 января 1894 года, несмотря на то, что въ вѣдѣніе его поступили лѣса Кавказа и Западной Сибири.

Директорами Лѣсного Департамента или управлявшими имъ состояли, въ послѣдовательномъ порядкѣ, слѣдующія лица:

Съ 16 февраля 1843 по 8 октября 1851 года генералъ-маіоръ графъ Николай Матвѣевичъ Ламздорфъ.

Съ 8 октября 1851 по 20 января 1858 года генералъ-маіоръ Евгеній Николаевнчъ Норовъ.

Съ 27 января 1858 по 6 декабря 1858 года флигель-адъютантъ Александръ Григорьевичъ Лашкаревъ.

Съ 6 декабря 1858 по 10 августа 1864 года генералъ-лейтенантъ Александръ Андреевичъ Неверовскій.

Съ 14 сентября 1864 по 7 октября 1870 года тайный совѣтникъ Николай Григорьевичъ Лашкаревъ.

Съ 5 апрѣля 1871 по 13 апрѣля 1875 года генералъ-маіоръ Иванъ Гавриловичъ Войнюковъ.

Съ 13 апрѣля 1875 по 25 іюня 1879 года тайный совѣтникъ графъ Эмерикъ Карловичъ Чапскій.

Съ 25 іюня 1879 по 30 мая 1881 г. дѣйствительный статскій совѣтникъ Юлій Ивановичъ Блюменталь.

Съ 30 мая 1881 по 13 января 1886 г. дѣйствительный статскій совѣтникъ Павелъ Анжеловичъ Кампіони.

Съ 13 января 1886 года и до настоящаго времени тайный совѣтникъ Евгеній Сергѣевичъ Писаревъ.

Лѣсныя учебныя заведенія.

Мы уже сказали, что при образованіи Министерства Государственныхъ Имуществъ,—оно застало лѣсное управленіе въ неприглядномъ видѣ. Вновь учрежденному Министерству предстояло устроить всѣ части лѣсного вѣдомства.

Предметомъ первой необходимости было увеличить вообще число лѣсныхъ чиновъ, для болѣе прочнаго завѣдыванія лѣсами и охраненія ихъ, и подготовить спеціально образованныхъ лѣсныхъ офицеровъ, съемщиковъ и нижнихъ чиновъ; вселить въ нихъ духъ повиновенія и строгой нравственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрочить и бытъ ихъ.

Въ этихъ видахъ, П. Д. Киселевъ еще до открытія Министерства, вступивъ только во временное управленіе дѣлами бывшаго Департамента Государственныхъ Имуществъ, уже въ 1837 году испросилъ Высочайшее соизволеніе на преобразованіе Лѣсного института въ военно-учебное заведеніе подъ названіемъ Лѣсного и Межевого института, въ которомъ образована была рота лѣсная и рота межевая. Число обучающихся значительно увеличено, курсъ расширенъ. Впослѣдствіи, въ 1848 году, положеніе Лѣсного и Межевого института нѣсколько измѣнено: образовательный цензъ для поступленія въ институтъ возвышенъ, а за то вмѣсто прежнихъ 6 классовъ оставлено было только 3 спеціальныхъ класса. Въ 1864 г. былъ закрытъ Лѣсной институтъ, но взамѣнъ того еще въ 1859 г. открытъ спеціальный курсъ для молодыхъ людей, окончившихъ предварительно университетскій курсъ. На спеціальномъ курсѣ молодые люди оканчивали полное обученіе въ теченіе 17 мѣсяцевъ, изъ которыхъ 7 мѣсяцевъ употреблялось на теоретическое преподаваніе, а остальное время посвящалось практическимъ занятіямъ въ Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ.

Въ 1863 году съ 1 октября открыта была, въ С.-Петербургѣ, Лѣсная академія, замѣнившая и Лѣсной институтъ, и спеціальный курсъ. Въ Лѣсной академіи полный курсъ оканчивался въ два года, и въ каждомъ году полагалось два семестра: зимній — съ октября по май, и лѣтній—съ мая по октябрь. Зимній семестръ назначался для преподаванія теоріи, а лѣтній для практическихъ упражненій. Въ академію могли поступать молодые люди или окончившіе полный университетскій курсъ, или окончившіе курсъ въ гимназіяхъ. Но уже въ концѣ 1865 года С.-Петербургская Лѣсная академія закрыта, такъ какъ въ томъ году близъ Москвы была открыта Петровская Земледѣльческая и Лѣсная академія, въ которую и перешло высшее лѣсоводственное образованіе. Однако преподаваніе лѣсоводства продолжалось и въ С.-Петербургскомъ Земледѣльческомъ институтѣ, помѣстившемся въ зданіяхъ бывшаго Лѣсного института. Туда это новое заведеніе переведено было въ 1863 году изъ Могилевской губерніи, гдѣ оно существовало подъ названіемъ Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго института. Въ С.-Петербургскомъ Земледѣльческомъ институтѣ съ 1869 г. противу прежняго еще расширено преподаваніе лѣсныхъ предметовъ и для того открыты, вмѣсто бывшей одной,— три каѳедры спеціальныхъ лѣсныхъ предметовъ. Такимъ образомъ корпусъ лѣсничихъ могъ уже комплектоваться изъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній. Но какъ потребности лѣсного управленія въ лѣсныхъ спеціалистахъ сильно возросли, то агрономическое отдѣленіе бывшаго С.-Петербургскаго Земледѣльческаго института закрыто, и взамѣнъ того, 15 апрѣля 1880 года Высочайше утверждены положеніе и штатъ нынѣшняго Лѣсного института, съ 4-хъ-лѣтнею продолжительностью общаго срока для окончанія курса.

Въ Петровской же Земледѣльческой и Лѣсной академіи съ осени 1886 года закрыто лѣсное отдѣленіе, съ преобразованіемъ той академіи въ исключительно агрономическое учебное заведеніе.

Кромѣ того, на западной окраинѣ нашего отечества существовало уже давно земледѣльческое и лѣсное учебное заведеніе, сперва въ Маримонтѣ, а послѣ переведенное въ Новую Александрію. Оно въ началѣ, по всей обстановкѣ преподаванія и съ 3-хъ-лѣтнимъ общимъ курсомъ, не соотвѣтствовало высшему учебному заведенію, но въ 1893 году утверждено для него новое Положеніе, съ двумя отдѣлами: агрономическимъ и лѣснымъ.

Въ такомъ положеніи состоитъ нынѣ въ Россіи высшее по лѣсной части образованіе. Что же касается до низшихъ лѣсныхъ учебныхъ заведеній, то во время учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ въ 1838 году, оно застало только одну съ 1835 г. существовавшую Лисинскую егерскую школу, въ которой при 2-хъ-лѣтнемъ курсѣ обучались только пансіонеры частныхъ землевладѣльцевъ. Но П. Д. Киселевъ, признавая нужнымъ дать и лѣсной стражѣ нѣкоторую спеціальную подготовку, тотчасъ же учре-

дилъ, при Лѣсномъ институтѣ, образцовую роту лѣсной стражи. Одного этого учрежденія оказалось недостаточнымъ. Поэтому, вслѣдъ за симъ, начали помѣщать и въ Лисинскую егерскую школу, кромѣ частныхъ пансіонеровъ, также учениковъ на казенный счетъ, для казеннаго лѣсного управленія, а чтобы имѣть лѣсниковъ, ознакомленныхъ съ пріемами степного лѣсоразведенія, Министерство въ 1843 году отправило 7 мальчиковъ изъ государственныхъ крестьянъ, частью въ открывавшееся въ то время Велико-Анадольское степное лѣсничество, Екатеринославской губерніи, частью въ Таврическую губернію къ колонисту-менониту Корнису, занимавшемуся съ особымъ успѣхомъ лѣсоразведеніемъ. Число учениковъ въ степномъ лѣсоразведеніи постепенно увеличивалось и тогда уже тамъ окончательно устроили двѣ школы лѣсниковъ: одну въ Велико-Анадольскомъ лѣсничествѣ, другую въ Бердянской плантаціи, въ 15 верстахъ отъ Мелитополя.

Одной Лисинской егерской школы оказалось недостаточно,— начали постепенно открывать егерскія училища и въ другихъ губерніяхъ: въ 1844 году открыли егерское и писарское училище въ Островскомъ казенномъ имѣніи, Московской губерніи; въ 1847 г. открыли егерское училище въ казенномъ имѣніи Соколкѣ, Гродненской губерніи; въ 1850 г.— лѣсотехническую школу при Вологодской образцовой фермѣ, и въ 1858 г.—Липецкое егерское училище въ Романовской казенной лѣсной дачѣ, Липецкаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

Пока Министерство, учреждая всѣ эти школы, предъявляло къ нимъ одно требованіе, чтобы онѣ подготовляли въ помощь лѣсничимъ только нижнихъ лѣсныхъ чиновъ, практически ознакомленныхъ съ производствомъ различнаго рода лѣсныхъ работъ, оно шло по совершенно вѣрной дорогѣ. Это требованіе наилучше удовлетворялось мелкими школами, съ курсомъ преподаванія преимущественно практическимъ, и въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Но на этомъ Министерство не остановилось: требованія его къ низшимъ школамъ стали постепенно возвышаться, и оно начало смотрѣть на нихъ, какъ на средство подготовки, главнымъ образомъ, такихъ кондукторовъ, помощниковъ лѣсничихъ, на которыхъ было бы возможно возлагать самостоятельное завѣдываніе лѣсничествами. Какъ только установился такой взглядъ, вызванный ограниченностью выпусковъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, то и самыя школы уже не могли оставаться въ прежнемъ составѣ. Оказывалось необходимымъ или значительно поднять во всѣхъ школахъ теоретическій курсъ преподаванія, или, отказавшись отъ содержанія многочисленныхъ школъ, развить насчетъ ихъ хотя бы только одну, но такую, которая давала бы надлежащую теоретическую подготовку. Второй путь былъ экономнѣе, да и набрать удовлетворительный учебный персоналъ для одной школы не представлялось затруднительнымъ; Министерство на немъ и остановилось. Слѣдствіемъ этого было постепенное закрытіе всѣхъ школъ, исключая

Лисинской, которая развивалась на счетъ остальныхъ. Въ 1847 году упразднена образцовая рота лѣсной стражи при С.-Петербургскомъ Лѣсномъ институтѣ; въ 1859 г. закрыта егерская школа въ Островскомъ имѣніи; въ 1863 г. упразднена егерская школа въ Сокольскомъ имѣніи; въ 1867 и 1871 годахъ закрыты школы лѣсниковъ Велико-Анадольская и Бердянская. Послѣдней закрылась Липецкая егерская школа въ 1871 году. Оставалась одна Лисинская егерская школа, переименованная въ Лисинское лѣсное училище, по новому положенію 1869 года. Уровень преподаванія въ ней значительно повышенъ, продолжительность всего курса была трехлѣтняя, ввели въ обученіе алгебру, тригонометрію, исторію, географію, физику, метеорологію, зоологію, ботанику, законовѣдѣніе и нѣмецкій языкъ. Воспитанникамъ, окончившимъ курсъ, даны права на производство въ чинъ, и имъ представлялась возможность современемъ занять мѣста лѣсничихъ.

Между тѣмъ число оканчивавшихъ курсъ въ высшихъ лѣсныхъ заведеніяхъ значительно возросло, и эти люди, конечно, болѣе соотвѣтствовали назначенію, такъ что въ подобномъ Лисинскому среднемъ учебномъ заведеніи уже болѣе не представлялось надобности. Поэтому Министерство выработало предположеніе взамѣнъ Лисинскаго училища открыть нѣсколько низшихъ лѣсныхъ школъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, съ преподаваніемъ преимущественно практическимъ, подъ руководствомъ опытныхъ лѣсничихъ, съ оставленіемъ воспитанниковъ этихъ школъ въ такой обстановкѣ, которая не отдаляла бы ихъ отъ быта людей-рабочихъ. Въ виду такого предположенія, съ 1886 года прекращенъ пріемъ воспитанниковъ въ Лисинское лѣсное училище и, по выпускѣ остававшихся еще въ ней учениковъ, училище въ 1888 г. закрыто. Вмѣстѣ съ тѣмъ, открыты въ разныхъ мѣстахъ 10 низшихъ лѣсныхъ школъ, съ двухъ-лѣтнимъ курсомъ. Школы эти рѣшено имѣть не многолюдными, не болѣе 15 человѣкъ въ каждой, чтобы возможно было успѣшно вести практическія упражненія. Въ 1893 году, къ существовавшимъ уже 10 такимъ школамъ, открыты еще три. Кромѣ того, разрѣшено и многимъ мѣстнымъ лѣсничимъ обучать молодыхъ людей, по программамъ школъ, и допускать такихъ обучившихся у лѣсничихъ людей являться и подвергаться выпускнымъ экзаменамъ въ казенныхъ лѣсныхъ школахъ, одновременно и по тѣмъ же программамъ, какъ и ученики школъ.

Скажемъ здѣсь еще нѣсколько словъ о Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ.

Важное значеніе правильно организованныхъ практическихъ занятій для молодыхъ людей, подготовляющихъ себя къ лѣсной службѣ, имѣлось уже давно въ виду правительства, и потому, съ самаго учрежденія бывшаго форстъ-института, воспитанники его были ежегодно отправляемы лѣтомъ на практическія занятія въ ближайшія дачи С.-Петербургской губерніи. Но, чтобы поставить это дѣло болѣе

прочно, по проекту графа Канкрина, было учреждено въ декабрѣ 1834 года Лисинское учебное лѣсничество, предназначенное, какъ это было выражено въ означенномъ проектѣ, «для образцоваго въ большомъ видѣ правильнаго лѣсоводства и введенія воспитанниковъ С.-Петербургскаго Лѣсного института въ надлежащую по лѣсной части практику». Въ виду же того, что въ томъ же 1834 году въ Лисинскомъ лѣсничествѣ была учреждена и Лисинская егерская школа, для учениковъ которой были также необходимы практическія занятія, то съ тѣхъ поръ Лисинское учебное лѣсничество сдѣлалось мѣстомъ практическихъ занятій двухъ учебныхъ заведеній. Все хозяйство въ Лисинской дачѣ было направлено соотвѣтственно той учебной цѣли, которую имѣло лѣсничество. Какъ въ первые годы при графѣ Канкринѣ, такъ и съ учрежденіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, воспитанники, окончившіе полный курсъ въ Лѣсномъ институтѣ, до закрытія его въ 1864 году, отправляемы были на цѣлый годъ въ Лисинское учебное лѣсничество, гдѣ состояли практикантами и занимались подъ руководствомъ находившагося тамъ ученаго лѣсничаго. Кромѣ того, съ 1848 года, два старшіе класса кадетъ, не кончившихъ полнаго институтскаго курса, отправлялись съ преподавателями для практическихъ занятій на 3 лѣтніе мѣсяца въ Лисинское лѣсничество, въ лагерное стояніе, въ особо для сего построенные бараки. Точно такъ и обучающіеся въ спеціальномъ курсѣ и въ С.-Петербургской Лѣсной академіи отправлялись для практическихъ занятій въ Лисинскую дачу. Съ закрытіемъ всѣхъ этихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ, заступившій ихъ мѣсто Земледѣльческій институтъ, не составляя заведеніе спеціально лѣсное, хотя не прекращалъ совершенно практическія занятія въ Лисинской дачѣ, но велъ ихъ въ менѣе широкомъ видѣ, посѣщая этотъ лѣсъ лишь на короткое время, но практикантовъ, отправлявшихся прежде на круглый годъ въ Лисино, уже не было. Возникшій вновь съ 1880 г. Лѣсной институтъ также высылаетъ свои два старшіе курса въ Лисинское лѣсничество, но на недолгое время, мѣсяца на полтора, не болѣе. Поэтому и въ Лисинскомъ образцовомъ лѣсничествѣ стали съ 1864 года упрощаться пріемы хозяйства и не было надобности поддерживать тѣ учрежденія, которыя имѣли значеніе лишь какъ учебныя средства.

Независимо отъ своего учебнаго назначенія, Лисинское лѣсничество съ давнихъ поръ сдѣлалось мѣстомъ для охотъ, производимыхъ Высочайшими Особами. Въ Бозѣ почившій Государь Александръ Николаевичъ, бывши еще Цесаревичемъ, началъ посѣщать Лисинское лѣсничество, чтобы охотиться тамъ въ лѣсахъ, и впослѣдствіи, до конца державныхъ дней своихъ, Его Величество часто осчастливливалъ лѣсничество своимъ посѣщеніемъ. Въ зимнее время, чаще всего устраивались охоты на медвѣдей и лосей, и эти охоты, почти всегда, бывали весьма удачными; въ звѣринцѣ охота производилась рѣдко; весною же Его Величество любилъ охотиться на току за глу-

харями и тетеревами и стрѣлять на тягѣ вальдшнеповъ. Чины корпуса лѣсничихъ и служащіе въ Лисинскомъ лѣсничествѣ, съ Высочайшаго соизволенія, воздвигли на аллеѣ, противъ охотничьяго дома, памятникъ государю Александру Николаевичу: на гранитномъ пьедесталѣ грудной бюстъ Его Величества.

Личный составъ корпуса лѣсничихъ. Губернское и мѣстное управленіе лѣсами. Лѣсная стража.

Возвратимся къ началу образованія Министерства Государственныхъ Имуществъ. Предстояло увеличить число чиновъ корпуса лѣсничихъ и упрочить бытъ ихъ. Къ 1838 году, какъ уже сказано, находилось на службѣ всего 507 человѣкъ классныхъ лѣсныхъ чиновъ, и изъ нихъ только 84 человѣка получившихъ спеціальное лѣсное образованіе. Высочайше утвержденнымъ въ 1839 году Положеніемъ о корпусѣ лѣсничихъ, число офицеровъ увеличено до 729 человѣкъ, а по мѣрѣ расширявшейся дѣятельности казеннаго лѣсного управленія, число офицеровъ постепенно увеличивалось. Уже къ 1843 году состояло на службѣ по корпусу лѣсничихъ 771 офицеръ; къ 1850 году ихъ было 802; къ 1855 г.— 872; къ 1867 г.— 959; къ 1880 г.—1,138 классныхъ чиновъ; къ 1 январю 1887 г.— 1,654, а къ 1 январю 1893 г. 2,814 классныхъ чиновъ. Съ расширеніемъ лѣсныхъ учебныхъ заведеній возрастало также постепенно число классныхъ чиновъ, получившихъ спеціальное лѣсное образованіе. Таковыхъ было: въ 1838 г.—84 человѣка; къ 1843 г. ихъ уже находилось 201 чел.; къ 1850 г.—353 чел., къ 1855 г.— 446 чел.; къ 1867 г.—701 чел., къ 1880 г.—864 чел.; къ 1887 г.— 1,459 чел.; къ 1 янв. 1893 г.—2,327 человѣкъ.

По мѣрѣ увеличенія числа классныхъ чиновъ, увеличивалась и сумма, отпускавшаяся изъ Государственнаго Казначейства ежегодно на личный составъ служащихъ, такъ что на этотъ предметъ было отпущено въ 1839 году 348,827 р., а въ 1893 г. уже 1.986,608 р.

По Высочайшему повелѣнію 2 августа 1867 г. послѣдовало преобразованіе корпуса лѣсничихъ въ гражданское вѣдомство.

Съ учрежденіемъ новаго Министерства въ губерніяхъ открыты были Палаты Государственныхъ Имуществъ, въ которыхъ были лѣсныя отдѣленія, которыми завѣдывали губернскіе лѣсничіе, въ помощь которымъ состояли въ нѣкоторыхъ губерніяхъ по одному ученому лѣсничему, и во всѣхъ губерніяхъ по нѣсколько лѣсныхъ ревизоровъ. Число послѣднихъ было въ 1845 году значительно увеличено. Въ этомъ видѣ оставалось главное управленіе въ губерніяхъ до 1867 г.; указомъ же 22 декабря 1866 г. произошло въ губернскомъ управленіи весьма существенное измѣненіе: прежнія коллегіальныя учрежденія — Палаты Государственныхъ Имуществъ—преобразованы въ единоличныя учрежденія—въ управленія Государственныхъ Имуществъ. Это значительно измѣнило положеніе губернскихъ лѣсничихъ: по 20 губерніямъ, въ которыхъ должность

управляющаго государственными имуществами и губернскаго лѣсничаго соединены въ одномъ лицѣ, тамъ кругъ дѣятельности губернскихъ лѣсничихъ расширился; по остальнымъ губерніямъ кругъ дѣятельности губернскихъ лѣсничихъ не измѣнился, но они лишались совѣщательнаго голоса, который имѣли въ присутствіяхъ прежнихъ Палатъ. Въ декабрѣ 1882 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе соединить, гдѣ окажется возможнымъ, по нѣсколько губерній въ одно управленіе. Отдѣльныя должности губернскихъ лѣсничихъ упразднены, въ болѣе обширныхъ управленіяхъ назначены помощники управляющихъ.

Въ должностяхъ лѣсныхъ ревизоровъ состояло въ началѣ мало людей, въ 1841 году только 42 человѣка, но уже въ 1846 году число ревизоровъ увеличено до 102 человѣкъ. Затѣмъ много лѣтъ число ревизоровъ медленно увеличивалось, такъ что къ 1879 году ихъ было только 109. Послѣ того, въ особенности въ послѣднее десятилѣтіе, число ревизоровъ значительно возросло: въ 1885 году ихъ было 122; къ 1 января 1887 года было 150; въ 1892 году— 171 человѣкъ.

Мѣстное управленіе лѣсами, въ началѣ учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, состояло изъ окружныхъ лѣсничихъ, лѣсничихъ и подлѣсничихъ, но такъ какъ окружные лѣсничіе имѣли одинъ общій надзоръ за лѣсами, а въ то же время, по существу своей должности, составляли особую инстанцію между мѣстными лѣсничими и Палатою, излишне затруднявшую ходъ дѣла по лѣсному управленію, то 2 апрѣля 1845 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе: 1) званіе окружныхъ лѣсничихъ упразднить, а для общаго надзора за лѣсничествами опредѣлить по всѣмъ губерніямъ окружныхъ лѣсныхъ ревизоровъ; 2) лѣснымъ ревизорамъ предоставить чины отъ капитана до подполковника включительно; 3) всѣмъ мѣстнымъ лѣсничимъ дать одно названіе лѣсничихъ, и 4) для увеличенія числа лицъ, необходимыхъ для завѣдыванія лѣсами при развитіи лѣсного хозяйства, въ помощь лѣсничимъ опредѣлять обученныхъ лѣснымъ наукамъ кондукторовъ, выпускаемыхъ изъ егерскихъ училищъ, давъ имъ названіе подлѣсничихъ.

Съ развитіемъ лѣсного хозяйства, лѣсничества въ Россіи постепенно уменьшались въ объемѣ, а число ихъ увеличивалось. Въ 1838 году было всего 401 лѣсничихъ и подлѣсничихъ; въ 1843 г. ихъ уже было 427; къ 1866 году лѣсничествъ было 480; къ 1880 г. 586; а въ 1893 году было лѣсничествъ 763, а сверхъ того, помощниковъ у лѣсничихъ 892 человѣка.

До 1838 года лѣсничіе почти всѣ жили въ наемныхъ квартирахъ, въ городахъ и селеніяхъ, только для 19 лѣсничихъ были казенные дома. Министерство Государственныхъ Имуществъ нашло, что для лучшаго охраненія лѣсовъ и веденія лѣсного хозяйства необходимо, чтобы лѣсничіе проживали среди ввѣренныхъ ихъ попеченію лѣсовъ. Поэтому и приняты были усиленныя мѣры, по

мѣрѣ имѣвшихся средствъ, къ постройкѣ домовъ для лѣсничихъ. Такъ какъ дѣло это могло осуществляться только постепенно, то прежде всего приступили къ постройкѣ домовъ въ важнѣйшихъ лѣсничествахъ и въ тѣхъ, гдѣ, за неимѣніемъ вблизи лѣсовъ ни городовъ, ни селеній, приходилось лѣсничимъ помѣщаться особенно неудобно. Уже до 1855 года построено было казенныхъ домовъ для 212 лѣсничихъ; къ 1871 году домовъ такихъ было 254, а къ 1 января 1893 года имѣется домовъ для лѣсничихъ 331 и для помощниковъ лѣсничихъ 205. Стоимость этихъ 536 домовъ составляетъ сумму 1.255,420 рублей.

Въ отношеніи лѣсной стражи графъ Киселевъ, съ самаго начала, признавая постоянную семейную лѣсную стражу наиболѣе благонадежною, приказалъ особенно озаботиться водвореніемъ ея. Но заставъ въ 1838 г. только 61 семью постоянной лѣсной стражи, при усиленныхъ стараніяхъ удалось до 1857 года водворить въ лѣсахъ этого рода стражи всего только 1,567 семействъ. Но и послѣ водвореніе шло медленно, такъ что къ 1866 г. находилось въ лѣсахъ всего только 1,680 семействъ. Министерство Государственныхъ Имуществъ уже въ началѣ предвидѣло, что дѣло это не можетъ двинуться быстро, а потому задумало, рядомъ съ постоянными семьями, создать и другого рода надежную лѣсную стражу. Съ этою цѣлью приняты были мѣры: опредѣляли въ лѣсные объѣздчики окончившихъ курсъ ученія въ егерскихъ училищахъ молодыхъ людей; дозволено было водворять въ лѣсахъ отставныхъ нижнихъ чиновъ изъ войскъ, съ малыми надѣлами земли; предоставлено было обществамъ крестьянъ, взамѣнъ выбора изъ среды своей полѣсовщиковъ, нанимать въ лѣсные сторожа отставныхъ солдатъ; полѣсовщиковъ, избиравшихся въ должности на одинъ годъ, Высочайше повелѣно выбирать на срокъ трехлѣтній. Наконецъ, по соглашенію военнаго министра съ министромъ государственныхъ имуществъ, состоялось 9 апрѣля 1851 г. Высочайше утвержденное Положеніе о комплектованіи стрѣлковыхъ баталіоновъ кантонистами лѣсной стражи и о комплектованіи этой послѣдней нижними чинами стрѣлковыхъ баталіоновъ. Полагалось поселять стрѣлковъ по 100 семействъ въ годъ. Первая партія стрѣлковъ водворена была въ лѣсахъ въ 1852 г.; вторая партія въ 1853 г.; дальнѣйшее водвореніе пріостановилось съ начатіемъ Крымской кампаніи и послѣ того не возобновлялось.

Вольнонаемныхъ объѣздчиковъ и военно-лѣсныхъ сторожей все въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ числѣ опредѣляли къ лѣсамъ, такъ что число ихъ отъ 935 человѣкъ, бывшихъ въ 1838, дошло въ 1862 г. до 2,736 человѣкъ, но при огромной численности по выбору полѣсовщиковъ и дороговизны постоянной лѣсной стражи, не было средствъ на еще бо̀льшее увеличеніе наемной стражи. Когда же къ 1869 году лѣсной доходъ возросъ до 7 милліоновъ руб., а повинность государственныхъ крестьянъ по охраненію казенныхъ лѣсовъ была отмѣнена, Высочайше утверждено было представленіе

министра государственныхъ имуществъ объ учрежденіи при казенныхъ лѣсахъ повсемѣстно наемной стражи, съ содержаніемъ объѣздчикамъ отъ 150 до 200 руб., а лѣсникамъ отъ 60 до 90 рублей въ годъ.

Съ 1870 года начали постепенно замѣнять полѣсовщиковъ и пожарныхъ старостъ вольнонаемною стражею. Предполагалось опредѣлить примѣрно 1,932 объѣздчика и 18,721 лѣсниковъ, такъ чтобъ, по окончательномъ устройствѣ стражи, все ежегодное ея содержаніе не превышало бы суммы 1.469,099 рублей, съ тѣмъ, чтобы сверхъ денежнаго довольствія, стража получала еще земельные надѣлы, съ доходомъ въ 637,000 рублей. Но вслѣдствіе оказавшейся необходимости увеличить оклады содержанія, разрѣшено было увеличить отпускаемый на содержаніе стражи кредитъ и вноситъ съ 1885 г. въ подлежащія подраздѣленія смѣты Лѣсного Департамента ежегодно по 2.117,699 руб., а министру предоставить право увеличивать оклады объѣздчикамъ до 250, а лѣсникамъ до 100 рублей въ годъ. Послѣ того послѣдовали еще нѣкоторыя измѣненія и дополненія, такъ что на 1887 годъ отпущено было на содержаніе лѣсной стражи по всей Имперіи 2.377,554 руб., а на 1892 годъ 2.502,658 рублей.

Домовъ для лѣсной стражи къ 1 января 1893 г. имѣется 6,509, стоимость которыхъ составляетъ сумму 3.143,197 рублей.

Вольнонаемной стражи нынѣ при лѣсахъ состоитъ:

объѣздчиковъ 4,286
лѣсниковъ . . . . . . 18,459.

Корабельные лѣса.

При учрежденіи въ 1837 г. Министерства Государственныхъ Имуществъ положено было сохранить и впредь при Морскомъ Министерствѣ особый Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ со всѣми возложенными на него въ 1828 году обязанностями. Это была грустная уступка, сдѣланная П. Д. Киселевымъ по необходимости вліятельнымъ въ то время кружкамъ. Онъ самъ, вѣроятно, понималъ, что отъ такой уступки возродится для его управленія множество непріятностей и задержекъ въ развитіи лѣсного хозяйства, такъ какъ зналъ отношенія въ прошломъ морского вѣдомства съ Министерствомъ Финансовъ.

Департаменту Корабельныхъ Лѣсовъ поручено было, по положенію, завѣдываніе корабельными лѣсами и рощами; но въ дѣйствительности мѣстное управленіе корабельными рощами все-таки возлагалось на лѣсничихъ казенныхъ лѣсовъ, среди которыхъ находились тѣ рощи, а со стороны Департамента Корабельныхъ Лѣсовъ производилась только ревизія рощъ; въ одномъ лишь Низовомъ округѣ, съ 1834 года, кромѣ лѣсничихъ казенныхъ лѣсовъ, въ вѣдѣніи которыхъ продолжали состоять корабельныя рощи, приставлены были еще и особые лѣсничіе и сторожа со стороны морского вѣдомства. Но такая организація, съ двойственнымъ надзоромъ, никуда не годи-

лась. Я засталъ, напримѣръ, такой надзоръ въ рощахъ Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, и въ Краснослободскомъ, Пензенской губерніи, гдѣ для обоихъ уѣздовъ командированъ былъ надзирать за рощами чиновникъ, съ нѣсколькими сторожами, отъ Департамента Корабельныхъ Лѣсовъ. Въ упомянутой мѣстности корабельныя рощи расположены были въ трехъ казенныхъ лѣсничествахъ, и такъ какъ у каждаго изъ казенныхъ лѣсничихъ въ завѣдываніи находились значительныя лѣсныя площади, то они стали менѣе обращать вниманія на корабельныя рощи, надѣясь, что за тѣми будетъ строго слѣдить чиновникъ морского вѣдомства, спеціально для рощъ приставленный. Между тѣмъ морской чиновникъ, съ его стражею, въ свою очередь, полагалъ, что казеннымъ лѣсничимъ, каждому въ своемъ лѣсничествѣ, удобнѣе присмотрѣть за рощами и что они, конечно, и присмотрятъ, такъ какъ съ нихъ не снята была отвѣтственность за цѣлость корабельныхъ рощъ. Поэтому командированные чины морского вѣдомства очень рѣдко заглядывали въ рощи, ибо разстояніе между таковыми было далекое и проѣзды неудобны. Такимъ образомъ, присмотръ за корабельными рощами былъ при совокупномъ наблюденіи двухъ лицъ слабѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ наблюденіе лежало на одномъ казенномъ лѣсничемъ. Если за всѣмъ тѣмъ въ корабельныхъ рощахъ только рѣдко бывали самовольныя порубки, то обстоятельство это было прямымъ слѣдствіемъ особаго страха у всѣхъ крестьянъ касаться корабельнаго лѣса, тѣмъ болѣе, когда столь же сподручны были некорабельные лѣса.

Законъ о воспрещеніи рубки заповѣдныхъ породъ деревъ оставался въ полной силѣ. Изъ заповѣдныхъ породъ деревъ могли быть назначены къ рубкѣ и продажѣ лишь тѣ деревья, которыя напередъ будутъ забракованы на мѣстахъ и признаны негодными для флота и неблагонадежными для достиженія размѣровъ, требуемыхъ отъ корабельнаго лѣса. Правда, что уже по указу 18 августа 1803 г., въ инструкціи, данной лѣснымъ комиссіямъ, оговорено было, что сосновыя, мачтовыя и большемѣрныя деревья составляютъ корабельные лѣса «не по роду ихъ токмо, а по добротѣ и по удобству доставлять къ пристанямъ и портамъ», однако, какъ опредѣленіе годности деревъ для флота, такъ и удобности или неудобности доставки къ адмиралтействамъ, могло быть рѣшаемо не Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, а лишь морскимъ вѣдомствомъ, заготовлявшимъ потребный флоту лѣсъ, то въ рѣдкихъ случаяхъ можно было, при нѣсколько значительныхъ продажахъ лѣса, обойтись безъ просьбы, чтобы Департаментомъ Корабельныхъ Лѣсовъ командированы были чины для освидѣтельствованія годности или негодности для флота предполагаемыхъ въ продажу лѣсовъ. Посылка отъ морского вѣдомства комиссіонеровъ для заклейменія пригодныхъ флоту деревъ всегда замедлялась, а чрезъ то продажа лѣса не могла быть своевременно разрѣшаема, вслѣдствіе чего и выручка лѣсныхъ доходовъ не могла достигать желаемыхъ и возможныхъ размѣровъ. При такихъ

условіяхъ, понятно, отношенія между Департаментами Лѣснымъ и Корабельныхъ Лѣсовъ не могли оставаться пріязненными; это тормозило еще болѣе самое дѣло, возникали пререканія, множество неудовольствій отъ обвиненій, возбуждаемыхъ то однимъ, то другимъ Департаментомъ. Лѣсной Департатаментъ обвинялъ Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ, что тотъ уклоняется отъ своевременнаго освидѣтельствованія лѣсовъ, что клеймитъ часто безъ всякой надобности въ годность флоту такія деревья, которыя онъ же чрезъ нѣсколько лѣтъ объявляетъ фаутными, что срубаетъ при заготовкахъ множество деревъ, которыя послѣ оставляетъ, какъ негодныя, въ лѣсу, а нерѣдко даже тратитъ деньги на вывозку къ пристанямъ и тамъ забраковываетъ и передаетъ для продажи лѣсному вѣдомству. И въ такомъ родѣ высказывалось много. Съ своей стороны и Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ не молчалъ, а обвинялъ лѣсное вѣдомство въ истребленіи лѣсовъ сильными продажами и упрекалъ, что, благодаря лѣсному вѣдомству, теперь во многихъ лѣсахъ Россіи, гдѣ были большіе запасы мачтовыхъ деревъ, ихъ не осталось и слѣда, а на тѣхъ мачтовыхъ деревьяхъ, какія прежде были, уже развѣваются французскіе и англійскіе флаги. Натянутыя отношенія, которыя и не могли быть иными между двумя вѣдомствами, преслѣдовавшими совершенно противуположныя цѣли, во всякомъ случаѣ вредили успѣху дѣла и не могли долго продолжаться. Лѣсное вѣдомство ставило своею задачею, при непремѣнномъ сохраненіи лѣсовъ въ цѣлости, извлекать изъ нихъ возможно бóльшій доходъ; Департаментъ же Корабельныхъ Лѣсовъ отвергалъ законность взгляда на лѣса, какъ на источникъ доходовъ, и отстаивалъ взглядъ, по которому всѣ интересы лѣсного управленія должны подчиняться одному высшему началу: удовлетворенію лѣсными матеріалами надобностей адмиралтействъ.

Страннымъ кажется, что офиціально не затрогивался вопросъ: развѣ потребности флота въ лѣсномъ матеріалѣ такъ велики, что ихъ трудно удовлетворить покупкою по вольнымъ цѣнамъ, а нужно непремѣнно стѣснять эксплоатацію на обширныхъ площадяхъ лѣсовъ, чрезъ что убытки казны навѣрное превышаютъ значительно тѣ приплаты, какія бы могли потребоваться со стороны морского вѣдомства, если бы оно пріобрѣтало лѣсъ для флота по вольнымъ цѣнамъ.

Если бы этотъ вопросъ былъ поднятъ ранѣе, — какъ это и сдѣлано позже, — то обнаружилось бы, что для самыхъ большихъ адмиралтействъ, С.-Петербургскаго и Кронштадтскаго, требовалось въ годъ, по нормальному наряду, дубоваго лѣсу:

Дубовыхъ кряжей отъ 8 до 35 футовъ длины и отъ 12 до 35 дюймовъ толщины	2,860 штукъ.
Кницъ отъ 5 до 12 футовъ длины и отъ 10 до 18 дюймовъ толщины	500 »

Шпангоутовъ отъ 6 до 10 футовъ длины и отъ 7 до 8 дюймовъ толщины . . . . 710 штукъ.

Итого . . . . . . 4,070 штукъ.

Это количество составляетъ всего 131.000 кубич. футовъ, т. е. количество ничтожное сравнительно съ площадью имѣющихся у насъ лѣсовъ.

Государь императоръ Николай I обратилъ уже въ 1841 году вниманіе на лишніе расходы на содержаніе стражи лѣсовъ корабельныхъ, находящихся въ смежности и даже внутри казенныхъ лѣсныхъ дачъ, равно какъ и на другія неудобства, происходящія отъ раздѣленія властей, и, предполагая возможнымъ избѣжать лишнихъ расходовъ и неудобствъ оставленіемъ корабельныхъ лѣсовъ въ вѣдѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ, Высочайше повелѣлъ войти объ этомъ въ совѣщаніе вѣдомствамъ Морскому и Государственныхъ Имуществъ.

Переписка по этому предмету началась; чернилъ, бумаги и писарского труда потрачено много, а конца и не предвидѣлось, потому что Морское Министерство упорно стояло на томъ, чтобы въ отношеніи корабельныхъ лѣсовъ Министерство Государственныхъ Имуществъ возвращено было къ тѣмъ обязанностямъ, какія, до учрежденія Департамента Корабельныхъ Лѣсовъ, возложены были на Министерство Финансовъ, а на это П. Д. Киселевъ не находилъ возможнымъ согласиться. Тогда въ 1847 году послѣдовало другое Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы министръ государственныхъ имуществъ сообразилъ: не признаетъ-ли онъ болѣе полезнымъ оставить корабельныя рощи въ своемъ завѣдываніи, а требующіеся по нарядамъ Морского Министерства корабельные лѣса вырубать и вывозить на пристани, или къ мѣстамъ сплава, по личному своему распоряженію.

Начались новыя совѣщанія между обоими соприкосновенными министерствами; совѣщаніе длилось довольно долго, до конца 1853 г., по нѣкоторымъ вопросамъ послѣдовало соглашеніе, но полнаго согласія не достигнуто, такъ что министръ государственныхъ имуществъ, во исполненіе воли государя императора, несмотря на разномысліе между двумя вѣдомствами, внесъ въ 1853 г. записку въ Комитетъ Министровъ, съ такимъ своимъ мнѣніемъ: присоединить Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ, съ обязанностью послѣдняго заготовлять нужные адмиралтействамъ лѣса, которые, однако, вывозить только до пристаней и катишъ, на этихъ же мѣстахъ производить браковку и пріемъ лѣсовъ, а производство дальнѣйшей доставки лѣса къ портамъ предоставить распоряженію морского вѣдомства. Морское Министерство, съ своей стороны, находило необходимымъ, чтобы Министерство Государственныхъ Имуществъ приняло на себя также

и доставку корабельныхъ лѣсовъ къ адмиралтействамъ и чтобы только въ этихъ мѣстахъ производилась браковка и пріемъ доставленнаго матеріала.

Комитетъ Министровъ, въ виду разномыслія двухъ министровъ, призналъ нужнымъ воздержаться отъ рѣшительнаго заключенія о томъ, какой именно порядокъ доставки, браковки и пріема корабельнаго лѣса удобоисполнимѣе и для казны выгоднѣе, впредь до испытанія того и другого на самомъ дѣлѣ. Положеніемъ Комитета Министровъ, Высочайше утвержденнымъ 25 декабря 1853 г., повелѣно было Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ присоединить къ Министерству Государственныхъ Имуществъ, съ порученіемъ продолжать, въ видѣ опыта, заготовленіе и доставку лѣсовъ къ адмиралтействамъ на существовавшихъ прежде основаніяхъ, а окончательныя соображенія о передачѣ корабельныхъ лѣсовъ министру государственныхъ имуществъ представить къ 1 января 1857 года, когда вѣдомствомъ этимъ будутъ исполнены по крайней мѣрѣ два лѣсныхъ годовыхъ наряда для флота.

Не ранѣе какъ въ концѣ 1857 года оказалось возможнымъ по этому предмету представить окончательныя соображенія обоихъ Департаментовъ, Лѣсного и Корабельныхъ Лѣсовъ. Въ составленной запискѣ объяснено, что Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ произведена была заготовка и доставка къ портамъ лѣсовъ по тремъ годовымъ нарядамъ Морского Министерства и что въ дѣлѣ этомъ не встрѣтилось никакихъ затрудненій, ни въ сдачѣ, ни въ браковкѣ лѣсовъ въ адмиралтействахъ. Записка эта поступила на разсмотрѣніе Совѣта министра государственныхъ имуществъ.

Совѣтъ министра высказалъ слѣдующія соображенія: въ вопросѣ о принятіи на обязанность Министерства заготовленія и доставки лѣсовъ къ адмиралтействамъ нельзя не замѣтить, что подобныя, весьма сложныя операціи, не входятъ въ кругъ дѣйствій Министерства Государственныхъ Имуществъ и что принятіе имъ такого посредничества для удовлетворенія требованій флота чрезвычайно усложнило бы самый ходъ операцій и ни въ какомъ случаѣ не обошлось бы безъ прямого участія и содѣйствія морского вѣдомства. Какъ ни кратки свѣдѣнія, изложенныя въ докладахъ относительно участія и содѣйствія морского вѣдомства, за періодъ времени заготовленія лѣсовъ къ адмиралтействамъ съ 1851 по 1854 и затѣмъ съ 1855 по 1857 годы, когда наряды исполнялись безъ всякаго затрудненія, однакоже, нельзя не замѣтить, что, какъ въ первый, такъ и во второй періоды операцій, они совершались морскими чинами тѣмъ же порядкомъ, какой существовалъ до присоединенія Департамента Корабельныхъ Лѣсовъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ, и что поэтому отсутствіе затрудненій въ это время нисколько не ручается въ томъ, чтобы, при окончательномъ присоединеніи всего управленія корабельными лѣсами, не возникли пререканія и затрудненія въ исполненіи нарядовъ мор-

ского вѣдомства, совѣтъ призналъ за нужное, прежде окончательнаго рѣшенія вопроса о соединеніи управленій, подвергнуть ближайшему разсмотрѣнію самую систему заготовки корабельныхъ лѣсовъ и лашманскихъ работъ, а также и рабочихъ экипажей, чтобы убѣдиться, въ какой степени необходимы существующія на мѣстахъ особыя управленія и нельзя-ли, съ условіемъ воспособленія исполненію морскихъ нарядовъ изъ увеличеннаго лѣсного дохода, снять съ лѣсного вѣдомства обязанность удовлетворенія флота лѣсомъ изъ казенныхъ дачъ, подобно тому, какъ снята эта обязанность съ государственныхъ лѣсовъ Франціи, гдѣ, съ 1839 года, всѣ требованія флота удовлетворяются подрядомъ, при соревнованіи частныхъ лѣсовладѣльцевъ и лѣсопромышленниковъ. По такимъ соображеніямъ совѣтъ министра государственныхъ имуществъ полагалъ—пріостановить окончательное присоединеніе управленія корабельными лѣсами, впредь до соглашенія съ Морскимъ Министерствомъ о порядкѣ операцій, испросивъ на такую отсрочку Высочайшее соизволеніе и затѣмъ войти въ сношеніе съ главнымъ морскимъ начальствомъ, согласно вышеизложеннымъ соображеніямъ: не будетъ-ли признано возможнымъ заготовку лѣса и доставку его къ адмиралтействамъ производить непосредственно морскому вѣдомству общимъ подряднымъ порядкомъ, при соревнованіи частныхъ лѣсныхъ владѣльцевъ и лѣсопромышленниковъ, а только въ случаѣ безуспѣшности этого порядка, или въ случаяхъ особенной важности заготовлять лѣса чрезъ своихъ комиссіонеровъ изъ казенныхъ дачъ.

Мнѣніе совѣта было одобрено министромъ государственныхъ имуществъ, — въ то время М. Н. Муравьевымъ, — который, по соглашенію съ Морскимъ Министерствомъ, внесъ записку въ Комитетъ Министровъ. Затѣмъ Высочайше утвержденнымъ 5 мая 1859 года положеніемъ Комитета Министровъ повелѣно: оставивъ на обязанности Министерства Государственныхъ Имуществъ, сообразно существу опредѣленнаго ему круга дѣйствій, завѣдываніе и охраненіе всѣхъ выдѣленныхъ корабельныхъ рощъ и присвоенныхъ флоту лѣсовъ, за исключеніемъ лѣса, произрастающаго на островѣ Наргенѣ, близъ Ревеля, составляющаго навигаціонный признакъ, предоставить снабженіе флота лѣсомъ непосредственному распоряженію Морского Министерства. Вслѣдъ затѣмъ Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ упраздненъ, а корабельныя рощи и корабельные лѣса поступили въ полное завѣдываніе Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Обязательные и льготные отпуски лѣсовъ.

Уже изъ предыдущаго намъ отчасти извѣстно, что ко времени образованія Министерства Государственныхъ Имуществъ существовали слѣдующіе обязательные и льготные отпуски изъ казенныхъ лѣсовъ:

1) Морскому вѣдомству для флота и на цивильныя строенія

отпускался лѣсъ, безъ уплаты попенныхъ и посаженныхъ денегъ.

2) Для артиллеріи и въ полки на обозы, для казенныхъ мануфактуръ и прочимъ хозяйственнымъ заведеніямъ, не имѣющимъ приписанныхъ лѣсовъ, для строенія и починки крѣпостей, казенныхъ зданій, каналовъ и дорогъ вѣдомства Путей Сообщенія должно было отпускать лѣса за попенныя и посаженныя деньги, буде нѣтъ Высочайшаго повелѣнія объ отпускѣ онаго лѣса безденежно, а фашинный лѣсъ для работъ по вѣдомству Путей Сообщенія дозволялось вырубать безъ платежа за оный попенныхъ денегъ, съ выдачею лѣсничимъ однѣхъ только квитанцій для взаимныхъ расчетовъ.

3) Церквамъ и монастырямъ на строеніе и починку зданій отпускался лѣсъ изъ казенныхъ дачъ безденежно, когда министръ государственныхъ имуществъ находилъ возможнымъ сдѣлать таковой отпускъ.

4) На постройку рѣчныхъ и мореходныхъ судовъ отпускъ лѣса долженъ былъ производиться по особой льготной пошлинѣ,—о которой уже выше нами объяснено, — а жители нѣкоторыхъ уѣздовъ Архангельской губерніи или вовсе были освобождены отъ всякой пошлины за лѣсъ на постройку судовъ, или же платили только половинную пошлину.

5) Олонецкіе частные лѣсопильные заводы получали лѣсъ по льготной порамной платѣ,—какъ было выше подробно выяснено. Но кромѣ того, лѣсное вѣдомство должно было вести коммерческія операціи на казенныхъ онежскихъ лѣсопильныхъ заводахъ.

6) Священно и церковно-служителямъ греко-россійскихъ сельскихъ церквей отпускался лѣсъ изъ казенныхъ дачъ для постройки сгорѣвшихъ домовъ въ такомъ же количествѣ и на такомъ же основаніи, какъ и казеннымъ крестьянамъ.

7) Казеннымъ крестьянамъ, лишившимся домовъ своихъ отъ пожаровъ и не имѣющимъ въ дачахъ своихъ лѣсовъ, дѣлалось отъ казны безденежное пособіе отпускомъ лѣса изъ казенныхъ дачъ на обстройку въ количествѣ, соотвѣтствующемъ обычаю ихъ постройки, также климату и мѣстному состоянію лѣсовъ. При чемъ уже 4 декабря 1804 года Высочайше утверждены нормы отпуска на этотъ предметъ: въ 18 губерніяхъ южнѣе Москвы отпускать на каждый дворъ по 25 корней, и эта норма распространена и на Московскую губернію; въ 15 губерніяхъ средней и западной полосы отпускать по 50 корней, съ оговоркой: «разумѣя тамъ, гдѣ состояніе казенныхъ лѣсовъ позволитъ сіе можетъ»; наконецъ, въ 11 губерніяхъ, къ сѣверу лежащихъ и лѣсами обилующихъ, дозволяется отпускать на всю крестьянскую обстройку, сколько потребно будетъ, по смѣтамъ гражданскаго начальства, безъ излишества и какъ гдѣ мѣстное состояніе лѣсовъ безъ оскудѣнія позволитъ то можетъ.

Мы видимъ, что обязательныхъ и льготныхъ отпусковъ лѣса изъ казенныхъ дачъ было много, а всякія подобныя обязательства стѣсняютъ веденіе хозяйства, заставляя соображаться, при продажахъ, не только

съ состояніемъ дачи, но и съ обязательствами, возложенными по удовлетворенію лицъ и вѣдомствъ, имѣющихъ право на отпускъ имъ лѣса. Поэтому понятно, что Министерство Государственныхъ Имуществъ стремилось къ освобожденію казенныхъ лѣсовъ отъ излишнихъ обязательныхъ отпусковъ, но въ то же время не упускало изъ виду необходимость помогать населенію безплатнымъ отпускомъ лѣса, если таковой вызывался дѣйствительною потребностью и могъ безъ ущерба для общаго хода хозяйства улучшить бытъ мѣстнаго населенія. Доказательствъ, что таковъ именно былъ взглядъ Министерства, можно найти много. Такъ, въ 1841 году установленъ безденежный отпускъ лѣса для постройки временныхъ жилищъ жителямъ Архангельской губ., промышляющимъ птицеловствомъ; въ 1846 г. установленъ безденежный отпускъ лѣса на постройку приходскихъ училищъ въ казенныхъ и казачьихъ селеніяхъ; въ 1868 г. испрошено отпускать, въ теченіе 10 лѣтъ, безплатно лѣсъ на постройку домовъ, рѣчныхъ и мореходныхъ судовъ и на домашнее употребленіе переселенцамъ на Мурманскій берегъ, и т. п. Напротивъ, отъ такихъ безплатныхъ отпусковъ, которые только стѣсняютъ лѣсное управленіе въ хозяйственныхъ его распоряженіяхъ, затемняютъ лишь правильное сужденіе о выгодности того или другого дѣла, не составляя дѣйствительной потребности и не принося государству прямой пользы, отъ такихъ обязательствъ Министерство Государственныхъ Имуществъ постепенно освобождалось. Къ 1860 году были уже прекращены обязательные отпуски лѣса флоту, артиллеріи и прочимъ вѣдомствамъ. Равнымъ образомъ прекратился и неправильный, упрощенный учетъ отпускаемаго лѣса на постройку судовъ и распиловку бревенъ, какъ только лѣсное вѣдомство пріобрѣло достаточно средствъ къ усиленію надзора за лѣсами и къ производству учета употребляемаго лѣса общимъ порядкомъ, чрезъ освидѣтельствованіе и обмѣръ отпущеннаго количества, и продажею на этотъ предметъ лѣсного матеріала съ торговъ.

Снабженіе государственныхъ крестьянъ лѣсными матеріалами и надѣленіе ихъ лѣсами.

Со времени генеральнаго межеванія появились у насъ и крестьянскіе лѣса: этимъ терминомъ названы лѣсныя пространства, вошедшія въ окружную межу казенныхъ земель, отмежеванныхъ въ дачу казенныхъ селеній. Въ этомъ случаѣ генеральное межеваніе обходило одною межою всѣ вмѣстѣ лежащія земли одного владѣльца, государства, — не отдѣляя части на долю крестьянъ, такъ какъ у нихъ не имѣлось крѣпостныхъ документовъ. Изъ такихъ дачъ въ пользованіе крестьянъ причиталось земли, смотря по много- или малоземельности губерніи, отъ 8 до 15 десятинъ на каждую ревизскую душу, а остальныя земли должны были отойти въ казну. Такимъ образомъ дачи, въ которыхъ оказывалось общей площади

болѣе той пропорціи земли, какая причиталась крестьянамъ по числу ревизскихъ душъ, представляли владѣніе неразмежеванное между крестьянами и казною.

По оберъ-форстмейстерской инструкціи 1798 г. поручено было лѣсному начальству наблюдать за этими лѣсами и раздѣлить ихъ на лѣсосѣки. Манифестомъ же 2 апрѣля 1801 г. крестьянскіе лѣса предоставлены въ свободное пользованіе казеннымъ крестьянамъ, за исключеніемъ деревъ, годныхъ для флота, а для предупрежденія истребленія лѣсовъ волостнымъ правленіямъ поставлено въ обязанность раздѣлить дачи на лѣсосѣки. Но такъ какъ части лѣсовъ, принадлежащія крестьянамъ изъ дачъ ихъ, не размежеванныхъ съ казною, еще не были отграничены, то уставомъ о лѣсахъ 1802 г. 11 ноября велѣно отдѣлить крестьянскіе лѣса отъ казенныхъ, выдѣлить изъ крестьянскихъ пятыя части въ заказныя рощи, а остальные раздѣлить на лѣсосѣки. Затѣмъ возложить на обязанность волостныхъ правленій завѣдывать крестьянскими лѣсами, а лѣсному начальству наблюдать, чтобы не вырубалось болѣе лѣсосѣки, назначенной для годового продовольствія.

Со времени устава о лѣсахъ 1802 года началось надѣленіе государственныхъ крестьянъ узаконенною пропорціей земли, но исполненіе этого надѣла требовало громадныхъ межевыхъ силъ, за неимѣніемъ которыхъ дѣло подвигалось очень медленно, или почти вовсе не двигалось, а между тѣмъ государственные крестьяне должны были быть удовлетворяемы потребными имъ лѣсными матеріалами. Поэтому, на основаніи ряда Высочайше утвержденныхъ постановленій 19 января 1804 г., 24 мая 1805 г., 12 октября 1811 г., 19 іюня 1826 г., составились внесенныя позже въ лѣсной уставъ, Свода Зак., правила временного управленія крестьянскими лѣсами и продовольствія изъ оныхъ нуждъ казенныхъ селеній. По этимъ правиламъ опредѣлено: Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не произведено отдѣленія крестьянскихъ лѣсовъ отъ казенныхъ, не выдѣлены заказныя рощи, не предоставлены казеннымъ селеніямъ особыя лѣсныя дачи и сіи послѣднія не раздѣлены на лѣсосѣки, крестьянскіе лѣса остаются въ непосредственномъ вѣдомствѣ, управленіи и охраненіи лѣсного начальства на томъ же основаніи, какъ и казенные. Изъ сихъ лѣсовъ отводятся ежегодно отъ лѣсного начальства казеннымъ селеніямъ, на основаніи утвержденной годовой смѣты о назначеніи лѣсовъ къ вырубкѣ, участки для рубки на ихъ продовольствіе, а не на продажу, въ соразмѣрности крестьянской потребности и съ состояніемъ лѣсовъ. Если пространство крестьянской лѣсной дачи столь обширно, что всѣ угодья съ лѣсами превосходятъ положенную пропорцію на число душъ крестьянскихъ, и лѣса, не будучи еще раздѣлены, состоятъ казенными и крестьянскими совокупно, за продовольствіемъ же мѣстныхъ поселянъ остается въ нихъ избытокъ, въ такомъ случаѣ дѣлаются и изъ сихъ лѣсовъ отпуски и продажи въ пользу казны, какъ изъ казенныхъ лѣсовъ, съ тѣмъ токмо огра-

ниченіемъ, чтобы количество деревъ, назначаемое ежегодно къ вырубкѣ, не превосходило примѣрный годовой лѣсосѣкъ.

Въ тѣхъ же временныхъ правилахъ, въ пунктѣ 3-мъ, постановлено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 19 января 1804 года: «Казеннымъ крестьянамъ губерній: Архангельской, Вологодской, Вятской и нѣкоторыхъ волостей и селеній Нижегородской, Казанской, Костромской и Новгородской, занимающимся продажею лѣсовъ и разными отъ нихъ издѣліями, какъ по причинѣ худой почвы, не способной къ земледѣлію, такъ и потому, что изобиліе лѣсовъ производить сіе позволяетъ, отводятся особенныя для ихъ промысловъ мѣста изъ лѣсовъ, принадлежащихъ къ ихъ селеніямъ, но отнюдь не изъ такихъ, которые по удобности нужны для адмиралтействъ, и которые по качеству своему почитаются запрещенными для крестьянскаго употребленія». Далѣе указывается, какой долженъ быть соблюденъ порядокъ при отводѣ для указанной цѣли участковъ лѣса и какія принимаются предосторожности отъ пожаровъ, а наконецъ опредѣляется слѣдуемая казнѣ плата за изготовленныя крестьянами издѣлія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «За всѣ сіи деревья и за всѣ лѣсныя изъ оныхъ издѣлія, употребляемыя казенными крестьянами на продажу, взыскиваются попенныя въ пользу казны деньги по установляемой ежегодно на казенные лѣса таксѣ; а за рѣчныя суда, сдѣланныя изъ таковаго лѣса, положенная посаженная пошлина, на томъ же основаніи, какъ и съ рѣчныхъ судовъ, построенныхъ изъ казеннаго лѣса. Для удобнѣйшаго полученія сихъ денегъ казнѣ и облегченія въ томъ поселянъ, попенныя деньги и пошлины взыскиваются не съ нихъ, а съ покупщиковъ, подрядчиковъ и поставщиковъ, употребляющихъ ихъ при заготовленіи и вывозкѣ лѣсовъ; за смолу же, выкуриваюшуюся казенными крестьянами въ губерніяхъ Архангельской и Вологодской, платятъ установленную таксою цѣну иностранные купцы при отпускѣ смолы за море».

Поэтому съ учрежденіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ ему подчинены были всѣ крестьянскіе лѣса на одинаковомъ основаніи съ казенными, а Палатамъ Государственныхъ Имуществъ вмѣнено было въ обязанность, для продовольствованія казенныхъ селеній дровянымъ и строевымъ лѣсомъ, отводить изъ крестьянскихъ лѣсовъ особые временные участки. Но такъ какъ такое требованіе не могло быть скоро исполнено, то до того времени отпускъ лѣса государственнымъ крестьянамъ производился въ размѣрѣ дѣйствительной потребности. Величина же «дѣйствительной потребности» не была опредѣлена и вызывала недоумѣнія и разногласія, пока, не ранѣе 1860 года, былъ уже точно опредѣленъ размѣръ отпуска лѣса крестьянамъ на домашній ихъ обиходъ, а именно на каждый дворъ: а) въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Вятской, Казанской, Костромской, Олонецкой и Пермской по 7 деревъ, 20 жердей, 30 кольевъ, 4 сажени дровъ и 1 сажень хвороста ежегодно; б) въ губерніяхъ: Оренбургской и Ярославской — по 5 деревъ, 15

жердей, 25 кольевъ, 3 сажени дровъ и 1 сажень хвороста; в) для остальныхъ губерній норма не была назначена, въ виду того, что, по недостатку лѣсовъ въ тѣхъ губерніяхъ, ежегодный отпускъ лѣса крестьянамъ долженъ быть производимъ въ возможно ограниченныхъ размѣрахъ, и Палатамъ надлежитъ распространять среди крестьянъ употребленіе, для отопленія домовъ, вмѣсто дровъ, кизяка.

Чтобы дать понятіе, какъ значительно было количество отпускавшагося государственнымъ крестьянамъ ежегодно лѣсного матеріала, помѣщаемъ здѣсь, изъ отчетовъ Палатъ, отпуски, произведенные въ 1838 и 1848 годахъ:

	Въ 1838 году.		Въ 1848 году:	
	Количество.	По таксѣ на сумму.	Количество.	По таксѣ на сумму.
Строевыхъ деревъ, штукъ	2.784,121	до 1.500,000 рублей.	1.826,548	1.777,631 рубль.
Дровъ куб. саж.	1.707,858		1.965,434	
Жердей, кольевъ, штукъ	5.800,261		2.294,647	

Позже началось переложеніе податей государственныхъ крестьянъ съ душъ на землю, и за отведенныя для продовольствія лѣсами лѣсосѣки крестьяне платили лѣсную подать, такъ что Палаты не вели счетъ количеству отпущеннаго крестьянамъ лѣсного матеріала, а только счетъ платимой лѣсной подати. Таковой поступило въ уплату: въ 1859 году—565,412 руб., въ 1860 году—643,968 руб., въ 1861 году — 673,840 руб., но такъ какъ лѣсная подать исчислялась, по оцѣнкамъ лѣсосѣкъ по пониженнымъ таксамъ, большею частью наполовину, а частью понижалась до $^1/_3$, то полная таксовая цѣнность отпущеннаго крестьянамъ въ 1861 году лѣса, приблизительно, подходитъ къ отпуску въ 1848 году.

Не останавливаясь на отпускахъ лѣса крестьянамъ для домашняго обихода и въ пожарныхъ случаяхъ, Министерство Государственныхъ Имуществъ, съ самаго начала его учрежденія, занялось и отводомъ для сельскихъ обществъ податныхъ лѣсныхъ участковъ и надѣленіемъ землею, въ счетъ пропорціи которой, по необходимости, пришлось во многихъ губерніяхъ отводить не только безлѣсныя, но и лѣсныя пространства.

При отводѣ податныхъ лѣсныхъ участковъ основною нормою служили правила инструкціи, Высочайше утвержденной 18 августа 1803 года, т. е. что изъ общей пропорціи земли, отводимой крестьянамъ въ надѣлъ, одна восьмая часть признавалась лѣснымъ надѣломъ. Отступленіе, въ этомъ отношеніи, было сдѣлано въ законѣ 25 августа 1847 года, который постановилъ отводить на каждую ревизскую душу крестьянъ по одной десятинѣ, а тѣмъ селеніямъ, въ надѣлахъ которыхъ нѣтъ лѣсовъ, нарѣзать таковые изъ ближайшихъ казенныхъ дачъ, — истощенные крестьянскіе участки обмѣнять на

казенные, и т. д. Этотъ послѣдній порядокъ какъ бы указывалъ, что лѣсныя дачи, изъ которыхъ крестьяне удовлетворялись лѣсными матеріалами для домашнихъ надобностей, всегда признавались казенными и находились въ вѣдѣніи казеннаго лѣсного управленія; крестьянамъ же предоставлялось только право пользованія на льготныхъ условіяхъ.

Существенно измѣнилось дѣло съ воспослѣдованіемъ Высочайшаго указа 24 ноября 1866 года, опредѣлившаго основныя положенія для поземельнаго устройства бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и съ изданіемъ Высочайше утвержденныхъ 31 марта 1867 года правилъ о владѣнныхъ записяхъ.

Самое право и порядокъ пользованія лѣсными пространствами, вошедшими во владѣнныя записи, не было еще установлено въ законѣ 1867 года, а получило окончательное рѣшеніе въ законѣ 13 іюля 1873 года, гдѣ уже категорически опредѣлено, что бывшіе государственные крестьяне, по владѣнію внесенными въ выданныя имъ владѣнныя записи лѣсными пространствами, пользуются правами крестьянъ-собственниковъ. Вслѣдствіе того, съ крестьянскихъ лѣсовъ, переданныхъ во владѣніе сельскихъ обществъ, снятъ надзоръ казеннаго лѣсного управленія. Въ законѣ 1873 года оговорено, что лѣсные надѣлы даны крестьянамъ на удовлетвореніе ихъ домашнихъ надобностей въ лѣсныхъ матеріалахъ, а потому продажа этихъ лѣсныхъ надѣловъ на срубъ воспрещена крестьянскимъ обществамъ и всякіе акты и условія, заключаемыя на такую продажу, признаются недѣствительными.

Ограниченіе это, однако, не спасло и лѣсные надѣлы крестьянъ отъ ихъ истребленія; они гдѣ и не продавались, то расчищались подъ поля и луга. Но въ виду предполагавшагося уже давно и ожидавшагося въ скоромъ времени общаго закона о сбереженіи лѣсовъ,—не были приняты особыя мѣры въ отношеніи крестьянскихъ лѣсныхъ надѣловъ. Еще болѣе опаснымъ оказалось истребленіе лѣсовъ на общихъ земельныхъ надѣлахъ крестьянъ въ губерніяхъ Олонецкой, Вологодской, Вятской и Пермской, гдѣ, вслѣдствіе обычной тамъ подсѣчной или переложной огневой системы полеводства, въ земельный надѣлъ крестьянамъ отведены были очень большія площади лѣсовъ. Такъ какъ эти лѣса находились на земельномъ надѣлѣ крестьянъ, а не въ лѣсномъ надѣлѣ, то прямого запрещенія продажи того лѣса какъ будто бы и не заключалось. Это обстоятельство предоставляло крестьянскимъ обществамъ возможность къ безпрепятственной продажѣ лѣсовъ, и крестьяне, безъ всякаго расчета на будущее время, воспользовались случаемъ скорѣйшаго превращенія лѣсныхъ матеріаловъ въ деньги. Этому надо было положить конецъ возможно скорѣе. Поэтому министръ государственныхъ имуществъ вошелъ съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ о воспрещеніи подобныхъ продажъ, совершаемыхъ хотя и не вопреки буквы существующаго закона, но вопреки смысла его. Вслѣдствіе того со-

стоялось Высочайше утвержденное 9 іюня 1887 года мнѣніе Государственнаго Совѣта, постановившее:

Въ губерніяхъ: Вологодской, Вятской, Олонецкой и Пермской отчужденіе лѣсныхъ участковъ, отведенныхъ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ въ земельный надѣлъ для полеводства по подсѣчной или переложной системѣ и прирѣзанныхъ имъ въ дополнительный надѣлъ, а равно продажа растущаго на этихъ участкахъ лѣса на срубъ, или заготовленнаго въ нихъ лѣсного матеріала, воспрещается, какъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, такъ и сельскимъ обществамъ; воспрещеніе это распространяется также на тѣ участки означенныхъ надѣловъ, которые выкуплены крестьянами въ собственность.

По владѣннымъ записямъ отдано до сего времени бывшимъ государственнымъ крестьянамъ лѣсовъ, считая и тѣ, которые поступили въ дополненіе къ земельному надѣлу, всего 7.408,009 десятинъ.

Смѣты на вырубку лѣса и лѣсныя таксы.

Уже въ инструкціи оберъ-форстмейстерамъ постановлено было, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ казенные лѣса находятся въ большомъ количествѣ и безъ всякаго употребленія, форстмейстера должны «прилежнѣйше разсмотрѣть, какой возможно составить изъ того для казны доходъ, и представить мнѣніе свое съ подробнымъ о количествѣ и свойствѣ тѣхъ лѣсовъ описаніемъ». Послѣ того, въ 1810 г., а еще обстоятельнѣе въ 1826 году, постановлено, чтобы губернскій лѣсничій къ іюню мѣсяцу каждаго года приготовилъ годовую смѣту или планъ о назначеніи лѣсовъ къ вырубкѣ, объяснивъ въономъ:

1) Пространство и состояніе дачи, какъ собственно казенной, такъ и крестьянской.

2) Количество, какое изъ каждой дачи можетъ быть вырублено, безъ оскудѣнія тѣхъ лѣсовъ и т. д. и регламентировано, что должно быть внесено въ смѣту.

Проектъ такой смѣты долженъ былъ быть разсмотрѣнъ въ общемъ присутствіи Казенной Палаты и представленъ на утвержденіе гражданскаго губернатора, а по полученію отъ него въ Министерство. Губернскій лѣсничій составлялъ смѣту, по состоянію лѣсныхъ дачъ, но въ 1812 году было установлено, чтобы *съ каждой десятины* лѣсного пространства хорошаго насажденія назначалось въ рубку *не болѣе двухъ строевыхъ деревъ и одной сажени дровъ.*

Ко времени учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, во всѣхъ лѣсахъ производилась выборочная рубка, порядочнаго описанія лѣсныхъ дачъ не существовало, правильнаго хозяйства нигдѣ не было введено, такъ что не имѣлось данныхъ, чтобы судить слишкомъ-ли много, или слишкомъ мало назначается по смѣтамъ къ ежегодной вырубкѣ. Между тѣмъ это-то именно знать сознавалось Министерствомъ, съ первыхъ годовъ его вступленія въ управленіе, необходимымъ, чтобъ не истощать лѣсовъ чрезмѣрною вырубкою. До собранія нужныхъ свѣдѣній, оставалось одно средство—установить

по крайней мѣрѣ норму, свыше какого количества отнюдь не должна быть допускаема вырубка. Нормою для этого признано было наиболѣе соотвѣтственнымъ принять среднiй приростъ, какой можно ожидать въ лѣсахъ. Установленная въ 1812 году норма, очевидно, основана на томъ же принципѣ, — но съ перваго взгляда видно, что та норма до-нельзя преувеличена, ибо два дерева и одна кубическая сажень составляютъ по меньшей мѣрѣ 300 куб. футовъ плотной древесной массы, а такого большого прироста въ русскихъ лѣсахъ, даже въ хорошихъ насажденiяхъ, очень рѣдко бываетъ. Поэтому опредѣленiе нормы вырубокъ поручено было въ 1843 г. спецiальному по лѣсной части комитету, который и установилъ новую уменьшенную норму — по 4 строевыхъ дерева и 4 куб. сажени дровъ съ 10 десятинъ лѣсного пространства. Расчетъ основывался на томъ, что у насъ въ хорошихъ насажденiяхъ встрѣчается, весьма обыкновенно, на одной десятинѣ среднiй годовой приростъ по 110 куб. футовъ, слѣдовательно на 10 десятинахъ 1,100 куб. футовъ, а принявъ некрупное строевое дерево—по 25 куб. футовъ, въ кубической же сажени не болѣе 250 куб. футовъ плотной древесины, назначенная норма соотвѣтствуетъ дѣйствительному среднему годовому приросту. Высшая норма эта и была установлена, сперва въ 1843 г., только для дачъ, изъ которыхъ производились отпуски крестьянамъ для ихъ домашнихъ надобностей, а послѣ, въ 1846 г., и для всѣхъ неустроенныхъ дачъ.

Но однимъ только установленiемъ нормы, свыше которой не должно назначать по смѣтамъ ежегодную вырубку, Министерство не ограничилось; оно считало необходимымъ, кромѣ того, основывать количество вырубокъ на дѣйствительномъ состоянiи лѣсныхъ дачъ, а для этого настаивало на составленiи описанiя каждой лѣсной дачи. Для этой цѣли была составлена въ 1843 г. сокращенная форма и издано особое «наставленiе», какъ производить описанiе лѣсовъ. Къ сожалѣнiю, крайне низкiй уровень тогдашнихъ лѣсныхъ чиновъ не могъ исполнить требуемаго описанiя лѣсовъ, главная цѣль котораго заключалась въ собранiи данныхъ для выработки правильныхъ смѣтъ вырубокъ. Такихъ описанiй доставлено очень мало.

Смѣты на отпускъ лѣса составлялись, по прежнимъ примѣрамъ, ежегодно и, по просмотрѣ ихъ гражданскими губернаторами, представлялись въ Министерство на утвержденiе. Таковой порядокъ признанъ былъ уже въ 1846 году излишнимъ, обременительнымъ для мѣстныхъ чиновъ, а потому тогда же Министерство распорядилось составленiемъ нормальныхъ смѣтъ, для собственно казенныхъ дачъ, на неопредѣленное время, съ тѣмъ, чтобы по утвержденiи такихъ смѣтъ, руководствоваться ими впредь до необходимости измѣненiя во всемъ объемѣ ихъ или въ частяхъ, по отдѣльнымъ дачамъ. Тогда же отмѣнена была и напрасная формальность — передачи смѣтъ на просмотръ губернаторамъ. Первыя составленныя нормальныя смѣты оставались въ дѣйствiи до 1857 г., а въ этомъ году

предписано было составить новыя нормальныя смѣты и опять на неопредѣленный срокъ.

Порядокъ составленія смѣтъ для неустроенныхъ дачъ относился и до дачъ устроенныхъ, только что въ послѣднихъ количество отпусковъ и мѣста рубокъ опредѣлялось планами хозяйства.

Для бо̀льшаго еще обезпеченія лѣсныхъ дачъ отъ истощенія ихъ чрезмѣрными вырубками, Министерство находило, что для этого недостаточно опредѣленіе лишь смѣтами количества лѣсныхъ матеріаловъ, допускаемыхъ къ вырубкѣ, но что надо ограничивать вырубки и отводимою на то опредѣленною площадью, что облегчитъ и контроль за отпускомъ лѣса. Поэтому въ 1859 г. признано было полезнымъ въ неустроенныхъ дачахъ вырубать не выборочно по всему пространству, а лѣсосѣками или по участкамъ. Съ этою цѣлью было постановлено: во всѣхъ казенныхъ неустроенныхъ дачахъ, имѣющихъ сбытъ какъ строевого, такъ и дровяного матеріала, а также во всѣхъ крестьянскихъ лѣсахъ, для удовлетворенія ежегодныхъ нуждъ крестьянъ въ строевомъ и дровяномъ матеріалахъ, ввести лѣсосѣчную рубку; въ остальныхъ же неустроенныхъ дачахъ, гдѣ отпускъ лѣсного матеріала ограничивается только извѣстными породами деревъ, опредѣленныхъ размѣровъ, и гдѣ, поэтому, сплошная рубка непримѣнима, сохранить выборочную рубку, но непремѣнно въ извѣстныхъ предѣлахъ по площади, обозначенныхъ ясно въ натурѣ, а не по всей дачѣ и не по урочищамъ. Площадь рубки въ каждой дачѣ опредѣлялась для лѣсосѣкъ—раздѣленіемъ лѣсной площади на принятый во всей дачѣ оборотъ рубки. При этомъ въ дачахъ съ насажденіями лучшаго качества размѣръ ежегодной рубки не долженъ былъ превышать $^1/_2$ куб. сажени древесной массы съ десятины лѣсонасажденной площади, въ дачахъ съ насажденіями средняго достоинства—$^1/_3$ куб. саж. и въ дачахъ разстроенныхъ—$^1/_4$ куб. саж. Тѣми же правилами вмѣнялось въ обязанность назначать на первое время въ рубку участки старые, поврежденные и изрѣженные. Площадь же назначаемыхъ участковъ для выборочныхъ рубокъ опредѣлялась раздѣленіемъ площади тѣхъ только насажденій, въ которыхъ можетъ производиться заготовка требуемаго рода лѣса, на то число лѣтъ, въ какое, по мѣстнымъ соображеніямъ, признано будетъ необходимымъ вырубить имѣющія сбытъ деревья, разсчитывая, чтобы оставленный на корнѣ приспѣвающій лѣсъ достигъ въ это время надлежащихъ размѣровъ и сдѣлался бы пригоднымъ къ сбыту. Опредѣленная такимъ разсчетомъ площадь рубки отводилась въ натурѣ не менѣе, какъ на 5 лѣтъ, съ обозначеніемъ ясными признаками.

Заботясь о возможно осторожномъ и неистощительномъ для лѣсовъ смѣтномъ назначеніи количества и мѣстъ рубокъ, Министерство, конечно, не могло не обратить вниманія на то, что, несмотря на всѣ предосторожности, лѣса все-таки могутъ истощаться, если сверхсмѣтные отпуски будутъ достигать крупныхъ размѣровъ.

Въ 1838 году закономъ предоставлено было Палатамъ разрѣшать

и сверхсмѣтные отпуски, въ настоятельныхъ случаяхъ, опредѣленныхъ самимъ закономъ, но безъ указанія предѣловъ такихъ сверхсмѣтныхъ отпусковъ. Въ виду этого, Министерство въ 1869 г. сочло нужнымъ обезпечить, въ этомъ отношеніи, сохранность лѣсовъ закономъ. Вотъ почему въ правилахъ объ отпускѣ лѣса 1869 г. право производить сверхсмѣтные отпуски сохранено только за министромъ государственныхъ имуществъ и то въ точно опредѣленномъ закономъ размѣрѣ, подъ непремѣннымъ условіемъ погашеній сверхсмѣтныхъ отпусковъ уменьшеніемъ или совершеннымъ прекращеніемъ отпуска слѣдующаго года. Тотъ же законъ 1869 г. ставитъ опредѣляемый смѣтою отпускъ въ зависимость не только отъ состоянія дачи, но и отъ размѣра спроса. Инструкція 16 августа 1869 г. удержала порядокъ составленія смѣтъ, принятый въ 1859 г., но сдѣлала уступку только для сѣверныхъ губерній, въ которыхъ разрѣшила опредѣлять мѣста рубокъ урочищами, въ виду уяснившагося недостатка средствъ для отвода участковъ.

Пятнадцатилѣтнее дѣйствіе закона 1869 г. выяснило, что требованіе — опредѣлять смѣтою количество отпуска по существующему спросу—приводитъ къ затрудненіямъ при быстромъ у насъ развитіи лѣсной промышленности. Въ виду же того, что цѣль смѣты опредѣлить возможное къ отпуску по состоянію дачи количество матеріаловъ, Министерство въ 1885 году исходатайствовало измѣненіе въ этомъ смыслѣ требованій закона, такъ что нынѣ закономъ установлено: смѣтами предназначается къ отпуску то количество лѣсныхъ матеріаловъ, которое можетъ быть отпущено безъ истощенія дачи.

Въ прошломъ столѣтіи лѣсъ изъ казенныхъ дачъ можно было брать безъ всякой платы, кромѣ заповѣданныхъ породъ и размѣровъ, но въ Новгородской губерніи начали уже съ 1780 года взимать съ промышленниковъ ничтожную плату по 5 копѣекъ за каждое взятое дерево, а въ 1799 г. императоръ Павелъ Петровичъ утвердилъ первую таксу на лѣсной матеріалъ, дозволенный къ отпуску изъ казенныхъ дачъ. Дополненіе къ этимъ таксамъ утверждено адмиралтействъ-коллегіею по докладу Лѣсного Департамента, а затѣмъ послѣдовали еще нѣкоторыя дополненія въ 1804 г. 27 мая, въ 1805 г. 28 февраля, въ 1807 г. 27 февраля, и наконецъ, Высочайше утвержденная 12 ноября 1810 г. такса добавила еще цѣны фаутнымъ, сухоподстойнымъ и валежнымъ дубовымъ деревьямъ, предполагаемымъ въ продажу, равно ильмовымъ, ясеневымъ, кленовымъ и карагачевымъ деревьямъ.

Другихъ таксъ на всемъ пространствѣ Россіи не было.

По таксамъ 1810 года установлено, чтобы еловыя, пихтовыя и липовыя строевыя деревья продавать противъ сосновыхъ третьею частью дешевле; осиновыя и березовыя деревья, годныя на строенія, цѣною вполъ противъ сосновыхъ. Суховершинныя и сухоподстойныя на корню деревья, также буреломникъ и валежникъ, годный на строеніе, отпускается въ равной цѣнѣ съ свѣжимъ растущимъ лѣ-

сомъ. Съ валежника, годнаго токмо на дрова, берется цѣна по разстоянію отъ рѣкъ и роду деревьевъ третьею частью дешевле противъ растущаго. Негодный на строеніе валежникъ, который изъ лѣса выпускается не иначе, какъ трехъ-аршинною мѣрою, продается одною третью дешевле противъ назначенной цѣны на дрова. Со смолы и дегтя, высиживаемыхъ для продажи въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ, взыскивать въ казну, вмѣсто попенныхъ денегъ: со смолы по 15 коп., а съ дегтя по 20 коп. за ведро. За бочки, дѣлаемыя для наливки смолы и дегтя изъ казеннаго лѣса, взимать по 30 к. съ каждой. За ивовую кору, на кожевенные заводы употребляемую, которая снимаема будетъ съ деревъ въ казенныхъ лѣсахъ, взимать въ казну, вмѣсто попенныхъ денегъ, по десяти коп. съ пуда. Такъ какъ обыкновенная зола и извѣстная подъ именемъ шадрика, въ Оренбургской, Казанской и Вятской губерніяхъ выжигается большею частью тайнымъ образомъ въ казенныхъ лѣсахъ, то, вмѣсто попенныхъ денегъ, взимать въ казну на заставахъ въ означенныхъ губерніяхъ: съ шадрика по 40 коп., а съ обыкновенной золы по 10 к. съ пуда.

Уже въ Высочайше утвержденныхъ таксахъ 1810 г. указывалось на различіе въ разстояніи отъ рѣкъ отпускаемаго лѣса; было сказано, что ближніе отъ рѣкъ строевые и дровяные лѣса, на пятиверстномъ отъ рѣкъ разстояніи, сберегаются на казенныя надобности и на строеніе коммерческихъ судовъ, а гдѣ судостроеніе не производится и другого полезнѣйшаго употребленія казнѣ сдѣлать не можно, въ тѣхъ мѣстахъ хотя и позволяется продавать лѣсъ хозяйственно, но не иначе, какъ съ надбавленіемъ третьей части противъ положенной цѣны за лѣса, находящіеся отъ рѣкъ на разстояніи отъ 5 до 10 верстъ.

Послѣ того, при преобразованіи лѣсной части, въ Положеніи 19 іюня 1826 г., повелѣно, чтобы губернскій лѣсничій, вмѣстѣ со смѣтою, представлялъ ежегодно таксу на лѣса и лѣсныя издѣлія; чтобы такса сія, смотря по изобилію и качеству лѣсовъ, удобности сбыта и другимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, также и цѣнамъ на партикулярные лѣса, была различна, хотя бы изъ трехъ и болѣе цѣнъ въ одномъ и томъ же округѣ состояла, и чтобы таковая такса, на случай взысканій или особыхъ распоряженій, устанавливалась даже и на мѣста, гдѣ не предполагается продажи.

По положенію 1826 года, составленная на сихъ основаніяхъ такса на лѣса и лѣсныя издѣлія, по цѣнамъ узаконеннымъ или возвышеннымъ, разсматривается, публикуется и разсылается со смѣтою и тѣмъ же порядкомъ.

Цѣны узаконенныя, т.-е. Высочайше утвержденныя ранѣе, въ таксахъ отъ 1799 до 1810 года изданныя, сохранили свою силу,— и поэтому мы находимъ въ таксахъ, ежегодно составлявшихся съ 1826 года, что низшія въ нихъ цѣны, на дальнихъ отъ рѣкъ разстояніяхъ, назначались не менѣе узаконенныхъ, а на разстояніяхъ

болѣе близкихъ отъ рѣкъ повышались и притомъ на ближайшемъ разстояніи до 5 верстъ отъ рѣкъ составляли цѣну по ме́ньшей мѣрѣ съ надбавкою третьей части цѣны, опредѣленной на разстоянія отъ 5 до 10 верстъ.

Въ такомъ положеніи застало Министерство Государственныхъ Имуществъ дѣло по составленію таксъ, и пока не подвергся измѣненію весь существовавшій порядокъ продажи съ учетомъ количества заготовленныхъ лѣсныхъ матеріаловъ, до тѣхъ поръ Министерству необходимо было выработать достаточно правильныя таксовыя цѣны, такъ какъ до 1838 г. не были указаны составителямъ таксъ тѣ данныя, которыми должно было руководствоваться при опредѣленіи цѣнъ, а только обусловлено было, чтобы узаконенныя таксы признавались минимальными. Повышеніе же цѣнъ губернскими лѣсничими производилось произвольное, ни на чемъ не основанное. Съ первыхъ же годовъ учрежденія своего, Министерство выказало особое вниманіе къ упорядоченію таксовыхъ цѣнъ и къ приведенію ихъ въ соотвѣтствіе съ рыночными цѣнами. Рядъ циркуляровъ, начиная съ 7 іюля 1838 года, доказываетъ это. Въ первомъ же циркулярѣ указано было, что цѣна, назначаемая таксами, должна быть вообще сообразна мѣстнымъ торговымъ цѣнамъ, съ убавкою издержекъ на заготовку и вывозку лѣса.

Съ учрежденіемъ Лѣсного Департамента, онъ въ первомъ же году подробно разъяснилъ Палатамъ въ циркулярѣ 23 ноября 1843 г. порядокъ составленія лѣсныхъ таксъ, конечно на основаніи существовавшихъ въ то время законовъ. Послѣ того часто подтверждалось Палатамъ обращать особое вниманіе на правильное составленіе таксъ, но до 1860 г. никакихъ новыхъ основаній по этому предмету преподано не было. Въ январѣ же 1860 г. циркулярно дано Палатамъ новое наставленіе для составленія таксъ, кромѣ губерній Архангельской и Вологодской. Въ этомъ циркулярѣ предписывается впредь не стѣсняться соблюденіемъ установленнаго прежде отношенія въ цѣнности бревенъ разныхъ породъ, и возвышеніе попенныхъ денегъ, съ увеличеніемъ размѣровъ строевого лѣса, подчинять вполнѣ степени запроса, или мѣстной стоимости сортовъ бревенъ; предписано сдѣлать оцѣнку одной кубической сажени смольняка, руководствуясь въ этомъ случаѣ количествомъ добываемыхъ изъ оной ведеръ смолы; равнымъ образомъ бересту, поташъ и другія издѣлія оцѣнивать по количеству добываемаго продукта изъ извѣстной мѣры дерева. Въ циркулярѣ говорится: «Главнымъ основаніемъ для опредѣленія цѣнъ на лѣсной матеріалъ, при составленіи таксъ, должны служить цѣны послѣдняго трехлѣтія, состоявшіяся на торгахъ при покупкѣ лѣса изъ дачи, для которой составляется такса, если же этихъ цѣнъ не существуетъ, то вольныя цѣны въ смежныхъ частныхъ лѣсахъ, тоже за трехлѣтіе, соображая, чтобы изъ нихъ были взяты цѣны, болѣе соотвѣтствующія принятому въ казенной дачѣ способу продажи лѣса. Но когда нѣтъ цѣнъ и въ частныхъ лѣсахъ, то основываться на

торговой цѣнѣ ближайшихъ къ дачѣ лѣсныхъ рынковъ, опредѣляя ее по личному и внимательному соображенію, а не по формальнымъ отзывамъ земскихъ полицій и городскихъ Думъ. Рыночную цѣну слѣдуетъ опредѣлять во время главныхъ закупокъ лѣсного товара, но если при этомъ имѣются достаточныя основанія полагать, что цѣны низки отъ особенныхъ исключительныхъ обстоятельствъ, то, сообразуясь со степенью и продолжительностью вліянія оныхъ, повышать и казенную таксу. Съ большою точностью должна быть опредѣлена стоимость заготовки и доставки на разныхъ отъ рынковъ разстояніяхъ. За вычетомъ стоимости труда изъ рыночной цѣны лѣса, издѣлія или продукта, опредѣлится размѣръ попенныхъ и посаженныхъ денегъ». Далѣе въ циркулярѣ говорится: «При составленіи таксы по цѣнамъ, объявленнымъ на торгахъ, необходимо провѣрить ихъ съ цѣнами смежныхъ частныхъ дачъ и съ базарными цѣнами, а цѣны частныхъ лѣсовъ—съ рыночными».

Такъ какъ, несмотря на данныя разъясненія, все-таки лѣсныя таксы составлялись недостаточно удовлетворительно, то дѣло это было возложено на особыя комиссіи: въ 1867 году для дачъ губерній Казанской, Вятской, Нижегородской, Костромской и Пермской, снабжающихъ лѣсомъ волжскіе рынки; въ 1867 и 1868 гг. для дачъ С.-Петербургской, Новгородской и Олонецкой губерній, тяготѣющихъ къ С.-Петербургскому и Кронштадтскому рынкамъ; въ 1868 году — для дачъ губерній сѣверо-западныхъ, расположенныхъ на сплавахъ Западнодвинскаго и Днѣпровскаго бассейновъ, и въ томъ же году для лѣсовъ Архангельской и Вологодской губерній, отпускающихъ лѣсные матеріалы преимущественно за границу, чрезъ порты Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана. Работы комиссій доставили богатый матеріалъ, какъ для группировки дачъ по разрядамъ, въ зависимости отъ цѣнъ на лѣсной матеріалъ, такъ и для опредѣленія количества издѣлій, получаемыхъ изъ даннаго объема сырья.

Наконецъ, для возможно бо́льшей правильности въ опредѣленіи цѣнъ на лѣсные матеріалы Министерство въ 1883 году издало «Наставленіе для составленія таксъ». Главнѣйшее основаніе этого «Наставленія» заключается въ установленіи таксовыхъ цѣнъ такимъ путемъ, чтобы цѣна лѣса изъ одной дачи не подрывала сбыта изъ другой, тяготѣющей къ тому же рынку. Въ этомъ наставленіи преподаны постоянныя правила выработки таксовыхъ цѣнъ и установлено обязательное для управленія государственными имуществами представленіе данныхъ, могущихъ служить для повѣрки выводовъ.

Способы продажи и учета отпускаемаго лѣсного матеріала.

Продажа назначеннаго къ отпуску лѣса производится у насъ, почти повсемѣстно, на пнѣ, и покупщикъ, нанимаемыми имъ на свой счетъ рабочими, срубаетъ, обдѣлываетъ и вывозитъ изъ дачи купленный лѣсъ. Казенное лѣсное управленіе, въ исключительныхъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ, приступаетъ на счетъ казны къ загото-

вленію лѣса хозяйственнымъ распоряженіемъ, подъ руководствомъ лѣсныхъ чиновъ, съ продажею затѣмъ уже разработаннаго лѣсного матеріала. Да и у частныхъ лѣсовладѣльцевъ послѣдній способъ продажи лѣса, въ заготовленномъ видѣ, рѣдко производится, потому что обусловливаетъ затрату довольно значительнаго оборотнаго капитала.

Казенное лѣсное управленіе, въ прежнее время, отпускало лѣсной матеріалъ только по утвержденнымъ лѣснымъ таксамъ. Да и не было повода приступать къ продажѣ лѣса съ торговъ, пока покупщиковъ было мало, такъ что каждый, желающій пріобрѣсти изъ дачи лѣсной матеріалъ, могъ быть безпрепятственно удовлетворяемъ. Но въ скоромъ времени послѣ учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, оно замѣтило, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ спросъ на лѣсной матеріалъ довольно великъ и что не всѣ желающіе получить изъ извѣстныхъ дачъ лѣсъ могутъ пріобрѣсти его тамъ, за раздачею всей смѣтной пропорціи, а раздача зависѣла отъ одного лѣсничаго. Тогда сдѣлано было распоряженіе, чтобы лѣсные матеріалы, назначенные по смѣтѣ къ вырубкѣ, предлагались къ торгамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ достаточно сильный спросъ на лѣсъ. Въ Лосинномъ Погонномъ островѣ, подъ Москвою, уже въ 1845 г. продажа лѣса на срубъ была произведена съ торговъ, но не ранѣе 18 марта 1847 г., за № 643, предложено было всѣмъ Палатамъ циркулярно:

«1. Торги на продажу лѣса, судя по значительности количества лѣсныхъ матеріаловъ, а также по удобству, производить въ общемъ присутствіи самихъ Палатъ или въ Окружныхъ Правленіяхъ, при бытности въ семъ послѣднемъ случаѣ лѣсного ревизора.

«2. Сей способъ продажи лѣса долженъ быть опредѣляемъ Палатами благовременно изъ такихъ только дачъ, изъ коихъ оная постоянно производится успѣшно и гдѣ, слѣдовательно, можно надѣяться чрезъ соревнованіе покупателей возвысить доходъ».

Послѣ того, въ циркулярѣ 1854 года 31 марта, № 7493, преподаны были Палатамъ Государственныхъ Имуществъ довольно подробныя правила, какими должно руководствоваться при продажѣ лѣсныхъ матеріаловъ съ торговъ изъ казенныхъ дачъ. Въ этихъ правилахъ, главнымъ образомъ, указана формальная сторона. Мѣстами для торговъ, какъ и въ 1847 г., назначены Палаты и Окружныя Управленія, кромѣ Лифляндской губерніи, гдѣ торги могли быть производимы и въ крестьянскихъ судахъ. Но Палатамъ вмѣнено въ обязанность заблаговременно распорядиться назначеніемъ тѣхъ дачъ, изъ которыхъ, по удобству сплава и многочисленности мѣстныхъ требованій, продажа съ торговъ можетъ доставить казнѣ выгоду, и въ представляемыхъ смѣтахъ означать, что на предположенное къ продажѣ количество лѣсныхъ матеріаловъ будутъ назначены торги. Въ тѣхъ же правилахъ постановлено, что государственнымъ крестьянамъ предоставляется право покупать лѣсъ съ разсрочкою пла-

тежа денегъ безъ залога, со взносомъ только 10% при торгахъ, на сумму не свыше 25 рублей на одно лицо.

Въ томъ же 1854 году, октября 30, циркулярно предписывается: «Назначаемый въ продажу лѣсной матеріалъ изъ всѣхъ тѣхъ дачъ, по коимъ продажа онаго бываетъ успѣшна, продавать *непремѣнно съ торговъ*».

Съ 1860 года продажа съ торговъ становится основною продажею лѣса, а мѣсто для производства торговъ избирается Палатами, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій; продажа же по таксѣ допускается только въ видѣ исключенія, при учетѣ по количеству матеріала. Однако скоро обнаружились и нѣкоторыя неудобства при продажѣ лѣсовъ съ торговъ, когда ихъ производить въ томъ порядкѣ, какой установленъ закономъ для казенныхъ подрядовъ и поставокъ, съ сохраненіемъ переторжекъ и прочихъ формальностей. Этотъ порядокъ служилъ помѣхою къ широкому развитію способа продажи съ торговъ. Въ виду этого, Министерство Государственныхъ Имуществъ испросило законодательнымъ путемъ измѣненія прежняго порядка торговъ при продажѣ лѣса. Это ходатайство удовлетворено изданіемъ закона 13 мая 1869 года, которымъ разрѣшено: подачу заявленій о желаніи участвовать въ торгахъ замѣнить подписью условій, къ торгамъ предъявленныхъ; продажу оканчивать однимъ торгомъ безъ переторжки; подписанныя покупателемъ условія продажи, послѣ торговъ, замѣнили заключеніе договора или контракта. Вслѣдъ за симъ закономъ, издана 16 августа 1869 г. инструкція, которая разъяснила порядокъ примѣненія закона и указала ясно отношенія между казною—какъ продавцомъ, и контрагентомъ—какъ покупателемъ лѣса. Послѣ того, 15-ти-лѣтній опытъ примѣненія этого закона выяснилъ необходимость нѣкотораго дополненія его, главнымъ образомъ, въ тѣхъ частяхъ, которыя касались расчетовъ и отвѣтственности, какъ продавца, такъ и покупщика, за бо̀льшую или мѐньшую несогласованность предлагавшагося къ продажѣ предмета съ дѣйствительно оказавшимся, о чемъ министръ государственныхъ имуществъ въ 1885 году и ходатайствовалъ предъ Государственнымъ Совѣтомъ. Вслѣдствіе чего состоялось Высочайше утвержденное 12 марта 1885 года мнѣніе Государственнаго Совѣта, которое ввело въ законъ значительно бо̀льшую, въ указанныхъ отношеніяхъ, опредѣленность.

Въ такомъ положеніи находится нынѣ дѣло относительно опредѣленія цѣнъ при продажахъ лѣса.

Само собою разумѣется, что кромѣ опредѣленія цѣнъ покупки, при всякой продажѣ лѣса оговариваются и условія, на основаніи которыхъ продажа состоялась. Такія условія обязательны какъ для продавца, такъ и для покупщика. Въ условіяхъ опредѣляются сроки платежа, сроки окончанія всей операціи, мѣста рубокъ, площадь ихъ или количество, размѣръ и сортъ матеріала,—вообще всѣ обстоятельства, насчетъ которыхъ продавецъ и покупщикъ договорились.

Въ сороковыхъ годахъ установлено было брать отъ покупщика лѣса подписку, въ которой помѣщались всѣ обязательныя условія, и утверждена была форма такой подписки, но при продажѣ большихъ количествъ лѣсного матеріала и въ то время заключались съ покупщиками особыя условія или контракты. Въ 1860 году изданы были «нормальныя условія», но скоро убѣдились, что такія условія продажи, смотря по условіямъ мѣстности, должны быть значительно измѣняемы и что только въ самыхъ общихъ чертахъ и относительно важнѣйшихъ обстоятельствъ можно указать, что должно входить въ договариваемыя условія. Въ этомъ смыслѣ и были преподаны на этотъ предметъ общія основанія въ инструкціи 1869 года. Въ этой инструкціи высказано было и руководящее начало: условія продажи должны имѣть цѣлью какъ соблюденіе интересовъ казны, такъ и возможное облегченіе покупщиковъ въ пріобрѣтеніи казеннаго лѣса предоставленіемъ имъ возможно бо̀льшей свободы въ заготовкѣ купленнаго матеріала. Въ этихъ видахъ слѣдуетъ избѣгать въ условіяхъ такихъ требованій отъ покупщиковъ, которыя, по своей неудобоисполнимости, стѣсняя ихъ безъ пользы для дѣла, вредятъ успѣшности продажи. Нынѣ выработка условій продажи предоставлена управленіямъ Государственныхъ Имуществъ. Но желая привлечь крестьянъ къ покупкѣ лѣса непосредственно въ казнѣ, Министерство приняло за правило дробить лѣсосѣки и партіи матеріаловъ, продаваемыхъ съ учетомъ по количеству, на мелкія дѣлянки и части, доступныя къ покупкѣ небогатымъ крестьянамъ, а въ 1881 году исходатайствовано право разрѣшать крестьянскимъ обществамъ, товариществамъ изъ нѣсколькихъ крестьянъ-домохозяевъ, а также отдѣльнымъ крестьянамъ-домохозяевамъ представлять къ торгамъ на покупку казеннаго лѣса, взамѣнъ установленныхъ залоговъ, при покупкѣ цѣлыми обществами, мірскіе ихъ приговоры о взаимномъ другъ за друга ручательствѣ, при покупкѣ товариществами изъ нѣсколькихъ крестьянъ-домохозаевъ — круговое другъ за друга ручательство товарищей, и, наконецъ, при покупкѣ отдѣльными крестьянами-домохозяевами—ручательство благонадежныхъ членовъ того же общества. Ручательства сельскихъ обществъ не ограничены никакими размѣрами покупки; прочія ручательства ограничиваются 15 рублями на каждаго поручителя.

Сроки для окончанія лѣсныхъ операцій, по покупкамъ у казны лѣса, назначаются вообще непродолжительные, отъ одного до двухъ и, рѣже, до трехъ лѣтъ. Но отъ этихъ общепринятыхъ сроковъ, въ необходимыхъ случаяхъ Министерствомъ допускались исключенія, преимущественно въ лѣсообильныхъ сѣверныхъ губерніяхъ. Тамъ чрезвычайная малолюдность населенія вызываетъ необходимость привлеченія къ разработкамъ лѣса рабочихъ изъ другихъ губерній, устройство для нихъ помѣщеній, заготовленіе продовольствія, постройку лѣсопиленъ, и т. п. расходы, которые могутъ быть окупаемы лишь въ болѣе продолжительные сроки, а потому для привлеченія

покупщиковъ въ новыя мѣста, гдѣ еще не было эксплоатаціи лѣсовъ, Министерство иногда допускало и долгосрочные контракты на продажу лѣса.

Всякая продажа лѣса, на какихъ бы условіяхъ таковая ни состоялась, требуетъ и провѣрки точнаго исполненія условій и учета произведенной вырубки.

Въ прежнее время, когда вырубка производилась только выборочно и продажа совершалась опредѣленіемъ количества, размѣра, сортимента проданнаго лѣсного матеріала и древесной породы, предназначенной къ отпуску, съ обозначеніемъ еще и разстоянія отъ рѣкъ или же урочищъ, въ которыхъ вырубка деревъ допускается, повѣрка могла только состоять въ томъ, что удостовѣрялось, что рубка произведена въ назначенныхъ мѣстахъ, что оговоренныя какія-либо условія, напр. уборка вершинъ, сучьевъ, щепы, исполнены и затѣмъ въ производствѣ учета заготовленнаго количества лѣсного матеріала. Это только и требовалось въ то время, при чемъ учетъ количества заготовленнаго лѣсного матеріала, либо на берегу сплавныхъ рѣкъ, до выдачи сплавныхъ билетовъ, либо въ лѣсахъ, на мѣстахъ рубки, до допущенія вывозки, производился лѣсничимъ, въ присутствіи лѣсной стражи и сельскаго старшины,—позже не требовалось привлеченія къ учетамъ лѣса сельскихъ старшинъ. Объ освидѣтельствованіи и учетѣ вырубленнаго лѣса составлялся актъ, который служилъ оправдательнымъ документомъ правильности операціи по билетамъ, выдаваемымъ на рубку лѣса, а Палатамъ Государственныхъ Имуществъ уже съ 1842 года было вмѣнено въ обязанность для провѣрки болѣе крупныхъ заготовокъ лѣса командировать лѣсныхъ ревизоровъ и ученыхъ лѣсничихъ, но по недостаточности этихъ чиновъ и огромности нашихъ лѣсовъ, ревизоры и ученые лѣсничіе не успѣвали прибывать во-время на всѣ крупныя операціи, да и лѣсничимъ, въ обширныхъ ихъ лѣсничествахъ, при всемъ даже ихъ усердіи и желаніи добросовѣстно исполнить обязанности, трудно было, въ короткое время между окончаніемъ лѣсной операціи и вскрытіемъ рѣкъ, успѣть окончаніемъ учета, чтобы не задержать промышленниковъ въ сплавѣ и въ вывозкѣ матеріаловъ изъ лѣсовъ до прекращенія саннаго пути. Такимъ образомъ, помимо злой воли со стороны лѣсныхъ чиновъ, лѣсопромышленники иногда ставились въ затруднительное положеніе, чаще всего тамъ, гдѣ заготовленный лѣсной матеріалъ не вывозился къ пристанямъ рѣкъ, какъ это вездѣ дѣлается въ сѣверныхъ лѣсообильныхъ губерніяхъ, а учитывался въ самомъ лѣсу, до вывоза изъ дачи, какъ это дѣлалось въ среднихъ губерніяхъ. Притомъ правильность учета много зависѣла отъ умѣнья, и во всякомъ случаѣ дѣйствія лѣсничаго, послѣ увоза лѣсного матеріала, за отсутствіемъ его, не могли быть провѣрены начальствомъ, такъ какъ перечетомъ и обмѣромъ оставшихся, разбросанныхъ въ лѣсу пней, помимо чрезвычайной трудности такой провѣрки, получаются невѣрные результаты. Поэтому надо было поду-

мать о введеніи другого способа контроля, болѣе удобоисполнимаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ освободить и лѣсопромышленность изъ зависимости ея отъ случайныхъ задержекъ своевременнаго учета заготовокъ.

Въ частныхъ имѣніяхъ уже давно существовалъ обычай продажи на срубъ лѣса цѣлыми урочищами. Владѣлецъ договаривался съ покупщикомъ въ цѣнѣ за предоставленіе права вырубки урочища и затѣмъ наблюдалъ только, чтобы промышленникъ не переходилъ порубками за границы урочища. Такой примитивный способъ продажи лѣса, когда продавецъ почти что не зналъ, что онъ продаетъ, а только покупщикъ, пріобрѣвшій опытъ оцѣнивать глазомѣрно покупку, понималъ свою выгоду, конечно, въ томъ видѣ, въ какомъ способъ этотъ осуществлялся, не представлялъ ничего заманчиваго,но онъ указывалъ на то, что и послѣ срубки и своза лѣса, на извѣстномъ участкѣ, можно провѣрить границы и вести контроль тому, что срублено не болѣе того, что продано. Стало-быть, совершенно послѣдовательнымъ было заключеніе, если прежде продажи какого-либо участка привести въ извѣстность, какія на немъ растутъ породы деревъ и какіе сортименты матеріала могутъ быть изъ нихъ приготовлены, то по таксамъ можно оцѣнить ихъ, стало-быть, тогда тотъ же учетъ находящагося на участкѣ лѣса будетъ произведенъ, съ единственною разницею, что учетъ сдѣланъ будетъ ранѣе, а не послѣ вырубки, но границы вырубленнаго всегда могутъ быть провѣрены и гораздо позже, послѣ вывозки лѣсного матеріала.

Правительство примѣнило этотъ послѣдній способъ учета, прежде всего, въ крестьянскихъ лѣсахъ, когда послѣдовало переложеніе податей съ душъ на землю и надо было на 14 лѣтъ опредѣлить лѣсную подать; тогда, въ циркулярѣ 14 мая 1856 г., разрѣшено производить крестьянамъ рубку съ годовыхъ лѣсосѣкъ, безъ обмѣра и освидѣтельствованія лѣсныхъ матеріаловъ, наблюдая только, чтобы рубка не выходила изъ границъ лѣсосѣкъ, но для вычисленія на 14 лѣтъ лѣсной подати, лѣсосѣки напередъ были оцѣнены. Испытавъ въ одномъ случаѣ такой учетъ, не было причинъ не допустить такой же учетъ и въ другихъ подходящихъ случаяхъ. Поэтому, когда въ 1859 году, какъ нами уже выше упомянуто, Министерство нашло недостаточнымъ для сохранности лѣсовъ опредѣлять лишь смѣтою количество дозволяемаго къ вырубкѣ матеріала, а нужно ограничивать вырубки и отводимою на то площадью, и когда вслѣдствіе того приказано было въ неустроенныхъ дачахъ производить вырубку не выборочно по всему пространству, а лѣсосѣками, то совершенно естественно было при допущеніи сплошной вырубки лѣсосѣкъ ввести способъ продажи ихъ безъ учета послѣ вырубки количества заготовленнаго лѣсного матеріала, произведя учетъ ранѣе, оцѣнкою лѣсосѣкъ. Такой способъ продажи чрезвычайно упрощалъ контроль, ибо даже много лѣтъ спустя можно было провѣрять, дѣйствительно-ли вырублена была только та площадь, какая предназначалась и про-

писана въ порубочномъ билетѣ, а кромѣ того, можно было предполагать, что и доходъ казны возвысится, такъ какъ всякій покупщикъ охотно дастъ высшую цѣну за лѣсъ, когда его освободятъ отъ стѣснительнаго для него ожиданія учета срубленнаго матеріала, предоставивъ свободу раздѣлывать купленную древесину въ какіе угодно сортименты и во всякое время и малыми количествами вывозить, когда удобнѣе, коль скоро сполна уплачена цѣна за лѣсосѣку.

Подобныя соображенія имѣли результатомъ Высочайше утвержденныя 11 мая 1860 г. «Правила о продажѣ лѣсныхъ матеріаловъ изъ дачъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ». Этими правилами *безучетная продажа* (такъ она названа, хотя это была продажа съ учетомъ площади) допускается для дачъ, въ коихъ ведется лѣсосѣчная рубка; для всѣхъ же тѣхъ случаевъ, когда рубка ведется выборочная, удержанъ способъ учета по количеству матеріаловъ. Позже Высочайше утвержденнымъ 12 марта 1885 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта и для выборочной рубки установленъ былъ еще и другой способъ—продажа по пнямъ, т.-е. опредѣляли цѣну цѣлаго дерева,—всего хлыста,—при извѣстной толщинѣ пня, предоставляя покупщику право выдѣлывать изъ того дерева какіе угодно сортименты матеріаловъ.

Съ введеніемъ учета по площади, вѣрность оцѣнки продаваемой лѣсосѣки зависѣла не отъ одной только вѣрности таксовыхъ цѣнъ, но и отъ вѣрности опредѣленія количества, размѣровъ и сортиментовъ древесины, находящихся на лѣсосѣкахъ. Въ отношеніи послѣдняго условія, то-есть таксаціи древесины, опытъ, болѣе чѣмъ 20-тилѣтній, убѣдилъ, что, при всей старательности лѣсничихъ, получались результаты не одинаково вѣрные, что зависѣло отъ выбора способа оцѣнки, бо́льшаго или ме́ньшаго знакомства оцѣнщика со способами разработки матеріаловъ и аккуратности исполнителя, такъ что правильность дѣла зависѣла отъ умѣнья и опытности лѣсничаго. Въ устраненіе этого недостатка и введенія однообразія въ оцѣнкѣ лѣсосѣкъ, Министерство, въ 1883 году, преподало болѣе категорическія правила для оцѣнки лѣсосѣкъ, потребовало составленія особыхъ массовыхъ и сортиментныхъ таблицъ, на основаніи среднихъ выводовъ изъ мѣстныхъ данныхъ. Таблицы эти вновь провѣрены и дополнены въ 1887 году и даны въ руководство подъ названіемъ временныхъ массовыхъ таблицъ. Для опредѣленія количества древесной массы на лѣсосѣкахъ принятъ въ основаніе перечислительный способъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ очень большія лѣсосѣки, а административныхъ средствъ недостаточно, дозволено производить оцѣнку по пробнымъ площадямъ. Такимъ образомъ введено однообразіе въ оцѣнку лѣсосѣкъ и устранены произвольныя, по личному взгляду, дѣйствія лѣсничихъ. Оцѣнка лѣсничихъ провѣряется ревизорами, конечно, не каждой лѣсосѣки, а на выборъ нѣсколькихъ.

Надзоръ за провозомъ и сплавомъ лѣсовъ.

Вслѣдствіе недостаточности средствъ для охраненія отъ самовольныхъ порубокъ лѣсовъ на мѣстахъ, внутри лѣсныхъ дачъ, въ Россіи давно уже былъ устроенъ надзоръ за провозимымъ на рѣкахъ и дорогахъ лѣснымъ матеріаломъ.

Въ 1807 г. 30 января повелѣно «Если вырубленные изъ казенныхъ дачъ лѣса предназначены для сплава, то хозяинъ ихъ, или ихъ повѣренные, должны на оные взять сплавные билеты отъ окружныхъ или младшихъ лѣсничихъ». Точно такъ и на лѣсъ, вырубленный изъ владѣльческихъ дачъ, надлежало брать сплавной билетъ, но не у лѣсничихъ, а отъ городской или земской полиціи, что подтверждено 21 января 1824 г., а Высочайше утвержденнымъ 15 февраля 1860 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено, чтобы билеты на сплавъ помѣщичьихъ лѣсовъ выдаваемы были не земскими судами, а самими помѣщиками или управителями ихъ имѣній, а земскіе суды только должны свидѣтельствовать эти билеты.

Въ томъ же повелѣніи 1807 года 30 января постановлено въ статьѣ 8: «Если промышленникъ пожелаетъ перевезти лѣса сухопутно, съ одной рѣки на другую, то долженъ испросить билетъ; а въ ст. 4 и 10, что если при осмотрѣ сплавляемыхъ лѣсовъ на заставахъ окажется, что лѣсопромышленникъ на всѣ лѣса или на нѣкоторую часть оныхъ билета не имѣетъ, то чины заставы имѣютъ право тѣ лѣса, на которые нѣтъ билетовъ, остановить и продажу оныхъ воспретить впредь до изслѣдованія и разрѣшенія высшаго начальства.

Въ отношеніи сплава помѣщичьихъ лѣсовъ Вологодской губерніи изданы были особыя правила для предупрежденія провоза самовольно срубленнаго въ казенныхъ дачахъ лѣса. Января 22 дня 1820 года постановлено: «Выпускъ за море лѣсовъ и досокъ изъ помѣщичьихъ дачъ Вологодской губерніи по обыкновеннымъ сплавнымъ билетамъ воспрещается; вмѣсто сего, помѣщики сей губерніи, желающіе продавать свои лѣса для отпуска за море, должны подавать о семъ объявленіе гражданскому губернатору, который обязанъ поручить довѣренному чиновнику, обще съ губернскимъ лѣсничимъ, освидѣтельствовать ихъ лѣсныя дачи, въ такомъ-ли онѣ состояніи, что можно вырубить предположенное число деревъ и возможна-ли доставка оныхъ въ Архангельскъ. По вырубкѣ же деревъ, съ разрѣшенія губернатора, производится освидѣтельствованіе на мѣстахъ земскимъ судомъ съ окружнымъ лѣсничимъ и понятыми; о чемъ земскій судъ доноситъ губернатору, а тотъ увѣдомляетъ архангельскую таможню, кому изъ владѣльцевъ какое число лѣсовъ или досокъ отпустить дозволено». Для облегченія хода дѣла, въ томъ же повелѣніи сказано, чтобы приведены были въ извѣстность

и описаны всѣ тѣ лѣсныя вологодскихъ помѣщиковъ дачи, изъ которыхъ лѣсъ можетъ быть сплавляемъ къ Архангельскому порту.

Нѣсколько лѣтъ позже, 23 января 1829 г. и указомъ 12 января 1832 г., постановлено, чтобы также приведены были въ извѣстность и описаны всѣ помѣщичьи лѣсныя дачи, состоящія въ десятиверстномъ отъ сплавочныхъ рѣкъ разстояніи въ уѣздахъ Лодейнопольскомъ Олонецкой, Тихвинскомъ Новгородской и Новоладожскомъ С.-Петербургской губерній, и на двадцатипятиверстномъ въ губерніяхъ: Казанской, Вятской, Оренбургской, Симбирской, Нижегородской, Костромской и Ярославской, равно и во всѣхъ прочихъ уѣздахъ Новгородской и С.-Петербургской губерній, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ уже уѣздовъ, чрезъ чиновниковъ, какъ со стороны мѣстныхъ Казенныхъ Палатъ, такъ и губернскихъ начальствъ совокупно. А выдача сплавныхъ билетовъ на строевые лѣса и свидѣтельство оныхъ въ земскихъ судахъ дозволяется токмо тѣмъ изъ помѣщиковъ оныхъ губерній, у коихъ въ лѣсныхъ дачахъ, по упомянутому освидѣтельствованію, строевые лѣса дѣйствительно найдутся.

На рѣкахъ подвергались освидѣтельствованію и проходящія суда: наложены-ли на нихъ клейма и имѣютъ-ли они ту площадь дна и высоту борта, какія обозначены въ свидѣтельствѣ о постройкѣ судна.

Проплавляемыя въ судахъ лѣсныя издѣлія также провѣрялись, въ томъ-ли количествѣ ихъ находится, сколько показано въ сплавномъ билетѣ.

Ко времени учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ существовали четыре лѣсныя заставы: въ Архангельскѣ, Шлиссельбургѣ, Рыбинскѣ и Сермаксахъ (при впаденіи рѣки Долгой Свирицы въ Свирь), а въ 1852 г. открыто еще и при селеніи Усть-Пинежскомъ отдѣленіе Архангельской лѣсной заставы. При каждой изъ лѣсныхъ заставъ состояли пристава, надсмотрщики и караульщики, коихъ число и оклады опредѣлялись штатами, а подчинены были заставы Казеннымъ Палатамъ.

Такая билетная система для раскрытія самовольныхъ порубокъ въ лѣсахъ, притомъ еще съ ея сложными обрядами, составляла въ промышленномъ дѣлѣ чрезвычайное стѣсненіе. Требовалось, чтобы въ сплавномъ билетѣ показано было не только количество лѣсного матеріала, но и въ сколькихъ онъ плотахъ или судахъ нагруженъ; сплавной билетъ долженъ былъ находиться при каждой партіи проплавляемаго лѣса; если на пути хозяинъ будетъ продавать лѣсъ, то на сплавномъ билетѣ должны быть сдѣланы отмѣтки, гдѣ и сколько продано, а когда весь лѣсъ будетъ проданъ, то билетъ долженъ быть возвращенъ или городничему, если послѣдній лѣсъ проданъ въ городѣ, или лѣсничему, а въ случаѣ его отсутствія земскому суду, если проданъ въ уѣздѣ; если количество лѣса окажется больше противу сплавного билета или судно не имѣетъ узаконеннаго клейма, либо размѣры его не согласны съ выданнымъ свидѣтельствомъ, то

приставу на заставѣ предоставлялся широкій просторъ, — онъ могъ даже остановить судно или излишній лѣсной матеріалъ, либо потребовать немедленной платы за излишки. Министерство Государственныхъ Имуществъ, съ первыхъ годовъ своего существованія, очевидно, признавало затруднительность такого порядка для отечественной торговли, потому что въ распоряженіяхъ его замѣтно, что оно стремилось по возможности облегчить процедуру надсмотра и предупредить задержку въ выдачѣ провозныхъ билетовъ. Такъ, уже въ циркулярѣ 1840 г. 11 марта предписывается Палатамъ имѣть наблюденіе, чтобы въ уѣздахъ, гдѣ производится торговля лѣсными издѣліями на рынкахъ и базарахъ, земскія и городскія полиціи имѣли всегда достаточное количество бланковыхъ билетовъ на провозъ. Въ 1845 году 30 іюня циркулярно предписано Палатамъ собрать свѣдѣнія о всѣхъ лѣсахъ въ губерніи и составить предположеніе о тѣхъ измѣненіяхъ въ существующихъ узаконеніяхъ о перевозкѣ и сплавѣ лѣсовъ, которыя представится возможнымъ допустить къ облегченію лѣсного торга и промышленности. Въ циркулярѣ 1846 г. 31 мая предписывается, что если окажутся сплавляемыя суда или лодки безъ билетовъ и клеймъ или съ клеймами неузаконенными, а приказчики или хозяева не могутъ тотчасъ уплатить пошлинъ и штрафовъ, то не задерживать ихъ, а выдать узаконенные билеты и наложить клеймы, отъ судохозяевъ же или ихъ приказчиковъ взять подписки въ платежѣ тѣхъ денегъ и затѣмъ отпускать, а о взысканіи исчисленныхъ денегъ Палаты должны дѣлать распоряженія по мѣсту жительства судохозяевъ. Такъ какъ на плавающихъ судахъ бывали частые случаи, что градскія и земскія полиціи, по недоумѣнію, выжигали клейма на кормовыхъ доскахъ судна, а не на кормовомъ штевнѣ, какъ сказано въ гербовомъ бланкѣ свидѣтельства, то Министерство Государственныхъ Имуществъ, въ предупрежденіе судовладѣльцевъ отъ стѣснительнаго для нихъ задержанія за неправильно наложенное на суднѣ клеймо, обратилось къ начальникамъ губерній съ просьбою разъяснить градской и земской полиціямъ, что клеймо должно быть наложено на кормовомъ стевнѣ судна; а Палатамъ Государственныхъ Имуществъ циркулярно предписано въ 1846 году 15 іюля, что за суда, выстроенныя прежде сего распоряженія, съ приложенными къ нимъ клеймами на кормовыхъ доскахъ, вмѣсто штевня, судохозяевъ не подвергать никакой отвѣтственности или взысканію, такъ какъ это произошло отъ недоразумѣній самихъ полицій. Въ 1858 года 25 іюля утверждена инструкція лѣснымъ офицерамъ, завѣдывающимъ лѣсными заставами и временными надзорами, въ которой, для предупрежденія возможныхъ недоумѣній и къ устраненію излишнихъ стѣснительныхъ для промышленности требованій, разъяснены точно обязанности по надзору за сплавомъ.

Сознавая стѣсненія, которымъ подвергается торговля отъ установленія провѣрокъ на сплавныхъ путяхъ, Министерство Государ-

ственныхъ Имуществъ, какъ только надзоръ въ самихъ лѣсахъ могъ быть усиленъ и прежняя ненадежная стража замѣнена вольнонаемною, не замедлило закрытіемъ лѣсныхъ заставъ: въ 1863 году упразднены лѣсныя заставы въ Шлиссельбургѣ, Рыбинскѣ, при селеніи Усть-Пинежскомъ и въ Сермаксахъ. Осталась одна Архангельская застава, въ виду исключительныхъ условій лѣсного торга на нашемъ Сѣверѣ. Точно такъ исключительныя условія причиною, что въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Вятской, Казанской, Костромской, Нижегородской и Новгородской до сихъ поръ причитающіяся въ лѣсной доходъ по таксамъ пошлинныя деньги за издѣлія, скупаемыя на рынкахъ и базарахъ, въ городахъ, селеніяхъ и на пристаняхъ, уплачиваются покупщиками сихъ издѣлій до полученія на дальнѣйшій ихъ сплавъ или перевозку билетовъ, какъ это было установлено упомянутымъ нами выше Высочайшимъ повелѣніемъ 19 января 1804 г.

Лѣсоустройство.

Въ Высочайше утвержденномъ 19 іюня 1826 года «Положеніи» уже было постановлено, чтобы за окончаніемъ внѣшняго межеванія казенныхъ лѣсовъ, т. е. за отграниченіемъ оныхъ узаконенными межевыми знаками отъ всѣхъ прочихъ лѣсовъ, приступлено было къ внутреннему межеванію, подъ каковымъ названіемъ понималось раздѣленіе лѣсовъ на кварталы и сихъ послѣднихъ на дровяныя лѣсосѣки и строевыя рощи. Далѣе въ томъ же «Положеніи» повелѣно по обмежеваніи лѣсовъ вводить въ оныхъ постепенно правильное лѣсоводство. На ученый же Комитетъ по лѣсной части при Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ возложено было сочинить предварительныя краткія наставленія, содержащія главныя, по возможности, не сложныя правила о томъ, какъ начать и вести правильное лѣсоводство.

Но до 1838 года въ казенныхъ лѣсахъ не было приступлено къ введенію правильнаго лѣсоводства, не было составлено и наставленія, какъ начать и какъ вести его; для однихъ только горныхъ лѣсовъ хребта Уральскаго издана была инструкція, составленная самимъ графомъ Канкринымъ.

Тѣ же, закономъ опредѣленныя, обязанности введенія правильнаго лѣсного хозяйства, перешли отъ Министерства Финансовъ на вновь учрежденное Министерство Государственныхъ Имуществъ.

П. Д. Киселевъ, впослѣдствіи возведенный въ графское достоинство, засталъ въ лѣсномъ управленіи мало лицъ, свѣдущихъ въ спеціальностяхъ лѣсного дѣла. Конечно, были въ губерніяхъ такіе, которые долговременною службою усвоили себѣ рутину тогдашней лѣсной администраціи, но истинно свѣдущихъ людей находилось очень мало. Ихъ можно было перечесть. Изъ нихъ особенно выдавались: В. С. Семеновъ, К. П. Гильдеманъ, А. А. Длатовскій, И. И. Серебренниковъ, занятые преподаваніемъ въ Лѣсномъ институтѣ;

Е. А. Петерсонъ — состоялъ ученымъ лѣсничимъ въ Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ, и, какъ разъ къ 1838 г., захворавши, уѣхалъ лѣчиться за границу, откуда вернулся только въ 1840 г.

Внѣ кружка служащихъ въ лѣсныхъ учебныхъ заведеніяхъ было также нѣсколько лицъ со спеціальнымъ лѣснымъ образованіемъ и даже бывшихъ за границей для изученія лѣсоводства, — Перелыгинъ, Шель, Власовъ,—но такихъ было мало, чтобы приняться за устройство лѣсовъ. И все-таки П. Д. Киселевъ, уже въ 1837 году, еще до образованія Министерства, сдѣлалъ въ С.-Петербургской губерніи попытку, если и не устройства лѣсовъ, въ смыслѣ заграничныхъ таксацій, то въ смыслѣ внутренняго межеванія лѣсовъ, указаннаго въ лѣсномъ уставѣ. Онъ поручилъ двумъ ученымъ лѣсничимъ, Шелю и Перелыгину, руководить съемкою на планъ и раздѣленіемъ на кварталы всѣхъ казенныхъ лѣсовъ С.-Петербургской губерніи, съ описаніемъ ихъ. Въ распоряженіе ученымъ лѣсничимъ предоставлена довольно значительная партія военныхъ топографовъ, а для описанія дачъ прикомандированы были на лѣто 1837 г. нѣсколько воспитанниковъ старшаго выпускного класса Лѣсного института (въ числѣ ихъ находился и я). И въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ важнѣйшія казенныя дачи Петербургской губерніи были сняты на планъ, разбиты на верстовые кварталы и описаны.

Послѣ того, въ 1840 году, приступлено было и къ настоящему устройству Лисинской дачи. Дѣло это поручено было Е. А. Петерсону, въ помощь которому командированы были Вейхенталь, Серебренниковъ и возвратившійся только-что изъ-за границы Войнюковъ. Устройство Лисинской дачи, составлявшей учебное лѣсничество, нельзя было откладывать, но никакой инструкціи не было дано, а предоставлено Е. А. Петерсону устроить дачу по правиламъ науки.

Когда начали устройство Лисинской дачи, въ то время еще не помышляли распространить устройство лѣсовъ на дачи всей Россіи. Мысль объ этомъ задумана не ранѣе конца 1841 года, зародилась она,—сколько мнѣ изъ устныхъ разсказовъ извѣстно,—у Е. А. Петерсона, а ходатаемъ за осуществленіе дѣла предъ П. Д. Киселевымъ былъ вице-инспекторъ корпуса лѣсничихъ, графъ Николай Матвѣевичъ Ламздорфъ.

Графъ Ламздорфъ и Е. А. Петерсонъ, конечно, хорошо знали, что къ устройству лѣсовъ, въ обширныхъ размѣрахъ, нельзя приступить безъ людей подготовленныхъ спеціально къ тому и безъ денегъ. Денежныя средства нужны не только на первоначальное исполненіе работъ, но и на прочное поддержаніе всякаго новаго учрежденія. Въ то же время обоимъ иниціаторамъ хорошо извѣстны были взгляды графа Киселева приступать тогда только къ новому хозяйственному улучшенію, когда въ самомъ дѣлѣ заключается и источникъ для покрытія необходимаго расхода, не обременяя Государственное Казначейство новымъ требованіемъ суммъ. Что касается до людей, то Е. А. Петерсонъ разсуждалъ, что когда бы ни начать таксацію лѣ-

совъ, всегда первые работники должны будутъ сперва пріучаться къ новой работѣ, и научатся скоро, когда будутъ выбраны хорошо теоретически подготовленные люди, а теперь съ 1838 г. къ предстоящему 1842 г. изъ Лѣсного института будетъ всего выпущенныхъ молодыхъ людей 67 человѣкъ, изъ которыхъ 30 человѣкъ прошли чрезъ офицерскій классъ, стало-быть, народъ толковый. Бо́льшаго числа пока и не нужно. Обращаясь же къ суммамъ на покрытіе новыхъ расходовъ, то ни графъ Ламздорфъ, ни Е. А. Петерсонъ, не сомнѣвались, что какъ только въ избранной для устройства дачѣ будетъ введенъ порядокъ и доброе хозяйство, то и доходу изъ такой дачи поступитъ гораздо больше, чѣмъ прежде; слѣдовательно, если избытокъ имѣющихъ поступить доходовъ отъ устроенной дачи, противу прежняго дохода изъ той же дачи, разрѣшено будетъ употреблять на будущее устройство лѣсовъ, то этихъ суммъ накопится болѣе чѣмъ нужно.

Въ этомъ духѣ графъ Ламздорфъ представилъ свои соображенія П. Д. Киселеву, который нашелъ полезнымъ осуществить проектъ, приступивъ къ правильному устройству казенныхъ лѣсовъ тѣми силами и средствами, какія къ тому найдутся. По Всеподданнѣйшему докладу уже 16 января 1842 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе «на покрытіе необходимыхъ издержекъ по введенію правильнаго лѣсного хозяйства передавать въ Министерство Государственныхъ Имуществъ всѣ остатки отъ суммъ, ассигнуемыхъ по государственной росписи на лѣсное управленіе и кромѣ того отпускать на тотъ же предметъ прибыли, которыя, за взносомъ въ Государственное Казначейство опредѣленной по смѣтѣ о доходахъ съ лѣсовъ суммы, могутъ быть пріобрѣтены отъ новаго хозяйственнаго устройства лѣсныхъ дачъ».

По Всеподданнѣйшему докладу 5 ноября 1844 года еще разъ Высочайше повелѣно продолжать и впредь начатое дѣло на тѣхъ же основаніяхъ. Такимъ образомъ составился специальный капиталъ подъ именованіемъ «прибыльный капиталъ».

Капиталъ этотъ скоплялся въ весьма солидныхъ размѣрахъ, такъ что впослѣдствіи оставались отъ него значительные избытки, за покрытіемъ содержанія сверхштатныхъ запасныхъ лѣсничихъ, употребляемыхъ въ званіи таксаторовъ для устройства лѣсовъ, содержанія лѣсного отдѣленія межевщиковъ, на прогоны и командировочное содержаніе чинамъ лѣсоустроительныхъ партій и на наемъ рабочихъ при лѣсоустройствѣ. Избытки оказались настолько значительными, что министръ государственныхъ имуществъ нашелъ полезнымъ на ихъ счетъ впослѣдствіи относить: содержаніе учениковъ въ егерскихъ училищахъ; содержаніе кондукторовъ для усиленія средствъ къ охраненію лѣсовъ; содержаніе крестьянскихъ мальчиковъ при землемѣрахъ Палатъ и при сѣверной фермѣ; на снятіе копій съ плановъ и лѣсоустроительныхъ отчетовъ и на возобновленіе вырубаемыхъ лѣсосѣкъ въ устроенныхъ дачахъ.

Рѣшено было начать устройство лѣсовъ съ весны 1842 года. И, дѣйствительно, работы начались, но по необходимости пришлось поручить исполненіе этихъ работъ молодымъ людямъ, только что сошедшимъ со школьной скамьи. Я какъ разъ къ февралю мѣсяцу 1842 года возвратился изъ-за границы и былъ привлеченъ къ этимъ работамъ, такъ какъ извѣстно было, что я въ Саксоніи цѣлое лѣто участвовалъ въ одной таксаціонной партіи тамошняго казеннаго лѣсного вѣдомства. Кромѣ меня и графа Варгаса всѣ остальные выбранные въ таксаторы не бывали никогда на лѣсоустроительныхъ работахъ; одни изъ нихъ вышли изъ офицерскаго класса лишь за годъ, а другіе только весною 1842 г. Но выбраны были все люди толковые: въ Вятку поѣхалъ я съ двумя младшими таксаторами Нольде и Шульцъ; въ Москву, въ Лосинный погонный островъ, назначенъ былъ Гриммъ и къ нему младшимъ таксаторомъ Шелгуновъ; въ Нижній-Новгородъ отправленъ Ошманъ; въ Тулу поѣхали Шельбахъ и графъ Варгасъ де-Бедемаръ; въ Казань Макушевъ и Каневецкій; въ Новгородъ Ковалевъ.

Этими молодыми, неопытными силами пришлось начинать работу трудную, требовавшую людей опытныхъ. Но за безрыбьемъ и ракъ рыба,—надо было изъ лучшихъ тогдашнихъ силъ постепенно образовать таксаторовъ и лѣсоустроителей и идти въ дѣлѣ лѣсоустройства медленно, пока вполнѣ создастся хорошій составъ института таксаторовъ. Этою цѣлью задавались съ самаго начала.

Въ началѣ апрѣля Е. А. Петерсонъ призвалъ меня, высказалъ свой взглядъ, какую онъ желаетъ дать молодымъ таксаторамъ инструкцію, и приказалъ мнѣ набросать ее и дать ему вчернѣ на просмотръ. Послѣ редакціи Петерсона, вышелъ въ концѣ апрѣля на двухъ или трехъ писанныхъ листикахъ почти что одинъ лишь перечень предстоящихъ работъ. Но на началахъ, принятыхъ въ этомъ перечнѣ Е. А. Петерсономъ, разработана была уже мною въ 1844 г. подробная инструкція лѣсоустройства, напечатанная въ первый разъ въ 1845 г., а потомъ вышедшая вторымъ изданіемъ въ 1854 году, и извѣстная подъ названіемъ инструкціи 1854 г. Весною же 1842 г., собраны были въ квартирѣ Егора Андреевича всѣ будущіе молодые таксаторы и имъ объясняли словесно Петерсонъ и я порядокъ и способы исполненія предстоящихъ лѣсоустроительныхъ работъ.

Въ инструкціи 1845 и 1854 года преподаны правила для веденія лѣсного хозяйства, соотвѣтствующаго, по степени интензивности, экономическому положенію дачъ. Всѣ дачи, подлежащія устройству, раздѣлены были на три разряда: I разрядъ — дачи, изъ которыхъ возможенъ сбытъ всѣхъ древесныхъ породъ и всѣхъ сортиментовъ матеріала. II разрядъ—дачи, изъ которыхъ возможно сбывать весь строевой и подѣлочный матеріалъ, а дровяной въ маломъ количествѣ. III разрядъ — дачи, изъ которыхъ возможно сбывать только болѣе крупный строевой и подѣлочный матеріалъ. Въ двухъ пер-

выхъ разрядахъ дачъ предполагалось вводить лѣсосѣчное хозяйство, а въ третьемъ разрядѣ дачъ вести выборочную рубку.

Планъ хозяйства долженъ былъ служить основаніемъ для приведенія лѣсовъ въ возможно правильное состояніе. Общій планъ хозяйства составлялся на весь оборотъ рубки, который, смотря по состоянію дачи, могъ быть или нѣсколько продолжительнѣе противу лѣтъ, нужныхъ для приспѣванія деревъ, или нѣсколько короче, и срокъ этотъ названъ былъ *эпохою лѣсоустройства* (названіе, данное Е. А. Петерсономъ).

Эпоха лѣсоустройства дѣлилась на періоды (не короче 20 и не болѣе 50 лѣтъ въ высокоствольномъ хозяйствѣ, и отъ 5 до 10 лѣтъ въ низкоствольномъ). Высокоствольное хозяйство должно было вводиться въ казенныхъ лѣсахъ преимущественно, а низкоствольное и среднее хозяйство могли составлять исключеніе. Требовалось такое очередованіе рубокъ, чтобы лѣсные участки получили въ будущемъ стойкость противъ вѣтра, молодыя насажденія были защищены отъ вредныхъ климатическихъ вліяній и чтобы рубка могла производиться въ нѣсколькихъ мѣстахъ дачи.

Раздѣливъ дачу на кварталы и соображаясь съ состояніемъ вошедшихъ въ каждый изъ нихъ насажденій, таксаторъ назначалъ къ какому періоду времени слѣдуетъ отнести главную рубку въ кварталѣ. Какъ это сдѣлать, подробно разъясняла инструкція, допуская въ нѣкоторыхъ случаяхъ вырубку одного и того же участка два раза въ теченіе перваго оборота. Требовалось на всю эпоху лѣсоустройства распредѣлить, въ какомъ изъ періодовъ должно произвести главную рубку каждаго участка, и для этого составить два перечня вырубокъ: въ одномъ показать количество древесной массы, ожидаемой при вырубкахъ отъ каждаго участка и въ какомъ періодѣ; а въ другомъ показать, какую площадь будутъ вырубать въ каждомъ періодѣ.

Требовалось, чтобы количество древесной массы, въ каждомъ періодѣ вырубаемое, было приблизительно одинаковое,—допускалась разность не болѣе какъ на 20%. Точно такъ требовалось, чтобы и площади главной рубки составляли въ каждомъ періодѣ приблизительно равныя величины.

Изъ этихъ двухъ вѣдомостей выводилось, для каждаго періода, какъ будетъ велика ежегодная рубка по древесной массѣ и по площади. Для первыхъ 5 лѣтъ составлялся болѣе подробный планъ: указывалось, гдѣ, что и сколько по массѣ и площади поступитъ къ вырубкѣ.

Въ дачахъ III разряда, гдѣ должна продолжаться выборочная рубка, опредѣлялся, вмѣсто оборота рубки, срокъ, по истеченіи котораго должны возвращаться рубки въ прежнее мѣсто, т. е. то, что нынѣ называютъ оборотомъ хозяйства. Такой оборотъ хозяйства также дѣлился на періоды, но не болѣе какъ на четыре. Въ этихъ дачахъ требовалось только, чтобы въ каждомъ періодѣ поступали

къ рубкѣ приблизительно равныя площади, занятыя каждою изъ тѣхъ древесныхъ породъ, которыя имѣютъ въ данной мѣстности сбытъ, а изъ такой вѣдомости составлялась смѣта вырубкамъ на первыя 10 лѣтъ. Въ этой послѣдней смѣтѣ уже выводилось, сколько и гдѣ въ первое десятилѣтіе поступятъ къ вырубкѣ площади и сколько на нихъ деревъ, издѣлій, вообще разныхъ сортиментовъ матеріала, и сколько можетъ быть отпущено ежегодно,—съ показаніемъ и цѣнности по таксамъ.

Система устройства дачъ III разряда была очень проста, но обезпечивала постоянное, хотя и не совсѣмъ равномѣрное пользованіе лѣсомъ. Что же касается системы устройства дачъ I и II разрядовъ, то она составляла смѣшанный періодный методъ таксаціи, и вслѣдствіе введенія требованія, чтобы не только площади, но и массы древесныя вырубались въ приблизительно равныхъ количествахъ, то ходъ работъ нѣсколько усложнялся. Но при составленіи инструкціи имѣлось въ виду, кромѣ введенія въ лѣсахъ правильнаго хозяйства, еще и то обстоятельство, что у насъ вначалѣ не было опытныхъ въ этомъ дѣлѣ таксаторовъ, надо было молодыхъ людей пріучить къ тщательной работѣ, чтобы прежде всего образовать институтъ опытныхъ таксаторовъ, ибо только съ такими людьми можно безъ опасенія примѣнять упрощенныя дѣйствія, которыя требуютъ гораздо бо̀льшаго умѣнья, чѣмъ сложныя манипуляціи, гдѣ одинъ выводъ повѣряется другимъ. Въ самомъ началѣ, составляя инструкцію, въ основаніе ея была положена мысль, чтобы лѣтъ чрезъ 10 или 12 можно было, сохранивъ основныя положенія, значительно упростить инструкцію, отбросивъ изъ нея требованіе опредѣленія древесныхъ массъ и перейдя къ чистому періодному методу по площади, а въ то же время, съ уменьшеніемъ величины кварталовъ, допустить и во многихъ съемочныхъ дѣйствіяхъ рекогносцировочные пріемы. Если это не было сдѣлано въ 1854 году, то только потому, что въ то время пришлось обратить почти всѣ межевыя средства лѣсного вѣдомства на крестьянскіе лѣса, и предвидѣлось, что таксаторовъ только поочередно можно будетъ привлекать къ настоящимъ лѣсоустроительнымъ работамъ, слѣдовательно, было бы несвоевременно тогда измѣнять инструкцію.

Какъ въ первомъ году, такъ и впослѣдствіи, по крайней мѣрѣ, почти 20 лѣтъ сряду, выбирали въ таксаторы лучшихъ изъ воспитанниковъ, кончившихъ курсъ въ Лѣсномъ институтѣ; удерживали людей въ таксаціонныхъ партіяхъ долго; старались возвысить институтъ таксаторовъ въ мнѣніи всего лѣсного вѣдомства. Считалось за честь попасть въ таксаціонныя партіи. Общій голосъ былъ, что въ таксаціонныхъ партіяхъ собраны сливки всего корпуса лѣсничихъ.

Насчетъ группировки лѣсоустроительныхъ работъ — мнѣнія съ самыхъ первыхъ годовъ расходились. Одни стояли за то, чтобы разомъ начать работы въ различныхъ полосахъ Имперіи, выбирая въ каждой лѣсныя дачи, заслуживающія особаго вниманія, побли-

зости ихъ къ сплавнымъ рѣкамъ и удобству сбыта лѣсного матеріала; другіе настаивали, чтобы начать сперва въ однѣхъ среднихъ губерніяхъ и, захватывая цѣлыми губерніями, подвигаться изъ одной въ другую. Первое мнѣніе одержало верхъ и вслѣдствіе того явилась разбросанность работъ. Это мнѣніе имѣло за собою ту заманчивую сторону, что съ первыхъ уже годовъ можно было разсчитывать на сильное приращеніе прибыльнаго капитала отъ устроенныхъ дачъ, а это было весьма существеннымъ вопросомъ, ибо безъ денегъ нельзя было осуществить разныя широко задуманныя предпріятія по лѣсоразведенію и по учрежденію нѣсколькихъ низшихъ лѣсныхъ школъ. За то другое мнѣніе представляло ту солидную выгоду, что сосредоточеніемъ лѣсоустроительныхъ работъ возможно бы гораздо интензивнѣе контролировать ихъ правильность и—что едва-ли не самое важное — съ окончаніемъ устройства лѣсовъ въ цѣлой губерніи предполагалось разомъ замѣщать во всѣхъ лѣсничествахъ должности лѣсничихъ молодыми силами, чтобы старыхъ дрожжей въ губерніи не оставалось.

Таксаторскій институтъ былъ организованъ непосредственно при Лѣсномъ Департаментѣ, внѣ всякой зависимости отъ чиновъ губернскаго лѣсного управленія. Это хотя и представляло нѣкоторыя неудобства, чисто административнаго характера, которыя однако окупались другими преимуществами высшаго порядка. Въ то время большинство чиновъ мѣстнаго и губернскаго лѣсного управленія не обладали высокимъ уровнемъ спеціальнаго образованія, да и нравственное ихъ развитіе было недостаточнымъ, и Министерству важно было имѣть независимые отъ нихъ органы для контроля. Институтъ лѣсоустроителей представлялъ собою удобную живую связь между центральнымъ управленіемъ и дѣятельностью мѣстныхъ лѣсныхъ чиновъ. Таксаторы, приходя въ близкое соприкосновеніе съ хозяйственною распорядительностью мѣстныхъ чиновъ, видѣли результаты ея, и поэтому таксаторамъ не только дано было право выяснять характеръ дѣятельности мѣстныхъ чиновъ, но въ 1847 г., на основаніи мнѣнія спеціальнаго по лѣсной части комитета, даже вмѣнено таксаторамъ въ обязанность относиться критически къ этой дѣятельности и доводить о ней до свѣдѣнія центральнаго управленія.

Министръ государственныхъ имуществъ, послѣ перваго же года начавшихся новыхъ работъ, повергъ на Высочайшее Государя Императора усмотрѣніе результаты лѣсоустройства, исполненнаго въ 1842 году,—какъ это и въ послѣдующіе годы постоянно повторялось П. Д. Киселевымъ. Въ первомъ же по этому поводу докладѣ 1843 года, Всеподданнѣйше было доложено, что введеніе правильнаго лѣсного хозяйства въ большомъ видѣ доставитъ, кромѣ денежныхъ, для постепеннаго лѣсоустройства, средствъ, еще ту пользу, что въ различныхъ мѣстностяхъ государства всѣмъ офицерамъ корпуса лѣсничихъ и всѣмъ частнымъ владѣльцамъ лѣсовъ открыта будетъ возможность ознакомиться съ необходимыми практическими по лѣсной

части познаніями и съ правилами лѣсоустройства и лѣсоводства, приспособленными къ положенію, свойству и климатическимъ условіямъ нашихъ лѣсовъ и основанными на русскихъ обычаяхъ. Тогда же министръ государственныхъ имуществъ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на устройство лѣсныхъ дачъ, съ разрѣшеніемъ продажи утвержденныхъ для того лѣсосѣкъ, въ губерніяхъ: Воронежской, Таврической, Екатеринославской и Оренбургской, въ которыхъ продажа лѣса была воспрещена Высочайшимъ повелѣніемъ 19 сентября 1830 года, въ Минской губерніи, гдѣ продажа лѣса была воспрещена повелѣніемъ 24 ноября 1824 года, и въ Бѣловѣжской пущѣ, изъ которой продажа не производилась, согласно положенію Комитета Министровъ 11 августа 1803 года. При этомъ графъ Киселевъ доложилъ Государю Императору, что «настоящее состояніе лѣсныхъ дачъ, въ коихъ донынѣ всѣ мѣры лѣсоустройства ограничивались совершеннымъ запрещеніемъ производить въ нихъ рубки, вполнѣ убѣждаютъ во вредныхъ послѣдствіяхъ такого порядка, который, не упоминая уже о томъ, что самовольныя порубки не прекращались, совершенно противенъ правиламъ добраго хозяйства». Предположенія министра государственныхъ имуществъ удостоились Высочайшаго утвержденія 5 апрѣля 1843 года. Объявляя объ этомъ, графъ Киселевъ приказалъ: «Къ дачамъ, приводимымъ въ хозяйственное правильное устройство, назначать изъ тѣхъ же офицеровъ лѣсничими и сообразить возможность лично ихъ заинтересовать полученіемъ дохода и сохраненіемъ дачъ».

Лѣсоустройство въ первые годы не могло захватывать громадныхъ площадей. Оно въ 1842 году окончило работы на пространствѣ около 100,000 дес., въ 1843 г. до 150,000 дес., затѣмъ съ каждымъ годомъ работы усиливались и къ 1849 г. уже было устроенныхъ лѣсовъ 2.456,000 дес. Но съ 1849 года пришлось значительно сократить таксаціонныя дѣйствія въ казенныхъ дачахъ, а спустя еще нѣсколько лѣтъ почти совершенно пріостановить ихъ, потому что явилась необходимость приняться за работы по надѣлу государственныхъ крестьянъ однодесятинными лѣсными участками, по закону 25 августа 1847 года, каковыя работы привлекли почти всѣ имѣвшіяся въ распоряженіи Лѣсного Департамента межевыя силы. Поэтому къ 1859 году оказалось устроенныхъ дачъ всего на площади 2.846,258 десятинъ.

Въ виду медленнаго хода лѣсоустроительныхъ работъ, при вступленіи новаго министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, возникъ вопросъ: соотвѣтствуетъ-ли существующій порядокъ лѣсоустройства потребностямъ нашихъ лѣсовъ? Вопросъ этотъ еще болѣе выдвинулся другимъ обстоятельствомъ. Въ Новгородскую губернію назначенъ былъ въ 1857 году молодой и дѣльный губернскій лѣсничій, который донесъ, что въ подвѣдомственной ему губерніи совершенно невозможно эксплоатировать лѣса, безъ опасенія ихъ истощенія, пока не будетъ приведена въ извѣстность, хотя

приблизительно, площадь и состояніе лѣсовъ. Тогда была туда командирована таксаціонная партія для опредѣленія въ дачахъ площади, занятой насажденіями, пригодными въ ближайшее время для эксплоатаціи. Простота подобныхъ работъ и быстрота ихъ вызвала желаніе распространить подобныя работы и на другія губерніи. Министръ государственныхъ имуществъ по этому поводу представилъ Всеподданнѣйшій докладъ, по которому Государь Императоръ 19 мая 1858 года Высочайше повелѣть соизволилъ: въ видахъ устройства и охраненія казенныхъ лѣсовъ, сообразно дѣйствительнымъ условіямъ каждой мѣстности, сдѣлать распоряженіе о приведеніи въ извѣстность и объ устройствѣ казенныхъ лѣсовъ, начавъ это нынѣшній годъ въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Нижегородской и Самарской, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это въ 1857 г. произведено было, въ видѣ опыта, въ трехъ уѣздахъ Новгородской губерніи. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить соизволеніе на пріостановленіе надѣла крестьянъ лѣсами изъ собственно казенныхъ дачъ, а гдѣ таковой уже былъ проектированъ, но не утвержденъ, тамъ не приводить оный въ исполненіе, и казенныя лѣсныя дачи возстановить въ прежнихъ ихъ границахъ; по окончаніи же внѣшняго обмежеванія лѣсовъ, для пользованія крестьянъ, назначить, въ размѣрѣ однодесятинной на душу пропорціи, расходные участки изъ такъ-называемыхъ крестьянскихъ и общихъ казны съ крестьянами дачъ, обративъ затѣмъ все остальное изъ тѣхъ лѣсовъ пространство, преимущественно лучшаго качества, въ неприкосновенный запасъ, подъ общимъ названіемъ заказниковъ.

Въ упомянутыя губерніи отправлены были таксаціонныя партіи и командированнымъ лѣснымъ офицерамъ дано было *наставленіе* для устройства лѣсовъ, утвержденное М. Н. Муравьевымъ 22 мая 1858 года.

Въ этомъ наставленіи указано, какъ устроить собственно казенные лѣса, и особо крестьянскіе. Въ казенныхъ лѣсахъ главная работа заключалась въ съемкѣ окружныхъ межъ и оброчныхъ статей; внутреннюю же ситуацію производить рекогносцировочно. Дѣленія на кварталы не требовалось. Описаніе лѣсовъ составлять въ общихъ чертахъ. На первыя 10 лѣтъ назначить по годамъ и урочищамъ мѣста рубокъ, распредѣливъ оныя, если окажется необходимымъ, по состоянію лѣса и условіямъ сбыта, разной величины площадями и въ разныхъ частяхъ дачи. О томъ, какой величины должна быть площадь годовой рубки, нѣтъ никакихъ указаній, а только велѣно опредѣлить размѣръ ежегоднаго отпуска по каждой казенной дачѣ отдѣльно, съ подраздѣленіемъ лѣсного матеріала на строевой, дровяной и другіе сорта и съ показаніемъ оцѣнки онаго по дѣйствующимъ таксамъ.

Въ крестьянскихъ лѣсахъ, опредѣливъ общія границы, назначить въ пользованіе крестьянъ не болѣе однодесятинной на душу

пропорціи, *расходный участокъ*, который отмежевать, назначить соотвѣтственный оборотъ рубки и указать въ лѣсу повѣреннымъ отъ крестьянъ, со взятіемъ приговоровъ отъ обществъ, лѣсосѣки, которыя должны быть вырублены въ ближайшія 14 лѣтъ. На этихъ лѣсосѣкахъ, по приблизительной таксаціи, опредѣлить количество лѣсного матеріала и вычислить причитающуюся съ крестьянъ лѣсную подать. Излишнія въ крестьянскихъ лѣсахъ, сверхъ однодесятинной пропорціи, лѣсныя пространства назначать въ неприкосновенный запасъ, подъ общимъ именемъ заказниковъ.

Наставленіе это, въ отношеніи устройства казенныхъ лѣсовъ, отмѣнено было уже чрезъ годъ, а взамѣнъ того составлены *упрощенныя правила* для устройства казенныхъ лѣсовъ, утвержденныя министромъ государственныхъ имуществъ 23 апрѣля 1859 года. Въ этихъ правилахъ, для болѣе доступнаго осмотра и вѣрнаго охраненія лѣсовъ и для бо̀льшаго удобства въ производствѣ съемки и назначенія мѣстъ рубокъ, равно какъ и въ предупрежденіе распространенія могущихъ быть пожаровъ, велѣно лѣсныя дачи раздѣлять на кварталы, величина которыхъ должна быть сообразована съ пространствомъ самихъ дачъ и со степенью мѣстнаго и хозяйственнаго значенія оныхъ; вообще же, площадь ихъ должна совпадать съ величиною планшета, а иногда можетъ быть и менѣе. Внутреннюю же ситуацію лѣсовъ, разсортированіе площадей дачи на удобныя и неудобныя, разграниченіе насажденій по древеснымъ породамъ, возрасту, качеству, производить рекогносцировочно. Въ дачахъ, занимающихъ общую площадь не менѣе 500 дес., дѣлается предположеніе о раздѣленіи дачи на двѣ части: *расходную* и *заказную*. Нормальная величина послѣдней составляетъ одну пятую часть всего пространства и выдѣляется не въ разбросъ, а къ одному мѣсту, изъ благонадежныхъ къ дальнѣйшему росту участковъ, преимуществено хвойныхъ и дубовыхъ.

Для расходнаго лѣса опредѣляется оборотъ рубки для древесныхъ породъ, составляющихъ господствующія въ дачѣ насажденія, а затѣмъ, руководствуясь пространствомъ каждаго рода насажденій и принятымъ для нихъ оборотомъ рубки, назначается и величина годичной лѣсосѣки.

Для оборотовъ рубки даны предѣльныя нормы: а) для строевого лѣса — отъ 60 до 120 лѣтъ; для дровяного — отъ 40 до 60 лѣтъ; б) для строевыхъ скорорастущихъ лѣсовъ, какъ-то: для насажденій съ господствомъ осины, липы, березы и другихъ — отъ 50 до 70 лѣтъ, и для дровяныхъ — отъ 20 до 40 лѣтъ; в) для лѣсовъ, состоящихъ изъ насажденій съ господствомъ дуба, граба, ясеня, клена и другихъ крѣпкихъ породъ, оборотъ рубки назначать отъ 100 до 140 лѣтъ; при возращеніи этихъ же породъ для удовлетворенія надобности въ дровяномъ матеріалѣ—отъ 30 до 50 лѣтъ. Независимо отъ сего, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можетъ быть допущено хозяйство на полученіе мелкаго лѣса, какъ-то: обручей, кольевъ, жердей, хво-

роста для плетней и проч.; въ такомъ случаѣ разрѣшался оборотъ рубки: для орѣшника, разнаго рода ивъ и другихъ мелкихъ кустарныхъ породъ—отъ 5 до 15 лѣтъ.

Въ дачахъ, изъ которыхъ отпускъ лѣсныхъ матеріаловъ ограничивается только извѣстными породами деревъ и сортовъ лѣса и гдѣ сплошной лѣсосѣчной рубки быть не можетъ, по необходимости должна быть допущена рубка выборочная; при этомъ величина ежегодной лѣсосѣки опредѣлится раздѣленіемъ площади именно тѣхъ насажденій, въ которыхъ можетъ производиться заготовка требуемаго рода лѣса, на то число лѣтъ, въ какое, по мѣстнымъ соображеніямъ, признано будетъ необходимымъ вырубить имѣющія сбытъ деревья, разсчитывая, чтобы приспѣвающій лѣсъ достигъ въ это время надлежащихъ размѣровъ и сдѣлался бы пригоднымъ къ сбыту. Лѣсосѣки въ этомъ случаѣ должны быть назначаемы большими площадями.

Выборъ участковъ къ рубкѣ велѣно дѣлать на 10 лѣтъ и десятилѣтнюю площадь отграничивать отъ остального пространства лѣса ясными линіями, а на углахъ ямами и столбами; лѣсосѣки же первыхъ пяти лѣтъ отдѣлять линіями и столбами въ натурѣ одну отъ другой и отмѣчать на планѣ. Отдѣленныя въ натурѣ лѣсосѣки таксировать, съ помощью пробныхъ площадей, и опредѣлять стоимость ихъ по таксѣ. Для болѣе же удобнаго естественнаго облѣсенія сплошныя лѣсосѣки отводить узкими полосами: въ хвойныхъ лѣсахъ не шире 50, а въ лиственныхъ не шире 100 сажень, и оставлять на перестой средневозрастныя, здоровыя деревья, числомъ не свыше шестидесяти. Рубку сплошныхъ лѣсосѣкъ вести въ направленіи съ подвѣтренной стороны; назначать къ рубкѣ прежде всего тѣ старыя, поврежденныя и изрѣженныя насажденія, которыя не могутъ съ пользою оставаться на корнѣ, но не распредѣлять такъ, чтобы въ одинъ годъ рубился только хорошій, а въ другой годъ только истощенный, а уравнивать, чтобы въ каждомъ году рубился и тотъ, и другой.

Изъ содержанія «упрощенныхъ правилъ» видно, что въ нихъ техническія требованія сведены до крайняго минимума, а таксатору данъ широкій просторъ. Въ дополненіе къ «упрощеннымъ правиламъ» издана инструкція для ревизіи дачъ, устроенныхъ по «упрощеннымъ правиламъ» 23 апрѣля 1859 г. и по инструкціи 10 февраля 1860 г. для устройства корабельныхъ рощъ. Сколько извѣстно, эта инструкція для ревизіи дачъ издана въ 1870 г., но на ней, страннымъ образомъ, нѣтъ отмѣтки, обыкновенно помѣщаемой, когда и кѣмъ она утверждена. Во всякомъ случаѣ, эта инструкція для ревизій (въ главныхъ чертахъ сходная съ инструкціей 1854 года) ввела въ дѣло лѣсоустройства нѣкоторыя техническія и формальныя улучшенія. Она требуетъ составленія плана хозяйственнымъ дѣйствіямъ на слѣдующія 10 лѣтъ; заказники включаетъ въ общій планъ пользованія лѣсомъ; лѣсосѣки отводятся инструментально и

на каждый годъ; величину ежегодной рубки опредѣляетъ по обороту, соображаясь съ классами возраста; опредѣляется способъ веденія рубокъ и требуется общее описаніе дачи по данной программѣ, которая обязываетъ объяснить всѣ послѣдствія хозяйства прошлаго времени и оправданіе предположеній на предстоящее десятилѣтіе. Но пока доходила очередь до ревизій,—обыкновенно запаздывавшихъ,—дачи, устроенныя по «правиламъ» 1859 года, доходили до печальнаго состоянія.

Вслѣдъ за утвержденіемъ «упрощенныхъ правилъ» для устройства казенныхъ дачъ, была министромъ государственныхъ имуществъ утверждена 10 февраля 1860 г. инструкція для устройства корабельныхъ рощъ.

Въ ней только незначительныя отступленія отъ «упрощенныхъ правилъ», вслѣдствіе особаго назначенія корабельныхъ рощъ,—такъ напр., рощи раздѣляются на кварталы, отъ одной до четырехъ квадратныхъ верстъ, указывается на искусственное лѣсоразведеніе, гдѣ оно необходимо, опредѣляется, что за успѣшное возобновленіе дуба назначаются соотвѣтственныя награды.

Съ 1860 года таксаціонныя партіи поставлены были въ положеніе, зависимое отъ мѣстныхъ Палатъ Государственныхъ Имуществъ. Въ то же время, лучшія силы перешли изъ лѣсоустроительныхъ партій къ административной дѣятельности, получивъ назначенія то на должность губернскихъ лѣсничихъ, то лѣсныхъ ревизоровъ. Въ таксаторахъ оставались болѣе молодые люди. Тогда для наблюденія и поправленія лѣсоустроительныхъ работъ учреждены были въ 1864 году новыя должности—ревизоровъ лѣсоустройства.

Очередныя ревизіи дачъ, устроенныхъ по «упрощеннымъ правиламъ», все болѣе и болѣе доказывали несостоятельность ихъ.

Вслѣдствіе этого, въ 1884 г. издана новая инструкція для устройства лѣсовъ вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ этой инструкціи чрезвычайно важно, что она впервые категорически устраняла лишнюю трату денегъ и времени на повтореніе съемокъ дачъ при ревизіяхъ лѣсоустройства; что она въ лѣсахъ обширныхъ подвергала первоначальной съемкѣ только тѣ части дачъ, которыя подлежали эксплоатаціи; что устанавливала хозяйство, болѣе или менѣе интензивное, сообразно съ экономическимъ значеніемъ дачъ, и что при установленіи плана хозяйства привлекала къ широкому дѣятельному участію чиновъ мѣстнаго лѣсного управленія, какъ непосредственныхъ хозяевъ въ лѣсахъ. Но нѣкоторые техническіе пріемы оказались слишкомъ сложными и затруднительными. Поэтому, въ 1887 году составлена новая инструкція для устройства казенныхъ лѣсовъ, которая съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями и незначительными пополненіями издана въ 1888 г. и утверждена 7 іюня 1888 г., въ видѣ опыта на пять лѣтъ.

Въ этой инструкціи оговорено, что лѣса, которые не имѣютъ никакого сбыта матеріаловъ, или гдѣ сбытъ матеріаловъ возможенъ

только при допущеніи лѣсопромышленниковъ къ рубкѣ на пріискъ, безъ точнаго указанія мѣстъ заготовокъ,—такіе лѣса не подлежатъ устройству по настоящей инструкціи. Всѣ прочіе лѣса, по условіямъ сбыта, опредѣляющимъ и лѣсоустроительные пріемы, раздѣлены на три разряда, совершенно сходные съ разрядами, принятыми въ инструкціи 1854 года. Инструкція раздѣлена на двѣ части: часть административную и часть техническую. Въ административной части подробно указанъ порядокъ назначенія лѣсоустроительныхъ работъ и необходимыхъ для производства ихъ чиновъ; обязанности управленій Государственныхъ Имуществъ и мѣстныхъ лѣсничихъ по отношенію къ лѣсоустроительнымъ работамъ; составъ лѣсоустроительныхъ партій, обязанности и отвѣтственность чиновъ лѣсоустройства; порядокъ представленія и разсмотрѣнія лѣсоустроительныхъ отчетовъ; обязанности, составъ и предѣлы власти совѣщательныхъ комиссій.

Въ технической части указаны особо геодезическія работы и особо таксаціонныя работы, разсматривая порознь работы новыя и работы при ревизіи хозяйства.

Со времени начатія лѣсоустроительныхъ работъ въ 1842 году до 1 января 1893 года, устроено вновь казенныхъ лѣсовъ на площади:

Въ Европейской Россіи, кромѣ Царства Польскаго	18.553,478	дес.
Въ Привислянскихъ губерніяхъ, съ 1882 г. .	94,504	»
На Кавказѣ, съ 1884 г.	91,787	»
Въ Западной Сибири, съ 1884 по 1892 годъ .	82,813	»
и окончены лишь подготовительныя работы . . .	425,681	»
Въ Тургайской области, съ 1884 по 1892 годъ	221,303	»

Лѣсовозобновленіе и лѣсоразведеніе.

Возобновленіе лѣса на мѣстахъ вырубки составляетъ необходимое условіе для веденія неистощительнаго лѣсного хозяйства. Поэтому, съ тѣхъ поръ, какъ только начали въ Россіи заботиться о сбереженіи казенныхъ лѣсовъ, правительство не упускало изъ виду мѣры къ возможно успѣшному появленію новаго подроста и къ разведенію лѣсовъ, гдѣ ихъ недостаточно. Уже Петръ Великій обратилъ на это свое вниманіе. Онъ повелѣлъ, чтобы на заводахъ Демидова вырубка производилась лѣсосѣками, которыя запускать подъ поросль и наблюдать, чтобы поросль была предохранена отъ огня. Это частное распоряженіе онъ, въ вальдмейстерской инструкціи 3 декабря 1723 года, возводитъ въ обязательное постановленіе для всѣхъ мѣстъ заготовки корабельнаго лѣса, а въ 1707 г. пишетъ азовскому губернатору: «Также предлагаю, по управленію нужныхъ дѣлъ, изволь постараться, чтобъ на Таганрогѣ въ удобныхъ мѣстахъ насаждать рощи дубоваго или хотя иного какого дерева, привезши съ Дону не малое число маленькихъ деревцевъ въ осень по листопадѣ, также подалѣ отъ города въ удобныхъ же мѣстахъ нѣсколько де-

сятинъ посѣять желудковъ для лѣсу жъ». Императрица Анна Іоанновна повторяетъ повелѣніе вальдмейстерской инструкціи, а кромѣ того въ 1732 г. издала уставъ «о заводѣ и сѣвѣ для удовольствія ея императорскаго величества флота, вновь лѣсовъ», и вызываетъ изъ Германіи форстмейстеровъ. Императрица Елисавета Петровна, для легчайшаго появленія естественнаго возобновленія, повелѣваетъ 24 октября 1748 г. вывозить изъ лѣсовъ сучья, кору и щепу, накопившіяся въ дачахъ, и впредь не оставлять на мѣстахъ рубокъ. Екатерина II запрещаетъ вырубку «недорослаго» лѣса, предписываетъ строго наблюдать очередованіе лѣсосѣкъ и имѣть особое попеченіе о молоднякахъ. Въ составленномъ Екатериною II уставѣ о лѣсахъ,—изъ котораго дошла до насъ только часть,—встрѣчаются и техническія указанія къ достиженію самосѣва: годовыя лѣсосѣки дѣлать не шире 20 саженъ, располагать ихъ противъ вѣтра, оставлять на десятинѣ отъ 20 до 30 деревъ. Въ регламентѣ 1765 года Екатерина указываетъ на необходимость заботъ о разведеніи лѣсовъ вновь. Императоръ Павелъ, учреждая оберъ-форстмейстеровъ и форстмейстеровъ, поясняетъ: «предпочитая сіи чины вальдмейстерамъ потому, что къ обязанности ихъ принадлежитъ не токмо одно сохраненіе, но и разведеніе лѣсовъ вновь». Въ оберъ-форстмейстерской инструкціи предписывалось запускать подъ заросль вырубаемыя мѣста и сохранять молодняки отъ скота и огня; пастьба скота на лѣсосѣкахъ безусловно запрещалась; оберъ-форстмейстера должны были продавать валежникъ и сухостой, которые препятствуютъ появленію всходовъ. Въ инструкціи 1798 г., данной адмиралтействъ-коллегіи, вмѣнено ей въ обязанность стараться заводить рощи, и когда посѣвы или посадки будутъ сдѣланы, доносить подробно императору. Императоръ Александръ I издалъ въ 1802 году уставъ о лѣсахъ, въ которомъ повторяетъ указанія Екатерины II относительно способа закладки лѣсосѣкъ и оставленія на лѣсосѣкахъ отъ 20 до 25 деревъ на десятинѣ и прибавляетъ, что надобно вообще слѣдовать въ казенныхъ лѣсахъ правиламъ хозяйства, принятымъ въ «чужестранныхъ мѣстахъ» и распредѣлить рубки, имѣя въ виду, главнѣйше, чтобы вырубленныя мѣста возобновлялись. Въ томъ же уставѣ о лѣсахъ указывается на необходимость заботиться о разведеніи и умноженіи лѣсовъ, при чемъ предпочитается разведеніе корабельныхъ лѣсовъ близъ рѣкъ, пристаней и морскихъ береговъ, но не упускаются изъ вида и тѣ мѣста, гдѣ чувствуется недостатокъ лѣса для внутреннихъ потребностей. Въ тульскихъ и калужскихъ засѣкахъ повелѣно устроить питомники; въ Окулицкой же дачѣ, Орловской губерніи, предположено засѣвать мѣстами лѣсъ. Въ 1830 году графъ Канкринъ издалъ свою замѣчательную инструкцію объ управленіи лѣсною частью на горныхъ заводахъ хребта Уральскаго, въ которой обращаетъ особое вниманіе на необходимость лѣсовозобновленія и на искусственное лѣсоразведеніе.

Такимъ образомъ, до учрежденія Министерства Государственныхъ

Имуществъ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ настояній, требующихъ заботы о возобновленіи лѣсовъ. Можно, конечно, усомниться, чтобы при малочисленности вообще мѣстныхъ лѣсныхъ чиновъ и незнакомствѣ ихъ съ уходомъ за лѣсами, было ими оказано большое содѣйствіе къ появленію самосѣва и поросли. Весьма вѣроятно, что всѣ добрыя пожеланія, высказанныя на бумагѣ, не проникли въ практику,—но какъ въ прошломъ, такъ и почти до половины текущаго вѣка,—вырубки въ лѣсахъ не достигали еще такихъ размѣровъ, въ какихъ онѣ начались позже. Конечно, зарастаніе новымъ лѣсомъ мѣстъ вырубаемыхъ замедлялось, но въ нашихъ лѣсахъ, въ которыхъ не производится, какъ за границею, сгребаніе тука и подстилки, на дѣвственной, неистощенной почвѣ, все-таки появлялся лѣсъ, и только въ околицахъ деревень, гдѣ болѣе всего сосредоточивалась пастьба скота, лѣсъ не могъ пересилить наносимый ему вредъ. Болѣе грозными, чѣмъ вырубки, оказывались пожары, уничтожавшіе лѣса на громадныхъ пространствахъ, которыя очень туго зарастаютъ безъ содѣйствія человѣка.

Съ первыхъ годовъ своего существованія, Министерство Государственныхъ Имуществъ усердно выпускаетъ рядъ циркулярныхъ распоряженій, указывая на техническіе пріемы естественнаго возобновленія, особенно настойчиво требуетъ возращеніе дуба въ казенныхъ лѣсахъ, поручаетъ и губернскимъ, и ученымъ лѣсничимъ, и лѣснымъ ревизорамъ строго слѣдить на мѣстахъ за ходомъ естественнаго лѣсовозобновленія и руководить въ этомъ дѣлѣ лѣсничихъ. Конечно, на первыхъ порахъ, пока еще мѣстныхъ лѣсныхъ чиновъ прибавилось мало, а Лѣсной институтъ не успѣлъ выпустить достаточнаго числа спеціалистовъ, циркуляры Министерства должны были оставаться, какъ и въ прежнее время, мертвою буквою. Но по мѣрѣ увеличенія мѣстныхъ лѣсничихъ и комплектованія корпуса лѣсничихъ все болѣе и болѣе спеціалистами, когда лѣсное вѣдомство успѣло въ значительной долѣ очиститься отъ стараго типа лѣсничихъ, оказывалась возможность усилить, главнымъ образомъ, надзоръ за недопущеніемъ пастьбы скота на мѣстахъ, подлежащихъ обновленію, и за появленіемъ огня въ лѣсахъ. Лѣсные пожары значительно уменьшились и не захватывали такихъ огромныхъ площадей, какъ прежде, а пастьба скота не допускалась въ мѣстахъ, гдѣ можетъ пострадать молодой подростъ. Однѣ эти мѣры оказали важное вліяніе на улучшеніе успѣховъ естественнаго возобновленія. Тамъ, гдѣ рубка производилась выборочная, не особенно сильная, тамъ недопущеніе на обновляемыя площади скотины и обереженіе отъ огня, имѣло послѣдствіемъ довольно успѣшное появленіе подроста, хотя обновленіе и не шло такъ быстро и съ такою полнотою, какъ оно могло бы идти, когда бы природѣ оказано было содѣйствіе предварительнымъ взрыхленіемъ и нѣкоторою осушкою почвы, но на это не было ни денежныхъ средствъ, ни достаточнаго служебнаго персонала для направленія дѣла. Плоше шло лѣсовозобновленіе на сплошь сруб-

ленныхъ лѣсосѣкахъ и на лѣсосѣкахъ съ оставленіемъ нѣкотораго числа сѣменныхъ деревъ.

То оказывалось, что лѣсосѣки слишкомъ широки, то слишкомъ узки; часто ранѣе наступленія сѣменного года почва густо зарастала сорными травами, или земля на открытой вырубкѣ пересыхала и тощала, или же весною заливалась тающими снѣгами. Наши лѣсничіе никакъ не могли приноровиться къ мѣстности, да и не имѣли довольно времени, чтобы присмотрѣться къ ней при отводѣ лѣсосѣкъ,—ихъ давила канцелярія съ массою текущей переписки и отчетности. Постепенно, съ уменьшеніемъ прежнихъ огромныхъ лѣсничествъ, являлась и возможность лѣсничему ближе знакомиться съ разными частями подвѣдомственныхъ лѣсовъ, изучая ихъ уже на мѣстѣ, а не на одномъ только разрисованномъ планѣ. Начали коегдѣ спускать канавками излишнюю воду съ лѣсосѣкъ, стали очищать поверхность земли отъ сорныхъ травъ предъ опаденіемъ сѣмянъ, разрыхлять почву, сдавать лѣсосѣки подъ временное сельскохозяйственное пользованіе. Дѣло пошло нѣсколько лучше, но все-таки не достигался вполнѣ желаемый успѣхъ. Дѣлались и попытки къ естественному лѣсовозобновленію посредствомъ сѣменныхъ лѣсосѣкъ съ постепенными рубками,—но взялись за это робко, съ опасеніемъ,—лѣсничіе еще и до сихъ поръ не выработали для подобныхъ рубокъ соотвѣтствующіе пріемы, не пріобрѣли еще опытности. Пока мы еще не можемъ хвалиться умѣньемъ возобновлять лѣса естественно изъ сѣмени, а научиться этому надо, ибо въ нашихъ обширныхъ дебряхъ долго, и очень долго, мы не добьемся возможности, да и не желательно, всѣ вырубаемыя пространства искусственно засѣвать и засаживать.

Въ послѣдніе годы мы уже очень много сѣяли и сажали на сплошь срубаемыхъ лѣсосѣкахъ,—больше мы едва-ли и въ состояніи выполнить въ предстоящіе нѣсколько десятковъ лѣтъ,—мы изъ общей величины сплошь срубавшихся площадей засѣвали и засаживали отъ 8 до 10 процентовъ, т.-е. въ годъ отъ 3 до 4 тысячъ десятинъ на лѣсосѣкахъ.

Искусственное лѣсоразведеніе посѣвами и посадками идетъ у насъ лучше, чѣмъ самосѣвъ; въ особенности мы можемъ гордиться своими успѣхами разведенія лѣса въ открытыхъ степяхъ. Тамъ мы сами разработали новые пріемы, не заимствуясь ни у нѣмцевъ, ни у французовъ, а временныя неудачи и случайныя невзгоды нельзя ставить намъ въ упрекъ крупный.

Графъ П. Д. Киселевъ съ особенною любовью относился къ искусственному разведенію деревъ. Въ циркулярѣ 30 іюня 1843 г. предписано разводить деревья въ селеніяхъ малолѣсныхъ губерній, въ церковныхъ оградахъ и на кладбищахъ, пользуясь саженцами, взятыми изъ ближайшихъ лѣсовъ или изъ нарочно закладываемыхъ питомниковъ. Подобное же распоряженіе повторяется въ циркулярномъ предписаніи 26 мая 1858 г., въ которомъ обязываютъ

каждаго домохозяина, въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, посадить по 10 кольевъ ивовыхъ и тополевыхъ около домовъ, на огородахъ, около церквей, на кладбищахъ.

Начавшееся устройство лѣсовъ повело за собою и искусственное лѣсоразведеніе въ тѣхъ устроенныхъ дачахъ, въ которыхъ, по предположеніямъ лѣсоустроителя, не представлялось возможности разсчитывать на успѣшность естественнаго возобновленія вырубокъ, полянъ и прогалинъ. Нужныя же, для составленія смѣтъ на этотъ предметъ, *урочныя данныя* изготовлены были маіоромъ Длатовскимъ, и по утвержденіи ихъ, издана была въ 1845 году инструкція для производства культурныхъ работъ.

Понятно, что въ малодоходныхъ русскихъ лѣсахъ только въ исключительныхъ случаяхъ Министерство разрѣшало посѣвы и посадки лѣса на мѣстахъ вырубокъ, а главнымъ образомъ настаивало на мѣрахъ естественнаго лѣсовозобновленія. Однако, безъ всякой помощи искусственной нельзя было обойтись, и мы изъ отчетовъ видимъ, что на лѣсосѣкахъ и прогалинахъ въ лѣсахъ разведено искусственно съ 1844 г. по 1866 г. всего 122,000 дес., съ 1866 г. до 1887 г. 59,546 дес. и съ 1887 до 1893 года 15,637 десятинъ, образовавшихся отъ самосѣва.

Министерство зорко слѣдило за немедленнымъ облѣсеніемъ срубаемыхъ лѣсосѣкъ. Замѣтивъ, что, послѣ начавшагося правильнаго устройства лѣсовъ, нѣкоторыя Палаты поняли превратно цѣль лѣсоустроительныхъ работъ и при исполненіи плановъ лѣсного хозяйства обратили свое вниманіе, главнѣйшимъ образомъ, на выручку возможно бо́льшаго дохода, не придавая особаго значенія культурнымъ мѣрамъ, Министерство 29 ноября 1847 г. циркулярно указало Палатамъ, что введеніе правильнаго хозяйства предпринято не съ одностороннею цѣлью увеличить доходы, но, главнѣйше, для приведенія лѣсовъ въ лучшее состояніе разведеніемъ вновь лѣса на лѣсосѣкахъ и прогалинахъ и водворенія вообще прочнаго въ лѣсахъ охраненія и хозяйства. Далѣе строго подтверждается—принять самыя дѣйствительныя мѣры къ немедленному вслѣдъ за рубкою облѣсенію лѣсосѣкъ и въ случаѣ необходимости увеличить первоначально предположенные на это расходы, заблаговременно входить съ представленіями въ Лѣсной Департаментъ.

Графъ П. Д. Киселевъ, послѣ поѣздки своей по Россіи, въ циркулярѣ 17 октября 1849 г., объявляетъ, что онъ лично удостовѣрился, что подростъ лѣса, во многихъ устроенныхъ дачахъ, болѣе чѣмъ плохъ и не вездѣ достаточно сберегается отъ скота. Министръ находилъ, что неудовлетворительныя послѣдствія обновленія лѣса происходятъ преимущественно: а) отъ тщетной надежды на естественный самосѣвъ и б) отъ неустройства еще вездѣ питомниковъ.

Циркуляромъ 31 мая 1851 г. Лѣсной Департаментъ подтверждаетъ Палатамъ, чтобы они на время остановили дальнѣйшую вырубку лѣса въ дачахъ, въ которыхъ при значительномъ пространствѣ сру-

бленныхъ лѣсосѣкъ окажется новое облѣсеніе ихъ малоуспѣшнымъ.

Въ южной степной полосѣ начало лѣсоразведенія положено было на рѣкѣ Молочной, въ Таврической губерніи, колонистами-менонитами. Эти колонисты, при водвореніи ихъ, обязаны были развести при своихъ поселеніяхъ по $^1/_2$ десятины на каждый полный дворовый надѣлъ. Это обязательство было ими исполнено, подъ настойчивымъ присмотромъ и руководствомъ колониста Ивана Корниса, избраннаго самими колонистами, изъ среды своей, для этого дѣла. При всѣхъ колоніяхъ разведено около 1425 десятинъ. Въ 1841 г. Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ осматривалъ и восхищался этими плантаціями, а по возвращеніи въ С.-Петербургъ, приказалъ подумать, какъ бы завести и на казенныхъ земляхъ южныхъ степей подобный лѣсъ. Уже въ 1843 году для этой цѣли выбрана была Велико-Анадольская оброчная статья и на ней учреждена образцовая плантація, а въ слѣдующемъ году, близъ города Мелитополя, заложена и другая—Бердянская плантація. Въ первую образцовую плантацію командированъ былъ подпоручикъ В. Е. фонъ-Граффъ, а вторая поручена была колонисту Вибе, зятю Корниса. Въ каждой изъ плантацій устроены были и школы лѣсниковъ, какъ съ цѣлью выработать наиболѣе цѣлесообразные способы лѣсоразведенія въ степяхъ и выбрать соотвѣтствующія имъ древесныя и кустарныя породы, такъ и для образованія изъ крестьянскихъ мальчиковъ знающихъ свое дѣло лѣсниковъ, которые могли бы пріохотить къ лѣсоразведенію и древоводству тѣхъ крестьянъ, которыми заселялись въ то время казенныя земли на югѣ. В. Е. Граффъ, завѣдывая 23 года Велико-Анадольскою плантаціею, оказалъ выдающіяся заслуги степному лѣсоразведенію. Только съ его энергіею и любовью къ дѣлу можно было побѣдить всѣ представлявшіяся препятствія. Подъ его непосредственнымъ руководствомъ явился 140-десятинный лѣсной участокъ, а теперь этотъ участокъ расширился, къ нему присоединены въ небольшихъ разстояніяхъ еще нѣсколько земельныхъ участковъ, и на всѣхъ ихъ, составившихъ Велико-Анадольское Лѣсничество, въ настоящее время занято лѣсомъ почти 3.000 десятинъ. Въ Бердянской плантаціи, къ которой впослѣдствіи присоединена еще и Джекенлынская оброчная статья, къ настоящему времени разведено всего около 900 десятинъ.

Въ сороковыхъ же годахъ заложенъ небольшой питомникъ въ селѣ Гавриловкѣ. Въ 1845 г. 20 августа послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы приступить къ разведенію лѣса на калмыцкихъ земляхъ, въ Астраханской губерніи, и на первый разъ предназначено обратить подъ лѣсъ по одной десятинѣ на каждыя 20 кибитокъ калмыковъ, всего до 700 десятинъ. Въ продолженіе первыхъ годовъ работы состояли тамъ въ заложеніи питомниковъ, а высадка изъ нихъ деревьевъ и образованіе плантацій началась съ 1850 г. на 33 десятинахъ, въ 1851 году $38^1/_2$, въ 1852 году 43, въ 1853 г. на 66 десятинахъ, а нынѣ состоитъ 315 десятинъ.

После того заложены еще плантаціи въ *Екатеринославской* губерніи: Большемихайловская, гдѣ нынѣ разведено около 225 дес., и Вехнеднѣпровская, гдѣ нынѣ подъ лѣсомъ около 320 дес.; въ *Таврической* губерніи — Азовская плантація съ разведеннымъ лѣсомъ около 700 дес., и Эвпаторійская пока около 100 дес.; въ *Херсонской* губерніи: въ Рацынскомъ лѣсничествѣ разведено около 700 дес. и во Владимірскомъ лѣсничествѣ около 800 десятинъ; въ *Ставропольской* губерніи: въ Русской дачѣ — разведено около 300 дес. и заложенъ еще новый питомникъ рядомъ съ Калмыцкими землями, на границѣ Медвѣжинскаго уѣзда, гдѣ и отведена оброчная статья подъ засадку лѣсомъ.

Съ легкой руки Министерства Государственныхъ Имуществъ, стали разводить въ степяхъ лѣсъ и въ области Войска Донского. Тамъ дѣло это начато въ 1872 году, въ скромныхъ размѣрахъ, а теперь оно расширилось, заняло много пунктовъ и вновь разведено лѣса болѣе 2,000 дес., но точной цифры не опубликовано. Тамъ дѣло это началъ и до сихъ поръ руководитъ имъ энергичный и талантливый казакъ Тихановъ. Онъ первый выработалъ и примѣняетъ тѣ новѣйшіе пріемы, которые теперь, съ незначительными измѣненіями, введены также и во всѣхъ казенныхъ степныхъ плантаціяхъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Работы по разведенію лѣса въ степяхъ, въ самомъ началѣ, въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ, когда главнымъ образомъ испытывали чрезвычайно различные пріемы, обходились очень дорого, — на десятину разведеннаго лѣса, до его полной сомкнутости, издержки составляли гораздо болѣе 100 р., затѣмъ пытались перейти къ пріемамъ возможнаго удешевленія расходовъ и стали образовывать различныхъ типовъ насажденія; наконецъ, когда замѣтили удачу тѣхъ пріемовъ и того типа насажденій, какой выработался Ф. Е. Тихановымъ въ Войскѣ Донскомъ, въ 1882 и 1884 г. созваны были совѣщательныя комиссіи, образованныя изъ мѣстныхъ лѣсничихъ степного края, и командированы въ составъ тѣхъ комиссій ревизоры лѣсоустройства. Комиссіи эти на мѣстѣ строго обсудили: какіе изъ производившихся пріемовъ работъ оказались наиболѣе успѣшными; въ какомъ порядкѣ и съ помощью какихъ древесныхъ породъ слѣдуетъ впредь производить степное лѣсоразведеніе; какой необходимъ уходъ за плантаціями и какія рабочія силы потребны для производства каждой работы. Заключенія комиссій представлены были въ Лѣсной Департаментъ и въ 1885 году утверждено было составленное комиссіей «Положеніе о порядкѣ производства лѣсокультурныхъ работъ въ губерніяхъ: Екатеринославской, Таврической, Херсонской и Бессарабской», равно и «Урочное положеніе» для всякаго рода работъ въ степяхъ. Съ тѣхъ поръ расходы степного лѣсоразведенія стали значительно уменьшаться, такъ что нынѣ на образованіе одной десятины лѣса, до его полнаго смыканія, потребно издержекъ отъ 40 до 50 рублей.

Передвижные пески, какъ приморскіе, такъ и внутри материка находящіеся, у насъ въ значительномъ количествѣ и засыпаютъ рядомъ лежащія поля, луга, усадьбы, а потому составляли также предметъ особаго попеченія Министерства Государственныхъ Имуществъ. Первыя работы по укрѣпленію и облѣсенію приморскихъ дюнъ начаты въ 1835 г., около Либавы, по всему протяженію отъ нея балтійскаго прибрежья до прусскихъ границъ. Эти работы закончены къ 1860 г. Съ 1854 начато было укрѣпленіе и облѣсеніе виндавскихъ дюнъ и закончено къ 1873 г.

Въ отношеніи песковъ, расположенныхъ внутри материка, наиболѣе крупныя работы сосредоточились близъ города Алешекъ, Таврической губерніи. Тамъ, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, пески эти занимаютъ громадную площадь.

Еще въ 1834 г. министръ финансовъ графъ Канкринъ рѣшился заняться укрѣпленіемъ этихъ песковъ и ассигновалъ на этотъ предметъ 5,000 руб. ассигн., но до учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ работы, тамъ исполненныя, не превышали нѣсколькихъ десятинъ и обходились очень дорого, потому что предъ разведеніемъ лѣса мѣстность планировали. Съ 1843 размѣръ работъ по укрѣпленію алешковскихъ песковъ шелюгою значительно расширился, прекратили планировку мѣстности, оставляли высокіе остроконечные кучугуры нетронутыми, а на ровныхъ и пологихъ поверхностяхъ проводили плужныя борозды, въ которыя клали шелюговые черенки, такъ что такою упрощенною работою до настоящаго времени разведено было шелюги около 15 т. дес.

Сверхъ того, Палатамъ Государственныхъ Имуществъ предписано было вездѣ, гдѣ на земляхъ государственныхъ крестьянъ находятся опасные переносные пески, чтобы сельскія общества укрѣпляли ихъ разведеніемъ шелюги, по наряду къ этимъ работамъ крестьянъ. Этимъ путемъ было укрѣплено не мало песковъ въ губерніяхъ: Черниговской, Кіевской, Полтавской, Харьковской и Екатеринославской.

Такъ какъ для производства искусственнаго разведенія необходимо имѣть культурный матеріалъ, сѣмена и саженцы, то послѣ уже упомянутой поѣздки въ 1849 г. графа Киселева по Россіи, по его приказанію, предписано было Палатамъ учредить при каждой устроенной дачѣ питомники, подобно тѣмъ, какіе уже заведены при нѣкоторыхъ дачахъ. Вслѣдствіе того съ 1851 по 1857 г. устроено 67 питомниковъ въ лѣсахъ, не считая степныхъ мѣстъ, но предписаніемъ 10 декабря 1856 г. пріостановлено устройство при каждой таксированной дачѣ постоянныхъ питомниковъ, на томъ основаніи, что такіе питомники обходятся дорого, тогда какъ при производствѣ культуръ можно довольствоваться одними небольшими временными питомниками, не требующими никакихъ особыхъ отъ общаго лѣсоразведенія расходовъ и представляющихъ важное удобство тѣмъ, что они, помѣщаясь либо на самыхъ лѣсосѣкахъ, либо очень близко

къ нимъ, избавляютъ отъ дальней перевозки саженцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Министерство обратило вниманіе и на то, чтобы лѣсничіе могли получать добротныя всхожія сѣмена. Уже въ 1845 г. установлено было, чтобы въ каждомъ лѣсничествѣ собираемо было сѣмянъ въ количествѣ не менѣе двойной пропорціи годовой потребности самого лѣсничества, дабы, за удовлетвореніемъ собственной надобности, можно было снабжать сѣменами, изъ избытка, другихъ лѣсничихъ, гдѣ не растутъ нѣкоторыя породы деревъ, а равно и удовлетворять надобности частныхъ лицъ. Сборъ производился въ то время лѣсною стражей, но разрѣшался и наймомъ, съ условіемъ, чтобы издержки были сполна возвращены продажею сѣмянъ. Но отъ частныхъ лицъ въ то время почти вовсе не было требованій, а казенныя лѣсничества еще не нуждались въ большихъ количествахъ, оттого разъ заготовленныя сѣмена залеживались и часто получались недоброкачественными. Въ 1869 году утверждено было подробное «Положеніе о сборѣ, порядкѣ требованій и разсылкѣ древесныхъ сѣмянъ»; однако, 15-лѣтній опытъ убѣдилъ, что это «Положеніе» мало улучшило прежній порядокъ: требованія или вовсе не удовлетворялись, потому что часто обращались для полученія извѣстнаго рода сѣмянъ въ такія лѣсничества, гдѣ именно того рода сѣмянъ не можетъ быть въ обиліи, такъ какъ тамъ мало растетъ деревъ тѣхъ породъ, или высылались въ очень малыхъ количествахъ. Поэтому въ 1886 г. изданы новыя правила о порядкѣ снабженія однихъ лѣсничествъ изъ другихъ сѣменами, въ которыхъ они нуждаются. Въ этихъ правилахъ были установлены районы для требованія, нормированы проценты всхожести и опредѣлены максимальныя цѣны за заготовку сѣмянъ, и облегчена лѣсничимъ выписка сѣмянъ непосредственными сношеніями другъ съ другомъ. Для извлеченія изъ хвойныхъ шишекъ сѣмянъ были въ разныхъ мѣстахъ Россіи устроены 9 шишкосушиленъ, но устарѣвшихъ системъ.

Въ настоящее время порядокъ сбора и разсылка сѣмянъ организованы болѣе цѣлесообразно. Всѣ по этому предмету распоряженія сосредоточены въ Лѣсномъ Департаментѣ, который, на основаніи получаемыхъ изъ всѣхъ губерній срочныхъ донесеній съ одной стороны—объ ожидаемомъ урожаѣ каждой древесной породы, съ другой стороны—о количествѣ требуемыхъ сѣмянъ, дѣлаетъ наряды о сборѣ сѣмянъ и объ отсылкѣ ихъ въ опредѣленныя мѣста.

Чтобы дать понятіе о количествѣ собираемыхъ сѣмянъ, упомяну, что въ 1892 году въ дачахъ Лѣсного вѣдомства собрано было сѣмянъ различныхъ древесныхъ и кустарныхъ породъ фунтовъ: сосны—3,528, ели—408, пихты—141, лиственницы—229, кедра—30, можжевельника—6, дуба—129,162, граба—216, вяза, ильма и береста—25,407, ясеня—3,240, клена—11,004, березы—1,264, липы—560, лоха—2,261, боярышника—730, бѣлой акаціи—1,536, гледичіи—2,405, айлоита—94, шелковицы—94, туи—2, конскаго каштана—

40, грецкаго орѣха—200, разныхъ фруктовыхъ деревъ—395, разныхъ кустарныхъ породъ—292, а всего—183,244 фунта.

При самомъ началѣ учрежденія казенныхъ лѣсныхъ питомниковъ и лѣсныхъ плантацій въ степныхъ губерніяхъ имѣлось уже въ виду отпускать изъ нихъ саженцы также государственнымъ крестьянамъ и частнымъ лицамъ, надѣясь, что успѣхъ казеннаго лѣсоразведенія возбудитъ въ населеніи охоту къ этому дѣлу. И дѣйствительно, уже съ конца сороковыхъ годовъ производился отпускъ саженцевъ частнымъ лицамъ, отчасти за деньги, а бѣднѣйшимъ жителямъ безплатно. Однако, немногіе изъ частныхъ землевладѣльцевъ пріобрѣтали саженцы изъ казенныхъ питомниковъ. Впослѣдствіи, въ семидесятыхъ годахъ, земства трехъ южныхъ губерній: Таврической, Херсонской и Екатеринославской признали нужнымъ устроить особые земскіе питомники, чтобы мѣстнымъ жителямъ открыть возможность заняться лѣсоразведеніемъ и обсадкою въ селеніяхъ домовъ деревьями, такъ какъ около этого времени, во многихъ мѣстахъ, изданы были обязательныя постановленія, требовавшія обсадки домовъ деревьями, въ видахъ предупрежденія быстраго распространенія пожаровъ. Въ нѣсколькихъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи и возникли такіе питомники, но въ маломъ видѣ. Земства же Херсонской и Таврической губерній выразили уже въ 1876 году желаніе, чтобы со стороны Министерства Государственныхъ Имуществъ оказано было имъ содѣйствіе въ дѣлѣ снабженія саженцами древесныхъ породъ. Въ отношеніи способовъ содѣйствія со стороны Министерства, желанія земствъ были очень разнообразны. Нѣкоторыя земства считали нужнымъ учредить, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, особые для земскихъ надобностей питомники на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, соглашаясь отпускать изъ земскихъ средствъ по 500 руб. въ годъ на каждый питомникъ, съ тѣмъ, чтобы эти заведенія оставались въ вѣдѣніи земства, а устройство этихъ питомниковъ и дальнѣйшее наблюденіе за правильностью производства въ нихъ работъ, въ техническомъ отношеніи, было принято на себя Министерствомъ, отъ котораго и назначать для этой цѣли свѣдущихъ спеціалистовъ, съ содержаніемъ послѣднихъ на счетъ казны. Другія земства находили нужнымъ, чтобы Министерство Государственныхъ Имуществъ устроило на казенныхъ земляхъ, въ удобныхъ мѣстахъ, на счетъ казны, питомники, съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ саженцы могли быть безплатно отпускаемы на земскія потребности, при чемъ многія уѣздныя земскія собранія выразили готовность ассигновать нѣкоторую сумму изъ земскихъ средствъ на содержаніе такихъ питомниковъ. Такъ какъ на осуществленіе желаній земствъ тѣ денежныя средства, какія предполагались къ отпуску изъ земскихъ суммъ, оказались далеко недостаточными и приходилось расходовать изъ казенныхъ суммъ до 15 тыс. руб. ежегодно, чтобы содержать нужныхъ для земскихъ питомниковъ спеціалистовъ и производить надлежащимъ образомъ работы, то Министерство, за неимѣніемъ сво-

бодныхъ на этотъ предметъ суммъ, не нашло возможнымъ принять на счетъ казны такой расходъ, но выразило готовность поручить состоящимъ на службѣ лѣсничимъ руководить работами въ земскихъ питомникахъ, гдѣ таковые будутъ открыты близъ казенныхъ лѣсничествъ. Между тѣмъ удовлетвореніе частныхъ лицъ и крестьянскихъ обществъ нужными имъ саженцами, составляло потребность настоятельную. Казна въ дѣлѣ лѣсоразведенія и охраненія селеній отъ пожаровъ почти настолько же заинтересованная сторона, какъ и частныя лица, потому что всякая мѣра, предупреждающая быстрое распространеніе пожаровъ и сохраняющая имущество населенія, ведетъ къ возвышенію народнаго благосостоянія, а возникновеніе въ степныхъ мѣстностяхъ лѣсовъ, удерживающихъ сухіе восточные вѣтры и увеличивающихъ атмосферную влагу, составляетъ одно изъ вліятельнѣйшихъ средствъ къ предотвращенію неурожая полей, и слѣдовательно, содѣйствіемъ населенію въ способахъ полученія имъ нужнаго посадочнаго матеріала несомнѣнно усиливается податная способность народа. Поэтому министръ государственныхъ имуществъ твердо рѣшился помочь мѣстному населенію степныхъ губерній въ дѣлѣ безпрепятственнаго удовлетворенія потребностей ихъ въ саженцахъ, но предполагалъ, что должны быть какія-либо особыя причины тому, что частныя лица недостаточно пользуются саженцами изъ существующихъ уже въ довольно большомъ числѣ казенныхъ питомниковъ,—причины эти должны быть изслѣдованы и устранены. Съ этою цѣлью въ 1886 году командированъ былъ на югъ одинъ изъ членовъ совѣта министра.

Изъ тщательно собранныхъ на мѣстѣ свѣдѣній оказалось, что существующіе въ немаломъ числѣ казенные питомники, главнымъ образомъ, представляютъ то неудобство, что частныя лица должны сами посылать своихъ людей и подводы для полученія деревьевъ, для выкопки ихъ и для упаковки, а это вообще возможно только ближайшимъ къ питомникамъ землевладѣльцамъ, да и тѣ затрудняются исполненіемъ этого требованія, потому что рѣдко могутъ располагать опытными рабочими, которые бы умѣли безъ порчи саженцевъ выкапывать, обрѣзывать и упаковать ихъ. Неудобство это еще болѣе усиливалось тѣмъ, что частныя лица не знали, гдѣ и сколько деревцевъ они могутъ получить. Кромѣ того, цѣны на саженцы въ казенныхъ питомникахъ были слишкомъ высоки, такъ что и при желаніи разводить лѣсъ землевладѣлецъ отступался отъ своего намѣренія, въ виду чрезмѣрной дороговизны саженцевъ. Далѣе оказалось, что для частныхъ лицъ важно не то, будутъ-ли, для удовлетворенія ихъ нуждъ, учреждены особые питомники, подъ названіемъ земскихъ, будутъ-ли они заложены на земляхъ частныхъ или казенныхъ, или же будутъ имъ отпускаться нужные саженцы изъ существующихъ казенныхъ питомниковъ, но важно лишь то, чтобы цѣны на посадочный матеріалъ были не дорогія и чтобы питомники находились въ такихъ мѣстахъ, изъ которыхъ удобно до-

ставлять деревца въ имѣніе, и чтобы выкопку, упаковку и отправку по желѣзнымъ дорогамъ принимали на себя лѣсничіе, завѣдывающіе питомниками. Далѣе оказалось, что многіе изъ существующихъ уже казенныхъ питомниковъ, находящихся не слишкомъ далеко отъ желѣзныхъ дорогъ, могутъ весьма удобно служить для снабженія земствъ и частныхъ лицъ посадочнымъ матеріаломъ, который по распоряженію завѣдывающихъ питомниками могъ бы быть упакованъ и сданъ на желѣзныя дороги, для доставки на ту желѣзнодорожную станцію, какую укажетъ земство или частное лицо въ своемъ заказѣ. Для пользы самаго дѣла, признано было лучшимъ, чтобы изъ казенныхъ питомниковъ не производить дарового отпуска посадочнаго матеріала, а назначить небольшую плату, потому что при даровомъ отпускѣ многіе получатели не обращаются съ деревцами бережливо. Если же земства признаютъ нужнымъ помочь, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, бѣднѣйшимъ сельскимъ обществамъ или отдѣльнымъ домохозяевамъ въ пріобрѣтеніи для нихъ деревьевъ на общественныя работы, на обсадку домовъ, училищъ, церквей, волостныхъ правленій, то отъ самихъ земскихъ собраній зависитъ принять на себя, въ такихъ случаяхъ, уплату денегъ за посадочный матеріалъ, обративъ на этотъ предметъ тѣ суммы, которыя многія земства готовы были ассигновать на расходы по устройству питомниковъ.

На основаніи такихъ свѣдѣній, съ приложенными расчетами, сдѣлано было распоряженіе отпускать уже съ 1887 года частнымъ лицамъ нужный имъ посадочный матеріалъ изъ казенныхъ степныхъ питомниковъ, по столь низкой цѣнѣ за деревца, что она не могла быть обременительна и по какой ни одинъ изъ частныхъ торговыхъ питомниковъ не могъ производить отпускъ. На первый случай предназначены были на югѣ только 5 большихъ питомниковъ, названные 1-го разряда, изъ которыхъ, по письменному заявленію частныхъ лицъ или земствъ, лѣсничіе обязаны были сами упаковывать и отправлять деревца по желѣзнымъ дорогамъ къ мѣсту назначенія, а изъ прочихъ питомниковъ, 2-го разряда, назначено было отпускать саженцы по той же дешевой цѣнѣ, но отправка должна была производиться самими частными владѣльцами.

Съ изданіемъ, 1888 года 4 апрѣля, закона о сбереженіи лѣсовъ, министръ государственныхъ имуществъ призналъ нужнымъ всѣми зависящими отъ него мѣрами помочь частнымъ землевладѣльцамъ въ пріобрѣтеніи ими нужныхъ саженцевъ и сѣмянъ, во всей Россіи, по возможно дешевѣйшимъ цѣнамъ и въ порядкѣ сколь можно менѣе обременительномъ. Въ этихъ видахъ утверждена 1 мая 1893 года новая инструкція о порядкѣ отпуска древесныхъ саженцевъ и сѣмянъ изъ казенныхъ лѣсничествъ.

Признано для цѣли снабженія частныхъ землевладѣльцевъ необходимымъ имъ посѣвнымъ и посадочнымъ матеріаломъ устроить близъ желѣзныхъ дорогъ особые питомники и при нихъ склады.

На первый случай устроить такихъ питомниковъ и складовъ десять, въ разныхъ мѣстахъ, — къ чему уже приступлено въ 1893 году: мѣста для складовъ и питомниковъ избраны и работы начались. Въ эти склады и будутъ отправляемы изъ другихъ лѣсничествъ собираемыя въ послѣднихъ древесныя сѣмена, въ томъ количествѣ, на какое сдѣланъ будетъ нарядъ Лѣснымъ Департаментомъ, въ которомъ положено сосредоточить всѣ свѣдѣнія о наличности запасовъ и о количествѣ поступившихъ требованій на сѣмена и саженцы.

Лѣсной Департаментъ получаетъ въ опредѣленные сроки отъ всѣхъ управленій донесенія объ ожидаемомъ урожаѣ сѣмянъ и о томъ, въ какомъ приблизительно количествѣ можетъ быть собрано изъ каждой породы, растущей въ казенныхъ лѣсахъ, равно и о количествѣ сѣянцевъ и саженцевъ, какіе имѣются каждой породы въ каждомъ изъ тѣхъ питомниковъ, которые не состоятъ при складахъ. Съ другой стороны и завѣдывающіе складами и питомниками также въ извѣстные сроки доносятъ о поступившихъ къ нимъ требованіяхъ и о наличности у нихъ сѣмянъ и растеній. Имѣя эти свѣдѣнія, Лѣсной Департаментъ дѣлаетъ по губерніямъ распоряженія о сборѣ сѣмянъ каждой породы въ потребномъ количествѣ и о высылкѣ въ тотъ или другой складъ, или же прямо къ частному лицу. Сѣянцы же и саженцы выращиваются въ каждомъ питомникѣ, состоящемъ при завѣдывающемъ складомъ, но если бы требованія частныхъ лицъ превышали имѣющееся въ наличности число сѣянцевъ или саженцевъ, то это недостающее число можетъ быть доставлено изъ другого питомника, не состоящаго при складѣ.

Свѣдѣнія о мѣстахъ нахожденія питомниковъ и складовъ, для снабженія частныхъ лицъ сѣменами и саженцами, объ имѣющихся въ нихъ культурныхъ матеріалахъ и о цѣнахъ на послѣдніе, съ упаковкою и доставкою до ближайшей почтовой или желѣзнодорожной станціи, публикуются Лѣснымъ Департаментомъ ежегодно въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Сельскомъ Вѣстникѣ» и въ спеціальныхъ лѣсныхъ и сельскохозяйственныхъ изданіяхъ, а также разсылаются во всѣ губернскія и уѣздныя земскія управы, сельскохозяйственнымъ обществамъ и корреспондентамъ Лѣсного Департамента и Департамента Земледѣлія; сверхъ того, свѣдѣнія эти сообщаются всѣмъ тѣмъ лицамъ и установленіямъ, которыя пожелаютъ получить ихъ и съ этою цѣлью сообщатъ Лѣсному Департаменту или мѣстному управленію государственными имуществами свои адреса.

Съ заявленіями объ отпускѣ культурнаго матеріала заказчики обращаются или непосредственно къ завѣдывающимъ питомниками и складами, или же въ Лѣсной Департаментъ, мѣстныя управленія государственными имуществами, а также и къ мѣстнымъ чинамъ казеннаго лѣсного управленія. Въ объявленіяхъ обозначается: 1) количество культурнаго матеріала, отдѣльно по породамъ и возрасту; 2) почтовая или желѣзнодорожная станція или пристань, куда должны

быть отправлены матеріалы; 3) имя, отчество, фамилія и мѣсто жительства получателя матеріала, въ случаѣ отправки послѣдняго по желѣзной дорогѣ или водою; 4) указаніе заказчика о томъ, желаетъ-ли онъ получить требуемый имъ матеріалъ для весенней или для осенней культуры того года, въ которомъ подается заявленіе, и 5) въ случаѣ неуплаты денегъ при самомъ заказѣ, указаніе о томъ, желаетъ-ли заказчикъ, чтобы матеріалъ былъ отправленъ наложеннымъ платежемъ. Заявленія объ отпускѣ культурнаго матеріала подаются по возможности до 1 февраля, для осеннихъ же культуръ могутъ быть подаваемы до 1 іюля. Поступившіе въ означенные сроки заказы на матеріалы, поименованные въ объявленіяхъ Лѣсного Департамента, удовлетворяются во всякомъ случаѣ—полностью или по разверсткѣ, если заказы превышаютъ имѣющуюся въ питомникахъ и складахъ наличность матеріаловъ; затѣмъ заказы, поступившіе послѣ указанныхъ сроковъ, исполняются лишь въ томъ случаѣ, когда въ питомникахъ и складахъ будутъ имѣться требуемые матеріалы.

Преслѣдованіе нарушеній лѣсного устава.

Министерство Государственныхъ Имуществъ, съ первыхъ годовъ его учрежденія, замѣтило, что установленный закономъ порядокъ преслѣдованія нарушеній лѣсного устава не соблюдается въ точности мѣстными органами управленія, а потому, прежде всего, стало настаивать на скорѣйшемъ начинаніи по подобнымъ дѣламъ слѣдствія и о производствѣ таковыхъ въ узаконенномъ порядкѣ, съ разъясненіемъ въ циркулярныхъ предписаніяхъ образа дѣйствій мѣстныхъ лѣсныхъ чиновъ.

Въ отношеніи самой формы слѣдственнаго производства измѣненій по существу не могло послѣдовать, пока продолжалось не гласное судопроизводство; но налагаемыя взысканія и наказанія подверглись измѣненіямъ. Уложеніемъ о наказаніяхъ 1845 г. введены были болѣе строгія взысканія за порубки, противу постановленій Свода Законовъ, изданій 1832 и 1842 годовъ. Увеличеніе наказаній за похищеніе и самовольныя порубки лѣса послѣдовало по настоянію министра государственныхъ имуществъ, находившаго прежнія мѣры взысканія недостаточными для огражденія казенныхъ лѣсовъ. Законами 1846 и 1850 годовъ къ наказаніямъ за похищеніе и порубку лѣса прибавлено, сверхъ опредѣлявшагося и прежде отобранія похищеннаго, денежное взысканіе, равное цѣнѣ похищеннаго или поврежденнаго лѣса; оно обращалось въ пользу потерпѣвшаго лѣсовладѣльца. Послѣ того состоялся 9 мая 1863 г. указъ, значительно смягчившій систему наказаній. Указъ этотъ различалъ похищеніе и порубку лѣса на сумму до 30 руб. и свыше 30 руб. Виновные въ похищеніи или поврежденіи лѣса на сумму не свыше 30 руб. обложены лишь денежными взысканіями вдвое или втрое противъ цѣнъ причиненнаго вреда; та же отвѣтственность опредѣлена и за первыя двѣ порубки лѣса на сумму свыше 30 руб., и

только въ случаѣ изобличенія виновныхъ въ томъ въ третій разъ въ теченіе двухъ лѣтъ ихъ велѣно подвергать взысканію личному, значительно пониженному въ сравненіи съ прежними законами. Въ основаніе этой реформы приводилось, что виновными въ маловажныхъ порубкахъ и похищеніяхъ бываютъ обыкновенно люди крайне бѣдные, побуждаемые къ тому крайнею нуждою и ограничивающіе свои самовольства въ лѣсахъ удовлетвореніемъ домашнихъ потребностей; признавалось неправильнымъ подвергать ихъ одинаковому наказанію съ тѣми, которые дѣйствуютъ изъ корысти.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, не нашелъ возможнымъ сохранить столь мягкій взглядъ на лѣсные проступки. Въ первоначальномъ проектѣ его были значительно усилены наказанія, но они вызвали возраженія со стороны генералъ-адъютанта Зеленаго, и Государственный Совѣтъ принялъ средній путь, соединивъ денежныя взысканія съ личными наказаніями; законъ же 22 марта 1882 г. далъ этому направленію дальнѣйшее развитіе.

Въ порядкѣ преслѣдованія нарушеній лѣсного устава существенныя измѣненія послѣдовали въ силу общей реформы судебныхъ учрежденій и порядка уголовнаго судопроизводства, но, независимо отъ этого, нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ мѣръ:

1) До образованія земскихъ учрежденій размѣръ взысканій за самовольныя порубки опредѣлялся по таксамъ, утвержденнымъ министромъ государственныхъ имуществъ, примѣняемымъ при продажѣ лѣса. Съ образованіемъ земскихъ учрежденій, земскимъ собраніямъ предоставлено утверждать таксы для опредѣленія размѣра штрафа за самовольныя порубки въ лѣсахъ частновладѣльческихъ. Вскорѣ оказалось, что земскія учрежденія, для усиленія штрафовъ, возвышали таксовыя цѣны настолько противъ дѣйствительной стоимости самовольно порубленныхъ матеріаловъ, что порубщикамъ представлялся расчетъ чинить правонарушенія предпочтительнѣе въ казенныхъ лѣсахъ, несмотря на болѣе строгое ихъ охраненіе и на большую возможность открытія виновныхъ. Это побудило Министерство испросить въ 1872 г. законъ, въ силу котораго опредѣленіе взысканій за самовольныя порубки въ казенныхъ лѣсахъ производится на основаніи таксъ, составляемыхъ земскими управами и утверждаемыхъ земскими собраніями.

2) Постепенное развитіе хозяйственной дѣятельности лѣсничихъ потребовало перенесенія части обязанностей ихъ на помощниковъ и по преслѣдованію нарушеній лѣсного устава. Поэтому въ 1869 г. Министерство исходатайствовало предъ Правительствующимъ Сенатомъ разъясненіе, въ силу котораго помощники лѣсничихъ, кондукторы, получали право составлять протоколы по самовольнымъ порубкамъ наравнѣ съ лѣсничими, по ст. 1133 уст. угол. судопроизводства.

3) Для успѣшнѣйшаго хода преслѣдованія нарушеній лѣсного устава закономъ 1871 г. предоставлено объѣздчикамъ и лѣсникамъ

составлять протоколы о нарушеніяхъ, которыми причиненъ ущербъ не свыше 25 руб.

4) Въ 1882 г., въ виду затрудненій, встрѣчаемыхъ въ пріисканіи понятыхъ для составленія протоколовъ по правонарушеніямъ въ лѣсахъ, предоставлено объѣздчикамъ и лѣсникамъ составлять протоколы безъ приглашенія понятыхъ. Тѣмъ же закономъ 19 января 1882 г., въ видахъ упрощенія порядка судопроизводства по самовольнымъ порубкамъ, постановлено, что показанія протоколовъ, составленныхъ установленнымъ порядкомъ, провѣряются только въ такомъ случаѣ, когда обвиняемый представитъ такія, основанныя на обстоятельствахъ дѣла, возраженія, которыя мировой судья признаетъ уважительными; только при наличности такихъ возраженій вызывается на судебное разбирательство обвинитель.

5) Въ 1882 г., закономъ 25 марта, возвышены взысканія за нарушенія лѣсного устава, совершенныя при обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину.

6) По закону 1885 г. декабря 16 предоставлены разбирательству мировыхъ судебныхъ учрежденій всѣ дѣла по спеціальнымъ лѣснымъ нарушеніямъ, которыми нанесенъ ущербъ на сумму не свыше 300 руб. Такое расширеніе юрисдикціи мировыхъ судебныхъ учрежденій замѣтно облегчило лѣсовладѣльцевъ въ преслѣдованіи лѣсныхъ нарушителей.

Лѣсохозяйственныя общества, съѣзды лѣсохозяевъ, выставки, поощренія, преміи.

Первое въ Россіи лѣсохозяйственное общество возникло въ 1832 году. Это было *общество для поощренія лѣсного хозяйства*, уставъ котораго Высочайше утвержденъ 25 февраля 1832 г. Общество имѣло цѣлью обращать вниманіе публики, и особенно лѣсовладѣльцевъ, на крайнюю необходимость заняться сбереженіемъ лѣсовъ. Для этой цѣли общество обязано было печатно и чрезъ сотрудниковъ распространять свѣдѣнія о правильномъ лѣсоводствѣ, знакомить съ практическими методами разведенія и рубки лѣсовъ, содѣйствовать устройству древесныхъ разсадниковъ въ безлѣсныхъ губерніяхъ и т. п. Средствами же сообщенія общества съ публикой указаны: публичныя вѣдомости, періодическія изданія, изданіе руководствъ по разнымъ предметамъ лѣсоводства и, наконецъ, изданіе журнала, посвященнаго спеціально разработкѣ вопросовъ лѣсного хозяйства. Общество состояло подъ особымъ покровительствомъ Государя Императора и министръ финансовъ обязанъ былъ объ успѣхахъ общества доводить до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества. Общество получало отъ правительства субсидію по 12 тысячъ руб. въ годъ и даровое помѣщеніе въ зданіи Министерства Финансовъ.

Общество тотчасъ приступило къ изданію спеціальнаго печатнаго органа «Лѣсного Журнала», а кромѣ того издало нѣсколько полезныхъ по лѣсной части руководствъ, прежде всего переводы

съ нѣмецкаго: «Лѣсной технологіи» Фелькера, «Лѣсной математики» Кенига, «Руководства къ введенію правильнаго въ лѣсахъ хозяйства и таксацію лѣсовъ» Гейнриха Котта.

Общество для поощренія лѣсного хозяйства продолжало свое существованіе и послѣ учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, до 1845 года; но въ этомъ году оно соединилось съ Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ обществомъ и образовало въ послѣднемъ особое лѣсное отдѣленіе, продолжавшее изданіе «Лѣсного Журнала». Въ 1850 году закрыто было это особое лѣсное отдѣленіе и съ нимъ въ то же время прекратилось изданіе «Лѣсного Журнала».

Въ концѣ 1869 года образовался частный кружокъ лѣсничихъ, задавшійся цѣлью выработать организацію лѣсного общества и воскресить «Лѣсной Журналъ». Уставъ лѣсного общества былъ утвержденъ 2 марта 1871 года. Общество имѣло цѣлью распространять лѣсохозяйственныя знанія и содѣйствовать развитію лѣсного хозяйства въ нашемъ отечествѣ. Субсидіи отъ правительства общество не просило и до сихъ поръ не получаетъ. Оно только пользуется даровымъ помѣщеніемъ въ зданіи Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Дѣйствія свои общество открыло 5 апрѣля 1871 г. при 137 членахъ-учредителяхъ. Въ 1883 г. лѣсному обществу дано разрѣшеніе на открытіе въ Москвѣ отдѣленія, которое образовалось и начало свою дѣятельность 1 октября 1883 г. при 120 членахъ-учредителяхъ.

Лѣсное общество въ С.-Петербургѣ собираетъ своихъ членовъ ежемѣсячно въ общія собранія, въ засѣданіяхъ котораго обсуждаются разнообразные вопросы по лѣсному хозяйству. Въ засѣданія допускаются и посторонніе лица. Содержаніе бесѣдъ печатается въ издаваемомъ обществомъ «Лѣсномъ Журналѣ», въ которомъ, кромѣ того, сообщаются свѣдѣнія о состояніи лѣсной части въ разныхъ губерніяхъ, о нуждахъ лѣсовладѣльцевъ и лѣсохозяевъ, указываются источники пріобрѣтенія сѣмянъ, орудій и т. п. и помѣщаются наставленія къ производству лѣсохозяйственныхъ работъ и статьи ученаго содержанія. Общество издало рядъ книгъ и брошюръ по лѣсному хозяйству и капитальный трудъ: лѣсохозяйственный статистическій атласъ Россіи. Общество принимаетъ дѣятельное участіе на выставкахъ сельскаго и лѣсного хозяйствъ, и до сихъ поръ участвовало своими экспонатами на 4 иностранныхъ выставкахъ.

Московское отдѣленіе лѣсного общества, развиваясь все болѣе и болѣе, пожелало образовать самостоятельное общество, на что и послѣдовало разрѣшеніе.

Наконецъ, въ 1893 г. образовалось *общество для содѣйствія облѣсенію степей Екатеринославской губерніи*, уставъ котораго 30 іюля означеннаго года утвержденъ. Это общество ставитъ себѣ задачею разведеніе, возобновленіе и сохраненіе лѣсовъ и всякихъ древесныхъ насажденій, и распространеніе между населеніемъ зна-

ній по этому предмету. Для этого общество устраиваетъ опытныя поля, питомники древесныхъ породъ, выставки, публичныя лекціи, открываетъ склады сѣмянъ и орудій, издаетъ брошюры, а также можетъ основать періодическое изданіе для разработки вопросовъ, касающихся цѣлей общества. Вмѣстѣ съ лѣсоразведеніемъ на обязанности общества лежитъ забота объ укрѣпленіи балокъ, овраговъ и сыпучихъ песковъ, а также объ устройствѣ запрудъ для задержанія дождевой и снѣговой воды.

С.-Петербургское лѣсное общество испрашивало разрѣшеніе на устройство всероссійскихъ съѣздовъ лѣсохозяевъ. Такихъ съѣздовъ до сего времени было восемь. Первый съѣздъ состоялся въ 1872 г. въ Москвѣ, одновременно съ политехническою выставкою; второй съѣздъ былъ въ Липецкѣ въ 1874 г., третій въ Ригѣ въ 1876 г., четвертый въ Варшавѣ въ 1878 г., пятый опять въ Москвѣ въ 1882 году — одновременно съ Всероссійскою выставкою, шестой — въ Харьковѣ въ 1886 году, седьмой—въ Казани въ 1890 г., и наконецъ, восьмой въ 1893 году, въ Кіевѣ. Опытъ перваго съѣзда показалъ, что чрезвычайно затруднительно обсуждать случайно выдвигающіеся вопросы, къ которымъ члены не подготовлены, если вопросы впередъ не поставлены и неизвѣстны заблаговременно, вслѣдствіе чего, начиная со второго съѣзда, были всегда издаваемы, до открытія съѣздовъ, сборники докладовъ по вопросамъ, которые предназначались къ обсужденію на съѣздахъ. Пренія и заключенія съѣздовъ печатались затѣмъ или отдѣльными изданіями, или въ приложеніи къ «Лѣсному Журналу». Численность съѣзда превышала сто участниковъ, и доходила на четвертомъ съѣздѣ до 300 членовъ. Въ съѣздахъ принимали участіе лѣсничіе, состоящіе какъ на казенной, такъ и на частной службѣ, лѣсовладѣльцы съ разныхъ концовъ Россіи и только рѣдко лѣсопромышленники (ихъ было 1 на казанскомъ и 1 на варшавскомъ съѣздахъ). Кромѣ обсужденія поставленныхъ вопросовъ, каждый съѣздъ устраивалъ нѣсколько экскурсій въ ближайшіе казенные и частные лѣса, посвящая на это нѣсколько дней и черпая изъ такого нагляднаго ознакомленія съ веденіемъ хозяйства богатый фактическій матеріалъ для оживленнаго обмѣна между членами съѣзда впечатлѣній, мыслей и указаній. Несомнѣнно, что всероссійскіе съѣзды, созываемые съ разрѣшенія каждый разъ министра государственныхъ имуществъ, принесли свою долю пользы укрѣпленіемъ знаній и опытности среди техниковъ и распространеніемъ лѣсохозяйственныхъ познаній среди общества, въ большинствѣ случаевъ чутко прислушивавшагося къ преніямъ и заключеніямъ съѣздовъ и встрѣчавшаго ихъ съ живымъ сочувствіемъ.

Независимо отъ общихъ всероссійскихъ съѣздовъ лѣсохозяевъ, съ разрѣшенія Министерства Государственныхъ Имуществъ бывали и бываютъ разновременно во многихъ губерніяхъ мѣстные съѣзды казенныхъ лѣсничихъ, для обсужденія текущихъ административныхъ и хозяйственныхъ вопросовъ.

Специально по одной только лѣсной части устроена была только одна выставка московскимъ отдѣленіемъ лѣсного общества въ 1885 г. Это была выставка древо- и лѣсоразведенія. Туда явились экспонентами весьма многіе лѣсовладѣльцы и лѣсничіе центральной и южной Россіи. Выставка имѣла успѣхъ, какого едва-ли можно было ожидать. Другихъ, исключительно лѣсныхъ, выставокъ не было, но на общихъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ почти всегда въ числѣ выставляемыхъ предметовъ бываетъ много произведеній лѣсного хозяйства. Особенно многочисленны и въ замѣчательно хорошемъ видѣ были выставлены предметы лѣсного хозяйства и употребляемые въ немъ орудія, равно чертежи и планы и учебныя пособія, на Московской политехнической выставкѣ 1872 года, на Московской промышленно-художественной выставкѣ 1882 года и на Всероссійской сельскохозяйственной выставкѣ въ Харьковѣ въ 1887 году.

Въ Россіи успѣхи лѣсного хозяйства и распространеніе полезныхъ лѣсоводственныхъ познаній со стороны правительства поощряются, а именно:

1. Искусственно разведенныя лѣсонасажденія, если взамѣнъ ихъ не были произведены на одинаковой площади расчистки, освобождаются отъ государственныхъ и земскихъ поземельныхъ сборовъ въ теченіе 30 лѣтъ.

2. Частнымъ землевладѣльцамъ казна отпускаетъ, за дешевую плату или, по особымъ разрѣшеніямъ, безденежно сѣмена и саженцы.

3. Чтобы облегчить частнымъ землевладѣльцамъ приглашеніе къ себѣ на службу знающихъ лѣсничихъ и завѣдывающихъ лѣсами, предоставлены тѣмъ изъ чиновъ корпуса лѣсничихъ, которые поступятъ на частную службу для завѣдыванія и управленія лѣсами, служебныя права.

4. Съ цѣлью техническаго воспособленія частному лѣсному хозяйству, назначены, изъ числа состоящихъ на службѣ въ казенномъ лѣсномъ управленіи, особыя лица—ревизоры-инструкторы, которые обязаны, по желанію обращающихся къ нимъ частныхъ лѣсовладѣльцевъ: а) давать совѣты устные и письменные, относящіеся до области лѣсного хозяйства; б) осматривать частные и общественные лѣса съ лѣсохозяйственными цѣлями, и в) руководить разнаго рода лѣсными работами, если по роду прочихъ служебныхъ обязанностей окажется у лѣсного ревизора-инструктора свободное для этого время. При чемъ, письменные и устные совѣты и заключенія, не требующія осмотра лѣсовъ, лѣсной ревизоръ-инструкторъ даетъ во всякое время безвозмездно; въ случаѣ же необходимости осмотрѣть лѣсъ на мѣстѣ, лѣсной ревизоръ-инструкторъ исполняетъ и такое желаніе лѣсовладѣльца, заявленное письменно, но въ такомъ случаѣ, на счетъ послѣдняго относится стоимость проѣзда, т.-е. прогоны до мѣста и обратно и суточныя за время пути и осмотра лѣса, по положенію, указанному въ т. III, уст. о сл. гр.

5. Правительство удостоиваетъ наградами лѣсную стражу въ частновладѣльческихъ лѣсахъ и крестьянскихъ лѣсныхъ надѣлахъ, а также управляющихъ частными и общественными лѣсами, если эти послѣднія лица состоятъ по корпусу лѣсничихъ.

6. Въ видахъ поощренія частныхъ трудовъ въ дѣлѣ новыхъ насажденій, установлены преміи, на основаніи особыхъ правилъ, Высочайше утвержденныхъ.

Въ правилахъ этихъ установлены для нѣкоторыхъ малолѣсныхъ губерній за разведеніе лѣса и посадку деревъ *на крестьянскихъ земляхъ* преміи въ сто рублей, при серебряной медали каждая, а кромѣ того, въ видѣ вторыхъ премій, серебряныя медали, безъ придачи денегъ. За наибольшіе труды и успѣхи по лѣсоводству *на земляхъ частныхъ владѣльцевъ* въ губерніяхъ: Воронежской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Бессарабской, Кіевской, Подольской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Тульской, Орловской, Курской, Московской, Тамбовской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Ставропольской, въ области Войска Донского установлены двѣ преміи по 500 полуимперіаловъ, при золотой медали каждая, за наибольшіе труды и успѣхи по лѣсоразведенію, и пять золотыхъ медалей, въ видѣ вторыхъ премій, за тѣ же труды и успѣхи. Кромѣ того, за наилучшее, по правиламъ лѣсного хозяйства, устройство лѣсныхъ дачъ частныхъ владѣльцевъ, въ упомянутыхъ губерніяхъ, установлены двѣ преміи по 300 полуимперіаловъ каждая, при золотой медали, и пять золотыхъ медалей, въ видѣ вторыхъ премій, за то же устройство.

Сверхъ того, всѣ лѣса, признанные защитными, въ которыхъ владѣльцы подчиняются обязательному плану хозяйства, освобождены отъ государственныхъ и земскихъ поземельныхъ сборовъ.

Лѣсоохранительные законы.

Перейдемъ теперь къ изложенію нѣкоторыхъ свѣдѣній о постепенномъ развитіи лѣсоохранительнаго закона въ Россіи, правильнѣе говоря, закона о сбереженіи лѣса, какъ имущества, имѣющаго значеніе не только для частнаго лица, для владѣльца, но и для государства или общества. И такъ какъ въ послѣднемъ отношеніи наибольшій вредъ лѣсу можетъ принести не случайный посѣтитель его, не самовольный порубщикъ или поджигатель, а лицо, имѣющее право полнаго распоряженія имъ—лѣсовладѣлецъ, то подъ именемъ лѣсоохранительнаго закона, понимаемаго въ указанномъ нами смыслѣ, нужно разумѣть совокупность правилъ, наставленій или запрещеній, направленныхъ къ тому, чтобы удержать владѣльцевъ отъ неправильныхъ распоряженій въ принадлежащихъ имъ лѣсахъ. Понимаемый въ этомъ смыслѣ, нашъ русскій лѣсоохранительный законъ имѣетъ свою хотя краткую, но въ высшей степени интересную и поучительную исторію, на которой поэтому и будетъ полезно остановиться съ нѣкоторою подробностью.

Начало этой исторіи относится къ эпохѣ величайшихъ преобразованій въ Россіи, ко времени царствованія Петра Великаго. До того времени, правда, тоже издавались законы о лѣсахъ, о пользованіи ими и храненіи, но установленныя ими правила объ этомъ и налагаемыя взысканія имѣли въ виду исключительно охраненіе правъ собственности на лѣсъ отъ посягательствъ на это право со стороны не владѣльцевъ лѣсовъ, и потому не могутъ быть отнесены къ категоріи лѣсоохранительныхъ законовъ въ указанномъ нами смыслѣ. Самой идеи о лѣсѣ, какъ объектѣ, имѣющемъ государственное значеніе, не возникало до того времени, и нужно было появленіе на сценѣ исторіи особенныхъ событій, чтобы вызвать къ существованію эту идею, а съ нею конечно и сознаніе необходимости бережливо относиться къ лѣсамъ во имя ихъ общественной и государственной пользы.

Такимъ событіемъ слѣдуетъ считать цѣлый рядъ дѣйствій Великаго Преобразователя Россіи, направленныхъ къ тому, чтобы въ Европу прорубить окно и

Ногою твердой стать при морѣ.

Начатыя съ этою цѣлью войны съ сосѣдними державами указали на необходимость имѣть собственный флотъ, а слѣдовательно и матеріалъ для постройки, пополненія и ремонта этого флота (какъ мы уже выше упоминали), котораго необходимость представлялась очевидною даже и для того случая, когда бы всѣ войны были окончены съ самымъ благополучнымъ результатомъ для Россіи. Необходимъ былъ, слѣдовательно, лѣсъ для образованія этого матеріала и притомъ расположенный такъ, чтобы доставка его къ верфямъ была возможна и не затруднительна. Въ то время лѣса въ Россіи было, конечно, несравненно больше, чѣмъ нынѣ, но избытка лѣсовъ цѣнныхъ, годныхъ на кораблестроеніе, уже не было въ удобной для этой цѣли близости къ рѣкамъ и другимъ путямъ сплава. Какъ ни мало еще была развита промышленность въ Россіи въ до-петровскій періодъ, все-таки продолжительность періода невмѣшательства правительства въ частную лѣсную собственность привела къ значительному истощенію лѣсовъ во многихъ изъ тѣхъ мѣстностей, откуда доставка лѣсного матеріала къ населеннымъ центрамъ была не затруднительна. Такъ что, когда Петръ Великій приступилъ къ отысканію необходимаго для постройки флота матеріала, то оказалась, несмотря на обиліе лѣсныхъ пространствъ, весьма значительная скудость въ нихъ деревьевъ требуемыхъ качествъ и необходимо было немедленно же принять мѣры, предупреждающія дальнѣйшее уничтоженіе такихъ деревьевъ. На этой почвѣ насаждены были и развились первыя сѣмена нашего лѣсоохранительнаго закона.

30 марта 1701 года, за № 1845, былъ изданъ указъ, которымъ запрещалась расчистка лѣсовъ на разстояніи 30 верстъ отъ сплавныхъ рѣкъ. Даже какъ первый опытъ закона, ограничивающаго частную собственность, означенный указъ представляется крайне эле-

ментарнымъ и неразвитымъ: имъ, напр., не устанавливалось даже взысканія съ виновниковъ нарушенія новаго постановленія. Но и такого элементарнаго закона было достаточно для того, чтобы обнаружить слабыя мѣста въ захватываемой ими области и дать возможность направить дальнѣйшую дѣятельность болѣе соотвѣтственно. Приведенный законъ обнаружилъ именно крайнюю неравномѣрность распредѣленія у насъ лѣсовъ: въ одномъ мѣстѣ ихъ было слишкомъ много, тогда какъ въ другомъ чувствовался уже недостатокъ въ нихъ для удовлетворенія не только нуждъ флота, но и потребностей мѣстнаго населенія. Послѣдствіемъ такого обнаруженія является новый указъ, въ декабрѣ 1703 года,—указъ, который требуетъ, чтобы въ тѣхъ городахъ и уѣздахъ, откуда поступаютъ въ Москву дрова, послѣднія пилились ручными пилами, а не рубились топоромъ, такъ какъ при примѣненіи послѣдняго орудія значительная часть древесины пропадаетъ даромъ, вслѣдствіе чего является потребность въ вырубкѣ лѣсовъ на болѣе значительной площади. И этотъ указъ не устанавливалъ еще никакого взысканія за нарушеніе предъявленнаго имъ требованія, а потому, конечно, не могъ имѣть и большого значенія. По сравненіи со всѣми послѣдующими законодательствами приведенные два указа были, можно сказать, лишь пробою или попыткою сказать слово, которое еще никогда никѣмъ не было вымолвлено; поэтому они имѣютъ интересъ чисто историческій, практическихъ же послѣдствій отъ нихъ трудно было бы и ожидать.

Слѣдуетъ замѣтить, что какъ оба предыдущіе указа, такъ и всѣ послѣдующія распоряженія Петра Великаго по этому предмету относились одинаково, какъ къ лѣсамъ, составлявшимъ собственность казны, такъ и къ частновладѣльческимъ лѣснымъ дачамъ,—въ этомъ и состоитъ особенность лѣсного законодательства Петра Великаго. 19 ноября 1703 г. появился указъ, имѣвшій уже гораздо большее значеніе, какъ по объему требованій, такъ и по устанавливаемому взысканію за ихъ нарушеніе, а слѣдовательно и по практическимъ результатамъ. Указомъ этимъ съ одной стороны предписывалось произвести описаніе лѣсамъ, расположеннымъ по большимъ рѣкамъ на разстояніи 50 верстъ, а по малымъ сплавнымъ—на разстояніи 20 верстъ; съ другой же стороны устанавливалось различіе между деревьями заповѣдными, которыя рубить было запрещено, и такими, которыя рубить разрѣшалось.

Въ требуемыхъ описаніяхъ, изъ которыхъ многія сохранились до настоящаго времени, содержались слѣдующія свѣдѣнія: провинція, уѣздъ, волость, помѣстье или имѣніе, гдѣ находится лѣсъ и лица, на которыхъ возложено охраненіе описываемаго лѣса (низшіе органы лѣсоохраненія—напр. сельскіе старосты); затѣмъ, перечислялись, на основаніи показаній знающихъ людей изъ мѣстныхъ жителей («по сказкѣ»), древесныя породы, входящія въ составъ насажденія, и размѣры ихъ, а также указывалось занимаемое лѣсомъ пространство, но не площадью, а большею частью протяженіемъ ихъ въ длину и

ширину (поперечно) въ верстахъ. Что касается заповѣдныхъ породъ, то ихъ составляли дубъ, кленъ, ильмъ, вязъ, карагачъ (берестъ), лиственница и сосна — послѣдняя отъ 12 вершковъ и выше въ отрубѣ; къ породамъ же, разрѣшеннымъ къ безотлагательной вырубкѣ, отнесены липа, ясень, береза, осина, ольха, ель, орѣшникъ, ивнякъ, осокорь и сосна, если послѣдняя не достигала 12 вершковъ въ отрубѣ.

Наказанія, установленныя этимъ указомъ за нарушеніе изложенныхъ требованій относительно заповѣдныхъ деревьевъ, состояли въ слѣдующемъ: за вырубку каждаго изъ заповѣдныхъ деревъ, кромѣ дуба, виновный подвергался взысканію 10 рублей; за вырубку же дуба или прочихъ заповѣдныхъ деревъ въ большемъ количествѣ была положена смертная казнь. Русскій народъ скоро вѣроятно убѣдился, что названныя взысканія были не одной только угрозой, а дѣйствительно примѣнялись и притомъ довольно не рѣдко. Справедливость высказываемой догадки можетъ быть подтверждена, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что спустя только одинъ годъ съ лишнимъ послѣ изданія означеннаго закона, потребовалось изданіе указа, нѣсколько смягчающаго суровость и категоричность установленныхъ требованій,—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такъ были запуганы обыватели, что опасались рубить даже разрѣшенный лѣсъ; въ январѣ 1705 года было объявлено разрѣшеніе рубить въ заповѣдныхъ лѣсахъ матеріалы, необходимые на сани, телѣги, оси, полозья и обручи, хотя бы для этого оказалось необходимымъ срубать деревья заповѣдныхъ породъ; запрещалось, однако, рубить такія деревья на строенія, въ особенности же подтверждалось не рубить деревьевъ, годныхъ на кораблестроеніе. Замѣчательно вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе сберечь дубовыя деревья, чѣмъ конечно и можно объяснить, между прочимъ, то, можно сказать, ожесточенное отношеніе, какое обнаруживалъ законодатель къ обычаю хоронить покойниковъ въ дубовыхъ гробахъ: въ началѣ 1705 г. послѣдовало повелѣніе — отобрать дубовые гробы у всѣхъ купцовъ и, по уплатѣ имъ стоимости этого товара, передать гробы въ церкви и монастыри для продажи по цѣнѣ, превышающей вчетверо покупную цѣну.

Но указанный выше страхъ передъ новымъ суровымъ закономъ охватилъ, какъ надо полагать, далеко не всѣхъ тѣхъ, кого нужно было сдержать отъ лѣсоистребленія, и потому потребовалось неоднократное подтвержденіе о необходимости беречь лѣса, съ новыми и новыми разъясненіями и угрозами по сему предмету. Такія разъясненія изложены въ указахъ 1705, 1712, 1713 и 1718 годовъ, вызываемыхъ къ существованію, конечно, желаніемъ обезпечить государственную потребность въ матеріалѣ для постройки судовъ.

Когда, наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, удалось прорубить окно въ Европу и основать Петербургъ, то явилась потребность обезпечить этотъ новый, быстро разрастающійся культурный центръ Россіи топливомъ. Такая же потребность обнаружилась и въ другихъ

болѣе населенныхъ городахъ Россіи, тѣмъ болѣе, что, въ виду послѣдовавшихъ уже приведенныхъ выше распоряженій, цѣна на топливо во многихъ мѣстностяхъ значительно возросла. Признавая необходимымъ оказать помощь населенію въ этомъ отношеніи, Петръ Великій, указомъ, изданнымъ въ мартѣ 1719 г., разрѣшилъ повсемѣстно рубить лѣсъ на дрова въ частныхъ дачахъ. Затѣмъ, въ декабрѣ того же года, послѣдовали дальнѣйшія постановленія по сему предмету. Выставляя главною причиною дороговизны лѣсныхъ матеріаловъ затруднительность доступа въ дачи частныхъ владѣльцевъ и необходимость, со стороны лѣсопромышленниковъ, уплачивать попенныя деньги, указы 11 и 13 декабря разрѣшаютъ всѣмъ безпрепятственно рубить лѣсъ въ частновладѣльческихъ дачахъ, а чтобы лѣсовладѣльцы не могли чинить какихъ-либо затрудненій или препятствій лѣсопромышленникамъ, то послѣднимъ указано ѣздить въ лѣса компаніями по 20 человѣкъ. На лѣсовладѣльцевъ же возложена обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы при рубкѣ лѣса промышленники не нарушали существующаго закона о заповѣдныхъ деревьяхъ. Конечно, лѣсовладѣльцы должны были строго исполнять это требованіе, тѣмъ болѣе, что при порубкѣ заповѣдныхъ деревьевъ рубщиками и неоткрытіи виновныхъ владѣльцами лѣса, вся отвѣтственность за нарушеніе закона ложилась на послѣднихъ. Препятствовать же лѣсопромышленникамъ рубить лѣсъ дозволенныхъ породъ владѣльцы не должны были подъ страхомъ конфискаціи имѣнія. Законъ этотъ дополнялся, наконецъ, требованіемъ, чтобы лѣсопромышленники продавали лѣсъ не свыше настоящей его цѣны, и угрозою подвергать жестокому наказанію тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ поступать вопреки этому требованію.

Какъ и слѣдовало ожидать, указы 11 и 13 декабря не привели къ желаемому результату. Съ одной стороны, несправедливое требованіе указа по отношенію къ лѣсовладѣльцамъ—допускать стороннихъ лицъ къ вырубкѣ лѣсовъ—не исполнялось, и они нерѣдко силою противодѣйствовали въѣзду въ свои лѣса лѣсопромышленникамъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе, вопреки указанію ѣздить партіями, пробирались въ лѣсъ въ одиночку. Съ другой стороны, въ виду быстро возрастающаго спроса на топливо и готовности покупателя уплатить за него требуемую плату, лѣсопромышленники не могли устоять противъ желанія повышать цѣну на лѣсъ все больше и больше; въ оправданіе же этого они ссылались на затруднительность добыванія дровъ въ лѣсахъ частныхъ владѣльцевъ, въ виду сопротивленія послѣднихъ. Какъ мы сейчасъ видѣли, это дѣйствительно было; но лѣсопромышленники стали съ особеннымъ усердіемъ распространять слухи о случайныхъ столкновеніяхъ съ владѣльцами, и даже нарочно сочинять такіе случаи, такъ что правительство обратило, наконецъ, вниманіе на эту уловку торговцевъ лѣсомъ, и имъ приказано было о дѣйствительныхъ случаяхъ приносить жалобы открыто, а не распространять среди населенія нелѣпые слухи.

Новыя требованія по отношенію къ лѣсамъ не могли снискать себѣ симпатій среди населенія, и слухи о противодѣйствіи или неисполненіи закона доходили до Петербурга все чаще и чаще, и притомъ изъ разныхъ мѣстъ. Однакоже сообщенія эти вызывали не на смягченіе закона, а лишь на новыя и новыя подтвержденія о неуклонномъ его исполненіи. Такъ, въ іюлѣ 1719 г. вышелъ новый указъ, подтверждавшій и отчасти повторявшій всѣ предыдущіе, причемъ за дубъ, хотя бы валежный, полагался штрафъ въ 15 рублей, а за другія заповѣдныя породы по 10 рублей; за порубки же значительныя, послѣ наказанія, вырѣзали ноздри и ссылали на каторгу. Къ сожалѣнію, какъ и свидѣтельствуетъ исторія, это не было одной угрозой, напротивъ того, исполнители строгихъ приказовъ Петра относились еще строже, переходя за предѣлы дозволеннаго.

Такова сущность новаго закона и краткая исторія его быстраго развитія въ Россіи.

Посмотримъ теперь, какими силами и административными средствами располагало правительство того времени для проведенія этого закона въ жизнь или для наблюденія за его исполненіемъ.

Высшій надзоръ за лѣсомъ въ значительной части Россіи возлагался первоначально на лицъ, къ которымъ Петръ Великій питалъ особенное довѣріе, какъ напримѣръ на Н. Кудрявцева, губернатора Казанской губерніи. Для ближайшаго же наблюденія за сохраненіемъ лѣсовъ назначались такъ-называемыя выборныя лица изъ мѣстныхъ дворянъ. Они назывались надзирателями, и дѣятельность ихъ состояла въ осмотрѣ и описаніи лѣсовъ еще не описанныхъ, въ разслѣдованіи дѣлъ при производствѣ порубокъ недозволеннаго лѣса, въ выдачѣ разрѣшеній на рубку лѣса въ дозволенныхъ закономъ случаяхъ и т. под. Но опредѣленной организаціи это учрежденіе на первое время не имѣло никакой. Надзиратели дѣйствовали подъ контролемъ мѣстной общей администраціи и подъ верховнымъ руководствомъ адмиралтействъ-коллегіи.

Въ 1720 году сдѣланъ былъ дальнѣйшій шагъ къ устройству администраціи для сбереженія лѣсовъ—избраніемъ для нѣкоторыхъ губерній (Петербургской, Новгородской и др.) особаго комиссара (Кафтырева) и сообщеніемъ ему подробной инструкціи, въ силу которой комиссаръ имѣлъ право требовать отъ частныхъ лѣсовладѣльцевъ не только исполненія всѣхъ вышеприведенныхъ законовъ, но, кромѣ того, еще и извѣстнаго ухода за лѣсомъ—уборки валежника и сухостоя, подчистки деревьевъ и проч. Въ этой же инструкціи (изложенной въ указѣ 14 марта 1720 г.) содержится указаніе относительно межеванія заповѣдныхъ лѣсовъ, а именно предписывалось: отмѣривъ отъ береговъ и въ приморскихъ мѣстахъ отъ строеній указныя версты и сажени, учинить межу и признаки, и покопать ямы, поставить на каждой верстѣ столбы и прочистить дорогу шириною въ 3 сажени мѣрныхъ, чтобы было знатно, опричь тѣхъ мѣстъ, гдѣ строятся домы Царскаго Величества и Государыни Ца-

рицы, а для страха на каждыхъ 5 верстахъ поставить по висѣлицѣ.

Затѣмъ, всѣ заповѣдные лѣса вокругъ Петербурга были раздѣлены на 5 районовъ и для надзора за ними назначены Сенатомъ 10 дворянъ, обязанныхъ нести службу пополугодно. Они назывались тоже комиссарами, получали опредѣленное содержаніе и имѣли при себѣ по нѣсколько человѣкъ драгунъ и солдатъ, получавшихъ содержаніе частью деньгами, частью натурою. Дѣятельность этихъ 10 комиссаровъ была одинакова съ означенною выше дѣятельностью надзирателей.

Цитируемый указъ былъ вырѣзанъ на столбахъ, которые были разставлены на разныхъ мѣстахъ, часто посѣщаемыхъ людьми; кромѣ того, онъ былъ разосланъ священникамъ для чтенія въ церкви каждое воскресенье—все это дѣлалось для того, чтобы никто не могъ оправдываться незнаніемъ закона.

Въ 1723 году послѣдовалъ еще болѣе общій законъ о лѣсахъ подъ именемъ «Инструкціи оберъ-вальдмейстеру». Эта инструкція представляетъ собою какъ бы сводъ всѣхъ узаконеній Петра о лѣсахъ, и въ ней содержится, кромѣ того, нѣсколько новыхъ чертъ, характеризующихъ лѣсоохранительный законъ, почему и необходимо привести нѣсколько выдержекъ изъ названной инструкціи.

Она раздѣлена на 28 статей и содержитъ частью опредѣленіе состава вальдмейстерскаго управленія, частью же предметъ и предѣлы его власти.

Чтобы яснѣе понять это новое управленіе, слѣдуетъ вспомнить, что главный надзоръ за лѣсами принадлежалъ адмиралтействъ-коллегіи. Въ непосредственномъ подчиненіи ея находился оберъ-вальдмейстеръ, которому затѣмъ были подчинены нѣсколько вальдмейстеровъ. Каждый изъ послѣднихъ завѣдывалъ извѣстнымъ лѣснымъ райономъ по какой-нибудь сплавной рѣчной системѣ. Вальдмейстера назначались изъ дворянъ или отставныхъ офицеровъ, изъ мѣстныхъ помѣщиковъ; между ними существовала извѣстная іерархія, въ зависимости отъ ввѣряемыхъ имъ лѣсныхъ районовъ: вальдмейстера притоковъ рѣкъ были подчинены вальдмейстерамъ большихъ рѣкъ, куда эти притоки впадали, и т. под.

Вальдмейстерамъ было поручено прежде всего наблюдать, чтобы не рубили корабельный лѣсъ; затѣмъ, на нихъ возложенъ былъ надзоръ за лѣсами засѣчными, гдѣ въ стратегическихъ видахъ была запрещена рубка всякаго лѣса; далѣе, имъ поручено охранять лѣса отъ пожаровъ, и съ этою цѣлью установлено, чтобы при лѣсныхъ пожарахъ всѣ жители окрестныхъ селеній на 10 верстъ собирались для тушенія пожара со всѣми инструментами. За умышленный поджогъ лѣса установлена смертная казнь. За недозволенную же рубку установлены болѣе мягкія противъ прежнихъ взысканія, а именно по 5 рублей за дерево, и изъ этихъ 5 рублей 2 рубля шли въ казну, а 3 въ пользу открывшаго порубку; за дерево, срубленное «по нуждѣ», и совсѣмъ не полагалось взысканія.

Въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи судьба лѣсоохранительнаго закона представляется крайне измѣнчивой, въ зависимости отъ взгляда Верховнаго Правителя Россіи: при однихъ государяхъ онъ поддерживается и даже нѣсколько развивается, при другихъ же значеніе его падаетъ и даже сводится къ ничтожеству. Такъ, ближайшая преемница Петра Великаго, императрица Екатерина I, не сочувствовала этому закону и потому правительство ея искало и находило всякія соображенія, убѣждавшія въ необходимости измѣнить изданные Петромъ лѣсоохранительные законы. Разумѣется, практическіе лѣсовладѣльцы и лѣсопромышленники не замедлили воспользоваться такими послабленіями въ законахъ,—такъ что повсюду началось усиленное лѣсоистребленіе.

Правительство Петра II еще больше послабляетъ законы Петра о лѣсахъ, еще болѣе съуживаетъ сферу ихъ дѣйствія, распространяя лишь на лѣса, какъ бы никому не принадлежащіе (зародыши закона о казенныхъ лѣсахъ, развившагося при послѣдующихъ государяхъ, о чемъ будетъ сказано ниже). Въ особенности же вредно отразилось то колебательное отношеніе къ лѣсамъ, какое обнаружено правительствомъ послѣ Петра В., смотрѣвшаго на лѣсъ какъ на государственную собственность. Въ 1729 году былъ изданъ указъ, въ первой части котораго проглядываетъ еще какъ бы взглядъ Великаго Преобразователя Россіи, именно предписывается сохранять лѣса по большимъ рѣкамъ, учреждаются особые казенные рабочіе, назначаются бушмейстеры, для того, чтобы они «по своему искусству такія молодыя деревья впредь къ строенію морскихъ судовъ тѣми же казенными работниками къ годности приводили». Во второй части предписывается лѣса, годные на кораблестроеніе, покупать у помѣщиковъ и у разныхъ чиновъ людей, чѣмъ, слѣдовательно, совершенно измѣняется понятіе о лѣсѣ, какъ о государственной собственности, и провозглашается, хотя не совершенно еще ясно, принципъ частной лѣсной собственности. Нужно замѣтить, впрочемъ, что цѣль такого провозглашенія заключалась въ вызовѣ среди лѣсовладѣльцевъ охоты къ разведенію лѣса искусственно, въ особенности въ пользу дуба.

Послѣдствія такого опаснаго послабленія закона не замедлили сказаться, что замѣчено и подтверждено было и самимъ правительствомъ. Такъ, изъ доклада Сената 1730 года видно, что лѣсъ истреблялся безъ толку, такъ что въ Вятской и Соликамской провинціи, напр., дубоваго лѣса совсѣмъ не оказалось; въ Казанской губерніи оказались подчищенными шестнадцать рощъ, а въ нихъ 218,548 дубовъ; обыватели пускали въ эти рощи скотъ и такимъ образомъ уничтожалась возобновляющаяся растительность. Необходимо было, въ виду такого положенія дѣла и съ цѣлью пресѣченія зла, обратиться къ прежнему сдерживающему произволъ порядку. Въ августѣ 1730 года были возстановлены вальдмейстеры, а въ 1731 году изданъ указъ о точномъ исполненіи инструкціи для

вальдмейстеровъ. Указъ 1732 года, 20 апрѣля, еще болѣе обращаетъ къ порядкамъ, установленнымъ при Петрѣ Великомъ. Этотъ указъ содержитъ инструкцію «о заводѣ и о сѣвѣ для удовольствія Ея Императорскаго Величества (Анны Іоанновны) флота вновь лѣсовъ», и въ ней заключается множество техническихъ указаній о томъ, какъ воспитывать лѣсъ, какъ его рубить. Лѣса подчинены строгой охранѣ. Установлено было, чтобы за всякое поврежденіе береженыхъ для адмиралтейства рощъ «бивъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри ссылать въ каторжную работу вѣчно». За поджоги же положена была смертная казнь. Мѣстные органы—губернаторы и воеводы должны были наблюдать за исполненіемъ предписаній и содѣйствовать во всемъ адмиралтействъ-коллегіи, остающейся во главѣ управленія лѣсами. Какъ и при Петрѣ Великомъ, правительство Анны Іоанновны стремилось, кромѣ того, къ ограниченію вырубки лѣсовъ и прибѣгало для этого, между прочимъ, къ возвышенію тарифа на отпускной за границу лѣсъ. Заботы же объ искусственномъ разведеніи лѣса пошли значительно дальше, чѣмъ при Петрѣ, въ особенности заботы о разведеніи дуба, и разведеніе лѣса въ частныхъ лѣсахъ поощрялось различными мѣрами: такъ, въ манифестѣ 11 мая 1732 года указано было помѣщикамъ малолѣсныхъ мѣстностей сѣять и разводить въ своихъ дачахъ дубовые, липовые, кленовые и другіе удобные лѣса, а за успѣшное разведеніе обѣщается Монаршее благоволеніе и покупка выращенныхъ деревьевъ для флота по добровольному соглашенію.

Лѣсная администрація въ царствованіе Анны Іоанновны состояла частію изъ лицъ, получившихъ спеціальное образованіе, частію же изъ неспеціалистовъ: первые были выписаны изъ-за границы и назывались форстмейстерами. Были кромѣ того и низшіе органы лѣсной службы, получавшіе опредѣленный окладъ содержанія изъ штрафныхъ денегъ. Наконецъ, для предохраненія лѣсовъ отъ пожаровъ, въ то время часто повторявшихся въ лѣсахъ, назначались въ болѣе опасное время года солдаты.

Мы не отмѣчаемъ здѣсь тѣхъ распоряженій и постановленій по лѣсной части, которыя имѣли лишь временное или мѣстное значеніе или же издавались съ какими-либо спеціальными цѣлями. Такихъ распоряженій въ царствованіе Анны Іоанновны было издано множество, но на развитіе собственно лѣсоохранительнаго закона, въ установленномъ нами смыслѣ, они не имѣли существеннаго вліянія. Существеннымъ же въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать ограниченіе или стѣсненіе заграничной торговли лѣсомъ и обращеніе особеннаго вниманія на искусственное лѣсоразведеніе.

Императрица Елисавета Петровна неуклонно держалась взгляда Петра на лѣсъ, и потому въ ея царствованіе примѣнялись всѣ тѣ мѣры сбереженія лѣсовъ, какія установлены были ея Великимъ Родителемъ. Но затѣмъ, въ продолжительный періодъ царствованія Екатерины Второй, сознаніе необходимости сбереженія лѣсовъ для

пользы государственной совершенно угасло и даже болѣе: этой идеѣ было противопоставлено съ ясностью, не допускающею никакихъ уже сомнѣній, мнѣніе о правѣ владѣльцевъ распоряжаться своими лѣсами съ тою же неограниченностью, какъ со всякимъ другимъ имуществомъ. Правда, это послѣднее мнѣніе установилось какъ результатъ того колебательнаго отношенія къ лѣсамъ въ послѣ-петровской періодъ, по которому имущество этого рода то признавалось собственностью государства, то считалось собственностью частныхъ лицъ, которыя даже продавали его для удовлетворенія потребности казны за деньги: чтобы примирить эти двѣ противоположности, Екатерина дала окончательный перевѣсъ второму взгляду. Вмѣстѣ съ тѣмъ признано было совершенно ненужнымъ какое-либо стѣсненіе въ распоряженіи лѣсами, въ томъ предположеніи, что-де *радѣтельные* помѣщики сами позаботятся о своихъ лѣсахъ и притомъ гораздо лучше, чѣмъ это можетъ сдѣлать приставленный отъ казны чиновникъ.

Не меньшее отрицательное значеніе для идеи государственнаго лѣсоохраненія имѣло установленіе и развитіе въ это царствованіе финансоваго взгляда на лѣса. Этотъ взглядъ смутно выраженъ и въ прежнее время, но разумѣется не могъ имѣть того рѣшающаго вліянія на установленіе новаго отношенія къ лѣсу, того отношенія, которое характеризуетъ правительства Россіи со времени Екатерины и до нашихъ еще дней. Въ царствованіе Екатерины быстро созрѣла мысль о томъ, что лѣса могутъ и должны приносить такой же доходъ, какъ и всякое другое имущество; поэтому казна и стала направлять свою дѣятельность къ извлеченію дохода изъ принадлежащихъ ей лѣсовъ. Нельзя конечно думать, что это стремленіе, по существу своему, находится въ противорѣчіи съ идеею о сбереженіи лѣсовъ; даже напротивъ того—сохраненіе лѣса при извлеченіи изъ него наибольшаго матеріальнаго и денежнаго дохода представляется, по ученію спеціалистовъ, вполнѣ возможнымъ и достижимымъ. Но для соединенія этихъ двухъ направленій нужны твердыя и основательныя познанія о лѣсѣ, какъ предметѣ хозяйства; въ описываемое же нами время знанія эти были почти совсѣмъ не распространены среди русскаго общества и служащихъ лицъ, а потому раздѣленіе взгляда на лѣсъ, какъ на статью дохода, не могло принести ничего хорошаго въ смыслѣ сбереженія лѣсовъ.

Такимъ образомъ, зародившаяся въ царствованіе Петра Великаго идея о государственномъ значеніи лѣсовъ не прожила и столѣтія: съ изданіемъ въ 1782 году грамоты о вольности дворянства она отошла на задній планъ, замѣненная идеею объ устройствѣ и правильной эксплоатаціи собственно казенныхъ лѣсовъ, какъ источника для усиленія государственной казны. Безъ преувеличенія можно сказать, что послѣ этого времени больше ста лѣтъ идея государственнаго сбереженія лѣсовъ находилась въ загонѣ и забытьи и воскресла опять лишь въ самое послѣднее время, какъ это будетъ видно изъ нижеслѣдующаго.

Императоръ Павелъ I хотѣлъ относиться къ лѣсному дѣлу такъ же, какъ и его Великій Прадѣдъ, и дѣйствительно обращалъ вниманіе на лѣсное законодательство, но изданныя въ это царствованіе различныя узаконенія относились исключительно къ лѣсамъ казеннымъ. Само собою разумѣется, что при обширности пространства, занимаемаго этими лѣсами, при разбросанности ихъ по всей Россіи, выраженіе заботливости о нихъ и стремленіе ихъ улучшить и упорядочить пользованіе ими, могло оказать и дѣйствительно оказало благотворное дѣйствіе; но все же не слѣдовало оставлять безъ надзора и частныхъ лѣсовъ, тѣмъ болѣе, что ихъ было еще очень значительное количество, что находились они въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ казенныхъ лѣсовъ было мало, и что, наконецъ, послѣ великаго акта эмансипаціи, совершеннаго въ предшествующее царствованіе, произволъ въ распоряженіи лѣсами дѣйствовалъ безгранично.

Почти то же самое слѣдуетъ сказать и объ эпохѣ царствованія Александра Благословеннаго и императора Николая. Заботливость объ улучшеніи казенныхъ лѣсовъ и объ удовлетвореніи ими нуждъ различныхъ вѣдомствъ и именно государственныхъ крестьянъ выражается во многихъ постановленіяхъ, приведшихъ наконецъ къ тому, сравнительно, очень хорошему состоянію казенныхъ лѣсовъ, въ какомъ они находятся и въ настоящее время,—сравнительно, говоримъ, потому что, абсолютно говоря, казенные лѣса наши должны считаться еще даже неустроенными окончательно, ожидая своего Петра. Но для сбереженія лѣсовъ во имя ихъ государственнаго значенія не было сдѣлано ничего въ означенный періодъ времени, ничего прямо относящагося до этого вопроса, если не считать закона 1846 года о томъ, чтобы лѣсовладѣльцы уѣздовъ Петербургскаго и Царскосельскаго содержали свои лѣса въ порядкѣ и чистотѣ и имѣли при нихъ достаточное количество стражи: во всякомъ случаѣ, государственнаго значенія этотъ законъ не имѣетъ и изданъ онъ не въ видахъ государственной или общественной пользы.

Крупный, хотя и не вполнѣ рѣшительный поворотъ во взглядѣ на необходимость надзора правительства за частными лѣсами начался въ началѣ царствованія императора Александра II, собственно со времени крестьянской реформы. Къ сожалѣнію, это было начало перемѣны только взгляда, но не дѣйствія, и нужно было пройти еще 25 годамъ, самымъ можетъ-быть тяжелымъ для русскаго лѣса, пока правительство не рѣшилось взять наконецъ лѣса подъ свое покровительство и приступить къ дѣйствію.

Прослѣдимъ съ нѣкоторою подробностью путь, по которому оно пришло въ теченіе 25 лѣтъ къ рѣшимости дѣйствовать.

Уже редакціонныя комиссіи указывали на необходимость принятія мѣръ къ сохраненію частновладѣльческихъ лѣсовъ; на ту же необходимость указывала и дѣйствительность: вслѣдъ за реформой лѣсоистребленіе стало замѣтно возрастать, частью вслѣдствіе усилившихся самовольныхъ порубокъ, вызванныхъ ослабленіемъ надзора

въ частновладѣльческихъ лѣсахъ, лежавшаго въ прежнее время на самихъ крестьянахъ, частью вслѣдствіе хищническаго хозяйства со стороны самихъ лѣсовладѣльцевъ, которые обратились къ сплошнымъ вырубкамъ въ своихъ лѣсныхъ дачахъ, какъ къ наиболѣе легкому средству, имѣвшемуся въ рукахъ, для выхода изъ затруднительнаго финансоваго положенія.

22-го декабря 1864 года въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, вслѣдствіе неоднократно доходившихъ до свѣдѣнія Его Величества заявленій о совершающемся лѣсоистребленіи, возложилъ на бывшаго тогда министра государственныхъ имуществъ, генералъ-адъютанта Зеленаго, войти въ ближайшее обсужденіе этого вопроса и о мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты къ сбереженію владѣльческихъ лѣсовъ, снестись съ земскими собраніями, губернаторами и губернскими предводителями дворянства.

Послѣдствіемъ Высочайше даннаго указанія было: А) составленіе и изданіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ законоположеній, имѣющихъ цѣлью сбереженіе лѣсовъ частныхъ и общественныхъ, и Б) производство работъ по составленію общаго положенія о сбереженіи этихъ лѣсовъ.

А) Законоположенія изданныя: 1) Въ 1867 г. былъ изданъ законъ объ охраненіи лѣсовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и обществамъ (Лѣсн. Уст. статьи 566—592). Этотъ законъ имѣетъ главною цѣлью облегчить лѣсовладѣльцамъ охраненіе ихъ лѣсовъ отъ всякаго рода правонарушеній и стоитъ въ тѣсной связи съ положеніемъ 1862 года о полевыхъ сторожахъ и объ охраненіи сельскохозяйственныхъ угодій отъ потравъ и другихъ повреждeній. По отношенію преслѣдованія нарушителей онъ уравниваетъ въ правахъ стражу частныхъ лѣсовладѣльцевъ и лѣсовладѣльцевъ-обществъ съ стражею казенной и указываетъ самый порядокъ охраненія лѣсовъ отъ порубокъ, похищеній, потравъ, пожаровъ и другихъ повреждeній. Этимъ же закономъ, въ видахъ содѣйствія лѣсовладѣльцамъ, чинамъ корпуса лѣсничихъ предоставлено право поступать на частную лѣсную службу, съ правомъ числиться на службѣ государственной. Насколько это послѣднее положеніе закона 1867 года оказалось дѣйствительно соотвѣтствующимъ потребности, видно, между прочимъ, изъ того, что въ настоящее время уже до 145 чиновъ корпуса лѣсничихъ состоятъ на частной лѣсной службѣ.

2) Въ 1873 году былъ разрѣшенъ вопросъ о лѣсныхъ надѣлахъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ великороссійскихъ губерній *). Казенный надзоръ, подъ которымъ состояли эти надѣлы, былъ снятъ, но на крестьянскія общества были наложены нѣкоторыя ограниченія въ правѣ распоряженія ихъ надѣлами: имъ воспрещено отчуж-

*) Государственные крестьяне губерній западныхъ и остзейскихъ лѣсныхъ надѣловъ не получили.

дать эти надѣлы отдѣльно отъ надѣловъ земельныхъ, какъ въ полномъ составѣ, такъ и по частямъ, воспрещено дѣлить надѣлы на подворные участки, наконецъ—воспрещено продавать съ надѣловъ лѣсъ на срубъ лицамъ постороннимъ (статьи 634—939 Лѣсн. Устава). Снятіе съ этихъ надѣловъ казеннаго лѣсного управленія и подчиненіе ихъ лишь вышеуказаннымъ ограниченіямъ было мотивировано тѣмъ, что мѣры сбереженія этихъ лѣсовъ, въ интересахъ общегосударственныхъ, должны истекать изъ общаго закона, направленнаго къ сбереженію всякаго рода частновладѣльческихъ лѣсовъ, въ томъ числѣ и лѣсовъ крестьянскихъ обществъ.

3) Въ 1876 году были изданы временныя правила сбереженія лѣсовъ въ уѣздахъ Симферопольскомъ, Ялтинскомъ и Ѳеодосійскомъ Таврической губерніи. Этимъ правиламъ подчинены всѣ лѣса обществъ и установленій, изъ лѣсовъ же частныхъ лѣсовладѣльцевъ только тѣ, которые занимаютъ площадь болѣе 100 десятинъ. Въ лѣсахъ, подчиненныхъ правиламъ, расчистки, съ цѣлью обращенія лѣсной почвы подъ другія культуры, безусловно воспрещены; наивысшій размѣръ ежегодной вырубки ограниченъ опредѣленною закономъ нормою (ежегодно не должно вырубаться болѣе $^1/_{30}$ части общей площади дачи, а въ дачахъ чисто-хвойныхъ—болѣе $^1/_{60}$ части); въ нѣкоторыхъ дачахъ, оказывающихъ чисто механическую защиту отъ какихъ-либо опасностей, какъ, напримѣръ, отъ обваловъ, отъ заноса сыпучими песками и т. п., временныя правила допускаютъ возможность регулировать не только размѣръ, но и самый способъ вырубокъ лѣса.

Означенныя правила возстановляютъ въ нѣкоторой степени участіе въ этомъ дѣлѣ казенной лѣсной администраціи: въ составъ земскихъ управъ, на которыя возложено приведеніе закона въ исполненіе, допускаются чины лѣсного вѣдомства, съ правомъ протеста на состоявшіяся рѣшенія. Высшую инстанцію составляетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, рѣшающій дѣло по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ; при недостиженіи соглашенія, вопросъ разрѣшается Сенатомъ. На лѣсную же администрацію временныя правила возлагаютъ содѣйствіе лѣсовладѣльцамъ въ съемкѣ ихъ дачъ на планъ.

4) Въ томъ же 1876 году утверждено положеніе о выдачѣ премій (денежныхъ и медалей) за успѣшное лѣсоразведеніе и хозяйственное устройство лѣсовъ. Преміи, установленныя этимъ положеніемъ, выдаются насчетъ суммъ лѣсного вѣдомства, по постановленіямъ совѣта министра государственныхъ имуществъ, на основаніи представленій губернаторовъ, земскихъ управъ, сельскохозяйственныхъ обществъ и управленій государственными имуществами.

5) Въ 1877 году утверждены правила о станичныхъ лѣсахъ Области Войска Донского. По означеннымъ правиламъ лѣса, составляющіе собственность станицъ, поставлены подъ надзоръ областного правленія. На нихъ составляются планы хозяйства, утверждаемые областнымъ правленіемъ, которыми опредѣляется не только размѣръ,

но и самыя мѣста вырубокъ. Право пастьбы скота въ этихъ лѣсахъ подчинено ограниченіямъ.

Вышеизложенными постановленіями ограничиваются всѣ изданныя со времени крестьянской реформы до 1888 г. законоположенія, которыя спеціально касались вопроса о лѣсахъ частныхъ лицъ и обществъ. Для полноты обзора движенія въ нашемъ законодательствѣ по тому же вопросу, остается упомянуть еще о нижеслѣдующихъ положеніяхъ, касавшихся другихъ вопросовъ, но затронувшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о лѣсахъ частновладѣльческихъ. Сюда относятся:

1) Положеніе о продажѣ и сдачѣ въ оброчное содержаніе общественныхъ башкирскихъ земель, 10 февраля 1869 года, въ которомъ, между прочимъ, постановлено, что при отдачѣ башкирами лѣсныхъ участковъ въ оброчное содержаніе, площадь ежегодной вырубки не должна превышать одной пятидесятой части дачи, сдаваемой въ содержаніе; для этого дача должна быть раздѣлена на соотвѣтствующее число лѣсосѣкъ. Въ договоръ найма должно быть, сверхъ того, включаемо непремѣнное условіе, чтобы на каждой вырубленной лѣсосѣкѣ оставлялись сѣменныя деревья. Вышеозначенное положеніе было въ 1882 году, Высочайше утвержденнымъ 15 іюня мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, дополнено воспрещеніемъ башкирамъ отчуждать свои лѣса частнымъ лицамъ.

2) Положеніе 4 іюля 1871 года о земельномъ устройствѣ поселянъ-собственниковъ (бывшихъ колонистовъ), водворенныхъ на казенныхъ земляхъ губерній Бессарабской, Воронежской, Екатеринославской, Полтавской, Самарской, Саратовской, Таврической, Херсонской, Черниговской, Новгородской и С.-Петербургской. Въ этомъ положеніи постановлено, что общественные лѣса и плантаціи поселянъ-собственниковъ состоятъ въ вѣдѣніи сельскихъ сходовъ, и что на общества возлагается обязанность тѣ земли, которыя отведены подъ лѣсныя плантаціи нѣсколькимъ обществамъ (округамъ или волостямъ), поддерживать подъ плантаціями и впредь, не измѣняя даннаго этимъ землямъ назначенія и не отступая, при распоряженіи ими, отъ установленнаго порядка иначе, какъ съ особаго разрѣшенія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

3) Высочайше утвержденныя 20 октября 1867 года правила, для девяти западныхъ губерній, о люстраціонныхъ актахъ. Въ этихъ правилахъ, между прочимъ, постановлено, что дубовыя деревья, находящіяся на земляхъ, вошедшихъ въ составъ надѣла крестьянъ, заклейменныя лѣснымъ вѣдомствомъ и внесенныя въ опись, составленную въ 1867 году, могутъ быть вырубаемы крестьянами лишь для собственной надобности и не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго лѣсного управленія.

Приведенное положеніе о дубахъ есть единственный примѣръ ограниченія, коснувшагося тѣхъ насажденій, которыя вошли въ составъ *земельнаго* надѣла крестьянъ. За этимъ единственнымъ исключеніемъ, всѣ лѣсные участки, мѣстами довольно значительные, во-

шедшіе въ составъ *земельнаго* надѣла, какъ крестьянъ западныхъ, такъ и крестьянъ великороссійскихъ губерній, не подчинены никакимъ ограниченіямъ, и именно потому, что они прирѣзаны къ крестьянскимъ надѣламъ спеціально для пополненія сельскохозяйственныхъ угодій, слѣдовательно для сельскохозяйственнаго, а не для лѣсного пользованія.

4) Наконецъ, въ 1882 г. Высочайше утвержденными, 19-го января и 23-го марта, мнѣніями Государственнаго Совѣта, вызванными, главнымъ образомъ, жалобами частныхъ лицъ на слабость дѣйствующихъ взысканій за лѣсныя нарушенія и на затруднительность преслѣдованія виновныхъ, было постановлено, что протоколы по лѣснымъ нарушеніямъ, совершеннымъ какъ въ лѣсахъ казенныхъ, такъ и въ лѣсахъ частныхъ, провѣряются лишь въ случаѣ представленія обвиняемыми возраженій, признаваемыхъ мировымъ судьей уважительными; отвѣтственность же порубщиковъ была усилена личными наказаніями при повтореніи порубокъ и въ случаѣ совершенія ихъ при обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину. Изложенныя постановленія вошли въ статью 1187 Устава Угол. Суд. и въ статьи 155 и 156 Уст. о наказ., налаг. миров. судьями (изд. 1885 г.).

Б) Работы по составленію общаго положенія о сбереженіи лѣсовъ. Согласно Высочайшей волѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, объявленной, какъ о томъ упомянуто выше, 22-го декабря 1864 года, бывшему тогда министру государственныхъ имуществъ генералъ-адъютанту Зеленому, въ 1865 г. были составлены соображенія о мѣрахъ, коимъ могли бы быть подчинены частные лѣса, въ видахъ огражденія ихъ отъ дальнѣйшаго истребленія. Эти соображенія, вмѣстѣ съ выпиской изъ законодательствъ иностранныхъ по тому же предмету, были сообщены, чрезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, на обсужденіе земскихъ и дворянскихъ собраній. Отзывы тѣхъ и другихъ поступали весьма медленно, притомъ какъ тѣ, такъ и другія, указывая на необходимость усилить средства охраненія частновладѣльческихъ лѣсовъ отъ всякаго рода правонарушеній, единогласно высказывались противъ всякаго ограниченія правъ самихъ лѣсовладѣльцевъ. Вслѣдствіе этого, дальнѣйшая разработка вопроса пріостановилась до 1875 года, когда бывшій министръ государственныхъ имуществъ, графъ Валуевъ, съ Высочайшаго соизволенія, вошелъ въ Комитетъ Министровъ съ вопросомъ: «несомнѣнно-ли настоятельно принятіе мѣръ противъ быстраго уничтоженія нашихъ частновладѣльческихъ лѣсовъ?» При этомъ онъ представилъ въ Комитетъ Министровъ и лично имъ составленный проектъ положенія «о сбереженіи лѣсовъ, имѣющихъ государственное значеніе».

Комитетъ Министровъ, разсмотрѣвъ лишь въ общихъ чертахъ этотъ проектъ и не входя въ обсужденіе предположенныхъ въ немъ мѣръ по существу, призналъ неотложность и пользу огражденія страны отъ пагубныхъ послѣдствій обезлѣсенія, но при этомъ остановился на томъ соображеніи, что введеніе въ дѣйствіе какихъ-либо

ограниченій частнаго лѣсовладѣнія должно неминуемо повлечь за собою многія практическія затрудненія и возбудить цѣлый рядъ вопросовъ и недоразумѣній. Для возможнаго предупрежденія такихъ затрудненій, Комитетъ нашелъ необходимымъ, чтобы вопросъ о сохраненіи частныхъ лѣсовъ былъ подвергнутъ, предварительно возбужденія его въ законодательномъ порядкѣ, самому подробному и всестороннему разсмотрѣнію, и наиболѣе соотвѣтствующимъ тому средствомъ призналъ учрежденіе, для этой цѣли, при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, особой комиссіи изъ представителей Министерствъ Государственныхъ Имуществъ, Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи и Путей Сообщенія и бывшаго II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, съ предоставленіемъ комиссіи права приглашать въ оную, въ качествѣ экспертовъ, тѣхъ сословныхъ и земскихъ дѣятелей, а также и частныхъ лицъ, показанія коихъ она признаетъ полезнымъ выслушать.

Изложенное положеніе Комитета Министровъ было Высочайше утверждено 2-го января 1876 г. и въ томъ же году, при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ была учреждена комиссія изъ представителей названныхъ вѣдомствъ, на засѣданіяхъ которой и были опрошены 42 эксперта.

Результатомъ работъ комиссіи былъ проектъ «*Положенія о сбереженіи лѣсовъ*».

Графъ Валуевъ, не признавая возможнымъ согласиться со многими изъ положеній этого проекта, воспользовался лишь нѣкоторыми выводами, къ которымъ пришла комиссія, обсуждая вопросъ о сбереженіи лѣсовъ, и исправивъ, согласно этимъ выводамъ, свой прежній проектъ, внесъ 25 февраля 1877 г., на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, вновь выработанный имъ проектъ *Положенія о сбереженіи лѣсовъ*; къ этому проекту были приложены: 1) проектъ *Положенія о сбереженіи лѣсовъ*, выработанный комиссіею, которая, какъ сказано выше, была учреждена при Министерствѣ Государдарственныхъ Имуществъ, согласно Высочайше утвержденному 2-го января 1876 г. положенію Комитета Министровъ, и 2) нѣкоторые матеріалы, которые могли быть полезны Государственному Совѣту при обсужденіи вопроса, поступившаго на его разсмотрѣніе, а именно: а) вѣдомость частновладѣльческимъ дачамъ въ 8-ми малолѣсныхъ губерніяхъ; б) выдержки изъ Лѣсного Устава и изъ законодательствъ иностранныхъ; в) проектъ *Положенія о сбереженіи лѣсовъ, имѣющихъ государственное значеніе*, который вносился графомъ Валуевымъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ въ 1875 году; г) сравнительный сводъ этого проекта съ проектомъ, выработаннымъ упомянутою выше комиссіею, и д) общій журналъ этой комиссіи и стенографическій отчетъ показаніямъ лицъ, которыя приглашались въ качествѣ экспертовъ.

Существенное различіе между проектами комиссіи 1876 г. и графа Валуева состояло въ томъ, что по проекту комиссіи предпо-

лагалось направить мѣры сбереженія лишь на тѣ лѣса, которые будутъ признаны подлежащими сбереженію, по мѣстному изслѣдованію каждой дачи въ отдѣльности; по проекту же графа Валуева указаннымъ мѣрамъ предполагалось подчинить, безъ всякаго мѣстнаго изслѣдованія, *всѣ* дачи, заключающія площадь выше нормы, опредѣленной проектомъ для каждой губерніи; дачи, площадь коихъ меньше нормы, оставлялись свободными отъ ограниченій, за исключеніемъ лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя, по мѣстному изслѣдованію, окажутся необходимыми для удержанія сыпучихъ песковъ, или же, по соглашенію министра государственныхъ имуществъ съ министромъ путей сообщенія, будутъ признаны подлежащими сбереженію въ видахъ предупрежденія обмелѣнія рѣкъ, но, въ послѣднемъ случаѣ, только тогда, если онѣ заключаютъ площадь не менѣе спеціально на этотъ предметъ опредѣленной нормы, а именно 500 десятинъ.

Въ сѣверныхъ лѣсистыхъ губерніяхъ, по проекту графа Валуева, предполагалось проектируемыхъ правилъ не примѣнять; проектъ комиссіи допускалъ возможность нѣкоторыхъ ограниченій даже и въ предѣлахъ этихъ губерній, а именно въ цѣляхъ удержанія сыпучихъ песковъ и въ цѣляхъ предупрежденія обмелѣнія рѣкъ.

Подчиняя ограниченіямъ только тѣ дачи, которыя по мѣстному изслѣдованію признаны подлежащими сбереженію, проектъ комиссіи 1876 г. безусловно воспрещаетъ въ нихъ расчистки; проектъ графа Валуева разрѣшаетъ расчистки во всѣхъ тѣхъ дачахъ, которыя признаны подлежащими сбереженію только потому, что онѣ, по площади, превышаютъ установленную для каждой губерніи норму; размѣръ площади, которая можетъ быть расчищена, ограничивался опредѣленнымъ для каждой губерніи процентомъ площади дачи, въ предѣлахъ отъ $^1/_{10}$ до $^1/_3$.

Оба проекта вдаются въ указаніе какъ способовъ, такъ и размѣра разрѣшаемой рубки; они опредѣляютъ: въ какихъ дачахъ можетъ быть производима рубка сплошная, въ какихъ только выборочная, какая площадь дачи можетъ быть ежегодно вырубаема, какое число сѣмянниковъ должно быть оставляемо на лѣсосѣкѣ и въ какихъ именно случаяхъ.

Установляя эти ограниченія, проектъ комиссіи указываетъ, въ какихъ именно случаяхъ лѣсовладѣлецъ имѣетъ право на возмѣщеніе наносимыхъ ему сими ограниченіями ущербовъ; проектъ графа Валуева совсѣмъ не касается этого вопроса.

Въ дѣлѣ примѣненія проектируемаго закона проектъ графа Валуева открываетъ значительную долю участія органамъ земскаго управленія, а именно исполнительнымъ органамъ этого управленія— Земскимъ Управамъ; проектъ комиссіи создаетъ для этой цѣли новые органы, въ составъ коихъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ введены въ дѣйствіе земскія учрежденія, входятъ лишь представители интересовъ земства, избранные Земскими Собраніями.

Записка графа Валуева, со всѣми приложеніями къ ней, сообщалась государственнымъ секретаремъ на заключеніе министровъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, путей сообщенія и главноуправлявшаго бывшимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, и всѣ полученные отъ нихъ отзывы были, затѣмъ, 30 апрѣля 1880 г., сообщены министру государственныхъ имуществъ, для объясненій по сдѣланнымъ на проектъ замѣчаніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для совокупнаго разсмотрѣнія съ этимъ проектомъ, были препровождены къ министру государственныхъ имуществъ государственнымъ секретаремъ: 1) составленный въ 1877 г. Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ проектъ дополнительныхъ правилъ о сохраненіи крестьянскихъ лѣсныхъ надѣловъ въ губерніяхъ Астраханской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической, и впослѣдствіи, а именно 3 января 1882 года, 2) составленные Главнымъ Управленіемъ Намѣстника Кавказскаго проектъ временныхъ правилъ о сохраненіи частныхъ лѣсовъ Ставропольской губерніи и проектъ правилъ о выдачѣ премій за труды и успѣхи по лѣсоразведенію въ той же губерніи.

Первый изъ упомянутыхъ трехъ проектовъ былъ составленъ по слѣдующему обстоятельству: Государственный Совѣтъ, при разсмотрѣніи проекта правилъ о сбереженіи станичныхъ лѣсовъ Области Войска Донского, между прочимъ, положилъ предоставить министру государственныхъ имуществъ сообразить, не слѣдуетъ-ли, не ожидая изданія общаго закона, принять мѣры къ сбереженію лѣсовъ южной полосы Имперіи, примѣняясь къ правиламъ, составленнымъ для лѣсовъ станичныхъ. Согласно таковому мнѣнію Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденному 22 февраля 1877 года, Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ 1-го апрѣля того же года былъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта вышеозначенный проектъ правилъ о лѣсахъ крестьянскаго надѣла, къ коимъ наиболѣе подходили правила, составленныя для лѣсовъ станичныхъ. Главное уклоненіе этого проекта отъ правилъ о сбереженіи станичныхъ лѣсовъ состояло лишь въ томъ, что надзоръ за крестьянскими лѣсными надѣлами возлагался не на казенное лѣсное управленіе, въ вѣдѣніи котораго они прежде состояли, а на уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, и что для тѣхъ надѣловъ, которые прежде не были устроены, опредѣлялся проектомъ лишь наивысшій размѣръ ежегодной вырубки, а не требовалось составленія плана хозяйства.

Послѣдніе же два проекта были внесены въ Государственный Совѣтъ, чрезъ Кавказскій Комитетъ, бывшимъ Намѣстникомъ Кавказскимъ, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. Первый изъ этихъ проектовъ составленъ примѣнительно къ временнымъ правиламъ 1876 года о сохраненіи лѣсовъ въ уѣздахъ Симферопольскомъ, Ялтинскомъ и Ѳеодосійскомъ Таврической губерніи, а также и къ правиламъ о лѣсахъ станичныхъ Области Войска Донского, второй—примѣнительно къ прави-

ламъ того же года о выдачѣ премій за успѣхи по лѣсоразведенію и за хозяйственное устройство лѣсовъ частныхъ и общественныхъ во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи.

По разсмотрѣніи всѣхъ вышеозначенныхъ проектовъ и всѣхъ отзывовъ на эти проекты, министръ государственныхъ имуществъ, статсъ-секретарь Островскій, убѣдясь въ необходимости измѣнить во многомъ проектъ положенія, внесенный въ Государственный Совѣтъ графомъ Валуевымъ, остановился на первый разъ на предположеніи ограничиться разработкой лишь однихъ *основныхъ правилъ* по вопросу о мѣрахъ сбереженія лѣсовъ, съ тѣмъ, чтобы уже впослѣдствіи, по утвержденіи ихъ, приступить къ разработкѣ полнаго Положенія. На таковое предположеніе наводило, какъ крайнее разногласіе составлявшихся прежде проектовъ, такъ и, главнымъ образомъ, еще большее разногласіе отзывовъ на эти проекты, указывавшее на то, что даже самыя основанія, на коихъ долженъ быть разрѣшенъ вопросъ, недостаточно выяснились, недостаточно установились.

По симъ соображеніямъ, по порученію министра государственныхъ имуществъ, состоящимъ при немъ Совѣтомъ былъ выработанъ проектъ *основныхъ правилъ о сбереженіи лѣсовъ,* и 12 іюля 1882 года, по Всеподданнѣйшему докладу министра государственныхъ имуществъ, послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе дать этому дѣлу дальнѣйшій ходъ, сообщивъ предварительно выработанный проектъ на заключеніе министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи, а также главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ. А какъ при разсмотрѣніи общаго проекта предстояло, какъ указано выше, совокупно съ нимъ разсмотрѣть проекты о сохраненіи частныхъ лѣсовъ Ставропольской губерніи и о выдачѣ премій за труды и успѣхи по лѣсоразведенію въ этой губерніи, то проектъ *основныхъ правилъ* былъ, сверхъ того, препровожденъ на заключеніе главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ.

Но самый ходъ работъ по этому дѣлу побудилъ министра государственныхъ имуществъ отказаться отъ своего первоначальнаго предположенія.

Такъ какъ практическое значеніе закона опредѣляется не столько положеніями, изъ коихъ онъ происходитъ, сколько тѣми частными правилами, коими основныя его положенія примѣняются къ условіямъ и требованіямъ общественной жизни, то и самый проектъ не могъ удержаться строго въ предѣлахъ однихъ основныхъ положеній. Чтобы не поставить всего вопроса на чисто теоретическую почву, проектъ этотъ, по необходимости, вдался въ разработку нѣкоторыхъ частныхъ положеній, безъ уясненія которыхъ было бы невозможно опредѣлить того значенія, которое будетъ имѣть предполагаемый законъ и въ экономіи страны, и въ общемъ строѣ существующихъ юридическихъ отношеній. А вслѣдствіе этого, весь проектъ получилъ

характеръ Положенія, но лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ не совсѣмъ законченнаго.

То же повторилось и въ отзывахъ на этотъ проектъ. Большинство отзывовъ не ограничилось обсужденіемъ основныхъ положеній, а обратилось къ разсмотрѣнію тѣхъ частныхъ опредѣленій, которыя долженъ будетъ поставить законъ, исходящій изъ указываемыхъ проектомъ положеній и чѣмъ всестороннѣе обсуждались основныя положенія, тѣмъ болѣе затрагивалось и ихъ дальнѣйшее развитіе.

Сверхъ того, частію вслѣдствіе переписки, возбудившейся по поводу полученныхъ отзывовъ, частію вслѣдствіе перемѣны въ личномъ составѣ министровъ, побудившей, по полученіи отзыва прежняго министра, препровождать проектъ на заключеніе вновь назначеннаго, вся работа крайне замедлилась. Если бы и затѣмъ ограничиться внесеніемъ въ Государственный Совѣтъ лишь проекта *основныхъ правилъ,* то, по утвержденіи его, потребовался бы новый срокъ на разработку самаго Положенія, которое вновь пришлось бы препровождать на заключеніе подлежащихъ министровъ; такимъ путемъ изданіе Положенія, работы по составленію котораго начались съ 1864 года, вновь отсрочилось бы на неопредѣленное время.

А какъ въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ имѣлись и всѣ отзывы министровъ на проектъ положенія, внесенный въ Государственный Совѣтъ графомъ Валуевымъ, обнимавшій не одни основныя положенія, но и всѣ частныя правила, которыя предполагалось установить, то, такимъ образомъ, весь вопросъ о мѣрахъ сбереженія лѣсовъ оказался всесторонне разсмотрѣннымъ и уясненнымъ, и если, затѣмъ, даже и въ позднѣйшихъ отзывахъ, несмотря на весьма подробную объяснительную записку, при которой препровождался на заключеніе министровъ *проектъ основныхъ правилъ,* встрѣчаются разногласія въ заключеніяхъ даже по главнѣйшимъ положеніямъ, то это разногласіе уже не можетъ быть объяснено тѣмъ, что вопросъ недостаточно уясненъ; оно, очевидно, обусловливается неизбѣжной по каждому вопросу разностью взглядовъ, тою разностью, которая охранитъ проектируемый законъ, при окончательномъ его утвержденіи, отъ всякой односторонности.

По вышеизложеннымъ соображеніямъ, министръ государственныхъ имуществъ, въ виду несомнѣнной необходимости принять безотлагательно мѣры къ сбереженію лѣсовъ, призналъ болѣе цѣлесообразнымъ, руководствуясь полученными имъ отзывами на проектъ *основныхъ правилъ,* исправить этотъ проектъ, насколько это оказывается полезнымъ и необходимымъ, и, дополнивъ его положеніями по частнымъ вопросамъ, выработать изъ него уже вполнѣ законченное *Положеніе о сбереженіи лѣсовъ.*

Постараемся теперь изложить въ краткихъ чертахъ содержаніе новаго лѣсоохранительнаго закона, съ приведеніемъ, гдѣ это окажется нужнымъ, тѣхъ основаній, которыя побуждали къ такому или другому разрѣшенію вопроса по Положенію 4-го апрѣля 1888 года.

За общее правило признано то, чтобы требованіямъ лѣсоохранительнаго закона подчинялись всѣ лѣса, находящіеся въ Европейской Россіи и на Кавказѣ, кому бы они ни принадлежали—казнѣ, обществамъ, установленіямъ или частнымъ лицамъ. И только временно оставлены внѣ подчиненія закону лѣса нѣкоторыхъ мѣстностей, весьма обильныхъ лѣсами, или же имѣющіе какое-либо особенное, важное въ смыслѣ общественнаго благосостоянія, значеніе, каковы, напримѣръ, лѣса, отданные крестьянамъ для увеличенія ихъ *сельскохозяйственныхъ* угодій.

Другое не менѣе важное начало, положенное въ основаніе новаго закона, состояло въ томъ, чтобы не всѣ лѣса, подчиненные закону, подвергать одинаковой степени ограниченія, а принимать во вниманіе ихъ значеніе въ смыслѣ общественной или государственной пользы. Дѣйствительно, еще въ прошломъ столѣтіи, при первомъ опытѣ примѣненія лѣсоохранительныхъ законовъ Петра, обнаружена неодинаковая настоятельность примѣненія этой мѣры, чѣмъ конечно и можно себѣ объяснить то неодинаковое отношеніе со стороны населенія къ законамъ Петра, какое глухо и робко высказывалось при дѣйствіи законовъ и затѣмъ громче и громче проявляло себя по мѣрѣ того, какъ этотъ законъ ослабѣвалъ при послѣдующихъ царствованіяхъ: извѣстно, что одна часть населенія привѣтствовала отмѣну законовъ Петра, другая же, напротивъ того, настаивала на дальнѣйшемъ ихъ примѣненіи.

При разработкѣ Положенія 4-го апрѣля 1888 года обращено было вниманіе на это обстоятельство и потому постановлено сдѣлать раздѣленіе лѣсовъ по степени важности ихъ для государства и общества. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи заняли лѣса, оказывающіе механическую преграду различнымъ дѣятелямъ, могущимъ произвести вредное дѣйствіе на имущество, принадлежащее обществу или частному лицу. На этомъ основаніи и самые эти лѣса названы лѣсами защитными, и закономъ 4-го апрѣля постановлено, чтобы эти лѣса подчинялись установленнымъ ограниченіямъ во всѣхъ случаяхъ, независимо отъ своего нахожденія въ лѣсистой или безлѣсной мѣстности, несмотря на то, имѣютъ-ли они спеціальное какое-нибудь значеніе, или нѣтъ. Слѣдовательно, защитными лѣсами по закону 4-го апрѣля будутъ лѣсныя пространства и площади, покрытыя хотя бы только кустарникомъ, если они оказываютъ слѣдующія дѣйствія: 1) сдерживаютъ сыпучіе пески или препятствуютъ ихъ распространенію по морскимъ прибрежьямъ, берегамъ судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ, каналовъ и искусственныхъ водохранилищъ; 2) защищаютъ отъ песчаныхъ заносовъ города, селенія, желѣзныя, шоссейныя и почтовыя дороги, обрабатываемыя земли и всякаго рода угодья, а равно тѣ, истребленіе коихъ можетъ способствовать образованію сыпучихъ песковъ; 3) охраняютъ берега судоходныхъ рѣкъ, каналовъ и водныхъ источниковъ отъ обрывовъ, размывовъ и поврежденій ледоходами, и 4) произрастая на горахъ, крутизнахъ и скло-

нахъ, удерживаютъ обрывы земли и скалы или препятствуютъ размыву почвы, образованію снѣжныхъ обваловъ и быстрыхъ потоковъ.

Затѣмъ, на второмъ мѣстѣ, поставлены лѣса, охраняющіе верховья и источники рѣкъ или ихъ притоковъ. Они такъ же, какъ и лѣса вышеназванной категоріи, подчинены дѣйствію закона на пространствѣ всей Европейской Россіи и Кавказа, независимо отъ ихъ положенія и хозяйственнаго значенія. Только степень ограниченія въ пользованіи этими лѣсами значительно ниже, чѣмъ для лѣсовъ защитныхъ, хотя это еще вопросъ, какъ показалъ опытъ, не было-ли бы болѣе цѣлесообразнымъ лѣса этой второй категоріи причислить къ первой и назвать ихъ тоже защитными, потому что хотя степень ихъ вліянія на водность рѣкъ и другихъ резервуаровъ не такъ очевидна для всякаго, какъ лѣсовъ защитныхъ, но въ настоящее время едва-ли уже можно найти сомнѣвающихся въ безусловной пользѣ лѣсовъ для поддержанія водности рѣкъ, какъ едва-ли можно найти сомнѣвающихся и въ томъ, что сбереженіе внутреннихъ водъ въ странѣ должно составлять предметъ едва-ли не самыхъ первыхъ заботъ правительства и общества.

Наконецъ, къ третьей и послѣдней категоріи отнесены всѣ прочіе лѣса: они, слѣдовательно, могутъ быть характеризованы лишь отрицательными качествами, какъ не имѣющіе ни защитнаго, ни водоохраннаго значенія.

Еще новое начало, положенное въ основу нынѣ дѣйствующаго лѣсоохранительнаго закона, состоитъ въ томъ, чтобы при наложеніи на владѣльцевъ лѣсовъ ограниченій въ правѣ пользованія послѣдними не только не требовать отъ нихъ какихъ-либо денежныхъ затратъ и расходовъ, а, напротивъ того, стараться приходить къ нимъ на помощь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они изъявятъ готовность идти рука-объ-руку съ правительствомъ въ его дѣятельности по сбереженію лѣсовъ, приступить къ упорядоченію своихъ лѣсныхъ имѣній.

Реальнымъ выраженіемъ, такъ сказать, этого взгляда законодателя служитъ особая глава въ законѣ 4-го апрѣля, подъ названіемъ: «*Мѣры содѣйствія и поощренія къ сбереженію и разведенію лѣсовъ*». Нѣсколько ниже мы вернемся къ этой главѣ и разберемъ ее подробнѣе.

Наконецъ, къ числу основъ лѣсоохранительнаго закона 4-го апрѣля 1888 года слѣдуетъ отнести и то установленіе, чтобы вопросы сбереженія лѣса разрѣшались въ коллегіи, состоящей изъ высшихъ чиновъ губернскаго управленія, чтобы лѣсовладѣлецъ былъ постоянно въ курсѣ дѣла относительно предпринимаемыхъ по отношенію къ его лѣсамъ мѣръ и чтобы онъ имѣлъ свободный и законный доступъ въ высшей административной сферѣ на случай недовольства рѣшеніемъ лѣсоохранительной комиссіи. Короче говоря, въ основу закона о сбереженіи положено, выдержанное до послѣдней строчки, правило о возможномъ нестѣсненіи владѣльцевъ въ пользованіи лѣсами. Къ сожалѣнію, это стремленіе законодателя до на-

стоящаго времени еще не вполнѣ понято обществомъ и совершенно не оцѣнено имъ по достоинству.

Обратимся теперь къ частностямъ закона.

Положеніе 4-го апрѣля 1888 года раздѣлено на нѣсколько отдѣловъ, рѣзко обособленныхъ одинъ отъ другого: такъ, во введеніи изложены общія свѣдѣнія о сферѣ дѣйствія закона, о принятыхъ для сбереженія лѣсовъ мѣрахъ, о лѣсахъ защитныхъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ отдѣлѣ излагаются самыя мѣры, относящіяся отдѣльно до лѣсовъ защитныхъ и до лѣсовъ, не признанныхъ защитными; затѣмъ идетъ отдѣлъ о мѣрахъ содѣйствія и поощренія къ сбереженію и разведенію лѣсовъ и, наконецъ, наибольшій отдѣлъ, содержащій постановленія, касающіяся лѣсоохранительнаго управленія.

Содержаніе перваго отдѣла мы уже почти исчерпали, когда замѣтили выше, что законъ распространенъ вообще на всю Европейскую Россію (съ Кавказомъ) и только временно дѣлаетъ нѣкоторыя исключенія изъ этого правила, что при дѣленіи лѣсовъ на категоріи принята во вниманіе главнымъ образомъ степень значенія ихъ для государства и общества, и что такихъ категорій установлено три, изъ которыхъ одна—защитные лѣса—характеризована болѣе подробно, чѣмъ другія.

Отдѣлъ же о мѣрахъ сбереженія содержитъ слѣдующія постановленія или указанія:

а) Относительно лѣсовъ защитныхъ. Для подчиненія этихъ лѣсовъ установленнымъ правиламъ недостаточно, чтобы они занимали то положеніе, на которое указано выше, или оказывали извѣстное дѣйствіе, а нужно, чтобы защитное значеніе ихъ было предварительно установлено, съ соблюденіемъ извѣстнаго порядка. Разъ это сдѣлано, тогда въ защитномъ лѣсу запрещается, впредь до устройства его, рубка растущаго лѣса, а дозволяется пользоваться въ немъ только сухостойникомъ и валежникомъ. Затѣмъ, въ теченіе времени, не превосходящаго 22 мѣсяца, должно быть произведено и самое устройство, которымъ опредѣляется порядокъ, родъ и размѣръ пользованія въ лѣсу, но съ тѣмъ, чтобы исполненіе предначертаній плана хозяйства не сопровождалось никакими расходами, если владѣлецъ самъ не пожелаетъ ихъ производить. Поэтому и самое устройство производится насчетъ казны и спеціалистами, состоящими на государственной лѣсной службѣ. Поэтому же постановлено, что въ тѣхъ случаяхъ, когда расходы необходимы для исполненія плана хозяйства, а владѣлецъ не можетъ или не желаетъ ихъ производить, казна можетъ экспропріировать лѣсъ или—въ опредѣленныхъ только случаяхъ—обмѣнять его на другой, не защитный.

и б) Относительно лѣсовъ незащитныхъ. Мѣры сбереженія ихъ суть: воспрещеніе расчистки лѣса или обращеніе его въ другой видъ угодій—безъ разрѣшенія на то лѣсоохранительнаго комитета, разрѣшенія, даваемаго притомъ лишь въ опредѣленныхъ, указанныхъ самимъ закономъ случаяхъ; затѣмъ, воспрещеніе производить

рубки опустошительныя, вслѣдствіе которыхъ истощается древесный запасъ, естественное лѣсовозобновленіе дѣлается невозможнымъ и вырубленныя площади обращаются въ пустыри, короче говоря, такія рубки, которыя приводятъ лѣсъ въ разстройство, и наконецъ—недозволеніе пастьбы скота на вырубкахъ и въ молоднякахъ, не достигшихъ 15-ти-лѣтняго возраста. Лицамъ, опасающимся привлеченія къ отвѣтственности за нарушеніе постановленія о рубкѣ опустошительной, предлагается составить планъ хозяйства (очень простой, но отвѣчающій установленнымъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ требованіямъ) на свой лѣсъ и представить его на утвержденіе лѣсоохранительнаго комитета. Разъ комитетъ утвердитъ планъ хозяйства, владѣлецъ не можетъ подвергаться никакимъ преслѣдованіямъ по закону 4 апрѣля до тѣхъ поръ, пока будетъ дѣйствовать въ лѣсу согласно плану. Въ этомъ же отдѣлѣ Положенія содержится указаніе на размѣръ той отвѣтственности за нарушеніе закона, какая налагается на владѣльцевъ или ихъ управляющихъ въ порядкѣ административномъ—безъ суда. Требуется, чтобы уничтоженный лѣсъ былъ возстановленъ снова—даже путемъ искусственнаго облѣсенія, если бы обнаружилось, что естественное возобновленіе лѣса невозможно.

Относительно же сбереженія лѣсовъ, охраняющихъ верховья и источники рѣкъ или ихъ притоковъ въ законѣ—ни въ разсматриваемомъ, ни въ другихъ отдѣлахъ его—никакихъ мѣръ не установлено. Почему законъ толкуютъ въ томъ смыслѣ, что эта категорія лѣсовъ, по выдѣленіи ихъ изъ общей массы окружающихъ лѣсныхъ пространствъ, подчиняется лишь тѣмъ ограниченіямъ, какія установлены для лѣсовъ незащитныхъ, и притомъ выдѣленіе ихъ въ особую категорію или группу производится лишь въ мѣстностяхъ, на которыя законъ самый распространяется не вполнѣ: тамъ же, гдѣ ему подчинены всѣ лѣса, такого выдѣленія третьей категоріи не дѣлается. Насколько вѣрно это толкованіе, правильнѣе, насколько реальное осуществленіе этого взгляда цѣлесоотвѣтственно, покажетъ будущее; въ настоящее время есть только намеки, заставляющіе думать, что повсемѣстное дѣленіе лѣсовъ на три категоріи было бы болѣе соотвѣтственно намѣреніямъ законодателя.

Въ отдѣлѣ второмъ—о мѣрахъ содѣйствія и поощренія—содержатся слѣдующія важнѣйшія постановленія:

а) Защитные и искусственно разведенные лѣса (послѣдніе не во всѣхъ случаяхъ) и не навсегда освобождаются отъ государственныхъ и земскихъ поземельныхъ сборовъ.

б) районъ мѣстностей, за лѣсоразведеніе въ которыхъ установлены въ прежніе годы преміи, расширяется;

в) съ цѣлью техническаго воспособленія частному лѣсному хозяйству назначаются, изъ болѣе опытныхъ спеціалистовъ казеннаго лѣсного управленія, руководители или совѣтники, подъ названіемъ лѣсныхъ ревизоровъ-инструкторовъ;

г) лѣсная стража въ частныхъ имѣніяхъ и въ крестьянскихъ лѣсныхъ надѣлахъ удостаивается похвальныхъ листовъ и медалей, за особыя заслуги по лѣсной части.

д) отличнѣйшіе изъ управляющихъ частными и общественными лѣсами награждаются, по представленію лѣсоохранительныхъ комитетовъ, почетными наградами, если состоятъ по корпусу лѣсничихъ,

и е) Министерству Государственныхъ Имуществъ предложено выработать инструкцію объ отпускѣ частнымъ лицамъ необходимаго лѣсокультурнаго матеріала.

Послѣдній отдѣлъ Положенія о сбереженіи лѣсовъ состоитъ изъ указанія о составѣ лѣсоохранительнаго управленія и о порядкѣ дѣлъ, относящихся до лѣсоохранительнаго закона. Лѣсоохранительное управленіе организовано слѣдующимъ образомъ.

Центральная власть сосредоточена въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ (по Лѣсному Департаменту); ему принадлежитъ общій надзоръ за исполненіемъ правилъ Положенія 4 апрѣля и разрѣшеніе, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а въ случаѣ надобности и съ другими министрами, жалобъ частныхъ лицъ и обществъ, считающихъ свои права нарушенными вслѣдствіе постановленія губернской лѣсоохранительной власти.

Губернское учрежденіе по лѣсоохраненію называется Лѣсоохранительнымъ Комитетомъ. Какъ замѣчено выше, Комитетъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, главнымъ образомъ изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей въ губернскомъ городѣ или изъ ихъ замѣстителей. Кромѣ того, въ составъ Комитета входятъ представители мѣстнаго землевладѣнія.

Лѣсные ревизоры Министерства Государственныхъ Имуществъ представляютъ изъ себя посредствующее звено между губернскимъ учрежденіемъ по лѣсоохраненію и мѣстнымъ, потому что на обязанность ревизоровъ возложено наблюденіе за чинами, которымъ лѣсоохранительные комитеты поручаютъ надзоръ за лѣсами частными и общественными.

На лѣсоохранительные комитеты возложено непосредственное охраненіе лѣсовъ, вслѣдствіе чего къ прямымъ ихъ обязанностямъ относятся: а) признаніе лѣсовъ защитными и утвержденіе плановъ хозяйства на нихъ; б) признаніе лѣсовъ подлежащими сбереженію для охраненія верховьевъ и источниковъ рѣкъ или ихъ притоковъ; в) разрѣшеніе расчистокъ; г) остановки опустошительныхъ рубокъ; д) утвержденіе упрощенныхъ плановъ хозяйства; е) установленіе срока для искусственнаго облѣсенія владѣльцами неправильно вырубленныхъ или расчищенныхъ площадей; ж) различныя распорядительныя дѣйствія, какъ-то: распредѣленіе лѣсовъ съ цѣлью установленія за ними надзора между чинами казеннаго лѣсного вѣдомства, полиціи и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій; выдачи этимъ чинамъ полномочій на возбужденіе преслѣдованія, а также для принесенія жалобъ и отзывовъ на судебные приговоры

и опредѣленія по дѣламъ о нарушеніи Положенія 4 апрѣля; преподаніе должностнымъ лицамъ, которымъ будетъ порученъ надзоръ за лѣсами на мѣстахъ, подробныхъ наставленій относительно лежащихъ на нихъ обязанностей и способа ихъ исполненія, а также о порядкѣ отчетностей этихъ лицъ.

Наконецъ, ближайшій надзоръ за лѣсами, подчиненными лѣсоохранительному закону, врученъ чинамъ различныхъ вѣдомствъ—лѣснымъ, полиціи и крестьянскихъ учрежденій, а также чинамъ уѣзднаго вѣдомства и земскимъ начальникамъ. Обязанности этихъ лицъ не сложны и состоятъ въ наблюденіи за исполненіемъ лѣсовладѣльцами правилъ Положенія и постановленій лѣсоохранительнаго комитета и въ возбужденіи, по уполномочію комитета, преслѣдованій за нарушеніе Положенія. Для того же, чтобы лица эти могли безпрепятственно исполнять эти обязанности, имъ дано право во всякое время обозрѣвать порученные ихъ надзору лѣса, при чемъ лѣсовладѣльцы, ихъ управляющіе или завѣдывающіе лѣсами не имѣютъ права въ томъ имъ (чинамъ надзора) препятствовать.

Въ такомъ видѣ представляется нѣсколько сложное по своему устройству лѣсоохранительное управленіе. Еще болѣе сложною представляется изложенная въ этомъ же отдѣлѣ процедура возбужденія, разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ лѣсоохраненія. Конечно, всѣ эти промедленія въ ожиданіи отзывовъ, объясненій, личныхъ пріѣздовъ и проч. введены съ хорошимъ намѣреніемъ—насколько возможно защитить интересы владѣльца, и потому должны бы заслуживать лишь одобренія. Къ сожалѣнію, бывали случаи промедленій, превосходящіе мѣру всякаго долготерпѣнія не только со стороны органовъ лѣсоохраненія, но и со стороны самого владѣльца, интересы котораго защищаются министерскими правилами. Мы не говоримъ уже о томъ, что для лѣса, для его цѣнности и благосостоянія эти промедленія чрезвычайно неблагопріятны, чему подтвержденіемъ служитъ множество фактовъ, когда въ теченіе времени разсмотрѣнія дѣла о лѣсѣ, послѣдній вырубался до одного пня, и даже самые пни выкорчевывались, такъ что чиновнику, пріѣзжающему для исполненія постановленій лѣсоохранительнаго комитета въ лѣсу, остается, подобно Діогену, зажечь свѣчу и днемъ искать лѣса, съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ искалъ человѣка философъ-стоикъ.

Для полноты изображенія новаго лѣсоохранительнаго закона слѣдуетъ упомянуть, хотя вкратцѣ, о взысканіяхъ, налагаемыхъ по суду на нарушителей закона 4 апрѣля. Характерная особенность этихъ наказаній та, что всѣ они суть лишь денежныя взысканія или отобраніе лѣса. Такъ, за недозволенную рубку въ дачахъ защитныхъ, за опустошительную рубку, за недозволенную корчевку корней и пней—виновные платятъ штрафъ въ размѣрѣ стоимости вырубленнаго лѣса и кромѣ того послѣдній отбирается; за расчистку защитнаго лѣса—5 рублей со 100 кв. саж. и отобраніе лѣса; за расчистку лѣса незащитнаго тоже 5 рублей, но безъ отобранія лѣса; за недо-

зволенную пастьбу скота и другія недозволенныя побочныя пользованія—взысканіе не свыше 10 рублей. Всѣ взысканія поступаютъ въ Министерство для образованія спеціальныхъ средствъ, назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворять нужды частнаго лѣсного хозяйства.

Русская лѣсоводственная литература.

Послѣ прекращенія съ 1850 года «Лѣсного Журнала», издававшагося вначалѣ обществомъ для поощренія лѣсного хозяйства, а затѣмъ Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, какъ уже было выше сказано, лѣсоводство оставалось до 1855 года безъ особаго, посвященнаго ему спеціально, органа печати. Недостатокъ этотъ былъ весьма чувствительнымъ. Тогда испрошено было разрѣшеніе у министра государственныхъ имуществъ на изданіе съ 1 января 1855 г. газеты «Лѣсоводство и Охота». Изданіе и редакцію этой газеты принялъ я на себя и оставался ея редакторомъ и издателемъ до 1858 года, передавъ ее съ 1 января означеннаго года Н. В. Шелгунову, отъ котораго она перешла къ Шестакову, потомъ къ Коноплину и, наконецъ, къ Зобову. Выходила газета разъ въ недѣлю, а каждый мѣсяцъ къ ней особое прибавленіе. 1859 годъ былъ послѣдній годъ ея выхода. Вотъ что тогдашній редакторъ ея Зобовъ высказалъ въ послѣднемъ № ея изданія:

«Являясь послѣдній разъ передъ своими обычными читателями, «Газета Лѣсоводства» позволяетъ себѣ сказать имъ нѣсколько прощальныхъ словъ.

«Здѣсь не мѣсто говорить о томъ значеніи, которое имѣла наша газета, или оцѣнивать ея минувшую дѣятельность за все время ея существованія съ 1855 по 1860 годъ. Она можетъ быть найдетъ себѣ историка между нашими будущими дѣятелями по сельскому хозяйству и лѣсоводству. Можетъ-быть, этотъ будущій историкъ скажетъ, что «Газета Лѣсоводства», въ той области знанія, которая ей была отведена, явилась вслѣдствіе потребности современной мысли и въ свою очередь имѣла вліяніе на развитіе этой мысли; что она постоянно ратовала противъ всего отживающаго, но еще глубоко пустившаго корни въ русскую почву, противъ педантизма, рутины слѣпого подражанія странѣ, которой условія совсѣмъ другія, нежели въ нашемъ отечествѣ, противъ узкихъ и своекорыстныхъ побужденій...

«Если читатели возьмутъ на себя трудъ сравнить издававшійся съ сороковыхъ годовъ «*Лѣсной Журналъ*» съ «*Газетой Лѣсоводства и Охоты*», они увидятъ рѣзкое различіе въ духѣ и направленіи этихъ изданій. Точно такъ-же, какъ появленіе нашей газеты, такъ и прекращеніе ея не зависѣли отъ простой случайности; она была вызвана потребностью сказать новое слово; она сказала это слово,—живое, исполнила свою задачу, и послѣ того дальнѣйшее ея существованіе было бы лишено всякаго особеннаго значенія.

«Ко всему этому нашъ будущій историкъ прибавитъ, что «Газета

Лѣсоводства», находясь, въ сравненіи съ другими періодическими изданіями, въ совершенно исключительномъ положеніи, умѣла сохранить свое достоинство: она никогда не служила исключительнымъ органомъ какой-либо партіи и никогда интересы, чуждые наукѣ, не запятнали ея страницъ.

. . . .
. . . .

«Редакція газеты беретъ на себя смѣлость искренно благодарить своихъ сотрудниковъ, близкихъ и далекихъ, знакомыхъ лично и знакомыхъ только по убѣжденіямъ,—и сказать своимъ читателямъ, что если она не сдѣлала всего, *что было должно*, то сдѣлала все, *что могла*».

(«Газ. Лѣс. и Ох.», 1859 г., стр. 624).

Съ прекращеніемъ газеты «Лѣсоводство и Охота», сообщенія лѣсохозяйственныя нашли себѣ пріютъ въ журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство». Прошло 12 лѣтъ, пока, съ учрежденіемъ въ С.-Петербургѣ лѣсного общества, послѣднее начало съ 1872 года издавать «Лѣсной Журналъ»,—и до сихъ поръ существующій.

Въ Кіевѣ начато было съ 1886 году изданіе «Лѣсопромышленника», чрезвычайно полезной и хорошо редактируемой еженедѣльной газеты,—но она просуществовала только до 1890 года.

Съ сентября мѣсяца 1892 года возникъ новый лѣсохозяйственный литературный органъ: «Русское Лѣсное Дѣло», выпускаемый два раза въ мѣсяцъ, кромѣ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Лѣсоводственная литература съ 1837 года гораздо богаче предшествующаго времени, но все-таки не особенно обильна. Вначалѣ, не имѣя опытныхъ данныхъ изъ русскихъ лѣсовъ, авторамъ приходилось ограничиваться заимствованіемъ изъ иностраннаго, преимущественно нѣмецкаго, лѣсного хозяйства. Мы укажемъ только на сочиненія, считавшіяся въ свое время болѣе выдающимися, не затрудняя читателя перечетомъ ничтожныхъ, не имѣвшихъ и въ свое время какихъ-либо достоинствъ сочиненій. Мы сдѣлаемъ перечетъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1839 году баронъ Врангель, по порученію департамента корабельныхъ лѣсовъ, сдѣлалъ извлеченіе изъ нѣмецкаго сочиненія Краузе и выпустилъ подъ заглавіемъ: «О мѣрахъ отклоненія недостатка въ деревѣ и о лѣсоохраненіи въ Германіи». Въ этомъ сочиненіи авторъ признаетъ нужнымъ законодательнымъ порядкомъ подчинить частное лѣсное хозяйство надзору правительства; принять мѣры противъ кражи лѣса устройствомъ надежной лѣсной стражи и поставивъ лѣсные чины въ обезпеченное положеніе, но учредивъ и надлежащій контроль надъ ними. По дѣламъ о самовольныхъ порубкахъ требуется быстрый ходъ слѣдствія, суда и взысканій. Побочныя пользованія должны быть ограничены. Указывается на вредъ,

причиняемый лѣсамъ животными, птицами, насѣкомыми и атмосферными перемѣнами.

Въ 1840 году, иждивеніемъ общества для поощренія лѣсного хозяйства, изданъ сдѣланный Серебренниковымъ переводъ съ нѣмецкаго сочиненія Гейнриха Котта «Руководство къ введенію правильнаго въ лѣсахъ хозяйства и таксаціи лѣсовъ».

Переводъ этого сочиненія на русскій языкъ составлялъ богатый вкладъ въ нашу лѣсоводственную литературу.

Также въ 1840 г. явился переводъ съ нѣмецкаго, сдѣланный, сколько намъ помнится, Гречищевымъ, бывшимъ инспекторомъ Лѣсного института, извѣстнаго сочиненія Кенига «Лѣсная математика». Книга эта въ настоящее время устарѣла, но въ то время представляла весьма дѣльныя правила для разнаго рода вычисленій геометрическихъ фигуръ и тѣлъ, для таксаціи и опредѣленія цѣнности лѣсовъ.

Въ 1841 г., по Высочайшему повелѣнію, издано сочиненіе Врангеля «Исторія лѣсного законодательства Россійской Имперіи, съ присоединеніемъ очерка исторіи корабельныхъ лѣсовъ Россіи». Хотя сочиненіе это и недостаточно полно, но въ свое время обращало на себя вниманіе, какъ первая попытка историческаго очерка.

Въ 1841 году явилась отдѣльнымъ оттискомъ статья, помѣщенная въ журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, сочиненіе Петра Кеппена, подъ заглавіемъ: «О мочальномъ промыслѣ»,— брошюра очень хорошая.

Книги, вышедшія въ 1843 году:

В. С. Семенова сочиненіе «Лѣсоохраненіе», руководство для офицеровъ корпуса лѣсничихъ, составленное по распоряженію Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Того же автора В. С. Семенова «Таксація лѣсовъ» и также по порученію Министерства Государственныхъ Имуществъ. Оба сочиненія устарѣли, и въ настоящее время не представляютъ интереса.

Издано Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ сочиненіе капитана Длатовскаго «Курсъ лѣсовозобновленія и лѣсоразведенія», читанный въ Лѣсной ротѣ Лѣсного и Межевого института.

Переводъ съ нѣмецкаго языка, сдѣланный Граховымъ, сочиненія преподавателя Лѣсного и Межевого института А. К. Боде, подъ заглавіемъ «Ручная книга для хозяйственнаго обращенія съ лѣсами», руководство для частныхъ владѣльцевъ лѣсовъ и для завѣдывающихъ лѣсами. Весьма хорошее сочиненіе, составленное по многолѣтнимъ наблюденіямъ въ лѣсахъ трехъ остзейскихъ губерній.

Сочиненіе Филиппа Іенша «Руководство къ разведенію лѣсовъ въ степяхъ Южной Россіи». Авторъ состоялъ ученымъ лѣсничимъ при новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ и сообщилъ свои, впрочемъ, немногочисленныя, наблюденія надъ разведеніемъ лѣса.

Вышла 1 часть, въ 1844 году—2 часть, а въ 1845 году—3 часть «Лѣсного словаря», составленнаго въ Департаментѣ Корабельныхъ

лѣсовъ, служащими тамъ: Никольскимъ, барономъ Врангелемъ, Нольде и Кленко. Образцами служили имъ подобные труды Бодрильяра и Гартига. Для своего времени это было хорошее сочиненіе и сослужило свою службу. Да и въ настоящее время приходится иногда къ этому словарю обращаться за справками.

Въ 1845 г. вышла 1 часть, въ 1846 г.—2 часть, а въ 1848 г.—3 часть «Памятной книги для чиновъ губернскаго лѣсного управленія», изданная Лѣснымъ Департаментомъ. Въ 1 части изложены всѣ обязанности чиновъ Лѣсного вѣдомства и правила эксплоатаціи, охраненія лѣсовъ, преслѣдованія нарушеній и пр.

Во 2-ю часть вошли: а) краткое руководство къ производству съемки въ лѣсахъ мензулою, астролябіею и буссолью, составленное Серебренниковымъ; б) лѣсоразведеніе, составленное Длатовскимъ; лѣсоохраненіе и таксація лѣсовъ, составленныя Семеновымъ,—это перепечатка изданныхъ тѣми же авторами въ 1843 году книгъ, и в) лѣсная технологія, сочиненіе А. К. Боде, которая послѣ вышла въ 1846 г. и отдѣльнымъ оттискомъ. Во 2 части, въ видѣ приложенія, помѣщена «Инструкція для таксаціонныхъ работъ въ лѣсныхъ дачахъ, избираемыхъ для введенія правильнаго хозяйства, и инструкція для производства культуръ въ дачахъ, въ коихъ введено правильное хозяйство».

Въ 3 части помѣщенъ порядокъ производства слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ по лѣсной части.

Въ 1847 году вышла, переведенная съ французскаго языка, по приказанію министра финансовъ, Эдуардомъ Вермонъ «*Лѣсная промышленность*». Книга состоитъ изъ четырехъ частей. Въ 1 части помѣщены существующія постановленія относительно охраненія и вырубки лѣсовъ, доставки лѣсного матеріала водою и гужомъ, обмѣра лѣса, надзора за лѣсами и сплавомъ ихъ со стороны правительства, налоги и пошлины и другія повинности. Во 2 части—торговля лѣсомъ во Франціи и Германіи. Въ 3 части—способы и приспособленія къ доставкѣ лѣсовъ водою. Къ этой части прибавленіе: о порубкахъ и сплавѣ дровъ, доставляемыхъ въ С.-Петербургъ. 4 часть—разсматриваетъ обработку лѣсныхъ произведеній: пропитываніе дерева разными веществами для приданія прочности; обугливаніе дерева; распиловка дровъ; добываніе древесной кислоты, спирта и другихъ химическихъ продуктовъ; уксусно-кислая окись мѣди или ярь, смолистыя вещества; употребленіе живицы, перегонка терпентина, приготовленіе смоляного мыла, летучія масла и проч. Первыя три части и нынѣ еще имѣютъ интересъ.

Въ 1848 году издано Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ сочиненіе *Александра Теплоухова* «Устройство лѣсовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ». Второе изданіе этой книги послѣдовало въ 1850 году. Это сочиненіе составляетъ трудъ вполнѣ самостоятельный, не заимствованный изъ иностраннаго опыта, а почерпнутый изъ русской практики. Авторъ управлялъ обширными лѣсами графа Стро-

ганова, въ Пермской губерніи, и имѣлъ тамъ случай близко всмотрѣться въ наши лѣса. Онъ даетъ практическія указанія, какъ приводить лѣса въ извѣстность, какъ изготовлять планы, исчислять количество лѣсовъ, описывать дачи, раздѣлять ихъ на части, вести правильныя порубки.

Въ 1848 г. изданъ также Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ трудъ М. Б. Бульмеринга «Указанія для опредѣленія цѣнности лѣсовъ Европейской Россіи, по дѣйствительной ихъ стоимости».

Сочиненіе Бульмеринга, бывшаго въ то время вице-инспекторомъ Корпуса Лѣсничихъ, имѣетъ большія достоинства, но заглавіе не соотвѣтствуетъ содержанію: въ книгѣ рѣчь идетъ вовсе не объ опредѣленіи цѣнности лѣсовъ, но о значеніи лѣсовъ въ климатическомъ, гидрографическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, что и разобрано съ знаніемъ дѣла.

Въ 1849 году помѣщикъ Московской и Саратовской губерній А. И. Жуковъ издалъ «*Лѣсоводство для русскихъ владѣльцевъ*». Объ этомъ сочиненіи не стоило бы здѣсь упоминать, если бы въ немъ не было весьма интереснаго описанія лѣсного хозяйства, введеннаго авторомъ весьма разумно въ его двухъ небольшихъ лѣсныхъ дачахъ Саратовской губерніи. Онъ этимъ примѣромъ доказываетъ, положительными данными, что бывшіе истощенные лѣса, при надлежащей заботливости, не особенно трудно поправить и сдѣлать ихъ доходными. Особенно восхваляетъ онъ прорѣживаніе.

Въ 1850 году издалъ графъ Варгасъ де-Бедемаръ свои «Изслѣдованія запаса и прироста лѣсонасажденій С.-Петербургской губерніи». Эти изслѣдованія производились въ продолженіе пяти лѣтъ (1843—1847) и по полнотѣ и тщательности работы, сведенной въ таблицы, составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній русской лѣсоводственной литературы. Эта работа удостоена преміи отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Того же автора напечатаны изслѣдованія о запасѣ и приростѣ лѣсовъ въ Тульской губерніи, въ 1844 году, помѣщенныя въ изданіяхъ Вольнаго Экономическаго Общества.

Въ 1851 году вышло сочиненіе Н. Анненкова «Лѣсоводство». Книга его большихъ достоинствъ не имѣетъ, но онъ самъ всегда горячо стоялъ за сбереженіе лѣсовъ, уговаривалъ землевладѣльцевъ не сводить легкомысленно свои рощи и, бывши секретаремъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, подалъ мысль образовать при обществѣ комитетъ лѣсоводства, который при немъ и былъ образованъ. Вотъ почему я и не обошелъ молчаніемъ о сочиненіи такого человѣка, любившаго лѣсъ.

Въ 1852 году издано ученымъ комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ сочиненіе Дю-Брейля «Курсъ древоводства». Этотъ переводъ съ французскаго сдѣланъ, насколько мнѣ извѣстно, Вик. Сем. Семеновымъ. Этотъ курсъ и въ настоящее время

не безполезенъ садовникамъ и лицамъ, занятымъ на югѣ лѣсоразведеніемъ.

Въ 1854 году иждивеніемъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества издано мое «Руководство къ лѣсоводству», которое въ сжатомъ видѣ представляетъ энциклопедію всего лѣсоводства. Оно въ 1856 г. потребовало второго изданія.

Въ концѣ 1854 года А. Боде издана «Карманная книга для русскаго лѣсничаго на 1855 г.». Авторъ предполагалъ издавать ежегодно подобную книжку, но по убыточности первой попытки,— не повторялъ ее.

Въ 1855 году вышли слѣдующія книги:

Переведено поручикомъ Новицкимъ съ польскаго языка сочиненіе К. Генке «Объ устройствѣ лѣсовъ». Въ этой книгѣ изложенъ способъ устройства лѣсовъ, принятый въ Царствѣ Польскомъ. Это сочиненіе было напечатано редакціей газеты «Лѣсоводство и Охота» и препровождено подписчикамъ въ видѣ дарового приложенія.

Фонъ-Панцеръ издалъ брошюру: «Наставленіе о введеніи правильнаго лѣсоводства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ средней полосы Россіи и въ Тульской губерніи преимущественно». Кто именно былъ г. фонъ-Панцеръ, мнѣ неизвѣстно, но надо думать, что это одинъ изъ землевладѣльцевъ Тульской губерніи или по крайней мѣрѣ давній обыватель ея, такъ какъ онъ, видимо, хорошо знакомъ съ состояніемъ частныхъ лѣсовъ Тульской губерніи и экономическими условіями ея, довольно мѣтко описанными въ брошюрѣ. Поэтому-то и имѣютъ особый интересъ его мнѣнія. Онъ очень обстоятельно указываетъ: какъ должны поступать въ отношеніи своихъ лѣсовъ тѣ владѣльцы, которые сами не управляютъ имѣніями; какъ успѣшнѣе прекратить кражу въ лѣсахъ; чрезъ сколько лѣтъ выгоднѣе рубить лѣсъ; какъ устроить лѣса при имѣніи; какъ ухаживать за молодымъ лѣсомъ и какія выгоды лѣсъ представляетъ. Авторъ приходитъ къ заключенію, что въ Тульской губерніи лѣсоводство выгоднѣе земледѣлія, что тамъ большія запашки убыточны, а осина—если вѣрно разсчитать—дастъ бо̀льшій доходъ; признаетъ необходимымъ разводить лѣсъ и прорѣживать его.

Въ 1856 году отпечатано приложеніемъ къ газетѣ «Лѣсоводство и Охота» сочиненіе А. Астаурова «Объ опредѣленіи доходности лѣсовъ, вычисленіемъ на основаніи мѣстныхъ данныхъ». Это серьезный литературный трудъ, съ которымъ и въ настоящее время не лишнимъ было бы спеціалистамъ по лѣсной части знакомиться. Авторъ нашъ развиваетъ финансовую теорію ранѣе, чѣмъ она надѣлала въ Германіи столько шума, двумя годами позже. Любопытны сдѣланныя г. Астауровымъ поправки въ вычисленіяхъ фонъ-Панцера.

Въ томъ же 1856 г. газета «Лѣсоводство и Охота» дала своимъ подписчикамъ еще и другое приложеніе, книгу Н. В. Шелгунова, подъ заглавіемъ «Лѣсоводство. Руководство для лѣсовладѣльцевъ». Особенными достоинствами эта книга похвалиться не можетъ, но въ

ней есть нѣсколько оригинальныхъ взглядовъ, хотя и черезчуръ смѣлыхъ. Судя по этому сочиненію, хорошій беллетристъ—не всегда хорошій спеціалистъ.

За то, годъ спустя, въ 1857 г., Н. В. Шелгуновъ напечаталъ серьезный трудъ «Исторія русскаго лѣсного законодательства». Можно бы, конечно, отъ такой свѣтлой головы, какою владѣлъ Николай Васильевичъ, ожидать нѣкотораго критическаго отношенія къ закону и къ современнымъ ему экономическимъ условіямъ жизни, что и прозвучало въ товарищчьихъ бесѣдахъ во время выхода книги,—но непремѣнно требовать этого нельзя. Авторъ не потому, что не съумѣлъ, а быть можетъ потому, что не хотѣлъ пускаться въ философствованіе, поставилъ себѣ задачею лишь правдиво въ хронологическомъ порядкѣ представить развитіе лѣсного законодательства,—что онъ и исполнилъ прекрасно. Я лично, въ отношеніи разсматриваемаго труда, стою на сторонѣ Николая Васильевича. Вѣдь такая книга писана не для малограмотныхъ, такъ пусть же читатель самъ шевельнетъ мозгами, припомнитъ въ каждый моментъ времени, каковы были экономическія условія страны, и затѣмъ пофилософствуетъ, пожалуй одинъ по Канту, другой по Фейербаху,—повѣрьте дѣло лучше каждому уяснится, чѣмъ если бы авторъ навязывалъ читателю то, либо другое заключеніе.

Въ томъ же 1857 году напечатаны:

Помѣщенная прежде въ запискахъ Императорскаго Казанскаго экономическаго общества статья профессора М. Киттары «Переработка хвои въ лѣсную шерсть», а послѣ изданная отдѣльной брошюрой. Въ этой статьѣ описаны: обработка хвои паромъ, выварка хвои въ щелокѣ, расческа и промывка отваренной хвои и сушка сырой лѣсной шерсти.

Переводъ съ нѣмецкаго, сдѣланный Яковомъ Калиновскимъ и Антоніемъ Богдановымъ, сочиненія Германа Шахта, подъ заглавіемъ «Дерево». Книга написана для лѣсоводовъ, съ цѣлью ознакомить ихъ съ жизнью растеній вообще, и въ свое время признавалась классической. Въ настоящее время это сочиненіе, въ отношеніи нѣкоторыхъ разсматриваемыхъ тамъ вопросовъ, именно касающихся физіологическихъ отправленій растительной жизни, значительно устарѣло:

Выпущенная особымъ приложеніемъ къ газетѣ «Лѣсоводство и Охота» брошюра сочиненія профессора Мерклина, подъ заглавіемъ «Анатомія коры и древесины стебля разныхъ лѣсныхъ деревъ и кустарниковъ Россіи». Трудъ почтенный.

Въ 1858 году напечатана моя книга «Лѣсная таксація». Сочиненіе это написано по поводу конкурса, объявленнаго ученымъ комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ для составленія, по данной программѣ, руководства для преподаванія лѣсной таксаціи въ Лѣсномъ и Межевомъ институтѣ. По разсмотрѣніи ученымъ комитетомъ поступившихъ рукописей и по вскрытіи запечатанныхъ конвертовъ съ именами, присуждена мнѣ премія въ 2,000 руб. и

сочиненіе напечатано на казенный счетъ. Когда впослѣдствіи потребовалось второе изданіе книги, то я ее подвергъ значительной передѣлкѣ, но заглавія не измѣнилъ, и такое 2 изданіе вышло въ 1868 году.

Въ томъ же году напечатано профессоромъ В. М. Черняевымъ «О лѣсахъ Украйны». Брошюра эта много потрудившагося профессора Харьковскаго университета содержитъ много любопытныхъ и поучительныхъ данныхъ.

Въ 1859 году явилось сочиненіе В. фонъ-Гребнеръ «Руководство къ добыванію смолы, дегтя, вара и скипидара». Это очень хорошій трудъ, который и въ настоящее время можно еще рекомендовать желающимъ добывать смолу и деготь. Второе изданіе явилось въ 1870 году.

Изъ изданій 1859 года, обращаю вниманіе еще на одну, лишь прикасающуюся къ лѣсоводству книгу, которую составилъ штабсъ-капитанъ корпуса лѣсничихъ Козицынъ. Это «Собраніе задачъ для кадетъ лѣсной роты Лѣсного и Межевого института». Въ задачникѣ этомъ расположенныя систематически задачи взяты изъ области лѣсного хозяйства.

Изъ явившихся въ 1860 году книгъ упомяну о трехъ:

Мною издано «Лѣсоводство, наставленіе къ хозяйственному уходу за лѣсами».

Напечатанъ трудъ Франца Майеръ «Степное лѣсоводство». Замѣчательно хорошее сочиненіе занимавшагося лѣсоразведеніемъ въ Тульской губерніи у помѣщика І. И. Шатилова, извѣстнаго знатока и президента Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства.

Вышла очень хорошая брошюра Г. П. Федченко «Дерево, какъ матеріалъ строительный и подѣлочный». Тутъ описываются различные способы пропитыванія дерева, предохраненіе его отъ огня, механическая обдѣлка дерева, и указывается на значеніе машинной работы въ лѣсномъ промыслѣ, описываются станки пильные, стругальные, сверлильные.

Въ 1862 году, по распоряженію Морского Министерства, издано «Описаніе дубоваго лѣса, употребляемаго въ судостроеніе». Тамъ чертежи для обдѣлки разныхъ штукъ дерева, нужныхъ флоту, и приложенъ тарифъ относительной оцѣнки.

Въ 1863 г. издано А. Сементовскимъ «Практическое руководство къ устройству смоло-скипидарныхъ и дегтярно-уксусныхъ заводовъ».

Въ томъ же 1863 г. издана Ѳ. Арнольдомъ: «Справочная книга для земдевладѣльца и лѣсничаго». Авторъ въ предисловіи говоритъ: «Расчетъ—душа хозяйства и безпристрастный другъ и путеводитель всякаго землевладѣльца. Безъ предварительнаго расчета, опасно вводить новые порядки». Далѣе, указывая, что для расчета нужны опытныя данныя, авторъ продолжаетъ: «Въ нашей справочной книгѣ мы собрали и собственныя наблюденія, и опыты другихъ относи-

тельно тѣхъ данныхъ, какія нужны для произведенія вѣрнаго расчета».

Въ 1866 году перевели съ нѣмецкаго, я и Н. Е. Поповъ, сочиненіе Россмеслера «Лѣсъ». Имя Россмеслера ручается за достоинство этого популярно написаннаго сочиненія.

Въ 1868 г. напечаталъ Н. С. Шафрановъ переводъ съ нѣмецкаго сочиненія Нердлингера «Техническія свойства древесины». Это до сихъ поръ самое полное описаніе техническихъ свойствъ древесины. Въ 1869 г. напечатано сочиненіе Р. И. Шредера, съ введеніемъ И. А. Стебута «Живыя изгороди и лѣсныя опушки». Хорошее наставленіе. 2 изданіе вышло въ 1882 году, а 3 изданіе въ 1892 году.

Въ 1869 году издалъ Н. Лабзинъ «Станки для обработки дерева на парижской всемірной выставкѣ 1867 года». По этому сочиненію можно хорошо ознакомиться съ древообдѣльными станками.

Въ 1869 г. А. Ф. Рудзкій напечаталъ свою «Справочную книгу для лѣсничихъ». Часть I. Лѣсоводство. Книга эта содержитъ множество опытныхъ данныхъ, чрезвычайно важныхъ для разнообразныхъ расчетовъ и опредѣленій въ лѣсномъ хозяйствѣ, и ею много пользовались, да и до сихъ поръ пользуются лѣсничіе, что, надо думать, не случилось бы, если бы большинство помѣщенныхъ данныхъ не были бы хотя приблизительно вѣрны. И за всѣмъ тѣмъ о ней лѣсоводственная литература какъ-то отмалчивалась,—были только сдѣланы вскользь замѣтки, что та или другая таблица заимствована у того-то. Какъ будто возможно составить справочную книгу изъ однихъ собственныхъ наблюденій и не пользоваться опытами другихъ, надежныхъ лицъ.

Въ 1870 году изданъ переводъ съ нѣмецкаго, съ примѣчаніями и дополненіями переводчика Острякова, сочиненія Эдуарда Асмусъ, подъ заглавіемъ «Сухая перегонка дерева и дальнѣйшая переработка получаемыхъ при ней продуктовъ». Хорошая книга.

Въ 1871 году напечатаны:

Брошюра М. Сидорова «Лиственница», доказываетъ превосходныя качества лиственницы, какъ корабельнаго лѣса, и описываетъ мѣстонахожденія лиственницы, особенно на р. Печорѣ.

Брошюра Крылова «Древоводство. Разведеніе деревъ и кустовъ для лѣса, рощи, парка, проспектовъ и аллей». Недурно составлена.

Сочиненіе Н. Попова «Лѣсная технологія. Руководство къ механической и химической обработкѣ дерева». Книга удостоена преміи отъ ученаго комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ. На русскомъ языкѣ у насъ нѣтъ лучшей лѣсной технологіи, чѣмъ Попова,—но только отдѣльно химическую обработку у Асмуса надо предпочесть.

Въ 1872 г. Н. П. Мельниковъ написалъ «Очерки производства бумаги изъ дерева въ Россіи», но кратко и мало удовлетворительно.

Въ томъ же году издалъ В. Маргграфъ «Нѣсколько данныхъ объ

искусственномъ разведеніи лѣса въ имѣніи княгини М. А. Мещерской, село Дугино, Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи». Любопытныя замѣтки хорошаго практика.

Въ томъ же 1872 вышла изъ печати книга Н. С. Шафранова «Лѣсоохраненіе». Второе изданіе явилось въ 1876 г. Трудъ М. К. Турскаго «Таблицы для таксаціи лѣса». Второе изданіе ихъ вышло въ 1876 году. Книжка С. Шапиро «О сухой перегонкѣ дерева въ Швеціи и Норвегіи и о развитіи этой отрасли промышленности въ Россіи на артельныхъ началахъ». Всѣ три сочиненія пригодны еще и въ настоящее время.

Въ 1873 году появилось сочиненіе Н. Зобова «Лѣсная таксація и лѣсоустройство», но только 1 часть, «Лѣсная таксація», а 2 часть—«Лѣсоустройство»—вышла уже послѣ смерти автора въ 1874 году. Несмотря на многіе недостатки, книга не безполезная.

Въ томъ же 1873 году Лѣсное общество издало очень хорошій «Лѣсохозяйственный статистическій атласъ Европейской Россіи», на русскомъ и французскомъ языкахъ, а Н. Малыгинъ напечаталъ «Матеріалы для статистики о лѣсахъ всѣхъ горныхъ заводовъ Европейской и Азіатской Россіи». Эти матеріалы, по заявленію автора, основаны на официальныхъ данныхъ.

Въ 1874 году Ив. Курисъ представилъ докладъ одесскому уѣздному земскому собранію «О лѣсоразведеніи», который былъ напечатанъ. Это голосъ въ защиту сохраненія лѣсовъ, раздававшійся уже въ то время среди земцевъ. Брошюра интересна и въ томъ отношеніи, что въ ней изложены мѣры, принятыя одесскимъ земскимъ собраніемъ о лѣсоохраненіи и лѣсоразведеніи, и представленъ проектъ выкупной операціи, съ помощью которой земство могло бы пріобрѣтать отъ владѣльцевъ участки земель, находящихся подъ лѣсомъ или признанные годными къ лѣсоразведенію.

Въ томъ же 1874 году Ф. Полонскій издалъ статистическія свѣдинія о Рязанской губерніи въ лѣсномъ отношеніи.

Въ 1875 году перевелъ съ нѣмецкаго В. Ольшевскій «Двадцать пять формулъ для вычисленія древеснаго прироста и лѣсной приростный буравъ». Хорошее пособіе для изслѣдованія прироста.

Въ 1876 году издалъ Н. С. Шафрановъ переводъ съ нѣмецкаго классическаго сочиненія Буркгарда «Посѣвъ и посадка лѣса». Книга до сихъ поръ очень полезная.

Въ томъ же году Н. С. Шафрановъ напечаталъ свое сочиненіе «Лѣсовозращеніе.—Ученіе о производствѣ продуктовъ лѣсного хозяйства». Это лучшій до сего времени учебникъ,—онъ составленъ по учебнику Карла Гейера.

Въ томъ же 1876 году С.-Петербургское Лѣсное общество издало: «Описаніе способовъ и размѣровъ укрѣпленія и облѣсенія правительствомъ летучихъ песковъ въ Россіи». Въ этомъ изданіи описаны только приморскіе пески, а о материковыхъ ничего не говорится.

Въ 1876 году Вестбергъ сообщаетъ свои «Замѣчанія при осмотрѣ въ 1875 году культурныхъ работъ въ Рязанской, Тамбовской, Воронежской и Саратовской губерніяхъ». Замѣчанія эти указываютъ на плохое положеніе у насъ дѣла по разведенію лѣса и на мѣры къ улучшенію его.

Въ 1876 году напечатаны «Правила о порядкѣ пользованія лѣсами, обремененными крестьянскими сервитутами въ губерніяхъ Царства Польскаго». Эта инструкція была издана на польскомъ языкѣ главною дирекціею земскаго кредитнаго общества въ Царствѣ Польскомъ, и переведена на русскій языкъ.

Въ 1877 году изданы:

Составленный П. Н. Верехо «Систематическій сборникъ дѣйствующихъ циркулярныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ по Лѣсному Департаменту Министерства Государственныхъ Имуществъ съ 1838 года по 15 марта 1877 года».

Одновременно явилось два перевода съ нѣмецкаго образцоваго сочиненія Фридриха Юдейха: одинъ переводъ сдѣлали А. Ф. Рудзкій и А. Битный-Шляхта; другой переводъ Д. Я. Запольскаго. Оба перевода подъ заглавіевъ «Лѣсоустройство». Сочиненіе Юдейха будетъ еще долгое время служить хорошимъ руководствомъ при изученіи устройства лѣсовъ.

Составленное В. К. Туцевичемъ «Пособіе къ лѣсоустройству», имѣющее и теперь еще нѣкоторую пригодность.

Въ 1878 году вышли:

Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Арнольда, классическаго сочиненія Макса Кунце «Учебникъ древоизмѣренія». Редакторомъ перевода добавлены способы Уриха и Роберта Гартига для выбора модельныхъ деревъ и способы Риникера для выраженія видовыхъ чиселъ, и Кребса для вычисленія массы насажденій. До настоящаго времени нѣтъ другого руководства, въ которомъ бы было полнѣе изложено ученіе объ измѣреніи деревъ и насажденій и опредѣленія прироста, чѣмъ у Кунце.

Составленная П. Н. Верехой и А. Ф. Рудзкимъ книга «Литература русскаго лѣсоводства», доведенная до 1878 года.

Изслѣдованія «О лѣсоохраненіи по русскому праву» Сергѣя Ведрова. Этотъ добросовѣстный трудъ, въ которомъ очень полно собрано все относящееся къ русскому лѣсоохраненію и ясно изложено и критически освѣщено, обращаетъ на себя особое вниманіе и заслуживаетъ быть прочтеннымъ каждымъ.

Въ 1879 году Д. Шиловъ составилъ и напечаталъ «Порядокъ преслѣдованія нарушеній лѣсного устава». Руководство это, хорошо составленное, оказалось въ свое время очень полезнымъ.

Въ 1879 и 1880 годахъ выпущены двѣ мастерски написанныя популярныя брошюры Дмитрія Кайгородова «Бесѣды о русскомъ лѣсѣ»—«Краснолѣсье и Чернолѣсье». Онѣ выпущены 2-мъ изданіемъ въ 1883—1884 году, и 3-мъ изданіемъ въ 1891 и 1893 г.

Въ 1880 году издалъ А. Ф. Рудзкій, подъ заглавіемъ «Лѣсная таксація», пособіе для лѣсничихъ и таксаторовъ при матеріальной и денежной оцѣнкѣ лѣсосѣкъ. Книга снабжена многими таблицами, чрезвычайно облегчающими таксатора въ его разнообразныхъ работахъ, такъ что она, вѣроятно, еще долгое время можетъ удовлетворять надобностямъ лѣсничихъ въ подобнаго рода необходимыхъ вспомогательныхъ пособіяхъ. Второе изданіе книги послѣдовало въ 1890 году.

Въ томъ же году вышло изъ печати сочиненіе Ѳ. Арнольда, подъ заглавіемъ «Хозяйство въ русскихъ лѣсахъ», популярный очеркъ лѣсоводства для русскихъ лѣсовладѣльцевъ, управляющихъ имѣніями и лѣсничихъ.

Въ томъ же году Срединскій выпустилъ брошюру «Древесные питомники», а вслѣдъ за тѣмъ, въ 1881 г., «Защитныя насажденія».

Въ 1881 году напечаталъ А. Краузе свое сочиненіе «Критическая оцѣнка лѣсоустроительнаго метода Царства Польскаго». Авторъ помѣстилъ въ своей книгѣ исторію лѣсоводства въ Польшѣ до 1815 года, мѣры, какія затѣмъ были приняты для прекращенія въ лѣсахъ неправильныхъ рубокъ, разсматриваетъ лѣсохозяйственныя, экономическія и естественно-историческія условія страны, первое развитіе лѣсоохранительнаго метода и окончательное установленіе его формы, наконецъ, дѣлаетъ критическую оцѣнку лѣсоустроительнаго метода.

Въ 1881 году А. Ф. Рудзкій издалъ свои «Лѣсныя бесѣды» для русскихъ лѣсовладѣльцевъ и лѣсничихъ. Эти бесѣды появились первоначально въ журналѣ «Сельское хозяйство и лѣсоводство» за 1879 и 1880 годъ и затѣмъ только явились отдѣльною брошюрою. Эти бесѣды чрезвычайно талантливо написаны, затрогиваютъ живые вопросы, разрѣшаютъ ихъ умѣло, читаются легко и съ удовольствіемъ. Помѣщено всего 8 бесѣдъ, въ которыхъ поочередно затронуты слѣдующіе вопросы: охраненіе лѣса, управленіе лѣсомъ, различныя формы отпуска лѣса, способы продажи лѣса, выборочная и сплошная рубка, нѣсколько примѣровъ сложныхъ формъ лѣса, соединеніе лѣсного хозяйства съ сельскимъ, пастьба скота въ лѣсу.

Въ 1882 году явился переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей А. Краузэ, сочиненія Ганггофера «Лѣсное опытное поле». Сочиненіе очень хорошее.

Въ 1883 году Срединскій въ брошюрѣ сообщилъ о снѣжныхъ заносахъ въ зиму 1882—1883 г. въ 5-ти-лѣтнихъ защитныхъ насажденіяхъ Козлово-Воронежско-Ростовской и Курско-Харьково-Азовской желѣзныхъ дорогъ.

Въ томъ же 1883 году явился цѣнный трудъ Медвѣдева «Деревья и кустарники Кавказа».

Въ 1884 году Ѳ. К. Арнольдъ издалъ свой трудъ: «Оцѣнка дѣйствующихъ въ лѣсахъ капиталовъ и достигаемыхъ ими результатовъ». Въ нашъ вѣкъ вопросъ о чистомъ доходѣ, доставляемомъ какимъ бы то ни было хозяйствомъ, есть вопросъ первостепенной

важности. Поэтому авторъ считалъ своевременнымъ затронуть вопросъ о дѣйствующихъ въ лѣсномъ хозяйствѣ капиталахъ и производимомъ ими финансовомъ эффектѣ. Вопросъ этотъ въ современномъ лѣсоустройствѣ нельзя обойти молчаніемъ. Организаторъ лѣсного хозяйства на каждомъ шагу наталкивается на вопросы: выгодны или не выгодны проектируемыя мѣры, — а найти отвѣты можно только правильнымъ расчетомъ; для этой цѣли и написана была разсматриваемая книга.

Въ томъ же году Э. Э. Кернъ напечаталъ «Caeoma Pinitorquum», A. Br., растительный паразитъ сосны. Помѣщены рисунки.

Также въ 1884 году вышелъ замѣчательный литературный трудъ Я. Вейнберга «Лѣсъ», значеніе его въ природѣ и мѣры его сохраненія. Авторомъ собранъ громадный матеріалъ, подтверждающій важное значеніе лѣсовъ въ экономіи природы и въ жизни народа. Въ книгѣ, послѣ разсмотрѣнія физическихъ свойствъ лѣса, указано о вліяніи его на климатъ и почву и на проточныя воды, а затѣмъ разобраны мѣры къ сохраненію лѣсовъ.

Въ 1885 г. М. Турскій и Л. Яшковъ составили и напечатали «Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ, по таблицамъ». Работа исполнена тщательно, руководствуясь изъ иностранной литературы лучшими учеными трудами: Роберта Гартига, Вилькома, Клинца, Шредера, Нердлингера, Буркгарта, Покорни, Коордиса, Франка, и русскими трудами Мерклина, Цабеля и Рудзкаго.

Въ томъ же году Кеппенъ издалъ свой высокоцѣнный трудъ «Географическое распространеніе хвойныхъ деревьевъ въ Европейской Россіи и на Кавказѣ».

Въ 1885 году является брошюра І. Н. Шатилова, озаглавленная «Лѣсоразведеніе въ с. Моховомъ, Тульской губерніи, Новосильскаго уѣзда». Авторъ въ предисловіи говоритъ: «Возрастающее съ каждымъ годомъ сознаніе о значеніи въ нашемъ отечествѣ лѣсовъ, а слѣдовательно и лѣсоразведенія, давно зародило во мнѣ мысль подѣлиться съ сельскими хозяевами тѣми результатами, которые достигнуты были въ имѣніи моемъ, с. Моховомъ, полувѣковыми трудами двухъ поколѣній по части разведенія лѣсовъ. Въ настоящее время мнѣ удалось наконецъ исполнить это намѣреніе и въ сжатомъ очеркѣ изложить историческій ходъ лѣсоразведенія въ с. Моховомъ и описаніе его лѣсного питомника».

Поучительная брошюра такого выдающагося дѣятеля-землевладѣльца, каковъ былъ І. Н. Шатиловъ, представляетъ высокій интересъ.

Въ 1886 году напечатана брошюра Генко «Объ облѣсеніи южнорусскихъ степей», и Турскаго «Разведеніе лѣсныхъ деревьевъ».

Въ 1886 году издалъ П. Н. Вереха продолженіе перваго напечатаннаго имъ въ 1877 году «Систематическаго сборника дѣйствующихъ циркулярныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ по Лѣсному

Департаменту Министерства Государственныхъ Имуществъ» (съ 15 марта 1877 по 1 января 1886 года).

Въ томъ же 1886 г. явилось сочиненіе Раунера «Дюны, ихъ укрѣпленіе и облѣсеніе».

Въ 1887 года издана очень интересная брошюрка Н. К. Срединскаго «Краткій историческій очеркъ лѣсоразведенія въ южно-русскихъ степяхъ».

Въ 1888 году издано составленное А. Ф. Рудзкимъ «Руководство къ устройству русскихъ лѣсовъ». Это трудъ обширный и преслѣдующій двѣ цѣли: съ одной стороны онъ назначенъ служить учебникомъ для слушателей автора, съ другой стороны долженъ быть практическимъ руководствомъ для землевладѣльцевъ и ихъ управителей. Самъ авторъ говоритъ, что для него не составляло тайны, что отъ такого соединенія происходитъ много неудобствъ, но онъ не могъ упустить изъ виду отсутствія у насъ удовлетворительнаго руководства для лѣсоустроителей и полагалъ, что при бѣдности нашей лѣсной литературы приходится пренебречь подобнымъ неудобствомъ. Остается только сожалѣть, что авторъ, безспорно талантливый и всесторонне знающій предметъ, о которомъ пишетъ, рѣшился соединить несоединимое. Этимъ только и объясняется, что его «Руководство къ устройству лѣсовъ» не удовлетворяетъ вполнѣ значенію учебника, но и не подходитъ къ типу практическаго руководства. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что несмотря на то, что въ отдѣльныхъ своихъ составныхъ частяхъ книга содержитъ очень много и поучительнаго, и практически полезнаго,— и читается легко,—почему бы такая книга не удовлетворяла и тому, и другому назначенію. Должно-быть, какъ при погонѣ за двумя зайцами, что выстрѣлъ изъ ружья по одному зайцу не долетитъ, а по другому—перелетитъ.

Въ томъ же 1888 году Дмитрій Кравчинскій, лѣсничій, въ брошюрѣ обратился съ рѣчью къ добрымъ хозяевамъ «О хозяйствѣ въ лѣсахъ». Эта брошюра имѣла цѣлью въ популярномъ изложеніи знакомить народныя массы съ лѣсомъ и предстоящими въ немъ работами.

Въ томъ же году напечаталъ Шенрокъ «Обзоръ устройства лѣсного управленія въ Германіи, Австріи и Франціи».

Наконецъ, въ томъ же 1888 году вышли изслѣдованія Н. К. Генко «Къ статистикѣ лѣсовъ Европейской Россіи». Брошюрка хотя не объемистая,—заключаетъ всего 6 листовъ, но потребовавшая много труда и умѣнья критически разобраться въ цифрахъ разныхъ показаній, нерѣдко противурѣчащихъ фактическому состоянію лѣсовъ. Къ ней приложенъ прекрасный атласъ.

Въ 1889 году издалъ Ѳ. К. Арнольдъ «Курсъ лѣсоводства для низшихъ лѣсныхъ школъ», который разошелся въ школахъ, а въ продажу не поступилъ. Этотъ курсъ, значительно обработанный и передѣланный, въ 1891 году вновь напечатанъ и пущенъ въ про-

дажу подъ заглавіемъ: «Курсъ лѣсоводства для лѣсныхъ школъ и для лѣсовладѣльцевъ и управляющихъ имѣніями».

Въ томъ же году издалъ извѣстный практикъ-лѣсоводъ К. Ф. Тюрмеръ свои замѣтки «50 лѣтъ лѣсоводственной практики».

Въ 1890 году изданы:

Составленный П. Н. Вереха и И. П. Вишневскимъ «Систематическій сборникъ дѣйствующихъ циркулярныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ по Лѣсному Департаменту Министерства Государственныхъ Имуществъ съ 1838 года по 1 іюля 1890 года».

Н. К. Срединскій описалъ «Лѣсоводство, садоводство, огородничество и винодѣліе на Всероссійской сельскохозяйственной выставкѣ въ г. Харьковѣ 1887 года». Въ этой книгѣ много интереснаго для лѣсоводовъ. Можно ознакомиться съ орудіями, въ настоящее время употребляемыми въ лѣсокультурныхъ работахъ, — рисунки орудій очень отчетливо исполнены; описывая выставленные предметы, очень много сообщается свѣдѣній объ экспонентахъ, и о лѣсахъ, и объ имѣніяхъ, и о многихъ работахъ.

Составленный Д. Кайгородовымъ «Русскій лѣсотоварный словарь». Въ такомъ словарѣ давно уже нуждалась наша лѣсоводственная литература.

Ал. Фокъ книгу «Лѣсная съемка за границей». Изъ отчета по заграничной командировкѣ. Сообщаются очень интересныя свѣдѣнія о состояніи межеванія лѣсовъ въ Западной Европѣ.

Въ томъ же 1890 году напечатано сочиненіе Э. Э. Керна «Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе». Очень хорошая и обстоятельная монографія ивы. Авторъ передаетъ общее понятіе объ ивѣ и ея культурныхъ сортахъ, значеніе ивы: ея прутья, древесина, уголь, кора, листья, сѣменной пухъ, живучесть этой породы и проч.; почва и обработка ея подъ иву; посадка этой породы для разныхъ цѣлей; уходъ за ивой; жатва ея; враги ивы; безвершинники; расходъ и доходъ; производство издѣлій изъ ивы.

Выпущенъ изъ печати I томъ сочиненія Ѳ. Арнольда «Русскій лѣсъ». Этотъ первый томъ посвященъ, главнымъ образомъ, разсмотрѣнію современнаго состоянія русскихъ лѣсовъ и знакомитъ читателей: съ значеніемъ вообще лѣса, съ пространствомъ и распредѣленіемъ лѣсовъ въ Россіи, съ порядками при отпускахъ срубаемаго лѣса; отмѣчаетъ непорядки, существовавшіе и еще существующіе въ хозяйствѣ русскихъ лѣсовъ; разсматриваетъ и освѣщаетъ лѣсоохранительный законъ 4 апрѣля 1888 года и знакомитъ съ содержаніемъ лѣсоохранительныхъ законовъ въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ. Къ этому тому приложены раскрашенныя карты распредѣленія лѣсовъ: а) въ Россіи, и б) въ остальной Европѣ.

Въ томъ же году издана «Вспомогательная книжка для лѣсничихъ и лѣсовладѣльцевъ» Ѳ. Арнольда. Авторъ, зная изъ опыта чрезвычайную важность для лѣсного хозяина имѣть удобныя таблицы,

рѣшился напечатать таковыя и задался цѣлью доставить своимъ товарищамъ по профессіи вспомогательную книжку въ возможно компактной печати и въ форматѣ, удобномъ для укладыванія въ боковомъ карманѣ, такъ, чтобы книжка могла быть постояннымъ спутникомъ лѣсничаго. Въ такомъ видѣ книжка и издана. Въ 1893 году потребовалось второе изданіе вспомогательной книжки, и она, пересмотрѣнная и дополненная, вновь издана.

Въ 1891 году напечатаны:

Книга А. Краузе «Народно-хозяйственное значеніе дѣятелей лѣсного производства».

Въ своемъ трудѣ г. Краузе разсматриваетъ лѣсъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія. Онъ полагаетъ, что политико-экономы считали лѣсоводство слишкомъ частнымъ случаемъ экономіи народа, а лѣсничіе увлекались техникою своего дѣла, вслѣдствіе чего вопросъ объ экономическомъ значеніи лѣса мало разработанъ. Изученіе лѣса съ точки зрѣнія политической экономіи должно составлять, по мнѣнію г. Краузе, самостоятельную науку, которую онъ называетъ лѣсной экономіей.

Можно и не соглашаться въ необходимости переименованія прежняго государственнаго лѣсного хозяйства въ лѣсную экономію, но нельзя не признать, что книга г. Краузе составляетъ весьма интересный и почтенный трудъ, свидѣтельствующій несомнѣнно о широкомъ знакомствѣ автора съ лѣсоводственною литературою. Это сочиненіе представляетъ въ русской лѣсоводственной литературѣ первую попытку къ самостоятельной разработкѣ въ отдѣльной книгѣ вопросовъ изъ области государственнаго лѣсного хозяйства. Въ настоящей книгѣ г. Краузе разсматриваетъ только нѣсколько вопросовъ, но онъ самъ заявляетъ, что это только часть задуманнаго имъ большого сочиненія, — и желательно, чтобы онъ довелъ свой трудъ до конца.

Подъ редакціей В. Я. Добровлянскаго начаты выпуски «Практической дендрологіи», продолженіе которыхъ явилось въ 1892 и 1893 годахъ. Полезное руководство къ скорому и легкому опредѣленію важнѣйшихъ древесныхъ породъ по отдѣльнымъ ихъ частямъ.

Брошюрка Н. С. Нестерова «Фабрикація древесной стружки и ея примѣненіе». На эту отрасль промышленности надо бы нашимъ торговымъ людямъ обратить вниманіе.

Въ томъ же году Ив. Шевыревъ издалъ «О вредныхъ насѣкомыхъ степныхъ лѣсничествъ». Въ своей книгѣ авторъ подробно знакомитъ съ вредными насѣкомыми, засѣвшими въ нашихъ южныхъ плантаціяхъ, и указываетъ на цѣлесообразныя мѣры къ предупрежденію вреда и уничтоженію появившихся насѣкомыхъ.

Составленное Дм. Кайгородовымъ «Наглядное (графическое) изображеніе пользы и вреда, приносимыхъ нашими птицами». Таблица чрезвычайно удобообозрима, такъ что сразу видно, на сторонѣ-ли пользы или на сторонѣ вреда, приносимыхъ птицею,—перевѣсъ.

Въ началѣ 1891 г. вышелъ II томъ «Русскаго лѣса», сочиненіе Арнольда, въ которомъ разсмотрѣны элементы лѣсного хозяйства, лѣсная почва, строеніе и жизнь дерева, хозяйство въ лиственныхъ и хвойныхъ лѣсахъ, естественное возобновленіе лѣсовъ, питомникъ и древесная школа, посѣвъ и посадка лѣса, а лѣтомъ того же года вышелъ III томъ «Русскаго лѣса», въ составъ котораго вошли: устройство лѣса и начертаніе плана хозяйства, оцѣнка лѣса, порядокъ отпуска и продажи лѣса, о побочныхъ пользованіяхъ въ лѣсу, администрація лѣсовъ и отчетность.

Въ томъ же 1891 году А. Леонтьевъ и И. Мещерскій составили небольшую брошюрку «Лѣсъ». Значеніе лѣса. Какъ хозяйствовать въ лѣсу и какъ разводить его. Книжечка эта издана для народа и допущена ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ библіотеки начальныхъ училищъ. Въ толковомъ, ясномъ и сжатомъ изложеніи она даетъ много полезныхъ свѣдѣній о лѣсѣ, лѣсномъ хозяйствѣ, сбереженіи и разведеніи лѣсовъ, а также знакомитъ съ постановленіями лѣсоохранительнаго закона 4 апрѣля 1888 года.

Въ томъ же 1891 году Левъ Гурьяновъ написалъ, а херсонское губернское земство издало книжечку «О степномъ лѣсоразведеніи». Въ книжечкѣ хорошо описаны пріемы лѣсоразведенія, вообще употребляемые у насъ на югѣ и въ Войскѣ Донскомъ; приведенъ краткій историческій очеркъ степного лѣсоразведенія и сказано нѣсколько словъ о лѣсоохранительномъ законѣ.

По распоряженію Министерства Государственныхъ Имуществъ сдѣланъ переводъ съ французскаго сочиненія Демонце «Практическое руководство къ облѣсенію и задерненію горъ».

У насъ на Кавказѣ уничтоженіе на горахъ лѣсовъ уже отразилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезвычайно гибельно, такъ что предстоитъ въ близкомъ будущемъ приступить къ задерненію и облѣсенію нѣкоторыхъ горныхъ скатовъ. Въ этихъ видахъ и сдѣлано распоряженіе перевода сочиненія Демонце, чтобы наши лѣсничіе ознакомились съ испытанными уже во Франціи пріемами подобныхъ работъ.

Въ 1892 году М. Іоэльсонъ также издалъ сочиненіе «Облѣсеніе и задерненіе горъ», основываясь на собственныхъ наблюденіяхъ въ Кавказскихъ горахъ.

Въ 1892 году вышли еще и слѣдующія сочиненія:

П. Сувэйсдисъ напечаталъ брошюрку «Способы сплава лѣса во время весенняго половодья». Авторъ обстоятельно описываетъ отправку лѣса большими партіями по Камѣ и Волгѣ и прилагаетъ хорошіе чертежи. Но содержаніе книги не вполнѣ соотвѣтствуетъ заглавію ея. Въ книгѣ говорится только о сплавѣ лѣса въ бѣлянахъ и грузовыхъ плотахъ, а по заголовку можно ожидать найти въ ней и другіе способы сплава и не только по большимъ рѣкамъ.

Вышли двѣ интересныя брошюрки «Очеркъ дѣятельности П. А. Кочубея по лѣсоразведенію въ Полтавской губерніи» и другая «Лѣсонасажденія, питомники и школы въ имѣніяхъ графа М. М. Толстого подъ руководствомъ И. М. Кабештова». Обѣ брошюры свидѣтельствуютъ объ отрадныхъ явленіяхъ—о разведеніи лѣсныхъ насажденій на земляхъ частныхъ владѣльцевъ: на земляхъ П. А. Кочубея разведено около 440 дес. лѣса, въ имѣніи графа Толстого болѣе 66 дес.

М. К. Турскій издалъ «Лѣсоводство». Сочиненіе очень хорошее. Въ сжатой формѣ авторъ высказываетъ опредѣленно и точно каждое положеніе. Программа книги обнимаетъ и лѣсовозращеніе, и лѣсную таксацію.

Тотъ же авторъ и въ томъ же году издалъ еще и брошюрку: «Какъ выучиться разводить деревья» (объ устройствѣ древеснаго питомника при народной школѣ).

Въ нашей литературѣ нѣтъ изданій по лѣсоводству для дѣтскаго чтенія. Брошюра Турскаго представляетъ въ этомъ отношеніи пріятное явленіе въ формѣ простого, взятаго изъ дѣйствительной жизни, разсказа объ одномъ школьномъ питомникѣ подъ Москвою. Въ брошюрѣ изложены краткія необходимыя свѣдѣнія объ устройствѣ древеснаго питомника при народной школѣ. Изложеніе весьма ясное, живое и вполнѣ доступное дѣтскому пониманію.

Ив. Шевыревъ напечаталъ продолженіе начатыхъ изслѣдованій, подъ общимъ заглавіемъ: «Вредныя насѣкомыя Южной Россіи», наблюденія 1891 года, и помѣщаетъ въ I отдѣлѣ: «Насѣкомоядныя птицы и степные лѣса». II отдѣлъ того же года: «Гусеницы-листогрызы и листоѣды степныхъ лѣсовъ». III отдѣлъ напечатанъ въ 1893 году: «Короѣды степныхъ лѣсовъ».

Наконецъ, въ томъ же 1892 году, профессоръ агрономіи въ Новороссійскомъ университетѣ П. Бараковъ выпустилъ брошюру «О возможныхъ мѣрахъ борьбы съ засухами». Брошюра раздѣлена на три отдѣла, изъ которыхъ особенный интересъ для лѣсовода имѣетъ первый отдѣлъ. Авторъ, указавъ на разные факторы, обусловливающіе урожаи, и отмѣтивъ, что по закону минимума величина урожая зависитъ отъ находящагося въ наименьшемъ размѣрѣ фактора и пропорціональна ему, подчеркиваетъ значеніе въ этомъ смыслѣ для юга влаги. Такъ какъ, далѣе, среднее, выпадающее въ видѣ осадковъ, годовое количество ея составляетъ тамъ около 400—500 милиметр., что болѣе чѣмъ достаточно для полученія хорошаго урожая, то, слѣдовательно, бѣда для юга заключается въ неравномѣрности ниспаденія влаги, а средства борьбы со зломъ—въ умѣніи сохранять временной избытокъ въ ней на болѣе продолжительное время, въ умѣніи растянуть, такъ сказать, пользованіе имъ на періодъ отсутствія ниспадающей влаги. Почтенный профессоръ, путемъ сопоставленія карты лѣсовъ съ картою неурожая, указываетъ на то замѣчательое соотношеніе между лѣсистостью данной мѣстности и урожаемъ въ ней

въ 1891 г., и указавъ, кромѣ того, на частые случаи такого важнаго вліянія лѣса вообще на урожай воздѣлываемыхъ растеній, дѣластъ о благотворномъ вліяніи лѣса вообще на растительность выводы, хотя и не безызвѣстные, но весьма цѣнные, какъ основанные на данныхъ русскихъ наблюденій и притомъ именно въ южныхъ, страдающихъ отъ засухъ, мѣстностяхъ.

Въ 1893 году явилось много литературныхъ трудовъ по части лѣсоводства. Издана Керномъ чрезвычайно интересная книга: «Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе». Извлекаемъ изъ рецензіи этой книги въ «Русскомъ лѣсномъ дѣлѣ» нѣсколько словъ. Тамъ говорится: «книжка изложена просто и ясно; помѣщенные въ текстѣ рисунки и таблицы наглядно представляютъ описываемыя работы. Затрогивая живой и въ высшей степени важный вопросъ объ оврагахъ, книжка г. Керна является высокоинтересной для всякаго образованнаго читателя, для сельскаго же хозяина и лѣсничаго, вообще человѣка деревни, она особенно цѣнна: она научитъ его многимъ простымъ, легко исполнимымъ, пріемамъ укрѣпленія небольшихъ овраговъ, пріемамъ, съ помощью которыхъ внимательный хозяинъ въ состояніи предотвратить огромное зло, которое ведетъ за собою разрастающійся оврагъ.

Изъ-подъ пера М. К. Турскаго вышло прекрасное описаніе Бѣловѣжской пущи, Гродненской губерніи. Имъ же издана небольшая, но хорошо составленная книжечка «Сборъ древесныхъ сѣмянъ и извлеченіе хвойныхъ сѣмянъ изъ шишекъ». Онъ же издалъ «Лѣсоводственныя орудія и инструменты», пока вышелъ только I отдѣлъ: Орудія и инструменты, примѣняемые при лѣсоразведеніи и при первоначальномъ уходѣ за культурами, съ рисунками въ текстѣ. М. Турскій и Л. Яшновъ выпустили вторымъ изданіемъ «Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ».

А. Рачинскій напечаталъ «Лѣсъ и климатъ». Авторъ дѣлаетъ попытку, на основаніи изслѣдованій, произведенныхъ преимущественно во Франціи и опираясь на нѣкоторыя теоретическія соображенія, опредѣлить степень и способы вліянія лѣса на климатъ. При очевидной обширной начитанности автора, ему, вѣроятно, удалось бы успѣшнѣе разрѣшить сложную свою задачу, если бы онъ въ своемъ разсмотрѣніи не разбрасывался, перескакивая съ одного предмета на другой.

Департаментъ Земледѣлія и Сельской Промышленности Министерства Государственныхъ Имуществъ, по поводу всемірной Колумбовой выставки въ Чикаго, издалъ: «Сельское и лѣсное хозяйство Россіи». Въ книгѣ этой, въ главѣ XV, помѣщено лѣсоводство, лѣсотехническія производства и лѣсная торговля, а въ главѣ XXI содержатся нѣкоторыя свѣдѣнія о лѣсахъ Туркестана.

П. И. Жудра составилъ брошюрку «Монашенка» (Ocneria monacha), ея образъ жизни и способъ истребленія.

Н. К. Эгеръ напечаталъ «Краткое наставленіе при устройствѣ питомниковъ для выращиванія сосновыхъ сѣянцевъ съ длинными корнями».

Отдѣльною брошюркою перепечатана изъ записокъ Императорскаго общества сельскаго хозяйства Южной Россіи статья А. А. Бычихина «Значеніе защитныхъ насажденій для степной полосы», по поводу его изслѣдованій, какое вліяніе оказываютъ въ имѣніи Г. Де-Каріера разведенныя лѣсныя полосы на уменьшеніе силы вѣтра, на влажность почвы и на урожаи. Эта брошюра есть отчетъ за первый годъ изслѣдованій 1892 года и представляетъ много интереснаго. Отчетъ за 1893 г., вѣроятно, можно ожидать въ нынѣшнемъ 1894 г. Дай Богъ поболѣе подобныхъ основательныхъ изслѣдованій.

Въ концѣ 1893 года Лѣсной Департаментъ Министерства Государственныхъ Имуществъ издалъ «Описаніе наиболѣе вредныхъ насѣкомыхъ въ лѣсахъ Россіи». При краткомъ описаніи образа жизни двѣнадцати насѣкомыхъ помѣщены раскрашенные рисунки ихъ и причиняемаго ими вреда деревьямъ. Насѣкомыя показаны во всѣхъ стадіяхъ ихъ превращеній. Рисунки исполнены безупречно и дѣлаютъ честь типо-литографіи А. Ф. Маркса. Всякій незнакомый съ насѣкомыми тотчасъ узнаетъ ихъ по рисункамъ. Эту брошюрку, сколько намъ извѣстно, предполагается раздать всѣмъ лѣсникамъ, объѣздчикамъ и лѣсничимъ и ихъ помощникамъ, чтобы они слѣдили за появленіемъ вредныхъ насѣкомыхъ, дабы съ самаго начала можно было принимать надлежащія мѣры. Надо думать, что нѣкоторое число экземпляровъ этой полезной книжечки поступитъ въ продажу и желающимъ частнымъ лицамъ.

Заключеніе.

Оглядываясь на прошлое лѣсоводства въ европейскихъ государствахъ, мы легко замѣтимъ, что въ общемъ ходѣ развитія лѣсной части повторялись вездѣ сходныя явленія, хотя и въ различныя времена.

Сначала въ лѣсообильныхъ странахъ вотчинники земли не имѣли повода запрещать рубку и расчистку лѣса мѣстнымъ жителямъ на ихъ домашнія надобности; древесину не цѣнили, пока она еще не составляла предмета для торговли, только побочныя пользованія въ лѣсахъ (охота, пастьба скота, сѣнокошеніе, бортное пчеловодство) представляли въ то время доходныя статьи и о нихъ заботились собственники лѣсовъ. Позже, когда народонаселеніе въ странѣ увеличивалось, когда промышленная дѣятельность народа развивалась и когда возникли довольно крупные торговые центры, тогда въ сподручныхъ для сельскаго населенія мѣстахъ значительно усиливается расчистка лѣсовъ подъ поля и покосы и начинается разработка лѣсного матеріала для торговли. Конечно, что эксплоатація лѣсовъ прежде всего проявляется либо въ мѣстахъ, ближайшихъ къ крупнымъ торговымъ центрамъ и заводской дѣятельности, либо вблизи судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ, способствующихъ доставкѣ лѣсного товара; въ мѣстахъ же, болѣе отдаленныхъ, или вовсе не трогаютъ лѣсовъ, или выбираютъ лишь крупнѣйшія, особенно цѣнныя деревья, ненаходимыя ближе, или же приготовляютъ изъ дерева издѣлія менѣе громоздскія, но болѣе цѣнныя (уголь, поташъ, смолу, деготь, мочальный товаръ и т. п.). Какъ только древесина становится предметомъ торговли, свободная рубка ея запрещается постороннимъ лицамъ, не участвующимъ во владѣніи землею, и законъ выступаетъ въ защиту правъ собственника-землевладѣльца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, личный интересъ вотчинника побуждаетъ его, насколько возможно болѣе, продавать на срубъ деревья, съ другой стороны и постороннимъ лицамъ представляется сильный соблазнъ на самовольную порубку трудно охраняемаго лѣса. Все это ведетъ къ значительному изрѣживанію лѣсовъ. Быстрое же уменьшеніе лѣсной

площади и исчезновеніе болѣе цѣнныхъ деревъ изъ лѣсовъ вызываетъ опасеніе во всѣхъ народахъ и побуждаетъ ихъ заботиться о сохраненіи деревъ, необходимыхъ для народнаго благосостоянія. Тогда начинается рядъ законодательныхъ мѣръ для обезпеченія народныхъ нуждъ: запрещается расчистка лѣсовъ безъ особаго разрѣшенія; запрещается вырубка нѣкоторыхъ древесныхъ породъ и размѣровъ деревъ; не дозволяется вблизи лѣсовъ устраивать огнедѣйствующія заведенія; требуется бережливое употребленіе древеснаго матеріала, какъ, напримѣръ, чтобы дома строились на каменныхъ фундаментахъ или же столбахъ, чтобы доски приготовлялись пиленыя, а не тесаныя, предписывается раздѣлять лѣса на годовыя лѣсосѣки, отмежевывать заказныя рощи, и т. п. Однако, всѣ эти постановленія, имѣвшія лишь характеръ полицейскихъ мѣръ, оказывали слабое дѣйствіе, несмотря на строгость взысканій за ихъ нарушеніе; мѣры эти не спасали лѣсовъ отъ истребленія, пока приставленные къ охраненію лѣсовъ правительственные органы—лѣсничіе не имѣли другого назначенія, какъ только быть стражниками, наблюдающими за исполненіемъ предписанныхъ полицейскихъ правилъ.

Медленно приходили къ сознанію, что для сохраненія лѣсовъ недостаточно лишь запрещать въ нихъ извѣстныя дѣйствія и требовать соблюденія нѣкоторыхъ формальностей, но что надо сообразно съ чрезвычайно разнородными условіями мѣстности направлять силы природы къ успѣшнѣйшему возобновленію срубаемыхъ площадей, къ предотвращенію вреда отъ стихійныхъ силъ и къ возможно большему производству на данной площади древесины, желаемыхъ породъ и размѣровъ, и что для всего этого нужно, чтобы лѣсничій былъ не только стражникомъ, но чтобы онъ велъ въ лѣсахъ хозяйство, соотвѣтствующее цѣлямъ и выгодамъ владѣльца. Для такой задачи на первыхъ порахъ недостаетъ искусства и знаній, которыя постепенно вырабатываются и получаютъ научную опору. Съ водвореніемъ же въ лѣсахъ правильнаго хозяйства все болѣе и болѣе убѣждаются, что преобладающія вообще въ лѣсопроизводствѣ силы природы, для лучшаго ихъ проявленія, необходимо подкрѣпить трудомъ и знаніемъ человѣка, раціональными пріемами для достиженія естественнаго лѣсовозобновленія, съ искусственнымъ воспособленіемъ посѣвами и посадками, прочистками молодняковъ, своевременными проходными прорубками, осушеніемъ почвы, устройствомъ прочныхъ лѣсовозныхъ дорогъ и т. п. Въ странѣ же почти безлѣсной лѣсоводство оказывается возможнымъ только при довольно значительной затратѣ капитала; тамъ разводимыя лѣсонасажденія требуютъ ухода за ними, какъ въ паркахъ и садахъ, или приходится производить древесину въ живыхъ изгородяхъ, аллеяхъ, безвершинниками и подсѣчными деревьями, либо соединять полеводство съ древоводствомъ.

Въ Россіи исторія лѣсоводства представляетъ намъ тотъ же общій для всѣхъ странъ ходъ развитія. До Петра Великаго не заботились о сохраненіи лѣсовъ, ими пользовались почти безъ всякаго стѣсне-

нія; со временъ Петра Великаго начали заботиться объ обереженіи корабластроительнаго лѣса, что и продолжало составлять главную задачу лѣсного вѣдомства до средины XIX вѣка. Къ этой главной задачѣ императрица Екатерина II добавила еще и надобность сохранить на вѣчныя времена лѣса, нужные заводамъ, фабрикамъ и государственнымъ крестьянамъ. Однако, всѣ мѣры для этого, установленныя законодательнымъ порядкомъ, несмотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣли какъ бы характеръ хозяйственныхъ распоряженій (напримѣръ, раздѣленіе лѣсовъ на лѣсосѣки), все-таки не выходили и не могли вначалѣ выходить за предѣлы простого полицейскаго надзора, потому что для правильнаго осуществленія ихъ требовались громадныя подготовительныя работы: надо было привести въ извѣстность, гдѣ находятся и какіе именно лѣса, надо было и разграничить землевладѣнія и подготовить въ достаточномъ числѣ и соотвѣтствующіе своему назначенію исполнительные правительственные органы. Начатое Екатериною II генеральное межеваніе не могло быть скоро окончено; посланныя въ губерніи при императорѣ Александрѣ I лѣсныя комиссіи также нуждались въ долгомъ времени; ничтожность же лѣсныхъ доходовъ не допускала тратить на лѣсное управленіе значительныхъ суммъ, такъ что и личный составъ служащихъ по лѣсному вѣдомству чиновъ былъ весьма ограниченный, надзоръ за лѣсами слабый, далеко не удовлетворительный и необладающій нужными знаніями.

Поэтому не удивительно, что, несмотря на всѣ благія намѣренія со стороны правительства, очень долгое время въ русскихъ лѣсахъ не могъ водвориться порядокъ и только съ учрежденіемъ въ 1838 г. Министерства Государственныхъ Имуществъ, во главѣ котораго поставленъ былъ выдающійся государственный человѣкъ, Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, впослѣдствіи графъ,—явилась возможность разобраться въ запутанныхъ дѣлахъ лѣсного вѣдомства. Графомъ П. Д. Киселевымъ сдѣланы были серьезныя улучшенія въ дѣлѣ управленія лѣсами, постепенно устранены были существовавшія прежде злоупотребленія, увеличено число лѣсныхъ чиновъ и стражи, подготовлены свѣдующіе спеціалисты, приступлено въ обширныхъ размѣрахъ къ хозяйственному обмежеванію лѣсовъ, къ приведенію состоянія ихъ въ извѣстность, а во многихъ важнѣйшихъ лѣсныхъ дачахъ организовано было правильное лѣсное хозяйство; въ южныхъ степяхъ заложены лѣсные питомники и разведены плантаціи; много песковъ въ разныхъ губерніяхъ укрѣплено разведеніемъ на нихъ отчасти шелюги, отчасти сосны. Надо не забывать, что при открытіи Министерства Государственныхъ Имуществъ оно находилось въ положеніи, заставлявшемъ его вообще съ крайнею осторожностью приступать къ какимъ-либо улучшеніямъ по технической части лѣсного хозяйства, а тѣмъ болѣе не браться за нихъ въ широкихъ размѣрахъ, потому что на службѣ было въ губерніяхъ всего лишь нѣсколько десятковъ спеціально образованныхъ лѣсничихъ, а съ такимъ малымъ

числомъ нельзя было и взяться за многое, нужно было напередъ подготовить дѣльныхъ людей. Кромѣ того, большинство лѣсовъ не было еще размежевано съ государственными крестьянами и неизвѣстно было, какія части окончательно отойдутъ въ единственное владѣніе казны, а какъ обезпеченіе быта государственныхъ крестьянъ и подъемъ ихъ податной способности, безъ сомнѣнія, составляли важнѣйшую задачу новаго Министерства, то и эксплоатацію въ лѣсахъ, неразмежеванныхъ съ крестьянами, графъ Киселевъ допускалъ въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, чтобы отнюдь не истощать части дачъ, могущихъ отойти въ надѣлъ крестьянъ. Это одна изъ главныхъ причинъ, почему при графѣ Киселевѣ лѣсной доходъ не достигалъ болѣе крупныхъ суммъ *), хотя, конечно, и существовавшія въ то время еще очень низкія цѣны на лѣсной матеріалъ имѣли свою долю вліянія. Мнѣ случилось, при одномъ изъ докладовъ, въ 1849 году, между прочимъ высказать его сіятельству, что не выходя изъ самыхъ умѣренныхъ предѣловъ въ назначеніи смѣтныхъ вырубокъ, возвышая ихъ только немного, легко бы было годовой лѣсной доходъ довести до 3 милліоновъ рублей, но графъ замѣтилъ, что «какъ ни желательно возвысить доходъ, однако онъ предпочитаетъ лучше оставаться при маломъ, лишь бы сохранить лѣса, такъ какъ нѣтъ еще средствъ услѣдить за тѣмъ, чтобы вся смѣтная пропорція не была вырублена въ одномъ краѣ дачи, чрезъ что́ тотъ край истощится и́, какъ разъ, можетъ быть тотъ конецъ, который наиболѣе удобенъ для надѣла крестьянъ. О повышеніи лѣсного дохода—добавилъ графъ Киселевъ—будетъ время позаботиться, когда мы совсѣмъ размежуемся съ крестьянами и устроимъ казенные лѣса; вотъ тогда, капитанъ, ваше дѣло будетъ, отаксировавъ дачи, расчислить, до какой крайности можно довести количество вырубокъ, а пока оставимъ доходъ на заднемъ планѣ нашихъ задачъ, сохранность же лѣсовъ на первомъ».

Къ 1856 году главнѣйшія подготовительныя работы были уже доведены почти къ концу: спеціалистовъ по лѣсной части было уже много на службѣ,—ими уже можно было замѣщать важнѣйшія должности губернскихъ лѣсничихъ, мѣста которыхъ прежде, по необходимости, были заняты людьми, не получившими спеціальной подготовки; лѣса въ значительномъ количествѣ были уже размежеваны съ крестьянами, кромѣ нѣсколькихъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ

*) При графѣ Киселевѣ, начиная съ 1844 по 1857 годъ, окладъ лѣсныхъ доходовъ, подлежавшихъ взносу въ Государственное Казначейство по росписи, опредѣленъ былъ ежегодно въ 1 милліонъ рублей, а кромѣ того, съ 1843 по 1856 г. поступило общею суммою въ прибыльный лѣсной капиталъ нѣсколько болѣе 3 милліоновъ рублей, т. е. среднимъ счетомъ въ годъ по 234,000 рублей. Послѣ графа Киселева, въ слѣдующія 6 лѣтъ доходъ возвысился до годовой суммы 2 милліоновъ, а уже въ 1874 году превысилъ 10 милліоновъ, къ 1885 году дошелъ до 14 милліоновъ, а въ 1893 году перевалилъ за 20 милліоновъ рублей.

губерній, такъ что преемники графа Киселева могли уже задаваться цѣлью возвышать лѣсные доходы, не истощая лѣсовъ. Это тѣмъ удобнѣе становилось, что вскорѣ Министерство Государственныхъ Имуществъ освободилось отъ тяжелой повинности безденежнаго отпуска лѣса морскому и другимъ вѣдомствамъ, а со времени крестьянской реформы и лѣса государственныхъ крестьянъ изъяты были изъ-подъ надзора казеннаго лѣсного управленія. Съ тѣхъ поръ и дѣйствительно дѣятельность лѣсного вѣдомства направлена была къ увеличенію доходовъ отъ казенныхъ лѣсовъ и къ усиленному введенію правильнаго лѣсного хозяйства.

Съ цѣлью болѣе тщательнаго надзора за усиливавшейся эксплоатаціей лѣсовъ, число мѣстныхъ лѣсничихъ было постепенно увеличиваемо, чрезъ что каждое отдѣльное лѣсничество уменьшалось въ объемѣ; въ то же время начавшійся сильный подъемъ промышленной дѣятельности въ Россіи быстро сталъ повышать цѣну на лѣсной матеріалъ, что уже само собою содѣйствовало возрастанію лѣсного дохода и открывало возможность удѣлять болѣе крупныя суммы на улучшеніе лѣсной части. Тогда и лѣсному вѣдомству можно было приступить къ нѣкоторымъ кореннымъ преобразованіямъ. Прежніе, избираемые изъ крестьянъ, полѣсовщики, исполнявшіе эту должность въ счетъ лежавшей на нихъ натуральной повинности, были замѣнены вольнонаемною стражею, что значительно упрочило присмотръ за лѣсами. Условія продажи лѣса были упорядочены. Лѣсоустроительныя работы, въ видахъ ихъ ускоренія, были упрощены, даже до чрезмѣрности, въ ущербъ ихъ основательности, но за то техническій надзоръ за этими работами получилъ, какъ казалось, лучшую организацію. Матеріальное положеніе лѣсныхъ чиновъ и лѣсной стражи обезпечено. Судебные уставы дополнены особыми правилами объ упрощенномъ судопроизводствѣ по дѣламъ о самовольныхъ порубкахъ лѣса. Права стражи частныхъ лѣсовладѣльцевъ уравнены со стражею казенною. Чинамъ корпуса лѣсничихъ разрѣшено поступать на частную службу, съ сохраненіемъ за ними правъ государственной службы. Въ видахъ поощренія къ лѣсоразведенію и уходу за лѣсами частнымъ землевладѣльцамъ открыта была возможность пріобрѣтать изъ казенныхъ питомниковъ саженцы по дешевымъ цѣнамъ и установлены были преміи за успѣхи лѣсного хозяйства.

Наконецъ, изданъ въ 1888 году новый весьма важный законъ о сбереженіи лѣсовъ, и Министерство Государственныхъ Имуществъ приняло на себя устройство частныхъ защитныхъ лѣсовъ и заботу о содѣйствіи успѣхамъ частнаго лѣсного хозяйства.

Въ такомъ положеніи засталъ лѣсную часть въ Россіи 1894 годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уже крѣпко засѣла въ обществѣ молва,—радостно всѣми привѣтствованная,—о скоромъ открытіи Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. На этой грани будущаго мы теперь стоимъ.

Даромъ пророчества ни одинъ смертный не обладаетъ, поэтому и

проникнуть въ будущность лѣсного вѣдомства, конечно, нельзя. Человѣкъ можетъ знать только прошлое, можетъ видѣть настоящее и съ своей индивидуальной точки зрѣнія можетъ находить недостатки въ существующемъ съ пожеланіемъ ихъ исправленія. Громадное значеніе имѣетъ уже одно то, что Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ явится впредь въ роли могущественнаго покровителя, заступника и объединителя разрозненныхъ дѣйствій отдѣльныхъ учрежденій и лицъ, заинтересованныхъ такъ или иначе въ извлеченіи полезнѣйшихъ продуктовъ земли и наивыгоднѣйшей ихъ разработкѣ и распродажѣ. Впредь, конечно, уже не будетъ повторяться прежнее явленіе, что лѣсоводство, земледѣліе и горнозаводское дѣло хотя и шли рядомъ, бокъ-о-бокъ, но только тянули нѣсколько врознь, по крайней мѣрѣ недостаточно помогали другъ другу, а стремились особняками каждое почти исключительно къ своей спеціальной цѣли, точно какъ будто преслѣдовали только свои частные, а не общегосударственные интересы.

Что касается собственно лѣсного управленія, то оно несомнѣнно въ прошломъ времени, съ 1838 года, сдѣлало въ казенныхъ лѣсахъ очень много добраго, въ особенности въ послѣднія восемь лѣтъ шагнуло сильно впередъ и дало еще и точку опоры для улучшенія въ будущемъ состоянія частныхъ лѣсовъ.

Въ настоящее время уже имѣется хорошій составъ чиновъ корпуса лѣсничихъ, состоящій изъ людей спеціально образованныхъ и способныхъ вести раціональное лѣсное хозяйство, если только будетъ и соотвѣтственная организація службы; казенные же лѣса настолько уже приведены въ извѣстность и, кромѣ сѣверныхъ губерній, обмежеваны, что нынѣ въ этомъ отношеніи не представляется болѣе такихъ, какъ во времена графа Киселева, препятствій къ выполненію всякаго рода улучшеній, касающихся технической части лѣсного хозяйства. И за всѣмъ тѣмъ, безъ преобразованія существующаго строя губернскаго и мѣстнаго лѣсного управленія, пожалуй что, едва-ли можно ожидать вполнѣ хорошаго веденія дѣлъ, такъ какъ до настоящаго времени самый лучшій, усерднѣйшій и добросовѣстнѣйшій лѣсничій, при всемъ его желаніи, не могъ выйти изъ роли простого охранителя лѣсовъ и сдѣлаться настоящимъ лѣснымъ хозяиномъ.

Прежде всего успѣхъ дѣла сильно тормозился чрезмѣрною централизаціей административной власти. До сихъ поръ ни мѣстные, ни губернскіе чины не въ правѣ были рѣшать самые заурядные вопросы, составлявшіе часто пустѣйшую формальность,—все должно было восходить на разрѣшеніе высшей административной инстанціи. Порядокъ этотъ порождалъ огромную переписку, замедлялъ ходъ дѣла и часто выгоднѣйшія хозяйственныя мѣры оказывались неисполнимыми, такъ какъ несвоевременное, запоздалое разрѣшеніе бываетъ равносильнымъ отказу. Такая централизація имѣетъ еще и другой весьма важный недостатокъ: всякій ловкій дѣлецъ губернскаго управленія можетъ устранить отъ себя всякую личную отвѣтственность, при-

крываясь ширмами разрѣшеній, получаемыхъ имъ отъ высшаго начальства, которое, въ свою очередь, находясь вдали, не видитъ, какова тамъ ближайшая обстановка дѣла. Вотъ почему, казалось бы, становится крайне необходимымъ расширить власть губернскихъ, а отчасти и мѣстныхъ чиновъ, но зато сдѣлать ихъ отвѣтственными за свои распоряженія. Къ этому, повидимому, и направлены нѣкоторыя послѣдовавшія уже распоряженія.

Другое препятствіе, дѣлающее въ нынѣшней обстановкѣ свѣдущаго и добросовѣстнаго лѣсничаго совершенно непригоднымъ вести раціональное лѣсное хозяйство, заключается въ громадности еще и до сихъ поръ большинства лѣсничествъ, въ разбросанности подвѣдомственныхъ дачъ и въ обширной и сложной перепискѣ и отчетности, приковывающихъ лѣсничаго къ канцеляріи, а вслѣдствіе того лишающихъ его возможности бывать достаточно часто въ лѣсу и тамъ лично распоряжаться хозяйствомъ. Въ нынѣшнемъ положеніи лѣсничій, очень не рѣдко, не выходя изъ душной канцеляріи, вынужденъ ограничиваться отдачею приказаній своему помощнику или объѣздчику исполнить извѣстныя работы, при которыхъ присутствіе и указаніе на мѣстѣ самого хозяина были бы крайне желательны. Да и подобнаго рода приказанія во многихъ случаяхъ становятся невозможными, потому что при рѣдкомъ посѣщеніи всѣхъ частей лѣса лѣсничему не можетъ быть и самому извѣстнымъ, въ чемъ нуждается хозяйство. Въ довершеніе бѣдствій, на лѣсничаго еще и навалены совершенно постороннія, не касающіяся лѣсовъ, обязанности: завѣдываніе хозяйственными, внѣ лѣсовъ находящимися, оброчными статьями.

Всѣ указанныя здѣсь препятствія, задерживающія успѣхи лѣсного хозяйства, устранить не легко, и во всякомъ случаѣ совершенное устраненіе ихъ едва-ли можетъ послѣдовать разомъ на всемъ обширномъ пространствѣ Россіи, а можетъ быть достигнуто вѣроятно только постепенно. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе, какими различными путями возможно улучшить положеніе лѣсничихъ, съ цѣлью обращенія ихъ въ хозяевъ. Пути могутъ быть весьма разнообразными, а избраніе лучшаго изъ нихъ зависитъ отъ множества разнохарактерныхъ условій мѣстности, которыя въ каждомъ частномъ случаѣ должны быть приняты въ соображеніе. Но какой бы ни былъ избранъ путь, онъ, по всей вѣроятности, потребуетъ нѣкотораго увеличенія административныхъ расходовъ, что однако не должно бы задерживать ходъ улучшеній, потому что каждая на это дѣло разумная затрата непремѣнно будетъ сопровождаться гораздо болѣе значительнымъ возрастаніемъ дохода, помимо того, что самое состояніе лѣсовъ упрочится и цѣнность ихъ возвысится. Пока лѣсничества не будутъ уменьшены и удручающая переписка и отчетность лѣсничихъ не упрощены, до тѣхъ поръ лѣсное хозяйство вынуждено оставаться попрежнему въ самыхъ простѣйшихъ малопроизводительныхъ формахъ.

Еще одно обстоятельство въ нашемъ лѣсоводствѣ тревожитъ русское общество, а именно: продолжающееся во многихъ мѣстностяхъ истребленіе частныхъ лѣсовъ, несмотря на благодѣтельный лѣсохранительный законъ 1888 года и на энергію лѣсоохранительныхъ комитетовъ. Если прислушаться къ общественному мнѣнію, то оно находитъ, что лѣсоохранительные комитеты не обладаютъ достаточными средствами для надзора за частными лѣсами. Какъ извѣстно, наблюденіе за тѣмъ, чтобы лѣса не истреблялись, законъ возлагаетъ на казенныхъ лѣсничихъ, на полицію и на мировыхъ посредниковъ; но казенные лѣсничіе и безъ того обременены прямыми своими обязанностями, общая полиція также и безъ лѣсныхъ дѣлъ завалена работой, уѣздныя же по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія прикосновенны только къ крестьянскимъ лѣсамъ, такъ что трудно ожидать, чтобы эти органы надзора удовлетворяли цѣли, въ особенности, когда низшая лѣсная стража въ частныхъ лѣсахъ будетъ и впредь, какъ нынѣ, опредѣляема самими лѣсовладѣльцами и находиться отъ послѣднихъ въ полной зависимости, а не отъ лѣсоохранительныхъ комитетовъ или казеннаго лѣсного управленія. Эту слабую сторону въ дѣлѣ сбереженія лѣсовъ приходится какимъ-либо путемъ поправить.

Вотъ важнѣйшія болячки нынѣшняго лѣсного управленія. Все остальное сравнительно менѣе важно, да и устранится само собою, коль скоро указанные выше недуги отпадутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высшее образованіе лѣсныхъ чиновъ будетъ хорошо организовано.

Съ перемѣною въ организаціи лѣсной службы, несомнѣнно, наше лѣсоводство вообще подвинется впередъ къ лучшему, но было бы страннымъ думать, чтобы на всей громадной площади Россіи, представляющей въ разныхъ мѣстахъ чрезвычайное разнообразіе въ количествѣ лѣсовъ и въ экономическихъ условіяхъ жизни, повсюду толчокъ, какой будетъ данъ административными преобразованіями, отозвался одинаково и установилъ бы вездѣ пріемы лѣсного хозяйства и однообразные и однороднаго совершенства. Это была бы напрасная мечта. Въ каждой мѣстности должно дать лѣсному хозяйству толчокъ различной силы. Никогда не должно забывать, что при обсужденіи желательныхъ улучшеній лѣсного хозяйства надо въ каждомъ мѣстѣ строго взвѣшивать и различать *возможное* отъ *невозможнаго*, а для этого необходимо внимательно всматриваться въ присущія лѣсоводству особенности, которыя ставятъ состояніе лѣсного хозяйства въ тѣсную зависимость отъ условій экономической жизни страны. Въ этомъ отношеніи Вильгельмъ Рошеръ, уже въ 1854 году, чрезвычайно мѣтко высказалъ основное политико-экономическое начало лѣсоводства, а именно, что: *въ одно и то же время и въ одной и той же мѣстности всегда хозяйство въ лѣсахъ бываетъ несравненно менѣе напряженнымъ или интензивнымъ, чѣмъ въ земледѣліи.* Этотъ выводъ надо памятовать.

Рошеръ говоритъ, что въ отношеніи къ земледѣлію и лѣсоводству, во всемъ объемѣ политико-экономическаго ученія, нѣтъ важ-

нѣе вопроса, какъ о степени *напряженія* или *интензивности хозяйства.* Въ каждомъ землеобрабатывающемъ хозяйствѣ необходимо употребить на землю капиталъ и работу. Системы земледѣлія и лѣсоводства различаются въ политико-экономическомъ отношеніи тѣмъ, что требуютъ для одинаковой площади земли то болѣе, то менѣе капитала и работы. Тѣ хозяйства, въ которыхъ на воздѣлываніе большой площади земли употребляется мало работъ и капиталовъ, называются простыми или экстензивными; напротивъ, гдѣ при благоразумной бережливости на малой площади земли завязывается много работы и капитала, тамъ хозяйство есть напряженное или интензивное.

Напряженное земледѣліе можетъ быть выгоднымъ только тамъ, гдѣ цѣна произведеній земли высока, гдѣ есть многочисленное и зажиточное народонаселеніе и гдѣ имѣется рынокъ, обезпечивающій сбытъ продуктовъ. Въ такихъ странахъ земля цѣнится дорого, а капиталы и работа дешево. Напротивъ, на низкихъ степеняхъ развитія экономическаго быта народовъ существуютъ обратныя отношенія: въ капиталахъ и рабочихъ бываетъ недостатокъ, а въ землѣ избытокъ. Сообразно съ этими условіями должно умѣть хозяйничать, дорожа въ одномъ случаѣ площадью земли, въ другомъ капиталомъ и работой, смотря по дешевизнѣ тѣхъ либо другихъ дѣятелей земледѣльческаго производства.

Высказанная Рошеромъ политико-экономическая аксіома вытекаетъ изъ тѣхъ особенностей, какія присущи лѣсному хозяйству, по сравненію его съ земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Земледѣліе, скотоводство и лѣсоводство имѣютъ то общее, что всѣ они на занятой ими площади земли направляютъ силы природы и содѣйствуютъ имъ къ произведенію продуктовъ своего хозяйства. Но лѣсоводство существенно отличается отъ земледѣлія и скотоводства слѣдующимъ: 1. Продолжительностью срока времени, потребнаго на производство пригодныхъ къ употребленію древесныхъ матеріаловъ. 2. Трудностью охранять продукты хозяйства отъ похищенія и истребленія. 3. Громоздкостью продукта и, вслѣдствіе того, дороговизною его перевозки. 4. Малою, сравнительно, затратою рабочей силы на производство продукта и зависящей отъ того низкой цѣны лѣсного произведенія. 5. Нѣкоторою своеобразностью вкладываемыхъ въ хозяйство капиталовъ.

Въ эти-то отличительныя черты мы всмотримся поочередно.

1. Продолжительность срока приспѣванія продукта.

Сельско-хозяйственныя растенія вырастаютъ и поспѣваютъ въ срокъ довольно короткій; отъ начала приготовленія почвы подъ посѣвъ и до жатвы посѣяннаго проходитъ годъ или два. Поэтому и оборотъ хозяйства въ земледѣліи непродолжителенъ и недолго приходится ждать, чтобы возращеніе одного растенія замѣнить другимъ. Явится бо̀льшій спросъ на какое-либо сельско-хозяйственное произ-

веденіе, такъ къ добыванію его можно вскорѣ направить хозяйство. Трудомъ и капиталомъ, разумѣется при извѣстныхъ условіяхъ климата и почвы, можно по истеченіи немногихъ лѣтъ поставить на рынокъ то, въ чемъ онъ нуждается.

Развитіе домашнихъ животныхъ требуетъ уже нѣсколько болѣе времени. Съ рожденія животнаго до достиженія имъ того возраста, въ которомъ оно можетъ доставлять полезное употребленіе, проходитъ иногда нѣсколько годовъ; однако и въ скотоводствѣ оборотъ хозяйства не тянется долѣе одного десятка лѣтъ.

Напротивъ того, деревья, въ большинствѣ случаевъ, требуютъ много времени для своего развитія и достиженія размѣровъ, годныхъ къ употребленію; оттого и производство древесныхъ матеріаловъ существенно отличается своею продолжительностью, которую приходится считать не только десятками, но часто и сотнями лѣтъ. Когда имѣется лѣсъ мелкій, а является спросъ на крупный, или когда растетъ береза, а рынокъ требуетъ сосну, то для удовлетворенія запроса лѣсной промыселъ требуетъ много времени для выращиванія нужныхъ сортовъ лѣса, и пока въ лѣсномъ хозяйствѣ приспѣетъ произведеніе, весьма возможно, что измѣнится запросъ, по крайней мѣрѣ нельзя предугадывать будущаго требованія. Точно такъ и скопившіеся въ лѣсахъ вѣками дары природы не истощаются быстро, они исчезаютъ медленно и недостатокъ ихъ становится замѣтнымъ, когда остается слишкомъ мало времени для выростанія деревъ прежней крупности. Поэтому въ лѣсахъ очень долго продолжается хищническая вырубка, простой захватъ деревъ, безъ хозяйства. Въ земледѣліи совсѣмъ иное: первый же неурожай хлѣбовъ заставляетъ людей подумать, какъ бы на будущее время отвратить бѣдствіе расширеніемъ-ли полей или улучшеніемъ ухода за ними,— полевое хозяйство, хотя бы въ самыхъ первобытныхъ зачаткахъ, тотчасъ возникаетъ.

2. Трудность охраненія лѣсовъ.

Произведенія земледѣлія находятся на поверхности земли открытой, далеко обозримой, такъ что охраненіе ихъ отъ порчи и похищенія незатруднительно. Приспѣвшіе же продукты большею частью свозятся къ мѣстамъ населеннымъ, гдѣ и складываются вблизи жилья или же въ амбары, — а въ такихъ мѣстахъ скорѣе можно разсчитывать и на свидѣтелей правонарушеній.

Скотъ также не особенно трудно сберечь отъ похищенія: одинъ пастухъ, съ добрыми псами, можетъ усмотрѣть за большимъ стадомъ; притомъ скотъ легко узнается по наружнымъ примѣтамъ, его знаютъ сосѣди и поэтому похитителя легко обличить свидѣтелями.

Совсѣмъ иное съ лѣсомъ. Лѣсъ не только расположенъ отдаленнѣе отъ жилищъ, но густота его укрываетъ похитителя отъ взора сторожей; въ лѣсу труднѣе найти злоумышленника, ему легче уйти,

свидѣтелей на мѣстѣ не бываетъ, да и впослѣдствіи обличить виновнаго труднѣе: по срубкѣ одно дерево на другое похоже, сосѣди и односельчане не могутъ знать особыхъ примѣтъ каждаго дерева, не могутъ свидѣтельствовать, что найденное на дворѣ бревно или дрова происходятъ именно отъ того дерева, пень котораго найденъ въ лѣсу. Не менѣе важно и то обстоятельство, что въ простомъ народѣ общественное мнѣніе считаетъ безчестнымъ украсть съ поля снопъ хлѣба, стогъ сѣна, корову; похитителя этихъ произведеній клеймятъ позорнымъ прозвищемъ вора; тогда какъ тайная порубка лѣса многими, если не большинствомъ, не почитается еще дѣломъ позорнымъ.

Такой взглядъ на самовольную порубку лѣса до сихъ поръ распространенъ въ крестьянскомъ быту всѣхъ европейскихъ народовъ,—это есть какъ бы живучій остатокъ отъ воспоминаній историческихъ фактовъ тѣхъ еще временъ, когда никѣмъ и никому не возбранялось рубить свободно лѣсъ. Нельзя не считаться съ подобнымъ взглядомъ народа, наличность котораго подтверждается и статистическими данными, какъ во Франціи, въ Германіи, такъ и въ Россіи: повсюду отчеты судебныхъ вѣдомствъ указываютъ, что собственность, состоящая въ лѣсахъ, мало еще уважается народомъ и оттого вездѣ число правонарушеній въ лѣсахъ весьма значительное. При чемъ легко подмѣтить ту общую повсюду характерную черту, что пока присмотръ за лѣсами еще слабъ, пока лѣсное хозяйство ведется еще экстензивное, множество правонарушеній остаются неизвѣстными, незарегистрированными, а потому число ихъ кажется менѣе великимъ, чѣмъ оно въ дѣйствительности есть; послѣ того, съ усиленіемъ надзора и улучшеніемъ лѣсного хозяйство, крупныя правонарушенія постепенно прекращаются, за то число мелкихъ лѣсныхъ преступленій долгое время возрастаетъ и, достигнувъ поразительнаго числа, опять начинаетъ убавляться подъ вліяніемъ непрерывающагося бдительнаго надзора въ лѣсахъ. Такъ, въ концѣ прошлаго столѣтія въ Пруссіи ежегодно приходилось по одному правонарушенію въ лѣсахъ на каждые 300 до 400 человѣкъ изъ общаго числа народонаселенія; въ половинѣ текущаго столѣтія (въ годахъ 1854—1861 г.) приходилось уже по одному самовольному порубщику на каждые 37 до 48 человѣкъ жителей, а въ послѣднемъ пятилѣтіи опять на каждые 250 человѣкъ. Въ прошломъ столѣтіи раскрывались почти исключительно только преступленія, составлявшія каждое довольно крупную цѣнность, а въ настоящее время каждое правонарушеніе въ лѣсахъ имѣетъ среднюю стоимость лишь около одной марки. Во Франціи видимъ то же явленіе; въ половинѣ текущаго столѣтія приходилось по одному лѣсному преступленію на каждые 148 человѣкъ изъ общаго населенія и цѣнность похищеній составляла среднимъ числомъ счетомъ около 22 франковъ, а теперь число правонарушеній значительно уменьшилось и средняя цѣнность каждаго достигаетъ едва 1 франка. У

насъ, въ европейской части Россіи (безъ включенія Царства Польскаго), повторяется тотъ же послѣдовательный порядокъ:

	Среднимъ счетомъ въ судахъ возбуждено въ годъ. Число правонарушеній въ лѣсахъ.		Средняя цѣнность одного преступленія.
Въ 1866—1871 годахъ	18,230	—	30 р. 20 к.
» 1871—1876 »	36,577	—	22 » 75 »
» 1876—1881 »	62,515	—	10 » 66 »
» 1881—1885 »	97,742	—	9 » 80 »
» 1885—1887 »	138,013	—	7 » 53 »
» 1892 году. . . .	97,930	—	3 » 73 »

Въ массѣ сельскаго населенія еще слабо развито понятіе о правѣ полной собственности лѣсовладѣльца; только постепенно, съ распространеніемъ просвѣщенія и съ усиленіемъ безпрерывнаго бдительнаго надзора за лѣсами, можетъ образоваться и дѣйствительно укореняется понятіе о неприкосновенности лѣса, какъ и всякой другой собственности. Но пока страна преизобилуетъ лѣсами и они имѣютъ малую цѣну, до тѣхъ поръ количество самовольно присвоиваемаго жителями лѣса, по стоимости его, настолько ничтожно, что было бы убыточно усилить стражу, расходъ на содержаніе которой далеко превысилъ бы цѣну похищаемаго лѣса.

3. Громоздкость продуктовъ лѣса и дороговизна ихъ перевозки.

Цѣна на рынкахъ опредѣленнаго объема и вѣса произведеній, добываемыхъ различными промыслами, имѣетъ весьма важное вліяніе на степень интензивности хозяйства. Въ этомъ отношеніи лѣсоводство находится въ весьма невыгодномъ положеніи. Какъ бы высоки ни были цѣны на лѣсъ, онѣ все-таки ничтожны сравнительно съ другимъ суровьемъ. Возьмемъ для примѣра цѣну сосновыхъ дровъ въ С.-Петербургѣ: одна швырковая сажень ихъ стоитъ нынѣ 4 р. 80 коп. При плотной кладкѣ вѣсъ такой просохшей на воздухѣ сажени можетъ составить около 45 до 50 пудовъ, слѣдовательно каждый пудъ оплачивается не болѣе 9,6 до 10,7 коп.; скажемъ среднимъ числомъ 10 коп. Между тѣмъ пудъ овса продается не менѣе 70 и 80 коп., сѣно отъ 25 до 50 коп., желѣзо полосное отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 70 коп. Перечислите цѣну по вѣсу этихъ матеріаловъ на объемъ ихъ и вы найдете значительную разницу и въ цѣнѣ объема: 1 куб. футъ сосновыхъ дровъ, въ укладкѣ ихъ, уплачивается по $8^1/_3$ коп., 1 куб. футъ овса около 67 к., 1 куб. футъ сѣна отъ 3 до 6 коп., 1 куб. футъ желѣза отъ 17 руб. 30 коп. до 22 руб. 62 коп.

Извѣстно, что перевозка матеріала одинаковаго вѣса и объема обходится на дальнее разстояніе дороже, чѣмъ на близкое, водою

дешевле, чѣмъ сухопутно. Слѣдовательно, при существующихъ цѣнахъ въ С.-Петербургѣ, вы туда не можете перевозить сосновыя дрова на такое далекое разстояніе, на какое перевезете овесъ, а овесъ—не повезете на столь большое разстояніе, на какое можете повезти желѣзо. Такую очевидную истину экономическая наука давно уже облекла въ научное положеніе, что товаръ можетъ быть съ выгодою перевозимъ тѣмъ дальше, чѣмъ меньшій вѣсъ и мѣру занимаетъ такое количество его, которое имѣетъ равную цѣну при сравненіи съ другими товарами.

Впрочемъ, и безъ помощи научнаго положенія, всякому лѣсопромышленнику хорошо извѣстно, что съ большимъ барышомъ можно везти дрова издали водою; что препятствія, встрѣчаемыя на пути перевозки, уменьшаютъ выгоду; что слишкомъ значительная отдаленность лѣсовъ дѣлаетъ изъ нихъ торгъ дровами невозможнымъ; что березовыя дрова бываетъ еще выгоднымъ везти изъ такихъ мѣстъ, изъ которыхъ совершенно убыточно тащить осину. Точно такъ промышленникъ знаетъ, что изъ такихъ лѣсовъ, откуда и думать нельзя везти вдаль дрова, бываетъ выгоднымъ вывозить строевыя бревна, а откуда и строевое бревно убыточно везти, оттуда еще можно доставлять смолу, деготь, поташъ. Конечно, попенщина за взятый вдалекѣ лѣсъ должна будетъ уменьшаться. Напримѣръ, когда вамъ въ Петербургѣ платятъ за пудъ поташа по 3 рубля, а за пудъ дровъ только 10 к., перевозка же будетъ столь далекая, что за каждый пудъ предстоитъ расходу по 50 к., — тогда вы на такое разстояніе не повезете дровъ, — поташъ же можете везти, ибо вамъ останутся на его заготовку 2 р. 50 к. Правда, на полученіе пуда поташа вамъ нужно будетъ употребить до 250 куб. футовъ дерева, такъ что на попенщину и расходы заготовки поташа остаются всего по 1 коп. за кубическій футъ дерева, но это лучше, чѣмъ ничего. Приведенный примѣръ объясняетъ намъ, почему поташъ и подобныя издѣлія выгодно добывать только тамъ, гдѣ чрезвычайный избытокъ въ лѣсахъ и гдѣ въ другомъ видѣ нельзя сбывать древесину. Вмѣстѣ съ тѣмъ явленіе это убѣждаетъ насъ, что сравнительно цѣнные продукты сельскаго хозяйства могутъ быть вывозимы изъ мѣстъ настолько отдаленныхъ отъ торговыхъ центровъ, откуда нѣтъ возможности, безъ убытковъ, везти произведенія лѣсовъ, а потому въ такихъ мѣстахъ уже открыты условія земледѣльческаго хозяйства, тогда какъ тамъ лѣсоводство должно еще оставаться въ простѣйшихъ формахъ эксплоатаціи.

4. Малая затрата рабочей силы въ лѣсоводствѣ и зависящая отъ того малоцѣнность продукта.

Земледѣліе требуетъ довольно много работы, и тѣмъ болѣе, чѣмъ совершеннѣе хозяйство. Землю нужно пахать и боронить, часто по нѣсколько разъ въ году, надо унавоживать, удобрять, засѣвать, растенія сжать, свезти, обмолотить. Все это повторяется въ каждомъ

году, работа захватываетъ въ интензивныхъ хозяйствахъ всю площадь земли въ имѣніи, а при трехпольномъ хозяйствѣ, по меньшей мѣрѣ, $^2/_3$ площади полей. Конечно, при различныхъ степеняхъ интензивности земледѣльческаго хозяйства, количество потребныхъ на одну десятину земли рабочихъ измѣняется значительно; но, по отзыву компетентныхъ хозяевъ, оказывается, что у насъ въ Россіи, чтобы занять вполнѣ круглый годъ одного крестьянина, ему нуженъ надѣлъ земли 6—7 десятинъ. Въ интензивныхъ же земледѣльческихъ хозяйствахъ, напр. въ Саксоніи, крестьянинъ находитъ вдоволь работы на $1^1/_2$ десятинахъ.

Совсѣмъ иное представляетъ намъ лѣсоводство. Продукты лѣса требуютъ для ихъ производства гораздо менѣе работы. Лѣса сами удобряютъ находящуюся подъ ними землю; лѣсъ большею частью возобновляется самосѣвомъ и порослью, а если гдѣ человѣкъ и принимаетъ на себя трудъ помочь природѣ, или засѣять, либо засадить вырубленное мѣсто, то работа эта, на одной и той же площади земли, производится единожды въ продолженіе цѣлаго вѣка людского. Одна только жатва лѣса требуетъ болѣе усиленной работы, но часто-ли приходится срубать одну и ту же площадь лѣса? Десятки, сотни лѣтъ проходятъ, пока лѣсъ приспѣетъ. Однако и въ лѣсоводствѣ есть хозяйства весьма различныя по ихъ напряженности, а потому и въ лѣсномъ хозяйствѣ требуется то болѣе, то менѣе рабочей силы. Вотъ почему и для лѣсного хозяйства нельзя выразить какою-либо среднею цифрою потребное количество работы. Въ Саксоніи, гдѣ лѣсоводство интензивное, по словамъ Рошера, въ 1854 году лѣсъ доставлялъ одному рабочему на круглый годъ занятій на $33^1/_2$ десятинахъ. Да и понятно, въ лѣсномъ хозяйствѣ главная масса работы скопляется только на оконечностяхъ продолжительнаго оборота: въ началѣ его—возращеніе, и въ концѣ—жатва лѣса,—во все остальное время работъ немного: присмотръ, кое-гдѣ проходная рубка, полотье. Напримѣръ, гдѣ на 500 десятинахъ цѣлой дачи введенъ 100-лѣтній оборотъ рубки, тамъ ежегодно только на 5 десятинахъ бываетъ жатва и на 5 десятинахъ облѣсеніе. Положимъ, для этой, хотя довольно значительной работы потребуется на облѣсеніе 5 десятинъ 200 рабочихъ дней и на срубку и обдѣлку лѣса на 5 десятинахъ до 900 рабочихъ дней, а всего 1,100 рабочихъ дней,—что составитъ на круглый годъ занятій не болѣе какъ четыремъ рабочимъ; прибавьте еще на всю дачу 1 лѣсничаго и двухъ сторожей, то все-таки для всѣхъ 500 десятинъ потребуется всего 7 рабочихъ, т. е. на одного рабочаго приходится по 71 десятинѣ. Въ нашихъ русскихъ лѣсахъ, разумѣется, требуется гораздо большая площадь, чтобы доставить на круглый годъ занятій одному человѣку.

Если вы полюбопытствуете узнать, какой вѣсъ имѣютъ производимые ежегодно продукты въ земледѣліи и въ лѣсоводствѣ и возьмете для примѣра два экстензивныхъ хозяйства, въ которыхъ

одному рабочему на круглый годъ доставляютъ работу: въ полевомъ хозяйствѣ 6 десятинъ въ 3-хъ поляхъ, съ одною десятиною покоса, а въ лѣсномъ хозяйствѣ 100 десятинъ лѣса, при 100-лѣтнемъ оборотѣ. Затѣмъ предположимъ, для примѣра, что средній урожай будетъ съ десятины: ржи 36 четвериковъ зерна и соломы 72 пуда; овса 64 четверика зерна и соломы 64 пуда; сѣна 80 пудовъ, а вѣсъ 1 четверика ржи 1 пудъ 5 фунтовъ, овса 30 фунтовъ. Въ лѣсу же средній годовой приростъ на 1 дес. 100 куб. фут., а на 100 десятинахъ 10,000 куб. фут., вѣсъ же 1 куб. фута дерева 50 фунтовъ. Тогда вѣсъ произведеній, причитающихся на одного рабочаго, занятаго въ хозяйствѣ, составляетъ:

Въ земледѣліи	529 пудовъ.
Въ лѣсоводствѣ	12500 »

Изъ взятаго примѣра, который представляетъ, конечно, только частный случай, — мы видимъ, что для производства каждаго пуда земледѣльческихъ произведеній употреблено столько рабочей потраты, сколько расходовалось на 23 пуда лѣсныхъ произведеній, а какъ добыча каждаго пуда послѣднихъ потребовала менѣе работы, то и цѣна каждаго ихъ пуда должна быть на рынкахъ дешевле пуда земледѣльческихъ продуктовъ, если только и прочія затраты капитала въ лѣсномъ хозяйствѣ не превышаютъ затратъ на земледѣліе (а онѣ, какъ мы ниже увидимъ, также менѣе), такъ какъ количество употребленной рабочей силы составляетъ одинъ изъ важныхъ факторовъ, вліяющихъ на рыночную цѣну товара.

5. Капиталы, завязываемые въ лѣсномъ хозяйствѣ.

Въ общежитіи обыкновенно называютъ капиталомъ какую-либо сумму денегъ, потому что полезность всякаго рода удобнѣе всего выражать цѣнностью денегъ. Это однако не значитъ, что только деньги капиталъ. Нѣтъ, капиталъ есть сумма всякаго рода цѣнностей, прежде накопленныхъ и способныхъ къ производству новыхъ цѣнностей.

Ни сельское, ни лѣсное хозяйства не могутъ обойтись безъ всякой затраты на нихъ капиталовъ. Тому и другому, прежде всего, нужно имѣть въ своемъ распоряженіи какую-либо площадь земли, которую нужно пріобрѣсти и которая, имѣя извѣстную цѣнность, составляетъ и завязанный въ хозяйство капиталъ. Засимъ и сельское, и лѣсное хозяйства требуютъ въ своемъ производствѣ то болѣе, то менѣе капитала въ видѣ построекъ, рабочаго скота, машинъ, орудій, высѣвныхъ сѣмянъ, на кормъ скота, на удобреніе почвы, на осушку и орошеніе ея, на наемъ рабочихъ, знаніе ихъ и т. д. Мы здѣсь не будемъ входить въ разсмотрѣніе различія употребляемыхъ на хозяйство капиталовъ; изъ нихъ одни завязываются твердо, такъ-называемые *постоянные* капиталы, которые не требуютъ полнаго каждогоднаго возвращенія ихъ изъ поступающихъ ежегодно до-

ходовъ, а только вознаграждаются въ видѣ процентовъ, иногда погашаются постепенно или ремонтируются, а другіе *капиталы оборотные*, которые должны быть каждогодно сполна оплачиваемы доходами, мы только замѣтимъ, что всѣ затраты на хозяйство, въ чемъ бы онѣ ни заключались, въ видѣ-ли занятой земли, въ видѣ-ли хозяйственныхъ построекъ, машинъ, орудій, сѣмянъ, удобреній, рабочихъ силъ и т. д., всѣ рѣшительно затраты могутъ быть выражены извѣстною величиною капитала, коего проценты должны быть ежегодно погашаемы валовымъ доходомъ хозяйства, и только остающійся отъ послѣдняго, послѣ погашенія всѣхъ затратъ, остатокъ образуетъ чистый доходъ. Если же валовой доходъ не покрываетъ всѣхъ затратъ, то хозяйство ведется въ убытокъ, а чѣмъ больщій будетъ чистый доходъ, тѣмъ прибыльнѣе хозяйство.

Въ лѣсномъ хозяйствѣ требуется менѣе капиталовъ противу хозяйства земледѣльческаго. Въ послѣднемъ заключается крупный капиталъ въ почвѣ, въ постройкахъ, машинахъ, орудіяхъ, въ рабочемъ скотѣ, въ кормовыхъ средствахъ для послѣдняго, въ высѣвныхъ сѣменахъ, въ навозѣ, въ наемной платѣ рабочимъ. Въ лѣсоводствѣ же занятая почва обыкновенно бываетъ менѣе цѣнной, строеній нужно немного для лѣсничаго и стражи, а для храненія и первоначальной грубой обработки лѣсныхъ продуктовъ не возводятъ построекъ; орудій и рабочаго скота также нужно немного, машины имѣютъ только ограниченное примѣненіе въ лѣсахъ, а рабочихъ людей, какъ мы уже выше объяснили, занято въ лѣсахъ сравнительно мало. Но лѣсъ представляетъ одну весьма знаменательную особенность противу полеводства: сельско-хозяйственныя растенія вырастаютъ въ одинъ годъ, и все, что выросло, поступаетъ въ жатву, въ лѣсу же для произведенія извѣстнаго количества спѣлой древесины долженъ быть прежде накопленъ опредѣленный запасъ незрѣлой или невполнѣ спѣлой древесины. Дерево не родится старымъ; оно, являясь изъ сѣмени или же порослью, съ каждымъ годомъ растетъ въ длину и толщину, пока достигнетъ требуемыхъ рынкомъ размѣровъ. Чтобы достигнуть 80-лѣтняго возраста, дерево должно быть сперва однолѣтнимъ, потомъ двухъ, трехъ и т. д. лѣтнимъ, пока оно изъ 79-годового перейдетъ въ 80-лѣтній возрастъ. Слѣдовательно, когда требуется срубать каждый годъ по одному 80-лѣтнему дереву, то у насъ должно находиться въ наличности 80 деревъ различныхъ возрастовъ, начиная отъ однолѣтняго и кончая 80-лѣтнимъ; тогда, срубая каждый годъ одно 80-лѣтнее дерево, остальныя 79 деревъ должно всегда сохранять на корнѣ,— они всѣ вмѣстѣ производятъ одно нужное намъ дерево. Поэтому-то въ лѣсномъ хозяйствѣ, для постояннаго его производства, требуется накоплять весьма значительное, и чѣмъ продолжительнѣе оборотъ рубки, тѣмъ большее, количество растущей древесины, которая въ хозяйствѣ составляетъ такую же необходимую принадлежность для произведенія нужнаго лѣсного продукта, какъ машины на фабри-

кахъ. Въ этомъ значенiи упомянутый запасъ древесины въ лѣсахъ составляетъ капиталъ, завязанный въ хозяйствѣ, съ которымъ надо считаться, тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ владѣльцу сильный соблазнъ воспользоваться имъ преждевременно, чрезъ что можетъ быть нанесенъ крупный ущербъ имуществу, если предварительно не былъ сдѣланъ строгій расчетъ.

Въ каждомъ хозяйствѣ можетъ быть увеличена его производительность, его доходность, до нѣкоторой только степени, отъ приложенія знанія, труда и капитала. Конечно, и въ лѣсномъ хозяйствѣ замѣчается то же самое, и тамъ доходность возвышается знаніемъ, трудомъ и капиталомъ: насажденія выращиваются полныя, содержащія болѣе древеснаго запаса; своевременною прочисткою и проходною рубкою предупреждается тѣснота насажденій, заглушенныя деревья выбираются, идутъ въ дѣло, а не пропадаютъ; немедленное облѣсеніе срубаемыхъ лѣсосѣкъ отстраняетъ потерю древеснаго прироста, которая неизбѣжна тамъ, гдѣ срубленныя площади остаются по нѣсколько лѣтъ впустѣ; бдительный присмотръ за лѣсами предотвращаетъ разнаго рода поврежденія и содѣйствуетъ тѣмъ лучшему росту деревъ; тщательная сортировка заготовляемаго лѣсного матеріала, обращая каждую лѣсину къ соотвѣтственному употребленію, дѣлаетъ ее цѣннѣе; проводимые удобнѣйшіе пути для перевозки древесины удешевляютъ вывозъ и тѣмъ поднимаютъ попенную цѣну и т. д. Но и доходность лѣсного хозяйства можетъ быть поднята только до нѣкоторой степени въ каждой мѣстности, не свыше извѣстныхъ границъ; притомъ возрастаніе валового дохода не всегда сопровождается возрастаніемъ и чистаго дохода, напротивъ, часто, съ увеличеніемъ валового дохода, уменьшается чистый,—даже случается, что съ увеличеніемъ валового дохода хозяйство становится убыточнымъ.

Извѣстный экономистъ Джонъ Стюардтъ Миль очень удачно сравниваетъ производительность почвы съ чрезвычайно эластичной лентой, которую трудно натянуть до того, чтобы уже никакой не было возможности увеличить ее въ длину еще нѣсколько. Сопротивленіе, оказываемое такою лентою, чувствуется съ самаго начала ея растяженія, но, по мѣрѣ приближенія ленты къ границамъ ея растяжимости, сопротивленіе бываетъ все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ, лента отъ дальнѣйшаго напряженія разрывается. Весьма сходное съ этимъ явленіе обнаруживаетъ и производительность почвы. По мѣрѣ большихъ трудовъ и капиталовъ, обращаемыхъ на почву, увеличивается и ея производительность, но чѣмъ ближе мы подходимъ къ предѣламъ высшей производительности, тѣмъ болѣе требуется усилій для достиженія успѣховъ, и наконецъ доходимъ до того, что никакое прибавленіе труда и капитала уже не въ состояніи увеличивать производительность почвы, идти далѣе этого предѣла нельзя, хозяйство становится убыточнымъ, невозможнымъ,— оно, какъ лента, обрывается.

Какъ эластичная лента отъ приложенія извѣстной силы вначалѣ легко вытягивается, положимъ, на вершокъ, а послѣ, съ прибавленіемъ еще такой же силы, удлиненіе ленты становится все менѣе и менѣе, такъ точно и доходность земли увеличивается не въ одинаковой пропорціи съ прибавляемыми на обработку ея трудомъ и капиталомъ, напротивъ, работа и капиталъ растутъ прогрессивно быстрѣе, чѣмъ достигаемый ими успѣхъ, или, иными словами: если работу и капиталъ на землю удвоить, то отъ этого доходъ отъ земли не будетъ вдвое бо̀льшій противу прежняго, нѣтъ, доходъ будетъ всегда меньше чѣмъ удвоенный, если только въ это время не послѣдовали новыя изобрѣтенія и усовершенствованія по части землеобрабатывающей. Такое непреложное правило легко себѣ уяснить, когда припомнимъ, что есть земли лучшія и земли худшія, не придавая названію лучшей земли лишь тѣсное значеніе того, что тамъ почва плодороднѣе, но принимая во вниманіе и мѣстоположеніе, удобство сбыта продуктовъ и прочія условія доходности, слѣдовательно, мы называемъ худшею землею ту, которая, при одинаковой тщательности и усиліяхъ обработки и ухода, съ потратою одного и того же количества и качества работы и капитала, даетъ намъ менѣе дохода, чѣмъ земля лучшая. Положимъ, что мы владѣемъ такой лучшей и худшей землею, каждой по 1,000 десятинъ, и до сихъ поръ вели хозяйство только на 1,000 десятинахъ лучшей земли, при чемъ каждогодняя наша затрата на хозяйство составляла 3,000 рублей, а валового дохода мы получали 5,000 руб. Теперь же мы задумали начать хозяйство и на нашихъ 1,000 десятинахъ худшей земли, желая и на нихъ выручать ежегодно по 5,000 руб. валового дохода. Положимъ мы и достигли своей задачи, но какой же потребовался для этого расходъ? Во всякомъ случаѣ, расходу потребовалось бы больше, чѣмъ 3,000 руб., употребляемыхъ на лучшей землѣ, — можетъ-быть, расходъ достигнулъ только до суммы 3,200, а, можетъ-быть, и до 3,500 или гораздо болѣе рублей.

Если бы можно было удвоенною затратою работы и капитала выручать отъ лучшей земли удвоенный валовой доходъ, то не было бы и надобности обрабатывать худшую землю, было бы выгоднѣе обратить двойную затрату на одну лучшую землю, ибо тогда въ нашемъ примѣрѣ съ расходомъ 6,000 руб. получили бы въ доходъ 10,000 руб., тогда какъ, сохраняя прежніе пріемы хозяйства на лучшей землѣ, съ прежнею же затратою въ 3,000 руб. и захватывая еще для хозяйства худшую землю, съ расходомъ въ 3,200 или 3,500 руб., мы съ обоихъ участковъ земли получимъ тотъ же валовой доходъ въ 10,000 руб., затративъ уже не 6,000, а 6,200 или 6,500 руб. Съ этимъ мы должны мириться, когда въ нашемъ распоряженіи нѣтъ болѣе лучшей земли, а есть только худшая земля, остававшаяся прежде бездоходною, теперь же доставляющая намъ чистаго дохода хотя и менѣе 2,000, но все-таки 1,800 или 1,500 руб.

Достигнуть на лучшей землѣ двойного валового дохода при удво-

енной затратѣ невозможно, потому, во-первыхъ, что въ этомъ случаѣ должно бы было допустить, что, съ прибавленіемъ на одну и ту же землю все большихъ и большихъ затратъ, возможно бы валовой доходъ увеличить до безконечно огромной величины,—что, очевидно, парадоксъ. Во-вторыхъ, въ этомъ случаѣ никто не сталъ бы обрабатывать худшія земли, а работалъ бы только на лучшихъ; между тѣмъ, въ дѣйствительности, разрабатываются не однѣ лучшія, но и худшія земли.

Исторія всѣхъ отраслей землеобрабатывающихъ хозяйствъ подтверждаетъ указанный нами экономическій фактъ. Какія же влечетъ онъ за собою послѣдствія? Это объяснимъ наглядно на примѣрѣ.

Въ помѣщаемомъ примѣрѣ выставленныя цифры, конечно, произвольно взятыя, а въ дѣйствительной жизни могутъ быть въ каждомъ частномъ случаѣ совершенно иныя, но какъ бы онѣ ни измѣнялись, характеръ ихъ результатовъ всегда будетъ одинъ и тотъ же, мѣняться будутъ только величины и сроки времени, сохраняя, конечно, то непремѣнное условіе, что валовые доходы возрастаютъ въ меньшей пропорціи, чѣмъ расходы. Мы взяли исходною точкою отправленія для затратъ на хозяйство по 2,000 руб., а имъ соотвѣтствующій валовой доходъ на лучшей землѣ 3,000, а на худшей землѣ 2,500 руб., при одинаковой величинѣ площади той и другой земли, такъ что чистый доходъ составился для лучшей земли 1,000, для худшей же 500 руб. По мѣрѣ же увеличиванія расходовъ, т. е. по мѣрѣ приданія хозяйству большей интензивности, въ нижепоказанной послѣдовательности, будутъ возрастать и валовые доходы, а вначалѣ и чистые.

На лучшей землѣ.				На худшей землѣ.			
Когда расходъ по хозяйству составлялъ:	то валовой доходъ былъ:	Достигнутъ:		Когда расходъ по хозяйству составлялъ:	то валовой доходъ былъ:	Достигнутъ:	
		чистый доходъ:	убытокъ:			чистый доходъ:	убытокъ:
2,000 р.	3,000 р.	1,000 р.	—	2,000 р.	2,500 »	500 р.	—
4,000 »	5,500 »	1,500 »	—	4,000 »	4,800 »	800 »	—
6,000 »	7,000 »	1,000 »	—	6,000 »	6,000 »	0	—
8,000 »	8,000 »	0	—	8,000 »	6,000 »	—	2,000 р.
10,000 »	8,200 »	—	1,800 р.	10,000 »	6,000 »	—	4,000 »
12,000 »	8,200 »	—	3,800 »	12,000 »	6,000 »	—	6,000 »

Изъ этой таблички видно, что при мѣстныхъ условіяхъ взятаго нами примѣра, до тѣхъ поръ, пока цѣны на производимые продукты земли не возвысятся, самая высшая степень интензивности нашего

хозяйства можетъ доходить до суммы затратъ въ 4.000 руб. Всякая затрата свыше этой суммы уменьшаетъ чистый доходъ и наконецъ поведетъ къ огромному убытку. Вслѣдствіе подобныхъ явленій происходитъ, что въ лѣсоводствѣ, такъ точно, какъ и въ земледѣліи, потрату на хозяйство бываетъ выгоднымъ, въ каждой мѣстности, увеличивать только до извѣстной степени, послѣ чего всякая прибавка къ расходу убыточна. Понятно, что когда цѣна на продукты пойдетъ на рынкахъ въ гору, то и интензивность хозяйства можетъ быть усилена; напримѣръ, если бы въ нашемъ примѣрѣ цѣны на продукты возросли въ $1^1/_2$ раза, чрезъ что мы выручили бы во столько же разъ возвышенный доходъ, то и интензивность нашего хозяйства можно было-бы увеличить на лучшей землѣ до годового расхода въ 6,000 руб., ибо тогда валовой доходъ достигъ бы до 10,500 руб., а чистый доходъ дошелъ бы до высшаго предѣла въ 4500 р.; на худшей же землѣ, при такомъ же подъемѣ цѣнъ на продукты, интензивность хозяйства не должна бы переходить за сумму расхода въ 4,000 руб., ибо при этой затратѣ валовой доходъ достигъ бы до 7,200 руб., а чистый до 3,200 руб.,—тогда какъ съ увеличеніемъ затратъ до 6,000 руб. валовой доходъ хотя и возвысился бы до 9,000 руб., но чистый доходъ уменьшился бы до 3,000 руб.

Этимъ объясняется, почему и у насъ въ Россіи, пока мы еще имѣли въ наличности чрезвычайный избытокъ въ землѣ, которую можно было обращать въ поля, и когда было также много, въ доступныхъ для вывоза мѣстахъ, неистощенныхъ и даже вовсе не эксплоатируемыхъ лѣсовъ, до тѣхъ поръ было совершенно вѣрнымъ избѣгать всякое увеличиваніе затратъ на одну и ту же площадь земли, занятую подъ хозяйство, и было выгоднѣе обращать свободныя для хозяйственныхъ затратъ средства на вновь захватываемыя свободныя земли и лѣса. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ, при затратахъ въ 2,000 рублей, мы получали бы на лучшей землѣ чистаго дохода 1,000 рублей, и когда бы у насъ оказались свободные на ежегодную затрату по хозяйству еще 4,000 руб., то, прибавляя эту сумму къ прежнимъ затратамъ на хозяйство въ занятомъ до сего времени участкѣ лучшей земли, мы получили бы чистаго дохода 1,000 руб., тогда какъ, не измѣняя хозяйство на прежнемъ лучшемъ участкѣ, а захвативъ подъ хозяйство имѣющійся у насъ пустопорожній участокъ худшей земли, но занимающій вдвое бо́льшую площадь, и затрачивая на него наши свободные 4,000 руб., мы выручали чистаго дохода отъ него 1,200 руб. и на прежнемъ лучшемъ участкѣ 1,000 руб., т. е. всего 2,200 руб., что, конечно, выгоднѣе. По мѣрѣ же того, какъ избытокъ въ землѣ и лѣсахъ исчезалъ, а потребность въ продуктахъ земли возрастала, нельзя уже было цѣпко держаться прежняго рутиннаго хозяйства, а пришла пора усилить интензивность его, чтобы извлекать все бо́льшіе и бо́льшіе доходы. Русскому лѣсоводству нельзя оставаться при прежнихъ стародавнихъ порядкахъ, ему нужно переходить къ болѣе раціональному

хозяйству, но переходить осторожно, обдумывая каждый шагъ въ каждой изъ чрезвычайно разнообразныхъ, по экономическому положенію, мѣстностей, до какой степени возможно тамъ, безъ убытковъ, поднять интензивность хозяйства. Вѣрное рѣшеніе предстоящихъ задачъ требуетъ широкаго знанія всѣхъ условій, вліяющихъ на успѣхи лѣсного хозяйства, и полнаго знакомства съ его характерными особенностями. На спеціалистахъ лѣсного дѣла лежитъ святая обязанность служить цѣлямъ своего родного края и трезво понимать нужды его; вѣдь наука и опытъ облекаютъ своихъ адептовъ во всеоружіе знанія.

Оглавленіе.

Опечатки.

				Напечатано:	Должно читать:
Страница	57,	строка	23 сверху	„пожирала хвою свою“	„пожирала хвою“
„	104,	„	4 „	„а въ 1860 г.“	„а въ 1836 г.“
„	122,	„	21 „	„пока въ 1867 г.“	„пока въ 1857 г.“
„	161,	„	23 „	„заказчики“	„заказники“
„	164,	„	13 снизу	„который“	„которой“
„	225,	„	6 и 5 „	„цѣны не за срубаемый“	„цѣны же за срубаемый“
„	229,	„	8 сверху	„лиственные“	„лиственничные“
„	280,	„	2 снизу	„Клицъ“	„Кницъ“
„	372,	„	17 сверху	„Малыгинъ“	„Мальгинъ“

50р

